

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2015 № 4 (64) Т. 2

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Пищица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки, отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Бибило В. Н. – д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гудов А. М. – д-р физ.-мат. наук, доц., КемГУ (Кемерово, Россия).
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).
Исмаилов З. Р. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИУХМ СО РАН (Кемерово, Россия).
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Клочко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).
Лушникова Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Черненко Т. Г. – д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2015 № 4 (64) Vol. 2

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

---

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library, Executive Editor Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).
Z. R. Ismagilov – Dr. of Chemistry, Prof., Institute of Coal Chemistry and Materials Chemistry at the Siberian Branch of RAS (Kemerovo, Russia).
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
A. V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Founder Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ПЕДАГОГИКА

- 7 **Бойкова И. В.** Специфика и педагогические условия формирования культуры самостоятельной работы студентов техникума
- 12 **Галаганова Е. З., Галаганова Л. Е.** Бренд города и современные педтехнологии в туризм-образовании
- 18 **Емельянова О. В., Емельянов Ю. П.** Акмеологический подход к подготовке управленческих кадров (на примере Президентской программы подготовки управленческих кадров)
- 21 **Ефремова А. О.** Модель социально-культурного проектирования и продвижения детских образовательных программ в деятельности музеев
- 26 **Жуков Р. С., Копыткова Н. В., Шаньшина Г. А.** Сочетание индивидуального и дифференцированного подходов на уроках физической культуры в начальной школе
- 31 **Занковец В. Э., Попов В. П.** Контроль координационных способностей хоккеистов
- 36 **Занковец В. Э., Попов В. П.** Педагогический и биохимический контроль соревновательной и тренировочной деятельности в хоккее
- 40 **Ивко И. А., Чусовитина О. М., Швецова Е. И.** Развитие физических качеств у детей 5 – 6 лет посредством комплекса упражнений с элементами хатха-йоги
- 45 **Ковишур Т. Е.** Соотношение нагрузки в подготовительном периоде у студентов-спортсменов, занимающихся спортивной аэробикой в неспециальном вузе
- 51 **Коноплянский Д. А.** Организация образовательного пространства и ее роль в обеспечении конкурентоспособности выпускника вуза
- 55 **Коноплянский Д. А.** Педагогический инструментарий реализации педагогической стратегии формирования конкурентоспособности выпускника вуза
- 58 **Костарев С. В.** Организационно-деятельностные ресурсы современных педагогических технологий в формировании готовности будущих офицеров к профессиональной деятельности
- 61 **Крымская И. А.** Подготовка руководителей профессиональных образовательных организаций к образовательному нормотворчеству
- 65 **Михайлова А. Г.** Формирование профессионально-творческих способностей будущих инженеров в рамках дуального подхода
- 69 **Муртазина Л. Р.** О некоторых вопросах преподавания татарского языка в РТ на современном этапе
- 73 **Немов Я. Н.** Синергетический подход как новая педагогическая парадигма воспитания работников ФСИН России
- 77 **Сафонова В. Ю.** Нестандартные задачи по математике в системе работы с обучающимися 8 класса

PEDAGOGICS

- 7 **I. V. Boikova.** Specificity and pedagogical conditions of forming the culture of self-dependent work in college students
- 12 **E. Z. Galaganova, L. Y. Galaganova.** City brand and contemporary technologies in educational tourism
- 18 **O. V. Emelianova, Yu. P. Emelianov.** Acmeological approach to training managers (the Presidential Programme of training managers Case study)
- 21 **A. O. Efremova.** The model of socio-cultural design and promotion of children's educational programmes in museums
- 26 **R. S. Zhukov, N. V. Kopytkova, G. A. Shanshina.** Combination of individual and differentiated approaches at physical training lessons in elementary school
- 31 **V. E. Zankovets, V. P. Popov.** Hockey players coordination abilities control
- 36 **V. E. Zankovets, V. P. Popov.** Structure of competitive activity and the level of special endurance in professional hockey assessment
- 40 **I. A. Ivko, O. M. Chusovitina, E. I. Shvetsova.** The development of physical qualities in children aged 5 – 6 years old through a range of exercises with elements of hatha yoga
- 45 **T. E. Kovshura.** Load ratio in the preparatory period of training students-athletes engaged in sports aerobics at non-special higher education institutions
- 51 **D. A. Konoplyansky.** Organization of educational space and its role in providing higher school graduates' competitiveness
- 55 **D. A. Konoplyansky.** Teaching tools for implementing the pedagogical strategy of higher school graduates' competitiveness formation
- 58 **S. V. Kostarev.** The organizational and activity resources of modern pedagogical technologies in the formation of future officers' readiness for their professional activity
- 61 **I. A. Krimovskaya.** Training on educational rulemaking for leaders of professional educational organizations
- 65 **A. G. Mikhaylova.** The development of future engineers' professional and creative abilities in the context of dual approach
- 69 **L. R. Murtazina.** On some issues of teaching the Tatar language in the Republic of Tatarstan at the present stage
- 73 **Ya. N. Nемов.** A synergistic approach as a new pedagogical paradigm of educating the staff of the Federal penitentiary service of Russia
- 77 **V. Yu. Safonova.** Non-standard mathematical problems in the system of teaching 8th-grade students

- 80 **Сахарова В. И.** Формирование исследовательской компетентности педагога в процессе повышения квалификации
- 83 **Солодова Г. Г., Галаганова Л. Е., Чурекова Т. М.** Структура и содержание вузовского курса «педагогика» в эпоху социальных перемен»
- 91 **Свинаренко В. Г., Козырева О. А.** Подготовка бакалавров к организации научного исследования в модели современного образования
- 95 **Чурекова Т. М., Шабанова Е. В.** Категория «духовно-нравственная позиция» в системе научного знания
- 99 **Чурекова Т. М., Штогрин Е. Н.** Критерии и уровни сформированности нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 103 **Ахматнурова С. Ф.** Проблема межгруппового восприятия сторонников власти и оппозиции
- 107 **Золотарева Е. В.** Процессы криминализации в Российской Федерации как политическая проблема
- 111 **Карпова А. И.** Диверсификация медиаконтента в российских медиахолдингах на примере «РБК», «Газпром-медиа», «Национальной медиа группы»
- 116 **Левкина Л. И.** Методология создания единого смыслового социально-коммуникативного пространства
- 124 **Левкина Л. И.** Свобода информации и развитие демократии в Европе и России в XVI – XIX вв.
- 136 **Митин А. А.** Исследования молодёжной проблематики в современной России: рецепция зарубежных теоретико-концептуальных подходов
- 141 **Шапкина Е. В.** Опыт избирательного процесса и избирательной кампании в регионе

ФИЛОСОФИЯ

- 147 **Аксенова А. А.** Понятие объекта у Г. Фреге, Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна
- 150 **Володина О. В.** Ноосферно-антропокосмическая направленность решения глобальных проблем
- 153 **Гаврилов Е. О.** Религиозная новация как презентант и фактор социальной динамики
- 160 **Казаков Е. Ф.** Человек между «всё» и «ничто»
- 165 **Осина Э. Ю.** Концепция «эпистемологического разрыва» в работах Л. Альтюссера
- 168 **Типикина Л. П.** Русская музыка рубежа XIX – XX вв. как выражение души русской культуры

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 172 **Балаян Э. Ю.** Проблемные аспекты конституционно-правового статуса личности в современном государстве
- 176 **Бобринев Р. В.** К вопросу о происхождении налогов и налогообложения
- 182 **Вернов А. С.** Проблема организации и функционирования советской прокуратуры в отечественной историко-правовой науке

- 80 **V. I. Sakharova.** The formation of teachers' research competence in the process of qualification improvement
- 83 **G. G. Solodova, L. E. Galaganova, T. M. Churekova.** Structure and contents of the higher school course on «Pedagogy» in the epoch of social changes
- 91 **V. G. Svinarenko, O. A. Kozyreva.** Training Bachelor's Degree students to do scientific research in the modern model of education
- 95 **T. M. Churekova, E. V. Shabanova.** The category of “moral position” in the system of scientific knowledge
- 99 **T. M. Churekova, E. N. Shtogrina.** Criteria and levels of formation of junior schoolchildren's moral attitude to community work as a common human value

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 103 **S. F. Akhmatnurova.** Intergroup perception of authorities and political opposition supporters
- 107 **E. V. Zolotareva.** Processes of criminalization in the Russian Federation as a political problem
- 111 **A. I. Karpova.** Diversification of media content in Russian media companies: the example of RBC Holding, Gazprom-Media and National Media Group
- 116 **L. I. Levkina.** Methodology for creating the unified conceptual socio-communicative space
- 124 **L. I. Levkina.** The freedom of information and the democracy development in Europe and Russia in the 16th – 19th centuries
- 136 **A. A. Mitin.** Researches of the youth perspective in modern Russia: reception of foreign theoretical-conceptual approaches
- 141 **E. V. Shapkina.** The experience of the electoral process and the election campaign in the region

PHILOSOPHY

- 147 **A. A. Aksyonova.** The concept of object in the works of G. Frege, E. Husserl and L. Wittgenstein
- 150 **O. V. Volodina.** Noospheric and anthropocosmic vector of solving global problems
- 153 **E. O. Gavrilov.** Religious innovation as an indicator and factor of social dynamics
- 160 **E. F. Kazakov.** Man between “everything” and “nothing”
- 165 **E. Yu. Osina.** The concept of “epistemological break” in Louis Althusser's works
- 168 **L. P. Tipikina.** Russian music of the turn of the 19th – 20th centuries as the expression the soul of the Russian culture

JURISPRUDENCE

- 172 **E. Yu. Balayan.** Problem facets of the constitutional and legal status of an individual in the modern State
- 176 **R. V. Bobrinev.** On the origin of taxes and taxation
- 182 **A. S. Vernov.** The problem of organization and functioning of the Soviet Prosecutor's Office in the Russian historical and legal science

- 186 **Вернов А. С.** Прокуратура и партийно-государственная система Западной Сибири: проблемы политического взаимодействия и общего надзора
- 191 **Волков Н. А., Волков Д. Н.** Зарождение института региональных уполномоченных по правам человека в новейшей истории России (1994 – 2004 гг.)
- 196 **Гааг И. А.** Некоторые проблемы диспозиции принуждения к даче показаний
- 200 **Гааг И. А., Куприянова Е. Н.** Правосудие как объект уголовно-правовой охраны
- 205 **Гаврилова А. В.** Взаимодействие должностных лиц региональной прокуратуры с административными и судебными учреждениями Тобольской и Иркутской губерний в контексте реализации надзорной функции (конец XVIII – начало XIX вв.)
- 211 **Гнедина М. А.** Этапы развития самоуправления в России: историко-правовой аспект
- 214 **Гулиева Н. Б.** Честь, достоинство и репутация как объекты уголовно-правовой охраны
- 217 **Гунин Е. М., Бахышов Р. Д.** Об особенностях правового положения и деятельности обществ взаимного страхования
- 221 **Драпезо Р. Г., Юркевич Н. А.** Проблемы проведения проверочных мероприятий и возбуждения уголовного дела по убийствам, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления
- 228 **Кадашева Е. А.** Перевод в более строгие условия отбывания наказания в виде лишения свободы как правовое последствие признания осужденного злостным нарушителем
- 231 **Комиссарова Е. Л.** Формы участия граждан в правотворчестве современной России
- 237 **Лисина Н. Л.** Современное состояние и проблемы окружающей среды в городах
- 242 **Разыграева Е. Н.** Криминальные банкротства: вопросы определения субъектного состава
- 245 **Терентьева В. А.** Нравственно-психологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, как основание освобождения от уголовного наказания
- 249 **Терентьева В. А., Масалитина И. В.** Возрастные особенности личности несовершеннолетних как основание освобождения от уголовного наказания
- 253 **Хорошилова О. С.** Покушение на преступление и фактическая ошибка
- 256 **Черненко Т. Г., Наумов А. А.** Причинная связь в преступлениях, предусмотренных в статьях 143, 216 уголовного кодекса Российской Федерации
- 261 Правила для авторов журнала
- 263 Подписка на «Вестник КемГУ»
- 186 **A. S. Vernov.** Prosecutor's Office and the party-state system of Western Siberia: the problem of political cooperation and general supervision
- 191 **N. A. Volkov, D. N. Volkov.** The emergence of the institute of regional Commissioners for Human Rights in the recent history of Russia (1994 – 2004)
- 196 **I. A. Gaag.** Some problems of the disposition of testimonial compulsion
- 200 **I. A. Gaag, E. N. Kupriyanova.** Justice as an object of criminal law protection
- 205 **A. V. Gavrilova.** The interaction of the officials of the regional Prosecutor's Office with administrative and judicial institutions of Tobolsk and Irkutsk provinces in the context of the implementation of the oversight function (late 18th – early 19th centuries)
- 211 **M. A. Gnedina.** Stages of self-government development in Russia: historical and legal aspects
- 214 **N. B. Guliyeva.** Honour, dignity and reputation as objects of criminal law protection
- 217 **E. M. Gunin, R. D. Bahyshov.** About the peculiarities of the legal status and activities of mutual insurance societies
- 221 **R. G. Drapezo, N. A. Yurkevich.** The problem of verification activities and criminal prosecution for murder where the fire acts as a means (method) of concealing the crime
- 228 **E. A. Kadaneva.** Transfer into more severe conditions of serving the penalty of deprivation of liberty as a consequence of legal recognition of the convict as a repeat infringer
- 231 **E. L. Komissarova.** The forms of citizens' participation in the law-making in modern Russia
- 237 **N. L. Lisina.** Current status and problems of the urban environment
- 242 **E. N. Razygraeva.** Criminal bankruptcy: issues of subject matter determination
- 245 **V. A. Terentieva.** Moral and psychological characteristics of a juvenile offender's personality as the base for application of the exemption from punishment
- 249 **V. A. Terentieva, I. V. Masalitina.** Age characteristics of the personality of juveniles as the grounds for exemption from criminal punishment
- 253 **O. S. Khoroshilova.** The attempt at crime and the factual error
- 256 **T. G. Chernenko, A. A. Naumov.** Causality in the offences under Articles 143 and 216 of the Criminal Code
- 261 Information and instructions for authors
- 263 Subscribe to Bulletin of KemSU

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.1; 371.3

СПЕЦИФИКА И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ТЕХНИКУМА*И. В. Бойкова*SPECIFICITY AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMING THE CULTURE
OF SELF-DEPENDENT WORK IN COLLEGE STUDENTS*I. V. Boikova*

В статье описана возможность формирования культуры самостоятельной работы студента техникума в модели формирования компетенций и продуктивного изучения курсов и дисциплин, определяемых ФГОС СПО в системе формирования общих компетенций (ОК) и профессиональных компетенций (ПК). Специфика постановки качества формирования продуктивных составляющих профессионального знания лежит в плоскости самостоятельной верификации возможности определения и решения задач развития личности и производственных отношений.

The paper describes the possibility of building a culture of self-dependent work of college students in the model of competences and productive studying of the courses and disciplines determined by the Federal state educational standard of secondary vocational education in the formation of General competences (GC) and professional competences (PC). The specifics of setting the quality of formation of the productive components of professional knowledge lies in the scope of independent verification opportunities for identifying and solving the problems of personality development and working relations.

Ключевые слова: педагогическое моделирование, педагогическая методология, культура самостоятельной работы личности.

Keywords: pedagogical modeling, teaching methodology, personal culture of self-dependent work.

Современное воспитательно-образовательное пространство в структуре детерминации и визуализации возможностей адаптивного и профессионального знания решает ряд проблем и противоречий развития личности обучающегося и общества, системно регламентирующих возможности поликультурного пространства в определении основ и свойств, качеств и возможностей реализуемых идей развития личности и непрерывного профессионального образования в полидетерминированных, многофункциональных социально-образовательных и культурно-исторических отношениях.

Самостоятельная работа как форма и метод, ресурс и условие развития личности и системы социально-профессиональных отношений является уникальным продуктом педагогической практики и педагогической мысли, продолжающая идеи востребованности и гибкости развития личности обучающегося в модели поликультурного образования.

Одной из работ определяющих самостоятельную работу в современной практике подготовки бакалавров является работа [7], ее ресурсы и возможности детерминированы и систематизированы в формировании методологической грамотности будущих бакалавров профессионального обучения в вузе. Другой работой в модели определения самостоятельной работы обучающегося как продукта современного образования является научная статья [3], раскрывающая специфику и потребности организации самостоятельной работы в системе современного образования обучающихся.

Соединение двух понятий «самостоятельная работа» и «культура» [2] в закономерной практике описания культуры как продукта развития общества и личности в системном толковании педагогических

процессов и возможностей верификации качества педагогической деятельности определило понятие «культура самостоятельной работы», первое определение которого появилось в работах О. А. Козыревой (1997). Таким образом, качество происходящих изменений в описании и определении возможностей самостоятельной работы могут быть проиллюстрированы с появлением феномена «культура самостоятельной работы».

Выделим приоритеты моделирования понятийного аппарата исследования, возможности использования термина «культура самостоятельной работы», обозначим возможности педагогического моделирования в определении и визуализации качества измерения тех или иных составных профессионально-педагогической деятельности, верифицирующей устойчивое развитие личности в модели непрерывного профессионального образования, звеном которого является техникум.

Совершенствование качества самостоятельной работы обучающихся в системе среднего и высшего профессионального образования определило понятие и явление «культура самостоятельной работы», из работ [13; 24 – 27] можно выделить специфику и нюансы определения возможностей формирования культуры самостоятельной работы в модели педагогической технологии [13; 14], в модели использования методов обучения и развития личности [26], в модели формирования потребности в научно-педагогическом исследовании [27] и саморазвитии личности [25; 27], в модели верификации качества профессионально-педагогической деятельности [25], в модели педагогической рефлексии [6], в модели анализа и статистической обработки данных востребованности культуры самостоятельной работы [24], в модели включения

личности в социально и профессионально значимую деятельность [2 – 8; 11 – 12; 18 – 22] и пр.

Специфика уточнения и определения понятия «культура самостоятельной работы» непосредственно связана с направлением подготовки и ступенью профессионального образования, реализующего в современной школе возможности формирования совокупности детерминируемых ФГОС компетенций как резерва и продукта практики развития личности в системе образования и поликультурных измерениях, оптимизирующих возможности личности и общества в продуцировании и распределении создаваемых продуктов.

Культура самостоятельной работы (КСР) в определении практики верификации качества определения и решения задач саморазвития и самореализации отражается в подготовке студентов вузов и педагогов, включенных в систему непрерывного профессионального образования, возможности такой практики описаны в работах В. П. Зубанова, О. А. Козыревой, С. В. Ковалова, В. Г. Свиначенко, С. М. Редлиха, Е. Ю. Шварцкопф и др. [11 – 17; 24 – 27], особенности определения термина «культура самостоятельной работы» могут быть проанализированы из работ [1 – 8; 11 – 27].

Качество реализуемых условий формирования КСР личности в системе профессионального образования определяется в контексте соблюдения и принятия идей гуманизма и нормального распределения способностей обучающегося, верифицирующего единство адаптивного и профессионального знания в структуре поиска оптимальных решений воспроизводства социально-профессиональных отношений. В системе высшего профессионального образования подготовка личности к организации самостоятельной практики осуществляется в различных направлениях, в том числе и научно-педагогическом исследовании [27].

В структуре общеобразовательной практики формирования КСР определяется портфолио обучающегося как продукт инновационного обучения и образования, фасилитирующий визуализаций качества сформированности КСР обучающегося, его возможности определяются ситуативно, системно формируется потребность разделения адаптивного знания и неадаптивного (самостоятельно добываемого и преломляемого через призму социально-образовательного опыта и практики становления личности обучающегося). В практике работы будущих педагогов данная форма широко распространена в структуре участия обучающихся в ежегодной научно-практической конференции обучающихся средних общеобразовательных школ, лицеев, гимназий, детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских спортивных школ олимпийского резерва «Портфолио как итог формирования культуры самостоятельной работы обучающегося» (проводится на факультете физической культуры, НФИ КемГУ), на которой принимают участие все желающие обучающиеся, будущие педагоги по физической культуре активно включают обучающихся в такую деятельность [16; 18 – 19].

В структуре среднего профессионального образования формированию КСР личности также уделяют должное внимание, в данном направлении можно выделить различные виды и практику определения и решения задач качественного формирования КСР обучающегося техникума. В определении возможностей и

специфики детерминации понятия «культура самостоятельной работы» нами опубликованы работы [1; 6], ресурсная и дидактико-гносеологическая база визуализации особенностей такой практики не может быть целиком и полностью закреплена только за выделенными в данных работах определениями, все изменения в обществе влекут за собой изменения и в системе профессионального образования, а продукты и лица, получающие образование в современном воспитательно-образовательном пространстве, изменяют и социально-профессиональные отношения и среду, создавшую условия для их развития и профессионального становления.

Под культурой самостоятельной работы студента техникума (обучающегося техникума) будем понимать многомерное явление, определяемое нами через следующие составляющие профессионально-педагогического знания:

- процесс ситуативной, личностно и педагогически прогнозируемой и корректируемой верификации и дополнения общеучебных знаний, умений, навыков и компетенций, фасилитирующих обучающемуся среднего профессионального образования (СПО) возможность поиска, применения и модификации личностно, социально и профессионально значимых решений оптимизируемых противоречий и задач в микро-, мезо- и макроструктурах и масштабах, определяемый в современной практике ФГОС СПО (федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования) через качество формирования общих компетенций (ОК);

- продукт самоидентификации, самореализации, саморазвития и самосовершенствования, обеспечивающий обучающемуся СПО полноценное включение в социальные и профессиональные отношения, роли и качества, соблюдения всех граней морально-этических, материально-правовых и акмеолого-деятельностных основ полисубъектного поля, данная составная определяется через качество формирования профессиональных компетенций (ПК);

- механизм самосохранения и личности, и целостной, синергетически регулируемой ноосферы, предопределяющей возможность и качество развития и эволюции всех составляющих антропосреды, оптимизирующих возможности системы и, как следствие, жизнеспособность и востребованность, конкурентоспособность и гибкость, креативность и продуктивность деятельности личности в микро-, мезо-, макро- и мегамасштабах, данная составная определяется через возможность самореализации личности в социальном и профессиональном ракурсах становления, в данной практике ведется учет адаптивной и профессиональной составляющих;

- условие продуктивной самодетерминации, самореализации и самосовершенствования личности, включенной в межличностные, межгрупповые социальные и профессиональные отношения, обеспечивающие обучающегося СПО своевременным и оперативным ситуативно пополняемым багажом знаний, умений, навыков, компетенций, способов умственных действий и других категориальных единиц современной дидактики и теории управления, определяющих и корректирующих возможности получения непрерывного образования в условиях соблюдения приорите-

тов адаптивного (инклюзивного) и акме педагогического ракурсов сравнения и верификации определяемых резервов общества и развивающейся личности.

Совокупность четырех вышеперечисленных детерминаций понятия «культура самостоятельной работы обучающегося техникума» определяет направление исследования качества ее сформированности в разрезе детерминации и верификации программно-педагогического обеспечения учебно-воспитательно-го процесса, возможности моделирования и апробации технологии педагогического взаимодействия, фасилитирующей работу педагога по постановке и решению задач современного образования и продуктивной самореализации личности студента СПО как условия его дальнейшей конкурентоспособности и профессионального роста [1].

В структуре описания возможностей формирования КСР обучающегося [5; 12; 16 – 21; 23] и педагога [7 – 8; 11; 13 – 15; 24 – 27] определяют систему принципов формирования КСР, педагогические условия формирования КСР, технологию формирования КСР и технологию диагностики сформированности КСР. Выделим поэтапно все элементы данной системы для обучающегося техника и проиллюстрируем возможность уточнения качества сформированности КСР.

Система принципов формирования КСР обучающегося техника:

1. Принцип формирования научной картины мира и гуманистической основы социально-профессиональных отношений:

- принцип последовательности, системности, систематичности в постановке и решении задач развития и формирования личности;

- принцип целостности и уникальности в решении задач и условий саморазвития и самореализации личности;

- принцип наглядности, прочности, своевременности в формировании качеств, ценностей, компетенций;

- принцип единства цели и ценностей, теории и практики, деятельности и сознания, закона и следствий;

- принцип единства всех категорий современного педагогического (профессионально-педагогического) знания;

- принцип доступности и достаточности в формировании общих (общеучебных) и профессиональных компетенций обучающегося;

- принцип культуросообразности и природосообразности современного профессионального образования;

- принцип оптимизации всех звеньев целостного педагогически верифицируемого процесса.

2. Принцип единства всех формируемых компетенций в структуре подготовки обучающегося системы СПО:

- принцип единства формирования, обобщения, систематизации, детализации, верификации и модификации знаний, умений, навыков, компетенций;

- принцип востребованности и пополняемости формулируемых ЗУН-ов и компетенций;

- принцип личностной ориентации и профессиональной востребованности предлагаемых решений и задач НТП, гуманистической основы становления современного специалиста и его самореализации и

самоутверждения в профессиональной, социальной и личностной сферах;

- принцип своевременности социализации и самореализации личности.

3. Принцип самостоятельности и востребованности формируемых и развиваемых качеств, ценностей и ценностных ориентаций, компетенций и моделей познания в структуре профессиональной подготовки личности обучающегося и педагога:

- принцип повышения роли и возможностей самостоятельной работы обучающегося в формировании компетенций и культуры самостоятельной работы;

- принцип формирования ответственности, трудолюбия, патриотизма и рационализации всех звеньев поиска решений субъектно-средовых и мультикультурных противоречий;

- принцип включенности личности обучающегося СПО в систему экономического развития региона и страны.

4. Принцип качественного формирования культуры самостоятельной работы личности и, как следствие, профессиональной культуры специалиста:

- принцип единства общей, коммуникативной и профессиональной культуры;

- принцип оптимизации подготовки обучающегося СПО в структуре востребованности и востребованности навыков и компетенций фиксации информации;

- принцип личностного определения форм и методов, условий и тенденций формирования культуры самостоятельной работы обучающегося СПО.

5. Принцип профессионального самоопределения, саморазвития и самореализации в структуре подготовки будущего специалиста в системе СПО:

- принцип оптимального профессионального самоопределения личности обучающегося;

- принцип позитивного профессионального самовыражения и профессионального самоутверждения личности;

- принцип продуктивной социализации и самореализации личности обучающегося СПО в учебно-профессиональной деятельности.

6. Принцип учета нормального распределения способностей обучающихся в постановке и решении задач профессионального становления специалиста (обучающегося СПО):

- принцип учета индивидуальных особенностей обучающихся;

- принцип учета элементов модели экономического развития «спрос – предложение»;

- принцип качественной подготовки к профессионально-трудовым отношениям;

- принцип пропаганды здорового образа жизни и продуктивной самореализации, самосовершенствования и саморазвития личности;

- принцип модификации программно-педагогического обеспечения учебного, учебно-воспитательного, учебно-образовательного, учебно-тренировочного и пр. процессов в системе СПО в соответствии с уточняемыми противоречиями субъектно-средового генеза (хочу – могу – надо – есть).

7. Принцип оптимального и своевременного включения личности обучающегося СПО и специалистов, получающих профессиональное образование, а также проходящих профессиональную переподготовку

ку или повышение квалификации, в систему непрерывного профессионального образования.

Продуктивная самореализация обучающегося техникума – это уникальная, процессуально-деятельностная характеристика, визуализирующая возможности самостоятельного продуцирования благ и ценностей, средств и ресурсов в структуре выполнения трудовых функций и условиях подготовки к профессиональной деятельности.

Продуктивная социализация обучающегося техникума – это процесс детерминации и визуализации востребованности продуктов деятельности обучающегося техникума, а также принятие его через результаты учебной и производственной практики.

В основу построения определения понятия «технология формирования культуры самостоятельной работы обучающегося техникума» заложим работы [13; 25; 27], фасилитирующие восприятие и решение задач моделируемого явления, системно сводимого к выбору педагогических средств и методов, определяющих достижение поставленной цели педагогической деятельности.

Под технологией формирования культуры самостоятельной работы обучающегося техникума будем понимать личностно-профессиональный ресурс поиска и верификации оптимальных условий, форм, методов и средств продуцирования благ и ценностей в самостоятельном уточнении и решении субъектно-средовых и мультикультурных противоречий, целостно визуализирующих возможности оптимизации качества использования репродуктивного и продуктивного обучения в системе среднего профессионального образования, где выбор цели, методов и средств обучения и самостоятельной работы определяется ФГОС СПО и детерминируемыми общими и профессиональными компетенциями.

Под технологией диагностики сформированности культуры самостоятельной работы обучающихся техникума будем понимать педагогическое средство оценки сформированности возможностей культуры самостоятельной работы обучающегося СПО в повышении качества самостоятельной работы и продук-

тивного самовыражения и самореализации личности, продуктивного саморазвития и продуктивного самосовершенствования в решении задач современного обучения и профессиональной практики.

В структуре анализа сформированности КСР обучающихся СПО выделим компоненты, критерии и показатели в следующей системе детерминируемых единиц: компоненты формирования КСР обучающегося техникума (обучающегося СПО) – личностный, профессиональный, социальный; критерии сформированности КСР обучающегося техникума (обучающегося СПО) – продуктивность, гибкость, креативность; показатели сформированности КСР обучающегося техникума (обучающегося СПО) – качество формирования компетенций обучающегося техникума, востребованность специалиста, конкурентоспособность специалиста, рейтинговая оценка специалиста по уровню и профилю подготовки.

Необходимость учета методологии педагогического исследования [27] и модификации программно-педагогического обеспечения учебного процесса, детерминированного и оптимизированного в соответствии с запросами общества и личности, качеством и возможностями самоидентификации, самореализации и самосовершенствования субъекта ведущей деятельности и культуры, определяют перспективы нашей дальнейшей работы – разработка и уточнение программно-педагогического обеспечения дидактических курсов для обучающихся техникума в модели повышения качества и возможностей самостоятельной работы студентов, культуры самостоятельной работы личности, профессиональной востребованности, учета норм и возможностей и личности, и среды в ресурсах верификации качества учета и соблюдения нормального распределения способностей студентов, уточнения технологии формирования культуры самостоятельной работы обучающегося техникума, фасилитирующей получение оптимально высокого результата сформированности культуры самостоятельной работы студента СПО и, как следствие, обеспечение должного качества образования в учреждении среднего профессионального образования.

Литература

1. Бойкова И. В. Некоторые аспекты детерминации понятия «культура самостоятельной работы» в ресурсах профессионального педагогического знания // Эволюция научной мысли: сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 92 – 94.
2. Бойкова И. В., Козырева О. А. Культура как продукт развития общества и личности (педагогический компонент) // Актуальные проблемы науки на современном этапе развития: сб. стат. Междун. науч.-практ. конф. Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. С. 25 – 27.
3. Бойкова И. В., Козырева О. А. Самостоятельная работа обучающегося как продукт современного образования // Наука и образование: проблемы и тенденции развития: матер. Межд. науч.-практ. конф. Уфа: РИО ИЦИПТ, 2014. С. 23 – 24.
4. Бойкова И. В., Юдинцева П. В. Некоторые возможности построения педагогического взаимодействия в системе среднего профессионального образования // Перспективы модернизации современной науки: сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. Уфа: Омега Сайнс, 2015. С. 105 – 107.
5. Бойкова И. В., Юдинцева П. В. Некоторые возможности формирования культуры самостоятельной работы в системе среднего профессионального образования // Динамика развития современной науки: сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. Уфа: Омега Сайнс, 2015. С. 150 – 151.
6. Бойкова И. В. Некоторые возможности педагогического моделирования в уточнении качества формирования и сформированности культуры самостоятельной работы // Евразийский союз ученых. 2014. № 7. Ч. 6. Совр. концепции науч. исследований. Пед. науки. С. 28 – 30.
7. Бойкова И. В., Авдеев М. О., Монахов М. С. Качество и возможности детерминации основ педагогического взаимодействия в структуре изучения курса «Теоретическая педагогика» // Современная педагогика. 2015. № 6.

8. Бойкова И. В., Чорный И. В., Аксенова А. Н. Некоторые особенности детерминации понятий «социализация» и «самореализация» в ресурсах подготовки будущего тренера по тайскому боксу // Современная педагогика. 2015. № 7.
9. Ваганова Н. С. Самостоятельная работа как путь формирования методологической грамотности будущих бакалавров профессионального обучения в вузе // Вестник ТГПУ. 2015. № 1(154). С. 33 – 37.
10. Галынская Е. Н., Казин Э. М., Богданова Л. А. Формирование культуры здоровья обучающихся // Профессион. образ. в России и за рубежом. 2015. № 1(17). С. 47 – 52.
11. Зубанов В. П., Чаплыгин С. В., Бойкова И. В. Специфика реализации идей гуманизма в организации педагогического взаимодействия в образовательном учреждении // Научный взгляд на современное общество: сб. ст. Междун. науч.-практ. конф. Уфа: Омега Сайнс, 2015. С. 73 – 75.
12. Кирьянов М. И., Бойкова И. В., Зубанов В. П. Некоторые нюансы воспитания обучающихся в постановке и решении задач формирования культуры самостоятельной работы // Наука XXI века: теория, практика и перспективы: сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. Уфа: Омега Сайнс, 2015. С. 130 – 132.
13. Козырева О. А. Технология системно-педагогического моделирования и качество формирования культуры самостоятельной работы педагогов: теоретический аспект // European Social Science Journal. 2014. № 4-1. С. 136 – 142.
14. Козырева О. А. Культура самостоятельной работы педагога: от определения до продуктов самореализации // Современная педагогика. 2014. № 12(25). С. 97 – 102.
15. Коновалов С. В., Белинская А. В., Бойкова И. В. Понятие и возможность реализации идей здоровьесбережения в работе педагога по физической культуре // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 7.
16. Коновалов С. В., Бойкова И. В., Филиппова Ю. О. Педагогические условия оптимизации качества моделирования портфолио обучающегося как социально-педагогическая проблема // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 5.
17. Кривда В. Ю., Зубанов В. П., Бойкова И. В. Некоторые особенности определения качества реализации идей здоровьесбережения в воспитании обучающихся // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. Уфа: Омега Сайнс, 2015. С. 150 – 152.
18. Макаров А. П., Зубанов В. П., Бойкова И. В. Возможности моделирования портфолио обучающегося в ресурсах формирования культуры самостоятельной работы // Инновационная наука и современное общество: сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. Уфа: Омега Сайнс, 2015. С. 126 – 128.
19. Малышева В. О., Бойкова И. В., Соловьева Е. В. Некоторые возможности моделирования портфолио обучающегося, занимающегося регби, и специфика разработки профессионально-педагогических кейсов тренера-преподавателя по регби // Психология, социология и педагогика. 2015. № 6.
20. Мезенцев А. И., Бойкова И. В. Издательская газета «Профи» в модели формирования культуры самостоятельной работы // Теоретические и практические вопросы науки XXI века: сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. Уфа: Омега Сайнс, 2015. С. 147 – 149.
21. Нагайцев Д. К., Бойкова И. В., Шварцкопф Е. Ю. Конкурс по профориентации «первокурсник» как условие формирования потребности в самостоятельности и продуктивности // Фундаментальные и прикладные научные исследования: сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. Уфа: Омега Сайнс, 2015. С. 125 – 127.
22. Нагайцев Д. К., Шварцкопф Е. Ю., Бойкова И. В. Некоторые особенности формирования корпоративной культуры педагога техникума и обучающегося // Научный взгляд на современное общество: сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. Уфа: Омега Сайнс, 2015. С. 81 – 82.
23. Радостев А. Н., Бойкова И. В. Специфика и возможности исследования процессов самореализации и социализации подростков, занимающихся вольной борьбой // Совр. науч. исслед. и инновации. 2015. № 7.
24. Редлих С. М., Козырева О. А. Математические и статистические методы в технологии диагностики сформированности культуры самостоятельной работы педагога // Ученые записки Забайкал. гос. гуманит.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 2011. № 6. С. 40 – 44.
25. Редлих С. М., Козырева О. А. Специфика и результативность формирования культуры самостоятельной работы будущего педагога по ФК как ресурс становления и профессионализма // Пед. образование и наука. 2014. № 1. С. 103 – 107.
26. Редлих С. М., Козырева О. А. Современные методы продуктивной педагогики и проблема формирования культуры самостоятельной работы педагога // Проф. образование в России и за рубежом. 2011. № 1(3). С. 49 – 62.
27. Свиначенко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования: учеб. пособ. для пед. вузов и системы доп. проф. образования. М.: НИЯУ МИФИ, 2014. 92 с.

Информация об авторе:

Бойкова Ирина Васильевна – аспирант Новокузнецкого филиала (института) КемГУ, boikova-iv@yandex.ru.

Irina V. Boikova – post-graduate student at Novokuznetsk branch (institute) of Kemerovo State University.

(Научный руководитель: **Козырева Ольга Анатольевна** – кандидат педагогических наук, доцент Новокузнецкого филиала (института) КемГУ, kozireva-oa@yandex.ru.

Academic advisor: Olga A. Kozyreva – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at Novokuznetsk branch (institute) of Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 04.08.2015 г.

БРЕНД ГОРОДА И СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДТЕХНОЛОГИИ В ТУРИЗМ-ОБРАЗОВАНИИ

Е. З. Галаганова, Л. Е. Галаганова

CITY BRAND AND CONTEMPORARY TECHNOLOGIES IN EDUCATIONAL TOURISM.

E. Z. Galaganova, L. Y. Galaganova

В статье анализируются основные принципы формирования бренда провинциальных городов, а также проблемы развития внутреннего туризма в Кузбассе. Архитектура предлагается авторами как импульс развития современного туризма в сибирском регионе. Историческая архитектура Новокузнецка рубежа 1920 – 30-х гг. рассматривается в статье как социокультурный феномен.

The paper analyses the main features of forming of provincial cities territory brand. The paper reveals the problems of domestic tourism in Kuzbass. The Novokuznetsk architecture of Constructivism is considered to be one of the most significant examples.

Ключевые слова: бренд города, историческая архитектура, конструктивизм, образовательный туризм.

Keywords: city brand, historical architecture, constructivism, educational tourism.

Переход в различных странах мира от элитарного туризма к массовому в последние десятилетия «подтолкнул» рост популярности образовательного туризма. Путешествие всё чаще рассматривается как источник получения знаний, форма непрерывного образования – образования в течение жизни. Потребитель нашего времени ищет знаний разных, всесторонних, комплексных, актуальных.

Образовательный туризм, находящийся на пересечении таких областей знаний, как педагогика, туризм, образовательный менеджмент, и представляющий собой интеграцию формального и неформального образования, становится эффективным ресурсом обучения различных групп населения в течение всей жизни. Ежегодно возрастает популярность путешествий с образовательными целями внутри страны и за рубежом; увеличивается количество потребителей туристических услуг, стремящихся соединить отдых с обучением.

Многим сегодня хочется иметь возможность узнать интересные факты истории мировой культуры на примере одного отдельно взятого города. По количеству объектов, охраняемых ЮНЕСКО, Лондон – уникальное место и в Европе он возглавляет список столиц. Есть Рим и его Форумы, есть Стамбул и Святая София, есть, наконец, Париж, который Николай Карамзин в начале XIX века находил интереснее Лондона (с тех пор сделано все, чтобы преодолеть разницу), – но эти города не дают ощущения интеллектуального разнообразия и исторического обаяния, какое получаешь после посещения столицы Великобритании. Архитектура всех стилей и направлений – бренд этого города. Собор Святого Павла, Тауэр, Вестминстерское аббатство, здание *Lloyd's* Ричарда Роджерса и «Огурчик» Нормана Фостера, церковь святого Варфоломея, индуистский храм св. Промзона, старинная синагога и «Осколок» Ренцо Пьяно вполне могут претендовать на программу дополнительного образования для человека любого возраста и профессии. Туризм позволяет представить архитектурное пространство в его историческом измерении: символы общественных процессов и аксиологические коннотации в каждом объекте старой архитектуры как в точках притяжения ускользающего времени. Архитектура как система предпочтений – подход не новый и достаточно популярный, дополнивший историческую цен-

ность здания эмоциональной. С этой точки зрения мы и попытаемся в данной статье рассмотреть современный образовательный туризм.

Бренд города – это его визитная карточка, узнаваемость в любой интерпретации. Город как социокультурное и образовательное пространство привлекает внимание социологов с конца XX века после выхода в 1982 г. книги Кевина Линча «Образ города». В 2002 г. политолог С. Анхольт говорит о «бренде места» и о «национальном бренде», подразумевая культурную активность по отношению к культурному наследию как критерий определения рейтинга страны в глобальном социокультурном пространстве. «Культура очень важна для улучшения бренда страны – привлекательные места для посещения, философия гостеприимства, люди уважают такие страны» [7]. Культура как источник экономической привлекательности страны, ее нематериальный маркетинговый актив обсуждается в индустрии туризма несколько последних десятилетий.

До 1917 г. Россия привлекала Нижегородской ярмаркой, Каслинским литьем, Ф. Достоевским. После 1917 г. брендом становится идеология. Только государство решало судьбу уникальных производств, территорий и городов. Народные промыслы оказались актуальными, и у некоторых городов (Палех, Гжель, Мстёра, Вологда) появился неофициальный бренд, сохранил свой статус Касли. Архитектура историческая в СССР долгие годы не рассматривалась как бренд по причине буржуазного или религиозного происхождения.

Либерализация российской экономики сменила акценты: обратили внимание на провинциальные города, на развитие внутреннего туризма. Часто обсуждаемыми стали термины «брендинг городов» и «бренд города» как привлекающие дополнительные дивиденды через культурный код или популярный визуальный образ монопрофильного/многопрофильного промышленного российского города [1; 3; 4; 6; 11].

Архитектура как бренд рассматривается сегодня применительно к городам Золотого кольца России (так было и во второй половине XX века), Новгорода и Пскова, Казани, Екатеринбурга, к сибирским столицам – Омск, Новосибирск, Томск и Красноярск, где есть ресурсы для реставрации и реконструкции ста-

рых зданий. Вне данной темы остаётся Новокузнецк – первый во многих начинаниях молодого Советского государства. Этот город тоже когда-то был столицей промышленного региона и, несмотря на переменчивость судьбы, сумел сохранить своё уникальное «лицо», свой стиль, своё историческое достоинство. Важно уловить тенденции в мировой архитектуре того периода, чтобы понять ценность эстетических инноваций эпохи, «единичное через всеобщее» как базовый принцип образовательного туризма в XXI веке.

В Кузбассе традиционно приветствуется один вид туризма – рекреационный. Богатая ресурсами экосистема позволяет нашему региону претендовать на Сибирскую Швейцарию.

Новокузнецк – единственный из кузбасских городов, обладающий уникальной архитектурой, что позволяет ему быть включённым вместе с Новосибирском и Томском в один образовательный маршрут историко-культурного содержания. Чтобы достойно представить первую столицу земли Кузнецкой, недостаточно рассказать об индустриализации и первых пятилетках. Даже знаменитые строки В. Маяковского «Я знаю – город будет! Я знаю – саду цвёт!» должны быть грамотно с исторической точки зрения интерпретированы. Чтобы достойно представить Новокузнецк, необходимы не только знания отечественной истории, но и знания истории отечественной и мировой архитектуры.

Архитектурные бренды сегодня преобладают в маршрутах экскурсий. Можно ли считать «Огурчик» Н. Фостера брендом Лондона? Да, но для консервативного большинства по-прежнему главным силуэтом Лондона остаётся Биг Бен. Эйфелева башня – бесспорный бренд Парижа. Можно ли считать Эйфелеву башню архитектурным брендом Парижа? Что такое «архитектурный бренд» города? Совершенно очевидно, что понятие «архитектурный бренд города» невозможно без его терминологической соотнесенности с «брендом города». Одни авторы рассматривают бренд города с точки зрения перцепции – это «многомерный конструкт, состоящий из функциональных, эмоциональных и материальных элементов, которые в совокупности создают уникальный набор ассоциаций с местом в общественном сознании» [12]; другие связывают данный термин с имиджем города, с его аксиологическим прочтением, полно и адекватно отражающим его «городскую идентичность, системно выраженную в ярких и привлекающих идеях, символах, ценностях, образах» [6, с. 41]. Тезаурус «имидж города» – цель другой статьи. На наш взгляд, архитектурный бренд города – это здание или комплекс зданий, имеющие историко-культурную значимость и обладающие местной мифологией (как системой символов, ценностей, образов), ассоциирующиеся именно с этим городом. Для архитектуры Новокузнецка главная ассоциация – конструктивизм.

Еще в 1916 г. Кузнецк привлек внимание инженеров и архитекторов как экспериментальная площадка для проектирования города – сада. В начале XX в. эта идея из Европы быстро распространилась и в России. В эксперимент попали сибирские города: Томск, Омск, Кузнецк, Щегловск, Бийск, Барнаул. Профессор архитектуры из Томска Андрей Дмитриевич Крячков предложил несколько проектов города – сада, в том числе и для Кузнецка. План города – сада имел распространен-

ную (и в Европе и в России) схему: из центра, в котором находился парк, расходятся концентрические круглые зоны, рассекаемые трехлучевой системой, разработанной Д. Фонтана в конце XVI в. для одной из площадей Рима. Для станции Кузнецк, учитывая заказ руководства частного акционерного общества «Копикуз», Крячков предложил несколько типов одноэтажных домов для железнодорожных служащих, один двухэтажный дом для руководства и их семей, а также здание для Управления железной дороги рядом с вокзалом и церковью. Именно вокзальная площадь должна была стать общественным центром, от которого лучами расходились три улицы. На краю города планировались водонапорная башня и больница. По проекту предусматривались центральное отопление, канализация, электроосвещение. Проект не был реализован [2, с. 12]. Но сохранилась радиально – кольцевая планировка города. Кроме Новокузнецка фрагменты такой планировки до настоящего времени сохранились в Сибири лишь в Барнауле и Томске. Привокзальный поселок в Кузнецке позднее назовут Сад – Город. На наш взгляд, такая преамбула к истории сложения архитектурного бренда Новокузнецка важна в образовательном маршруте – она задает нужную тональность беседе, объединяет в одно историко-культурное пространство Россию до 1917 г. и после.

Подобные проекты не были реализованы до конца и в Европе. Немецкий архитектор Эрнст Май после обучения в Англии и стажировки в Мюнхене возвращается в Берлин, но его идеи не находят поддержки в архитектурном бюро Мартина Вагнера и молодой архитектор переезжает в родной Франкфурт-на-Майне с уверенностью в успехе своих проектов городов-садов, во многом отличающихся от английских. С 1925 по 1930 гг. Э. Май является главным архитектором Франкфурта. В 1925 г. близ Франкфурта в результате компромисса с политиками под влиянием революционных событий 1918 г. удалось построить города-спутники, отделенные зеленым поясом и лишенные промышленности. Главное, что удалось отстоять Маю в борьбе за компромисс, – архитектуру нового типа. Один из первых в Западной Европе он воплотил на практике принципы рационализма в масштабах массового строительства. Май всегда был за то, чтобы города застраивались компактно, но, при этом в них всегда должно было быть много зелени и света [13].

Разработанная Мае программа «Новый Франкфурт» позволила за короткие сроки обеспечить доступным жильем десятки тысяч рабочих семей. Длинные улицы городов-спутников сплошь застраивались таун-хаусами с предельно простыми фасадами и плоскими кровлями, пригодными в хорошую погоду. Школы, детские сады, спортивные площадки, парк, зал общих собраний, предприятия мелкой торговли должны были символизировать идею коллективной жизни – жизни в едином стиле, где «одинаковые коробки домов с садами на крыше как пчелиные соты улья символизируют однородные условия жизни их обитателей» [8].

Коллективизм как основа социального партнерства стал новой доктриной для немецких архитекторов. От радиально-кольцевой планировки в Германии отказались. Оппоненты Э. Май – Бруно Таут и Мартин Вагнер – с 1925 г. стали застраивать зону в 20 – 30 км от Берлина рабочими поселками, где впервые появляются

длинные малоэтажные дома-коммуны. В отличие от Э. Мая эти архитекторы отказались от однообразных фасадов и предпочли игру объемов, ввели цвет.

В 1929 г. на организованном Маем Международном конгрессе архитекторов советская делегация представила свой собственный стиль – конструктивизм. Май представил свой новый метод «строчной застройки» и макет рабочего поселка в пригороде Франкфурта, новые строительные технологии и дизайн интерьеров «минимальных квартир» [13]. В 1930 г. строить новые социалистические города в РСФСР пригласили именно Э. Мая (контракт был подписан на семь лет). Немецкий архитектор был абсолютно уверен, что именно в России – родине конструктивизма – он найдет поддержку и понимание [15]. Вместе с группой единомышленников (предположительно, 17 человек) он участвовал в разработке архитектурных проектов многих городов, в том числе Харькова, Нижнего Тагила, Магнитогорска, Щегловска (Кемерово), Новокузнецка. Эрнст Май – еще одна ассоциация с исторической архитектурой Новокузнецка.

В 2020 г. конструктивизм будет отмечать столетие. Русский поставангард, или советский авангард, начинается с конструктивизма – с имен В. Татлина, А. Родченко, А. Веснина, братьев Певзнеров. Слово «конструкция» становится поводом для рождения нового стиля в 1920 г. в «Реалистическом манифесте», объединившем новаторские идеи А. Архипенко и К. Малевича [17, с. 272]. В 1922 г. в Тверском издательстве выходит книга («книжка», брошюра объемом 84 стр.) художника и дизайнера Алексея Михайловича Гана «Конструктивизм». Ганом провозглашалось, что группа конструктивистов ставит своей задачей коммунистическое выражение материальных ценностей. Подчеркивалось, что культура новой России является индустриальной. **Тектоника, конструкция и фактура** – мобилизующие материальные элементы индустриальной культуры. Производство вторгается в сферу искусства, архитекторы стремятся воплотить общую мечту о новом социальном устройстве [10, с. 290]. В 1925 г. братья Веснины и М. Гинзбург создают Объединение современных архитекторов (ОСА), чьей профессиональной идеологией становится конструктивизм. А. Веснин в своем «Кредо» предложил два основных стилеобразующих принципа конструктивизма – принцип прямой и геометрической кривой, принцип экономии при максимуме действия [10, с. 295].

За восемь лет существования ОСА эти принципы сохранили свою чистоту, архитектура конструктивизма в любом городе отличалась строгостью сочетания больших форм (куб, цилиндр, параллелепипед), асимметрией выступающих частей здания, отсутствием декора, большим количеством окон ленточного остекления и такого же типа балконов (особого внимания заслуживает инновация – угловые балконы и угловые окна). Жизнь людей в доме и жизнь самого дома объединяла архитектура – поэтому «диктатура света», активная инсоляция по вертикали и по горизонтали. Жилой дом Госстраха (арх. М. Гинзбург, В. Владимиров, Москва, 1926), ДК им. Зуева (арх. И. Голосов, Москва, 1927), здание Наркомзема (арх. бюро А. Щусева, Москва, 1928), Дом Советов (арх. И. Голосов, Хабаровск, 1928), дома – коммуны в московском Болшево (1928) и дом Наркомфина, «Дом-Корабль» (арх. М. Гинзбург, Москва, 1928 – 1930),

«жилкомбинат» для работников ЦИК и СНК, знаменитый Дом на набережной, (арх. Б. Иофан, Москва, 1927 – 1931) – сегодня это примеры зрелого конструктивизма, презентация стиля. В 1935 г. был закончен один из самых грандиозных проектов московских конструктивистов – здание драматического театра, «Дом – Трактор» (арх. В. Щуко, В. Гельфрейх, Ростов-на-Дону). Его макет вместе с макетом собора Василия Блаженного представляет сегодня Россию в британском музее архитектуры и дизайна в Лондоне.

Историческое совпадение зрелости стиля с индустриализацией страны порождает феномен Социалистического города или «города при заводе». Коммунистическое выражение материальных ценностей в архитектуре становится продолжением идей Великой утопии и мифа о формировании нового человека. Перед советскими архитекторами и инженерами были поставлены трудные задачи – в очень короткие сроки спроектировать и построить полностью город на 35 тысяч жителей рядом с большим городом или на пустом месте. Таким опытом никто не обладал. Приглашение европейских специалистов не спасло эксперимент.

В 1929 г. на противоположном старому мещанскому Кузнецку берегу Томи около поселка Сад-Город начинают строительство Кузнецкого металлургического комбината. В 1931 г. поселок переименовывают в город Ново – Кузнецк, позже в 1932 – в Сталинск. До 1936 г. Кузнецк и Ново-Кузнецк были разделены, моста между ними не было, как не было никакой преемственности в архитектуре и образе жизни. Тем не менее к сотрудничеству вновь приглашают А. Д. Крячкова как лидера местной архитектурной школы, надеясь на талант перевоплощения мэтра архитектуры в условиях промышленного строительства. В 1929 г. по проекту Крячкова начинают строить заводоуправление – Главную контору, перед которым планировалась площадь Побед. Именно этой площадью завершалась одна из трех улиц-лучей радиально-кольцевой схемы города-сада 1916 г. (позднее эту улицу назовут проспектом Курако). С 1929 по 1931 гг. Крячков сохраняет пост начальника строительной части Кузнецкстроя, до завершения строительства заводоуправления, пытается реализовать идею города-сада – идею приусадебных застроек.

Чисто конструктивистские принципы и приемы новой архитектуры проявились на сибирской почве значительно позже, чем в Западной Европе, Москве и Ленинграде. Но их внедрение было подготовлено в 1926 – 1927 гг. работами А. Д. Крячкова в стилях неоклассицизма и рационалистического модерна. Эти направления в архитектуре, предполагавшие формирование «рациональной красоты» на основе определенных правил и предписаний, уже в своей сути базировались на рациональном отношении к действительности. Построенные в Новониколаевске А. Д. Крячковым в этот период здания Государственных учреждений Сибири (Сибирское подворье), Сибревкома, Текстильсиндиката и Сибкрайсоюза как талантливая провинциальная реплика в ответ на освоение новых для того времени каркасных железобетонных конструкций остались в архитектуре Новосибирска как «подступы» к формам конструктивизма. В настоящее время в Новосибирске существует большое число зданий, которые были запроектированы в стиле конструктивизма, но в процессе строительства, начиная со

второй половины 1930-х гг., получали иное стилистическое оформление [14].

А. Д. Крячков смело предлагает для заводоуправления КМК эстетику рационалистического модерна с элементами конструктивизма, апробированную в 1927 г. в проекте Дворца Труда для Щегловска. В первоначальном варианте фасада заводоуправления архитектор предлагает те же композиционные и художественные приемы: асимметрично поднятая башня для часов, выступающие объемы, сочетание в декоре гладкой штукатурки и естественного камня, большие окна, ленточные балконы 2 этажа. В обоих проектах Крячков сохраняет симметрию главного трехчастного фасада, все три объема уравновешены, как и сам план здания – продуманная, рациональная структура. Внешние признаки нового стиля – лишь дань времени. В процессе строительства башня не была возведена, фасады были полностью оштукатурены. Последующие реконструкции добавили к этому плоские лопатки и подоконные филенки, а центральный ризалит был завершен аттиком ступенчатой формы [9, с. 58].

В октябре 1930 г. в п. Сад-Город приезжает «бригада Мая» после успешного апробирования плана возведения соцгорода на пустом месте в Магнитогорске. Э. Май не планирует для первого в Сибири соцгорода модные в Москве легкие конструкции из стекла и бетона, не предлагает дома-коммуны или жилкомбинаты. Конструктивизм не подходил для функциональной архитектуры Мая. Слово «архитектура» вообще не подходило для новаторских проектов Мая – за это его критиковали коллеги и общественность в Германии, за это на конгрессе 1929 г. высоко оценили его инновации в градостроительстве и пригласили в социалистическую Россию. Его концепция «жизнестроительства» для города при заводе была предельно рациональна: в короткие сроки обеспечить квартирами 45 тысяч рабочих завода, строителей города и их семей, ютящихся в бараках на моховом болоте. От идеи города-сада отказываются.

Период в строительстве Новокузнецка 1930 – 1933-х гг. называют периодом «маевской застройки». Это были двух-трехэтажные кирпичные дома с плоской или двускатной кровлей, без балконов, квартиры с низкими потолками, узкими туалетом и ванной, тонкими стенами. Глухими торцами дома придавали соединяющей их улице однообразный вид. В таких домах, по плану, рабочий должен был только ночевать, большую часть времени он проводил в коллективе и на работе. Такая жесткая и плотная «строчная застройка» вдруг перестала устраивать инспекторов из наркомата тяжелой промышленности. После визита С. Орджоникидзе в Сталинск в 1933 г. строительство таких домов было прекращено – наркому не понравились аскетизм, «теснота улиц и задымленность района» [18]. Не понравилось ему и отсутствие генплана застройки города. Поскольку Май не был, как в Магнитогорске, главным архитектором города, постольку он не имел заказа на генплан. Список претензий получился солидный. Май прекращает свою работу в Сталинске, разрывает контракт с Москвой и уезжает из страны. Большая часть домов маевской застройки сохранилась, они по-прежнему жилые. В 2013 г., благодаря усилиям Управления культуры, создан фонд «Социалистический город», занимающийся брендин-

гом этого района (ул. Хитарова и пр. Энтузиастов) и заслуженным возвращением в историю Новокузнецка имени Эрнста Мая.

Дома «маевской застройки» нельзя классифицировать как архитектуру. Это типовое жилье. И все-таки талантливому архитектору удалось оставить после себя целый район – Соцгород (тогда «микрорайон» – новое слово, привезенное Маем, а сегодня – это Центральный район Новокузнецка) с жилыми домами, школами, Садам металлургов, первым в Кузбассе звуковым кинотеатром «Коммунар» (он так и назывался первое время «Звуковой»), театром металлургов КМК. Объекты культурного назначения проектировал немецкий архитектор Герхард Козель (Kossel), приехавший на Кузнецкстрой по приглашению Мая в 1932 г. после окончания политехнического института в Берлине и проживший в СССР до 1954 г. В 1933 г. он начал с кинотеатра «Коммунар» и завершения после заводского архитектора Е. И. Аппака здания Горьковского театра (сегодня Театр металлургов), предложил первый вариант Клуба металлургов (Дворец культуры и техники КМК – окончательный вариант Лихера и Уманского 1936 г.), создал макет входа в Сад металлургов (1935 г.), Главпочтамт (1935 г.), дом № 202 по ул. Кирова, где располагался первый в городе универмаг (1935 г., будет снесен в 2004 году) – в этих работах Козеля соблюдены основные стилиобразующие принципы конструктивизма. Прежде всего, ясность и целесообразность. Четкий рисунок силуэтов, асимметрия в плане, красивое сочетание геометрических объемов, простота и логичность во взаимосвязи экстерьера и интерьера и, конечно, ленточные окна отличают эту историческую архитектуру Новокузнецка. Не все проекты Козеля сохранились, не все в первоначальном виде (больше всех пострадал кинотеатр «Коммунар», сегодня являющий собой пример провинциального сталинского ампира), но в каждом здании видны цитаты маевского рационализма, геометризированной пластики и экономии. В случае с Козелем можно говорить об архитектуре, ему удалось создать свой стиль [15].

В меньшей степени это относится к проектам жилых домов вокруг «маевской застройки» бюро Весниных в 1933 – 1934 гг. Яркие по цвету, компактные по форме они являются сегодня украшением улицы Кирова и центра города. Плоская кровля и выступающие объемы лестничных клеток, угловые балконы – скромное напоминание о короткой эпохе конструктивизма, завершающейся к 1936 г. Нельзя не заметить, что квартиры в этих домах стали больше, лестницы – шире, все дома 4-хэтажные. В 1950-е гг. будет частично снесен комплекс, построенный по эскизам бюро Весниных в 1934 г. на пересечении ул. Кирова и пр. Металлургов: два рабочих общежития соединялись кафе-столовой и службой быта (по типу дома-коммуны). И. Голосову (по другой версии В. Веснину) приписывают спроектированные по ул. Кирова жилые дома № 3, 7 и 25 (дом-гигант, длина 115 м), которые отличаются размерами – вытянутые вдоль улицы фасады, высота в 5 этажей, П-образная композиция дома № 7 – и поздней 1936 г. «интервенцией» псевдоклассики (арх. Афанасьев) [9]. В этих домах сохранился скромный, но все-таки дух конструктивизма. Оставленные москвичами автографы до сих

пор являются камертоном для всех поколений архитекторов Новокузнецка.

Московские архитекторы занимаются разработкой генпланов города с 1929 г. (братья Веснины – первая попытка). В 1934 г. главным архитектором города назначается И. С. Гуревич – представленный им генплан получает поддержку Весниных и Гинзбурга. Немного сохранилось от длительного периода работы Гуревича в Сталинске. Еще один яркий представитель конструктивизма начал с критики маевского плана застройки – так родилась знаменитая сегодня улица Кирова. Приверженность авангарду архитектор сохранил и в 40-е гг. Построенный по его проекту и сохранившийся в первозданном виде корпус детского сада на 200 мест (сегодня детский дом № 74 во дворе дома № 4 по ул. Кирова) напоминает в плане аэроплан-этажерку [16]. Тогда в 1934 г. Гуревичем был спланирован Детский бульвар рядом с домами ул. Кирова. Он должен был перпендикулярно пересекать Школьную улицу, задуманную Э. Маем [5]. Легко догадаться, что обе улицы должны были застраиваться только детскими дошкольными и школьными учреждениями со всего города – в духе того времени. Стили у этих архитекторов разные, но мыслили они в рамках одной парадигмы.

По сравнению с отремонтированными приличными конструктивистскими жилыми кварталами по ул. Кирова забытыми выглядят самые первые конструктивистские постройки на Верхней колонии за КМК.

Гостиница для иностранных специалистов (общепит ИТР) в конструктивистских формах была спроектирована Ленинградским отделением треста «Стандартгорпроект» в 1932 г. (с 1932 г. главным инженером этого объединения был Э. Май). Даже после частичной перестройки центрального корпуса в 1936 г. А. Д. Крячковым в духе неоклассики сохранились ленточное остекление лестничных клеток и ленточные балконы 2 этажа. Руинированное состояние гостиницы сегодня не лишает ее исторического значения, но обесценивает эстетические завоевания той эпохи. В таком же состоянии находится первое здание Сибирского металлургического института, построенного вручную студентами и преподавателями в 1932 – 1933 гг. рядом с КМК. Конструктивистские мотивы сохранились в первозданном виде – ленточные балконы, лестничные клетки выделены на фасаде сплошными ризалитами и ленточным остеклением, декор отсутствует. Рядом на этой же Рудокопровой улице находится Кузнецкий металлургический техникум, превращенный в столовую, но сохранивший внешний почти аутентичный вид – солидное на два этажа угловое остекление лестничной клетки позволяет легко узнать стиль. «Техникум – институт – завод» – так в начале 30-х годов была реализована модная в годы первых пятилеток идея завода – втуза. Эксперименты на каждом шагу. (Присутствие человеческой заботы на Верхней колонии выдает приличный вид двухэтажного здания с элементами конструктивизма – бывшая заводская поликлиника 1936 г. постройки).

Сторонники неоклассики добились своего – эксперименты с новой архитектурой в приказном порядке стали сворачивать по всей стране. К Сергею Орджоникидзе присоединились многие партийные деятели, заподозрившие в домах-коммунах (домах-комбинах) «влияние троцкистских идей». Постановлением

ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1933 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» был положен конец эпохе советского авангарда в изобразительном искусстве и в архитектуре. Как и в истории любого другого стиля, на смену конструктивизму приходит постконструктивизм. В его пределах и происходят «поиски соединения «вечных ценностей» классики с современностью, выраженной архитектурным языком авангарда» – метаморфозы архитектуры точно выражали изменения социальной программы [10, с. 339].

Памятником архитектуры федерального значения в Новокузнецке является Дворец культуры и техники КМК (арх. Е. Я. Лихер и К. Я. Уманский, 1934 – 1936 гг.) – один из лучших памятников архитектуры советского постконструктивизма. Вариант Клуба металлургов Козеля не вписывался в схему Сада металлургов, предложенную Гуревичем. В северной части парка он задумал грандиозный конструктивистский комплекс, гимн стилю и труда металлургов, акцент в архитектурном пространстве города. Планировали клуб и театр в одном проекте. Реализовали только клубную часть.

Асимметрично друг другу расположены главный 4-х этажный корпус клуба, примыкающее к угловой части паркового фасада круглое 2-х этажное каскадной конструкции здание библиотеки и с противоположной стороны 2-х этажный, прямоугольный в плане спортивный зал. Асимметрия сохраняется в размещении на парковом фасаде ризалита с вертикальным ленточным остеклением. Главный вход во Дворец со стороны Театральной площади выделен высоким, объединяющим 3 этажа, открытым сверху портиком на шести четырехгранных столбах. Много окон – Гуревич был фанатиком света. Ленточный балкон второго этажа опоясывает все здание по периметру. Традиционный для конструктивизма серый цвет.

Очень осторожно решен компромисс с новыми тенденциями в советской архитектуре. Классические кессоны украшают ленту балкона, карнизы библиотеки и оригинальным мотивом выделяют окна первого этажа главного фасада. Надстроенный над четвертым этажом аттик позднее будет украшен рельефным фризом. Будут и другие поздние приобретения, но в этом случае удалось сохранить авторский замысел, увлеченность авторов конструктивизмом. При всей асимметричности композиции здание клуба выглядит уравновешенным, сдержанно торжественным и самодостаточным как на фоне парка, так и на фоне Театральной площади. Нарочитая строгость и простота, отказ от внешних украшательств делали здания в этом стиле богаче, разнообразнее и необычнее зданий, построенных в более ранних архитектурных стилях. Присутствие позднего декора, напротив, усиливает парадокс, имманентно присущий конструктивизму: «Меньше, значит больше». Чистота линий, соразмерность объемов создавали ощущение покоя, надежности и стабильности. Современная мировая архитектура следует этому парадоксу.

Силуэт ДКиТ КМК – наиболее цитируемый в полиграфии, самая распространенная визуальная ассоциация с городом Новокузнецк. Этот силуэт уникален, второго такого нет ни в Челябинске, ни в Магнитогорске. Несомненно, мы имеем дело с брендом Новокузнецка – символом труда металлургов и современной истории города. Этот памятник архитектуры в

Саду металлургов, на наш взгляд, должен завершать рассказ о первой столице Кузбасса, о том, что в нашей истории было впервые. В том случае, если экскурсия носит образовательный характер, выстраивается по методике неформального образования и может быть частью образовательного маршрута.

Образовательный туризм становится динамично развивающимся самостоятельным направлением, как в образовании, так и в туристической отрасли, в рамках которого реализуются принципы непрерывности, инклюзивности и доступности образования, поскольку в образовательный процесс включаются люди всех возрастов и социальных групп. Высокая педагогическая эффективность, широкие возможности для непрерывного образования, педагогические возможности для трансформации неформальных знаний в формальные знания и компетенции требуют от образовательных учреждений и туристической отрасли квалифицированных кадров, сочетающих компетенции в области педагогики, туризма и истории культуры, а также достаточной разработанности программ их подготовки в системе непрерывного образования.

Профессионально-личностное развитие в процессе путешествия, включающее формирование личностно-значимых качеств участника путешествия (креативность, готовность к социальному взаимодействию, толерантность, коммуникативность) позволяют образовательному туризму заключать в себе значительный педагогический потенциал и стать эффективным ресурсом образования человека в течение всей его жизни. Рассматривая путешествия как показатель качества жизни, потребители туристических услуг требуют нового уровня обслуживания и организации туров, что приводит к необходимости разработки специализированной программы развития образовательного туризма и подготовки квалифицированных специалистов данной сферы. Модель подготовки экскурсовода в таком случае приближается к модели подготовки педагога.

Актуализация образовательного туризма, желание продолжать учиться, повышение мотивации осознанной интериоризации получаемых знаний и их практического использования – показатель важных изменений картины мира современного человека и его интеллектуальной культуры.

Литература

1. Акопов Г. В. Российское сознание: историко-психологический очерк. Самара, 2002.
2. Баландин С. Н., Смирнова Е. А. Города – сады в Сибири // Рук. деп. во ВНИИС Госстроя СССР. № 6715. Новосибирск, 1985. 16 с.
3. Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. очно-заоч. конф. / под ред. А. М. Бритвина. Екатеринбург, 2012.
4. Вагин В. В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства. Мир России. 1997. № 4. Т. 4.
5. Валиулин В. Раритеты улицы Кирова // Кузнецкий рабочий. 9 августа 2008.
6. Визгалов Д. В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
7. Гарбер Н. Саймон Анхольт: проблема России в том, что ее считают обузой // Сноб. 2012. № 12. Режим доступа: <http://www.snob.ru/selected/entry/56182>
8. Глазычев В. Л. Город-сад и его метаморфозы // Урбанистика. Режим доступа: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/104259/Glazychhev - Urbanistika. chast1.html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/104259/Glazychhev_-_Urbanistika_chast1.html)
9. Захарова И. В. Архитектурное наследие Кузбасса 1910 – 1930-х гг. Кемерово: АРФ, 2005. 104 с.
10. Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2-х т. М.: Прогресс-Традиция, 2001. Т. 1. 655 с.
11. Каганский В. Л. Россия. Провинция. Ландшафт // Отечественные записки. 2006. № 5.
12. Kavaratzis M., Ashworth G. City Branding: an Effective Assertion of Identity or a Transitory Marketing Trick. // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2005. Vol. 96. № 5.
13. Коньшева Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). СПб.: Ленанд, 2012. 224 с.
14. Матвеева Л. Л. Архитектура 1920 – 1930 гг. в Новосибирске // Уральско-Сибирский проект. Конструктивистское наследие на Урале и в Сибири и его будущее: Русско-голландский сборник. Дельфт, 1988.
15. Меерович М. Г. Эрнст Май и рациональное жилье для России // Архитектон: известия вузов. 2011. № 4. Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/15203-ernst_may-racionalnoe-zhile-dlya-rossii.html
16. Паничкин В. «Детсадиковский» архитектор Гуревич // Кузнецкий рабочий. 6 июля 2012.
17. Путеводитель по искусству / под ред. Я. Чилверса [пер. с англ.]. М.: Радуга, 2004. 688 с.
18. Путилов И. Соцгород – город прошлого или будущего? // Новокузнецк. 25 июля 2013.

Информация об авторах:

Галаганова Елена Захаровна – преподаватель истории искусств Кемеровского областного художественного колледжа, Россия, lezahava@mail.ru.

Elena Z. Galaganova – Art History teacher at Kemerovo Art College.

Галаганова Людмила Егоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, Россия.

Ludmila E. Galaganova – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

**АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ
(на примере Президентской программы подготовки управленческих кадров)***О. В. Емельянова, Ю. П. Емельянов***ACMEOLOGICAL APPROACH TO TRAINING MANAGERS
(the Presidential Programme of training managers Case study)***O. V. Emelianova, Yu. P. Emelianov*

В статье с точки зрения акмеологического подхода рассмотрена эффективность подготовки управленческих кадров. Приведены данные по реализации Президентской программы в Кемеровской области. Описан опыт создания акмеологических условий в рамках реализации программы «Менеджмент. Тип А» в КемГУ. Сформулированы акмеологические условия для проведения акмеологической практики. Сделаны выводы о необходимости акмеологизации образовательного пространства подготовки управленческих кадров.

In this paper the acmeological approach is used to analyze the effectiveness of training managers. The data on the Presidential Programme implementation in Kemerovo region are presented. The paper describes the experience of creating acmeological conditions within the framework of Management (Type A) Programme implemented by Kemerovo State University.

Ключевые слова: Президентская программа, профессиональная переподготовка кадров, акмеологический подход, субъектность, акмеологические условия.

Keywords: Presidential Programme, occupational training, acmeological approach, subjectness, acmeological conditions.

Повседневность сегодняшнего дня такова, что непрерывный поиск инструментов повышения конкурентоспособности бизнеса становится не только повседневной реальностью, но и условием развития. Традиционные направления поиска: технико-технологическое совершенствование, рациональное использование человеческих ресурсов, управление потребительским поведением не теряют своей актуальности с 20-х годов прошлого столетия, когда была провозглашена триада «труд – основные фонды – капитал». Концентрация усилий менеджеров на развитии человеческих ресурсов, обладая таким конкурентным преимуществом, как долгосрочность факторов развития бизнеса, диктует высокую потребность в поиске новых подходов и путей решения повышения эффективности вложений в человеческий капитал.

Можно сказать, что история подготовки управленческих кадров в России имеет свои особенности, связанные с развитием экономики страны. До перестройки, провозгласившей смену курса экономического развития, под подготовкой управленческих кадров прежде всего подразумевалась подготовка работников госаппарата и директоров государственных предприятий. Именно поэтому в 90-е гг. прошлого столетия рынок наводнили иностранные программы подготовки менеджеров, частные бизнес-школы «однодневки», плохо подготовленные бизнес-тренеры. Высочайшая потребность молодых менеджеров в базовых и специальных компетенциях, актуальные требования времени к использованию современных моделей управления и отсутствие адекватного предложения на отечественном рынке образовательных услуг привели к тому, что бизнесмены стали удовлетворять свои образовательные потребности в бизнес-школах Европы и США. Однако подобный выход нес в себе и ряд рисков: несоответствие предлагаемой бизнес-модели реалиям российской экономики, необходимость учиться с отрывом от производства, языковые барьеры, высокая стоимость обучения и т. д.

Именно это стечение факторов породило общественный запрос на централизацию бизнес-образования в России и стало основой для принятия решения о запуске программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ в 1997 г.

В миссию программы входит подготовка высокопрофессиональных управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ. Интересно то, что программа достигает общегосударственной стратегической цели создания резерва молодых менеджеров, при этом подготовка менеджеров осуществляется с учетом экономических особенностей каждого региона.

В Кемеровской области реализация программы соответствует общероссийским требованиям к участникам программы: возрасту, уровню образования, трудовому и управленческому стажу. Выпускникам предоставляется возможность прохождения стажировки на профильных российских и зарубежных предприятиях.

Специфика программы определяется ее региональными целями и задачами, масштабностью реализации, наличием нескольких уровней обучения, инновационностью используемых образовательных средств и методов обучения и возлагает огромную ответственность на организации, получившие право на реализацию обучения.

Первый этап, образовательная часть Программы (профессиональная переподготовка) осуществляется в Кемеровской области на базе Кемеровского государственного университета и Кузбасского государственного технического университета.

Этап обучения в вузе формирует базовые и специальные профессиональные компетенции управления, встраивает менеджеров в единое коммуникативное региональное бизнес-пространство, способствует личностному росту и масштабированию жизненных отношений менеджера.

За весь период реализации программы (с 1998 г.) в Кемеровской области по программе прошли обуче-

ние более 2000 управленцев, из них практически четвертая часть (544 специалиста) впоследствии прошли зарубежные стажировки [6].

Президентская программа постулирует следующие ценностные приоритеты: предложение реальных, практических умений и навыков, бизнес-инструментов, адекватных актуальным задачам рыночной экономики, расширение социальных связей, социальноориентированность.

Помимо традиционных программ повышения квалификации в программу подготовки управленческих кадров входят и проектноориентированные программы, предусматривающие приоритетное развитие компетенций менеджера в области экономики и управления, подготовку и реализацию проекта под руководством и при консультации команды преподавателей, встроенной в процесс обучения.

Помимо инновационного подхода к подготовке выпускной квалификационной работы (проекта), с которым бизнесмен или целая проектная команда заходят на обучение, дорабатывая в течение образовательного процесса свой проект и подводя его к этапу реализации, программы типа А используют инновационные образовательные технологии. Это компьютерные образовательные стимуляторы (моделирование условий и экономических ситуаций для быстрого развития управленческих компетенций); конкурентное образование (технологии обучения в форме соревнования для мотивации к развитию лидерства); проектное образование (основой обучения является разработка реального проекта, что позволяет максимально сблизить теорию и практику).

Рассмотрение проектно-ориентированного обучения через призму категории отношений (А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский, Б. Ф. Ломов и др.) позволяет реализовывать диалогичность в процессе обучения, используя «субъект-субъектный» подход в воспроизводстве профессионального потенциала управленцев.

В акмеологической тематике субъект – это лучший способ самоорганизации и саморазвития через саморегулирование и разрешение различных противоречий человека (личности, группы). Обзор субъектности как сущности человека, необходимости и условий его жизни позволяет рассматривать субъектность как фактор жизненных отношений. Субъект: в процессе активной деятельности, направленной на преобразование мира, открывает объективную реальность и в процессе противопоставления строит собственную субъектность; расширяет свои пределы, вовлекая в них пространство и время отношений; выступает одновременно субъектом и объектом преобразований по отношению к себе.

В акмеологии субъектность выступает в качестве интегральной способности построить жизнь в соответствии со своими собственными целями и ценностями [1]. Выступая в качестве субъекта собственной жизни, личность порождает жизненную стратегию, выстраивая приоритеты развития.

Требования современного рынка для кадрового менеджмента позволяют озвучить ряд описательных характеристик молодого менеджера: новатор и лидер, интегрированный с организацией; имеет широкий панорамный кругозор; способен своевременно отслеживать изменения в реальном мире бизнеса; имеет спо-

собность к определению возможной перспективы; стремится к профессиональному и личностному развитию; умеет работать в команде на результат [4].

Именно субъектность как важнейший фактор жизненных отношений [3], позволяет менеджерам выстроить соответствие с требованиями рынка, оптимально выстраивая собственную профессиональную деятельность и воплощая ее в эффективных бизнес-результатах.

Акмеологический подход (А. А. Бодалев, А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин и др.) сосредоточен на изучении личностного и личностно-профессионального развития, выявлении условий и факторов, которые способствуют достижению личностных и профессиональных вершин роста. Основная позиция ведущей роли продуктивного развития человека в решении проблем профессионального развития позволяет вести речь о том, что достижение вершин профессионализма является основным условием высокой эффективности и стабильности достижения высоких показателей труда.

Опора на методологические принципы комплексности, системности, субъекта, жизнедеятельности, единства потенциального и актуального, развития, психологического детерминизма, единства личности и деятельности подразумевает активность, целеустремленность и ответственность субъекта жизненного пути [1].

Пространство Президентской программы несет потенциальные акмеологические требования для построения и наращивания профессионализма бизнес-субъектов различного уровня. Тем не менее риски, обозначаемые западными педагогами и психологами, могут способствовать деакмеологизации условий. Недостаточное количество моральных и материальных стимулов к обучению, несовместимость конкретных образовательных потребностей взрослых, методов обучения и оценки, различный уровень знаний слушателей. Профессиональный опыт преподавательского состава в обучении субъектов бизнеса, способность руководить работай слушателей, а не сообщать им лишь факты; требовать понимания сути процессов и явлений, а не заучивания формулировок [2].

В целях снижения рисков деакмеологизации условий В. М. Шевцова предлагает использовать компоненты ретренинга в системе дополнительного профессионального образования, организуя развивающую среду включением компонентов «проживание», «самоопределение», «индивидуальная образовательная траектория».

«Проживание» обеспечивается технологией интенсивного погружения через форму познания действительности в ее полновесной целостности. Перед слушателем ставится задача включения образовательного пространства в пространство собственных жизненных отношений, присвоения его ценностей.

«Самоопределение» дает возможность формировать у слушателя умение осуществлять сознательный выбор собственной позиции, целей и средств самореализации, выстраивать личностные и профессиональные приоритеты. Процесс самоопределения напрямую связан с профессиональной идентификацией руководителя.

«Индивидуальная образовательная траектория» дает возможность слушателю стать автором собственного профессионального развития, предоставляя

ему право на осознанный и согласованный с организаторами образовательного процесса выбор компонентов своего обучения – смысла, целей, задач, темпа, форм, методов, личностного содержания образования, системы консультирования и контроля результатов.

«Культурный текст» – как итоговая работа, позволяющая слушателю создать пространство, где развивается социально-значимая проектируемая инновационная деятельность.

«Проектирование, самопроектирование», дающее слушателю самостоятельно устанавливать цели личностного и профессионального развития.

«Диалог» как возможность инициировать переход от человека образованного к человеку культурному. Относительно обучения управленцев диалог способствует развитию способности выходить за свои пределы, нацеливает на сотрудничество.

«Рефлексирование», нацеленная на развитие индивидуальности субъекта профессиональной деятельности. Автор выделяет значимые виды рефлексии для подготовки управленцев: ретроспективная (для анализа собственного опыта), актуальная (способствующая самоактуализации субъекта), преобразующая (способствующая личностно-профессиональному развитию) [9].

В Кемеровском государственном университете реализуется проектно-ориентированная программа «Менеджмент», основой которой выступает модель компетенций менеджера компании SHL, адаптированная под выполнение целей и задач профессиональной подготовки менеджеров. Модель сочетает в себе необходимые базовые и специфические управленческие компетенции (когнитивные, функциональные и личностные в другой интерпретации), являющиеся основой преемственности между разделами модулей программы.

В рамках первого модуля программы реализуется тренинг «Эффективный тимбилдинг/формирование проектных команд», в рамках которого слушатели совершенствуют все компетенции используемой модели.

Нами сформулирован ряд акмеологических условий для проведения развивающей практики:

- создание субъект-субъектных отношений диалогичности не только между участниками развивающих занятий, но и включение в диалогичное пространство преподавателей и тренеров Программы;
- создание в группе ситуаций с высоким потенциалом порождения субъектности человека для осуществления самопроектирования;

Литература

1. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека / общ. ред. А. А. Деркач // Акмеологические технологии диагностики и актуализации личностно-профессионального роста. М.: РАГС, 2001. Кн.1 – 5. Кн. 5. 2001. 541 с.
2. Бондаренко Е. Н. Пути самореализации и самоактуализации педагогических кадров в системах повышения квалификации развитых стран // Акмеология. М., 2009. № 1. С. 15 – 18.
3. Емельянова О. В. Взаимосвязь жизненных отношений и субъектности государственных служащих: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 26 с.
4. Захаров В. М. Президентская программа подготовки управленческих кадров как технология воспроизводства профессионального потенциала кадров регионального управления // Научные ведомости. (Серия: Философия. Социология. Право). 2013. № 23(166). С. 76 – 85.
5. Официальный сайт Президентской программы подготовки управленческих кадров. Информационная страница. Режим доступа: <http://www.pprog.ru> (дата обращения: 28.04.2015).

– создание условий «здесь и теперь» для оптимизации процесса формирования акмеологических жизненных отношений участников процесса с учетом их уникальности для полного погружения участников в среду Президентской программы;

– направленность акмеологического влияния рефлексии и наращивание субъектного потенциала.

Реализация тренинга позволяет запустить процесс подготовки высокосубъектных управленцев, направить процесс реализации творческой активности слушателей программы в целенаправленное преобразование себя и окружающей действительности, подготовить их к активному построению своей траектории развития в рамках проектноориентированного обучения, развить способность к объективации собственного профессионального опыта в реализации проекта.

«Основными показателями, характеризующими эффективность Президентской программы, являются:

- улучшение инвестиционного климата в регионе;
- создание новых предприятий и организаций, в том числе субъектами малого и среднего бизнеса;
- создание новых рабочих мест;
- внедрение инновационных проектов в различные сектора экономики;
- реализация проектов в сфере энергосбережения и энергоэффективности;
- создание совместных предприятий с зарубежными партнерами;
- привлечение промышленных технологий;
- ускорение модернизации процессов в социальной сфере» [4].

Конечно, решить проблему воспроизводства управленческого потенциала крупнейшего угледобывающего региона возможно только в социальном партнерстве образования, производства, бизнеса и государства. Однако это не умаляет требования к организациям, получившим право подготовки управленческих кадров в рамках государственного плана. Более того, указанные показатели характеризуют высочайший уровень образовательного запроса потребителей образовательных услуг.

Именно акмеологизация образовательного пространства Президентской программы позволит решить стоящие перед Программой задачи и подготовить высокосубъектных управленцев, способных коренным образом оптимально преобразовывать окружающую действительность, достигать высоких показателей профессиональной деятельности и принимать ответственность повышения качества жизни жителей Кемеровской области.

6. Официальный сайт Президентской программы подготовки управленческих кадров в Кузбассе. Информационная страница. Режим доступа: <http://www.pprog42.ru> (дата обращения: 28.04.2015).
7. Серый А. В. Тренинговое обучение в вузе как условие интернализации смысла будущей профессии // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 181 – 185.
8. Старикова А. В. Экономика регионов: тенденции развития: монография; под общ. ред. О. И. Кирикова. Воронеж: ВГПУ. 2011. 318 с.
9. Швецова В. М. Компоненты ретренинга в системе дополнительного профессионального образования // Акмеология. М., 2009. № 1. С. 27 – 31.

Информация об авторах:

Емельянова Олеся Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, emolesya@yandex.ru.

Olesya V. Emelianova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

Емельянов Юрий Петрович – председатель избирательной комиссии Кемеровской области.

Yury P. Emelianov – Chief Electoral Officer of Kemerovo region.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 374.71

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ ДЕТСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ

А. О. Ефремова

THE MODEL OF SOCIO-CULTURAL DESIGN AND PROMOTION OF CHILDREN'S EDUCATIONAL PROGRAMMES IN MUSEUMS

A. O. Efremova

В данной статье автор предлагает модель социально-культурного проектирования и продвижения детских образовательных программ в деятельности музеев. Автор предлагает разделить модель на два блока: 1) блок социально-культурного проектирования детских образовательных программ; 2) блок коммуникационного продвижения детских образовательных программ. Каждый блок автор делит на 4 компонента и анализирует и приходит к выводу, что данная модель является эффективной, конкурентоспособной оптимизирующей имидж музея как современного учреждения культуры, привлекательного для детских целевых аудиторий.

The paper proposes a model of social and cultural design and promotion of children's educational programmes in museums. The author proposes to divide the model into two parts: 1) a block of social and cultural design of children's educational programmes; 2) the communication unit of promoting children's educational programmes. Each block is further divided into 4 components and analyzed; the author concludes that this model is effective and competitive as it optimizes the image of the museum as a modern institution of culture, appealing to children's audiences.

Ключевые слова: социально-культурное проектирование, продвижение, детские образовательные программы в музее, модель детских образовательных программ.

Keywords: social and cultural development, promotion, children's educational programs in the museum, model of children's educational programmes.

В настоящее время учреждениям культуры недостаточно разрабатывать качественный «культурный продукт», необходимо продвигать его на рынок услуг. Это связано с тем, что XXI век ознаменовался целым рядом перемен, связанных с формированием в России и ее регионах новых рыночных отношений во всех сферах жизни. Произошел отход от системы государственного планирования. В этих условия учреждения культуры вынуждены вести конкурентную борьбу между собой: так музеи могут конкурировать с библиотеками, создавая и продвигая детские образовательные программы.

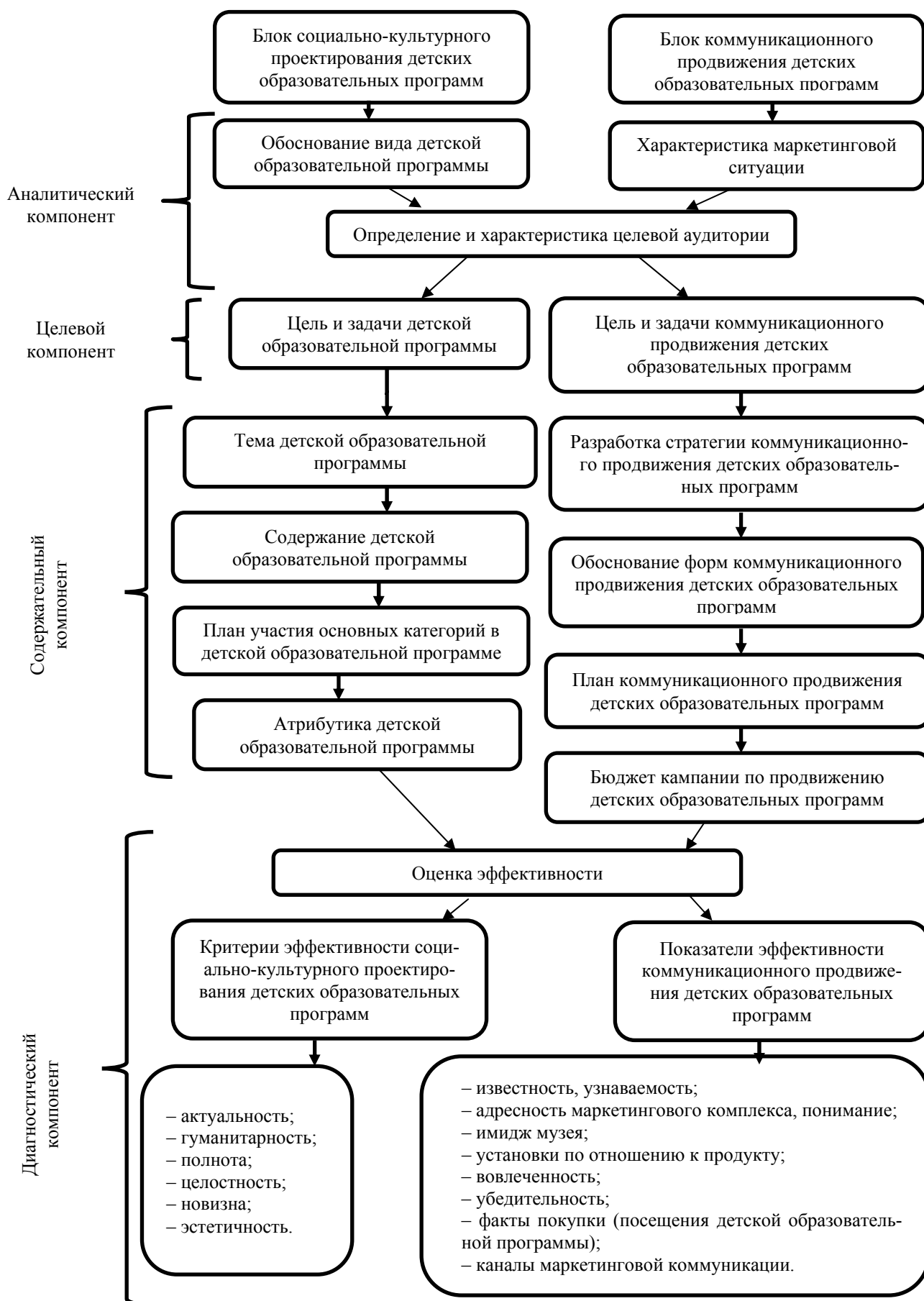
Изучение детских образовательных программ и программ их коммуникационного продвижения как предмета социально-культурного проектирования позволит вывести процесс организации образовательных

программ в музеях на качественно новый уровень. Для эффективного социально-культурного проектирования и продвижения детских образовательных программ в деятельности музеев важно разработать соответствующую модель (таблица 1).

Модель эффективного социально-культурного проектирования и продвижения детских образовательных программ музеев состоит из двух блоков: аналитический, целевой, содержательный, диагностический.

Аналитический компонент модели в блоке социально-культурного проектирования детских образовательных программ состоит из обоснования вида детской образовательной программы, в блоке коммуникационного продвижения детских образовательных программ – из характеристики маркетинговой ситуации.

Модель социально-культурного проектирования и продвижения детских образовательных программ в деятельности музеев

Для правильного выбора вида разрабатываемой детской образовательной программы необходимо предварительно проанализировать ресурсы территории (микрорайона, района, города, региона, Российской Федерации), а также музея, на базе которого будет реализовываться программа.

В характеристику маркетинговой ситуации входит анализ внешних и внутренних факторов, влияющих на результат деятельности организации. Г. Л. Тульчинский, Е. Л. Шекова приравнивают анализ к пониманию мотивации фирмы, рынка, среды. Для проведения анализа внешних у внутренних факторов необходимо провести сегментацию рынка, изучить конкурентов, а также провести исследование общеэкономических тенденций и тенденций в отрасли, среды и оценить состояние и возможности организации. К внутренним факторам, влияющим на деятельность музея, относятся количество посетителей, обслуживание посетителей, коллекции, выставочная деятельность, финансирование, генерирование доходов, к внешним – политические, экономические, технологические, социальные факторы.

Также в аналитический компонент входит определение и характеристика целевой аудитории. Эта характеристика важна для двух блоков. Важно выявить и охарактеризовать целевые группы социально-культурного проектирования и коммуникационного продвижения детских образовательных программ, определить контактные аудитории (те социальные силы и группы, от действий которых зависит решение проблем музея как рекламодателя).

Согласно общей классификации коммуникационных аудиторий можно выделить следующие их группы: нормативные (представители власти); функциональные (деловые партнёры организации – и союзники, и конкуренты); потребительские (потребители товара (детской образовательной программы); диффузные (выразители общественного мнения – СМИ, общественные организации и т. п.).

Все эти группы есть у каждой организации, действующей в любых условиях. Начиная анализ аудитории, прежде всего, мы должны определить какую группу аудитории мы отнесём к целевой, т. е. на кого будет направлено коммуникативное воздействие. Лучше всего фокусировать воздействие на одной аудиторной группе, максимум – на двух – трёх. Тогда воздействие будет адресным.

Следует обратить особое внимание на «системообразующий» признак аудиторной группы. Нас интересует не все жители региона, а именно те, кто может стать или уже является потребителем (прочее население относится к косвенным группам). Выделение среди уже отобранных групп основных и второстепенных (косвенных), с точки зрения актуальности для разрешения проблемы организации, учреждения, совершенно необходимо.

При анализе целевой аудитории образовательной программы необходимо ответить на несколько вопросов: кто является потенциальным посетителем программы? почему они решили посетить программу (или музей)? когда они обычно посещают/планируют посетить программу (музей)? чего они ждут от программы (или музея)?

В целевом компоненте модели определяются цели и задачи детской образовательной программы и программы коммуникационного продвижения, которые можно разделить на основании основных сегментов рынка программ (руководитель музея, организующего программу; дети и родители, посещающие программу).

Согласно такой классификации сегментов возможно выделить следующие группы целей: воспитательные, зрелищно-развлекательные, рекламные, фандрайзинговые, пиаровские и т. д.

А. П. Марков отмечает, что определение целей и задач коммуникационного продвижения определяется в зависимости от нескольких факторов: проблем рекламодателя; специфики предмета рекламной коммуникации, размера и особенностей целевого сегмента, силы партнёров и характера конкуренции, этапа жизненного цикла предмета рекламы и др. [3].

Цели коммуникационного продвижения определяют вид рекламного сообщения, которое может быть информационным, побуждающим, напоминающим, подкрепляющим, просвещающим, пропагандирующим.

Содержательный компонент в блоке социально-культурного проектирования детских образовательных программ состоит из следующих разделов: 1) тема детской образовательной программы; 2) содержание детской образовательной программы; 3) план участия основных категорий в детской образовательной программе; 4) атрибутика детской шоу-программы.

Инициатор программы определяет тему детской образовательной программы в соответствии со своими основными проблемами и базовыми ресурсами.

План участия основных категорий в детской образовательной программы связан с аудиторией программы.

Атрибутика детской образовательной программы связана с блоком коммуникационного продвижения. Атрибут – предметный символ детской образовательной программы. Он является товарным знаком программы или всего музея (бренд), рекламным атрибутом, коммерческим продуктом. Некоторые музейные профессионалы настороженно относятся к созданию брендов в музее. Это связано с тем, что в музее, т. к. он не является корпорацией или бизнес-структурой, необходимо адаптировать принципы, регулирующие технологии создания брендов в коммерческом секторе, с потребностями культурных институций.

Очень часто музейные сотрудники задаются вопросом: что именно бренд может сделать для музейной институции? В первую очередь, конечно, это некий маркетинговый инструмент: хороший бренд может говорить людям о том, что музей является высокопрофессиональной организацией, в которую следует инвестировать деньги (для потенциальных доноров и спонсоров); в музее находятся уникальные коллекции (для посетителей) или что в музее интересно работать (для потенциальных сотрудников). Хороший бренд также может позитивно влиять на экономическую деятельность музея, то есть увеличить количество посетителей или продажи музейных каталогов. Иначе говоря, бренд делает организацию конкурентоспособной, то есть способной предлагать некий особый опыт в жесткой конкуренции с индустрией развлечений.

Целевой компонент блока коммуникационного продвижения состоит из 4 разделов:

- 1) разработка стратегии коммуникационного продвижения детских образовательных программ;
- 2) обоснование форм стратегии коммуникационного продвижения детских образовательных программ;

3) план коммуникационного продвижения детских образовательных программ;

4) бюджет кампании по продвижению детских образовательных программ.

Разработка стратегии коммуникационного продвижения детских образовательных программ может быть представлена в виде таблицы.

Таблица 2

Разработка стратегии коммуникационного продвижения детских образовательных программ

<i>Целевые и контактные группы</i>	<i>Задачи</i>	<i>Предмет рекламной коммуникации</i>	<i>Основания для позиционирования</i>	<i>Тема и содержание рекламного сообщения</i>	<i>Формы и средства рекламной коммуникации</i>
1	2	3	4	5	6

А. П. Марков делит формы рекламных коммуникаций на три группы: акция, сюжетно-ролевая ситуация и опосредованные формы рекламной коммуникации. Последнюю группу форм можно поделить на три подгруппы: первая подгруппа – это письменное обращение такие, как заметка, статья, рекламный текст, листовка, дайджест, пресс-релиз, открытка, приглашение; вторая подгруппа – это специальные формы печатной рекламы такие, как проспект, каталог, альбом, плакат, буклет; третья подгруппа – это формы предметной демонстрации такие, как действующие модели, планшеты, рекламные щиты, витринные экспозиции.

Важную роль в обосновании форм коммуникационного продвижения играет верное обоснование предмета продвижения. В качестве самостоятельного предмета продвижения (или его составных частей) могут выступать: бренд, товарный знак, товар, товарная марка, имидж, стиль жизни, ценности и нормы, услуга, проблема, акция, потребители.

Могут возникнуть трудности при разработке и продвижении сложных предметов коммуникации, к которым относятся бренд и имидж.

После обоснования предмет продвижения, нужно выделить его сильные стороны в сравнении с аналогичными и найти выгодные основания для позиционирования. Проектировщику необходимо выстроить сообщение об особенностях товара, в том числе и в том случае если его потребительские качества такими не считаются.

В основу для рекламного сообщения может быть положена оригинальная форма или даже средство рекламной коммуникации. А. П. Марков замысел рекламного хода представил по следующей формуле: «форма + тема + специальные средства и приёмы». При этом форма рекламной коммуникации может быть любой.

Различные факторы влияют на тематику рекламного сообщения, но наибольшее влияние оказывают особенности предмета коммуникации, ценности и личностные проблемы аудитории и ресурсы инициатора рекламной коммуникации. Основные темы можно объединить в несколько блоков: первый блок – признание, статус, успех, обладание; второй – дружба, общение; третий – экзотика, риск, достижение; четвёртый – карнавал, веселье, радость, праздник; пятый

– красота, здоровье, сила; шестой – наслаждение, удовольствие.

С одной стороны, тематика рекламного сообщения связана с основными человеческими эмоциями, а с другой – с основными человеческими ценностями.

Средствами рекламной кампании могут выступать проектные технологии такие, как категоризация, проблематизация, позиционирование, референция, а также специальные приемы такие, как метафора, интрига, парадокс, подстройка.

В обоснование формы рекламной коммуникации входит: проектное обоснование акции, сценарий сюжетно-ролевой ситуации, а также разработка рекламного макета.

В случае, если формой рекламы станет зрелищное мероприятие, телеролик или клип, то нужно на основе материала рекламной компании обосновать сценарий сюжетно-ролевой ситуации. В этом случае основой сюжета станет ролевая потребительская ситуация, в которой «герои» демонстрируют определённую систему ценностей и соответствующее им потребительское поведение.

В основе каждой ролевой ситуации лежат сюжетно-образующие вещи такие, как ценности, обозначающиеся символами опознавательными знаками определённого жизненного стиля, а также проблемы, решением которых в сюжетно-ролевой ситуации служит товар.

Предмет рекламной коммуникации в сюжетно-ролевой ситуации сложный, он состоит из рекламирующего и рекламируемого. Технология референции используется проектировщиками для усиления рекламного воздействия. Эта технология позволяет персонализировать отношение к предмету рекламной коммуникации – в сюжете его демонстрирует значимая для целевой группы личность, своими действиями, словами, дающая «команду» аудитории. В этом случае необходимо первоначально обосновать тип референта. Для обоснования типа референта необходимо определить его образ (герой сказки, исторический деятель или реальная личность) и то качество, в котором он будет выступать по отношению к предмету рекламы. Референт выбирается в зависимости от характеристик целевой группы, предмета и темы рекламы.

В разработку макета рекламы входит создание текста рекламного сообщения (текст в широком смысле

есть любая связанная система знаков, выступающая способом коммуникации с аудиторией рекламы).

Макет рекламы делится на вербальную и визуальную часть. В вербальную часть входит: эхо-фраза, рекламное сообщение, заголовок, слоган (девиз, лозунг, который выражает основную идею предмета рекламы).

Визуальная часть макета рекламы – это те зрительные образы, которые усиливают воздействие рекламного текста.

Шестой раздел «План рекламной компании» можно представить в виде таблицы (таблица 3).

Таблица 3

План рекламной компании

<i>Форма рекламы (акция, приём, средство и т. д.)</i>	<i>Сроки проведения и последовательность смены рекламных мероприятий</i>	<i>Критерии эффективности рекламной кампании</i>

Бюджет кампании по продвижению детских образовательных программ включает расходы по его проектированию и размещению. Канал коммуникационного продвижения – это канал, показывающий рекламу, или печатное издание, размещающее на своих страницах рекламные тексты. В настоящее время стоимость рекламы зависит от рейтингов. Телеканал или печатное издание продает аудиторию, которая смотрит ролик или читает данное издание.

Диагностический компонент в блоках представлен оценкой эффективности. В блоке социально-культурного проектирования детских образовательных программ оценка эффективности происходит с помощью следующих критериев:

- актуальность – значимость образовательной программы для детей, соответствие программы потребностям детей, способность решать современные проблемы детей и родителей;

- гуманитарность – направленность детской образовательной программы на раскрытие, реализацию гуманистических идей и её проведение с ориентацией на уважение к личности участников; создание позитивной эмоциональной атмосферы в детском коллективе;

- полнота детской образовательной программы определяется наличием всех необходимых структурных элементов детской образовательной программы, необходимым уровнем насыщенности, выраженности и проработанности каждого компонента детской образовательной программы, в том числе, проработанностью вариативного импровизационного компонента, который создает условия для развития событий детской образовательной программы;

- целостность – взаимосвязь и единство всех структурных элементов детской образовательной программы, их соразмерность и упорядоченность;

- новизна зависит от наличия обновлённых приемов, нестандартных идей и инновационных подходов;

- эстетичность – художественно-музыкальное, образное решение детских образовательных программ, наличие эмоциональный фон детской образовательной программы, гармоничное использование художественных средств.

Эффективность социально-культурного проектирования детских образовательных программ зависит от качества её разработки и реализации. Разрабатывая целевой компонент, его необходимо разворачивать от

целей высшего порядка к задачам, от них – к ожидаемому результату, методам его отслеживания.

В блоке коммуникационного продвижения детских образовательных программ оценка эффективности происходит с помощью следующих показателей эффективности коммуникационного продвижения детских образовательных программ:

- известность – количество людей из целевой аудитории, вспомнивших коммуникационное сообщение;

- узнаваемость – количество людей из целевой аудитории, вспомнивших суть коммуникационного сообщения;

- адресность – направленность коммуникационного сообщения на определенную целевую группу;

- понимание – восприятие целевой аудиторией смысла коммуникационного обращения, убедительность сообщения;

- имидж музея и образовательной программы – восприняла ли целевая аудитория продвигаемый музей и образовательная программа положительно, сочла ли она его подходящим для себя; как изменился имидж музея после проведения коммуникационных мероприятий;

- установки по отношению к музею и образовательной программе – восприятие коммуникационного обращения и продвигаемого продукта;

- вовлеченность – какие ощущения (ассоциации) вызвала информация у целевой аудитории;

- убедительность – вызвало ли коммуникационное обращение интерес достаточный для посещения детской образовательной программы;

- факты посещения детской образовательной программы – измерение объемов посещений детских образовательных программ;

- близость – насколько «близким» целевой аудитории стал музей;

- каналы коммуникационного продвижения – оценка степени охвата целевой аудитории средствами маркетинговых коммуникаций.

Следует отметить, что к важнейшим параметрам оценки эффективности коммуникационного продвижения детских образовательных программ относятся те, которые связаны с показателями осведомленности, степенью понимания посетителями детских образовательных программ обращений и формированием имиджа музея.

Таким образом, мы считаем, что предложенная теоретическая модель социально-культурного проектирования и коммуникационного продвижения детских образовательных программ в музее является эффективной, конкурентоспособной оптимизирующей имидж музея как современного учреждения культуры,

привлекательного для детских целевых аудиторий. Применение маркетинговых технологий позволяет музеям привлекать новые финансовые ресурсы, но не стоит забывать, что согласно Устава ИКОМ музей является некоммерческой организацией.

Литература

1. Десятов В. И., Оленина Г. В. Связи с общественностью в управлении социально-культурными проектами в контексте антропологического подхода: монография. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2006. 266 с.
2. Карелова И. М. К вопросу о педагогической эффективности досуговых программы // The Emissia.Offline Letters: электронное научное издание (научно-педагогический интернет-журнал) (дата обращения: 10.07.2015).
3. Марков А. П. Проектирование маркетинговых коммуникаций: реклам. технологии, связи с общественностью, спонсорская деятельность: учебное пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 542 с.

Информация об авторе:

Ефремова Анна Олеговна – аспирант Алтайского государственного института культуры, anjuta@myttk.ru
Anna O. Efremova – post-graduate student at Altai State Institute of Culture.

(Научный руководитель: **Оленина Галина Владимировна** – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Алтайского государственного института культуры, ustlama@mail.ru.

Academic advisor: Galina V. Olenina – Doctor of Pedagogics, Full Professor, Professor at the Department of Socio-Cultural Activities, Altai State Institute of Culture).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 371.7.796

СОЧЕТАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДОВ НА УРОКАХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Р. С. Жуков, Н. В. Копыткова, Г. А. Шаньшина

COMBINATION OF INDIVIDUAL AND DIFFERENTIATED APPROACHES AT PHYSICAL TRAINING LESSONS IN ELEMENTARY SCHOOL

R. S. Zhukov, N. V. Kopytkova, G. A. Shanshina

В статье представлен опыт работы по применению индивидуального и дифференцированного подходов на уроках физической культуры в зависимости от уровня физической подготовленности и состояния здоровья младших школьников.

The paper presents the experience of applying the individual and differentiated approaches to physical training lessons depending on the level of physical fitness and health of school children.

Ключевые слова: физическое воспитание, индивидуальный подход, дифференцированный подход, младшие школьники, физическая подготовленность, мотивация.

Keywords: physical education, individual approach, differentiated approach, junior school students, physical fitness, motivation.

Актуальность дифференцированного подхода в процессе физического воспитания учащихся обусловлена рядом объективных причин: неоднородность темпов физического развития школьников, неодинаковый уровень физической подготовленности, разные способности учащихся к овладению двигательными действиями и др. Анализ научных исследований показывает, что в настоящее время в области физического воспитания школьников дифференцированный подход уже получил достаточно широкое распространение [1; 5; 8 и др.]. Дифференцированный подход предполагает специфичную организацию учебного материала в виде дифференцированной методики

обучения для групп учащихся с различным уровнем физической подготовленности [2; 4 и др.].

В то же время сохраняется противоречие между необходимостью совершенствования физкультурного образования и отсутствием научно обоснованных подходов в области индивидуализации и дифференциации учебного процесса, что обуславливает актуальность научной проблемы настоящего исследования, которая заключается в определении того, каким образом должны решаться вопросы оптимизации образовательного процесса по физической культуре в школе при использовании технологии дифференцированного физкультурного образования [9].

Бесспорно, что в реальном процессе обучения знания усваиваются индивидуально каждым учеником. Однако процесс усвоения знаний может быть одинаков, совпадать у детей данной группы, класса. Можно выявить общее в индивидуальном развитии детей в процессе обучения. Общее может характеризовать уровень развития детей, сходство в мотивах деятельности и поведении. Обычно таким общим уровнем обладают дети одинакового возраста. Поэтому знания общих психологических особенностей данной группы, данного возраста, обеспечивают в обучении возможность понимания учебного материала каждым учеником [3]. Основными способами изучения индивидуальных особенностей школьников являются планомерные систематические наблюдения за учеником, индивидуальные и групповые беседы на заранее намеченную тему, дополнительные учебные задачи, специальные задачи, связанные с положением ребенка в коллективе, с отношением к товарищам, его позицией в группе. Главное заключается в том, чтобы всесторонне изучить ребенка и опираться на его положительные качества в преодолении имеющихся недостатков [6]. В этом, на наш взгляд, и состоит понимание «индивидуального подхода». Итак, различия по уровню развития вполне реальны и, безусловно, требуют индивидуального подхода.

Цель исследования – изучить опыт работы по применению индивидуального и дифференцированного подходов на уроках физической культуры в зависимости от уровня физической подготовленности и состояния здоровья младших школьников. Задачи исследования: выявить возможности учёта состояния здоровья и физической подготовленности младших школьников на уроках физической культуры; рассмотреть опыт применения индивидуально-дифференцированного подхода в практике физического воспитания младших школьников. Методы исследования: анализ психолого-педагогической и методической литературы, педагогические наблюдения, тестирование, педагогический эксперимент, методы математической статистики.

Для апробации индивидуально-дифференцированного подхода на уроках физической культуры в зависимости от уровня физической подготовленности и состояния здоровья младших школьников мы провели педагогический эксперимент. Эксперимент проводился в МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 24» г. Кемерово с сентября по май 2014 – 2015 учебного года во 2 «А» – экспериментальном (20 учащихся) и 2 «Б» – контрольном классах (20 учащихся). Первый констатирующий этап педагогического эксперимента был организован для того, чтобы выявить исходный уровень развития физических качеств младших школьников в контрольном и экспериментальном классах. Для выявления уровня показателей физических качеств, применялись тесты, оценивающие двигательные способности учащихся. Подбор заданий основан на принципе доступности учащихся данного возраста (были учтены объем знаний, умений и навыков учащихся, которыми они владеют, их возрастные и психофизические особенности).

На основании изучения медицинских карт мы выяснили, что из 20 учеников 2 «А» (экспериментально-

го) класса 17 учащихся входят в основную медицинскую группу, а 3 – в подготовительную. Из 20 человек 2 «Б» (контрольного) класса 2 ученика входят в подготовительную медицинскую группу, а 18 учащихся – в основную. Исходные результаты тестирования 2 «А» экспериментального и 2 «Б» контрольного классов представлены в таблицах. Результаты тестирования обрабатывались методами математической статистики. Полученные данные результатов эксперимента представлены в таблице 1. Из данных таблицы видно, что на первом этапе педагогического эксперимента развитие физических качеств учащихся контрольного и экспериментального класса находится примерно на одинаковом уровне и соответствует оценкам «удовлетворительно» и «хорошо».

Следующий этап эксперимента был формирующий, он проводился с октября 2014 по апрель 2015 г., цель этапа – создание условий для развития физических качеств младших школьников в форме индивидуально-дифференцированного подхода на уроках физической культуры. Для достижения цели мы составили индивидуально-дифференцированный план работы 2 «А» (экспериментального класса). Использование элементов дифференцированного подхода в работе с учащимися предусматривало: предварительные тестирования (контрольные испытания) с целью комплектования групп по уровню физической подготовленности (высокий, средний, низкий); дифференцированное планирование учебного материала в зависимости от подготовленности младших школьников в укомплектованных группах (снижение и увеличение объема материала, физической нагрузки и т. д.).

В процессе проведения педагогического эксперимента было выявлено, что учащиеся, составляющие группу с высоким уровнем физической подготовленности, осваивают материал по обучению двигательным действиям в среднем на два урока раньше по сравнению с учащимися, имеющими низкий уровень, таким образом, каждая группа получала свое задание в зависимости от уровня физической подготовленности. Одни школьники могли проходить только стадию подготовки к освоению двигательного навыка (учащиеся с низким уровнем физической подготовленности), другие – стадию освоения (средний уровень физической подготовленности), а третьи – стадию совершенствования (высокий уровень физической подготовленности).

Возможности индивидуального подхода были также реализованы в процессе построения содержания различных частей уроков физической культуры. Во вводной части при выполнении учащимися общеразвивающих упражнений устанавливались индивидуальные количественные и временные нормы выполнения упражнений. Подобный подход применялся и в заключительной части урока, основная задача которой заключается в постепенном переходе к относительно спокойному состоянию, что достигается путем применения простых построений, ходьбы, ритмических и дыхательных упражнений, кроме того, при подведении итогов урока указывались на индивидуальные положительные стороны и недостатки, делались индивидуальные замечания отдельным ученикам.

В ходе построения основной части урока учитывались отклонения в состоянии здоровья учащихся; использовались приемы регулирования нагрузок (на основе динамики частоты сердечных сокращений); учитывалась степень утомляемости учащихся и давались индивидуальные задания. Степени сложности заданий подбирались в зависимости от их возможности стимулировать активность учащихся на уроке, формировать положительные эмоции занимающихся в процессе занятий. Использовалось подкрепление (стимуляция) поведения занимающихся, для этого старались соблюдать: своевременность подкрепления (в момент действия, а не после него), оптимальность величины подкрепления, сочетание различных режимов подкрепления: постоянного (в начале обучения), вариативного и закреплённого (через строго определённое время).

После формирующего этапа педагогического эксперимента был проведён второй констатирующий этап, цель которого – выявить уровень развития физические качества во 2 «А» экспериментальном и 2 «Б» контрольном классах после проведения формирующего этапа эксперимента. Для выявления уровня развития физических качеств младших школьников на уроках физической культуры использовались те же тесты, что и на первом констатирующем этапе эксперимента.

Из представленных данных видно, что уровень развития силовых способностей учащихся экспериментального класса соответствуют оценке «хорошо». Конечные показатели силы по отношению к исходному показателю повысились на 20 % в экспериментальном классе и на 10 % в контрольном. В экспериментальном классе сила увеличилась у 89,5 % учащихся, в контрольном классе – у 81 % учащихся. В тесте «сгибание-разгибание рук в упоре лежа (отжимания)» за время проведения педагогического эксперимента произошли достоверные положительные изменения в экспериментальных группах мальчиков и девочек ($p < 0,05$), в то время как в контрольном классе достоверный прирост зафиксирован только в подгруппе мальчиков.

В тесте «поднимание туловища» статистически значимые различия отмечены также только в экспериментальном классе ($p < 0,05$) в группах и мальчиков, и девочек, в контрольном же классе надежных статистических различий не зафиксировано ($p > 0,05$). Кроме того, можно отметить, что на первом этапе проведения педагогического эксперимента и мальчики и девочки контрольного класса превосходили аналогичные показатели в данном тесте экспериментального класса ($p < 0,05$), а на втором этапе средние значения занимающихся экспериментального класса сравнивались со значениями занимающихся контрольного класса ($p > 0,05$).

В тесте «вис на перекладине» в процессе проведения педагогического эксперимента отмечаются достоверные приросты показателей во всех подгруппах экспериментального и контрольного класса ($p < 0,05$).

Конечные показатели развития скоростно-силовых способностей по отношению к исходному у «А» экспериментального класса увеличились на

22,3 %, а у 2 «Б» на 2 %. В экспериментальном классе уровень развития скоростно-силовых способностей увеличился у 89,5 %, а в контрольном – 81 % учащихся.

В экспериментальном классе результаты в прыжках в длину с места достоверно увеличились и у мальчиков ($p < 0,05$), и у девочек ($p < 0,01$), в то время как в контрольной группе только у девочек ($p < 0,05$).

В экспериментальном классе гибкость увеличилась у 84,2 % учащихся, а в контрольном – 76,2 % учащихся, однако статистически значимых изменений мы не зафиксировали ($p > 0,05$).

Конечные показатели выносливости во втором «А» классе увеличились на 19,4 %, а 2 «Б» (контрольном) – на 4,5 %. В экспериментальном классе выносливость увеличилась у 84,2 % учащихся, а в контрольном – 85,7 % учащихся. Результат в тесте «бег на 1000 м» достоверно улучшили и мальчики и девочки экспериментального класса ($p < 0,01 - 0,05$) и только девочки контрольного ($p < 0,05$).

Для выявления уровня интереса учащихся к занятиям физической культурой детям было предложено заполнить анкету, результаты анкетного опроса свидетельствуют о том, что за время проведения педагогического эксперимента у учащихся экспериментального класса повысился уровень интереса к занятиям физической культуры и спорта. Данный факт свидетельствует о том, что к несомненным плюсам использования индивидуально-дифференцированного подхода относится положительное влияние на формирование устойчивого интереса школьников к физкультурно-спортивной деятельности, так как одним из действенных факторов, способствующих формированию интереса, является посильность учебного материала возможностям обучающихся. В случаях, когда ученик отстаёт, когда трудности не только не преодолеваются, но и нарастают, он теряет веру в успех и ослабляет свои усилия, что приводит к отрицательным результатам.

Таким образом, результаты проведённого эксперимента подтвердили, что если осуществлять контроль за уровнем физической подготовленности не реже двух раз в год, а так же осуществлять врачебно-педагогический контроль, то процесс обучения на уроках физической культуры с использованием индивидуального и дифференцированного подходов будет результативным. Ведь одна из главных задач для педагога по физической культуре в работе с младшими школьниками – сохранение и укрепление здоровья, формирование у них потребности в физическом совершенствовании и здоровом образе жизни [7]. Делая вывод относительно использования индивидуального и дифференцированного подходов в практике физического воспитания, следует отметить, что, несмотря на то, что задача научить всех перед учителями ставится, учителя должны стремиться учесть особенности каждого ребёнка, нет необходимости научить всех обучающихся одному и тому же, привести всех к одному уровню.

Таблица

Результаты тестирования двигательных способностей младших школьников
на I и II констатирующих этапах педагогического эксперимента ($\bar{X} \pm m$)

Вид испытания, этапы тестирования	Отжимания, кол-во раз		Прыжки в длину с места, см		Подъем туловища, кол-во раз		Вис, с		Наклон, см		Бег 1000 м, с	
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
<i>Мальчики</i>												
Экспериментальная	14 ± 1,2	18 ± 0,9	138 ± 3	154 ± 4	11 ± 0,4	15 ± 0,9	11 ± 0,6	14 ± 0,8	4 ± 0,47	6 ± 0,7	341 ± 5	296 ± 6
p	< 0,05		< 0,05		< 0,05		< 0,05				< 0,05	
Контрольная	13 ± 0,7	16 ± 0,4	126 ± 4	130 ± 3	15 ± 0,6	16 ± 0,6	9 ± 0,6	12 ± 0,6	3 ± 0,5	5 ± 0,5	322 ± 3	316 ± 3
p	< 0,05						< 0,05					
p					< 0,05						< 0,05	< 0,05
<i>Девочки</i>												
Экспериментальная	7 ± 0,5	10 ± 0,4	112 ± 2	148 ± 5	11 ± 0,3	14 ± 0,5	7 ± 0,6	10 ± 0,8	7 ± 0,9	9 ± 0,6	374 ± 3	294 ± 5
p	< 0,05		< 0,01		< 0,05		< 0,05				< 0,01	
Контрольная	8 ± 0,5	10 ± 0,5	104 ± 3	118 ± 4	14 ± 0,5	15 ± 0,5	7 ± 0,3	9 ± 0,3	8 ± 0,7	8,8 ± 0,7	360 ± 5	311 ± 6
p			< 0,05				< 0,05				< 0,05	
p				< 0,05	< 0,05							

В настоящее время вопрос использования или не использования в педагогической практике дифференцированного и индивидуального подходов решается однозначно в пользу их применения – это лежит в основе повышения результативности учебного процесса. Учитывая индивидуальные особенности, применяя дифференцированный подход, опираясь на природные задатки и наклонности ребёнка, учитель моделирует и реализует персонально в каждом ученике процесс индивидуального развития. При этом пе-

ред учителем встаёт действительно трудная задача – работать на уроке со всеми вместе и с каждым в отдельности. Используя дифференцированный подход, следует стремиться научить всех, но учесть особенности каждого ребенка. Подобная направленность способствует повышению результативности учебного процесса, при дифференцированном подходе необходимо учитывать и индивидуальные особенности, склонности, способности детей.

Литература

1. Антропова М. В., Манке Г. Г., Кузнецова Л. М., Бородкина Г. В. Индивидуально-дифференцированное обучение в гимназии // Педагогика. 2006. № 5. С. 19 – 24.
2. Бальсевич В. К., Лубышева Л. И., Прогонюк Л. Н. Новые векторы модернизации систем массового физического воспитания детей и подростков в общеобразовательной школе // Теория и практика физической культуры. 2007. № 4. С. 56 – 59.
3. Гончаров В. А., Глухов Н. Ю., Жуков О. Ф. Учет индивидуально-типологических особенностей в процессе физического воспитания школьников // Вестник спортивной науки. 2009. № 1. С. 41 – 42.
4. Жуков О. Ф., Левушкин С. П. Технология реализации индивидуального подхода к физической подготовке школьников 14 – 17 лет // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2011. № 2. С. 41 – 45.
5. Короткова Е. А. Оптимизация учебного процесса по физической культуре в общеобразовательной школе на основе технологии дифференцированного физкультурного образования // Теория и практика физической культуры. 2010. № 2. С. 19 – 22.
6. Лышевская В. М. Индивидуальный прогноз развития двигательных способностей у детей и подростков // Теория и практика физ. культуры. 2009. № 3. С. 31 – 34.
7. Родионов В. А. Применение индивидуализированных программ сопряженного физического и психического развития подростков на уроке физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2009. № 6. С. 52.
8. Симонов С. А., Степанян А. Ю. Дифференцированный подход в физкультурном образовании // Теория и практика физической культуры. 2007. № 8. С. 24 – 28.
9. Спирин В. К., Вязанко М. В., Макарова Н. А. Индивидуальный подход как один из важнейших принципов модернизации базового курса физического воспитания в общеобразовательной школе // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2007. № 1. С. 11 – 13.

Информация об авторах:

Жуков Родион Сергеевич – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретических основ физической культуры факультета физической культуры и спорта КемГУ, tofk@kemsu.ru.

Rodion S. Zhukov – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Kemerovo State University.

Копыткова Наталья Валерьевна – учитель физической культуры средней общеобразовательной школы № 24 г. Кемерово, tofk@kemsu.ru.

Natalia V. Kopytkova – Teacher of Physical Education at Secondary School № 24, Kemerovo.

Шаньшина Галина Александровна – старший преподаватель кафедры теоретических основ физической культуры факультета физической культуры и спорта КемГУ, tofk@kemsu.ru.

Galina A. Shanshina – Senior Lecturer at the Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

КОНТРОЛЬ КООРДИНАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ХОККЕИСТОВ

В. Э. Занковец, В. П. Попов

HOCKEY PLAYERS COORDINATION ABILITIES CONTROL

V. E. Zankovets, V. P. Popov

Цель: произвести селекцию из множества применяемых тестов, оценивающих координационные способности; определить их преимущественную направленность; провести экспериментальное испытание на контингенте спортсменов уровня КХЛ; рассчитать оценочные таблицы по каждому тесту и изучить взаимосвязи между различными сторонами координационных способностей. **Материал:** протестировано 20 хоккеистов-профессионалов уровня Континентальной Хоккейной Лиги. **Результаты:** отобрано 16 тестов на льду и вне льда, оценивающих различные стороны проявления координационных способностей; созданы 5-балльные оценочные шкалы по каждому тесту; выявлены взаимосвязи между 16 показателями уровня координационных способностей профессиональных спортсменов. **Выводы:** количественные и качественные показатели стабилметрических тестов имеют исключительно индивидуальный характер и значительный диапазон варьирования, для получения более обширной информации в дальнейших исследованиях необходимо расширить диапазон оценки управляющих механизмов, доступных стабилметрии; выявлено отсутствие взаимосвязи между различными педагогическими тестами, направленными на оценку координационных способностей; инструментальные методы позволяют точно измерить, но только отдельные психофизические функции или отдельные признаки КС: точность воспроизведения, дифференцирование пространственных, временных, силовых параметров движений, а не самих КС как целостных психомоторных образований; разработанные шкалы оценки различных сторон КС являются готовым инструментом для практического внедрения в программу отбора, подготовки и контроля в сфере подготовки хоккеистов.

The research was aimed to: make a selection of hockey tests; define their specificity; perform an experimental trial of the selected tests at CHL-level players; design the score sheets for each test. 20 professional Continental Hockey League players were tested. 16 coordination on ice and off ice tests were selected; 5-point scores sheets for each test were designed; correlation between 16 coordination tests was discovered.

The authors discovered that quantitative and qualitative stabilometric test indicators have extremely individual character and a considerable range of variation, to obtain more comprehensive information for further research it is necessary to expand the range of evaluation of control mechanisms available for stabilometry. The study found no correlation between the different pedagogical tests assessing coordination abilities; instrumental methods allow to precisely measure only individual psycho-physical functions, or individual features of the coordination abilities: reproduction accuracy, differentiation of spatial, temporal, strength parameters of movement, while the coordination abilities as integral psychomotor formations can not be measured precisely. The designed score sheets for various aspects of the coordination abilities are a ready tool for the practical implementation of programme selection, training and players control.

Ключевые слова: хоккей, ловкость, координационные способности.

Keywords: hockey, agility, coordination abilities.

Введение

Современный хоккей предъявляет высокие требования к физической подготовленности спортсменов. Одним из перспективных направлений для решения этих задач является направленное совершенствование координационных способностей (КС).

Отечественными учеными были разработаны критерии оценки КС [1; 8; 9; 12; 13], а также очень практичная классификация видов КС [8].

В мире хоккея применяют множество различных тестов [2 – 7], заимствованных из соответствующей по теме литературе и практики других видов спорта.

Материал и методы исследования

В процессе предварительного экспертного анализа были отобраны тесты по определению абсолютных и относительных показателей координационных способностей, относящихся к разным группам двигательных действий на льду и на земле. Нами было протестировано 20 хоккеистов-профессионалов КХЛ.

7 игроков играют на позиции защитника, 13 хоккеистов являются нападающими.

В ходе исследования нами использовались следующие тесты:

1. *Тест на баланс (количество касаний земли за 30 сек)* [12; 13] отражает способность к динамическому равновесию.

2. *Челночный бег 4х9 метров (сек)* [9] отражает абсолютный показатель способности к перестроению двигательных действий и быстрой.

3. *Коэффициент координационных способностей (м/сек)* отражает относительный (латентный) показатель к перестроению двигательных действий на земле. С целью оценки координационных способностей, нами был разработан так называемый «коэффициент координационных способностей». Он рассчитывался как разница в скорости пробегания тестов «Челночный бег 4 х 9 метров» и бега на 30 метров. В данном случае решалась задача исключить влияние скоростных способностей на конечный результат.

4. *Слаломный бег на коньках без шайбы (сек)* [11] является абсолютным показателем способности к приспособлению и перестроению двигательных действий на льду.

5. *Слаломный бег на коньках с шайбой (сек)* [11] характеризует абсолютные способности к согласованию двигательных действий на льду.

6. *Тест на технику владения клюшкой (сек)* – относительный показатель способности к согласованию движений на льду, высчитывается как разница между временем выполнением упражнения с шайбой и без шайбы [1].

7. *Коэффициент координационных способностей в беге на коньках (сек)* характеризует способность к перестроению двигательных действий и ритму, и представляет собой относительный (латентный) показатель. Данный коэффициент рассчитывался как разница во времени выполнения двух упражнений: бег 27,5 метров на коньках спиной вперед и бег 27,5 метров на коньках лицом вперед.

– *Стабилометрия: стандартный тест Ромберга* [10].

В последние годы для диагностики двигательных координационных качеств спортсменов перспективным направлением признается метод стабилометрии [10], который в последнее время все чаще используется совместно с методикой Ромберга в практике научно-медицинского обеспечения спорта.

В нашем исследовании использовались тест Ромберга и стабилометрия, которая проводилась на Стабилоанализаторе компьютерном с биологической обратной связью «Стабилан-01-2». Методика позволяет

оценить уровень сформированности навыков двигательной сенсорной системы по управлению устойчивостью тела, а также характеризует качество нервно-мышечной активности:

8 – *Стабилометрия – общий балл по итогам теста Ромберга;*

9 – *качество функции равновесия с открытыми глазами (%);*

10 – *качество функции равновесия с закрытыми глазами (%);*

11 – *коэффициент резкого изменения направления движения вектора с открытыми глазами (%);*

12 – *коэффициент резкого изменения направления движения вектора с закрытыми глазами (%);*

13 – *суммарный разброс колебаний общего центра масс с открытыми глазами;*

14 – *суммарный разброс колебаний общего центра масс с закрытыми глазами;*

15 – *площадь доверительного эллипса (основная часть площади, занимаемой стахокинезиограммой, которая характеризует рабочую поверхность площади опоры человека) с открытыми глазами;*

16 – *площадь доверительного эллипса (основная часть площади, занимаемой стахокинезиограммой, которая характеризует рабочую поверхность площади опоры человека) с закрытыми глазами.*

Результаты исследования

Полученные в ходе педагогического контроля данные были обработаны в программе Microsoft Excel. Результаты статистической обработки отражены в таблицах 1, 2.

Таблица 1

Шкалы оценок для хоккеистов КХЛ

Тесты (контрольные нормативы)	Уровень подготовленности, баллы				
	<i>очень низкий</i>	<i>низкий</i>	<i>средний</i>	<i>выше среднего</i>	<i>высокий</i>
	1	2	3	4	5
1	14 и более	10 – 13	6 – 9	2 – 5	1 и менее
2	>9,89	9,35 – 9,89	8,97 – 9,34	8,41 – 8,96	<8,41
3	>3,49	3,1 – 3,49	2,82 – 3,09	2,41 – 2,81	<2,41
4	>4,52	4,33 – 4,52	4,18 – 4,32	3,97 – 4,17	<3,97
5	>4,77	4,52 – 4,77	4,34 – 4,51	4,08 – 4,33	<4,08
6	>0,31	0,23 – 0,31	0,16 – 0,22	0,06 – 0,15	<0,06
7	>1,31	0,91 – 1,31	0,63 – 0,9	0,22 – 0,62	<0,22
8	>21,22	16,11 – 21,22	12,7 – 16,1	7,57 – 12,69	<7,57
9	<63,14	63,14 – 76,95	76,96 – 86,17	86,18 – 99,99	>99,99
10	<40,06	40,06 – 61,75	61,76 – 76,22	76,23 – 97,9	>97,9
11	>21,89	13,78 – 21,89	8,36 – 13,77	0,24 – 8,35	<0,24
12	>19,07	12,03 – 19,07	7,31 – 12,02	0,25 – 7,3	<0,25
13	>6,58	4,76 – 6,58	3,54 – 4,75	1,7 – 3,53	<1,7
14	>7,41	5,73 – 7,41	4,59 – 5,72	2,89 – 4,58	<2,89
15	>254,13	164,14 – 254,12	104,13 – 164,13	14,12 – 104,12	<14,12
16	>439,47	283,45 – 439,47	179,42 – 283,44	23,38 – 179,41	<23,38

Таблица 2

Корреляционная матрица взаимосвязи различных показателей

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	1															
2	-0,12	1														
3	-0,18	0,65	1													
4	0,14	0,00	-0,39	1												
5	0,33	0,12	-0,22	0,39	1											
6	0,21	0,12	0,10	-0,43	0,66	1										
7	-0,33	0,51	0,56	-0,17	0,02	0,16	1									
8	0,00	0,44	0,15	-0,09	-0,10	-0,03	0,17	1								
9	0,15	-0,31	-0,25	0,39	0,20	-0,12	-0,23	-0,65	1							
10	0,11	0,03	0,11	0,23	0,35	0,16	0,00	-0,66	0,61	1						
11	0,01	-0,12	0,10	-0,21	-0,10	0,07	0,09	-0,03	-0,05	-0,17	1					
12	0,04	-0,39	0,05	-0,07	0,08	0,13	0,13	-0,29	0,22	0,08	0,65	1				
13	-0,27	0,45	0,15	0,05	0,11	0,06	0,24	0,34	-0,40	0,11	-0,27	-0,34	1			
14	0,24	-0,22	-0,32	0,13	-0,26	-0,35	-0,53	0,52	-0,34	-0,66	0,05	-0,13	-0,14	1		
15	-0,27	0,45	0,20	-0,10	0,10	0,18	0,21	0,40	-0,58	-0,01	-0,19	-0,22	0,89	-0,03	1	
16	0,18	-0,19	-0,21	0,03	-0,41	-0,42	-0,37	0,59	-0,44	-0,79	0,05	-0,12	-0,13	0,94	-0,01	1

При оценке силы связи коэффициентов корреляции нами использовалась шкала Чеддока [2].

Обсуждение полученных результатов

Необходимо отметить, что представленная батарея тестов диагностики различных сторон КС никем и никогда в такой комплектации не применялась. Имеющаяся у нас информация о тестировании КС в клубах КХЛ и НХЛ, свидетельствует [2; 6; 7], что вопросы оценки уровня КС рассматриваются в узком смысле понимания этого качества (челночный бег на земле, слалом на льду), а в большинстве случаев измерение показателей КС вообще не проводится.

Рассматривая результаты первых семи педагогических тестов, обращаем внимание на то, что они могут являться ориентировочными показателями подготовленности различных сторон КС хоккеистов уровня КХЛ. На базе этих результатов нами рассчитана шкала оценки, которая может использоваться как инструмент обсуждения результатов тестирования команд более или менее высокого уровня (таблица 1).

Рассматривая результаты тестирования, привлекает внимание тест № 1, который косвенно отражает состояние функции равновесия ЦНС. Полученный показатель свидетельствует, по нашему мнению, об имеющемся значительном резерве в улучшении функции равновесия у обследуемого контингента.

Тест № 2 – челночный бег 4 x 9 м является классическим и наиболее популярным тестом как для учащихся средней школы, так и для спортсменов самого высокого уровня в различных видах спорта. Данный тест использовался нами для расчета латентного показателя КС в тесте № 3. Интерес представляет наличие взаимосвязи (0,65) между этими тестами (таблица 2). Это свидетельствует о значительном вкладе латентного показателя в абсолютный показатель координационных способностей к перестроению двигательных действий и быстрой.

Тесты № 4, 5 служили для оценки КС в реальных условиях бега на коньках с шайбой и без шайбы (слалом) и позволили получить абсолютные показатели способности к приспособлению и перестроению двигательных действий на льду. Полученные в этих тестах результаты позволили рассчитать латентный показатель КС, условно названный «Техника владения клюшкой» [1].

Тест № 7, характеризующий способности управлять движением в неординарном для повседневной жизни упражнении (рассчитанный как разница во времени выполнения двух стандартных тестов – бег на коньках 27,5 м лицом и спиной вперед), дал любопытные результаты. Обнаружена его взаимосвязь (0,53) с коэффициентом координационных способностей в тесте на земле № 3, а также (0,51) с простейшим тестом № 2. Можно полагать, что при определенном различии в исполнительной части этих упражнений (биомеханики), программирующие (смысловые) компоненты управляющей системы достаточно близки, что и нашло отражение в корреляционной зависимости. Вместе с тем возникает вопрос: почему отсутствует корреляция между результатами на первый взгляд аналогичных и отражающих латентный

компонент КС в беге на коньках тестов № 6 и 7? Вероятно, бег с изменением направления (змейка) и бег спиной вперед предъявляют к системе управления различные требования, что отражается в несхожести их функциональных систем. Данная ситуация еще раз подтверждает гипотезу В. И. Ляха [1] об автономности различных КС.

Показатели тестов № 8 – 16 отражают состояние механизмов поддержания равновесия, к которым относятся вестибулярная, зрительная и сенсорная системы. Так, оценка качества сохранения равновесия с открытыми и закрытыми глазами в нашем исследовании (тесты 9, 10) подтвердила значимость зрительного анализатора в обеспечении качества равновесия. Диапазон колебаний стабильности поддержания позы на стабиллоплатформе находился в пределах от 61 % до 91 %. При оценке устойчивости с закрытыми глазами уровень стабильности снизился в среднем по группе с 81,57 % до 68,99 %. У некоторых испытуемых уровень устойчивости при выключенном зрительном анализаторе снизился до 38 %. Вместе с тем были зарегистрированы результаты снижения стабильности не более 2 %. В двух случаях получен феноменальный результат улучшения стабильности при отключенном зрительном анализаторе и у четырех обследуемых результат практически не изменился. Диапазон снижения устойчивости оказался очень индивидуальным, что свидетельствует о специфике пострурального профиля спортсменов и индивидуальной структуре управляющих систем.

Показатели теста 11 характеризуют количество колебательных движений за единицу времени в процентах. Увеличение этого показателя свидетельствует о нерациональном использовании энергетических ресурсов в процессе решения двигательной задачи. Сравнение показателей в тестах с открытыми и закрытыми глазами, очевидно, дают информацию о различном соотношении в управлении балансом вестибулярной, зрительной и сенсорной систем.

Интересная информация получена посредством корреляционного анализа. Так, общий балл по сумме всех тестов на стабиллоплатформе проявил взаимосвязь (0,65) с тестами 9, 10, наиболее надежно и стабильно отражающих качество функции равновесия с участием и без участия зрительного анализатора. В свою очередь все показатели в тестах с открытыми глазами и, соответственно, показатели с закрытыми глазами проявили высокую взаимосвязь в своих группах ($r - 13/15 = 0,89$; $r - 14/16 = 0,94$).

Заключение

В ходе данной работы проведен глубокий анализ существующей литературы по теме координационных способностей и методик их контроля. По его итогам произведена селекция наиболее информативных тестов, а также описание их преимущественной направленности. В статье широко описана взаимосвязь между тестами.

Проведенное на команде КХЛ исследование показало, что разработанная нами шкала оценки различных сторон КС является готовым инструментом для

практического внедрения в программу отбора, подготовки и контроля в сфере подготовки хоккеистов.

Полученные результаты имеют практическую и прогностическую ценность для селекции, оценки те-

кущего уровня координационных способностей спортсменов, а также для контроля за ходом адаптации к тренировочной нагрузке.

Литература

1. Букатин А. Ю. Контроль за подготовленностью хоккеистов различных возрастных групп (включая отбор). М.: Федерация хоккея России, 1997. 24 с.
2. Занковец В. Э., Попов В. П. Взаимосвязь скоростных, силовых и скоростно-силовых способностей хоккеистов-профессионалов на льду и вне льда // Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту. 2015. № 9. С. 12 – 19.
3. Занковец В. Э., Попов В. П. Динамика ЧСС в процессе соревновательной деятельности хоккеистов молодёжной сборной Республики Беларусь // Актуальные аспекты современной науки: сборник материалов VIII-й Международной научно-практической конференции (г. Липецк, 30 июня 2015 г.) / отв. ред. Е. М. Мосолова. Липецк: РаДуши, 2015. 108 с.
4. Занковец В. Э., Попов В. П. Модификация теста Купера для оценки аэробной работоспособности в игровых видах спорта // Университетский спорт в современном образовательном социуме: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23 – 24 апр. 2015 г.: в 4 ч. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры; редкол.: Т. Д. Полякова (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУФК, 2015. Ч. 3: Молодёжь – науке. С. 143 – 146.
5. Занковец В. Э., Попов В. П. Периодизация тестирований в игровых видах спорта // Наука и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции (5 июня 2015 г., г. Уфа): в 2 ч. Ч. 1. Уфа: Аэтерна, 2015. 224 с.
6. Занковец В. Э., Попов В. П. Проблема оптимизации обратной связи в профессиональном хоккее (по результатам анкетирования специалистов) // Наука. Образование. Личность: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Ставрополь: Логос, 2015. 134 с.
7. Занковец В. Э., Попов В. П. Тестирование как элемент процесса управления подготовкой хоккеистов высокой квалификации (по результатам опроса специалистов) // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения: сборник материалов XLIV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. С. 246 – 250.
8. Лях В. И. Координационные способности: диагностика и развитие. М.: ТВТ Дивизион, 2006. 288 с.
9. Холодов Ж. К., Кузнецов В. С. Теория и методика физического воспитания и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2003. 480 с.
10. Шестаков М. П. Использование стабилотрии в спорте. М.: ТВТ Дивизион, 2007. 112 с.
11. HockeyTech. Режим доступа: <https://www.hockeytech.com/wp-content/uploads/2014/12/SampleReport-12.10.14.pdf>. (дата обращения: 12.06.2015).
12. Tang K. Balance Boards for Hockey Training // Arizona Local News. Режим доступа: <http://healthyliving.azcentral.com/balance-boards-hockey-training-18987.html> (date of access: 11.07.2015).
13. Twist P. Complete conditioning for hockey. Human Kinetics, 2007. 232 p.

Информация об авторах:

Занковец Владислав Эдуардович – тренер по физической подготовке ХК «Динамо-Минск» и Национальной сборной Республики Беларусь, zankavets@tut.by.

Vladislav E. Zankovets – coach at «Dynamo-Minsk» and Belarus National hockey team.

Попов Валерий Прокофьевич – кандидат педагогических наук, доцент Белорусского государственного университета физической культуры, docendo@bk.ru.

Valery P. Popov – Candidate of Pedagogics, Associate Professor at, Belarus State University of Physical Culture.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ И БИОХИМИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ И ТРЕНИРОВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ХОККЕЕ*В. Э. Занковец, В. П. Попов***STRUCTURE OF COMPETITIVE ACTIVITY AND THE LEVEL OF SPECIAL ENDURANCE IN PROFESSIONAL HOCKEY ASSESSMENT***V. E. Zankovets, V. P. Popov*

В статье приводятся данные о наиболее популярных средствах педагогического контроля, используемых в спорте и хоккее в частности. В данной работе анализируются: двигательная активность хоккеистов в ходе соревновательной деятельности; вклад различных метаболических источников, обеспечивающих игровую деятельность хоккеистов в процессе матча; данные мониторинга ЧСС игроков молодежной сборной Республики Беларусь по хоккею с шайбой в матчах в рамках подготовительного сбора к Чемпионату Мира в Финляндии, а также результаты педагогического и биохимического контроля в ходе тестирования физической подготовленности. Рассматриваются возможности оценки общей и специальной выносливости хоккеистов. По результатам проведенных исследований, впервые в хоккее обнаружен феномен роста лактата в период пассивного отдыха между сменами и сформулирована проблема, требующая ее решения. На материале тестирования молодежной сборной команды Республики Беларусь по хоккею с шайбой рассчитана пятиступенчатая шкала оценки специальной выносливости хоккеистов высокой квалификации на этапе окончания соревновательного сезона.

The paper presents the most popular tools of pedagogical control used in sport, and in hockey in particular. The paper analyzes: the motor activity of players during competitions; the contribution of different metabolic sources providing players activities in the game; heart rate dynamics during competitions of the Belarus men's national U-20 ice hockey team and the results of pedagogical and biochemical control during conditioning testing. Possibilities of assessing the general and special endurance of hockey players are considered. The results of the research revealed (for the first time in hockey) the phenomenon of the growth of lactate during passive rest between shifts, thus the problem that needs solving was formulated. On the material of testing the Belarus men's national U-20 ice hockey team the authors calculated the five-step rating scale for measuring the highly-skilled players' special endurance at the end of the season.

Ключевые слова: мониторинг ЧСС, хоккей с шайбой, физическая подготовка, биохимический контроль.

Keywords: heart rate monitoring, ice hockey, physical training, biochemical control.

Введение

Соревновательная и тренировочная деятельность во всех видах спорта постоянно является предметом дискуссий и научных исследований. Наиболее проблемной является группа игровых видов спорта, которые характеризуются сложной структурой и вероятностным характером соревновательного результата. В связи с этим научное обеспечение в них существенно уступает циклическим видам спорта. В частности, хоккей является одним из самых популярных видов спорта в мире, однако и здесь достаточно много безответных вопросов. В данной работе анализировалась соревновательная нагрузка в процессе реальной соревновательной деятельности хоккеистов высокой квалификации, а также дана педагогическая и биохимическая оценка наиболее популярного теста специальной выносливости.

Анализ соревновательной деятельности в хоккее [14; 15; 24; 27; 28] показал, что игра отдельно взятого хоккеиста состоит из 30 – 80-секундных отрезков интенсивных игровых действий и 3 – 5-минутных интервалов пассивного отдыха [14; 15; 26; 29]. В процессе матча хоккеист выполняет до 55 – 65 ускорений на максимальной и субмаксимальной скорости длиной 10 – 30 метров и более, делает 25 – 30 торможений, после которых стартует с максимальной скоростью, участвует в 20 – 25 силовых единоборствах [15]. Ускорения с максимальной скоростью (общая протяженность за матч, в зависимости от амплуа игрока, 1200 – 1800 метров) сочетаются также с бегом более низкой интенсивности и прокатами по инерции (за матч 5 –

6 км) [14]. За матч хоккеист участвует в среднем в 21 – 22 сменах по 40 – 45 секунд, игровая интенсивность в зоне ЧСС 180 – 190 уд/мин и выше [14].

Таким образом, очевидно, что хоккей предъявляет высокие требования к функциональному состоянию сердечно-сосудистой системы и метаболическим возможностям организма спортсменов [15].

В исследовании [25] выявлено соотношение метаболических источников, обеспечивающих игровую деятельность хоккеистов в процессе матча. Показано, что вклад анаэробных источников ресинтеза АТФ составляет 69 %, а окислительного фосфорилирования – 31 % в общем объеме энергообеспечения игроков [15]. Несмотря на это, требование к поддержанию высокой интенсивности игры в течение всего матча предполагает быструю ликвидацию кислородного долга в кратковременные интервалы отдыха, что возможно при условии повышенного кислородного обеспечения [15].

Отечественные специалисты выявили взаимосвязь между игровой активностью (количество атак, бросков, заброшенных шайб) и суммарным показателем относительной аэробной мощности троек нападающих. Показано, что с повышением суммарной величины аэробной производительности игроков увеличивалась и игровая активность звеньев [15].

Если подвести краткий итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что способность компенсировать имеющиеся сдвиги в организме в многочисленных паузах отдыха, безусловно, будет определяться аэробной производительностью (или аэробными возможностями

ми) спортсмена, что в практике называют «общая выносливость». Однако сама игровая деятельность хоккеиста обеспечивается в первую очередь анаэробно-гликолитическим механизмом энергообеспечения.

Какие инструменты имеются для оценки общей и специальной подготовленности в хоккеистов? К сожалению, унифицированного подхода для решения этой задачи пока еще не существует [8 – 9; 11], однако физиология и биохимия спорта предложили большой перечень средств оценки различных видов работоспособности спортсменов.

Так, для определения общей (неспецифической) выносливости используют: 1) бег на тредбане; 2) педалирование на велоэргометре; 3) степ-тест [4; 21]. Во время выполнения теста измеряются как эргометрические (время, объем и интенсивность выполнения заданий), так и физиологические показатели (максимальное потребление кислорода – МПК, частота сердечных сокращений – ЧСС, порог анаэробного обмена – ПАНО и т. п.) [21]. Обширный анализ литературных источников показал, что самыми популярными тестами данной группы являются:

- «Большой челнок» в зале [14];
- 30-секундный тест Уингейта [20];
- 1-минутный тест [27];
- Тест на тредмиле Каннингхема и Фолкнера [20];
- Тест на «удержание» критической мощности на грузки [2; 3; 12];
- Тест PWCmax6' [12];
- Тест Новакки [20];
- Тест Конкони [22];
- Тесты в лаборатории [22];
- Проба Летунова [12];

- Тест Астранда [20];
- Тест Купера [7; 12; 23] и др.

Очевидно, что если с оценкой общей неспецифической работоспособности особых трудностей не возникает, то оценка специальной выносливости в хоккее в настоящее время дискутируется и нуждается в уточнении. Специфическими считаются тесты, выполняемые на льду, структура и энергетика выполнения которых близка к соревновательной [21]. В этой группе практически на безальтернативной основе наиболее популярным тестом является челночный бег на коньках 5х54 метров (анализируется суммарное время всего теста, время каждого прямого отрезка и поворота) [1; 14; 16 – 18]. Интерес практики хоккея к данному тесту подтвердил проведенный нами опрос 75 профессиональных тренеров [9; 11].

Вместе с тем, не смотря на высокую популярность теста, отсутствует унифицированная оценка результатов обследования. Каждый исследователь разрабатывал шкалу оценки, которая зависела от особенностей тестируемого контингента, что, несомненно, отражалось на нормативных оценках.

Так, нормативные оценки, разработанные Ю. В. Никоновым [13], впечатляют своей тщательной разработкой в виде 5-уровневой шкалы для учащихся групп высшего спортивного мастерства (таблица 1).

Наряду с ними, нормативные оценки для хоккеистов высокой квалификации, разработанные А. Ю. Букатиным [1] и В. П. Савиным [17] не имеют существенных различий. Однако понятие «спортсмен высокой квалификации» нуждается в конкретизации при проведении такого рода исследований.

Таблица 1

Нормативные оценки по физической подготовленности для учащихся групп высшего спортивного мастерства (Ю. В. Никонов)

Тесты (контрольные нормативы)	Уровень подготовленности, баллы				
	<i>очень низкий</i>	<i>низкий</i>	<i>средний</i>	<i>выше среднего</i>	<i>высокий</i>
	1	2	3	4	5
Нападающие (19, 20 лет)					
«Большой челнок» 5х54 м, с	43,7 – 44,0	43,0 – 43,6	42,1 – 42,9	41,7 – 42,0	41,6
Защитники (19, 20 лет)					
«Большой челнок» 5х54 м, с	43,9 – 44,6	43,1 – 43,8	42,8 – 43,0	42,3 – 42,7	42,2

Таблица 2

Показатели уровня подготовленности хоккеистов высокой квалификации (А. Ю. Букатин)

Контрольные испытания	Оценка		
	<i>отлично</i>	<i>хорошо</i>	<i>удовлетворительно</i>
«Большой челнок 5х54 м», с	41	42	43
Сумма пульса за 3 мин восстановления	370	390	410

Таблица 3

Показатели уровня подготовленности хоккеистов высокой квалификации (В. П. Савин)

Контрольные испытания	Оценка		
	<i>отлично</i>	<i>хорошо</i>	<i>удовлетворительно</i>
«Большой челнок 5х54 м», с	42 и меньше	42,1 – 42,7	42,8 – 43,5

Следует заметить, что только в одном случае для оценки результатов тестирования был использован

физиологический показатель «сумма пульса за 3 мин. восстановления» [1].

Методы и организация исследования

С целью получения более полной информации о величине нагрузки в реальной соревновательной деятельности мы провели своё собственное исследование анализа динамики ЧСС молодёжной сборной Республики Беларусь по хоккею в матчах турнира «Кубок Черного моря» [6]. Во время матчей показатели ЧСС отслеживались у 21 игрока посредством системы Polar Team. Для оценки теста специальной выносливости 5х54 м было проведено комплексное педагогическое и биохимическое обследование накануне турнира 37 кандидатов в сборную, в том числе тех, кто по итогам сбора попал на данный турнир. В процессе тестирования фиксировалось время выполнения теста, показатели лактата сразу после нагрузки и на третьей минуте восстановления, а также максимальные значения ЧСС в процессе тестирования. Для получения более полной картины о возможностях практического применения данного теста, была рассчитана пятиступенчатая шкала оценки специальной выносливости.

Результаты исследования

В матчах турнира средние значения максимальной ЧСС во время нахождения хоккеистов на льду были зафиксированы в диапазоне 171 – 180 уд/мин. Во время особо напряжённых смен встречались индивидуальные показатели пульса, превышающие 210 уд/мин. Принимая во внимание, что время выполнения теста 5х54 м примерно соответствует игровому времени одной смены, можно сравнить уровень нагрузки по показателю ЧСС. Средние значения максимального пульса при тестировании специальной выносливости были 192 уд/мин. Диапазон колебаний ЧСС по команде составил 175 – 222 уд/мин. Это позволяет утверждать, что тест отлично отражает реаль-

ную нагрузку по данному показателю, предъявляемую хоккеистам в ходе матчей.

Очень важная информация для практики хоккея получена в результате измерения уровня лактата крови после выполнения теста на первой и третьей минуте восстановления. Крайне интересно, что по окончании бега 5х54м только у пяти спортсменов лактат начинал снижаться к третьей минуте восстановления, у остальных же 32 хоккеистов он нарастал! Так, сразу после нагрузки лактат в среднем составлял 12,35 ммоль/л, а после трёх минут восстановления 15,37 ммоль/л! Минимальные значения составили 6,67 ммоль/л на первой минуте восстановления и 11,16 ммоль/л на третьей. Максимальные показатели, соответственно, – 16,61 ммоль/л и 18,93 ммоль/л. Какая проблема возникает при анализе полученной информации? Ситуация состоит в том, что через 2 – 3 минуты спортсмен выходит на лёд играть следующую свою смену с предельным уровнем лактата крови. Понятно, что эти 2 – 3 минуты нахождения хоккеиста на скамейке трудно назвать отдыхом. Это свидетельствует о том, что после напряжённых смен хоккеистам недостаточно стандартного трёхминутного отдыха. Если не создать условия для снижения уровня лактата, то последующие выходы на лёд могут вызывать ещё большее закисление организма, что может привести к плачевным последствиям в плане результата и, что ещё более важно, для здоровья. В качестве рекомендаций, дабы хоть как-то улучшить ситуацию, можно посоветовать хоккеистам не сидеть, а хотя бы немного пройтись по скамейке запасных и встряхивать ноги [10; 19].

Для более полной характеристики теста специальной выносливости с помощью пятиступенчатой перцентильной шкалы [4] мы рассчитали шкалу оценки (таблица 4).

Таблица 4

**Нормативные оценки по физической подготовленности для кандидатов
в молодёжную сборную Республики Беларусь**

Тесты (контрольные нормативы)	Уровень подготовленности, баллы				
	<i>очень низкий</i>	<i>низкий</i>	<i>средний</i>	<i>выше среднего</i>	<i>высокий</i>
	1	2	3	4	5
«Большой челнок» 5х54 м, с	> 45,85	43,58 – 45,85	42,05 – 43,57	39,76 – 42,04	< 39,76

Заключение

Проведенное исследование позволило получить пульсовую характеристику реальной соревновательной деятельности хоккеистов высокой квалификации. Результаты педагогической и биохимической оценки теста специальной выносливости подтвердили возможность применения данного теста как аналога игровой деятельности по ряду параметров. Впервые в хоккее обнаружен феномен роста лактата в период

пассивного отдыха между сменами и сформулирована проблема, требующая ее решения. На материале тестирования молодежной сборной команды РБ рассчитана пятиступенчатая шкала оценки специальной выносливости хоккеистов высокой квалификации на этапе окончания соревновательного сезона. Сравнение полученной шкалы с предложенными шкалами других авторов представляет дополнительные возможности для дискуссии и дальнейших исследований.

Литература

1. Букатин А. Ю. Контроль за подготовленностью хоккеистов различных возрастных групп (включая отбор). М.: Федерация хоккея России, 1997. 24 с.
2. Волков Н. И. Биохимические факторы спортивной работоспособности. М.: ФиС, 1986. С. 320 – 330.
3. Волков Н. И., Ширковец Е. А. Об энергетических критериях работоспособности спортсменов: в сб.: Биоэнергетика. Л., 1973. С. 18 – 30.
4. Годик М. А. Спортивная метрология: учебник для институтов физ. культ. М.: ФиС, 1988. 192 с.

5. Гуминский А. А., Тарасов А. В., Кулагин Б. П., Матвеев Л. П., Елизарова О. С., Жукова Н. Н., Колосков В. И., Королев Ю. В. Об аэробной производительности хоккеистов, ее значении и средствах повышения // Научно-спортивный вестник. 1975. № 1. С. 20 – 25.
6. Занковец В. Э., Попов В. П. Динамика ЧСС в процессе соревновательной деятельности хоккеистов молодежной сборной Республики Беларусь // Актуальные аспекты современной науки: сб. мат. VIII-й Международной научно-практической конференции (г. Липецк, 30 июня 2015 г.). / отв. ред. Е. М. Мосолова. Липецк: РаДуши, 2015. 108 с.
7. Занковец В. Э., Попов В. П. Модификация теста Купера для оценки аэробной работоспособности в игровых видах спорта // Университетский спорт в современном образовательном социуме: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23 – 24 апр. 2015 г.: в 4 ч. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры; редкол.: Т. Д. Полякова (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУФК, 2015. Ч. 3: Молодёжь – науке. С. 143 – 146.
8. Занковец В. Э., Попов В. П. Периодизация тестирований в игровых видах спорта // Наука и современность: сб. ст. Международной научно-практической конференции (5 июня 2015 г., г. Уфа): в 2 ч. Ч. 1. Уфа: Аэтерна, 2015. 224 с.
9. Занковец В. Э., Попов В. П. Проблема оптимизации обратной связи в профессиональном хоккее (по результатам анкетирования специалистов) // Наука. Образование. Личность: сб. материалов III Международной научно-практической конференции. Ставрополь: Логос, 2015. 134 с.
10. Занковец В. Э. Хочешь закончить с хоккеем – убей своё тело. Минск: А. Н. Вараксин, 2014. 160 с.
11. Занковец В. Э., Попов В. П. Тестирование как элемент процесса управления подготовкой хоккеистов высокой квалификации (по результатам опроса специалистов) // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения: сб. материалов XLIV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. С. 246 – 250.
12. Карпман В. П., Белоцерковский З. Б., Гудков И. А. Тестирование в спортивной медицине. М.: Физкультура и спорт, 1988. 207 с.
13. Никонов Ю. В. Подготовка юных хоккеистов: учеб. пособие. Минск: Асар, 2008. 320 с.: ил.
14. Никонов Ю. В. Физическая подготовка хоккеистов: методическое пособие. Минск: Витпостер, 2014. 576 с.
15. Панков М. В. Аэробные возможности высококвалифицированных хоккеистов // Вестник спортивной науки, 2012. № 5(5). С. 54 – 58.
16. Савин В. П., Львов В. С., Урюпин Н. Н., Самойлов С. А. Специальная работоспособность у хоккеистов высокой квалификации. М.: Хоккей. Ежегодник, 1985. С. 23 – 25.
17. Савин В. П. Теория методика хоккея: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 400 с.
18. Сарсания С. К., Селуянов В. Н. Показатель специальной подготовленности хоккеистов и методика его оценки. М.: Хоккей. Ежегодник, 1986. С. 50 – 53.
19. Твист П. Хоккей: теория и практика [пер. с англ.] / предисл. Павла Буре. М.: АСТ: Астрель, 2008. 288 с.
20. Физиологическое тестирование спортсмена высокого класса / под ред. Дж. Д. Мак-Дугалла, Г. Э. Уэнгера, Г. Дж. Грина; пер. с англ. Киев.: Олимпийская литература, 1998. 430 с.
21. Холодов Ж. К., Кузнецов В. С. Теория и методика физического воспитания и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2003. 480 с.
22. Янсен П. ЧСС, лактат и тренировки на выносливость / пер. с англ. Мурманск: Тулома, 2006. 160 с.
23. Cooper K. Aerobics. Bantam, N.-Y., 1968.
24. Green H., Bishop P., Houston M., McKillop R., Norman R. Time Motion and Physiological Assessments of Ice Hockey Performance // Journal of Applied Physiology, 1976. № 40(2). S. 159 – 163.
25. Lau S., Berg K., Latin R. W., Noble J. Comparison of Active and Passive Recovery of Blood Lactate and Subsequent Performance of Repeated Work Bouts in Ice Hockey Player // Journal of Strength and Conditioning Research. 2001. № 15(3). S. 367 – 371.
26. Montgomery D. L. Physiology of Ice Hockey // Journal of Sports Medicine. 1988. № 5(2). S. 99 – 126.
27. Twist P., Rhodes T. Bioenergetic and Physiological Demands of Ice Hockey // National Strength and Conditioning Journal. 1993. № 15(5). S. 68 – 70.
28. Twist P., Rhodes T. Physiological Analysis of Ice Hockey Positions // National Strength and Conditioning Association Journal. 1993. № 15(6). S. 44 – 46.
29. Twist P. Sport Science for Superior Hockey Performance // Vancouver, BC: University of British Columbia, 1987.

Информация об авторах:

Занковец Владислав Эдуардович – тренер по физической подготовке ХК «Динамо-Минск» и Национальной сборной Республики Беларусь, zankavets@tut.by.

Vladislav E. Zankovets – coach at «Dynamo-Minsk» and Belarus National hockey team.

Попов Валерий Прокофьевич – кандидат педагогических наук, доцент Белорусского государственного университета физической культуры, docendo@bk.ru.

Valery P. Popov – Candidate of Pedagogics, Associate Professor at, Belarus State University of Physical Culture.

Статья поступила в редколлегию 05.08.2015 г.

РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ У ДЕТЕЙ 5 – 6 ЛЕТ
ПОСРЕДСТВОМ КОМПЛЕКСА УПРАЖНЕНИЙ С ЭЛЕМЕНТАМИ ХАТХА-ЙОГИ

И. А. Ивко, О. М. Чусовитина, Е. И. Швецова

THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL QUALITIES IN CHILDREN AGED 5 – 6 YEARS OLD
THROUGH A RANGE OF EXERCISES WITH ELEMENTS OF HATHA YOGA

I. A. Ivko, O. M. Chusovitina, E. I. Shvetsova

В статье раскрывается вопрос о физическом воспитании дошкольников посредством комплекса упражнений с элементами хатха-йоги, которые позволяют акцентировать внимание на развитии подвижности позвоночника и силовой выносливости мышц, здоровье суставов, содействовать поддержанию хорошего самочувствия. Высокая эффективность адаптированной для детского организма йоги при систематических занятиях обусловлена, кроме перечисленного, еще и ее способностью восстанавливать защитные системы организма и обмен веществ, нормализовать работу нервной системы и кровообращение.

Авторы статьи раскрывают содержание разработанного комплекса физических упражнений с элементами хатха-йоги, который включает в себя асаны, адаптированные для детей старшего дошкольного возраста. Упражнения комплекса направлены на развитие таких физических качеств, как силовая выносливость, координация и гибкость. Последовательность выполнения упражнений была определена исходя из физической нагрузки, которую оказывают упражнения на организм ребенка, групп мышц, задействованных при выполнении асан, а так же координационной сложности выбранных для освоения поз.

При выполнении упражнений комплекса также уделялось внимание разным способам дыхания. Из арсенала дыхательных упражнений хатха-йоги использовались упражнения на формирование у детей навыка полного дыхания через постепенное освоение способов дыхания животом (диафрагмальное), грудью (грудное или среднее дыхание), и поверхностного (ключичного) дыхания. Также использовались упражнения на управление воздушным потоком и регуляцию дыхания.

В статье представлены результаты педагогического эксперимента, которые подтверждают эффективность разработанного комплекса как для мальчиков, так и для девочек дошкольного возраста. Предложенный комплекс физических упражнений с элементами хатха-йоги рекомендуется использовать для развития физических качеств детей 5 – 6 лет на дополнительных занятиях физической культурой.

The paper reveals the question of physical education of children aged 5 – 6 years old through a range of exercises with elements of Hatha-yoga, which allow you to focus on the development of the mobility of the spine strength and endurance of the muscles, joint health, help maintain good health. High efficiency of the yoga adapted to children's body is as well due to its ability to restore the protective system of the body and metabolism, normalize the functioning of the nervous system and circulation.

The authors reveal the content of the developed complex of physical exercises with elements of Hatha-yoga, which includes asanas adapted for children of preschool age. Exercise is directed on developing such physical qualities as strength endurance, coordination and flexibility. The sequence of the exercises was determined on the basis of the physical effect of the exercises on children's body, muscle groups involved in performing asanas, as well as coordinating the difficulty for the development of positions.

In practicing the complex, attention was also focused on different ways of breathing. From the inventory of the Hatha-yoga breathing exercises the authors chose to use the exercises to build children's skills of full breath through the gradual development of the methods of abdominal (diaphragmatic) breathing, breast breathing, and surface (clavicle) breathing. The exercises to the control air flow and regulation of breathing were used as well.

The paper presents the results of the pedagogical experiment, which confirms the effectiveness of the developed complex for both boys and girls of preschool age. The proposed complex of physical exercises with elements of Hatha-yoga is recommended for development of physical qualities of children aged 5 – 6 years old at extra-curricular physical exercise classes.

Ключевые слова: физическое воспитание дошкольников, оздоровительная гимнастика, хатха-йога для детей, физические качества, гибкость, координация, статическая силовая выносливость, дополнительные занятия.

Keywords: physical education of children aged 5 – 6 years old, fitness training, Hatha-yoga for children, physical quality, flexibility, coordination, static strength endurance, extra-curricular classes.

Дошкольный возраст обоснованно считается наиболее важным периодом в процессе формирования личности. Именно в этом возрасте закладывается и укрепляется фундамент здоровья и развития физических качеств, необходимых для эффективного участия в различных формах двигательной активности. Двигательная активность детей является одновременно и

условием, и стимулирующим фактором развития интеллектуальной, социальной, психологической и других сфер жизнедеятельности [5].

По данным разных авторов хатха-йога является эффективным средством физического воспитания дошкольников. Хатха-йога акцентирует внимание на развитии подвижности позвоночника и силовой вы-

носивости мышц, здоровье суставов, содействует поддержанию хорошего самочувствия. Высокая эффективность адаптированной для детского организма йоги при систематических занятиях обусловлена, кроме перечисленного, еще и ее способностью восстанавливать защитные системы организма, нормализовать работу нервной системы и кровообращение и обмена веществ [2; 6].

Большое внимание в гимнастике хатха-йога уделяется дыхательным техникам. Важность применения дыхательных упражнений в физическом воспитании детей отмечается разными авторами для формирования навыков правильного дыхания, повышения функциональных возможностей системы внешнего дыхания и организма в целом, снижения заболеваемости, а также для улучшения процессов речи и мышления [1; 3; 7; 8].

В своем исследовании мы поставили цель обосновать эффективность комплекса физических упражнений с элементами хатха-йоги для развития физических качеств детей 5 – 6 лет на дополнительных занятиях физической культурой.

При достижении поставленной цели в исследовании решались следующие задачи.

1. Изучить в педагогической теории и практике состояние проблемы развития физических качеств у детей старшего дошкольного возраста посредством физических упражнений с элементами хатха-йоги.

2. Определить уровень развития статической силовой выносливости, координации и гибкости у детей 5 – 6 лет.

3. Разработать комплекс физических упражнений с элементами хатха-йоги для развития физических качеств у детей 5 – 6 лет на дополнительных занятиях физической культурой, выявить его эффективность.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: теоретический анализ и обобщение данных научно-методической литературы; антропометрические измерения; педагогическое тестирование; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

С целью организации педагогического эксперимента были сформированы две группы детей: экспериментальная и контрольная. Исследования проводились на базе фитнес-клуба г. Омск с детьми дошкольного возраста 5 – 6 лет. Эксперимент длился 5 месяцев, в исследовании приняли участие 15 детей (7 мальчиков и 8 девочек). Контрольная группа (КГ) была организована из детей того же возраста, посещающих «Детский сад комбинированного вида № 207» г. Омска. Результаты контрольной группы использовались с целью выявления естественного прироста у детей, занимающихся физической культурой по программе детского сада. Объем двигательной нагрузки в обеих группах был схожим.

Для определения уровня развития физических качеств в начале и конце педагогического эксперимента были проведены следующие тесты:

- тест на гибкость – наклон вперед (см);
- тест на статическую координацию – проба Ромберга;
- тест на двигательную память – детям предлагалось повторить комбинацию движений на память;
- тест для определения уровня развития силовой выносливости – вис на согнутых руках (с).

Результаты тестирования уровня развития физических качеств в начале исследования представлены в таблице 1. Сравнение изучаемых показателей между ЭГ и КГ не выявило достоверных различий ($P > 0,05$), что говорит об однородности групп.

Таблица 1

Сравнение результатов тестирования физических качеств детей ЭГ и КГ в начале эксперимента

№ п/п	Тест	Пол	ЭГ ($X \pm \sigma$)	КГ ($X \pm \sigma$)	Уровень значимости
1	Наклон вперед, см	М	$2 \pm 0,75$	$1,86 \pm 0,83$	$P > 0,05$
		Д	$5,25 \pm 1,6$	$5 \pm 1,12$	$P > 0,05$
2	Проба Ромберга, с	М	$12,5 \pm 1,6$	$13,7 \pm 1,66$	$P > 0,05$
		Д	$12,6 \pm 2$	$11,5 \pm 1,69$	$P > 0,05$
3	Двигательная память, кол-во	М	$3,6 \pm 0,7$	$3,6 \pm 0,73$	$P > 0,05$
		Д	$2,6 \pm 0,7$	$3,3 \pm 0,6$	$P > 0,05$
4	Вис на согнутых руках, с	М	$4 \pm 0,75$	$3,1 \pm 1,46$	$P > 0,05$
		Д	$3,5 \pm 0,8$	$3 \pm 1,22$	$P > 0,05$

Полученные данные мы сравнили с возрастными нормами физической подготовленности детей 5 – 6 лет. Так, при оценке степени устойчивости дети КГ и ЭГ показали неудовлетворительную координацию. В тесте на гибкость почти все девочки показали хорошие результаты, мальчики показали результаты ниже среднего. Тест на двигательную память показал в основном низкие результаты. Большинство детей смогли воспроизвести заданную комбинацию с двумя, тремя, а порой четырьмя ошибками. В виси на согнутых руках все дети показали низкий результат.

Содержание разработанного нами комплекса физических упражнений с элементами хатха-йоги включает в себя асаны, адаптированные для детей старшего дошкольного возраста (упражнения выполнялись с допустимой для данного возраста амплитудой). Упражнения комплекса направлены на развитие таких физических качеств, как силовая выносливость, координация и гибкость (таблица 2). Последовательность выполнения упражнений была определена исходя из физической нагрузки, которую оказывают упражнения на организм ребенка, групп мышц, задействован-

ных при выполнении асан, а так же координационной сложности выбранных для освоения поз хатха-йоги [5]. Физические упражнения с элементами хатха-йоги изучались по принципу «от простого к сложному» и постепенно добавлялись в занятия по мере разучивания. Разучивание каждой асаны осуществлялось через постепенное освоение подводящих упражнений с тщательным контролем за техникой их выполнения.

При выполнении упражнений комплекса также уделялось внимание разным способам дыхания. Из

арсенала дыхательных упражнений хатха-йоги мы использовали упражнения на формирование у детей навыка полного дыхания через постепенное освоение способов дыхания животом (диафрагмальное), грудью (грудное или среднее дыхание), и поверхностного (ключичного) дыхания. Также использовались упражнения на управление воздушным потоком и регуляцию дыхания.

Таблица 2

**Содержание комплекса физических упражнений с элементами хатха-йоги
для развития физических качеств у детей 5 – 6 лет**

<i>Части занятия</i>	<i>Название асан</i>	<i>Направленность упражнений</i>
Подготовительная	Поза лотоса (Падмасана)	Позволяет увеличить «раскрытие» тазобедренных суставов, подвижность коленей и лодыжек
	Поза молящегося (Пранамасана)	Поза для расслабления. Выполнение полного дыхания, задействовав весь объем легких. Наполняет весь организм свежим кислородом
	Поза вытянутых рук (Хаста уттанасана)	Укрепляет мышцы позвоночника, удлинняет позвоночник, оказывает благотворное влияние на весь организм
	Поза аиста (Падахастасана)	Развивает мышцы спины и ног, повышает гибкость позвоночника, тонизирует органы брюшной полости
	Поза всадника (Ашва шанчаласана)	Укрепление мышц ног, увеличивает подвижность позвоночного столба и тазобедренных суставов
	Поза собаки мордой вниз (Адха мукха шванасана)	Снимает усталость, укрепляет и растягивает мышцы ног, суставы и связки плечевого пояса, мышцы спины и рук
	Поза планки (Аштанга намаскар асана)	Укрепляет и тренирует мышцы рук, спины. Тонизирует мышцы ног и живота
	Поза кобры (Бхуджангасана)	Развивает гибкость позвоночника, укрепляет мышцы спины, ягодиц и рук
Основная	Поза дерева (Врикшасана)	Тонизирует мышцы ног, развивает чувство равновесия и устойчивости
	Поза орла (Гарудасана)	Укрепляет мышцы ног, стопы, голени и бедра. Развивает координацию
	Поза воина 1 (Вирахадрасана 1)	Устраняет тугоподвижность плеч и спины, тонизирует и укрепляет мышцы ног, особенно бедра. Расширение грудной клетки углубляет дыхание
	Поза горы (Тадасана)	Развивает координацию, укрепляет мышцы живота, улучшает осанку
	Поза героя 2 (Вирахадрасана 2)	Укрепляет и растягивает мышцы ног, спины и живота. Развивает подвижность в суставах, укрепляет мышечную систему всего организма
	Поза перевернутого треугольника (Триконасана)	Укрепляет мышцы ног, боковые мышцы тела вытягивает позвоночник
	Поза ребенка (Баласана)	Поза для релаксации, удлиняются и расслабляются мышцы ног, спины, шеи
	Поза героя (Вирасана)	Формирует правильную осанку, растягивает четырехглавую мышцу бедра и позвоночник. Развивает гибкость.
	Поза растягивания спины (Пашчимоттанасана)	Укрепляет бедра и ягодицы, растягивает мышцы спины и заднюю поверхность ног.
Заключительная	Поза лотоса (Падмасана)	Позволяет увеличить «раскрытие» тазобедренных суставов, подвижность коленей и лодыжек

В подготовительной части занятия выполнялись асаны направленные на подготовку организма к предстоящим физическим нагрузкам, упражнения на дыхание. Дыхательные упражнения выполнялись в соче-

тании с асанами для концентрации внимания и расслабления.

В основной части занятия физическая нагрузка равномерно подбиралась для всех звеньев тела, по-

следовательно оказывая локальное воздействие на конкретную группу мышц. Все упражнения выполнялись медленно и плавно, постепенно увеличивалась амплитуда движений и количество мышечных групп, задействованных при выполнении упражнений. После 4 – 5 выполненных поз применялась асана на расслабление и концентрацию внимания в сочетании с дыхательными упражнениями. Так же для активного отдыха и переключения внимания в середине основной части проводилась подвижная игра средней интенсивности (например игры с предметами, эстафеты). В конце основной части занятия после небольшого активного отдыха выполнялись самые сложнокоординационные упражнения, требующие проявления силы мышц, задействованных в удержании позы.

В заключительной части присутствовали упражнения и подвижная игра низкой интенсивности (игры на внимание, игровые упражнения пальчиковой гимнастики), направленные на успокоение организма в целом и нормализацию дыхания. Выполнялись упражнения на плавное вытяжение позвоночника и всех задействованных в ходе занятия мышц, которые по-

зволяли снять напряжение, расслабить нервную систему и снизить частоту сердечных сокращений.

В процессе занятия детям объяснялось воздействие выполняемой асаны, а так же их знакомили с историей происхождения и назначения йоги. По мере освоения детьми асан, заменялись привычные для детей названия (поза орла, поза дерева и т. п.) на их оригинальные наименования (гарудасана, баласана и т. д.). Это тренирует память ребенка, что необходимо для подготовки дошкольников к школе.

В конце эксперимента повторный анализ результатов тестирования физической подготовленности показал, что за период эксперимента произошли достоверные изменения по всем тестам, что на наш взгляд, связано с положительным влиянием предложенного нами комплекса физических упражнений с элементами хатха-йоги.

Эффективность разработанного комплекса подтвердилась достоверным улучшением результатов тестирования, как у мальчиков, так и девочек в сравнении с данными в начале педагогического эксперимента (таблица 3, 4).

Таблица 3

**Показатели физической подготовленности мальчиков 5 – 6 лет ЭГ и КГ
в начале и конце педагогического эксперимента ($\bar{X} \pm \sigma$)**

№ n/n	Тест	Пол (м)	Начало экспери- мента ($\bar{X} \pm \sigma$)	Конец экспери- мента ($\bar{X} \pm \sigma$)	Уровень значимости
1	Наклон вперед, см	ЭГ	$2 \pm 0,75$	$6,14 \pm 0,8$	$P < 0,001$
		КГ	$1,86 \pm 0,83$	$2,71 \pm 0,88$	$P > 0,05$
2	Проба Ромберга, с	ЭГ	$12,5 \pm 1,6$	$20,4 \pm 3,5$	$P < 0,001$
		КГ	$13,7 \pm 1,66$	$14,1 \pm 1,73$	$P > 0,05$
3	Двигательная память, кол-во	ЭГ	$3,6 \pm 0,7$	$5,4 \pm 0,5$	$P < 0,001$
		КГ	$3,6 \pm 0,73$	$3,6 \pm 1,05$	$P > 0,05$
4	Вис на согнутых руках, с	ЭГ	$4 \pm 0,75$	$8,8 \pm 0,6$	$P < 0,001$
		КГ	$3,1 \pm 1,46$	$2,9 \pm 1,46$	$P > 0,05$

Таблица 4

**Показатели физической подготовленности девочек 5 – 6 лет ЭГ и КГ
в начале и конце педагогического эксперимента ($\bar{X} \pm \sigma$)**

№ n/n	Тест	Пол (ж)	Начало экспери- мента ($\bar{X} \pm \sigma$)	Конец экспери- мента ($\bar{X} \pm \sigma$)	Уровень значимости
1	Наклон вперед, см	ЭГ	$5,25 \pm 1,6$	$10,1 \pm 2$	$P < 0,001$
		КГ	$5 \pm 1,12$	$5,5 \pm 0,86$	$P > 0,05$
2	Проба Ромберга, с	ЭГ	$12,6 \pm 2$	$22 \pm 2,5$	$P < 0,001$
		КГ	$11,5 \pm 1,69$	$13,8 \pm 1,64$	$P > 0,05$
3	Двигательная память, кол-во	ЭГ	$2,6 \pm 0,7$	$5,4 \pm 0,5$	$P < 0,001$
		КГ	$3,3 \pm 0,6$	$3,1 \pm 0,78$	$P > 0,05$
4	Вис на согнутых руках, с	ЭГ	$3,5 \pm 0,8$	$6,4 \pm 0,8$	$P < 0,001$
		КГ	$3 \pm 1,22$	$2,5 \pm 1,5$	$P > 0,05$

При оценке гибкости мальчики ЭГ выполнили наклон в три раза больше первоначального результата, в тесте Ромберга повысили результат до высокого уровня, в тесте на двигательную память мальчики справились с заданием, допустив в среднем по группе одну ошибку, в виси на согнутых руках улучшили

свой показатель в два раза. Мальчики КГ не показали существенных изменений.

При оценке гибкости девочки ЭГ улучшили свой показатель в два раза, в тесте Ромберга повысили свой результат до высокого уровня. В тесте на двигательную память девочки ЭГ справились с заданием, допустив в среднем по группе одну ошибку, в виси на

согнутых руках улучшили свой показатель до уровня выше среднего. Девочки КГ существенных изменений не показали.

Нами так же были рассчитаны темпы прироста среднегрупповых показателей экспериментальной и

контрольной групп (рис. 1, 2). Анализ данных показал, что наибольшее изменение за период педагогического эксперимента у мальчиков ЭГ отмечено в показателях гибкости и силовой выносливости.

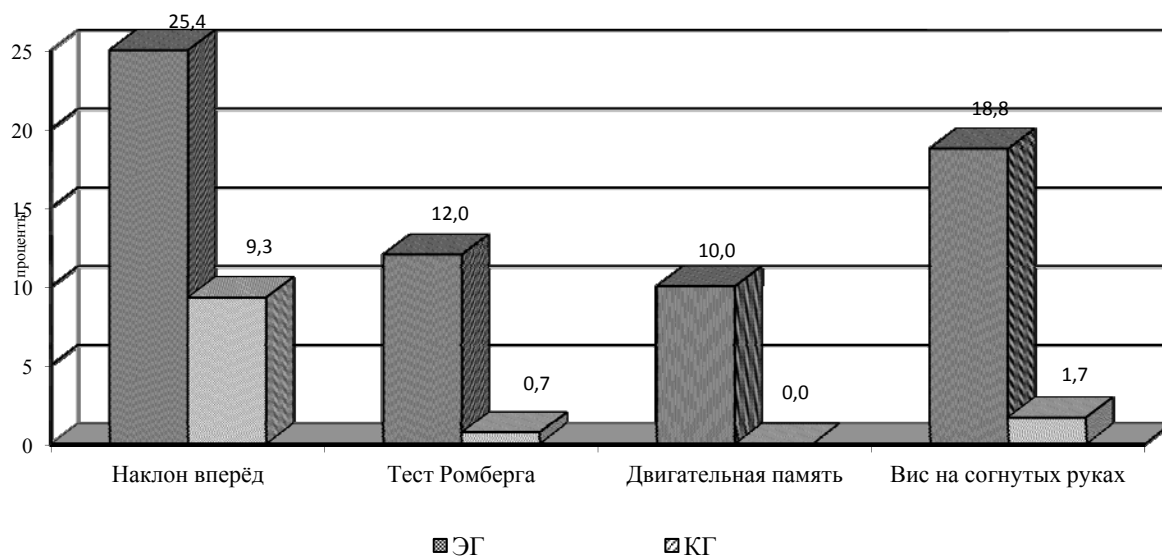

Рис. 1. Сравнение темпов прироста результатов тестирования физической подготовленности мальчиков ЭГ и КГ в конце педагогического эксперимента

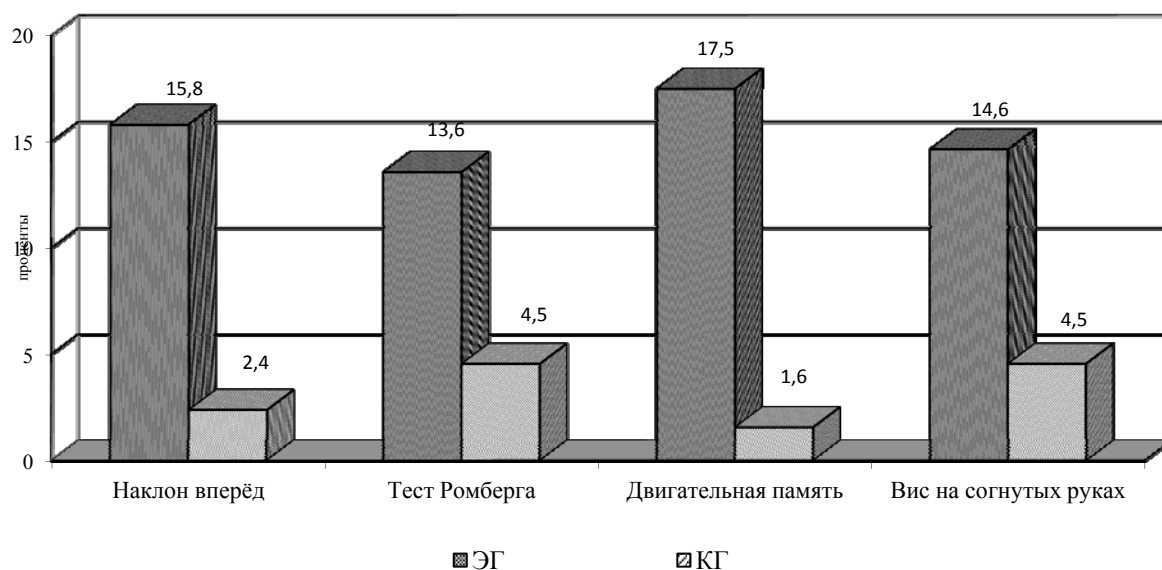

Рис. 2. Сравнение темпов прироста результатов тестирования физической подготовленности девочек ЭГ и КГ в конце педагогического эксперимента

Анализ среднегрупповых данных девочек, участвующих в исследовании показал, что наибольшие темпы прироста отмечены в показателях двигательная память, гибкость и силовая выносливость.

Разница между полученными данными темпов прироста в ЭГ и естественными темпами прироста в КГ является результатом воздействия разработанного нами комплекса физических упражнений с элементами хатха-йоги.

Таким образом, сравнение полученных результатов показало, что разработанный нами комплекс физических упражнений с элементами хатха-йоги для дополнительных занятий физической культурой с детьми 5 – 6 лет, позволил существенно повысить показатели физической подготовленности, такие как гибкость, координация и силовая выносливость, что подтвердило рабочую гипотезу нашего исследования.

Литература

1. Гришина И. А. Совершенствование речевой моторики и функции внешнего дыхания у детей младшего школьного возраста в режиме учебного дня: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2004. 23 с.
2. Зевестер Э. А. Йога для детей // ЛФК и массаж. Спортивная медицина. 2008. № 11. С. 31 – 34.
3. Зинатулин С. Н. Планирование и конспекты занятий по обучению детей регуляции дыхания: метод. пособи. М.: Айрис-пресс, 2007. 64 с.
4. Сайкина Е. Г. Использование средств детского фитнеса в физическом воспитании детей, имеющих отклонения в состоянии здоровья // Адаптивная физическая культура. 2006. № 2. С. 32 – 34.
5. Сорокина Л. Н. Веселая йога для дошкольников // Инструктор по физкультуре. 2011. № 5. С. 100 – 101.
6. Рябин С. П., Кравчук А. И., Бикбулатова С. А. Элементы йоги в физическом воспитании детей // Физическое воспитание и спортивная тренировка: сб. науч. тр. СиБАДИ. Омск, 2004. С. 74 – 76.
7. Филатова М. Эффективное лечение простудных заболеваний. М.: АСТ, 2008. 125 с.
8. Шулпина В. П. Дыхание детей и подростков с различным состоянием здоровья (аспекты диагностики и совершенствования): монография. Омск: Изд-во СиБГУФК, 2009. 292 с.

Информация об авторах:

Ивко Ирина Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики гимнастики и режиссуры Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, iivka@mail.ru.

Irina A. Ivko – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Theory and Methodology of Gymnastics and Directing, Siberian State University of Physical Culture and Sports.

Чусовитина Ольга Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, ochusovitina@yandex.ru.

Olga M. Chusovitina – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Pedagogy, Siberian State University of Physical Culture and Sports.

Швецова Елена Игоревна – выпускница кафедры теории и методики гимнастики и режиссуры Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, инструктор по физической культуре МБДОУ «Детский сад № 5», ЗАТО «Озерный» (Тверская область), elena_vasuhina@mail.ru.

Elena I. Shvetsova – graduate from the Department of Theory and Methodology of Gymnastics and Directing, Siberian State University of Physical Culture and Sports; instructor in Physical Education at “Kindergarten № 5”, Tver region.

Статья поступила в редколлегию 12.08.2015 г.

УДК 378:796.015

**СООТНОШЕНИЕ НАГРУЗКИ В ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ПЕРИОДЕ
У СТУДЕНТОВ-СПОРТСМЕНОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТИВНОЙ АЭРОБИКОЙ
В НЕСПЕЦИАЛЬНОМ ВУЗЕ**

Т. Е. Ковшура

**LOAD RATIO IN THE PREPARATORY PERIOD OF TRAINING STUDENTS-ATHLETES
ENGAGED IN SPORTS AEROBICS AT NON-SPECIAL HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS**

T. E. Kovshura

В данной работе предложена методика построения подготовительного периода подготовки студентов – спортсменов, занимающихся спортивной аэробикой. Определены компоненты нагрузки с учетом ее распределения в каждом микроцикле, что позволит тренеру скорректировать тренировочные нагрузки в течение подготовительного периода, с учетом учебной деятельности спортсменов. Была проведена попытка распределения средств физической и технической подготовки в подготовительный период в течение учебного года в вузе, для достижения спортсменами оптимальной спортивной формы к соревнованиям. При этом очень важно учитывать, что студенты вынуждены пропускать тренировочные занятия в связи с учебной загруженностью или болезнью.

Методы: педагогический эксперимент, статистическая обработка данных.

Материалы. Планирование подготовительного периода в течение учебного года является одним из основных аспектов подготовки студентов-спортсменов к соревнованиям. При построении подготовительного периода влияют следующие факторы: учебный процесс занимающихся, зачетная и экзаменационная сессии, каникулярный период. В различные этапы подготовительного периода важно учитывать наиболее целесообразное соотношение объема и интенсивности выполняемой работы, а также разрозненное или последовательное развитие и совершенствование физических качеств.

Заключение. В данной статье рассматривается соотношение нагрузки в подготовительном периоде у студентов-спортсменов, занимающихся спортивной аэробикой в неспециальном вузе, использование которой поможет гимнастам достичь спортивной формы к началу соревновательного периода.

The paper presents the technique of designing the preparatory period of training of students-athletes engaged in sports aerobics. Load components were defined taking into account its distribution in each microcycle, which will allow the trainer to correct the training loads during the preparatory period, taking into account the educational activity of athletes. The author made an attempt at distributing the means of physical and technical training during the preparatory period within the academic year in higher education institution for athletes' reaching their optimum form for the competitions. Thus it is very important to consider that students are compelled to skip training classes in due to with educational tasks or illness.

The methods of pedagogical experiment and statistical data processing were used.

Materials. Planning of the preparatory period within the academic year is one of the main aspects of training students-athletes for competitions. The following factors influence the design of the preparatory period: the educational process, test and examination sessions, the vacation period. At various stages of the preparatory period it is important to consider the most expedient ratio of volume and intensity of the performed work, and also the separate or consecutive development and improvement of physical qualities.

The load ratio in the preparatory period at students-athletes engaged in sports aerobics in non-special higher education institutions considered in the paper will help athletes to have reached their optimum form by the beginning of the competitive period.

Ключевые слова: спортивная аэробика, студенты-спортсмены, подготовительный период, тренировочная нагрузка, неспециальный вуз.

Keywords: sports aerobics, students-athletes, preparatory period, training load, non-special higher education institution.

Введение

Одним из популярных видов спорта студенческой молодежи является спортивная аэробика. При выполнении соревновательной программы, которого спортсмену необходимо продемонстрировать такие физические способности, как сила, гибкость, координация, выносливость и скоростно-силовые способности. Система подготовки студентов-спортсменов по спортивной аэробике, обучающихся в неспециальных вузах практически отсутствует. В основном тренеры полагаются на учебные программы, которые используются в спортивных школах (ДЮСШ, СДЮШОР) или спортивных клубах, а также на данные из смежных гимнастических дисциплин (1, 2, 3). Но как показывает практика, многие студенты-спортсмены не достигают высокого уровня подготовленности к окончанию подготовительного периода. Целью работы является распределение компонентов нагрузки в подготовительном периоде в сборной команде института по спортивной аэробике у студентов – спортсменов, с учетом их учебной деятельности.

Методика проведения

В течение года студенты-спортсмены участвуют в трех соревнованиях. Из них выделяют два основных: одно в первой половине годичного цикла – в декабре, другое, наиболее важное, во второй – в апреле. Следовательно, спортсменам необходим сдвоенный цикл подготовки, в котором в течение учебного года планируется дважды тренировочный цикл.

Проблема приобретения гимнастом спортивной формы в продолжение подготовительного периода во многом предопределяет успешность выступления студентов на соревнованиях.

Основными задачами подготовительного периода являлись подготовка функциональных систем организма к интенсивной физической нагрузке, развитие и

совершенствование двигательных качеств и навыков для успешной соревновательной деятельности.

Подготовительный период тренировочного процесса по спортивной аэробике неспециализированного вуза в первом семестре начинался в первых числах сентября месяца, и продолжался до начала ноября, во – втором семестре длился весь январь.

В связи с тем, что студенты, занимающиеся спортом в вузе, не являются профессиональными спортсменами, количество тренировок в неделю и их продолжительность (по 2 часа каждая) не зависит от периода спортивной подготовки.

Данный период включал в себя два мезоцикла общей длительностью девять недель. Из них первые пять недель занимал общеподготовительный этап – втягивающий мезоцикл, и четыре недели продолжался специально-подготовительный этап – базовый мезоцикл. Во II семестре общеподготовительный этап (втягивающий мезоцикл) продолжался весь январь – три недели и специально-подготовительный, базовый мезоцикл – весь февраль, длительностью четыре недели.

Основные задачи втягивающего мезоцикла: выявление слабых сторон в развитии физических способностей новичков, приобретение и закрепление навыка базовых двигательных действий спортивной аэробики. У студентов-спортсменов вернувшихся после каникул на занятия спортивной аэробикой необходимо было выявить и устранить недостатки в развитии физических качеств средствами общей физической подготовки для успешного освоения ими в дальнейшем элементов сложности спортивной аэробики, также уделялось внимание восстановлению техники исполнения элементов сложности после переходного периода. Данные о характеристиках тренировочной нагрузки представлены на рис. 1, 2 и 3.

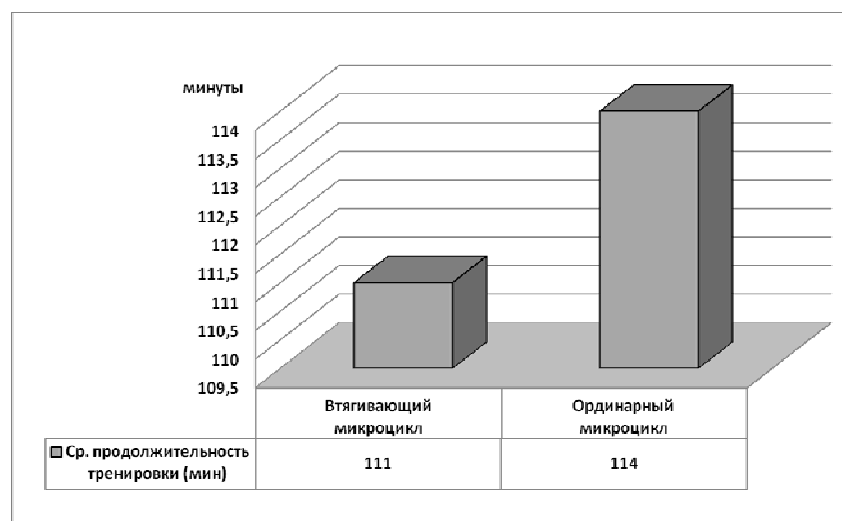

Рис. 1. Продолжительность тренировочного занятия во втягивающем и ординарном микроциклах

Среднее количество элементов выполненных за неделю во втягивающем микроцикле – 105, при этом среднее время, затраченное на тренировочные занятия в неделю – 111 минут, что свидетельствует о небольшой интенсивности тренировочного процесса выполнения элементов в минуту – 0,95.

На данном этапе уделялось внимание овладению базовыми навыками выполнения двигательных действий, которые дают возможность освоения большинства элементов группы сложности в спортивной аэробике: обучение отталкивания ногами и руками для дальнейшего выполнения прыжков и динамических элементов, от которых зависит их качество техники, умение сохранять динамическую осанку, умение гасить поступательное движение при приземлениях; умение сохранять статическую устойчивость, балансировать в сложных равновесных положениях, овладение опорными и безопорными вращениями преимущественно вокруг продольной оси тела.

Для повышения общего уровня физического развития занимающихся во втягивающем микроцикле использовались следующие общеподготовительные упражнения: беговые, общеразвивающие, прыжковые, силовые упражнения для мышц рук, ног, брюшного пресса, спины, упражнения на развитие гибкости, повышение уровня выносливости. А также проходило обучение элементам базовой хореографии спортивной аэробики.

Во втягивающем микроцикле занятия проводились с малой нагрузкой, сопровождаясь стабилизацией движений, активизируя при этом деятельность различных функциональных систем организма спортсменов (рис. 2). Здесь для дальнейшего успешного освоения элементов сложности спортивной аэробики использовались вспомогательные (полуспециальные) упражнения для повышения уровня физического развития.

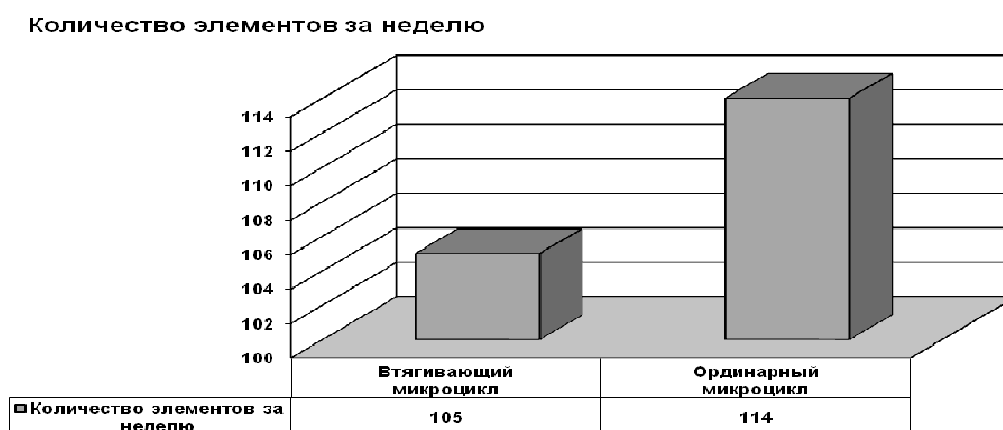

Рис. 2. Объем нагрузки тренировочных занятий во втягивающем и ординарном микроциклах

Большое значение уделялось формированию культуры движений присущей исключительно спортивной аэробике. На тренировочных занятиях обращалось внимание занимающихся на мышечный кон-

троль при выполнении движений базовой хореографии (движения рук и ног), на выпрямленные колени и оттянутые носки. Для этого здесь использовался комплекс базовой хореографии. Он применялся в конце

подготовительной или в начале основной части учебно-тренировочного занятия. Темп музыкального сопровождения 120 – 130 уд/мин. Такой темп на данном этапе выполнения упражнения был необходим, для того чтобы сосредоточить внимание спортсменов на правильности выполнения базовых шагов спортивной аэробики (5).

В ординарном микроцикле содержание тренировочного занятия оставалось таким же, но увеличился объем выполняемых упражнений (рис. 3).

Среднее количество элементов выполненных за неделю в данном микроцикле – 114, при этом среднее

время, затраченное на тренировочные занятия в неделю – 114 минут, что говорит о повышении, хоть и небольшом, интенсивности выполнения элементов в минуту – 1,0.

На втором этапе подготовительного периода (специально-подготовительном) базовом мезоцикле – основной задачей являлось подготовка спортсменов к предстоящей соревновательной деятельности. Основные характеристики нагрузки в подготовительном периоде представлены на рисунках 4, 5 и 6.

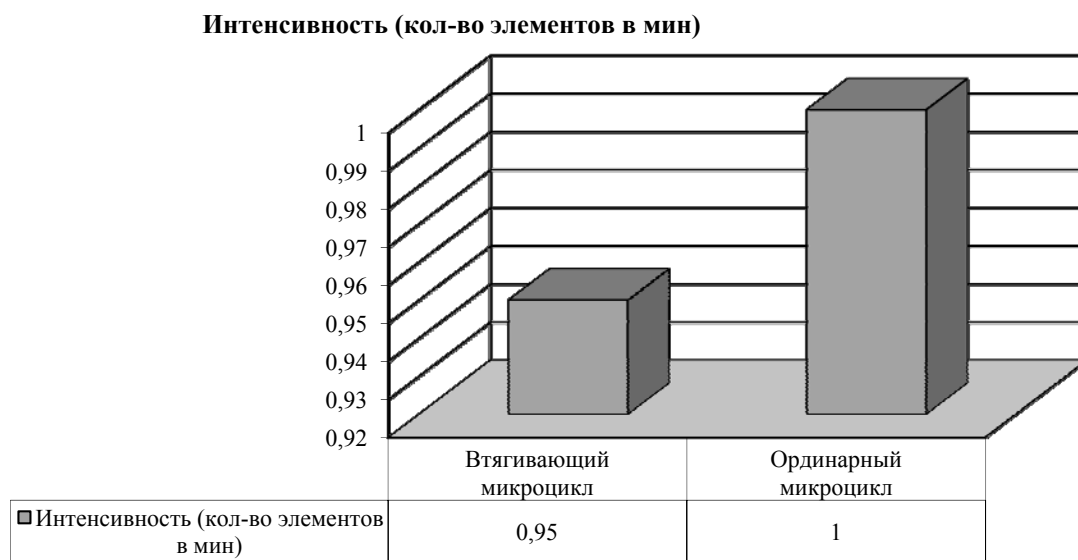

Рис. 3. Интенсивность нагрузки в тренировочных занятиях во втягивающем и ординарном микроциклах

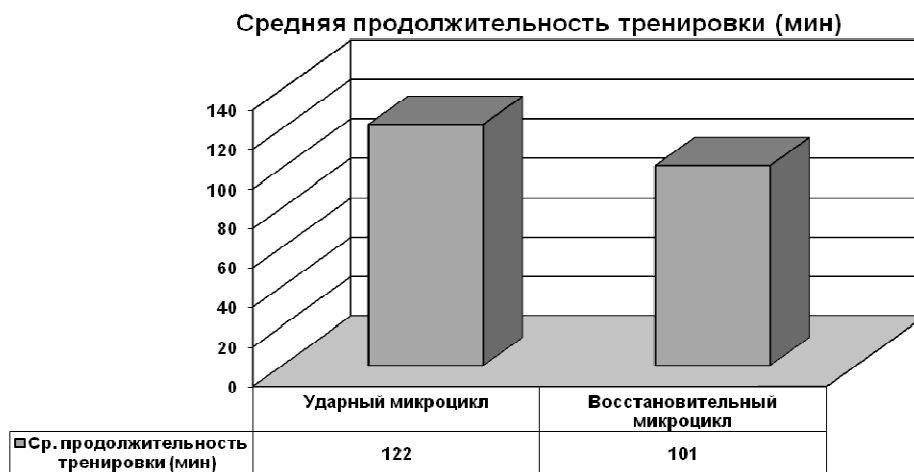

Рис. 4. Продолжительность тренировочных занятий в ударном и восстановительных микроциклах

Каждое тренировочное занятие ударного микроцикла включало в себя, в подготовительной части: беговые и общеразвивающие упражнения, беговые упражнения с элементами СФП или прыжковые упражнения (чередовались на каждом тренировочном занятии), комплекс базовой хореографии спортивной аэробики и упражнения на развитии гибкости (4).

Среднее количество элементов выполненных за неделю – 129, при этом интенсивность выполнения

элементов в минуту – 1,1, выполнение комбинаций на среднем уровне – 87, а среднее время, затраченное на тренировочные занятия в неделю – 122 минут.

В начале основной части занятия спортсмены выполняли усложненный комплекс базовой хореографии спортивной аэробики. Далее большая часть времени отводилась технике выполнения отдельных элементов трудности спортивной аэробики.

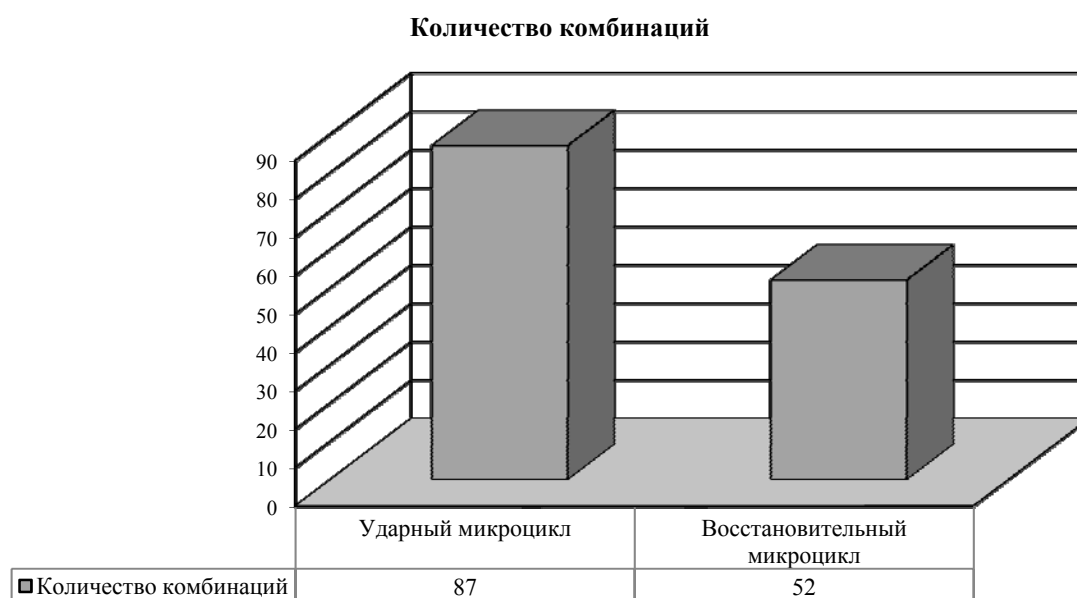
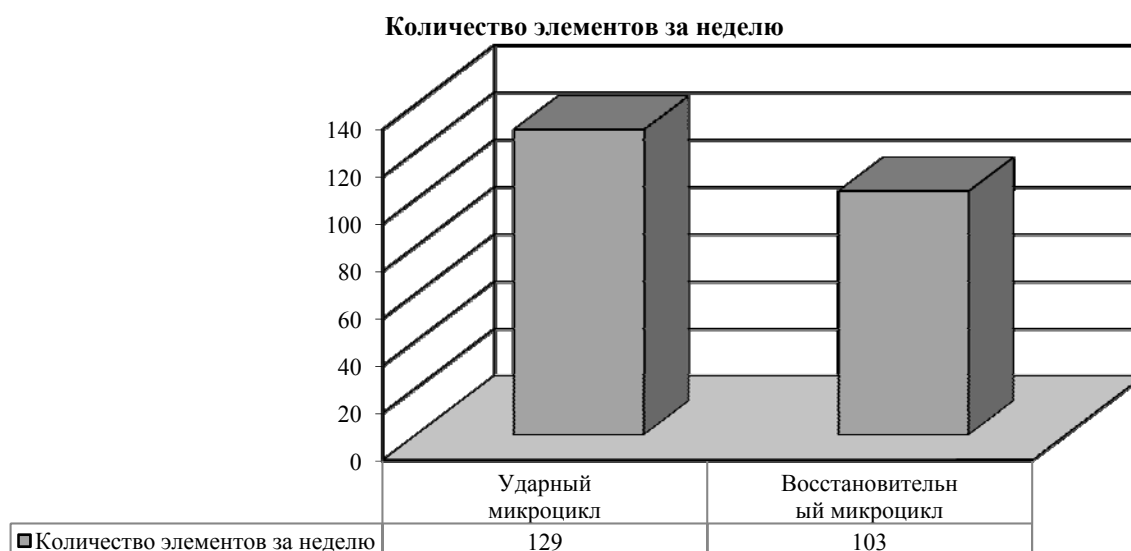

Рис. 5. Объем средств в тренировочных занятиях в ударном и восстановительных микроциклах

В конце основной части занятия использовались упражнения скоростно-силового характера, т. е. средства специальной физической и специальной технической подготовки на совершенствование физических качеств, а в заключительной части – упражнения на восстановление дыхания и растягивание мышц после силовой нагрузки.

Использование комплексов базовой и усложненной хореографии в тренировочных занятиях было необходимо для повышения уровня овладения двигательными действиями. Оттачивание техники выполнения базовых шагов спортивной аэробики на данном этапе было необходимо, так как они составляют основу соревновательной программы.

На этом этапе происходит процесс составления соревновательных упражнений под музыкальное сопровождение и распределению в них элементов трудности. Элементы трудности спортсмены тренировали

в сочетании с хореографическими связками без и под музыкальное сопровождение. Здесь обращалось внимание на качественное выполнение элементов, с точки зрения техники и соединение их с движениями рук и базовыми шагами спортивной аэробики.

После ударного начинался восстановительный микроцикл с малой нагрузкой для восстановления физического и психического потенциала организма спортсмена, что способствовало подготовке гимнастов к последующей большой нагрузке. Здесь происходит значительное уменьшение объема выполненной работы, т. е., среднее количество элементов выполненных за неделю – 103, их интенсивность – 1,01, а также резкое снижение интенсивности по количеству выполненных комбинаций – 52, при этом среднее время, затраченное на тренировочные занятия в неделю – 101 минут.

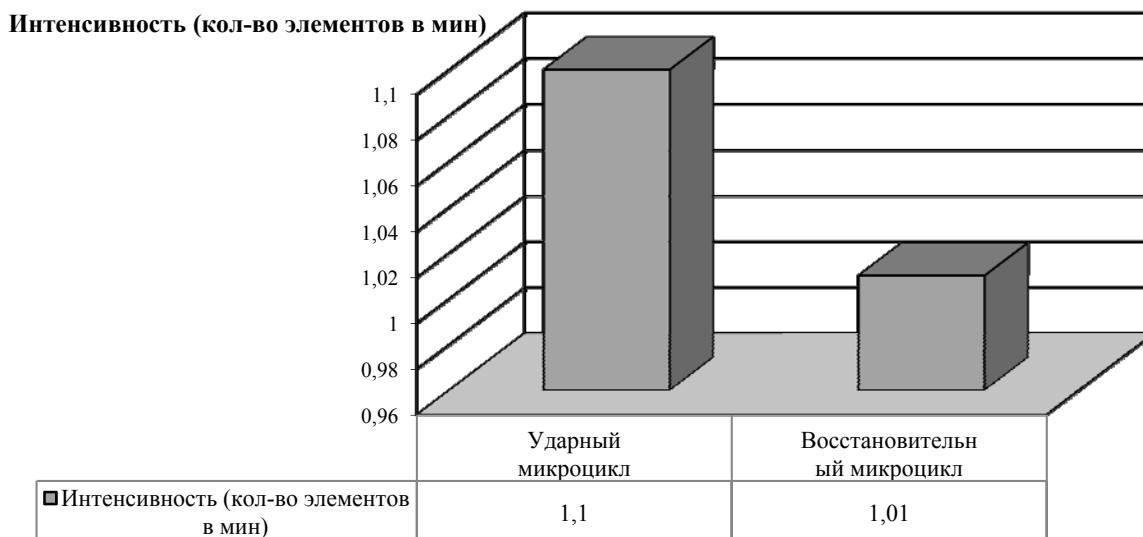

Рис. 6. Интенсивность тренировочных занятий в ударном и восстановительных микроциклах

Наряду с физической, технической, психологической, хореографической подготовкой проводилась теоретическая, которая шла на протяжении всех периодов подготовки, параллельно с практическими занятиями. В подготовительном периоде она включала в себя общие вопросы физической культуры и спорта, основные принципы, средства и методы спортивной тренировки, методы самоконтроля на занятиях, а также знакомство со спортивной аэробикой как с видом спорта. В момент освоения элемент проводился анализ видеозаписей, а также судейская практика.

Выводы

Из вышесказанного следует, что вполне реально распределить средства физической и технической подготовки на период учебного года в вузе с целью достижения оптимальной формы студентов – спортсменов к моменту соревнований. Хотя здесь есть определенные трудности: студенты иногда вынуждены пропускать тренировочные занятия по причине учебной деятельности и по болезни, что приводит к некоторому нарушению графика подготовки к соревнованиям.

Литература

1. Горбунов В. А. Гимнастика в системе специализированных средств подготовки спортсменов в спортивной аэробике: метод. пособие. Иркутский техникум физ. культуры. Иркутск: [б. и.], 2001. 78 с.: ил.
2. Ковшура Т. Е., Крючек Е. С. Особенности учебно-тренировочного процесса по спортивной аэробике студентов непрофильных вузов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2011. № 9(79). С. 90 – 93.
3. Костин В. М. Подготовка высококвалифицированных спортсменов в условиях неспециального вуза: лекция для слушателей факультета учеб. совершенствования. М.: Гос. центральный ордена Ленина ин-т физ. культуры, 1980. 15 с.
4. Крючек Е. С. Значение музыкального сопровождения в спортивной аэробике // Гимнастический мир Санкт-Петербурга: ежегодник / С.-Петерб. гос. акад. физ. культуры им. П. Ф. Лесгафта. СПб., 2003. Вып. 5. С. 24 – 25.
5. Крючек Е. С. Специализированная подготовка к обучению упражнениям спортивной аэробики: учеб.-метод. пособие / С.-Петерб. гос. акад. физ. культуры им. П. Ф. Лесгафта. СПб.: [б. и.], 2002. 27 с.

Информация об авторе:

Ковшура Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского технологического института (технический университет) г. Санкт-Петербурга, tk8585@mail.ru.

Tatiana E. Kovshura – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at St. Petersburg State Technological Institute (Technical University).

Статья поступила в редколлегию 05.08.2015 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКА ВУЗА

Д. А. Коноплянский

ORGANIZATION OF EDUCATIONAL SPACE AND ITS ROLE IN PROVIDING HIGHER SCHOOL GRADUATES' COMPETITIVENESS

D. A. Konoplyansky

В статье во взаимосвязи рассматривается роль образовательного пространства высшего учебного заведения и среды вуза в процессе формирования конкурентоспособного выпускника вуза – молодого специалиста. Раскрыта сущность образовательного пространства как фактора формирования конкурентоспособности выпускника вуза. Дана характеристика, признаки и функции образовательного пространства. Представлена обобщённая модель образовательного пространства вуза.

The paper examines the role of the influence of the higher education institution educational space and environment in the process of formation of the competitiveness of high school graduates – young specialists. The essence of the educational space as a factor of formation of competitiveness of university graduates is revealed. The characteristics, features and functions of the educational space are considered. A generalized model of the educational space of the university is presented.

Ключевые слова: выпускник вуза, конкурентоспособность, образовательное пространство, образовательная среда, студент.

Keywords: graduate, competitiveness, educational space, higher education environment, student.

Возникший интерес к феномену «пространство» в психологии и педагогике определяется исследованием проблем личностно-ориентированного образования. Педагогическое взаимодействие осуществляется через создание некоторого пространства, в котором развиваются жизненно значимые ситуации и события. Разнообразные аспекты пространств исследуются многими педагогами (К. В. Воронцова, М. Я. Виленский, В. И. Гинецинский, Н. Б. Крылова, Е. В. Мещеряков, А. П. Тряпицина, В. И. Слободчиков и др.), в научных трудах которых образовательное пространство характеризуется как обобщенный, совокупный, объединенный, целостный фактор развития личности.

Сегодня для исследователей становится вполне очевидным то, что имеется зависимость между формированием конкурентоспособного выпускника вуза и организацией пространства, в котором осуществляется процесс подготовки студента. Но следует определить, что понимается под такими терминами как «образовательное пространство» и «образовательная среда вуза» в теории профессионального образования.

В научной литературе по педагогике термин «образовательное пространство» появился сравнительно недавно и до сегодняшнего дня он остается дискуссионным. Это связано в первую очередь с отсутствием ограничений по границам его применения: это и мировое образовательное пространство (С. К. Бондырева) [2], и образовательное пространство региона (А. Н. Джуринский) [3] и даже образовательное пространство образовательного учреждения (В. Степанов) [9].

Однако в теории профессионального образования нет единства и в отношении сущностного представления данного термина. Сегодня образовательное пространство чаще всего рассматривается как фактор развития исследовательской деятельности преподавателя (Н. Б. Погребова) [8]; условие развития личности студента (Л. Г. Крыжановская) [5]; фактор становления конкурентоспособного выпускника вуза (И. П. Мавзютова) [7].

Поскольку образовательное пространство представляет собой фактор формирования конкурентоспособного выпускника вуза, данный термин определяется как:

- итог процесса интеграции всех компонент образовательного процесса (О. Леонова) [6, с. 36 – 40];
- специально организованные педагогическая среда, педагогические факторы и условия, которые обуславливают возможности развития личности студента (Е. Н. Шиянов) [11];
- интегративная единица, структурированная в соответствующую систему координат и обуславливающая саморазвитие личности студента на всех этапах его личностного и профессионального развития (А. В. Шумакова) [12];
- взаимосвязанные подпространственные линии, ступени и модули образовательных ситуаций, которые обуславливают возможности развития активности, инициативности и самостоятельности студента (Л. Л. Редько) [10, с. 27].

Исходя из сказанного выше, можно определить образовательное пространство вуза как единую организованную и структурированную систему блоков и модулей, которая обуславливает возникновение возможностей и условий для активизации потенциала студента, проявления его интеллектуальных и творческих способностей, профессионального и личностного развития.

В образовательном пространстве фигурируют не столько значимые для студентов образовательные задачи, которые ставятся самим студентом, но и видение их со стороны организаторов педагогического процесса – преподавателей.

К характерным **признакам** образовательного пространства при этом относятся его протяжённость, структурность, взаимосвязь и взаимозависимость элементов, выделенность из среды.

Образовательное пространство вуза выступает как образ действительности, в которой осуществляется педагогическая деятельность, направленная на реализацию определенных ценностно-смысловых установок, а также протекают процессы, оказывающие обра-

зовательное и воспитательное влияние на личность студента. **Основные характеристики и функции образовательного пространства** вуза нами представлены в обобщённой модели (таблица 1).

Таблица 1

Обобщённая модель образовательного пространства вуза

<i>Характеристики образовательного пространства</i>	<i>Функции образовательного пространства</i>	<i>Компоненты модели образовательного пространства</i>
1. <i>Единство образовательного пространства.</i> Представляет собой объединение частей в целостную систему на основе общих целей.	1. <i>Функция целостности.</i> Предоставляет возможность охватить все явления, связи, взаимовлияния, обладающие педагогическим воздействием на субъектов образовательного пространства: преподаватели – студенты – работодатели.	1. <i>Интегративный компонент.</i> Он позволяет рассматривать компоненты модели в их единстве и взаимосвязи. Это не исключает выделения исследователями дополнительных параметров (например, ценностно-смысловые установки, содержание деятельности и др.).
2. <i>Системная организация</i> элементов образовательного пространства. Это выражается в том, что образовательное пространство представляет собой целостную систему взаимодействия между элементами.	2. <i>Функция структурности.</i> Педагогические цели, реализуемые субъектами образовательного пространства определяют его границы, связи и элементы. Наличие этой функции устанавливает приоритеты, соотношения, иерархию между частями пространства.	2. <i>Компонент структурных взаимоотношений.</i> В модели образовательного пространства этот компонент означает системность отношений между элементами. Ее можно описать, спроектировать с учётом влияния и важности на студента. Таким образом, можно увидеть необходимость в добавлении элементов в пространство или отсутствие связей.
3. <i>Сотрудничество</i> субъектов образовательного пространства с деятельностью участников педагогического процесса.	3. <i>Функция создаваемости.</i> Эта функция означает возможность для исследователей и педагогов проектировать образовательное пространство в зависимости от тех целей, которые ставятся в рамках того или иного педагогического подхода. Субъекты образовательного пространства имеют возможность создавать его через осуществление образовательной и воспитательной деятельности, выстраивая его в зависимости от собственных потребностей и целей.	3. <i>Компонент модели: педагогическая стратегия.</i> Определяющее значение этого компонента связано с тем, что стратегия, на реализацию которой направлено все существование создаваемого образовательного пространства, задает целевые установки деятельности субъектов, обуславливает общую цель образовательного пространства, его назначение и через это влияет на состав, структуру, механизмы функционирования, т. е. задает границы и направленность образовательного пространства. В рамках одной и той же педагогической стратегии можно иметь разные педагогические цели и ценностно-смысловые установки.
4. <i>Выборность элементов</i> образовательного пространства, а также субъективностью восприятия образовательного пространства его участниками: преподаватели – студенты – работодатели.	4. <i>Функция субъективности.</i> Выстраивая образовательное пространство, субъекты наполняют его нужным для себя содержанием. Это выражается через их отношение к этому содержанию, его осмысление, значимость.	4. <i>Компонент модели: элементы пространства.</i> Имеются ввиду элементы, важные для субъектов этого образовательного пространства, которое создается для достижения целей в русле избранной педагогической стратегии. Они определяются результатом, которого необходимо достичь.
5. <i>Пространственно-временная детерминированность.</i>	5. <i>Функция актуальности.</i> Она учитывает происходящие со временем изменения, которые могут касаться как социальной, экономической, демографической сфер, вопросов развития системы образования, так и более узких вопросов, связанных с развитием личности, взрослением человека, появлением у него новых ценностно-смысловых установок.	5. <i>Временной компонент.</i> Он означает, что, проектируя модель образовательного пространства, нужно учитывать современные условия, прогнозы возможных изменений.

Данные характеристики позволяют выделить такой **потенциал образовательного пространства** вуза, как возможность включения только тех элементов, которые имеют отношение к образовательно-воспитательному процессу, становлению и формированию личности выпускника вуза, его конкурентоспособности, к нужным для будущего специалиста свойствам и качествам, отвечающим требованиям работодателей и современного рынка труда.

Определённые нами функции и разработанная обобщенная модель образовательного пространства могут стать еще одним важным теоретико-методологическим ориентиром для современных педагогических исследований по формированию конкурентоспособности выпускника вуза.

Несмотря на многообразие взглядов по поводу понятия «образовательное пространство», несомненным остается его прямая связь с понятием «**образовательная среда вуза**». Для ряда авторов указанные термины и вовсе представляются синонимами: образовательное пространство понимается как комплекс особым образом структурированных, организованных и социализированных образовательных сред, которые реализуют функционал по транслированию индивидуального и социального опыта, освоению студентом духовно-нравственной культуры [1].

В нашем исследовании мы исходим из следующего: образовательное пространство вуза соотносится с результатом конструктивной деятельности студента и с этой точки зрения противостоит понятию «образовательная среда». Вместе с тем образовательное пространство высшего учебного заведения в процессе своего функционирования формирует в себе присущую только ему среду, и на уровне субъекта воспринимается всеми участниками педагогического процесса именно как среда вуза.

Немаловажное значение, на наш взгляд, в определении возможностей образовательного пространства по формированию конкурентоспособности выпускников вуза имеет *средовой подход* (Ю. С. Мануйлов, В. А. Ясвин), который позволяет рассматривать вуз как среду формирования конкурентоспособной личности будущего специалиста. В его основу положены идеи Л. С. Выготского, К. Д. Ушинского, Т. С. Шацкого о влиянии среды на личность. По мнению А. С. Макаренко, воспитывает не только и не столько сам воспитатель, сколько среда, которая организуется наиболее выгодным образом.

В современных исследованиях образовательная среда вуза представляет собой совокупность компонентов: пространственно-предметного (разнообразие форм деятельности), психо-дидактического (комплекс условий и возможностей для развития и реализации творческого потенциала студента), социального (стиль межличностного общения, уровень взаимодействия) и рассматривается как категория, определяющая условия развития студента.

Понятие «**образовательная среда вуза**» в теории высшего профессионального образования отражает:

- «климат» высшего учебного заведения, объективированный в конкретной системе взаимоотношений и взаимообусловленностей каждым субъектом педагогического процесса;

- сферу, в рамках которой протекает образовательно-воспитательный процесс, и взаимодействуют стейкхолдеры образовательного пространства;

- точка соприкосновения образовательных потребностей студента вуза и образовательных возможностей высшего учебного заведения [1, с. 132 – 140];

- специфическая форма человеческой практики, ориентированная на трансформацию жизнедеятельности личности с целью формирования условий, обеспечивающих ее развитие и самосовершенствование [7];

- фактор воспитания и социализации, влияющий на развитие человека как объекта и субъекта этого процесса (В. А. Левин);

- составная часть социокультурного пространства, в контексте которого осуществляется взаимодействие элементов образовательной системы, субъектов образовательного процесса и образовательного материала [6, с. 36 – 40].

Наиболее существенными качествами образовательной среды являются:

- *целостность*, предполагающая выработку у студентов единой картины мира, представлений, общность психологических черт и форм поведения при сохранении индивидуальной неповторимости и уникальности каждой личности;

- *адаптивность*, позволяющая личности адаптироваться к тем или иным обстоятельствам и требованиям;

- *информативность, вариативность, комфортность*, надежность, обеспеченность эстетическими и гигиеническими показателями.

Учтем, что понятие «образовательная среда вуза» в теории профессионального образования отражает:

- «климат» образовательного учреждения, объективированный в конкретной системе взаимоотношений и взаимообусловленностей каждым субъектом педагогического процесса;

- сферу, в рамках которой протекает образовательный процесс, и взаимодействуют стейкхолдеры образовательного пространства;

- итог целенаправленной организации информационных источников, взаимодействуя с которыми конкретный студент вуза формирует навыки решения профессиональных задач;

- точки соприкосновения образовательных потребностей студента вуза и образовательных возможностей высшего учебного заведения [1, с. 132 – 140].

Обобщая сказанное выше, мы определили *образовательную среду как результат целенаправленного формирования условий, соответствующих целям и задачам вуза и ориентированных на использование современных образовательных инновационных технологий для повышения уровня компетентности субъектов педагогического процесса.*

Для формирования конкурентоспособности выпускника вуза представляется важным рассмотреть содержание понятий «образовательное пространство» и «образовательная среда вуза» во взаимосвязи трех аспектов: социально-образовательного, практико-профессионального и инновационного (инновационно-ориентированного профессионального (таблица 2).

Мы исходим из того, что образовательное пространство, в широком смысле нами понимается как *совокупность образовательных сред*. Изучение высшего профессионального образования как целостности изначально связано с нашим пониманием, прежде все-

го, его как активной образовательной среды личностного развития студента и как образовательного пространства личностной самоактуализации, самореализации, профессионального самоопределения и формирования конкурентоспособности выпускника вуза.

Таблица 2

**Содержательное представление понятий «образовательное пространство»
и «образовательная среда вуза»**

<i>Аспект</i>	<i>Образовательное пространство</i>	<i>Образовательная среда вуза</i>
Социально-образовательный	Итог процесса интеграции всех компонентов образовательного процесса в целях активизации интеллектуального, творческого и личностного потенциала студента для становления и развития качеств и свойств личности студента, необходимых в формировании конкурентных преимуществ относительно других соискателей на рынке труда.	Результат целенаправленного создания условий, обеспечивающих гармонизацию личностных и профессиональных смыслов в содержании, структуре и организации профессиональной подготовки в высшем учебном заведении.
Практико-профессиональный	Интегративное представление организованной и структурированной системы линий-подпространств в разрезе: государство, бизнес структуры и высшие учебные заведения для обеспечения возможностей для активизации личностного потенциала студента, проявления его интеллектуальных и творческих способностей, профессионального саморазвития в ходе накопления практического опыта решения профессиональных задач.	Результат целенаправленного создания условий, обеспечивающих активное взаимодействие частного сектора и высших учебных заведений в контексте формирования и развития профессиональных навыков и умений студентов, обеспечивающих им конкурентные преимущества на современном рынке труда.
Инновационный	Единая система взаимодействия субъектов образовательного процесса, учитывающая сращивание интересов высших учебных заведений с научно-исследовательской работой, в том числе необходимость применения таких образовательных технологий и моделей развития потенциала студентов, которые обеспечивают формирование конкурентных преимуществ студентов-выпускников.	Совокупность условий, обеспечивающих развитие «всех сущностных сил» учащегося, его творческого и интеллектуального потенциала в разрезе инновационного содержания образования, инновационных образовательных технологий и инновационных методов воспитания молодежи, как базиса становления конкурентоспособности студента на рынке труда.

Литература

1. Беккер И. Л., Журавчик В. Н. Образовательное пространство как социальная и педагогическая категория // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 12(16). С. 132 – 140.
2. Бондырева С. К. Психолого-педагогические проблемы интегрирования образовательного пространства. М.: МПСИ, МОДЭК. 352 с.
3. Ефимов П. П., Костин В. Н. Сущность инновационной образовательной среды вуза // Молодой ученый. 2014. № 7. С. 502 – 506.
4. Крыжановская Л. Г. Здоровьесберегающее образовательное пространство как фактор оптимизации личностного развития студентов колледжа: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2006. 215 с.
5. Леонова О. А. Образовательное пространство как педагогическая реальность // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2006. № 1. С. 36 – 40.
6. Мавзютова И. П. Здоровьесберегающее образовательное пространство медицинского колледжа как условие подготовки конкурентоспособных специалистов: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2003. 211 с.
7. Погребова Н. Б. Образовательное пространство лица как условие развития исследовательской функции педагога: дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2006.
8. Степанов В. М. Организация развивающего образовательного пространства в инновационной школе: дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 1999. 190 с.
9. Редько Л. Л., Чумичова Р. М. Теоретические подходы и проектирование образования в современных условиях. Ставрополь: ИРО, 1996.
10. Шиянов Е. Н. Педагогика: общая теория образования. Ставрополь, 2007.
11. Шумакова А. В. Проектирование интегративного образовательного пространства педагогического вуза в системе непрерывного профессионального образования: монография. М: Сервисшкола, 2006. 340 с.

Информация об авторе:

Коноплянский Дмитрий Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент, директор филиала Томского государственного архитектурно-строительного университета в г. Ленинск-Кузнецкий, lktgasu@mail.ru.

Dmitry A. Konoplyansky – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Director of Leninsk-Kuznetsky branch of Tomsk State University of Architecture and Building.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 378

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКА ВУЗА**

Д. А. Коноплянский

**TEACHING TOOLS FOR IMPLEMENTING THE PEDAGOGICAL STRATEGY
OF HIGHER SCHOOL GRADUATES' COMPETITIVENESS FORMATION**

D. A. Konoplyansky

Статья посвящена вопросам формирования конкурентоспособности выпускника вуза в методике высшего профессионального образования. Основное содержание исследования составляет поиск необходимого педагогического инструментария реализации педагогической стратегии формирования конкурентоспособности выпускника вуза, в ходе которого определён комплекс методов и средств взаимодействия преподавателя и студента в воспитательно-образовательном процессе профессионально-образовательного пространства вуза. Данный комплекс включает в себя методы активного и интерактивного обучения, личностно-ориентированные методы обучения и воспитания, информационно-коммуникативные методы, мультимедийные средства обучения и др.

The paper is devoted to the formation of competitiveness of higher school graduates in the methodology of higher education. The main aim of the study is to find the necessary pedagogical tools implementing the educational strategies for building competitiveness in higher school graduates, during which a set of methods and means of interaction between teachers and students in the educational process and the vocational-educational space of the university was defined. The complex includes the methods of active and interactive learning, student-oriented teaching and educating methods, information and communication techniques, multimedia learning tools etc.

Ключевые слова: высшее образование, конкурентоспособность, конкурентоспособный выпускник, педагогическая стратегия, методика высшего профессионального образования, педагогический инструментарий, методы обучения.

Keywords: higher education, competitiveness, competitiveness of graduates, teaching strategy, methods of higher education, pedagogical tools, training methods.

Актуальным для методики высшего профессионального образования остается и вопрос о том, что должно входить в комплекс характеристик выпускника, для того, чтобы он был в полной мере способен осуществлять свои профессиональные обязанности на качественно высоком уровне и насколько этот набор характеристик соответствует требованиям, которые предъявляют работодатели к выпускникам вузов. Кроме того, несомненным остается тот факт, что высшее учебное заведение оказывает значительное воздействие на формирование и развитие качеств, которые характеризуют конкурентоспособность выпускника вуза.

Для нашего исследования значима позиция В. И. Андреева, который делает заключение, что для динамичного общественного развития *«следует формировать конкурентоспособную личность, которая в различных жизненных ситуациях подготовлена к выживанию в конкурентной борьбе... при этом обществу нужна личность, конкурентоспособность которой достигается цивилизованными средствами и методами»* [1, с. 45].

Обратим внимание, что вуз, который нацелен на формирование конкурентоспособности своего выпускника, не может просто «предоставить», студенту набор необходимых качеств; конкурентоспособного

выпускника можно «получить» организацией такого профессионально-образовательного пространства вуза (представляющего собой совокупность и единство практико-профессиональной, социально-образовательной и инновационной сред), которое бы стало стратегическим фактором формирования конкурентоспособного специалиста. Мы исходим из того, что для достижения запланированного результата в методике высшего профессионального образования следует проработать комплекс методов и средств взаимодействия преподавателя и студента.

Что касается определения понятия «конкурентоспособный выпускник» в методике профессионального образования высшей школы, то здесь мы будем говорить о студенте, который посредством использования активных и интерактивных методов обучения к концу обучения формирует и развивает у себя конкурентоспособные преимущества, которые проявляются в глубоких профессиональных знаниях, развитых умениях и навыках решения профессиональных задач в современных социально-экономических условиях функционирования рынка труда [2, с. 251 – 255].

При определении педагогического инструментария реализации педагогической стратегии формирования конкурентоспособности выпускника вуза мы

исходим из того, что педагогический инструментарий представляет собой комплекс различных приемов и средств обучения и воспитания, которыми владеет преподаватель, и которые в воспитательно-образовательном процессе он активно применяет. Выделим следующие составляющие педагогического инструментария реализации педагогической стратегии:

- информационные, компьютерные и интернет-технологии, в том числе современные мультимедийные средства обучения;
- педагогические технологии, построенные на основе оптимизации управления и организации учебного процесса, в том числе технология перспективно-опережающего обучения;
- педагогическая технология саморазвивающего обучения студента, игровые технологии и пр.;
- инновационные технологии обучения.

Для раскрытия данного определения понятия «конкурентоспособный выпускник» в методике профессионального образования высшей школы следует уточнить некоторые положения и перевести их в плоскость реалий педагогической деятельности, а именно:

– применение активных и интерактивных методов обучения. Сущность таких методов состоит в опоре, прежде всего, на продуктивное, творческое мышление, поведенческие модели и коммуникативные навыки. Следует учитывать, что методы интерактивные обучения могут быть представлены как неимитационные (семинар-диспут, проблемная лекция и пр.) и имитационные модели (построение моделей изучаемого объекта) и предполагают высокий уровень внешней и внутренней активности студентов:

– дискуссионный метод, основанный на обсуждении спорного вопроса или проблемы. Важной характеристикой дискуссии, отличающей её от других методов, применяемых в высшей школе, предстает аргументированность [10, с. 17 – 18];

– кейс-метод трактуется как один из современных методов деятельного обучения, основанный на организации преподавателем в высшей школы группе студентов обсуждения задания, являющегося собой описание конкретной педагогической ситуации с явной или скрытой проблемой [4; 9; 11, с. 126 – 128];

– метод проектов позволяет строить обучение студентов на активной основе посредством обеспечения их целесообразной деятельности согласно личному интересу обучаемого именно в данном знании и определяет формирование учебно-познавательных навыков студентов, умений самостоятельно проектировать (конструировать) систему личностных знаний, подвергать анализу приобретенную информацию, высказывать предположения (гипотезы) и предлагать разнообразные приемы и средства по их реализации, а также, способствует эволюции критического мышления [10, с. 17 – 18];

– метод сообучения, по сути дела, педагогика сотрудничества в высшей школе, которая трактуется автором исследования как объединенная (совместная) работа профессорско-преподавательского состава высшей школы и студентов, организованная на следующих принципиальных основах, а именно: «субъектно-субъектного» согласованного действия, совместного участия, совместного творчества и совместного управления. Педагогика сотрудничества в высшей школе представляет собой технологию «проникающе-

го» вида, так как она, в некоторой степени, предстает органичным элементом современных педагогических методов [8, с. 116 – 117];

– метод модерации представляет собой отражение академической теории с точки зрения реальных событий с целью повышения заинтересованности студентов в активном усвоении знаний (характеризующих различные ситуации) и формировании навыков сбора, обработки и анализа информационных данных и понимается как совокупность *целенаправленного систематизированного процесса интеракции* в студенческих группах с помощью вербализации и визуализации и как *стиль активного участия* всей группы (команды) в реализации реальных целей и задач педагогического процесса высшей школы [12; 13];

– метод синквейнов – это использование в методико-дидактическом обеспечении образовательного процесса высшей школы определенным образом структурированного информационного текста, представленного в виде пятистрочной поэтической формы (США, начало XX века; Россия – с 1997 г.). Высокопозитивный и оптимизирующий прием формирования и развития «образной речи» студентов, дающий возможность результативно и эффективно достичь желаемого результата [3];

– метод различных блиц-игр, то есть совокупность приемов и средств блиц-игр, мини-игр и т. д., которые отличаются молниеносной (очень быстрой) организации и проведения разных игровых видов, которые используются как методы активизации деятельности студентов высшей школы в современном образовательном пространстве. К ним относятся: ролевые игры; ситуационные или деловые игры; риторические игры; «круглые столы»; заседания экспертных групп («панельная дискуссия»); форумы; симпозиумы; дебаты; «мозговой» штурм и т. д. [2, с. 254 – 255];

– при реализации методики формирования конкурентоспособности студента, на наш взгляд, целесообразно применять такие средства обучения, как:

– мультимедийные средства обучения – это синхронное многосредовое применение разных типов и видов информации и их анализа в интегрированном объекте-контейнере. Данные средства обучения основываются на использовании информационно-коммуникативных средств (аудио, видео и пр.) и программ, посредством которых обеспечивается передача студенту информации и формирование единого информационного поля. Иными словами, мультимедиа является самой современной педагогической компьютерной информационной технологией, дающей возможность интегрировать в обобщенной информационной среде разные виды данных, таких как: текст, графика, фотография, анимация, видео, звук, применяемых также и в педагогической практике высшей школы. Мультимедиа-средства представляют собой следующие типы образовательных мультимедиа-продуктов, а именно: слайд-шоу; мультимедиа-презентации; мультимедиа – доклады; мультимедиа – учебники; мультимедиа – лабораторные работы и т. д.

Основные средства мультимедиа – лазерные диски; видеокарты и т. д. [10].

– портфолио студентов, иными словами, «Веб-портфолио» (веб-портфель, web-portfolio), понимающегося а педагогической деятельности высшей школы

как веб-базируемый ресурс, показывающий подробное изменение динамических показателей учебно-познавательных (профессиональных) или иных достижений его создателя – студента вуза [7, с. 47 – 51].

– применение конкретных методов и средств обучения должно соответствовать определенным взаимосвязанным этапам формирования конкурентоспособного выпускника, каждый из которых ориентирован на развитие определенных личностных и профессиональных качеств, необходимых ему для успешного функционирования на современном рынке труда (соответствия требованиям работодателей);

– личностные и профессиональные качества, которые необходимы выпускнику для обретения успешности включают в себя:

- готовность к активной профессиональной деятельности;
- настойчивость в достижении жизненного успеха через профессиональную самореализацию;
- активная жизненная позиция;
- ориентация на высокое качество трудовой деятельности;
- стремление непрерывно совершенствовать свои профессиональные умения;
- выраженное чувство личной ответственности;
- способность планировать свой труд согласно условиям профессиональной деятельности;

– способность организовывать свою профессиональную деятельность;

– способность и желание соответствовать предъявляемым требованиям работодателя и т. д.

Кроме того, стоит отметить, что формирование конкурентных преимуществ выпускника вуза должно осуществляться в ходе всего периода обучения, для чего видится целесообразным сформировать основополагающие качества его конкурентоспособности, «погрузив» будущего специалиста в конкурентную образовательную среду. Формирование в процессе образовательно-воспитательной деятельности конкурентной среды позволяет развивать между студентами конкурентную активность и способствует раскрытию их личностного потенциала.

Создание условий конкурентной учебной среды вуза для формирования конкурентоспособности будущего специалиста предполагает применение балльно-рейтинговой системы (БРС) оценивания образовательных результатов студентов на каждом из этапов данного процесса, поскольку БРС обеспечивает возможность здоровой конкуренции среди студентов. Задача преподавателя в этом случае заключается в том, чтобы не позволить перерасти здоровому чувству соперничества в грубое противостояние и стремление к победе любыми средствами.

Литература

1. Андреев В. И. Конкурентология: учебный курс для творческого саморазвития. Казань: Центр инновационных технологий, 2000. 234 с.
2. Артемова Ю. В. Активные методы обучения в формировании конкурентоспособности будущих журналистов // Вестник ЕГУ им. И. А. Бунина. (Серия: Педагогика): в 2-х т. Т. I. Вып. 29. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. С. 251 – 255.
3. Баннов А. М. Учимся думать вместе: материалы для тренинга учителей. М.: ИНТУИТ.РУ, 2007. 178 с.
4. Беляева Е. Н. Использование кейс-метода в высшей школе. Казань: ТГПИ.
5. Гладилина И. П. Кейс-технология как инновационный подход к оказанию образовательных услуг // Материалы Международной научно-практической конференции, 26 – 28 января 2011 г. М.: Фонд развития регионов, 2011. С. 12 – 17.
6. Государев И. Б. Аспекты подготовки будущих инженеров по специальности «информационные технологии в образовании» // Наука и школа. 2007. № 3. С. 47 – 51.
7. Государев И. Б. Дистанционная поддержка обучения на основе веб-портфолио учителя // Развитие региональной образовательной информационной среды: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: ЛОИРО, 2006. 144 с.
8. Ершова О. В. Парная работа студентов в аудитории как часть системы обучения // Alma-Mater (Вестник высшей школы). 2014. № 1. С. 116 – 117.
9. Каунов А. М. Учебные кейсы в техническом и профессиональном образовании. Волгоград: Перемена, 2010. 197 с.
10. Магазинник Л. Т. Новые формы, технологии и методы обучения в высшей школе // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 5. С. 17 – 18.
11. Никитина М. А. Использование кейс-метода как средства повышения качества современных образовательных результатов // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3(40). С. 126 – 128.
12. Ткаченко Г. Модерация в тренинге и проектных группах // HRMagazine. 2008. № 4. 211 с.
13. Hausmann G., Stunner H. Zielwirksame Moderation. Renningen – Malsheim, 1994. 218 p.

Информация об авторе:

Коноплянский Дмитрий Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент, директор филиала Томского государственного архитектурно-строительного университета в г. Ленинск-Кузнецкий, lktgasu@mail.ru.

Dmitry A. Konoplyansky – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Director of Leninsk-Kuznetsky branch of Tomsk State University of Architecture and Building.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННЫХ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ
К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

С. В. Костарев

**THE ORGANIZATIONAL AND ACTIVITY RESOURCES OF MODERN PEDAGOGICAL
TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF FUTURE OFFICERS' READINESS
FOR THEIR PROFESSIONAL ACTIVITY**

S. V. Kostarev

В статье раскрыто содержание ресурсов современных педагогических технологий в организации процесса подготовки курсантов в военно-техническом вузе к решению профессиональных научно-прикладных и педагогических задач в части обеспечения реализации принципа проблемности, деятельностной модели подготовки, профессиональной контекстности содержания образования. Аргументируется целесообразность использования в образовательном процессе технологий исследовательского и проектно-исследовательского обучения как наиболее перспективных в рассматриваемом аспекте. Определены базовые обучающие модели, которые могут быть реализованы с использованием указанных технологий.

The paper discusses the resources of modern pedagogical technologies in the organization of the process of training cadets in military technical universities to solve professional research and pedagogical tasks regarding providing the realization of the principle of problematical character, the activity model of training, the professional context of the content of education. The suitability of using the technologies of research and activity training as the most prosperous in the educational process in the considered aspect is reasoned. The basic training models which can be realized with the use of the specified technologies are defined.

Ключевые слова: подготовка курсантов к профессиональной деятельности, современные педагогические технологии, организационно-деятельностные ресурсы, исследовательское и проектно-исследовательское обучение, обучающие модели в процессе профессиональной подготовки.

Keywords: training cadets for professional activity, modern pedagogical technologies, organizational and activity resources, research and activity training, training models in the course of professional education.

Готовность будущего офицера к профессиональной деятельности была и остаётся основной целевой установкой и важнейшим результатом его обучения в военно-техническом вузе, а формирование такой готовности – доминантой в организации образовательного процесса в нём. При этом задача совершенствования профессиональной подготовки, гармонизации её содержания с запросами времени имеет непреходящий характер и при значимых изменениях требует новых решений.

В современных условиях необходимость таких решений связана, с одной стороны, с происходящими и имеющими характер тенденций развития изменениями в области самой профессиональной деятельности военного специалиста – расширением спектра и усложнением встающих перед ним инженерных, научно-прикладных и педагогических задач, а с другой стороны – с изменениями в системе высшего военно-технического образования: переходом к компетентностному подходу, усилением направленности на личностно-профессиональное развитие и саморазвитие выпускника вуза, становление его субъектности. Не менее существенными представляются и изменения, происходящие в методологии профессиональной деятельности, прежде всего, возрастание роли и функциональности научных знаний и методов в процессе принятия и реализации практически важных решений, динамичность их совершенствования.

Стремление к содержательному и процессуальному соответствию обучения курсантов в военно-техническом вузе их будущей профессиональной деятельности заставляет сегодня обратиться к анализу

известных и поиску новых педагогических средств, которые были бы адекватны современным требованиям к военному специалисту и при этом отвечали условиям его обучения в военно-техническом вузе.

Ведущую роль в совершенствовании профессионального образования играет его педагогико-технологическое обеспечение [2; 4; 6]. В настоящей работе систематизируются и анализируются организационно-деятельностные ресурсы, которыми обладают в профессиональной подготовке будущих офицеров современные педагогические технологии. Доказывается, что, будучи должным образом использованными в образовательном процессе, современные педагогические технологии содействуют реализации ведущего направления обновления профессионального образования в современных условиях — формированию у будущего специалиста в процессе его обучения деятельностной позиции, опыта системного видения профессиональной деятельности, системных действий в ней, решения новых проблем и задач [7]. Тем самым обосновывается и актуализируется интеграция современных педагогических технологий в образовательный процесс военно-технического вуза. Наибольшее внимание при этом уделяется подготовке будущих офицеров к решению профессиональных научно-прикладных и педагогических задач, где проблема педагогического обеспечения формирования у курсантов готовности к профессиональной деятельности стоит особенно остро.

К организационно-деятельностным ресурсам мы отнесли педагогические технологии реализации в образовательном процессе принципа проблемности [10], деятельностной модели подготовки [11], профессио-

нальной контекстности содержания познавательной деятельности [3].

Конкретизируем содержание этих ресурсов и наиболее перспективные в плане их реализации педагогические технологии.

Реализация принципа проблемности как одного из базовых принципов профессионально-ориентированного обучения построения учебного процесса на основе современных педагогических технологий обеспечивается:

- введение в содержание обучения проблемного начала – того неизвестного обучаемым, что требует от них овладения новыми знаниями и умениями, исследуя его, что придаёт учебному процессу необходимую эмоциональную окраску;
- проблемную детерминацию предметного содержания обучения и процесса его освоения курсантами в учебно-познавательной деятельности;
- открытость познавательной позиции у обучающихся, их восприимчивость к различным подходам, методам и средствам решения проблемы.

К числу педагогических технологий, позволяющих реализовать в образовательном процессе принцип проблемности, относятся технология проблемного обучения, которая акцентирует внимание на создании проблемной ситуации и выявлении проблемы, технологии исследовательского и проектного (проектно-исследовательского) обучения, с необходимостью предполагающие постановку и решение проблемных задач.

Отметим также возможности, открываемые в рассматриваемом аспекте технологией ситуативного обучения, в которой проблема предстаёт в контексте требующей разрешения конкретной, профессионально значимой ситуации (кейса) [5]. Задача курсанта, работающего индивидуально или в составе группы, состоит в самостоятельном анализе ситуации, выявлении и сущностном изучении проблемы, поиске её решения и оценке достигнутых результатов.

Важно отметить, что, будучи используемыми на всём протяжении обучения курсантов в военном-техническом вузе, указанные педагогические технологии открывают такие существенные в профессиональной подготовке возможности, как систематическое повышение уровня их познавательной самостоятельности и приближение предметного содержания обучения к проблематике профессиональной деятельности.

Профессионально значимые ресурсы современных педагогических технологий в реализации деятельностной модели подготовки состоят в обеспечении:

- реализации подхода к учебным дисциплинам как к предмету проблемно-детерминированной деятельности, а к её предметному содержанию как к системе подлежащих решению проблемных задач;
- развёртывания содержания обучения в образовательном процессе в соответствии с логикой деятельности;
- условий для овладения универсальными (обобщёнными), значимыми в плане профессиональной готовности умениями продуктивной познавательной деятельности, что отвечает реализации в образовании системно-деятельностного подхода [1].

Указанными ресурсами с определённой областью технологий исследовательского и проектного

(проектно-исследовательского) обучения, которым генетически присуща деятельностная позиция обучающегося и проблемно-детерминированный процесс поисково-познавательной деятельности. При проектировании учебного процесса как исследовательского на основе подхода к нему как к учебной модели научного исследования и как к обучению через науку [8; 9] его построение в значительной степени, а при использовании второго подхода – в полной мере, основывается на методологии и логике исследовательского процесса. При этом оказываются востребованными и, соответственно, развиваются такие важные для будущей профессиональной деятельности курсанта универсальные умения, как умения выявления, формулирования и сущностного видения проблемы, стратификации её на задачи, проблемно-детерминированного поиска и анализа необходимой информации, конструирования в проблемной среде новых знаний, продуктивного их использования в решении проблемы, его воплощения в материальные формы, критической оценки полученных результатов и процесса их достижения.

Не менее важны в профессиональном плане и приобретаемые будущим военным инженером в исследовательской (проектно-исследовательской) практике личностные качества, в том числе:

- готовность к выявлению и постановке новых актуальных проблем и задач профессиональной деятельности;
- аргументированность в целеполагании, выборе методов и средств деятельности, построении её программы;
- способность к целостному видению ситуации, определению в ней собственной задачи;
- прогностичность в определении ожидаемых результатов;
- целенаправленность и продуктивность деятельности;
- ответственность за предлагаемую программу деятельности и её реализацию;
- системность и систематичность в выполнении программы деятельности;
- способность к нахождению и реализации решения в конкретных сложившихся условиях с учётом оценки определяющих ситуацию факторов;
- самостоятельность и индивидуальность стиля мышления и практической деятельности;
- способность к генерации нестандартных идейных подходов и методов решения проблемы;
- открытость познавательной позиции по отношению к новому;
- готовность к динамичным изменениям в ключевых звеньях процесса решения проблемы;
- коммуникативность, готовность к командной работе;
- объективность в оценке полученных результатов и процесса их достижения.

Нельзя не отметить в рассматриваемом аспекте технологии организации самостоятельной работы обучающихся и их самообразовательной деятельности. Эти технологии предполагают осуществление обучающимися действий, требующих и, соответственно, способствующих формированию у них умений самооценки своих возможностей и дефицитов в реальных

познавательных ситуациях, обоснованного определения необходимого для освоения образовательного поля и задач самообразования, планирования и практической реализации программы продуктивной познавательной деятельности, самоконтроля и саморегулирования, критически-рефлексивного анализа.

В плане придания предметному и деятельностному содержанию обучения профессиональной контекстности современные педагогические технологии обладают, наряду с отмеченными выше, следующими ресурсами:

- осуществление контекстной ориентации в основных звеньях образовательного процесса: целеполагании, результатах обучения, проектировании предметного содержания в основных образовательных программах и программах отдельных учебных дисциплин, взаимодействии преподавателя и курсантов, самостоятельной работе обучающихся;
- обеспечение условий для задействования в образовательном процессе основных форм, методов и средств профессиональной деятельности;
- реализация в образовательном процессе отвечающих целям профессиональной подготовки обучающихся моделей.

В качестве базовых мы предлагаем следующие, имеющие свой прототип в теории и методике исследовательского обучения, обучающие модели:

- учебный процесс как модель профессиональной деятельности;
- обучение через профессиональную деятельность.

Первая модель предполагает построение обучения в формах контекстно-ориентированных в своём содержании учебно-исследовательской и учебно-проектной (проектно-исследовательской) деятельности. Принципиально важным при этом является построение такой деятельности в соответствии с методологией и основанной на ней логико-операциональной структурой реальной профессиональной деятельности, что открывает возможности её действенного освоения в образовательном процессе.

Форма обучения, отвечающая второй модели, – непосредственное участие курсанта в профессиональной деятельности выпускника военно-технического вуза, диктующее необходимость динамичного приоб-

ретения требуемых для её выполнения знаний и умений. Реалистичность такого обучения для старшекурсников подтверждается в настоящее время результативностью деятельности операторов сформированных в ведущих военно-технических вузах научных рот, направленной на решение профессиональных научно-прикладных задач.

В педагогико-технологическом обеспечении контекстного обучения находят своё применение все отмеченные выше педагогические технологии, а также технологии имитационного моделирования и деловых игр [5].

Важно отметить, что, придавая образовательному процессу контекстность, современные педагогические технологии способствуют преодолению одного из коренных противоречий профессионального образования в целом и военно-технического образования в частности – несоответствия организации учебной деятельности по отношению к профессиональной деятельности, к которой она призвана готовить. Сказанное проявляется во всех основных звеньях образовательного процесса:

- мотивации учебной деятельности – в связи с усилением в ней стремления к профессиональной самореализации;
- целевых установках и результатах учебной деятельности – в связи с приданием ей продуктивности в плане достижения значимых в профессиональной области результатов;
- предмета деятельности – в связи с опорой учебной деятельности на реальные объекты и процессы в профессиональной сфере;
- деятельностного содержания – в связи с задействованностью в учебной деятельности самостоятельных профессионально значимых практических действий;
- формах организации деятельности – в связи с развёртыванием учебного процесса в логике профессиональной практико-ориентированной деятельности;
- характере представления содержания – в связи с возможностями целостного отражения в учебном процессе профессиональной деятельности.

Литература

1. Асмолов А. Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения // Педагогика. 2009. № 4. С. 18 – 22.
2. Беспалько В. П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М., 1995. 243 с.
3. Вербицкий А. А., Ларионова О. Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. М.: Логос, 2009. 336 с.
4. Виленский В. Я., Образцов П. И., Уман А. И. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе. М.: Педагогическое общество России, 2004. 192 с.
5. Гриценко Л. И. Теория и практика обучения: интегративный подход. М.: Академия, 2008. 240 с.
6. Колеченко А. К. Энциклопедия педагогических технологий. СПб.: КАРО, 2008. 368 с.
7. Компетентностный подход в педагогическом образовании: коллективная монография / под ред. В. А. Козырева, Н. Ф. Радионовой и А. П. Тряпицыной. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Горького, 2008. 392 с.
8. Компьютеры, модели, вычислительный эксперимент / под ред. А. А. Самарского. М.: Наука, 1988. 176 с.
9. Кондратьев А. С., Прияткин Н. А. Качественные методы при изучении физики в школе и вузе. СПб.: СПбГУ, 2000. 96 с.
10. Лернер И. Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981. 186 с.
11. Попков В. А., Коржув А. В. Дидактика высшей школы. М.: Академия, 2008. 224 с.

Информация об авторе:

Костарев Сергей Валерьевич – начальник Военной академии связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного, г. Санкт-Петербург, Россия, kostarev.sl204@mail.ru.

Sergey V. Kostarev – Head of the S. M. Budjonny Military Academy of the Signal Corps, St. Petersburg.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 316.334.22:378.046.4

ПОДГОТОВКА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ НОРМОТВОРЧЕСТВУ

И. А. Крымовская

TRAINING ON EDUCATIONAL RULEMAKING FOR LEADERS OF PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

I. A. Krimovskaya

Экспериментальная проверка педагогической эффективности Модели проводилась в Государственной автономной образовательной организации ДПО «Иркутский институт повышения квалификации работников образования».

В статье представлены результаты экспериментальной апробации разработанной автором модели повышения квалификации директоров профессиональных образовательных организаций, нацеленной на развитие их готовности к образовательному нормотворчеству. Доказано, что реализация указанной модели позволяет обеспечить: сбалансированный рост степени сформированности всех функциональных элементов нормотворческой компетенции; повышение степени осознанности нормотворческой деятельности руководителей; корректировку их профессионально-правовой самооценки. Определены организационные условия эффективности реализации указанной модели в образовательной практике.

The paper presents the results of experimental approbation of the model of training Directors of professional educational organizations developed by the author; the model focuses on the development of their readiness for educational rulemaking. It is proved that the implementation of this model allows providing: a balanced growth of the degree of development of all functional elements of rulemaking competence; increasing the degree of rulemaking awareness; adjusting the professional and legal self-rating of Directors. The organizational conditions for the effective implementation of this model in educational practice are defined.

Ключевые слова: директор профессиональной образовательной организации, правовая компетентность, нормотворчество, локальные нормативно-правовые акты, повышение квалификации.

Keywords: Director of professional educational organization, legal competence, rulemaking, local regulations, improvement of professional skills.

Локальное образовательное нормотворчество, определяемое нами как деятельность образовательной организации по формированию собственной нормативно-правовой базы, в современных условиях выступает одной из ведущих функций директора школы, колледжа, вуза. Руководитель образовательной организации, являясь инициатором и участником разработки нормативно-правовых документов, тем самым осуществляет процессы корпоративного нормопроектирования и актуализации локального нормативного поля (т. е. приведения его в соответствие с внешними требованиями, соответствующие определенному этапу модернизации образования).

В 2012 – 2013 гг. автором этой статьи была разработана модель формирования готовности руководителей профессиональных образовательных организаций к образовательному нормотворчеству (далее по тексту статьи – Модель). Модель представляет собой описание и теоретическое обоснование организационно-педагогической системы, обеспечивающей эффективную реализацию процесса формирования готовности

руководителя профессиональной образовательной организации к образовательному нормотворчеству средствами образовательной организации, реализующей дополнительные профессиональные программы. Структура Модели включает в себя шесть взаимосвязанных блоков – концептуально-методологический, технологический, содержательно-деятельностный, инструментальный, ресурсный и рефлексивно-оценочный.

Экспериментальная проверка педагогической эффективности Модели проводилась в 2013 – 2014 гг. в Государственной автономной образовательной организации ДПО «Иркутский институт повышения квалификации работников образования». Цель опытно-экспериментальной работы (далее по тексту статьи – ОЭР) была сформулирована следующим образом: научно обосновать и экспериментально проверить организационно-педагогические условия формирования нормотворческой компетенции руководителя профессиональной образовательной организации.

Исходя из поставленной цели, были поставлены следующие задачи ОЭР:

1. Сформировать набор показателей оценки педагогической эффективности Модели.
2. Определить индикаторы, позволяющие судить о состоянии целевых показателей.
3. Определить характер и степень влияния Модели на динамику развития нормотворческой компетенции руководителя профессиональной образовательной организации и отдельных ее элементов.
4. Уточнить и по необходимости скорректировать содержание элементов апробируемой Модели и взаимосвязей между ними.
5. Выявить организационные условия эффективности реализации Модели.

Существенная особенность ОЭР состояла в том, что апробировавшаяся модель не имела известных аналогов. В силу этого использовать подход к организации педагогического эксперимента, основанный на сравнении динамики определенных показателей в экспериментальной и контрольной группах, было невозможно (отсутствовали основания для формирования контрольной группы). Вместо этого использовался иной подход, связанный с оценкой динамики абсолютных значений показателей группы директоров, проходивших повышение квалификации на основе экспериментальной программы, и их сопоставлением с определенными целевыми значениями.

Формируя набор показателей оценки эффективности апробируемой Модели, мы следовали схеме, предложенной С. И. Змеевым, согласно которому «оценка пройденных курсов... в общем виде должна включать следующие блоки оценок:

- 1) оценка слушателем себя, своего прогресса, усвоенных знаний, технологий;
- 2) оценка содержания, тематики курса;
- 3) оценка уровня преподавания;
- 4) оценка форм, методов учебной работы;
- 5) оценка системы отношений» [1].

Первый из обозначенных показателей был принят в качестве центрального и конкретизирован следующим образом: «позэлементная самооценка директорами-слушателями степени сформированности нормотворческой компетенции». Отметим, что мы используем термин «компетенция» не в юридическом, а в педагогическом смысле, понимая под компетенцией «способность успешно действовать на основе умений, знаний и практического опыта при выполнении задания, решении задачи профессиональной деятельности» [2, с. 11]. При этом под *нормотворческой компетенцией руководителя образовательной организации* мы понимаем готовность руководителя к реализации нормотворческой функции, выступающей одним из структурно-функциональных элементов его правовой компетенции.

Для оценки рассматриваемого показателя эффективности Модели была разработана специальная анкета, в основу которой была положена матрица, одно измерение которой соответствует критериям оценки (ценностно-мотивационный, когнитивный, операционно-деятельностный, деятельностно-волевой, рефлексивный), второе измерение – функциональным элементам нормотворческой компетенции (аналитико-

прогностическая работа, разработка проекта локального НПА, экспертиза и доработка проекта, легитимизация НПА, контроль за исполнением НПА, участие в нормотворческих инициативах уровня выше локального, саморазвитие нормотворческой компетенции). Каждой комбинации функционального элемента и критерия поставлен в соответствие определенный индикатор. Таким образом, оценка эффективности модели осуществлялась на основе 35 индикаторов, что позволило охватить все содержание готовности руководителя профессиональной образовательной организации к нормотворчеству, с учетом принципов системности, целостности и полноты.

На основе матрицы была составлена «Анкета самооценки готовности к образовательному нормотворчеству» для директоров, в которой предлагалось оценить каждый из индикаторов с точки зрения сформированности у респондента соответствующего частного элемента его нормотворческой компетенции, путём выбора одного из пяти вариантов ответа («сформирован», «скорее, сформирован», «скорее, не сформирован», «не сформирован», «затрудняюсь в оценке»). Каждому варианту ответа был поставлен в соответствие определенный числовой показатель, что позволило в последующем провести математическую обработку полученных результатов.

Анкетирование проводилось дважды, в соответствии со следующей общей последовательностью ОЭР:

- первый этап – контрольный срез (анкетирование до начала ОЭР. Проводилось непосредственно после первого вводного игротренинга, который носил «провокационный» характер и был нацелен на демонстрацию директорам-слушателям дефицитов в их компетенции);
- второй этап – «формирующий эксперимент» (проведение ОЭР);
- третий этап – итоговый срез (анкетирование по окончании ОЭР);
- четвертый этап – индивидуальные собеседования, включающие обсуждение и совместную интерпретацию результатов анкетирования и прохождения программы в целом.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

1. *Анализ динамики развития нормотворческой компетенции.* В среднем по всем критериям и функциональным элементам нормотворческой компетенции наблюдается прирост самооценки в полтора раза. До начала ОЭР слушатели имели достаточный уровень сформированности лишь по половине оцениваемых элементов нормотворческой компетенции; по окончании ОЭР сформированными у них оказались, в среднем, три четверти элементов.

Важно, что развитие готовности к нормотворчеству в результате ОЭР характеризовалось *сбалансированностью*, поскольку прирост в значениях самооценки по всем критериям (кроме когнитивного, что будет пояснено далее) был приблизительно одинаков. Об этом же свидетельствует и тот факт, что по пяти критериям, а также по всем семи функциональным элементам нормотворческой компетенции наблюдается положительная динамика.

Наименьший прирост был достигнут по когнитивному критерию (почти вдвое меньше, чем по любому другому критерию). Анализ показывает, что это обусловлено наличием *отрицательной динамики* в самооценке по двум индикаторам: «Знание содержания правовых норм федерального и образовательного уровней, регулирующих образовательные правоотношения» и «Знание федерального и регионального образовательного законодательства». (Заметим, что по всем другим критериям, кроме когнитивного, ни по одному показателю не было отмечено отрицательной динамики). Индивидуальные собеседования со слушателями-директорами, проведенные по окончании курсов и посвященные, в том числе интерпретации полученных результатов самооценки, дали объяснение этому феномену. Некоторые директора признали, что перед началом курса их представления об уровне своих собственных знаний в области образовательного законодательства оказались завышенными. Включившись в ходе курсов в выполнение персональных проектов, в решение кейсов, в ситуационно-ролевые игры, они вынуждены были произвести переоценку своих знаний. Таким образом, снижение значений по двум обозначенным показателям свидетельствует не о неэффективности Модели в развитие когнитивного компонента нормотворческой компетенции, а о том, что *ее реализация способствовала коррекции профессионально-правовой самооценки директоров-слушателей*.

В то же время на развитие функциональных элементов нормотворческой компетенции Модель повлияла неравномерно. Наибольший прирост значений самооценки зарегистрирован по элементу «Экспертиза и доработка проекта». Индивидуальные собеседования с директорами показали, что до начала курсов многие из них не осознавали значимости и необходимости данного этапа, «замыкая» процесс локального образовательного нормотворчества на себя. Таким образом, использование Модели позволило заметно повысить *степень осознанности собственной нормотворческой деятельности* директорами-слушателями.

Попутно заметим, что самая слабая динамика наблюдалась по двум функциональным элементам: «Легитимизация локального НПА» и «Саморазвитие нормотворческой компетенции». В первом случае это объясняется тем, что исходное значение самооценки было достаточно велико. Что касается элемента «Саморазвитие нормотворческой компетенции», то его формирование носило, в рамках курсового периода, прогностический характер, с перспективой активного использования на протяжении последующего межкурсового периода. (По-видимому, было бы более корректно определять динамику развития данного элемента нормотворческой компетенции, используя результаты самооценки не сразу по окончании курсового периода, а по прошествии половины или всего межкурсового периода. Однако, в силу продолжительности межкурсового периода, получение таких данных выходит за рамки представленной части исследования).

2. *Сравнение абсолютных значений показателей с целевыми значениями.* В качестве целевого уровня качества работы по развитию того или иного элемента нами было определено «критическое» значение самооценки, составляющее 0,5 от максимального значения.

Это позволило, во-первых, диагностировать те критерии и элементы нормотворческой компетенции, которые имеют наименьший «фоновый» уровень сформированности, что соответствует самым низким значениям самооценки на «входе». Среди них:

– операционально-деятельностный (до начала ОЭР 0,33) и рефлексивный (до начала ОЭР 0,49) критерии. Т.е., в своей повседневной правовой деятельности большинство директоров испытывают затруднения, связанные с ее самооценкой и организацией внешней оценки, а также (в наибольшей степени) – со слабым владением конкретными технологиями, процедурами и методами нормотворческой и вообще правовой деятельности, в т. ч. юридической техникой;

– функциональные элементы «Экспертиза и доработка проекта» (0,42 до начала ОЭР) и «Контроль за исполнением локального акта» (0,43 до начала ОЭР). Это свидетельствует о явной склонности директоров решать нормотворческие вопросы без использования демократических, партисипативных механизмов, в традициях единоличного административно-командного управления;

– функциональный элемент «Участие в нормотворческих инициативах» (0,26 до начала ОЭР), что указывает на низкую гражданско-правовую активность директоров ПОО (во многом объяснимую их перегруженностью своими прямыми обязанностями в условиях перманентного реформирования образования).

Во-вторых, определение «критического» уровня позволило выявить те частные элементы нормотворческой компетенции, по которым он не был превышен и по итогам ОЭР. Это, прежде всего, моменты, связанные с индивидуальным стилем правового поведения – «Наличие и осознанность индивидуального стиля правового поведения» и «Готовность к совершенствованию индивидуального стиля правового поведения». Кроме того, это показатель «Знание федерального и регионального образовательного законодательства». Все три данных элемента нормотворческой компетентности по итогам ОЭР остались сформированными менее чем у половины директоров-слушателей. Данный момент учитывался при составлении персональных программ правового самообразования и саморазвития руководителей профессиональных образовательных организаций на межкурсовый период.

Оценка педагогической эффективности Модели по другим показателям (содержание, уровень преподавание, формы и методы обучения, система межличностных отношений) осуществлялась один раз, по окончании обучения, с последующим обсуждением «проблемных мест» в ходе индивидуальных собеседований. В анкете использовалась 3-балльная четырехпозиционная шкала: «не удовлетворен» – 0 б., «скорее, не удовлетворен» – 1 б., «скорее, удовлетворен» – 2 б., «вполне удовлетворен» – 3 б. Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

1. По всем показателям и по всем группам (за одним исключением, о котором сказано ниже) средние значения находятся в интервале между оценками «скорее, удовлетворен» и «вполне удовлетворен». Это является еще одним значимым свидетельством в пользу педагогической эффективности апробировавшейся

Модели. Следует заметить, что ни в одной из 43 анкет ни разу не встречается ответ «не удовлетворен».

2. В группе, проходившей обучение в 2013 г., по показателю «Система межличностных отношений» была получена оценка, заметно ниже остальных (2,3, что соответствует интервалу «скорее удовлетворен»). Это позволило сделать вывод о том, что формирование и динамика межличностных отношений в учебной группе является проблемным местом образовательного процесса (статус проблемности усиливался тем обстоятельством, что значительная доля учебного процесса проводится в малых группах и требует скоординированной работы всех участников в конструктивной, доброжелательной атмосфере). Этот момент был учтен при организации работы с группой, проходившей обучение в 2014 г., в программу работы с которой были введены дополнительные элементы, нацеленные на формирование и укрепление групповой атмосферы (в том числе тренинги командообразования). В результате оценка по данному проблемному показателю в группе 2014 г. была заметно выше и соответствовала интервалу «вполне удовлетворен».

Таким образом, проведенная апробация модели формирования готовности руководителей профессиональных образовательных организаций к образовательному нормотворчеству подтвердила ее педагогическую эффективность. Доказано, что реализация Модели позволяет обеспечить: сбалансированный рост степени сформированности всех функциональных элементов нормотворческой компетенции; повышение степени осознанности нормотворческой деятельности руководителей; корректировку их профессионально-правовой самооценки.

По результатам опытно-экспериментальной апробации Модели был выявлен набор организационных условий, обеспечивающих эффективность ее реализации. Учет данных условий необходим при использовании Модели в других организациях ДПО, в т. ч. в иных субъектах федерации.

Первое условие – реализация Модели как открытой, развивающейся системы. На практике это предполагает:

- постоянную настройку всех блоков Модели на актуальное состояние правовой действительности, находящейся в непрерывном движении;

- адаптацию образовательного процесса под запросы и характер профессиональной деятельности слушателей, уровень развития информационно-коммуникативных технологий, изменения в системе управления образованием;

- мониторинг профильного рынка образовательных услуг для определения оптимального направления совершенствования программы с учетом имеющегося социального заказа и возможных конкурирующих программ.

Второе условие – создание в образовательной организации ДПО, реализующей Модель, адекватной правовой среды и соответствующего образовательного уклада, что предполагает поддержание правовых установок и социально-правовых ценностей каждого субъекта образовательно-правовых отношений, а также управление на основе принципов демократизма и партисипативности.

Третье условие – организация систематической работы по преодолению ценностно-смысловых барьеров руководителя профессиональной образовательной организации, его отчуждения от целей, задач, содержания и процесса повышения квалификации, что предполагает:

- отказ от информационного давления и авторитарных оценок в адрес директоров-слушателей;
- понимание и учет их реальных (не только объективных, но и субъективно-личностных) потребностей и интересов;
- позитивную установку на разрешение возникающих конфликтов и противоречий;
- признание права директоров-слушателей на собственные мнения оценки, признание значимости их самооценок.

Дальнейшее развитие настоящего исследования предполагается осуществлять как совершенствование разработанной модели по следующим направлениям:

- 1) формирование методики работы с директорами профессиональных образовательных организаций по развитию их нормотворческой компетенции в межкурсовой период;

- 2) развитие гражданской законодательной активности руководителей ПОО;

- 3) разработка модели формирования нормотворческих компетенций у организационных команд профессиональных образовательных организаций.

Литература

1. Змеев С. И. Основы андрагогики: учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей. М.: Флинта: Наука, 1999. 152 с.
2. Словарь-справочник современного российского профессионального образования / авт.-сост.: В. И. Блинов, И. А. Волошина, Е. Ю. Есенина, А. Н. Лейбович, П. Н. Новиков. Вып. 1. М.: ФИРО, 2010. 19 с.

Информация об авторе:

Крымская Инга Андреевна – заместитель начальника отдела государственной аккредитации образовательных учреждений, служб по контролю и надзору в сфере образования Иркутской области, inga.krimovskaya@yandex.ru.

Inga A. Krymovskaya – Deputy Head of the Irkutsk region Division for State Accreditation of Educational Institutions, Service Control and Supervision of Education.

Статья поступила в редколлегию 29.06.2015 г.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ В РАМКАХ ДУАЛЬНОГО ПОДХОДА

А. Г. Михайлова

THE DEVELOPMENT OF FUTURE ENGINEERS' PROFESSIONAL AND CREATIVE ABILITIES IN THE CONTEXT OF DUAL APPROACH

A. G. Mikhaylova

В статье исследуется одна из актуальных проблем современного образования – формирование личности будущего инженера с профессионально-творческими способностями (ПТС) в условиях существующего разрыва между образованием и производством. Цель данной статьи – определение основных средств и методик процесса формирования ПТС будущего инженера в условиях профессиональной подготовки. Из всего многообразия требований к инновационным инженерам основными автор считает развитый механизм принятия технических решений на изобретательском уровне и способность находить необходимую информацию и самообучаться. Рассмотрен акмеологический подход как изучение и осуществление практического совершенствования инженера через превращение имеющегося профессионального уровня развития в более высокий оптимальный уровень. Автором предложен дуальный подход как мобильный способ взаимодействия двух систем: образования и производства.

Результаты данного исследования применяются в образовательном процессе вуза для повышения качества профессиональной подготовки будущих инженеров. Автор приходит к заключению, что качественно новое управление будущим возможно только при действии закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе.

The paper addresses an urgent problems of modern education – the formation of personality of the future engineer with the professional and creative abilities in the context of the existing gap between education and practice. The purpose of the paper is to identify the main tools and techniques of the process of formation of professional and creative abilities of future engineer in the process of professional education. The author considers the main requirement for innovative engineers to be the developed mechanism for making technical decisions at the invention stage and the ability of finding the necessary information and self-study. The author considers the acmeological approach to the study and implementation of the engineer's practical improvement through the transformation of the existing professional development level to a higher optimal level. The author suggests a dual approach as a mobile communication method of two systems: education and practice.

The results of the study are applied in the University educational process of to improve the quality of professional training of future engineers. The author comes to the conclusion that a new future is possible only in the priority development of human qualities, the quality of public intelligence and the quality of educational systems in society.

Ключевые слова: качество образования, инновационный инженер, профессионально-творческие способности, акмеология, акмеологический подход, преемственность, адаптация, разрыв, преемственность, дуальное образование.

Keywords: quality of education, innovative engineer, professional and creative abilities, acmeology, acmeological approach, adaptation, gap, continuity, dual education.

Важнейшими требованиями к личности инженера является способность к нестандартному мышлению, генерации новых идей, креативности, умение применять наличные профессионально-творческие способности (ПТС) для решения сложных инженерных задач. Новые требования инновационного производства могут быть удовлетворены только путем регулярного повышения уровня подготовки исследователей [10]. Сегодня востребован инновационный специалист с ПТС.

Должны интенсивно внедряться новые методы подготовки специалистов [7] с учетом модели непрерывного образования, направленную на постоянное развитие личности будущего специалиста (М. Г. Минин, П. С. Чубик, В. С. Севостьянов, И. А. Сафьяников).

Так, в диссертационных исследованиях И. В. Гавриш, Е. В. Громова, Н. В. Кузьминой, И. Я. Лернер,

Н. В. Лысенко и др. рассмотрены общие положения профессиональной подготовки будущих инженеров, вопросы творческого развития будущих специалистов изучали А. М. Анохин, Г. В. Безулева, Х. Х. Валиахметов, Л. К. Галицкая, А. П. Дубинин, П. Ф. Кравчук и др., вопросы построения модели личности инженера рассматривали С. Е. Моторная, А. А. Субачева, Л. З. Тархан, Л. Х. Чомаева и др.

В контексте решения данных проблем нами был внедрен акмеологический подход в формировании ПТС, который обеспечивает целостность системы образования, направленной на всестороннее развитие личности будущего инженера Акмеологический подход к данной проблеме является методологическим основанием развития ПТС в условиях реализации ФГОС ВО.

Преемственность относят к одной из акмеологических категорий. Акмеологию как новую парадигму

образования рассматривали А. С. Анисимов, А. А. Бодалев, А. А. Деркач, Н. В. Кузьмина, В. Н. Максимова, А. К. Маркова. Акмеологический подход к обучению исследовали Г. С. Данилова, В. А. Зашихин, М. В. Колотилова, Н. В. Кузьмина, Л. Г. Лаптев, Е. И. Осипов, С. В. Семенко, Г. Р. Сибигатуллина, В. А. Шаповалова, Л. А. Шиленко, Е. А. Шмелева. Понятие «дуальное образование» рассматривали Е. С. Романова, Е. В. Аретова, Е. Ю., Есенина, С. Веттах, М. А. Шувалова, А. С. Родиков. Однако особенности применения акмеологии к формированию личности будущего инженера с ПТС не были исследованы. Целью нашей статьи является исследование роли дуального подхода в формировании ПТС будущих инженеров на основе акмеологического подхода.

Согласно А. С. Анисимову акмеология – новое интегративное направление в профессиональном образовании психолога и педагога, это также междисциплинарная наука о закономерностях и факторах достижений вершин профессионализма, творчества человека [1].

Ключевой особенностью применения акмеологического подхода к личности будущего инженера является достижение такого уровня сознания, когда он активно стремится к развитию. Результатом применения акмеологического подхода к формированию инженера с ПТС является достижение личностью наивысшего уровня сознания, стремление к самосовершенству.

Первостепенной задачей образовательного процесса вуза является создание благоприятного адаптационного периода [5]. Для этого создаётся акмеологическая образовательная среда как инструмент создания педагогических условий, способствующая преодолению трудностей, связанных с адаптационным периодом и достижению устойчивой мотивации к успеху и преодолению неудач.

Суть акмеологического подхода заключается в исследовании характеристик, способствующих достижению высших уровней развития [2]. Акмеология существенно изменяет акценты в сфере профессио-

нальной подготовки будущих инженеров. Так, понятие «инновационный» специалист является акмеологическим, т. к. одна из основных задач акмеологии – изучение путей, способов и средств развития профессионализма.

Внедрение акмеологического подхода представляется нами как осуществление практического совершенствования инженера через превращение имеющегося профессионального уровня развития в более высокий оптимальный уровень. Поскольку период обучения в вузе является важным этапом на пути достижения профессионализма, высшая школа призвана обеспечить условия, инструментом создания которых является акмеологическая среда.

Решение данной проблемы мы видим в применении дуального подхода путем увеличения практической части учебного процесса. Уже на начальном этапе обучения в вузе формируется индивидуальный стиль деятельности будущего инженера, который основывается на его индивидуально-психологических характеристиках. Эффективное разностороннее развитие личности будущего специалиста и формирование профессионального сознания обеспечат в будущем вхождение в систему производственных и социальных отношений без конфликтов.

Мы придерживаемся мнения М. А. Шуваловой, что дуальное обучение – это мобильный способ взаимодействия образования и производства, предусматривающий баланс теории и практики. Открывается возможность для повышения качества обучения и сокращения периода последующей адаптации – к месту работы [13]. Обучение в рамках дуального образования способствует формированию профессиональных компетенций [10].

Так, И. Г. Фихте считает, не знание, а деятельность определяет истинную ценность специалиста [12]. Проанализированные основные аспекты и особенности дуального подхода к формированию будущего специалиста (по Е. С. Романовой) занесены в таблицу.

Таблица

Основные аспекты и особенности дуального подхода к формированию будущего специалиста
(по Е. С. Романовой)

<i>Аспекты</i>	<i>Особенности</i>
Изучение профессии	В системе отношений «субъект труда – профессиональная среда» изучение профессиональной деятельности предполагает выявление взаимосвязей как между компонентами подсистем «субъект труда» и «профессиональная среда», так и отдельных компонентов внутри этих подсистем
Учет основных этапов жизненного пути субъекта	Приоритетное значение придается критическим моментам его движения в социальной сфере: через общеобразовательную и затем – профессиональную школу в сферу профессионального труда
Анализ профессионального становления	Профессиональное становление включает процессы, протекающие на фоне общих процессов личностного развития, которое на разных этапах жизненного пути человека рассматривается в неразрывном единстве формирования общих установок и ценностей, отношения к миру и обществу, к той ситуации, которая реально складывается на современном рынке труда и профессий

Наш опыт показывает, что в вузе только способствуют приобретению профессиональных знаний, но не обучают основным способам решения инженерных задач. В рамках дуального подхода особое внимание следует уделить развитию творческого мышления и воображения, поскольку сегодня формируется новый стиль инженерного мышления, направленного на создание новой техники и современных технологий [11]. Для развития творческого мышления необходимо использовать активные методы обучения (деловые игры, моделирование ситуаций, метод проектов, ситуационный анализ, мозговой штурм (способы решения творческих задач), ТРИЗ, АРИЗ, технология МАС-ТАК, групповая психотерапия, дискуссия, коллективная творческая деятельность, групповое консультирование).

В своем развитии личность усваивает основные особенности профессии. Это присуще тем лицам, которые осознают важность будущей профессии, заинтересованы в её освоении. Поэтому формирование профессионального сознания очень важно и необходимо в течение всего процесса обучения.

В вузе такая стадия профессионального самоопределения как профессиональное обучение, не может игнорировать разные этапы взросления. Человек в своем развитии проходит несколько этапов: у каждого этапа развития личности определенные показатели творчества [6]. Причем все студенты одной группы или одного курса находятся на разных уровнях самосознания и самопознания. Уже на начальном этапе обучения в вузе необходимо сформировать в самосознании будущего инженера необходимость в постоянном самосовершенствовании.

Для этого мы проводили цикл тренинговых занятий по темам: «Профессиональные качества компетентного инженера», тренинг «Развитие творческого мышления и креативности» по методике Е. Ю. Брунера. Цикл данных тренингов предусматривал применение таких методов: ролевые, психодиагностические игры, интерактивные занятия, а также различные приёмы, которые включают: творческое моделирование профессиональных ситуаций, самоисследование, предусматривающее осмысление личностных качеств и ПТС в соответствии с инженерной деятельностью.

На тренинговом занятии «Профессиональные качества компетентного инженера» студенты научились различать личностные и профессиональные качества инженера.

Занятие «Самодиагностика и самоанализ» предусматривало осуществление самоанализа, в ходе которого студенты научились распознавать наличные ПТС и активизировать свои духовные резервы. В рамках занятия проведен визуальный тест «Ведущее полушарие» Владимира Пугача [9]. Поскольку формируем ПТС у инженеров, учитывает то, что у них преобладает технический тип мышления. Он связан с доминированием левого полушария мозга, т. е. склонностью к работе с абстрактными символами, понятиям.

С целью формирования познавательного интереса к овладению знаниями по применению ПТС в инженерной деятельности, было проведено практическое занятие «Мой путь профессионального становления,

как будущего инженера. Способности инженера, прописанные ФГОС по направлениям подготовки «Радиотехника» и «Радиоэлектронные системы и комплексы (специалисты)».

В учебный процесс студентов экспериментальной группы, обучающихся по направлениям подготовки 11.03.01 Радиотехника (бакалавры), 11.04.01 Радиотехника (магистры), 11.05.01 Радиоэлектронные системы и комплексы (специалисты)» был внедрен спецкурс «Формирование профессионально-творческих способностей будущих инженеров на основе акмеологического подхода». Основные формы обучения – лекции, лекции-дискуссии, практические занятия, семинары, тренинговые занятия, самостоятельная работа студентов.

Большую часть аудиторных часов спецкурса занимали практические занятия, направленные на закрепление полученных знаний и их практическую апробацию с целью выработки методических приемов будущей профессиональной деятельности с применением ПТС, а также на ознакомление и применение алгоритма решения творческих инженерных задач, включающего применение методов ТРИЗ, АРИЗ, МАСТАК, Мозговой штурм (атака). Структура практического занятия состояла из алгоритма в семь этапов.

На первом этапе алгоритма решения творческих задач проводили тестирование на решение стандартных задач. На втором этапе, в зависимости от полученных результатов, определили руководителей проектных групп, и сформировали первоначальный состав групп. Третий этап включал в себя учебно-тренировочные задачи. На четвертом этапе была сформулирована определенная творческая задача, для каждой группы определили цель, время и средства решения данной задачи. На пятом этапе каждая проектная группа решала творческую задачу методом Мозгового штурма (Мозговой Атаки). На шестом этапе были выбраны самые перспективные идеи, разработан рисунок созданных проектов на основе этих идей. И, наконец, на седьмом этапе алгоритма проводился метод обратной мозговой атаки.

Таким образом, в процессе специально организованной практической подготовки студенты не только овладели необходимыми знаниями, но и приобрели умения и навыки применения ПТС в профессиональной деятельности.

В заключении отметим, что все перечисленные нами методики способствуют эффективному формированию ПТС инженера на основе акмеологического подхода. Дуальная система образована из лучших идей, направленных на решение задачи подготовки квалифицированных кадров как основы конкурентоспособности. Качественная рабочая сила становится залогом процветания государства. Эта цель заставляла искать новые методы обучения [3]. Формирование ПТС будущих инженеров на основе акмеологического подхода будет более эффективным с применением дуальной системы, которая обеспечивает вхождение выпускника технического вуза в систему производственных и социальных отношений без кризисов, проблем и конфликтов.

Литература

1. Анісімов О. С. Акмеологія та методологія: проблеми психотехніки і мислетехніки, М., 1998. 772 с.
2. Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Акмеология. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
3. Есенина Е. Ю. О модели профессионального образования с учетом опыта Германии и Финляндии // Профессиональное образование. Столица. 2014. № 11. С. 17 – 20.
4. Климов Е. А. Психолого-педагогические проблемы профессиональной консультации. М.: Знание, 1983. 96 с.
5. Кузнецова Г. В. Адаптация первокурсников к вузовской среде. 2013. Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/78/293/13152.php> (дата обращения: 01.08.2015).
6. Михайлова А. Г. Акмеология в контексте проблем качества образования: теория зрелости в формировании профессионально-творческих способностей // Культура народов Причерноморья. Симферополь. 2014. № 6. С. 172 – 175.
7. Михайлова А. Г. Устранение разрывов между образованием, наукой и производством: акмеологический аспект // Всероссийский форум технологического лидерства России 6 – 7 ноября 2014 г. «Технодоктрина 14». Режим доступа: <http://военный-пенсионер.рф/voennye-novosti-mo-i-mvd-pf/64065-ustranenie-razrivov-mezhdu-obrazovaniem-naukoj-i-proizvodstvom-akmeologicheskij-aspekt.html>
8. Платонов К. К. Личностный подход как принцип психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. 190 с.
9. Пугач В. Визуальный тест «Ведущее полушарие». 2009. Режим доступа: http://metta.ucoz.com/publ/blog/poleznye_materialy/test_na_opredelenie_dominirujushhego_polusharija_golovnogogo_mozga/71-1-0-519 (дата обращения: 20.08.2014).
10. Романова Е. С. Профессиональное становление и развитие с позиций дуального подхода // Системная психология и социология. М.: ИПССО МГПУ, 2010. 150 с. Режим доступа: http://systempsychology.ru/journal/n_1_2010/8-romanova-es-professionalnoe-stanovlenie-i-razvitie-s-pozicij-dualnogo-podxoda.htm
11. Фиговский О. Л., Левков К. Л. Проблемы подготовки инженеров для инновационных отраслей // Nano news net. 19.07.2010. Режим доступа: <http://www.nanonewsnet.ru/blog/nikst/problemy-podgotovki-inzhenerov-dlya-innovatsionnykh-otraslei>
12. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи. СПб., 1906. 219 с.
13. Шувалова М. А. Формирование профессиональных компетенций техников высокотехнологичных отраслей промышленности в условиях дуального обучения // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2015. № 2(32). С. 117 – 120.

Информация об авторе:

Михайлова Алла Григорьевна – аспирант кафедры общей и прикладной психологии и педагогики Севастопольского государственного университета, steba1971@mail.ru.

Alla G. Mikhaylova – post-graduate student at the Department of General and Applied Psychology and Pedagogy, Sevastopol State University.

(**Научный руководитель: Моторная Светлана Евгеньевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии и педагогики Севастопольского государственного университета, motornaya@ukr.net).

Academic advisor: Svetlana E. Motornaya – Candidate of Pedagogics, Associate Professor at the Department of General and Applied Psychology and Pedagogy, Sevastopol State University).

Статья поступила в редколлегию 15.09.2015 г.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В РТ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Л. Р. Муртазина

ON SOME ISSUES OF TEACHING THE TATAR LANGUAGE IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN AT THE PRESENT STAGE

L. R. Murtazina

В статье рассматриваются проблемы и состояние преподавания татарского языка как одного из государственных языков Республики Татарстан в средних и высших учебных заведениях, определяются основные задачи преподавания татарского языка в различных аудиториях. Особое внимание уделяется вопросу применения новых технологий, онлайн-школы и других интернет-ресурсов. Автором описаны условия и эффективные способы изучения татарского языка, также предпринята попытка определения некоторых причин малорезультативности обучения татарскому языку в иноязычной аудитории на современном этапе, указаны некоторые способы повышения мотивации изучения языка. Выводы, полученные в ходе работы над темой, дают основание утверждать, что одним из самых эффективных методов обучения татарскому языку как неродному является коммуникативная технология.

The problems and state of teaching the Tatar language as one of the state languages of the Republic of Tatarstan in secondary and higher educational institutions are considered in the paper. The main objectives of teaching the Tatar language to various audiences are defined by the author. The special attention is paid to the issue of using new technologies, online school and other Internet resources. Conditions and effective ways of studying the Tatar language are described in the paper, the author attempts to define the reasons of low-productivity of teaching the Tatar language to speakers of other languages at the present stage. The author specified some ways of increasing the motivation for studying the Tatar language. The conclusion is drawn that one of the most effective methods of training the Tatar language as non-native is the communicative technology.

Ключевые слова: полиэтническое общество, государственные языки, преподавание, обязательный предмет, методика, коммуникативная технология, «погружение в языковую среду», мотивация.

Keywords: multiethnic society, state languages, teaching, obligatory subject, technique, communicative technology, «immersion in the language circle», motivation.

Республика Татарстан – многонациональная, поликультурная и поликонфессиональная республика. В ней проживает свыше 173 представителей различных этносов [11, с. 556], для которых созданы условия для сохранения национальных культур, традиций, изучения родных языков. В республике функционируют школы с татарским, русским, чувашским, марийским, мордовским языками обучения. Для представителей различных диаспор открыты воскресные школы, в которых азербайджанцы, армяне, грузины, осетины, греки, поляки и представители других национальностей изучают свой родной язык, приобщаются к национальным обычаям и традициям. Существуют законодательные меры и институты для сохранения и развития языков в Татарстане, среди которых ведущая роль принадлежит «Государственной программе Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан» [2].

Согласно Закону РТ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» (1992) равноправными государственными языками республики являются татарский и русский языки [3]. Татарский язык, второй по распространенности и по количеству говорящих на нем в Российской Федерации, с начала 90-х гг. изучается во всех общеобразовательных школах (независимо от языка обучения) Республики Татарстан как обязательный учебный предмет (до этого он изучался лишь в татар-

ских школах, на татарском языке обучались 12 % детей-татар, в городах – не более 1,5 % [7, с. 61]), в дошкольных образовательных учреждениях и в определенном объеме во многих средне-специальных и высших учебных заведениях.

Статус татарского языка как государственного в условиях школьного образования предусматривает практическое овладение им и как средством общения, и как способом духовно-нравственного развития и воспитания школьников. Овладение татарским языком как средством общения должно обеспечить способность и готовность русскоязычных учащихся к коммуникации в повседневной жизни, к взаимодействию и взаимопониманию контактирующих народов в полиэтническом обществе [9, с. 264].

Основными целями изучения татарского языка в общеобразовательной школе являются: формирование коммуникативной компетенции в основных видах речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо); развитие личности школьника, его познавательных и речевых способностей; повышение мотивации к овладению татарским языком как средством межличностного общения; формирование уважения к татарскому народу, его истории, культурным ценностям, что является залогом межнационального согласия и взаимопонимания [8, с. 119].

Преподавание татарского языка в школах на современном этапе ведется по трем направлениям:

- 1) обучение татарскому языку школах с татарским языком обучения;
- 2) обучение татарскому языку детей татар в школах с русским языком обучения;
- 3) обучение татарскому языку русскоязычных детей в школах с русским языком обучения.

Методика преподавания татарского языка в разных группах существенно отличается. Татарский язык в татарской школе имеет свою историю и давние традиции. Методика преподавания, разработанная в течение долгого времени, учебники и программы в основном отвечают современным требованиям, предъявляемым к учебным пособиям данного профиля. При этом необходимо учитывать тот фактор, что родной язык необходим не только как средство общения и познания окружающей действительности, но и как средство сохранения национальных культурных традиций и приобщения к ним последующих поколений. Поэтому основная цель преподавания родного языка заключается не только в усвоении норм литературного языка, совершенствовании речи, пополнении словарного запаса и усвоении грамматических правил языка, но и расширении кругозора и знаний учащихся по культуре, истории и т. д. татарского народа.

Преподавание татарского языка детям-татарам, которые учатся в русских школах, ставит перед учителями практические цели. Самое главное – усвоение лексического и грамматического минимума, предусмотренного программой. Учащиеся должны понимать татарскую речь, общаться, уметь правильно говорить и читать, грамотно писать на татарском языке.

Методика преподавания татарского языка в русскоязычной аудитории в корне отличается от первых двух методик. Основной контингент учащихся, как видно и из названия – это дети, совсем не владеющие татарским языком. Среди них представители национальностей, живущих на территории РТ – русские, чуваш, марийцы, мордва, удмурты, немцы и татары, не владеющие татарским языком. Для татар, обучающихся по этой программе, функционально родным языком является русский язык, и, соответственно, родной язык, будучи генетически родным, изучается в школе как второй язык. Поэтому в этой аудитории огромное внимание должно уделяться в первую очередь воспитанию уважительного отношения к языку и чувства толерантности.

На наш взгляд, можно было бы выявить еще одно направление в преподавании татарского языка – в тюркоязычной аудитории, актуальность которого определяется миграционным потоком из тюркоязычных стран СНГ. Однако на сегодняшний день нет разработанной методики обучения татарскому языку как близкородственному и, соответственно, практики тоже.

Как известно, основной целью обучения татарскому языку русскоязычной аудитории является формирование, развитие коммуникативной деятельности школьников и обучение практическому овладению языком. Но, к сожалению, уровень преподавания татарского языка в образовательных учреждениях с русским языком обучения не совсем соответствует

современным требованиям: у большинства выпускников наблюдается низкий уровень знаний татарского языка. То, что не все русскоязычные учащиеся могут усвоить язык на должном уровне, говорит о несовершенстве методики преподавания татарского языка. Требования некоторых родителей об изменении принципа преподавания татарского языка в школах, а именно отказаться от грамматического уклона в пользу обучения коммуникативным, разговорным навыкам имеет основу. По мнению профессора Р. А. Юсупова, причиной является методика обучения русскоязычных учащихся, построенная не на коммуникативном принципе, а на методике преподавания татарского языка как родного [5]. Действительно, в течение двух десятилетий методика, основанная на изучении грамматических правил, не дала особых результатов [4, с. 217]. Методика, построенная на коммуникативной технологии, в отличие от первой, предоставляет возможность более полного овладения неродным языком. Зарубежные и российские ученые обосновали результативность коммуникативной технологии [6]. На современном этапе многие татарские методисты при преподавании татарского языка в иноязычной аудитории также основываются на этой технологии (Р. З. Хайдарова, Ф. Ф. Харисов и др.). И, как утверждают исследователи, данная система создает условия для увеличения словарного запаса, речевых навыков, знаний учащихся, способствует созданию языковой среды, также положительной мотивации к изучению татарского языка [4, с. 219]. В последние годы появилось несколько учебно-методических комплексов, основанных на обучении татарскому языку как иностранному.

Принцип «погружения в языковую среду», применяемый при обучении иностранным языкам, как считают педагоги, имеет огромное значение и при обучении татарскому языку [4, с. 218]. Здесь некоторая обязанность ложится на преподавателей татарского языка и других учителей, владеющих татарским языком, которые в идеале могли бы разговаривать с учащимися на нем во время уроков и внеклассных мероприятий. Однако, как показывает практика и некоторые исследования, учащиеся имеют возможность общения на татарском языке в школе лишь на уроках татарского языка [4, с. 218].

Говоря же о способах мотивации при изучении татарского языка в общеобразовательной школе, можно остановиться на следующих моментах.

Как было отмечено выше, основным недостатком является направленность преподавания на освоение грамматики татарского языка. При таком подходе практическое значение дисциплины для русскоязычных школьников снижается, так как для них важнее овладение речью, умение общаться на языке (при этом необходимость знания грамматических правил сохраняется). Устойчивая положительная мотивация (интерес) к изучению татарского языка, по мнению исследователей, достигается:

- а) организацией усвоения языка как процесса непосредственного общения школьников на изучаемом языке в различных социально-значимых ситуациях;

б) организацией учебной деятельности в игровых формах;

в) организацией деятельности на основе практических предметных действий с переходом к речевым действиям [1, с. 22].

Для повышения мотивации изучения татарского языка также, на наш взгляд, важно умение подбора информации, необходимой для учащихся и студентов в повседневной жизни, интересной в познавательном плане (например, тексты песен, рецепты блюд татарской кухни и т. д.). Немаловажную роль, особенно в старших классах и вузах, играет использование современных приемов в подаче учебного материала, которые пробуждают интерес (обсуждение клипа татарской песни, работа над созданием концепции «своего» клипа на эту же песню и т. д.).

В РТ опыт по созданию внутренней мотивации имеется. Например, русскоязычные дети, как и татароязычные, принимают активное участие во всех мероприятиях, связанных с татарским языком: в республиканской акции «Мин татарча сөйләшәм» («Я говорю по-татарски»), в межрегиональных дистанционных олимпиадах по татарскому языку, в межрегиональном конкурсе по татарскому языкознанию «Зирәк тиен» («Мудрая белка»), в ученических научно-исследовательских конференциях и т. д. Все эти мероприятия способствуют росту у учащихся знаний татарского языка, истории родного края, эмоционально воздействуют в целом на восприятие татарской культуры.

То, что изучающие язык находятся в естественной языковой среде, тоже имеет огромное значение. Для изучения татарского языка вне уроков созданы условия, а именно: сегодня в Татарстане работают несколько радиостанций и телеканалов, вещающих на татарском языке. Как утверждают зарубежные ученые, одним из эффективных способов изучения неродного языка, а именно выработки правильного произношения, обогащения лексики является изучение языка через стихи, музыку, песни и сказки. Этот способ практикуется и в Татарстане – учителя с удовольствием применяют татарские сказки, песни в процессе обучения, таким образом, способствуя расширению словарного запаса у детей, усвоению лексического и грамматического материала. Учащиеся любят посещать театры, концерты татарских исполнителей. В результате достигается и другая, немаловажная в полиэтническом обществе цель – усвоение духовных ценностей, особенностей мировосприятия татарского народа, которые отражаются в языке.

В последние годы все чаще поднимается вопрос о применении новых технологий в преподавании татарского языка. Усвоение компьютерных технологий позволяет реально индивидуализировать учебный процесс, усилить положительную мотивацию обучения, активизировать познавательную деятельность. В этом отношении нельзя не упомянуть об уникальном проекте – разработанной в РТ системе онлайн-школы по обучению татарскому языку под названием «Ана теле» («Родной язык»), которая позволяет, не выходя из дома, в любое время, из любой точки мира присое-

диниться к изучающим татарский язык (сайт <http://anatele.ef.com>).

Данная программа дает возможность выучить основные грамматические правила, достичь необходимого для общения словарного запаса, разговаривать на татарском языке. Главная инновация проекта заключается в создании условий для овладения татарским языком как средством реальной коммуникации. Программа состоит из 9 уровней, при успешном завершении каждого уровня выдается соответствующий сертификат.

При изучении татарского языка также используются и другие интернет-ресурсы: BELEM.RU – образовательный интернет-центр на татарском языке, TATARILE.RU – сайт, посвященный татарской культуре, языку, истории и др., способствующие положительной мотивации к изучению языка, а значит и сохранению, развитию и повышению его функциональности.

Выше говорилось, что татарский язык преподается и во многих высших учебных заведениях – где-то в форме практических занятий, где-то в форме факультатива. При формировании групп практикуется та же структура, как и в общеобразовательной школе, т. е. татарский язык как государственный язык РТ в высшей школе изучается по трем направлениям: татарский язык в начальной группе (для тех, кто не владеет языком), в продолжающей группе (для маловладеющих языком) и в татарской группе (для окончивших татарскую школу). Созданы учебные и методические пособия [10], в том числе и электронные. Проблемой остается постепенное уменьшение количества часов, отведенных на обучение татарского языка (для сравнения: в 1991 году татарский язык в Казанском государственном педагогическом институте изучался на основе 64-часовой программы, то в 2009 году на эту дисциплину отводилось до 186 часов, сейчас во многих институтах К(П)ФУ татарский изучается в течение одного семестра с 36 часовой нагрузкой, иногда в форме факультатива; это отражается на качестве преподавания, содержании курса и результатах). Если учитывать, что контингент студентов высших учебных заведений состоит не только из выпускников, окончивших татарстанские школы, но и из абитуриентов из регионов, которые совсем не владеют татарским языком, для которых важно изучение языка, традиций, обычаев и культуры коренного народа РТ, актуальность преподавания языка возрастает.

Еще одной, также немаловажной, формой изучения татарского языка являются курсы татарского языка, ежегодно организуемые при Институте филологии и межкультурной коммуникации К(П)ФУ. Здесь изучают язык не только студенты, учащиеся, но и взрослое население республики. После прохождения курса проводится тестирование, на основе которого выдаются соответствующие сертификаты.

Таким образом, основными проблемами в области преподавания татарского языка на сегодняшний день являются: слабая мотивация, нехватка часов на изучение дисциплины (в вузах), также несовершенство некоторых программ и учебников для русскоязычных

учащихся, малоразработанность методики. Недостатком также является направленность курсов не на овладение речью, а на освоение грамматических правил, письменной речи. Наиболее актуальной, на наш взгляд, является проблема подготовки и повышения квалификации педагогических кадров, так как отде-

ления и вузы, готовящие педагогов по специальности «Преподаватель татарского языка в иноязычной (русскоязычной) аудитории» на данном этапе отсутствуют, что отражается на профессиональной компетентности учителей татарского языка и качестве преподавания.

Литература

1. Гильманов Д. Ш. Дидактические условия формирования устойчивого интереса к изучению татарского языка русскоязычными младшими школьниками: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2002. 24 с.
2. Государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан [РТ] // Республика Татарстан. 1994. 24 июля. С. 3 – 6.
3. Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» от 8 июля 1992 г. № 1560-ХП // Языковая политика в Республике Татарстан: политико-правовое регулирование. Казань: Магариф, 2006. С. 205 – 216.
4. Зиннатуллин Р. К. Күпмәдәниятләр белән оешмаларында татар телен коммуникатив технология нигезендә укыту // Поликультурное образовательное пространство Поволжья: интеграция регионального и международного опыта. Казань: 2014. С. 216 – 220.
5. Методика преподавания татарского языка в школах РТ требует совершенствования // Казанский университетский образовательный округ. Режим доступа: old.kpfu.ru/kuoo/index.php?id=26&idm=0&num=612
6. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991. 223 с.
7. Сагитова Л. Выживание татарского языка в глобализирующемся татарстанском сообществе: «за» и «против» // Казанский федералист. 2006. № 4. С. 60 – 61.
8. Сборник примерных программ по татарскому языку и литературе для средней (общей) образовательной школы с русским языком обучения. 1 – 11 классы / ав.-сост. К. С. Фатхуллова, Ф. Х. Завгарова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. С. 119 – 178.
9. Фатхуллова К. С. Татарский язык как средство межкультурного общения в образовательном процессе // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 1(31). С. 264 – 267.
10. Харисов Ф. Ф., Харисова Г. Ф., Айдарова С. Х. Казан Татар теле: чит телле аудиторияда. 2 китеп. Магариф, 2009.
11. Шарипов И. И. О взаимодействии государственных органов и НКО в рамках реализации стратегии государственной национальной политики РФ: региональный аспект // Поликультурное образовательное пространство Поволжья: интеграция регионального и международного опыта. Казань: 2014. С. 554 – 566.

Информация об авторе:

Муртазина Ляля Раисовна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, lyalyamur@mail.ru.

Lyalya R. Murtazina – Candidate of Pedagogics, Senior Research Associate at the Center for History and Theory of National Education, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Статья поступила в редколлегию 07.07.2015 г.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК НОВАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ВОСПИТАНИЯ РАБОТНИКОВ ФСИН РОССИИ

Я. Н. Немов

A SYNERGISTIC APPROACH AS A NEW PEDAGOGICAL PARADIGM OF EDUCATING THE STAFF OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Ya. N. Nemov

Статья посвящена проблеме использования синергетического подхода в качестве методологической основы совершенствования системы воспитательной работы с личным составом уголовно-исполнительной системы. Система воспитания работников ФСИН России может быть рассмотрена с позиций синергетики ввиду ее сложности, многофакторности, открытости, неупорядоченности, неравномерности, нестабильности с одной стороны, а с другой – как обладающей способностью к самоорганизации, что позволит использовать синергетику в качестве методологической основы совершенствования системы воспитательной работы с личным составом уголовно-исполнительной системы на современном этапе реформирования пенитенциарной системы России.

The paper deals with the use of a synergistic approach as a methodological basis for improving the system of educational work with the personnel of the penal system. The system of education of the staff of the Federal penitentiary service of Russia can be considered from the positions of synergetics due to its complexity, multifactorial character, openness, disorder, irregularity, instability on the one hand, and on the other hand as having the ability for self-organization, which allows using synergy as a methodological basis for improving the system of educational work with the penal system staff at the present stage of reforming the penitentiary system of Russia.

Ключевые слова: система воспитательной работы, ФСИН России, синергетика, самоорганизация.

Keywords: system of educational work, Federal penitentiary service of Russia, synergetics, self-organization.

Современное состояние системы воспитательной работы с работниками ФСИН России характеризуется поиском новых педагогических парадигм, способных сформировать новое мировоззрение субъектов воспитательной деятельности, отражающее, прежде всего, социальные потребности институтов гражданского общества в пенитенциарной сфере.

Потребность в совершенствовании системы воспитательной работы обусловлена не снижающимся уровнем нарушений служебной дисциплины, законности, дорожно-транспортных происшествий, суицидов, допущенных сотрудниками уголовно-исполнительной системы (УИС), а также наличием различного рода девиаций [10 – 12].

Данные негативные явления в служебных коллективах требуют переосмысления, поиска новых теоретико-методологических подходов к воспитанию работников ФСИН России, выстраивания общей концептуальной позиции, парадигмальной направленности, общего дискурса субъектов воспитательной работы.

В современной педагогике существует достаточное количество идей [1; 4; 13; 15], в том числе и междисциплинарного характера, среди которых особую роль играет синергетика, позволяющая осуществлять исследование сложных нелинейных открытых систем и подсистем, таких как общество и образование, объекты и субъекты воспитания, а также педагогическое взаимодействие, возникающее в этих системах.

Г. Хакен определил синергетику как «науку о взаимодействии». Синергетика включает в себе теорию самоорганизации нелинейных динамических сред, фундаментальным свойством которых является «рождение сложного», т. е. способность к самоорганизации, усложнению своей пространственно-времен-

ной структуры, порождению «порядка из хаоса» [19]. Применительно к социальным системам синергетику следует рассматривать как науку о коллективном поведении, определенным образом организованном и самоорганизованном, где поведение подчинено общим законам.

Своим становлением и развитием синергетика обязана также таким исследователям, как Г. Николис, И. Пригожин, А. Баблоянц, С. П. Курдюмов, Дж. С. Николис, К. Николис и др. Формирование синергетического мировидения, в контексте естествознания, рассматривается многими авторами, как вызывающее парадигмальные трансформации современной естественнонаучной традиции и интерпретируется в качестве новейшей научной революции, открывающей перспективы междисциплинарного синтеза.

Вопрос о перспективах переноса идей самоорганизации на социально-гуманитарную сферу остается до настоящего времени открытым. На уровне прикладных исследований эти аппликации активно осуществляются в самых различных гуманитарных областях. Концептуально-методологический уровень характеризуется недостаточной разработанностью, отсутствием работ комплексного характера, где все столь же активно ведутся дискуссии о правомерности, корректности и даже самой возможности использования синергетического подхода к феноменам социогуманитарного порядка. В рамках этих дискуссий, с одной стороны, формируется своего рода вектор позитивной оценки перспектив использования идей самоорганизации при исследовании феноменов социального и гуманитарного порядков (А. Баблоянц, Тоффлер, И. Пригожин, И. Стенгерс и др.). С другой стороны, высказывается мнение о том, что экстраполяция синергетического подхода (непосредственно в

том виде, в каком он конституировался в естествознании) на социогуманитарную сферу в целом неправомерно (Г. Кюпперс и др.). Однако на прикладном уровне создание концептуальных моделей динамики различных социальных феноменов как процессов самоорганизации, рассмотренных с синергетических позиций, не только имеет чрезвычайно широкое распространение, но и приносит значимые позитивные результаты [8].

Несмотря на многозначность подходов к данному вопросу, рассмотрение синергетического подхода применительно к проблемам, генерируемым современными задачами педагогики, представляется весьма содержательным как с точки зрения расширения методологической базы исследования процессов обучения и воспитания личности, так и с позиций практической педагогики.

Чтобы применять принципы синергетики к анализу процессов, происходящих в воспитании работников ФСИН России, необходимо определить, насколько система воспитательной работы может рассматриваться как синергетическая. Для этого она должна изучаться с позиции методологии синергетики как открытая, сложная, самоорганизующаяся, нелинейная система, учитывающая такие базовые понятия, как хаос, случайность, бифуркация, аттрактор, флуктуация.

Открытость системы воспитания работников УИС обусловлена наличием постоянного коммуникативного процесса между пенитенциарной системой России, с одной стороны, и обществом, государством – с другой стороны. Таким образом, на систему воспитания работников УИС наряду с положительными, инновационными тенденциями в отечественном профессиональном воспитании и образовании влияют и негативные проявления, связанные со сложной социально-экономической, общественно-политической и информационной обстановкой. Сотрудники испытывают влияние криминогенной обстановки в стране, религиозного и национального факторов в местах расположения учреждений и территориальных органов ФСИН России. На работников УИС серьезное влияние оказывают проблемы пьянства, наркомании, игровой зависимости. Негативное влияние на морально-психологическое состояние работников УИС оказывает целенаправленная деятельность определенных политических сил по подрыву авторитета службы, доверия в обществе к УИС.

Самоорганизация системы воспитания работников УИС подразумевает особый способ кооперативного и когерентного взаимодействия между ее элементами, способствующий поддержанию ее оптимального функционирования, который благоприятствует самоизменению, самосовершенствованию, самовосстановлению как элементов, так и системы в целом.

Системе воспитания работников УИС присущи как *порядок*, так и *хаос*, *неорганизованность*, *бесструктурность*, *случайность* и *дезорганизация*, которые в определенных обстоятельствах несут позитивное начало. Так, категория «хаос» проявляется в том, что в воспитательном процессе возникают отношения неопределенности, отсутствие единого решения и подхода к организации работы с конкретным сотрудником или коллективом. Кроме того, устремления

объектов воспитания могут быть неорганизованными и спонтанными, особенно в условиях снижения образовательного уровня работников, ухудшения состояния их физического и психического здоровья, изменения направленности жизненных приоритетов, понижения чувства коллективизма и общественной активности, профессионально-нравственной деформации, эмоционального выгорания и чрезвычайных ситуаций.

Система воспитания работников УИС характеризуется состоянием *неустойчивости нелинейной среды*. Сотрудники уголовно-исполнительной системы проходят службу, как правило, в сложных, можно сказать аномальных условиях, что оказывает влияние на важные характеристики состояния человека, такие как неопределенность, возможность выбора альтернативных вариантов, неустойчивость эмоциональной и физической сферы, необратимость личностно-деформационных процессов. Неустойчивость системы воспитания работников УИС также проявляется в негативных ситуациях, вызванных несоответствием уровня педагогических компетенций субъектов воспитания предъявляемым к ним требованиям, несоответствием методов и приемов воспитания характеру решаемых воспитательных задач, несоответствием мотивов деятельности сотрудников содержанию воспитательной деятельности и целям руководителя-воспитателя и т. д.

По сути деятельности субъектов и объектов воспитательного процесса изначально присуща нелинейность, обусловленная субъективными факторами, связанными с особенностями восприятия и поведения сотрудников. Наша точка зрения может быть подтверждена В. Г. Будановым [3]: «сами человеческие отношения носят крайне нелинейный характер, хотя бы потому, что существуют границы чувств, эмоций, страстей, вблизи которых поведение становится неадекватным».

Под *бифуркациями* в системе воспитания работников УИС понимается наличие критических моментов неопределенности будущего развития, которые могут привести к появлению новых, как позитивных, так и негативных с точки зрения системы качеств.

Система воспитания работников УИС имеет свой *аттрактор*, т. е. предопределенное будущее потенциальное состояние системы, к которому она эволюционирует, характеризующийся содержанием, местом и ролью системы воспитания работников УИС в осуществлении государственной политики в области исполнения наказаний.

Система воспитания работников УИС обладает свойством *флуктуации*. Случайные изменения, отклонения и колебания обусловлены как деятельностью элементов системы, так и внешними факторами, особенно флуктуации характерны в настоящий момент времени по причине продолжающегося реформирования уголовно-исполнительной системы, оптимизации штатной численности учреждений и органов ФСИН России, что порождает состояние нестабильности, неравномерности.

Фундаментальным свойством исследуемых синергетикой объектов выступает их *сложность*.

В теории систем сложная система – это система, состоящая из множества взаимодействующих составляющих (подсистем), вследствие чего сложная система приобретает новые свойства, которые отсутствуют на подсистемном уровне и не могут быть сведены к свойствам подсистемного уровня [7]. Также под сложностью понимается свойство системы, выражающееся в неожиданности, непредсказуемости, необъяснимости, случайности «антиинтуитивности» ее поведения [14].

В синергетике под сложностью понимается способность к самоорганизации, усложнению своей пространственно-временной структуры на макроскопическом уровне в силу происходящих на микроуровне изменений [8].

Безусловно, система воспитания работников УИС является сложной [6; 9] и характеризуется многоуровневым составом, многообразием компонентов и связей, сложностью поведения и неаддитивностью свойств, сложностью описания и управления, большим объемом информации, необходимой для управления.

Правомерность синергетического подхода к рассмотрению системы воспитания сотрудников ФСИН России, безусловно, как педагогической системы, подтверждается результатами исследований отечественных ученых, исследовавших различные аспекты синергетики с педагогической точки зрения (В. А. Аршинов, В. Г. Буданов, В. Г. Виненко, В. А. Игнатова, Е. Н. Князева, О. Н. Козлова, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий, Н. М. Таланчук, Л. Н. Макарова, Н. Л. Селиванова, О. Н. Федорова и др.).

Например, М. А. Федорова установила соотношение понятий синергетики и традиционной педагогики, базируясь на таких фундаментальных принципах, как самоорганизация, состояние неустойчивости нелинейной среды, хаос, случайность, бифуркация, аттрактор, флуктуация.

М. А. Федорова систему образования рассматривает как открытую, поскольку, во-первых, в ней постоянно идет процесс обмена информацией (знаниями) между преподавателем и обучающимся (обратная связь), целенаправленного добывания информации. Во время этого процесса появляются новые цели, методы и средства обучения. Во-вторых, меняется содержание образования, так как оно не соответствует системе знаний и умений обучающихся в данный момент. Возникает нелинейность как процесса, так и результата. Результат образовательного процесса всегда отличен от замыслов его участников. В-третьих, постоянно увеличивающееся образовательное информационное пространство выводит систему из устойчивого равновесия [18].

Н. Л. Селиванова выделяет три структурных аспекта синергетики, доказывающие правомерность ее использования в педагогических целях. Во-первых, обращение к синергетике позволило наиболее адекватно описать воспитательную систему как феномен педагогической действительности, объект моделирования и управления. Во-вторых, в рамках синергетического подхода любая система, в том числе и социальная, рассматривается как самоорганизующаяся, открытая, неравновесная. В-третьих, рассмотрение

воспитательной системы как мягкой, которая может адаптироваться к условиям внешней среды, сохраняя при этом характерные особенности, изменяет наши привычные взгляды на нее [16].

Н. М. Таланчук утверждает, что воспитание по своей сущности есть системно-синергетический процесс человековедения, а не линейный, не односторонний, не однофакторный и даже не многофакторный процесс. Воспитание личности и ее полноценное развитие обеспечиваются синергетическим взаимодействием таких объективных начал, как целенаправленная воспитательная деятельность педагога, самосовершенствование личности и влияния на нее социально-педагогической инфраструктуры общества (такая инфраструктура понимается как система необходимых социальных условий для жизнедеятельности и развития личности). Эти начала обуславливают друг друга: педагог не сможет воспитать ученика, который сам не включен в самосовершенствование, а его воспитательные усилия окажутся малоэффективными, если социальная среда не подкрепляет этих усилий, не согласуется с ними.

Эффект воспитания, по мнению казанского исследователя Н. М. Таланчука, достигается не педагогическим воздействием, а синергетизмом воспитательного взаимодействия педагога и учащихся. Здесь не педагог формирует личность, ее знания, умения, качества, а он создает такие условия, при которых учащийся включается в активную деятельность по достижению определенной цели и, следовательно, самосовершенствуется. Процесс воспитания совершается через формирование у учащихся системной ориентировочной основы поведения и деятельности личности [17].

Буданов В. Г. отмечает, что синергетический подход принципиально расширяет саму постановку проблемы организации и управления педагогической системой как открытой, сложной, нелинейной, динамической структурой и качественно изменяет её содержание как в отношении включения естественных свойств управляемых процессов в контексте задачи управления, так и в отношении охвата пространства конструируемых систем [2].

Зарождается новая наука – «синергетическая педагогика» [5].

В настоящее время управление педагогическим взаимодействием субъектов и объектов воспитательного процесса в уголовно-исполнительной системе недостаточно изучено. Кроме того, до сих пор многие вопросы, связанные с исследованием системы педагогического взаимодействия в процессе организации воспитания работников ФСИН России, остаются спорными. Не в полной мере раскрыта структура взаимодействия всех участников воспитательного пространства в рамках социцентрической парадигмы, которая противостоит антропоцентрической.

Таким образом, система воспитания работников ФСИН России может быть рассмотрена с позиций синергетики ввиду ее сложности, многофакторности, открытости, неупорядоченности, неравномерности, нестабильности с одной стороны, а с другой – как обладающей способностью к самоорганизации, что позволит использовать синергетику в качестве мето-

дологической основы совершенствования системы воспитательной работы с личным составом уголовно-

исполнительной системы на современном этапе реформирования пенитенциарной системы России.

Литература

1. Ананьин Г. Е. Развитие системного подхода в теории воспитания: монография / под ред. Л. В. Байборовой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. 198 с.
2. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: ЛКИ, 2007. 232 с.
3. Буданов В. Г. Трансдисциплинарное образование, технологии и принципы синергетики. Синергетическая парадигма: Многообразие поисков и подходов: сб. ст. / отв. ред. В. И. Аршинов [и др.]. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 285 – 304.
4. Вербицкий А. А., Ларионова О. Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. М.: Логос, 2009. 336 с.
5. Гейхман Л. К., Кушнина Л. В., Кушнин А. В. Синергетическая педагогика: монография. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2011. 176 с.
6. Концепция воспитания работников уголовно-исполнительной системы: письмо ФСИН России от 18 ноября 2005 г. № 10/8/1-100. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Лоскутов А. Ю., Михайлов А. С. Основы теории сложных систем. М.; Ижевск: Регулярная и стохастическая динамика, 2007. 612 с.
8. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
9. Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы: приказ ФСИН России от 28 декабря 2010 г. № 555. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Обзор состояния дисциплины и законности среди сотрудников УИС за 2011 год.
11. Обзор состояния дисциплины, законности и дорожно-транспортных происшествий среди сотрудников УИС за 2013 год.
12. Обзор «О мерах по психологической профилактике суицидов среди сотрудников УИС»: исх. ФСИН России от 28 марта 2014 г. № 02-13201.
13. Организации воспитательной деятельности педагога по формированию социально-ориентированной личности в системе профессионального образования (принципы и технологии): монография / В. Ш. Масленникова, И. Б. Юсупов, В. А. Боговарова [и др.]. Казань: Данис ИПП ПО РАО, 2010. 192 с.
14. Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Введение в системный анализ: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1989. 367 с.
15. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2-х т. Т. 2. М.: Народное образование, 2005. 582 с.
16. Стратегия воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы / под ред. проф. И. А. Зимней. Изд. 2-е. доп. и перераб. М.: Агентство Издательский сервис, 2004. 480 с.
17. Таланчук Н. М. Системно-синергетическая теория воспитания. Профессиональная педагогика: учебник для студентов, обучающихся по педагогическим специальностям и направлениям. М.: Профессиональное образование, 1997.
18. Федорова М. А. Педагогическая синергетика как основа моделирования и реализации деятельности преподавателя высшей школы: дис... канд. пед. наук. Ставрополь, 2004. 169 с.
19. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. 320 с.

Информация об авторе:

Немов Ярослав Николаевич – кандидат технических наук, доцент, старший преподаватель кафедры организации социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, yarnemov@rambler.ru.

Yaroslav N. Nemov – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Social, Psychological and Educational Work, Tomsk Institute of retraining employees of the Federal Penitentiary service of Russia.

Статья поступила в редколлегию 25.06.2015 г.

НЕСТАНДАРТНЫЕ ЗАДАЧИ ПО МАТЕМАТИКЕ В СИСТЕМЕ РАБОТЫ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ 8 КЛАССА

В. Ю. Сафонова

NON-STANDARD MATHEMATICAL PROBLEMS IN THE SYSTEM OF TEACHING 8TH-GRADE STUDENTS

V. Yu. Safonova

Наиболее важным элементом всей системы работы с обучающимися интересующимися математикой являются нестандартные задачи. Поэтому ключевой проблемой методики работы с детьми является проблема организации соответствующей системы упражнений. Один из возможных способов ее решения предлагается в данной статье.

In past 10 years, the main work with students was concentrated at preparing for the exams while the problems related to working with talented students took a back seat within the methods of teaching mathematics. Sustained interest in mathematics begins to form at the age of 14-15 years old. Therefore, a whole range of measures to improve the quality of mathematical preparation of students is needed. In this regard, extra-curricular work in mathematics, when interest in the subject is generated, is of particular importance. These define the urgency of the problem of creating elective courses for 8th-gradestudents.

Ключевые слова: нестандартные задачи, элективный курс, Я. И. Перельман.

Keywords: non-standard problems, extra-curricular course, Ya. I. Perelman.

В последнее десятилетие основная работа с обучающимися направлена на подготовку к экзаменам. При этом проблемы, относящиеся к работе с талантливыми учениками, отошли на второй план методики преподавания математики. Устойчивый интерес к математике начинает формироваться в 14 – 15 лет. Поэтому необходим целый комплекс мер по улучшению качества математической подготовки учащихся. В этой связи дополнительная работа по математике, когда формируется интерес к предмету, приобретает особую значимость. Сказанным определяется актуальность проблемы создания элективных курсов для обучающихся в 8-м классе.

Исторический опыт подтверждает, что начинать работу по формированию интереса к математике с детьми надо как можно раньше. Более того, при правильном развитии ученого-математика наиболее крупные открытия зачастую делаются в весьма молодом возрасте. «...способные математики, как правило, начинают самостоятельные научные исследования очень рано. Если математические открытия, сделанные в 16 – или 17-летнем возрасте, являются все же исключениями, собираемыми с особенной тщательностью в популярных книжках по истории математики, то начало серьезной научной работы в 19 – 20 лет на средних курсах университетов достаточно типично для биографий наших ученых» [2, с. 16].

В основе отбора содержания и методов работы с талантливыми школьниками, оказывающих наибольшее влияние на формирование интереса учащихся к предмету, лежат общие дидактические принципы – принципы научности и доступности, принципы сознательности, активности и самостоятельности, принципы систематичности и последовательности, принцип наглядности, принцип прочности знаний и т. д. Вместе с тем очевидно, что конкретизация этих принципов в применении к работе с талантливыми детьми должна осуществляться с учетом ее специфики и целей. Выделим дополнительно две такие группы.

Одну из них составляют два принципа отбора содержания, которые мы условно назвали «принципом посильной трудности» и «принципом яркости». Реализация первого из них предполагает наличие связи содержания элективного курса с программным материалом, учет индивидуальных и возрастных особенностей учащихся (поэтому необходимы разнообразие тематики учебных материалов, широта спектра трудности задач, содержательность и информативность учебных материалов).

Под принципом яркости имеется ввиду система требований к содержанию, определяющих его привлекательность с точки зрения обучающихся. Это нестандартность фактов и идей, занимательность рассматриваемых сюжетов, наглядность изложения (в том числе широкое привлечение моделей, примеров из реальной жизни), разнообразий привлекаемых идей.

Вторую группу принципов образует система требований к организации элективного курса, методам его ведения. Один из них – принцип, который естественно назвать «принципом самостоятельности» заключает в себе требование ориентации занятий на самостоятельную работу обучающихся. Они должны сами находить решения задач, активно дискутировать, готовить самостоятельно сообщения, знакомиться с литературой, проявлять инициативу.

Другой принцип – «принцип системности». Он содержит в себе требование сочетания добровольности выбора элективного курса, с четкой организацией его работы.

Содержание элективного курса для учащихся 8 класса.

Тема 1. Метод перебора. 14 часов.

Перебор. Полный перебор. Полный перебор по правилу «крайнего». Полный перебор «с возвратом». Графическое представление полного перебора. Полный перебор «от конца к началу». Ограничение полного перебора. Выделение области поиска решения. Сокращение перебора, исходя из соображений симметрии.

Сокращение перебора путем отсека невозможных решений.

Темы сообщений. О юных математиках. Из истории комбинаторики и ее приложений. Магические квадраты. О теории игр.

Тема 2. Арифметические методы решения задач. 14 часов.

Арифметические задачи на простой счет. Сравнение двух условий вычитанием. Среднее арифметическое. Совмещение событий по времени. Решение задач «от конца к началу» Задачи на движение. Задачи на сравнение. Прием «предположения». Перераспределение.

Темы сообщений. Л. Н. Толстой – учитель арифметики. Л. Ф. Магницкий и его арифметика. Пифагор Самосский. Математика в Древней Руси. Как измерять и считать время.

Тема 3. Метод «соответствия». 7 часов.

Принцип Дирихле. Отношение порядка. «Кто есть кто».

Темы сообщений. Гипатия Александрийская. Из истории математической логики.

Тема 4. Алгебраические методы решения задач. 14 часов.

Уравнения в целых числах. Деление с остатком. Десятичная запись числа. Задачи на отгадывание чисел. Задачи на доказательство. Задачи, решение которых сводится к решению уравнения в целых числах. Числовые ребусы. Признаки делимости.

Темы сообщений. Я. И. Перельман. Числа и цифры.

Задачи для занятия можно брать из [4 – 6].

В качестве примера рассмотрим подробнее занятие на тему «Десятичная запись числа». Выбор объясняется тем, что это занятие отличается от традиционных занятий. Мы его посвятили жизни и творчеству Я. И. Перельмана. Яков Исидорович прожил удивительную жизнь и познакомиться с ней учеников не только полезно, но и поучительно. Предлагаемое занятие основано на работах Я. И. Перельмана, вышедших при его жизни в серии ДЗН (Дом занимательной Науки). Занятие предлагается проводить в несколько необычной форме: по мере сообщения фактов биографии предлагаются задачи.

Содержание занятия

В марте 1917 г. жители Петрограда были встревожены таинственными знаками, появившимися неизвестно как во многих домах на черных лестницах у дверей квартир. Это были зловещие кресты и восклицательные знаки. Возникли панические слухи о шайках разбойников, отмечающих очередность своих жертв. Комиссар Временного правительства официально в печати заявляет, что по произведенному дознанию знаки ставят провокаторы и германские шпионы, коих следует задерживать и препровождать. Но всех успокаивает Я. И. Перельман маленькой заметкой в газете.

Оказывается, знаки эти, появившиеся лишь исключительно на черных лестницах, являются номерами квартир. Это дворники-китайцы, а их было много в то время, пользовались не арабскими или римскими циф-

рами, а своими, им известными арифметическими знаками. Кресты означали десятки, а палочки – единицы.

Сейчас мы используем десятичную запись числа. Например, число 3245 можно записать в виде: $3245 = 3000 + 200 + 40 + 5$.

Задача 1. Попросите товарища задумать какое-нибудь число из четырех цифр и проделать следующее: первую цифру умножить на 2, к результату прибавить 5, сумму умножить на 5, к полученному прибавить 10, к сумме прибавить вторую цифру задуманного числа, полученное умножить на 10, к результату прибавить третью цифру задуманного числа, сумму умножить на 10, к полученному прибавить четвертую цифру. Конечный итог товарищ сообщает вам, и вы называете ему задуманное число. Как можете вы это сделать?

Яков Исидорович Перельман родился 22 ноября 1882 года в Белостоке Гродненской области. Отец его был счетоводом, а мать – учительницей народной школы. На первом году жизни он лишился отца, и поэтому с 14 лет вынужден был заниматься репетиторством, чтобы материально помочь семье. Еще на школьной скамье Перельман проявил недюжинные способности. Никто из его сверстников не мог соревноваться с ним в решении головоломных задач, он всегда был первым.

Реальное училище не давало права поступления в университет, о котором Перельман мечтал с детства. К тому же материальное положение было трудным. Только в 1904 г. Перельман поступил в Петербургский Лесной институт.

Свою жизнь Я. И. Перельман посвятил составлению занимательных книг по математике, физике, астрономии, пропаганде идей Циолковского. На этом поприще он получил широкую известность не только в нашей стране, но и за рубежом.

Книги Перельмана почти единственные, где указывался адрес не издательства, а автора: «Ленинград, 136, Плуталова улица, 2, кв. 12». По этому адресу писали тысячи людей: школьники и академики, моряки и рабочие, бухгалтеры и математики. Перельман ценил крепкие связи, которые соединяли его с читателем. Он считал, что популяризатор должен прежде всего заботиться о том, чтобы его читатели заинтересовались, научились думать самостоятельно, знали факты, чтобы не было верхоглядства. Для решения задач Я. И. Перельмана не требовалось знаний, выходящих за рамки школьной программы, но надо было «вполне сознательное владение» ими [7, с. 201 – 205].

Задача 2. Из 60 депутатов желают составить 7 комиссий так, чтобы в каждой было нечетное число членов. Сколькими способами можно это сделать?

Задача 3. Верно ли, что произведение любых двух последовательных четных чисел делится без остатка на 8?

В 1935 г. по инициативе Я. И. Перельмана был создан «Ленинградский Дом занимательной науки». В огромном Шереметьевском дворце на Фонтанке сотни ленинградских школьников с увлечением занимались конструированием машин, решали интересные головоломки. «Дом» стал издательством, выпускавшим «занимательные» книги, доступные по содержанию и цене детям самых разных возрастов.

В числе прочих отделов «Дома занимательной науки» работал отдел занимательной математики. Один из экспонатов этого отдела давал представление о том,

как велик миллион. Вот его описание. Ряд зубчатых колес подобран и сцеплен в этом приборе так, что, когда рукоятку поворачивают 10 раз, стрелка первого циферблата делает один оборот. Когда рукоятка повернется 100 раз, стрелка этого циферблата обойдет круг 10 раз, и одновременно стрелка соседнего, второго циферблата сделает один оборот. Чтобы заставить стрелку следующего, третьего циферблата обернуться один раз, надо сделать рукояткой прибора 1000 оборотов. После 10000 оборотов рукоятки обернется один раз стрелка четвертого циферблата и т. д., наконец, после 1000000 оборотов рукоятки обернется однажды последняя, шестая стрелка. Для того, чтобы добраться до шестого нуля, надо вертеть ручку прибора без отдыха и остановок в течение одиннадцати суток (считая по одному обороту в секунду) [3, с. 82].

Своеобразными экспонатами являлись арифметические ребусы.

Задача 4. Расшифровать равенство: $xx + xxx = xxxx$, если известно, что оба слагаемых и сумма не изменятся, если все эти три числа прочитать справа налево.

Яков Исидорович был настоящим патриотом. Когда началась Великая Отечественная война, он отказался эвакуироваться из Ленинграда и вместе со всеми ленинградцами переносил ужасы блокады. В первые же дни войны на фронте погиб его единственный сын Михаил. От голода вскоре скончалась жена – врач. Но сам он в холодной, почти не отапливаемой квартире, укрытый всем теплым, что у него было, продолжал сидеть за рабочим столом, готовя новые книги. Весной 1942 г. Я. И. Перельман умер от истощения в блокадном Ленинграде.

Но живы книги Перельмана, живы его традиции. И сейчас книги продолжают переиздаваться.

Вот еще задачи из книг Перельмана.

Задача 5. Собирателю редкостей сообщили, что в Риме при раскопках найдена монета с надписью на латыни: 53-й год до Рождества Христова. «Монета, конечно, поддельная», – ответил собиратель. Как мог он узнать это, не видя самой монеты, ни даже ее изображения?

Задача 6. Мальчик с завязанными глазами безошибочно угадывает в какой руке у вас гривенник (монета достоинством в 10 копеек). Делает он это так.

«Возьмите, – говорит он вам, – в одну руку гривенник, а в другую монету в 3 копейки».

Когда вы это сделали, он продолжает: «Удвойте мысленно то, что у вас в правой руке, и утройте то, что в левой». Вы исполняете его просьбу, тогда он просит вас сложить оба числа и спрашивает, получилось ли четное или нечетное число. «Четное», – отвечаете вы,

например. «Гривенник в левой руке», – тотчас же объявляет он. И всегда угадывает безошибочно. Почему?

Дополнительные задачи

1. Запишите произвольное трехзначное число. Вычитайте из него число, записанное теми же цифрами, но идущими в обратном порядке. Докажите, что полученный результат делится на 99.

2. К числу справа приписали 6, и оно увеличилось в 13 раз. Какое это число?

3. К числу справа приписали 36, и оно увеличилось в 103 раза. Какое это число?

4. К трехзначному числу слева приписали 3, и оно увеличилось в 9 раз. Какое это число?

5. У трехзначного числа переставили первую цифру в конец числа, и оно стало на 441 меньше. Какое это число? [1, с. 25 – 26].

Решения задач

1. Чтобы найти задуманное число, надо от конечного итога вычесть 3500.

Если цифры задуманного числа: а, в, с, d, то $((2a + 5)c + 10 + v)10 + d = 1000a + 100v + d + 3500$.

2. Нельзя этого сделать, так как четное число 60 не может быть суммой нечетного числа нечетных слагаемых.

3. В натуральном ряду чисел каждое второе делится без остатка на два, а каждое четвертое без остатка на четыре. Следовательно, произведение таких чисел должно делиться на восемь.

4. Из условия обращаемости чисел имеем: $aa + bcb = deed$, получаем: $22 + 979 = 1001$.

5. Чеканя монету до Рождества Христова, римляне не могли знать, что через 53 года родился Христос.

6. Четное число при умножении на 2 или на 3 дает тоже четное число. Нечетное при умножении на 2 становится четным, при умножении на 3 остается нечетным. Тогда, 10 копеек при умножении и на 2, и на 3 дает четное число. Три копейки дают четное число при умножении на 2. При сложении четного числа с четным получим четное, а складывая четное и нечетное, получим нечетное число. Поэтому, если сумма четная, значит, три копейки были удвоены, то есть находились в правой руке. Если сумма была нечетная, то три копейки были утроены, то есть находились в левой руке.

Дополнительные задачи

1. Данное число $100a + 10v + c$, записали в обратном порядке:

$100c + 10v + a$, разность $99a - 99c = 99(a - c)$.

2. Ответ: 2:3. Ответ: 12:4. Ответ: 375:5. Ответ: 506, 617, 728, 839, 950.

Литература

1. Задачи для внеклассной работы по математике в 5 – 6 классах: пособие для учителей / сост. В. Ю. Сафонова; под ред. Д. Б. Фукса, А. Л. Гавронского. М.: МИРОС, 1993. 72 с.
2. Колмогоров А. Н. О профессии математика. М.: Советская наука, 1952. 23 с.
3. Ленгауэр Г. Зал математических развлечений в Доме занимательной науки. Математика в школе. 1940. № 6. С. 56 – 60.
4. Перельман Я. И. Для юных математиков. Л.: Начатки знаний, 1925. 129 с.
5. Перельман Я. И. Живая математика. Л.-М.: ГТТИ, 1934. 208 с.
6. Перельман Я. И. Сильны ли вы в арифметике. Л.: ДЗН, 1941. 21 с.
7. Разгон Л. Э. Живой голос науки: Литературные портреты. М.: Детская литература, 1975. С. 201 – 240.

Информация об авторе:

Сафонова Вера Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры фундаментальной математики КемГУ, verasafo@mail.ru.

Vera Yu. Safonova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Fundamental Mathematics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 37.018.46

**ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА
В ПРОЦЕССЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ**

В. И. Сахарова

**THE FORMATION OF TEACHERS' RESEARCH COMPETENCE
IN THE PROCESS OF QUALIFICATION IMPROVEMENT**

V. I. Sakharova

В статье выделены исследовательские компетенции как компонент профессионализма современного педагога. Подчеркивается взаимосвязь преподавания и исследования в профессиональной деятельности педагога. Определены возможные пути вовлечения педагогов в исследовательскую деятельность в процессе повышения квалификации.

The paper highlights research competence as a component of the modern teacher's professionalism. The author emphasizes the correlation of teaching and research in the professional activity of a teacher. The study identified the possible ways to involve teachers in research activity in the process of retraining.

Ключевые слова: исследовательская деятельность, компетентность, профессионализм.

Keywords: research activities, competence, professionalism.

Изменение требований к профессионализму и мастерству педагогических работников определено в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС). На смену традиционному преподаванию должен прийти педагог-исследователь, консультант, руководитель проектов, организатор взаимодействия, фасилитатор. В этой связи необходимо обозначить особое место исследовательской компетентности специалистов в сфере образования, которая является интегральной составляющей их педагогической компетентности.

Как показало наше исследование, для формирования исследовательской компетентности педагога необходимо использовать различные ресурсы системы повышения квалификации, которая оперативно реагирует на возникающие потребности образовательной практики.

Для решения данной проблемы в ГБУ ДПО «Кузбасский региональный институт развития профессионального образования» (ГБУ ДПО «КРИПО») проведено исследование, в результате которого доказано, что исследовательская деятельность обогащает внутренний мир педагога, развивает творческий потенциал, повышает научный уровень знаний. Мы пришли к выводу, что исследовательская деятельность как важнейший компонент повышения профессионализма педагога – это целостная система принципов и методов изучения субъектов образовательного процесса и их деятельности, базирующаяся на достижениях науки и передового педагогического опыта и направленная на формирование исследовательской компетентности, профессионального мастерства и творчества педагога. Без постоянного обновления своих знаний и умений работа пе-

дагога-исследователя в современных условиях просто невозможна или сильно затруднена.

Исследовательскую компетентность педагогов характеризует социально-обусловленный уровень развития личности в данной деятельности, профессионально и личностно значимые качества их педагогической деятельности: мобильные, умеющие развиваться самостоятельно и быть конкурентоспособными на протяжении всей жизни; сохраняющие культурную традицию; обладающие осознанной системой нравственных ценностей.

Особое внимание мы уделяли стратегии подготовки педагогов к исследовательской деятельности в процессе повышения квалификации, направленной на обеспечение их субъектного развития и саморазвития в ней, формирование способности к проведению исследования для получения нового знания, планировать и выполнять соответствующие действия, анализировать исходные данные и оценивать результаты. Формировали у них способность к проектированию будущего, ответственность за него, веру в себя и в свои профессиональные способности влиять на это будущее.

Поскольку образовательная практика есть практика отношений между ее участниками (педагогом и обучающимися), то объектом педагогического исследования становится изучение образовательных отношений и их влияния на участников совместной образовательной деятельности. Это означает, что педагог как профессионал организует совместную образовательную деятельность с обучающимися, коллегами и строит образовательные отношения с ее участниками. Однако педагоги-практики не всегда понимают, что сегодня недостаточно быть просто профессионалом, минуя исследовательскую составляющую. Современное обра-

зование, которое можно определить как инновационное, динамичное, открытое, обострило противоречие между традиционными функциями педагога как профессионала и необходимостью разрешать ситуации затруднения, неопределенности, выбора, которые требуют включенности исследовательской компетенции в педагогическую деятельность [4; 5; 7]. Если исходить из понимания компетенции как определенного результата применения знаний, умений и опыта человека в практической деятельности [6], то под исследовательскими компетенциями можно понимать результат применения исследовательской осведомленности, исследовательских умений и исследовательского опыта в реализации психолого-педагогических исследований в образовательной сфере.

Кроме того, квалификационные требования к педагогическим работникам предъявляются для овладения ими знаниями и умениями в области современных педагогических технологий; анализа учебно-методической работы по предмету; творческого решения педагогических задач; освоения новейших достижений педагогической науки; отбора форм, методов и средств обучения; исследовательских методов в работе; методики управления и прогнозирования педагогического процесса.

Подчеркивая необходимость и значимость дополнительного профессионального образования в освоении новых видов деятельности педагога, важно отметить, что система повышения квалификации стремится реагировать на требования и спрос потребителя, оценку качества подготовки, полную реализацию потенциала взрослых обучающихся с опорой на их запросы, интересы и склонности. Мы считаем, что содержание повышения квалификации педагогов должно быть направлено на помощь в осмыслении своей профессиональной позиции и определении индивидуальной траектории личностно профессионального роста педагога.

Содержание подготовки педагогов к исследовательской деятельности направлено на осознание педагогической проблемы, поиск идеи ее решения; способность определить замысел, провести педагогический эксперимент, научную презентацию идеи; осуществить внедрение результатов в педагогическую практику.

Технологию подготовки педагогов к исследовательской деятельности мы рассматриваем как процесс взаимодействия обучающего и обучаемого по формированию у педагога исследовательского мышления, овладения специальным научным знанием, механизмами, средствами, способами и приемами получения и преобразования продукта исследовательской деятельности для реализации его в педагогической практике. Технологическая составляющая модели подготовки педагогов включает современные информационно-коммуникативные и педагогические технологии, научно-методический и информационный комплекс. В ходе исследования использовались такие педагогические технологии, как проблемное, проектное, модульное обучение; игровые, информационные и другие технологии, способствующие достижению дидактических целей, применению способов и средств активизации педагогов. Научно-методический и информационный комплекс «Основы научных исследований» состоит из модулей по изучению методологических и психолого-педагогических основ научного исследования; изуче-

нию и освоению методов и способов работы с научной информацией; спецкурсов по овладению способами деятельности, необходимыми для решения профессиональных исследовательских задач.

Проблема личностно-профессионального развития педагога и студентов в ходе исследовательской деятельности рассматривается в учебном пособии «Формирование культуры исследовательской деятельности субъектов образовательного процесса», где раскрыты психолого-педагогические основы исследовательской деятельности, актуализированы задачи и проблемные вопросы прикладных исследований, содержатся практические рекомендации для преподавателей учреждений профессионального образования, дано описание методов и приемов активизации обучения, отвечающие требованиям ФГОС [2].

С учетом специфики нашего исследования особое внимание уделялось формированию у педагогов осознания ответственности, способности понимания и желания достичь успеха в ходе решения исследовательских задач. При этом создавались условия в образовательном процессе, ориентированные на развитие мотивации и приобретение педагогом исследовательского опыта. Так, применение гуманистического подхода способствовало акцентированию внимания на способности субъекта преобразовывать себя через деятельность, что стало важной предпосылкой, определяющей формирование исследовательской компетентности педагогов.

Освоение педагогическими работниками принципов построения алгоритма исследовательской деятельности способствовало осознанию ими логики исследовательского процесса, созданию технологических цепочек по аналогии с предложенными, а затем самостоятельно. Алгоритмы технологических цепочек осознаются как инструмент самоорганизации вне тесной связи с конкретной педагогической проблемой (исследовательской задачей). В результате педагоги приобретают ценное технологическое знание, которое позволяет им самостоятельно решать различного типа исследовательские задачи.

Специфика предлагаемых нами форм и методов организации исследовательской деятельности педагогических работников состоит в том, что их основой является моделирование личностно-развивающих ситуаций в ходе коллективной и индивидуальной рефлексии, сравнительно-аналитической работы, использования методики моделирования, «погружения» в исследовательскую среду. Предлагаемые формы и методы реализовывались через лекционно-семинарские занятия, научно-тематические семинары, организационно-деятельностные и деловые игры, решение профессиональных исследовательских задач, участие слушателей в научно-исследовательской работе кафедр ГБУ ДПО «КРИПО»; выполнение заданий исследовательского характера в рамках стажировки (психолого-педагогической практики) на базе учреждений среднего профессионального образования; выполнение выпускных квалификационных работ, исследовательских проектов и др.

Установлено, что в процессе повышения квалификации у педагогов происходит приращение обобщенных умений самостоятельно ставить и решать исследовательские задачи различных типов, приобретать опыт

исследовательской деятельности и формировать позитивную мотивацию к ней.

По результатам опроса педагогов на курсах повышения квалификации и научно-методических семинарах в ГБУ ДПО «КРИПО» респонденты отмечали, что современному педагогу, педагогу-исследователю, высококвалифицированному специалисту с творческим началом присущи:

- особая увлеченность;
- нацеленность на оптимальные результаты в воспитании и обучении студентов;
- глубокое уважение к личности студента, вера в его возможности;
- способность видеть проблему, противоречия;
- стремление достигать наиболее эффективных для конкретных условий результатов, даже если условия работы неблагоприятны;
- чувство новизны, чуткость к противоречиям, критичность, склонность к творческому сомнению, способность испытывать внутреннюю борьбу, информационный голод;
- интуиция, творческое воображение, остроумие, способность открывать аналогии, вдохновенность, оригинальность (нестандартность) мышления, смелость, способность принимать и предлагать новое;
- самокритичность, упорство в доведении дела до конца, способность пользоваться различными формами доказательств, обоснование результатов творчества, достаточная широта и глубина знаний, опыта и умений.

Однако для педагога-исследователя характерна еще одна позиция по отношению к собственной деятельности, когда сама деятельность выступает в качестве особого предмета анализа, осмысления и оценки. Рефлексивное отношение человека к собственной деятельности является одним из условий ее осознания, критического анализа и конструктивного совершенствования.

Мы разделяем позицию В. И. Загвязинского, что педагогу-исследователю необходимы общая культура, профессиональные умения, опыт учебно-воспитательной работы, специальные знания и умения, такие как

наблюдать, анализировать, обобщать явления, выделять главное, видеть альтернативу очевидному, напрашивающемуся решению, соединять точный расчет с фантазией и догадкой [3].

Особенности современного педагога-исследователя в том, что он ставит перед собой достаточно сложные психолого-педагогические и методические проблемы, связанные, прежде всего, с воспитанием творческой личности. По мнению В. Б. Бондаревского, педагог-исследователь отличается тем, что «хорошо знает пути достижения цели, постоянно анализирует конкретные факты, в том числе свои собственные ошибки и просчеты, стремится на научной основе решать повседневные задачи обучения и воспитания. Его не пугают временные неудачи» [1].

К исследовательской компетентности, которой должен обладать педагог-исследователь, мы относим: готовность к изменениям; способность быстро и адекватно реагировать на внештатные ситуации; видеть и определять проблему, находить пути ее решения, давать оценку результатов; осуществлять наблюдение и анализ педагогических явлений и фактов, на их основе составлять и решать профессиональные педагогические задачи, выдвигать гипотезу; концентрироваться на важном, расставлять приоритеты, планировать, разрабатывать и проводить эксперимент; обрабатывать и обобщать его результаты; оформлять материалы в виде отчета-реферата, доклада, научной статьи; работать с первоисточниками; использовать достижения смежных с педагогикой наук.

Таким образом, сопоставление признаков, характеризующих исследовательскую компетентность педагога, дает основание предположить о возможности на основе их развития совершенствовать профессионализм педагога. Показателями такого совершенствования окажутся новые знания, умения в профессионально значимых отраслях науки, развитие личностных качеств, определяющих современного педагога-исследователя, и результаты собственной профессиональной деятельности.

Литература

1. Бондаревский В. Б. Воспитание интереса к знаниям и потребности к самообразованию. М., 2005. 121 с.
2. Губанова М. И., Сахарова В. И. Формирование культуры исследовательской деятельности субъектов образовательного процесса: учеб. пособие. Кемерово: КРИПКИПО, 2013. 178 с.
3. Загвязинский В. И. Исследовательская деятельность педагога: учеб. пособие. М.: Академия, 2006. 176 с.
4. Никитина Л. А. Исследовательские проекты в методической подготовке педагога: учебно-методическое пособие. Барнаул: АлтГПА, 2009. 93 с.
5. Поздеева С. И. Открытое совместное действие педагога и ребенка: содержание, признаки, результаты // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 4(119). С. 198 – 202.
6. Подольский О. А., Попов Д. С. Первое исследование компетенций взрослых в России // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 82 – 109.
7. Румбешта Е. А., Пищулова А. С. Формирование информационной, коммуникативной исследовательской компетенции в процессе обучения школьников // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 7(85). С. 15 – 19.

Информация об авторе:

Сахарова Валентина Ивановна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования Кузбасского регионального института развития профессионального образования, г. Кемерово, Россия, vis@kripo.ru.

Valentina I. Sakharova – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development.

Статья поступила в редакцию 17.09.2015 г.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ВУЗОВСКОГО КУРСА «ПЕДАГОГИКА» В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН»

Г. Г. Солодова, Л. Е. Галаганова, Т. М. Чурекова

STRUCTURE AND CONTENTS OF THE HIGHER SCHOOL COURSE ON «PEDAGOGY» IN THE EPOCH OF SOCIAL CHANGES

G. G. Solodova, L. E. Galaganova, T. M. Churekova

В статье представлен процесс подготовки студентов вуза в условиях современного социума. В статье раскрываются содержательные характеристики, овладение которыми способствует становлению профессионального самоопределения студентов на этапе их вузовской подготовки к педагогической деятельности. Обоснован социокультурный подход в построении содержания курса педагогики. Представлена теоретическая модель курса в целях профессионального самоопределения студентов в условиях вузовской подготовки.

The paper presents the peculiarities of managing the pedagogical process determined by the changing society. The course target and tasks are formulated as well as its contents. The conceptual approaches determining the content of students' professional identity formation are developed. The theoretical model for students' professional identity formation is created and put into practice during the experiment, its efficiency being proved.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, педагогическая культура.

Keywords: professional self-determination, pedagogic culture.

Педагогическая деятельность в условиях социума переходного периода рассматривается как культуротворческая [1; 3; 6], что позволяет рассматривать её фактором гуманизации и демократизации общества. В связи с этим востребованным оказывается новый образ педагога и педагогической деятельности, обусловленной ведущей педагогической ценностью, – ценностью человека, раскрытию его индивидуальности [2; 6; 7]. Педагогическое образование становится необходимым условием оптимальной социализации и инкультурации личности в процессе её подготовки к педагогической деятельности, содействует вхождению в педагогическую культуру данного социума. Однако практика показывает трудности в восприятии как учителями, так и студентами новой образовательной парадигмы, направленной на субъектное развитие личности [6]. Всё это диктует необходимость разработки нового содержания педагогического образования, соотносённого с особенностями социокультурной ситуации, в рамках которой осуществляется педагогическая деятельность.

Обоснование экспериментального курса педагогики для социума переходного периода позволяет нам представить авторское видение его структуры и содержания, определяющего теоретическую подготовку студентов к педагогической деятельности в условиях вуза. Педагогическое образование рассматривается нами как социокультурный феномен, результатом которого является становление профессионального сознания студента, побуждающего его к преобразующей педагогической деятельности, обусловливающей переход системы образования на новую парадигму [5; 6]. В работах по педагогической культурологии акцент делается на формировании педагога как субъекта педагогической культуры. Только такой учитель, как отмечается в работах культурологов и педагогов, способен осуществлять движение к новому историческому типу культуры – антропоцентристскому, при котором сущность человека и его место в социокультурном пространстве осмысливается как ведущая педагогическая ценность.

Теоретический курс педагогики должен приобретать *социальный и мировоззренческий* характер, в котором в максимальной степени находят отражение проблемы в педагогической культуре изменяющегося социума, проблемы школы и особенности развития взрослеющей личности, а также поиски путей их разрешения. На наш взгляд [6], курс педагогики должен предстать перед студентами, готовящимися к педагогической деятельности в сложных условиях педагогической реальности, не как «учебник» уже готовых решений, а как *процесс поиска ответов на вопросы*, которые возникают в современной ситуации. Из этого следует, что в процессе осмысления основных педагогических категорий студенты должны быть вовлечены в решение возникающих в социуме проблем.

Результатом познавательной деятельности студентов становится сформированность педагогической позиции, в которой отражается отношение будущего педагога к изучаемым педагогическим явлениям и процессам. Педагогическая наука, которую познают студенты, рассматривается нами не как наука, которая *предписывает* действия, а как наука, которая *обосновывает право выбора* студентом *личной педагогической позиции*, способствует осознанию необходимости изменений в педагогической профессии и в самом себе в целях достижения социокультурной адекватности личностных характеристик задачам современной школы.

Возможность проявлять профессиональное самоопределение по отношению к будущей профессии и самому себе посредством её осмысления (анализа, обоснования, оценки, сравнения) в категориях педагогической культуры позволяет студенту находить личностные смыслы, проявлять свою причастность к проблемам, возникающим в педагогической реальности, размышлять о путях их разрешения. Таким образом, студент в процессе своего образования становится на позицию субъекта педагогической культуры, а её освоение ставит его в позицию исследователя – он осмысливает и переосмысливает, оценивает и переоценивает педагогические категории и теории, пред-

ставленные в педагогической культуре человечества, определяет их социокультурную значимость для решения задач современного социума.

Эти обстоятельства накладывают большую ответственность на преподавателя теоретического курса «Педагогика», который определяет содержание и формы педагогического образования, значимые для формирования гуманистической позиции и развития субъектных характеристик студента как будущего педагога. Возникает необходимость разработки курса педагогики переходного периода – курса, учитывающего специфику социальной ситуации развития студента как будущего педагога, обусловленную особенностями педагогической культуры изменяющегося социума. Содержание курса *«Педагогика в эпоху социальных перемен»* [6] должно способствовать:

– во-первых, осознанию студентами тех оснований традиционной педагогической практики, от которых надлежит «уходить», и тех положений, которые обуславливают переход на новую парадигму образования и воспитания;

– во-вторых, такой курс должен способствовать осознанию студентом собственной роли и возможностей в утверждении положений субъектной педагогики, основанных на принципах гуманизма и демократии.

Курс педагогики рассматривается нами не только как учебная дисциплина, которая обуславливает подготовку к практической деятельности, обосновывает её, предписывает какие-либо правила и действия. Педагогическая наука рассматривается как часть общественной культуры, где отражён опыт человечества по воспитанию и образованию нового поколения [6]. Такой курс нацеливает студента на познание педагогической культуры человечества, а не только на овладение педагогическими категориями. В процессе усвоения педагогической культуры, отражённой в содержании курса, становится возможным познание смыслов профессионально-педагогической деятельности, общечеловеческих и педагогических ценностей, нравственных категорий, которые определяют образ современного педагога.

Таким образом, целью педагогики переходного периода становится – приобщение студентов как будущих педагогов к педагогической культуре и формирование у них потребности и способности развивать культуру, актуализируя гуманистические ценности.

Задачи курса:

1. Помочь студентам осознать состояние переходности в педагогической культуре изменяющегося социума как условия реализации их будущей профессиональной деятельности, осознать себя субъектом историко-педагогического процесса, определяющего направленность в развитии личности и социума.

2. Формировать представления о социокультурном типе педагога, востребованного в современной школе и обществе, способного к решению задач развития личности в условиях изменяющегося социума.

3. Содействовать познанию педагогических процессов и явлений, выявляя их сущностные характеристики, которые могут рассматриваться в качестве критериев оценки инновационных процессов в системе образования и формировать целостное представление о педагогическом процессе в новых социокультурных условиях.

4. Развивать у будущего педагога педагогическое сознание, в котором отражаются гуманистические ценности, обуславливающие профессиональное самоопределение студента в педагогической культуре изменяющегося социума.

5. Способствовать формированию педагогической позиции студента как системы педагогических ценностей, которая выступает в качестве условия его «включённости» в педагогическую культуру изменяющегося социума и обуславливает его способность к самоопределению в социуме, профессии, самом себе.

6. Научить студента воспринимать педагогические знания в категориях «сущего» и «должного», т. е. в процессе изучения педагогической науки развивать умение различать:

а) знания, которые *описывают* конкретную ситуацию социального развития личности, *фиксируют* уровень её развития, а также *анализируют* возникающие в процессе развития личности проблемы и трудности (категория «сущего»);

б) знания, в которых *отражаются перспективы* развития личности и группы, а также *противоречия*, требующие своего разрешения, *условия* и *пути достижения* обозначенных задач профессионального саморазвития (категория «должного»).

7. Помочь студенту соотносить требования «должного» в профессии, вытекающие из сущностных характеристик воспитательно-образовательного процесса, и «необходимого» («возможного») для личности, исходя из своих индивидуальных особенностей.

8. В процессе преподавания теоретического курса педагогики создать условия, позволяющих студенту «созидать» образ современного педагога и разрабатывать нормативы педагогической деятельности, определяющие переход системы образования на новую парадигму.

9. В воспитательно-образовательном процессе вуза создать условия, позволяющие студенту как будущему педагогу «проживать» ценности субъектной педагогики и оценивать их социокультурную значимость для современного человека.

Курс «Педагогика в эпоху социальных перемен» состоит из *модулей*, выделение которых соответствует логике педагогической науки, раскрытию генезиса основных педагогических понятий и проблем в системе современного образования. Методологической основой в теоретической подготовке студентов к педагогической деятельности является структура педагогической науки, где обозначен тот категориальный аппарат, который позволяет формировать педагогическую картину мира с точки зрения её *полноты* и *системности*, *проблемно* отражать переходное состояние в системе образования.

Представленные модули как структурные основания содержания педагогического образования образуют «теоретическое пространство», в котором студенту как будущему педагогу надлежит самоопределяться. Научное знание «встраивается» в личный опыт студента, побуждая его размышлять и принимать решения в условиях множества различных точек зрения. В рамках данных модулей создаются ситуации поисковой активности студента, результатом которой становится сформированность определённых

аспектов его педагогической позиции. Самоопределение студентов в рамках проблематики каждого из представленных модулей обуславливает развитие педагогической позиции относительно ведущих педагогических явлений и процессов, позволяет формировать целостную картину педагогической реальности в её переходном состоянии. Курс состоит из шести модулей:

1-й модуль – *«Общие основы педагогики»* – даёт общее представление о педагогической науке, её объекте и предмете, структуре, связях с другими науками; знакомит студента с категориальным аппаратом, методами педагогического исследования; задачами и тенденциями в развитии педагогики. Задачи, которые решаются при освоении данного модуля, направлены:

- на развитие представлений о педагогике в контексте педагогической культуры социума, её изменчивости в зависимости от социокультурных особенностей общества, в которых она функционирует;

- на осмысление значимости педагогического знания для становления социокультурного типа современного педагога.

2-й модуль – *«Развитие и воспитание личности»* – является базовым для изучения последующих модулей. «Развитие» и «воспитание» в содержании данного курса выступают ведущими категориями, а потому осмысление их сущностных характеристик и особенностей их соотношения определяет исходные позиции в ситуациях выбора образовательной и воспитательной парадигмы – цели и задач развития личности, содержания, форм и методов педагогического воздействия и взаимодействия, стиля педагогической деятельности. В данном модуле раскрываются сущностные характеристики процесса развития личности, исследуются факторы, его обуславливающие; выявляется роль воспитания как фактора развития личности. Задачи, которые решаются при освоении данного модуля, направлены на исследование научных оснований субъектной педагогики:

- обосновать роль активности личности в процессе её саморазвития;

- представить процесс воспитания как содействие развитию в личности ребёнка социально и личностно значимых черт и характеристик;

- выявить возможности воспитания как целенаправленного процесса в развитии субъектных характеристик личности.

3-й модуль – *«Возрастные и гендерные особенности развития и воспитания личности»* – реализуется в аспекте конкретизации сущностных характеристик процесса развития личности относительно её возрастных и гендерных особенностей. В содержание данного модуля вводится понятие «социальная ситуация развития личности», где находят отражение социокультурные характеристики факторов и условий развития личности. Особое значение приобретает исследование процесса воспитания как создание условий для полноценного возрастного развития личности с учётом новых социокультурных реалий их жизнедеятельности. Студентам предлагается выявить гендерные различия в развитии личности, обосновать их изменение под влиянием социокультурных факторов. Задачи, которые решаются при освоении данного модуля, позволяют проследить становление субъектных

характеристик личности в зависимости от возрастных и гендерных особенностей:

- выявить особенности социальной ситуации развития личности на разных этапах возрастного развития и обосновать её перевод в воспитательную ситуацию;

- обосновать необходимость личностно-ориентированного подхода в создании воспитательных ситуаций, обеспечивающих успешность личностного развития школьников;

- проследить социокультурные изменения в гендерных различиях личности и обосновать их учёт при построении воспитательно-образовательного процесса в современной школе.

4-й модуль – *«Цель и сущность процессов воспитания и обучения»* – является центральным для обоснования научных основ педагогической деятельности. В содержании данного модуля исследуются целевые установки воспитания как общественного явления, что позволяет будущему педагогу осознавать социокультурную составляющую в структуре педагогической деятельности, самоопределяться в смысловой значимости изменений, происходящих в современной системе образования. Выявление сущностных характеристик педагогических процессов – воспитания и обучения – позволяет будущему педагогу самоопределяться в известных парадигмах воспитательно-образовательного процесса. Задачи, которые решаются при освоении данного модуля, направлены на формирование профессионально-педагогической позиции студента как будущего педагога, основанной на ценностях субъектной педагогики:

- сформулировать цель воспитания и обучения, в которой находят отражение личностные характеристики, обусловленные особенностями современной социокультурной ситуации;

- обосновать сущностные характеристики процессов воспитания и обучения, значимые для реализации ценностей субъектной педагогики;

- выстраивать педагогическую деятельность как реализацию сущностных характеристик процессов воспитания и обучения;

- выработать представление о демократическом стиле педагогической деятельности как условии реализации ценностей субъектной педагогики;

- выявить противоречия социокультурного плана, преодоление которых обеспечивает реализацию ценностей субъектной педагогики.

5-й модуль – *«Теоретические основы процесса воспитания»* – предполагает освоение основных компонентов воспитательной системы как целостного процесса, включающего его направления: гражданское, нравственное, эстетическое, физическое, половое и т. д. Студенты осмысливают социальную ситуацию развития личности, значимую для становления конкретных качеств личности (например, гражданственности, нравственности, физического совершенства и т. д.), формулируют цель и задачи в развитии личности с учётом возрастных и гендерных особенностей, определяют содержание, формы и методы воспитательной работы. В данном модуле представлены психологические основания воспитательного процесса, характеристика его форм и методов. Задачи, которые решаются при освоении данного модуля, позво-

ляют самоопределяться в концептуальных и процессуальных основах педагогического процесса:

- формировать представление о воспитательном процессе как целостном явлении, в структуре которого выделяются взаимосвязанные и взаимообусловленные направления (гражданское, нравственное, эстетическое, физическое и т. д.);

- разрабатывать концепцию «идеальной» школы, в которой отражаются ценности субъектной педагогики;

- обосновывать социокультурные особенности в реализации воспитательной системы современной школы;

- соотносить традиционные и инновационные подходы в решении проблем современной школы и развитии личности.

6-й модуль – *«Теоретические основы процесса обучения»* – предполагает освоение научных основ в организации процесса обучения. В данном модуле процесс обучения понимается как часть процесса воспитания, которая организована в учебно-познавательной деятельности школьников; представлены психологические основания процесса обучения, дана характеристика его форм и методов. Студенты осмысливают традиционную и развивающую парадигмы образования; решают противоречия, возникающие в процессе обучения; обосновывают возможности реализации содержания образования и его функций с точки зрения культурологического подхода; знакомятся с многообразием современных подходов в организации воспитательно-образовательного процесса. Задачи, которые решаются при освоении данного модуля, позволяют самоопределяться в образовательных парадигмах организации учебно-познавательной деятельности школьников:

- формировать представление о процессе обучения как составной части воспитательно-образовательного процесса;

- выявлять культурологический смысл содержания образования в рамках конкретной учебной дисциплины;

- осваивать личностно-ориентированный подход, позволяющий создавать воспитательные ситуации, обеспечивающие успешность личностного развития школьников;

- обеспечивать реализацию функций процесса обучения с учётом социокультурных условий современной школы;

- сформировать представление о педагогической деятельности как необходимом условии демократизации воспитательно-образовательного процесса.

В рамках каждого модуля предлагается освоение *содержания* педагогического образования, в котором отражаются проблемы изменяющегося социума. Содержание теоретического курса «Педагогика в эпоху социальных перемен» рассматривается как создание *поликультурного пространства* для профессионального самоопределения студентов как будущих педагогов. Такое понимание содержания образования позволяет уходить от знаниевого подхода в организации учебно-познавательной деятельности студентов и рассматривать его в культурологическом смысле как «форму личностного бытия в культуре» (Е. В. Бондаревская, О. С. Газман, М. С. Каган и др.). В числе

основных *структурных компонентов* теоретического курса «Педагогика в эпоху социальных перемен» нами представлены:

I. Анализ ситуации переходного состояния социума

В современном социуме происходит смена образовательной парадигмы – от авторитарной педагогики к педагогике гуманизма и свободы личности, когда актуализируются ценности субъектной педагогики, формируется новое представление о педагогической деятельности, складывается новый образ педагога, формируется новое педагогическое сознание. Закономерно возникают вопросы: Какой педагогике учить будущего педагога? Чему отдать предпочтение? Курс педагогики необходимо представить как отражение педагогической культуры в изменяющемся социуме. Такой взгляд на учебную дисциплину позволяет создавать ситуации, которые позволяли бы студентам фиксировать противоречия социокультурного характера, создавать и анализировать ситуации переходного периода, обосновывать пути к новой образовательной парадигме. Педагогика как учебная дисциплина должна помочь будущему педагогу понять и объяснить педагогическую реальность в её противоречиях, проблемах, создавать ситуации поиска ответов на возникающие вопросы.

Так, в истории педагогики можно наблюдать одномоментное развитие теорий авторитарной и демократической направленности воспитательно-образовательного процесса. Во все времена сосуществовали теории, в которых представлялась необходимость «вести» ребёнка по жизни, руководить им, направлять его развитие. В противоположность ему развивалось другое направление – представление о воспитании как создании условий для саморазвития личности. Изучение истории педагогики выявляет диалог авторитарной и гуманистической педагогики.

Для педагогической реальности характерна ситуация многообразия подходов и точек зрения относительно того, каким должен быть воспитательно-образовательный процесс в различных типах учебных заведений, и студенту необходимо осмыслить все наиболее значимые подходы с тем, чтобы сформировать собственную позицию, выработать стиль педагогической деятельности, целе- и культуросообразный для современных условий развития личности. Однако роль педагогического образования, что должно найти отражение в содержании курса педагогики, состоит в том, чтобы помочь осмыслить и *принять как основополагающие* те педагогические системы, в которых проявляются ценности «новой» педагогики. Возникает проблема формирования нового педагогического сознания, так как только посредством изменения мировоззренческих ориентаций личности происходит изменение и структур общественного сознания, только в этом случае можно ожидать «новое» восприятие и понимание воспитательной деятельности как деятельности, способной изменять личность и социум.

II. Анализ образа педагога

Анализ образа педагога должен стать предметом специального осмысления при подготовке студентов к педагогической деятельности, так как реализация

ценностей субъектной педагогики становится возможной при условии сформированности социокультурного типа, отвечающего требованиям современного социума. Мы должны отметить значимость теоретического курса педагогики для формирования образа педагога гуманистической направленности. В этом смысле курс педагогики должен рассматриваться как фактор социализации и инкультурации студентов как будущих педагогов, а также как фактор демократизации общества посредством формирования «нового» педагогического сознания нового поколения учителей.

В содержание педагогического образования возможно включить те фрагменты педагогического знания, которые обуславливают представление студентов о социокультурном типе педагога, о функциях его педагогической деятельности в условиях современного социума. В педагогической науке зафиксированы различные взгляды на профессию учителя, и студенту необходимо самоопределиться для того, чтобы самому созидать образ привлекательного для себя педагога.

В курсе педагогики возможно познакомить студентов с различными типами педагогов и социально-педагогическими функциями, характерными для тех или иных исторических этапов развития общества, что позволяет проследить обусловленность педагогической деятельности социокультурными условиями, в которых эта деятельность реализуется. Так, историко-цивилизационный подход позволяет зафиксировать в сознании студентов как будущих педагогов образы педагога, известные в истории образования, например:

- 1) раб, ведущий ребёнка в школу (сопровождает, охраняет, защищает, несёт «тяжести» и т. д.);
- 2) «философ» – учитель, который способен сформировать целостную картину мира, решает задачи духовного развития личности;
- 3) «догматик» – учитель – «урокодатель», преподающий знания для последующего воспроизведения на уроке;
- 4) учитель как «человек культуры», который помогает учащимся самоопределяться в окружающем их мире, организующий процесс обучения в «диалоге культур» и т. д.

Возможность познакомить студентов с работами авторов, в которых исследуются типы учителей, представленные в современной школе, известные студентам в период их школьного обучения. Анализ деятельности каждого из представленных типов педагога позволяет выявить его социокультурную адекватность требованиям современного социума [6]. Необходимо представить образ авторитарного педагога как неприемлемый для современной школы. Педагогическое образование должно способствовать формированию образа педагога, в котором находят отражение ценности субъектной педагогики, а потому следует сосредоточить внимание студентов на образе педагога, в деятельности которого можно наблюдать: овладение личностно-ориентированным подходом, восприятие ученика как субъекта педагогического процесса, себя рассматривать как связующее звено между культурой и личностью; такой учитель должен уметь обеспечивать самоопределение и саморазвитие ученика в культуре.

III. Сущностные характеристики педагогических явлений и процессов

В современных условиях возрастает значимость фундаментальных знаний, позволяющих мыслить сущностными категориями, в которых отражаются исходные установки и характер будущей деятельности. В курсе педагогики переходного периода сущностные характеристики педагогических явлений и процессов могут быть рассмотрены как критерии в оценке инноваций, происходящих в образовании, и служить в качестве оснований для выстраивания профессионально-педагогической деятельности и определения форм и методов воспитательной и образовательной практики.

В сущностных характеристиках педагогических процессов и явлений находит отражение поиск смыслового фундамента педагогики, осмысление и принятие которого проявляется в личной позиции учителя. Из этого следует, что в курсе педагогики следует, прежде всего, сосредоточить внимание студентов на познании теоретико-методологических оснований процессов становления личности, проследить их проявление в известных теориях. Познание сущностных характеристик педагогических процессов и явлений позволяет сосредоточиться на поиске и осмыслении тех свойств и признаков, которые требуют от студентов умения абстрагироваться от конкретных ситуаций, обобщать многочисленные факты педагогической реальности, выявлять типичное в поведении личности воспитанника. Познание сущностных характеристик выводит будущего студента на иной уровень восприятия действительности – в ситуациях меняющегося социума и личности сосредоточивать своё внимание, скорее, не на внешней стороне происходящего, а пытаться объяснять происходящие события, анализировать их причины, прогнозировать возможные варианты развития, искать возможные варианты решения возникающих проблем, оказывая своё влияние на причину, а не на её последствия.

Познание будущим педагогом различных теорий, объясняющих педагогические процессы и явления, во-первых, формирует широту педагогического кругозора в понимании основ развития личности, предполагает возможность сравнивать и определять их социокультурную значимость для решения проблем современного социума; во-вторых, создаёт ситуацию необходимости выбирать наиболее приемлемую теорию для решения возникающих проблем, проявляя при этом личную позицию и соотнося отдельные положения с целевыми установками самого воспитателя.

Смена образовательной и воспитательной парадигм обуславливает необходимость фиксировать внимание будущих педагогов на этих различиях, противопоставлять их, фиксируя внимание на формах их проявления в конкретной педагогической деятельности. В курсе педагогики, который изучают студенты в эпоху перемен, важно отразить не только основные положения гуманистической педагогики, составляющей будущее всех перестроечных процессов в системе образования, но и зафиксировать внимание будущего педагога на тех характеристиках педагогического процесса, реализация которых в практической деятельности приводит к деформациям в процессе лич-

ностного развития, не позволяет решать задачи демократизации социума.

IV. Анализ педагогических ценностей

В нашем курсе педагогики мы считаем необходимым сосредоточить внимание студентов, готовящихся к педагогической деятельности в новых социокультурных условиях, на тех педагогических ценностях, реализация которых имеет смысловое значение для перестроечных процессов. В работах культурологов отмечается, что изменения, происходящие в социуме, носят глобальный характер, так как перестраивается не только какая-либо сфера социальной жизни, а меняется тип культуры – происходит формирование нового типа культуры на основе антропоцентристского понимания роли человека – т. е. в центре всего оказывается человек, развитие его индивидуальности.

Изменение роли и места человека в социокультурных условиях жизнедеятельности обуславливают изменения в содержании педагогического образования. Так, в курсе педагогики возникает необходимость осмысливать ценности, реализация которых способствует обновлению педагогической реальности, – «свобода», «свободоспособность», «жизнетворчество» и т. д. Идея ответственности за себя и окружающий мир становится центральной идеей новой педагогики. По-новому осмысливается цель воспитания: «человек культуры» (О. С. Газман), «саморазвивающаяся личность» (Е. А. Ямбург) и др. В работах педагогов можно встретить формулировки новых педагогических принципов, например, принцип свободоспособности (О. С. Газман), цивилизационной ответственности (Е. А. Ямбург) и т. д. Все эти новые идеи, определяющие обновление педагогической практики, должны найти отражение в содержании курса для того, чтобы вместе с авторами, в работах которых формулируется новая педагогика, готовить студентов к новой педагогической реальности.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует множество научных монографий и учебных пособий, в которых авторами осмысливаются те положения, которые должны лечь в основу новой педагогики, способной изменить систему образования. Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что поиски авторов нацелены на гуманизацию и демократизацию школы, однако каждый из авторов предлагает *свое* видение в решении проблемы, предлагает *свои* формулировки цели, принципов и методов воспитательно-образовательного процесса. А потому и в курсе педагогики также должен быть отражён *поисковый характер* педагогических ценностей.

Осмысление педагогических ценностей (и тех, которые известны из истории педагогики, и тех, которые появляются сегодня у педагогов-новаторов) требует поисковой активности студентов. Профессиональное самоопределение в педагогической культуре позволяет формировать свой собственный *когнитивный образ мира*, вовлекать студента в дискуссионные процессы, высказывать свои предпочтения и формировать педагогическую позицию.

В курсе педагогики возможно проследить основные этапы развития идей «новой» педагогики, актуализировать их значимость в современных условиях,

обосновать необходимость внедрения в практику современной школы.

V. Анализ педагогических традиций

Профессиональное самоопределение студентов в процессе их подготовки к педагогической деятельности происходит в контексте уже существующих педагогических традиций, которые часто не осознаются, их реализация происходит естественно и незаметно, носит привычный характер.

В силу того, что педагогической традиции присущи преемственность и повторяемость, происходит сохранение и передача от одного поколения к другому социально и культурно значимого опыта, педагогических знаний. Содержание педагогической традиции всегда отражает педагогическую реальность и общественное сознание того или иного сообщества (народа, нации в целом). Таким образом, анализ педагогических традиций в курсе педагогики переходного периода должен фиксировать внимание студентов на тех традициях, в которых отражаются культурные корни народа, обусловившие его своеобразие и непохожесть на другие народы и нации. Это те традиции, которые следует сохранять и развивать. «Народная педагогика», сохраняя многовековой опыт поколений, способствует сохранению самобытности народа, его менталитета. На наш взгляд, в курсе педагогики необходимо формировать уважение к традициям народа, побуждать студентов к использованию традиций в современных условиях, устанавливать связь с инновационной деятельностью в воспитании и обучении подрастающего поколения.

Однако в современном социуме проявляются традиции, которые необходимо изживать. Так, сегодня во многом продолжают доминировать традиции авторитарного взгляда на процесс воспитания, сохраняются формы взаимодействия с ребёнком как с объектом воспитания. Переход на новую парадигму воспитания и образования предполагает снятие несоответствия между «новым» педагогическим сознанием и «старыми» профессиональными привычками. Курс педагогики должен побуждать студента как будущего педагога к самопознанию и саморефлексии. Теория педагогики оказывает влияние, прежде всего на сознание и самосознание личности, однако без анализа опыта и его соотнесения с нормами и принципами педагогической деятельности теоретический курс педагогики не реализует свои потенциальные возможности, не имеет своей завершающей стадии.

VI. Анализ стереотипов обыденного сознания и педагогических заблуждений

Данный аспект в анализе деятельности учителей-практиков является обязательным компонентом содержания курса педагогики в условиях переходного периода социума к новым формам социальности, а системы образования к новой парадигме. В педагогической науке накоплен достаточно большой материал, который можно использовать в процессе подготовки студентов к педагогической деятельности в новых социокультурных условиях.

В структуре педагогического сознания всегда присутствуют определённые эталоны профессионального поведения. В ситуациях изменяющегося социу-

ма, когда наблюдается изменение ценностно-смысловой парадигмы педагогических процессов, возникает необходимость переосмысливать устаревшие взгляды и принципы, усомниться в их бесспорности и эффективности в новых социокультурных условиях. Педагогические стереотипы мешают полноценному восприятию курса педагогики, так как обыденные представления о «правильном» процессе воспитания и обучения достаточно часто могут противоречить познанию их сущностных характеристик.

Стереотипы поведения и педагогические заблуждения необходимо рассматривать как феномены педагогической реальности, которые в определённой мере отражают социокультурные аспекты профессиональной деятельности учителя (родителей), в момент изменяющегося социума они мешают становлению нового педагогического сознания, а потому должны быть осмыслены как негативные формы в жизнедеятельности личности и социума, так как тормозят личностное развитие профессионала.

Теоретический курс педагогики позволяет осмысливать педагогические мифы, которые утвердились в общественном мнении и самосознании педагогов-практиков и студентов, готовящихся к педагогической деятельности. Так, в педагогической науке исследованы мифы, связанные с идеальным образом учителя (Т. Гордон); мифы, препятствующие эффективному общению с учениками (В. А. Рахматшаева); мифы, с которыми связаны реформы и инновации в образовании (В. И. Андреев); мифы по поводу сущности образовательного процесса (Г. Ю. Кнензова), иррациональные педагогические штампы (М. В. Зюзько); педагогические предрассудки массового сознания (А. М. Сидоркин), негативные педагогические стереотипы (Н. Ю. Посталюк). С этими стереотипами в понимании педагогического процесса студенты «знакомились», занимая позицию ученика в школе. Проблема состоит в том, что и на педагогической практике у студентов, изучавших курс педагогики, в основе которого заложены гуманистические ценности, достаточно часто проявляются стереотипы из прошлого опыта их школьной жизни.

Результаты нашего исследования показывают, что, не зная других образцов педагогической деятельности, эти формы воспринимаются как типичные, и нередко случаи, когда в практической деятельности эти стереотипы «срабатывают» при решении определённых задач. Для того чтобы уйти от такого рода стереотипов, их необходимо осмыслить, выявить суть такого поведения, попытаться увидеть себя со стороны и соотнести с образом того педагога, который наиболее привлекателен в современном социуме и, как показывает практика, этот образ привлекателен и для самих студентов. Анализ педагогических стереотипов («педагогика среди нас»), который осуществляется на учебных занятиях, вызывает интерес у студентов и создаёт дополнительную мотивацию в их познавательной деятельности, побуждающую к профессиональному самоопределению, которое проявляется в переосмыслении известного им опыта (учителей, родителей, знакомых).

Таким образом, анализ педагогических стереотипов и заблуждений позволяет в учебном процессе создавать ситуации для профессионального самооп-

ределения личности. Студент переосмысливает известный ему опыт с точки зрения сущностных характеристик процессов развития, воспитания и обучения, пытается выявить их ошибочность; у студента развивается способность анализировать, выделять сущностные характеристики педагогических явлений и процессов, соотносить ситуации; у него формируется педагогическая позиция, побуждающая его к преобразующей деятельности.

VII. Критический анализ педагогических нововведений

Ситуация переходности в социуме и культуре, как это было отмечено ранее, характеризуется поликультурностью, появлением многочисленных взглядов и точек зрения относительно будущего. Для культурно-образовательной ситуации переходного периода характерно многообразие культурно-педагогических нововведений. Такие программы воспринимаются как допустимые варианты будущего развития школы, воспитательно-образовательного процесса, социальной ситуации развития личности, но не все из них могут определять перестроечные процессы в педагогической практике.

Педагогическая инноватика представляет достаточно обширную библиографию отечественных и зарубежных авторов по проблеме совершенствования педагогической практики на основе положений субъектной педагогики – Ш. А. Амонашвили, В. И. Бакштановский, Е. Н. Бондаревская, О. С. Газман, М. Н. Дудина, В. Б. Дьяченко, А. С. Запесоцкий, Ф. Карагрен, В. А. Караковский, И. А. Колесникова, Н. Б. Крылова, С. Ю. Курганов, А. В. Мудрик, А. А. Пинский, С. Д. Поляков, А. А. Попов, О. Г. Прикот, В. А. Сластёнин, А. Н. Тубельский, Н. Е. Щуркова, Е. А. Ямбург и др. Каждый из представленных авторов предлагает свой вариант педагогической практики, адекватный современным социокультурным условиям.

Однако, как показывает практика, не все из разработываемых программ вызывают однозначную оценку, для педагога возникает необходимость самоопределяться. В работах данных авторов по-разному формулируются цель и задачи воспитательно-образовательного процесса, его принципы и подходы, определяются содержание и формы педагогической деятельности, а потому студенты как будущие педагоги должны научиться оценивать и выбирать те из них, которые в наибольшей степени соответствуют конкретной ситуации развития личности, особенностям тех педагогических условий, в которых должна осуществляться данная практика, а также соответствовать возможностям личности самого педагога.

Анализ ведущих положений «новой» педагогики должен рассматриваться в качестве важнейшего компонента в содержании курса педагогики в условиях переходного социума. На занятиях по теме «Сущность процесса воспитания» необходимо представить опытно-экспериментальный характер педагогической деятельности в период перехода системы образования на новую парадигму и сделать акцент на многообразии точек зрения и педагогических подходов в создании педагогической теории и практики.

Раскрывая многообразные взгляды на процессы воспитания и обучения, можно обратиться к мирово-

му опыту, например, к анализу «модных» направлений в педагогической науке, для которых характерно отрицание воспитания как фактора, мешающего свободному развитию личности (эти идеи высказываются в педагогике постмодернизма). Можно обратиться к анализу педагогических направлений в зарубежной педагогике – прагматизма, экзистенциализма, бихевиоризма, неореформизма и т. д., с целью выявления подходов, значимых для перестроечных процессов в отечественной системе образования.

В нашей практической работе мы создаём условия для анализа студентами некоторых положений зарождающейся педагогики. Результаты такой познавательной деятельности позволяют развивать у будущих педагогов критический взгляд на инновационные процессы, оценивать их с точки зрения целесообразности, соотносить с индивидуальностью ребёнка и пытаться спрогнозировать последствия в его развитии.

Таким образом, педагогическая наука и педагогическая практика в условиях изменяющегося социума приобретают новые характеристики. Педагогическая наука, которая чутко реагирует на изменения в социуме, в системе образования, можно сказать, самоопределяется в своих категориях, содержании, что

находит отражение и в процессе её изучения. Педагогика как наука (и как учебная дисциплина) может помочь будущим педагогам понять и объяснить педагогическую реальность в её противоречиях, проблемах, должна помочь самоопределиваться в педагогической культуре изменяющегося социума и сформировать свою позицию по отношению к инновационным процессам в системе образования. Изучение педагогической науки должно активизировать деятельность студентов как будущих педагогов в перестроечных процессах, происходящих в системе образования, на гуманистических принципах.

Выводы, которые мы сделали в ходе нашей практической работы, позволяют утверждать о необходимости создания в воспитательно-образовательном процессе ситуаций неопределённости и поликультурности, которые ставят студента как будущего педагога в позицию субъекта, развивают в нём способность выбирать наиболее оптимальные технологии, выявлять существенные характеристики педагогических процессов и явлений, ориентироваться на педагогические ценности, значимые в новой социокультурной ситуации.

Литература

1. Бабошина Е. Д. «Человек культуры» как смысл современного образования: монография. Курган: Изд-во КГУ, 2006.
2. Библер В. С. На гранях логики культуры: избр. очерки. М., 1997.
3. Гайсина Г. И. Культурологический подход в теории и практике педагогического образования. М., 2002.
4. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учебное пособие. М.: Логос, 2000.
5. Канн-Калик В. А. Педагогика как культура // Магистр. 1991. Июнь.
6. Солодова Г. Г. Педагогика в эпоху перемен (социокультурный подход в обосновании педагогической теории и практики): монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009.
7. Стёпин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего: Изб. социолого-философская публицистика. М.: ИФ РАН, 1996.

Информация об авторах:

Солодова Галина Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики ЦПО КемГУ, solodova54@mail.ru.

Galina G. Solodova – Doctor of Pedagogics, Professor at the Inter-University Department of General and Higher School Pedagogy, Kemerovo State University.

Галаганова Людмила Егоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков ФИиМО КемГУ, kasatkina@kemsu.ru.

Ludmila E. Galaganova – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Чурекова Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики ЦПО КемГУ, churekova_t@mail.ru.

Tatiana M. Churekova – Doctor of Pedagogics, Professor at the Inter-University Department of General and Higher School Pedagogy, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 378.1; 371.3

ПОДГОТОВКА БАКАЛАВРОВ К ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. Г. Свиначенко, О. А. Козырева

TRAINING BACHELOR'S DEGREE STUDENTS TO DO SCIENTIFIC RESEARCH IN THE MODERN MODEL OF EDUCATION

V. G. Svinarenko, O. A. Kozyreva

В статье описана специфика включения студента-бакалавра в систему научно-исследовательской работы в процессе изучения педагогических дисциплин. Научно-педагогическое исследование обеспечивает качественное построение модели развития (акметраектории становления) личности педагога в условиях непрерывного профессионального образования за счет практико-ориентированной реализации идеи развития личности будущего педагога в модели ведущей деятельности, обеспечивающей планомерный переход от репродуктивного познания к продуктивному, осуществляемому в ресурсах технологии системно-педагогического моделирования. Качество решения заявленных задач в структуре подготовки педагогов регулярно верифицируется в системе научно-исследовательской работе при оценке научных статей, публикуемых в материалах Международных научно-практических конференций, научно-педагогических журналов России и зарубежья.

The paper describes the specifics of the inclusion of Bachelor's Degree students in system of scientific and research work in the course of studying pedagogical disciplines. Scientific and pedagogical research provides high-quality construction of the model of the teacher's development (acme-trajectories of formation) in terms of continuing professional education through practice-oriented implementation of the idea of development of personality of a future teacher in the model of the principal activity, ensuring a smooth transition from reproductive knowledge to productive knowledge within the technology of system-pedagogical modeling. The quality of the solutions to the problems in the structure of teacher training is regularly verified in the system of scientific research in the evaluation of the research papers published in the proceedings of International scientific-practical conferences, scientific and pedagogical journals in Russia and abroad.

Ключевые слова: технология системно-педагогического моделирования, культура самостоятельной работы личности, научно-педагогическая работа.

Keywords: pedagogical technology of system-modeling, personal culture of self-dependent work, scientific-pedagogical work.

Научное исследование в современной педагогической практике и научно-педагогической деятельности представляет собой интерес как ресурс и условие развития личности обучающегося и общества, реализующего идеи развития и самореализации личности в поликультурных отношениях, воспроизводстве социально-профессиональных ресурсов и условий оптимального продуцирования необходимых средств и ценностей. В системе высшего профессионального образования подготовке будущих педагогов-бакалавров к научно-педагогической определяют немаловажную роль и профессионально-педагогическое значение, детализирующее качество развития личности и системы воспитательно-образовательных отношений. Одним из примеров таких работ является работа [21], отражающая нюансы определения и решения задач профессионально-педагогической практики в выпускной квалификационной работе. Другим примером являются научные публикации [1; 2], отражающие особенности организации учебной и научно-исследовательской работы студентов-педагогов по физической культуре и специфику исследования качества подготовки будущих педагогов по ФК в структуре изучения педагогических дисциплин на факультете физической культуры в НФИ КемГУ.

Научно-исследовательская работа по педагогике определяет ведущими положениями преемственность и доступность, логичность и объективность, востребованность и гибкость, продуктивность и непрерывность развития личности в системе ограничений вы-

бора приоритетов использования педагогического моделирования в разработке программно-педагогического обеспечения и педагогической деятельности.

Научное исследование в педагогике – процесс определения и решения противоречий целостного восприятия и отражения возможности развития личности в модели непрерывного образования, системно верифицирующего качество формирования компетенций и востребованности выпускника на рынке труда, в ресурсах которого нами будет уделено внимание качеству формирования культуры самостоятельной работы личности и профессионально-педагогической культуры студента выбранного направления и профилю подготовки.

Определим основные понятия терминологического аппарата, проблемы и педагогические условия оптимизации подготовки бакалавров к практике планирования и организации научно-педагогического исследования.

Культура самостоятельной работы личности – процесс и условие развития личности в модели ведущей деятельности и общения, хобби и досуга, системно определяющих возможность постановки проблемы развития личности и ее решения в традиционных и инновационных ресурсах развития личности и системы социально-профессиональных отношений, определяющих качество социализации и самореализации личности в модели взаимодействия и создания конкурентоспособных объектов и продуктов науки, искусства, культуры, спорта и прочих направлений

антропологически обусловленных областей накопления определенного качества и возможностей знания, детерминируемого нами как уровня и продукта, ресурса и условия развития общества и общественных отношений.

Определим возможности и проблемы подготовки бакалавров к организации научного исследования, являющегося продуктом длительной профессионально-педагогической подготовки в условиях своевременного, продуктивного развития личности в модели непрерывного профессионального образования.

Спектр проблем современной педагогической практики включения бакалавра в систему научно-педагогического исследования определяется следующими направлениями определения и оптимизации решений противоречий целостного педагогического процесса:

- качество формирования культуры самостоятельной работы личности, предопределяющей возможность самостоятельной постановки и решения цели и задач ведущей деятельности и общения, хобби и досуга, должно соответствовать практике развития личности в модели репродуктивно-продуктивного освоения совокупности предметных дисциплин, в ресурсах которых происходит формирование потребностей, смыслов, целей, ценностей и компетенций выбранного направления подготовки;

- учет потребностей и возможностей субъектов воспитательно-образовательного пространства и верификация качества определяемых и решаемых задач и противоречий целостного педагогического процесса непрерывного профессионального образования выбранного направления подготовки бакалавров в единстве и уникальной целостности, преемственности и гибкости программ магистратуры и аспирантуры выбранного направления и профиля подготовки;

- коллективное познание и повышение качества научно-педагогического и научно-технического исследования, в структуре которых морально-этические нормы и практика коллективного преобразования объективных связей и продуктов антропосреды (ноосферы) предопределяют возможность развития и саморазвития личности и системы образования, социально-педагогических и профессиональных отношений, повышение качества детерминируемых и решаемых задач;

- мониторинг педагогических и профессионально-деловых достижений студента как ресурс формирования качества подготовки бакалавров, магистров, аспирантов в модели верификации и коррекции качества программно-педагогического обеспечения изучения дисциплин выбранного направления и профиля подготовки;

- рейтинговая оценка достижений профессиональной и профессионально-педагогической подготовки бакалавров выбранного направления и профиля подготовки в структуре выбора и оптимизации модели профессионального становления и конкурентоспособности;

- учет образовательной практики и возможности получения образования в системе высшего профессионального образования, инклюзивных образовательных продуктов и ресурсов для лиц, имеющих

специальные образовательные потребности и дефекты в развитии и здоровье;

- повышение качества постановки и решения задач развития личности обучающегося и студента, определяемых в моделях продуктивного становления и экономической культуры, визуализируемых в иерархии ступеней подготовки среднего и высшего профессионального образования;

- моделирование и внедрение педагогических технологий современного научно-педагогического и научно-технического исследования в систему подготовки бакалавров, магистров и аспирантов выбранного направления и профиля подготовки;

- экономическое прогнозирование и оптимизация качества и возможностей использования программно-педагогических комплексов и комплектов в непрерывном профессиональном образовании при повышении уровня эффективности и конкурентоспособности выпускника вуза;

- создание условий для рентабельного, экономически выгодного по качеству постановки и решения задач непрерывного образования в системе подготовки бакалавров, магистров и аспирантов выбранного направления и профиля подготовки;

- реализация оптимальных условий для гибких изменений в модели продуктивной самореализации и самосовершенствования, конкурентоспособности и мобильности выпускника-бакалавра выбранного направления и профиля подготовки;

- повышение роли информационной культуры и информированности студента-бакалавра в определении звеньев и возможностей планирования, уточнения и коррекции акметраектории профессионального образования в модели профессионального становления и развития;

- связи систем СПО и ВПО в обеспечении качества и конкурентоспособности выпускника непрерывного профессионального образования;

- определение и решение проблем современного профессионального образования и профессиональных отношений, экономической и производственной самостоятельности (малого) предприятия студентами-бакалаврами в структуре выполнения научных исследований по выбранному направлению и профилю подготовки;

- разработка универсальной системы оценок и рейтинга в условиях непрерывного профессионального образования и практики воспроизводства качества решения выявляемых противоречий внутриличностного и мультикультурного развития личности и системы образовательных продуктов и ресурсов;

- обеспечение непрерывности образовательной и профессиональной подготовки обучающегося, включенного в систему социальных и культурно-исторических норм и практики развития;

- формирование интереса и возможностей продуктивной самореализации студента-бакалавра в структуре выбранного направления и профиля подготовки;

- возможность гибкого перехода из одного направления и профиля подготовки в другое, получения возможности подготовки по нескольким направлениям технического и гуманитарного профиля образования с увеличением срока обучения и разработкой ин-

дивидуального учебного плана и программы обучения и получения образования;

- создание центра или института, обеспечивающего потенциального потребителя образовательных услуг программно-педагогической помощью в планировании и выборе профессиональной подготовки в вузе по индивидуальным учебным планам и программам обучения с подготовленными к такой практике методистами, фасилитирующими выбор модели получения образования с выбранным направлением и профилем подготовки, сроком и формой обучения;

- определение практики создания бюджетного места или, так называемой целевой подготовки студента-бакалавра, магистра, аспиранта с выплатой государственно установленного размера стипендии, за которого платит предприятие или физическое лицо полную сумму затрат за оказание услуг по получению полного цикла профессионального образования определенной ступени и формы обучения;

- создание центра социальной и психологической помощи и поддержки студентов, обучающимся в вузе или в системе непрерывного профессионального образования, если идет речь о сетевом партнерстве образовательных учреждений СПО и ВПО;

- создание единого свободного образовательного пространства, обеспечивающего иерархию выбора уровня и формы получения образования определенного профиля и направления подготовки;

- формирование потребностей и целей, смыслов и возможностей развития личности в модели непрерывного профессионального образования;

- формирование определенного уровня включения личности в систему научного исследования, специфика которого оценивается по объективным показателям универсальных оценок качества организации научного исследования (индекс Хирша, экономическая оценка прибыли проводимого научного исследования и пр.);

- внедрение курсов и программ универсальной подготовки в структуре освоения педагогической и профессиональной составляющих в решении задач регионального управления качеством образовательных и других услуг;

- разработка конструктора методического, программно-педагогического и экономико-правового обеспечения в структуре вузовской подготовки студента, аспиранта, соискателя, обеспечивающих гибкость и конкурентоспособность программ подготовки выпускника по выбранному направлению и профилю подготовки;

- организация научного исследования в структуре продуктивного становления личности как условие и гарант стабильного развития личности и профессионального мастерства и пр.

Выделенные направления проблем современной педагогической практики включения бакалавра в систему научно-педагогического исследования могут быть реализованы в рамках следующих педагогических условий оптимизации подготовки бакалавров.

- Разработка универсальной системы оценки качества научного исследования всех существующих направлений и профилей подготовки в модели непрерывного профессионального образования.

- Повышение роли и качества формирования культуры самостоятельной работы личности и корпоративной культуры педагогов системы непрерывного профессионального образования.

- Определение и вынесение основного содержания и выводов научного исследования бакалаврской работы в научные публикации в индексируемых журналах и в сборниках конференций, размещаемых в научной электронной библиотеке elibrary.ru, зарегистрированных в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

- Определение непрерывности получаемого образования базовым условием развития личности, специфика учета потребностей и возможностей обучающегося в модели соответствия группе на кривой нормального распределения способностей и здоровья, в системе возможностей которого должны разрабатываться программы профессионального и инклюзивного образования.

- Разработка программно-педагогического обеспечения дисциплин в соответствии с качеством и особенностями формирования и измерения компетенций.

- Определение и верификация объективных показателей качества воспроизводства культуры научного исследования (индекс цитирования, индекс дистанции, качество связи с производством и работодателем и пр.).

- Традиционные и инновационные ресурсы стимулирования качества и возможностей научно-педагогического и научно-технического исследования.

- Организационная и личностная рефлексия (самоанализ результатов деятельности) в системе подготовки бакалавров к организации научного исследования.

Качество определения и решения проблем организации научного исследования бакалавров в модели непрерывного профессионального образования – неотъемлемая часть его развития, системности постановки и решения проблем которого должна быть определена и решена в различных плоскостях федеральной, региональной и локальной оценке качества оказания образовательных услуг и организации научно-педагогической и научно-технической работы.

Примером такого рода практики организации научно-исследовательской работы студентов-бакалавров направления подготовки 44.03.01 может быть визуализировано в модели использования технологии системно-педагогического моделирования в структуре изучения педагогических дисциплин [3 – 12], обеспечивающей планомерный переход от репродуктивного изучения педагогических дисциплин к продуктивному, верифицирующему возможность и определяющего качество включения студентов в систему научно-педагогического исследования и участия в научно-исследовательской работе, доказательством которого являются совместные и единоличные публикации студентов-педагогов, моделируемых в структуре изучения педагогических дисциплин. Статистика такого рода практики является уникальным продуктом совершенствования системы подготовки студентов-бакалавров, визуализация особенностей которой раскрыта в работах [1 – 2; 13 – 19; 21].

Теория и практика разработки программно-педагогического и учебно-методического обеспечения может быть фасилитирована разработкой единого конструктора программно-педагогического и учебно-методического обеспечения для всех субъектов-получателей профессионального образования, в том числе и для лиц, получающих инклюзивное образование.

Разрабатываемый конструктор должен иметь информационно-сетевое сопровождение, определяемое в возможности легкого воспроизводства и унификации модели получения образования в определенном направлении подготовки и индивидуальном учебном плане и программе изучения совокупности изучаемых дисциплин и курсов.

Конструктор должен иметь возможность постановки и оптимизации задачи моделирования индивидуальной траектории развития студента-бакалавра педагогом через систему воспроизводства уровня подготовки субъекта-получателя образования, индивидуального выбора набора и определения наименований изучаемых курсов и практики уточнения индивидуальной траектории развития, а также выбора модели и формы получения образования, системно располагающих личность и свободное воспитательно-образовательное пространство к оптимизации условий развития личности и повышения качества системы непрерывного профессионального образования в условиях определения качества подготовки по выбранному направлению и профилю бакалавриата.

Литература

1. Дробышев В. В., Похоруков О. Ю. Возможности исследования качества подготовки будущих педагогов по ФК в структуре изучения педагогических дисциплин // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 12(16). С. 5 – 10.
2. Дьячков В. А. Особенности организации учебной и научно-исследовательской работы студентов-педагогов по физической культуре // Science Time. 2014. № 2(2). С. 15 – 34.
3. Козырева О. А. Контрольно-измерительные материалы курса «Методика воспитательной работы»: учебно-методическое пособие для студентов-бакалавров направления подготовки 050100 Педагогическое образование, профиля «Физическая культура». Новокузнецк: КузГПА, 2013. 54 с.
4. Козырева О. А. Контрольно-измерительные материалы курса «Практическая педагогика»: учебно-методическое пособие для студентов-бакалавров направления подготовки 050100 Педагогическое образование, профиля «Физическая культура». Новокузнецк: КузГПА, 2013. 49 с.
5. Козырева О. А. Контрольно-измерительные материалы курса «Теоретическая педагогика. Нормативно-правовое обеспечение образования»: учебно-методическое пособие для студентов-бакалавров направления подготовки 050100 Педагогическое образование. М.: МИФИ, 2014. 52 с.
6. Козырева О. А. Контрольно-измерительные материалы курса «Теоретическая педагогика. Общие основы педагогики»: учебно-методическое пособие для студентов-бакалавров направления подготовки 050100 Педагогическое образование. М.: МИФИ, 2014. 48 с.
7. Козырева О. А. Контрольно-измерительные материалы курса «Теоретическая педагогика. Теория обучения»: учебно-методическое пособие для студентов-бакалавров направления подготовки 050100 Педагогическое образование. М.: МИФИ, 2014. 44 с.
8. Козырева О. А. Контрольно-измерительные материалы курса «Теоретическая педагогика. Управление образовательными системами»: учебно-методическое пособие для студентов-бакалавров направления подготовки 050100 Педагогическое образование. М.: МИФИ, 2014. 56 с.
9. Козырева О. А. Контрольно-измерительные материалы курса «Теоретическая педагогика»: учебно-методическое пособие для студентов-бакалавров направления подготовки 050100 Педагогическое образование, профиля «Физическая культура». Новокузнецк: КузГПА, 2013. 53 с.
10. Козырева О. А. Технология системно-педагогического моделирования и качество формирования культуры самостоятельной работы педагогов: теоретический аспект // European Social Science Journal. 2014. № 4-1. С. 136 – 142.
11. Козырева О. А. Контрольно-измерительные материалы курса «Введение в педагогическую деятельность»: учебно-методическое пособие для студентов-бакалавров направления подготовки 50100 Педагогическое образование, профиля «Физическая культура». Новокузнецк: КузГПА, 2013. 55 с.
12. Козырева О. А. Контрольно-измерительные материалы курса «История педагогики и образования»: учебно-методическое пособие для студентов-бакалавров направления подготовки 050100 Педагогическое образование, профиля «Физическая культура». Новокузнецк: КузГПА, 2013. 45 с.
13. Козырева О. А. Корпоративная культура педагога как условие и продукт управления качеством подготовки кадров в образовательном учреждении // Современная педагогика. 2014. № 9(22). С. 62 – 73.
14. Козырева О. А. Культура самостоятельной работы педагога: от определения до продуктов самореализации // Современная педагогика. 2014. № 12(25). С. 97 – 102.
15. Кулагин Н. М., Галевский Г. В., Пустовойт Ю. А. Профессиональная компетентность в оценках работодателей, выпускников и преподавателей вуза // Современные вопросы теории и практики обучения в вузе. 2008. № 8. С. 16 – 23.
16. Редлих С. М., Козырева О. А. Математические и статистические методы в технологии диагностики сформированности культуры самостоятельной работы педагога // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2011. № 6. С. 40 – 44.

17. Редлих С. М., Козырева О. А. Специфика и результативность формирования культуры самостоятельной работы будущего педагога по ФК как ресурс становления и профессионализма // Педагогическое образование и наука. 2014. № 1. С. 103 – 107.
18. Редлих С. М., Козырева О. А. Современные методы продуктивной педагогики и проблема формирования культуры самостоятельной работы педагога // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2011. № 1(3). С. 49 – 62.
19. Свиarenко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования: учебное пособие для педагогических вузов и системы дополнительного профессионального образования. М.: НИЯУ МИФИ, 2014. 92 с.
20. Сукиасян А. А. Контроль в системе учебного процесса в высшей школе // Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире: сб. стат. Междун. науч.-практ. конф. (Уфа, 5 мая 2015 г.). Уфа: Аэтерна, 2015. С. 239 – 240.
21. Угольников О. А., Зубанов В. П. Выпускная квалификационная работа будущего педагога по физической культуре как результат сформированности культуры самостоятельной работы // Современная педагогика. 2015. № 3(28). С. 76 – 89.

Информация об авторах:

Свиarenко Владимир Геннадьевич – ведущий инженер информационно-аналитического отдела Управления научных исследований Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», г. Москва, svinarenko-vg@yandex.ru.

Vladimir G. Svinarenko – senior engineer at the Informational and Analytical Division of the Department for Advanced Studies Development, National Research Nuclear University «MEPhI», Moscow.

Козырева Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент Новокузнецкого филиала (института) КемГУ, kozireva-oa@yandex.ru.

Olga A. Kozyreva – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at Novokuznetsk branch (institute) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.08.2015 г.

УДК 37.034

КАТЕГОРИЯ «ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ» В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Т. М. Чурекова, Е. В. Шабанова

THE CATEGORY OF “MORAL POSITION” IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

T. M. Churekova, E. V. Shabanova

Авторы статьи исследуют феномен «духовно-нравственной позиции», так как именно с ним современное общество связывает надежды сформировать гармоничную, достойную уважения личность. Анализируется представление о позиции в различных науках, в том числе педагогической. В статье раскрывается смысл категории «духовно-нравственная позиция»: рассматриваются ее ключевые характеристики и компонентная структура. Авторы связывают понимание духовно-нравственной позиции с необходимой трансляцией опыта.

The authors investigate the phenomenon of “moral position” since the modern society’s aspirations for a harmonious and respectable personality are linked with it. The paper analyzes the representation of “moral position” in various sciences, including Pedagogics. The paper reveals the meaning of “moral position”: its key features and component structure are discussed. The authors associate the understanding of “moral position” with broadcasting experience.

Ключевые слова: позиция, виды позиции, характеристики позиции, духовность, нравственность, компоненты духовно-нравственной позиции.

Keywords: position, types of positions, subjectivity, characteristics of the position, morality, components of moral position.

Глобальная информатизация всех сфер человеческой жизни влияет на то, что мир становится все более сложным и противоречивым, а это не может не затрагивать интересы людей. «Моральная недостаточность», проявляющаяся в современном обществе, неизбежно приводит к смещению «ценностных координат». Это проявляется в распаде семейных структур, низвержении прежних авторитетов, трансформа-

ции критериев нравственности, росте недоверия [9] к другому человеку и к происходящему в целом, апатичным отношением к будущему. Формирование прочной, активной и в то же время гибкой духовно-нравственной позиции личности в условиях увеличения информационных потоков, ускорения темпа жизни и непрерывного состояния риска для человека является в современном обществе необходимостью.

В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания гражданина Российской Федерации [5] понятие «позиция» появляется в связи с потребностью обращать внимание на духовность и нравственность. Решая эту приоритетную национальную задачу, обеспечивающую устойчивость России, необходимо формировать «активную гражданскую позицию», «общественную позицию».

Позиция является важным условием развития личности, поскольку связывает такие сферы человеческой жизни, как сознание и деятельность. Наличие активной позиции, умение осуществить выбор, «оценить последствия принятого решения и держать за них ответ перед собой и обществом» А. Г. Асмолов называет основными свойствами личности [2].

В исследовательской литературе присутствует мнение о том, что «личность – это всегда определенная позиция». К. Левин заметил, что позиция есть то, что существует «здесь и сейчас» [6]. Таким образом, представление о личности неотделимо от понимания позиции.

Термин «позиция» давно приобрел статус категории, имеющей отношение к разным наукам. Междисциплинарный статус позиции позволяет рассуждать о ее семантической наполненности, а своеобразие природы позиции предполагает изучение философского, психологического, социологического и педагогического содержания ее как категории.

Позиция становится также обобщением субъективных личностных достижений, что, в свою очередь, помогает увидеть жизненную перспективу. Д. В. Лубовский под жизненной позицией понимает открыто выражаемое человеком «отношение к значительным явлениям жизни или к окружающей реальности в целом» [7]. Позиция характеризует «место» человека в его жизнедеятельности, определяет, способен ли он мыслить и действовать самостоятельно, творчески, или живет, подчиняясь по инерции обстоятельствам, с готовностью принимает закрепленное за собой волей случая место в мире. К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, развивая вслед за С. Л. Рубинштейном основные положения теории, приходят к выводу о том, что, находясь «на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности», то есть способности личности к самостоятельным ответственным решениям, независимым от внешнего давления [3], личность способна индивидуализироваться. Утверждение личности, ее индивидуализация происходит благодаря сформированной личностной позиции. «Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстраивают» [2].

Относя позицию к способам определения жизненных ситуаций, ученые рассматривают ее наряду с жизненной стратегией (перспективой), способами ведения жизни (форма, уклад, стиль), способами описания жизни (жизненные истории, биография) и способами символического конструирования жизни (планы жизни, сценарии) [13]. Позиция, таким образом, становится важной составляющей жизни человека и раскрывается в конкретной ситуации, которая, являясь неотъемлемой частью жизни, создает пространство для деятельности. Позиция выражает сознательную реакцию на ситуацию и находится в том же отношении к ней, как объективное к субъективному. Если ситуации объективны по

своему характеру и не зависят от человека, то позиция по своей природе субъективна.

Анализ научных исследований позволил нам определить ключевые характеристики, под которыми мы понимаем описание типичных, отличительных ее качеств. Проинтегрировав основные характеристики позиции: осознанность, устойчивость, воспроизводимость, конструктивность, динамичность, активность, гибкость, направленность, диалогичность мы предлагаем осмысливать их как комплекс важных особенностей, которые соответствуют позиции и позволяют нам определить ее компоненты.

Позиция имеет сложную структуру, поэтому и не существует терминологической определенности при определении ее компонентов. Исследуя содержательное наполнение «позиции», Е. В. Титова [14] приходит к выводу, что «опыт» и «активность» можно назвать важнейшими компонентами позиции личности. Исследователь доказала, что компоненты позиции (опыт и активность) взаимосвязаны: имеющийся у личности опыт проявляется в ее активности, направленной на реализацию определенной деятельности, которая, в свою очередь, влияет на объем и качество личностного опыта. Приобретенный опыт становится основой, важнейшей «опорой» для позиции. Если же личность не проявляет активности, компонент «опыт» оказывается лишенным подвижности и превращается в устойчивую автономную систему.

Достаточно развернутую компонентную структуру позиции представила О. Н. Лушников, определив следующие структурные элементы позиции: потребности, установки; знания; убеждения; готовность действовать; действия по достижению жизненных целей [8]. Указанные характеристики исследователь называет структурными элементами, определяющими содержание «позиции». Возникающие у личности потребности побуждают ее к поиску путей для их удовлетворения, становясь побудителями к деятельности.

Обратим внимание на включение исследователем установок в структуру позиции. Поскольку понятие «позиция» достаточно часто подменяется категорией «установка», мы считаем необходимым провести разграничение между позицией и установкой. Чтобы добиться терминологической ясности, обратимся к научной литературе. По мнению С. Л. Рубинштейна, установка занимает «важное место в системе позиций» [12]. Ученый полагал, что позицию нужно рассматривать как связующее начало между сознанием и личностью. В работах С. Л. Рубинштейна понятие «позиция личности» трактуется как синоним социальной установки. А. Г. Асмолов под установкой личности понимает движение от индивидуального сознания к деятельности. Именно смысловые установки влияют, по мнению ученого, на «устойчивость и направленность поведения личности, ее поступки и деяния». Фиксированные смысловые установки личности актуализируются при встрече с соответствующей им ситуацией и проявляются в индивидуальном стиле деятельности; а также становятся чертами характера; проявляясь в активности личности. Исследуя установку в качестве стабилизатора деятельности, ученый выделяет несколько уровней регуляции деятельности: смысловые установки, целевые установки, операциональные установки и так называемые «регуляторы установки в дея-

тельности» [1]. Заметим, что в указанных уровнях подчеркнуты смысловой и деятельностный компоненты.

Экспликация категорий «позиция» и «установка» позволяет увидеть при существовании внешней смысловой схожести и принципиальные различия. Исходя из этих суждений, сделаем вывод о том, что понятие «установка» может рассматриваться лишь как составляющая позиции и не является синонимом «позиции».

Изучение содержания дефиниций, связанных с позицией, показывает, что ученые, как правило, включают в компоненты позиции как смысловую (содержательную), так и поведенческую конструируемые. Рассмотрение указанных компонентов позволило понять, что происходит с человеком «накануне» деятельности, в ее процессе и после, как по мере этого меняется личность, насколько человек способен влиять на происходящее вокруг него. Очевидно, что возникает необходимость подчеркнуть внутреннее и внешнее в структуре позиции, обобщить характеристики, закреплённые за позицией, связав их с важными процессами ее становления и актуализации.

В настоящее время в науке не сложилось до конца понимания термина «духовно-нравственное», в том числе в связи с позицией. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания гражданина Российской Федерации предлагает ориентироваться на определение «духовно-нравственное» применительно к воспитанию в целом и идеалу личности. Признавая важность и самодостаточность определения «духовно-нравственное», не дублирующего понятие «нравственное», уточним его содержание.

Анализ литературы показал, что изучают названный концепт так же, как и позицию, разные науки: не только педагогика, но и философия, психология, социология. По нашему мнению, трактовка этого термина основывается на традиции определения понятий «духовный» и «нравственный». Однако сразу нужно отметить, что не следует понимать смысл термина «духовно-нравственный» как механическое соединение смыслов, как «сумму» признаков, характерных для каждой отдельно взятой категории. Уточним содержание основных элементов составной лексической конструкции «духовно-нравственный», определяя категории «духовное» и «духовность» и устанавливая их соотношение с понятиями «нравственное», «нравственность».

Проанализировав научную литературу, мы сделали вывод о том, что понятие «духовное» в смысловом отношении шире категории «нравственное». Не случайно «нравственное» связывают, прежде всего, с поведением личности и понимают как принятие человеком требований к нему в качестве обязанностей. Нравственность как важная личностная характеристика основана на принятии или отвержении требований, она же реализует проявление внутренней позиции. Ученые видят в категории «нравственность» прежде всего механизм, необходимый для выражения духовности. Соотнося категории «духовное» и «нравственное», исследователи понимают духовную составляющую как содействие в освоении системы ценностей и идеалов, а также в формировании на этой основе определенной личностной мировоззренческой позиции. Нравственная же составляющая направлена на «содействие в развитии чувств, отношений и поведения, отражающих мировоззренческую, смысложизненную позицию в социально

значимой деятельности ребенка: во взаимоотношениях с другими людьми и окружающим миром» [11].

Мы полагаем, что для нашей отечественной культуры в целом характерно преобладание духовно-нравственной доминанты, влияющей на позицию личности.

Изучив природу понятий «позиция» и «духовно-нравственное», основываясь на таких характеристиках позиции, как осознанность, устойчивость, воспроизводимость, конструктивность, динамичность, активность, гибкость, направленность и диалогичность, мы определили и выделили компонентную структуру духовно-нравственной позиции, включив в нее мотивационно-волевой, когнитивно-ценностный и рефлексивно-поведенческий компоненты.

В качестве первого компонента мы называем мотивационно-волевой. В ситуациях выбора человек сознательно выбирает между добром и злом, мобилизует волевые усилия, отвергает отрицательные мотивы, делая, таким образом, выбор [10]. Этот компонент предполагает понимание роли мотивационного и волевого регулирования, рассмотрение составляющих (мотива и воли) как взаимосвязанных характеристик.

Мотивация помогает актуализировать волю и направлять личность на достижение поставленной цели. А. А. Брудный назвал волю «энергетическим субстратом выбора». Учёный поясняет, «когда воля уходит, условно говоря, «вверх», в мозг... — она обращается в интеллект, в выбор знаков, их сочетаний, в мысль, когда энергия уходит в тело, в мышцы — она реализуется в поведении [4]. Позицию определяют также через высокий уровень развития мотивации, который создает новый тип отношений к учению, к взрослым, делает обучаемого истинным субъектом деятельности.

Мотивационно-волевая составляющая духовно-нравственной позиции характеризуется в первую очередь устойчивым отношением к самоконтролю, уверенностью в успешности дальнейших действий. С мотивационным компонентом ученые связывают также устойчивость нравственных поступков, мировоззренческие установки, проявление разумных потребностей, наличие коллективистских мотивов. С мотивационно-волевым компонентом, на наш взгляд, связаны устойчивость, конструктивность, гибкость и активность как характеристики позиции личности.

Вторым компонентом духовно-нравственной позиции является когнитивно-ценностный, которому соответствуют, прежде всего, осознанность, устойчивость и конструктивность как характеристики.

Очевидно, что важным компонентом позиции являются знания. Когнитивно-ценностный компонент предполагает, что человек много работает над собой, и эта внутренняя работа, внешне чаще незаметная, является сложной и напряженной. Информация приобретает значимость в контексте потребностей человека только в процессе осознания, «опознания» того, что действительно необходимо человеку. Находясь в структуре позиции, знание становится неотъемлемой ее частью. Позиция занимает «промежуточное» положение между деятельностью и сознанием, при этом она появляется в качестве предпосылки к деятельности и «реализуется только через деятельность, актуализируясь в ней» [16].

Третьим компонентом духовно-нравственной позиции мы определяем рефлексивно-поведенческий. Этому компоненту присущи в первую очередь такие характеристики, как активность, устойчивость, динамичность, пристрастность, гибкость и диалогичность.

Рефлексивно-поведенческий компонент характеризует готовность и способность личности к проявлению духовно-нравственной позиции. Всякая деятельность начинается с осознанного выбора определенной исходной позиции по отношению к объекту, при этом позиция формируется под влиянием накопленных личностью отношений к определенному объекту с тем, чтобы впоследствии актуализироваться в деятельности. Реализация «во внешних действиях, в том числе словесных, накопленного опыта (экстериоризация) связана с инициацией позиции и проявляется в поступке, поведении.

Для нашего исследования представляет важность понимание позиции в связи с трансляцией опыта. Мы выделяем пять компонентов личного опыта: ценностный опыт, ориентирующий усилия человека; опыт

рефлексии, появляющийся в результате накопления знаний о себе; опыт первичной активизации, определяющийся подготовленностью к нестабильным условиям; операциональный опыт, интегрирующий конкретные средства преобразования ситуации и самого себя; опыт сотрудничества как опыт взаимодействия с другими участниками совместной деятельности [15]. Отмеченные компоненты личного опыта уточняют названные выше компоненты позиции.

Обобщая вышесказанное, считаем, что целесообразно рассматривать духовно-нравственную позицию как сложную интегративную характеристику, отражающую уровень развития личности и являющуюся критерием культуры человека со сформированными ценностными ориентирами и идеалами, готового к осознанной, активной, ответственной деятельности, основанной на устойчивых отношениях субъекта к самому себе, другим, к миру, умеющего сделать выбор в пользу «добра» в конкретном поступке и транслирующего свой духовно-нравственный опыт.

Литература

1. Антилогова Л. Н. Альтруизм и его роль в профессиональной деятельности социального работника // Социальная работа в Сибири. 2004. С. 35 – 45.
2. Асмолов А. Г. Психология личности. М.: МГУ, 1990. 367 с.
3. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998, 654 с.
4. Брудный А. А. Воля, эго и очевидность // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 67 – 74.
5. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2013. 24 с.
6. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
7. Лубовский Д. В. Понятие внутренней позиции и непрерывность развития на протяжении жизненного пути // Мир психологии. 2012. № 2. С. 128 – 138.
8. Лушникова О. Н. Формирование духовно-нравственной позиции учащихся в процессе обучения. Саратов, 2005. 214 с.
9. Мануйлова Е. А. Духовно-нравственное образование личности в меняющемся мире // Молодежь России в начале XXI века. М.: Российская академия наук, 2014. С. 226 – 231.
10. Падеро Н. В. Формирование нравственных ценностей будущих юристов в системе высшего образования: дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2004. 276 с.
11. Потаповская О. М. О методологических подходах к духовно-нравственному воспитанию детей дошкольного возраста // Педагогика. 2013. № 6. С. 72 – 82.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Изд. АН СССР, 1946. С. 624.
13. Синягин Ю. В., Переверзина О. Ю., Яковлева Ю. А., Полякова А. В. Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности // Акмеология. 2010. № 1. С. 119 – 126.
14. Титова Е. В. Сущность общественно активной позиции личности подростка // Формирование социально активной позиции школьников в условиях взаимодействия социальных и педагогических факторов. М.: Академия педагогических наук СССР, 1984. С. 15 – 20.
15. Чурекова Т. М. Самореализация личности в контексте гуманизации образования // Психологические факторы самореализации личности в различных сферах жизнедеятельности: коллективная монография. Кемерово, 2011. С. 218 – 225.
16. Щуркова Н. Е. Прикладная педагогика воспитания: учебное пособие. СПб., 2005. 336 с.

Информация об авторах:

Чурекова Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики ЦПО КеМГУ, churekova_t@mail.ru.

Tatiana M. Churekova – Doctor of Pedagogics, Professor at the Inter-University Department of General and Higher School Pedagogy, Kemerovo State University.

Шабанова Елена Викторовна – аспирант КРИПКиПРО, заместитель директора по ВР МБНОУ «ГКЛ» Gkl.shabanova@gmail.com.

Elena V. Shabanova – post-graduate student at Kuzbass Regional Institute of Advanced Training and Re-Training of Teachers, Deputy Director at Kemerovo City Classical Lyceum.

(Научный руководитель – Т. М. Чурекова). (Academic advisor – T. M. Churekova).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

КРИТЕРИИ И УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ НРАВСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ К ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНОМУ ТРУДУ КАК ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ

Т. М. Чурекова, Е. Н. Штогрин

CRITERIA AND LEVELS OF FORMATION OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN'S MORAL ATTITUDE TO COMMUNITY WORK AS A COMMON HUMAN VALUE

T. M. Churekova, E. N. Shtogrina

В статье авторами определены критерии сформированности нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности (социально-потребностный, познаватель-но-технологический, эмоционально-поведенческий, рефлексивно-регулятивный), обоснованы соответствующие им показатели. Представлена содержательная характеристика уровней сформированности данного феномена – эгоцентрический, группоцентрический, просоциальный.

The authors define the criteria and levels of formation of junior schoolchildren's moral attitude to community work as a common human value (socio-need, informative-technological, emotional-behavioral and reflective-regulatory criteria), their indicators are substantiated. The paper presents the content description of the level of formation of this phenomenon: egocentric, group- centric, and pro-social.

Ключевые слова: нравственное отношение к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности, критерии, показатели, уровни сформированности, младшие школьники.

Keywords: moral attitude formation to community work as a common human value, criteria, indicators, levels of formation, junior schoolchildren.

В условиях модернизации и реформирования современного образования XXI века приоритетное значение имеет воспитание ответственной, самостоятельной, инициативной личности, имеющей потребность в трудовой и социально-значимой деятельности и готовой воспринимать труд на благо общества как одну из высших ценностей жизни. В связи с этим реализация Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО) требует от выпускника начальной школы сформированности в первую очередь личностных результатов, содержательные характеристики которых обуславливают ориентированность обучающегося на понимание значимости общественно полезной деятельности для себя и других, переживания в ней чувства долга, ответственности, проявления творческой активности, альтруистических эмоций, эмпатии, честности, самостоятельности, дисциплинированности, умений и навыков трудового творческого сотрудничества, адекватной самооценки своих действий и поступков. Сказанное актуализирует проблему воспитания нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности.

Теоретическое изучение научной литературы по вопросу содержательного наполнения понятия «нравственное отношение к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности» позволило установить, что на сегодняшний день отсутствует единое общепринятое определение этого феномена. Учитывая этот аспект, на основе системного, аксиологического, личностно-деятельностного подходов мы эксплицировали исследуемое понятие через сущностную характеристику категорий: «общественно полезный труд», «отношение», «нравственность», «нравственное отношение», «общечеловеческая ценность», выявление комплекса базовых национальных ценностей (забота и помощь; ответственность и чувство долга;

целеустремленность и настойчивость и др.), нашедших отражение в современных нормативно-правовых и методических документах федерального уровня [2; 3; 4].

Интеграция сущностных сторон вышеназванных концептов позволила конкретизировать понятие «нравственное отношение к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности», представляющее собой сложное комплексное личностное образование, включающее представления о социальной и личной значимости общественно полезного труда, связанные с широкими социальными мотивами долга и ответственности, побуждающие личность трудиться на пользу других людей без выгоды для себя, проявляя волевые качества, альтруистические эмоции, творческую активность, заботу о других, адекватную оценку и самооценку своим поступкам в целенаправленной, осознанно-мотивированной, добровольной деятельности, имеющей общественно значимую цель и результат.

В структуре анализируемого феномена нами были выделены мотивационно-целевой, когнитивно-деятельностный, личностно-волевой и рефлексивно-оценочный компоненты, каждый из которых имеет содержательную характеристику и выполняет определенную функциональную роль. Мотивационно-целевой компонент побуждает личность к проявлению определенной степени активности в общественно полезной деятельности. Когнитивно-деятельностный компонент направлен на создание основы знаний и умений, необходимых в общественно полезном труде. Личностно-волевой компонент регулирует поведение личности на основе развития волевых качеств, альтруистических эмоций, творческой активности, готовности к преодолению трудностей. Рефлексивно-оценочный компонент способствует оценке правильности выполнения действий, адекватной самооценке и

коррекции достигнутых в процессе общественно полезного труда результатов.

Объективная оценка сформированности нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности связана с необходимостью определения критериев, показателей и уровней проявления рассматриваемого явления.

При разработке критериально-оценочного аппарата нравственного отношения школьников к общественно полезному труду за основу были взяты личностные характеристики выпускника начальной школы, а также личностные и метапредметные результаты освоения основной программы начального общего образования [2; 4], которые были соотнесены с компонентами нравственного отношения к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности:

– по мотивационно-целевому компоненту: сформированность мотивов, реализующих потребность в социально-значимой и социально оцениваемой деятельности;

– по когнитивно-деятельностному компоненту: знание основных моральных норм (взаимопомощь, честность, ответственность и др.); знакомство с профессиями взрослых, их содержанием и социальной значимостью; сформированность трудовых умений и навыков; опыт участия в различных видах общественно полезной деятельности;

– по личностно-волевому компоненту: целеустремленность и настойчивость в достижении целей; развитие эмпатии и эмоционально-нравственной отзывчивости; умение взаимодействовать со взрослыми и со сверстниками в трудовой деятельности; развитие этических чувств как регуляторов морального поведения; готовность к сотрудничеству, оказанию помощи;

– по оценочно-коррекционному компоненту: рефлексия своих действий; умение адекватно воспринимать оценки и отметки; умение контролировать процесс и результаты своей деятельности.

Перечисленные содержательные характеристики, предъявляемые к выпускнику начальной школы, являются основанием для определения критериев сформированности нравственного отношения к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности.

Таким образом, исходя из анализа научно-методической литературы [1; 2; 3; 4], личностных характеристик выпускника начальной школы, содержания структурных компонентов понятия «нравственное отношение к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности», нами определены критерии сформированности нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности: *социально-потребностный, познавательно-технологический, эмоционально-поведенческий, рефлексивно-регулятивный*. Каждый критерий включает группу показателей, которые отражают его сущностные стороны, качественные и количественные характеристики.

Необходимо отметить, что при выборе критериев был сделан акцент на *принцип адекватности*, сущностный аспект которого раскрывается через понятия «тождественность», «соответственность», учитывающий совпадение каких-либо параметров с точки зре-

ния определенных целей [5]. С опорой на данный принцип для каждого компонента нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности были определены критерии и соответствующие им показатели.

Для мотивационно-целевого компонента нравственного отношения к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности мы определили наиболее значимым *социально-потребностный критерий*, который характеризует стремление личности участвовать в общественно полезном труде. В качестве *показателей* данного критерия выступают: сформированность широких социальных мотивов деятельности; желание трудиться на пользу других людей без выгоды для себя; интерес к общественно полезному труду и его видам; проявление активности в общественно полезной деятельности; понимание социально-значимой цели общественно полезного труда.

Под *сформированностью широких социальных мотивов деятельности* мы понимаем уровень сформированности понимания учащимися социальной и личной значимости понятия «общественно полезный труд», а также проявление мотивов долга и ответственности перед родителями, коллективом, социумом в общественно полезном труде. В этом контексте имеет значение *желание трудиться на пользу других людей без выгоды для себя*, связанное со стремлением личности трудиться в интересах коллектива и общественного блага. Не менее важным показателем социально-потребностного критерия является *интерес к общественно полезному труду и его видам*, выделяя который мы имеем в виду внутреннюю потребность школьников к общественно полезной деятельности, основанную на понимании её социально значимой цели и результата. Успешность присвоения нового социального опыта во многом зависит от *степени проявления активности в общественно полезной деятельности*. Содержательный аспект данного показателя включает целенаправленное, осознанно-мотивированное, добровольное участие в деятельности, имеющей общественно значимую цель и результат. Выбор следующего показателя обусловлен тем фактором, что *понимание учащимися социально-значимой цели общественно полезного труда* определяет результативность этого вида деятельности, так как категории «цель» и «результат» взаимосвязаны.

Для определения уровня когнитивно-деятельностного компонента нравственного отношения к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности нами был выделен *познавательно-технологический критерий*, характеризующий овладение учащимися морально-нравственными представлениями и понятиями, практическими навыками и умениями в общественно полезном труде и его видах. *Показателями* данного критерия являются: наличие знаний о нравственных категориях; сформированность представлений о созидательном и нравственном значении общественно полезного труда; первоначальный опыт участия в общественно полезной деятельности; сформированность умений и навыков сотрудничества со сверстниками и взрослыми в соответствии с нравственными нормами; бережное отношение к продуктам общественно полезного труда.

Наличие у младших школьников знаний о таких нравственных категориях, как трудолюбие, заботливость, настойчивость, ответственность, честность, творчество необходимо для понимания ими нравственного смысла общественно полезного труда, что позволяет судить о сформированности у учащихся представлений о созидательном и нравственном значении общественно полезного труда. Сущностная характеристика этого показателя согласуется с такими понятиями, как «общественное и личное благо», «значение общественно полезного труда», связанных с пониманием школьниками социально-значимой цели общественно полезного труда и его результата; «социально значимые качества, проявляемые в труде», «трудовые обязанности в школе и дома». Первоначальный опыт участия в общественно полезной деятельности как показатель познавательного-технологического критерия включает в себя сформированность умений и навыков в домашнем и школьном самообслуживании, в сельскохозяйственном труде, в сфере волонтерской деятельности, при выполнении разных трудовых операций, что, на наш взгляд, важно для понимания нравственного смысла общественно полезного труда через его деятельностную составляющую, т. е. через конкретные трудовые действия. В этой связи представляется значимым уровень сформированности умений и навыков сотрудничества со сверстниками и взрослыми в соответствии с нравственными нормами. К выбору этого показателя послужили следующие, принципиальные, на наш взгляд, позиции: установление дружеских отношений в коллективе, основанных на взаимной помощи и поддержке; уважение позиции других людей; способность проявлять дружелюбное отношение друг к другу. Бережное отношение к продуктам общественно полезного труда характеризуется проявлением таких качеств, как заботливость, аккуратность, внимательность не только к процессу, но и к результатам общественно полезной деятельности.

Личностно-волевой компонент нравственного отношения к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности раскрывается через изучение эмоционально-поведенческого критерия, который характеризует уровень сформированности волевых качеств, творческой активности, альтруистических эмоций и переживаний в общественно полезном труде. Показателями данного критерия выступают: сформированность волевых качеств личности (настойчивость, ответственность, дисциплинированность и др.) которые проявляются в поведении человека; способность к эмпатии в общественно полезном труде; переживание за выполнение/невыполнение в срок своих обязанностей; проявление альтруистических эмоций, возникающих на основе потребностей в содействии, помощи другим людям; сформированность творческой активности.

Говоря о сформированности волевых качеств личности в общественно полезном труде, мы имеем в виду уровень сформированности у учащихся дисциплинированности, настойчивости, ответственности, самостоятельности, готовности к преодолению трудностей при выполнении общественно значимых дел и различных трудовых заданий. В связи с этим немаловажную роль имеют переживания за выполне-

ние/невыполнение в срок своих обязанностей, через внутренние сигналы которых осознается социальный и личностный смысл общественно полезного труда, производится осознанный выбор мотивов деятельности и регуляция поведения. Способность к эмпатии в общественно полезном труде необходима для того, чтобы понять эмоциональное состояние другого человека, сопереживать ему, видеть ситуацию с точки зрения интересов группы, коллектива, адекватно принимать другие точки зрения. С этим показателем в контексте данного критерия имеет взаимосвязь следующий, отражающий сущность проявления альтруистических эмоций – переживаний, возникающих на основе потребностей в оказании помощи другим людям. Содержательно-креативную окраску эмоционально-поведенческому критерию придает сформированность творческой активности, под которой понимается способность личности вносить оригинальные способы выполнения трудовых операций в различных видах общественно полезного труда.

Для изучения оценочно-коррекционного компонента нравственного отношения к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности мы выделили рефлексивно-регулятивный критерий, сущностная характеристика которого проявляется в способности к оценке, самооценке и коррекции достигнутых в процессе общественно полезного труда результатов. Показателями данного критерия являются: сформированность самооценки; умение адекватно понимать оценку взрослого и сверстника; способность к самоанализу и коррекции результатов деятельности.

Сформированность самооценки представляет уровень адекватной оценки личностью самой себя, своих действий, желаний, поступков, совместных действий в общественно полезном труде. В отношении регуляции поведения и деятельности учащихся имеет смысл умение адекватно понимать оценку взрослого и сверстника, которое напрямую связано со способностью к самоанализу и коррекции результатов деятельности. Данный показатель характеризует способность оценивать правильность выполнения действия на уровне адекватной ретроспективной оценки соответствия результатов требованиям определенной цели деятельности.

Определённые нами критерии и показатели способствовали выделению уровней сформированности нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности: эгоцентрический, группоцентрический, просоциальный. Данные уровни позволили дифференцировать младших школьников по степени проявления ими нравственного отношения к общественно полезному труду.

Первый уровень – эгоцентрический. Характеризуется тем, что младший школьник в деятельности чаще всего руководствуется мотивами личного благополучия; не проявляет интерес к общественно полезному труду и его видам; не понимает социально-значимую цель общественно полезного труда; показывает бессистемные, односторонние, несодержательные знания о нравственных категориях; слабо понимает смысл трудовых обязанностей дома и в школе; затрудняется назвать социально значимые ка-

чества, проявляемые в труде на благо других людей; имеет не сформированные или слабо сформированные волевые качества личности, умения и навыки в домашнем и школьном самообслуживании, в сельскохозяйственном труде, в сфере волонтерской деятельности, при выполнении разных трудовых операций; не умеет адекватно оценить свои способности в деятельности.

Второй уровень – *группоцентрический*. Отличается тем, что обучающийся: имеет сформированные мотивы долга, ответственности перед близким окружением; в некоторых случаях проявляет интерес к труду на пользу других людей, чтобы получить похвалу учителя, родителей, других взрослых людей или в целях самоутверждения в коллективе друзей, сверстников; участвует в общественно полезной деятельности по настроению, в ожидании одобрения; социально значимую цель общественно полезного труда понимает на уровне интересов близкого окружения; показывает частично сформированные знания о нравственных категориях; понимает смысл отдельных трудовых обязанностей дома и в школе, называет некоторые социально значимые качества, проявляемые в труде на благо других людей; имеет не достаточно сформированные волевые качества личности, умения и навыки в домашнем и школьном самообслуживании, в сельскохозяйственном труде, в сфере волонтерской деятельности, при выполнении разных трудовых операций; способен, в зависимости от настроения или оценки других людей (учителя, родителей, сверстников), адекватно оценить свои способности в деятельности.

Третий уровень – *просоциальный*. Характеризуется тем, что младший школьник: имеет сформированные мотивы долга, ответственности не только перед близким окружением, но и перед другими людьми; проявляет интерес и желание трудиться на пользу

других людей, так как понимает общественно значимую цель и результат труда; показывает содержательные и системные знания о нравственных категориях; понимает и может объяснить смысл трудовых обязанностей дома и в школе; называет социально значимые качества, проявляемые в труде на благо других людей; имеет достаточно сформированные волевые качества личности, умения и навыки в домашнем и школьном самообслуживании, в сельскохозяйственном труде, в сфере волонтерской деятельности, при выполнении разных трудовых операций; умеет адекватно оценить свои способности в деятельности.

Представленные уровневые характеристики позволяют дифференцированно подходить к диагностическому исследованию процесса воспитания нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности, а также наблюдать динамику изменений в каждом компоненте изучаемого феномена.

Полученные результаты констатирующего этапа эксперимента свидетельствуют о преобладании в целом эгоцентрического (1 класс – 72,1 %, 2 класс – 60,85 %, 3 класс – 44,65 %, 4 класс – 36,25 %) и группоцентрического (1 класс – 22,5 %, 2 класс – 25,85 %, 3 класс – 36,35 %, 4 класс – 42,88 %) уровней нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности. Просоциальный уровень рассматриваемого явления сформирован не достаточно (1 класс – 4,95 %, 2 класс – 13,3 %, 3 класс – 19 %, 4 класс – 20,87 %).

Таким образом, анализ количественных данных, полученных в ходе изучения учащихся начальной школы, подтверждает актуальность, теоретическую и практическую необходимость организации воспитания нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду как общечеловеческой ценности.

Литература

1. Вагнер И. В. Воспитательный компонент федеральных государственных образовательных стандартов: подходы к развитию и реализации // Социальная педагогика. 2012. № 2. С. 5 – 12.
2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2013. 24 с. (Стандарты второго поколения).
3. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа / сост. Е. С. Савинов. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2010. 204 с. (Стандарты второго поколения).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования // М-во образования и науки Рос. Федерации. М.: Просвещение, 2010. 31 с.
5. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2011. 576 с.

Информация об авторах:

Чурекова Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики ЦПО КемГУ, churekova_t@mail.ru.

Tatiana M. Churekova – Doctor of Pedagogics, Professor at the Inter-University Department of General and Higher School Pedagogy, Kemerovo State University.

Штогрин Екатерина Николаевна – аспирант КРИПКипРО.

Ekaterina N. Shtogrina – post-graduate student at Kuzbass Regional Institute of Advanced Training and Retraining of Teachers.

(Научный руководитель – Т. М. Чурекова). (Academic advisor – T. M. Churekova).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.455

ПРОБЛЕМА МЕЖГРУППОВОГО ВОСПРИЯТИЯ
СТОРОННИКОВ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ

С. Ф. Ахматнурова

INTERGROUP PERCEPTION OF AUTHORITIES AND POLITICAL OPPOSITION SUPPORTERS

S. F. Akhmatnurova

Статья освещает результаты исследования межгруппового восприятия в контексте поддержки действующей власти. Автор представляет словесные портреты, данные сторонниками власти и оппозиции относительно «своей» и «чужой» группы и представлений контрольной группы. На этом основании автор делает вывод о том, что в сознании граждан сформировался четко определенный психологический портрет сторонников власти – и внутригрупповое, и межгрупповое представление об этих людях совпадает, различаясь лишь нюансами эмоциональной окраски (положительное отношение или негативное). Напротив, портрет оппозиции имеет размытый контур. У представителей «чужой» группы нет четкого понимания о людях, которые ее представляют, об их ценностях и мотивах действий. Внутригрупповое восприятие также характеризуется большой фрагментарностью и размытостью.

The paper covers the results of research of intergroup perception in the context of supporting of authorities. The author presents verbal portraits of authorities supporters and political opposition supporters in terms of in-group and out-group beliefs. According to the research results there is a definite portrait of authorities supporters in the social consciousness, the perceptions of this group coincide among all the respondents. The only difference is the emotional attitude. On the contrary, the portrait of opposition supporters has fuzzy edges. Intergroup perceptions demonstrate lack of understanding of who those people are and what their values and motives are. Intergroup perception is fragmentary as well.

Ключевые слова: системная оппозиция, несистемная оппозиция, внутригрупповой фаворитизм, внутригрупповой, межгрупповой, политические ценности.

Keywords: antisystemic opposition, systemic opposition, in-group, out-group, political value, in-group favoritism.

В 2013 г. сотрудниками и аспирантами кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова было проведено масштабное исследование политических ценностей граждан современной России. В рамках данного проекта автором проведено исследование сторонников власти и оппозиции: межгруппового восприятия, политических ценностей и электорального поведения этих групп. Автор использует в работе метод глубинного интервью.

А. В. Петровский считает, что одним из ключевых показателей сплоченности группы является ее ценностно-ориентационное единство – фактор, который фиксирует степень совпадения позиций и оценок ее членов и ценностей, наиболее значимых для группы в целом [5, с. 272]. Общепринятые нормы, находящие свое обоснование в ценностях на уровне общества, формируют своего рода условные группы внутри него. Установки, ценности, нормы и эталоны поведения являются существенными элементами группового сознания [4, с. 530]. У каждого человека есть потребность ощущать себя частью некоего целого, частью значимой для него группы, то есть быть «достойным» человеком, который живет в соответствии с моральными нормами общества и имеет право предъявлять моральные требования к другим членам этого общества [7, с. 13]. Ценности выполняют функцию инте-

грации группы и таким образом помогают индивидам осуществлять социально одобряемый выбор в своем поведении [6, с. 13]. Признаваемая группой людей определенная система ценностей формирует у них чувство принадлежности к этой группе. Искаженное восприятие друг друга людьми, принадлежащими к разным группам, может быть источником межгрупповых конфликтов. Причиной такого искажения может выступать групповой фаворитизм – то есть «своя» группа представляется ее членами более достойной, а «чужая» на этом фоне приобретает негативные характеристики.

В российском обществе, как и в любом другом, имеет место размежевание в поддержании различных ценностей. Согласно исследованию коллектива ученых ИС РАН, в России основаниями для разделения на «своих» и «чужих» являются поддержка действующей власти или оппозиции к ней [2, с. 23].

Категории «свои» и «чужие» характеризуют межличностное восприятие своей группы и группы «других». «Чужие» существуют, потому что есть «мы», а «мы» определяется принадлежностью к определенному сообществу, разделяющему сходные ценности и идеалы. Респонденты, отвечая на вопрос о том, какими они видят «чужих» подспудно раскрывают аспекты различия «своих».

Межгрупповое восприятие – это процессы социальной перцепции, в которых как субъектом, так и объектом восприятия выступают социальные группы; это взаимное восприятие групп, а не отдельных их членов [3]. Результат межгруппового восприятия – это не просто сумма восприятий чужой и своей группы индивидов, но качественно новое образование. Г. М. Андреева отмечает две характеристики этого образования: «для группы – субъекта восприятия это «целостность», которая определяется как степень совпадения представлений членов этой группы о другой группе («все» или «не все» думают о другой группе так-то). Относительно группы-объекта восприятия это «унифицированность», которая показывает степень распространения представлений о другой группе на отдельных ее членов («все» в другой группе такие или «не все») [1, с. 246]. В данном случае не исследователь проводит линию водораздела между поддерживающими власть и оппозицию, а сами члены групп. Для анализа нами выделено три группы: сторонники власти, системной и несистемной оппозиции, принадлежность к которым респонденты называли сами. В качестве контрольной группы мы рассматривали респондентов, которые сказали, что не поддерживают никакую политическую силу или затруднились с ответом.

Представления сторонников власти

По мнению провластных респондентов, действующая власть представляет интересы высших государственных чиновников и политиков, а также мелких и средних предпринимателей работников бюджетной сферы, мелких государственных и муниципальных служащих, пенсионеров и студентов.

Говоря о людях, поддерживающих власть, респонденты отмечают в первую очередь их консервативность и нежелание менять что-либо. Политика их мало интересует, чаще всего область их интересов ограничивается малой социальной группой – семьей, близкими людьми, реже – профессиональной группой.

В ответах респондентов чаще всего встречаются два наиболее ярких персонажа. Первый портрет – успешный мужчина средних лет. Это люди, которые добились определенного уровня благосостояния при действующей власти и опасаются изменений, чтобы не потерять то, что имеют. Второй портрет – человек старшей возрастной группы, часто пенсионер или работник госслужбы. Они напрямую зависят от власти – пенсионеры, работники госструктур и государственных организаций. Один из респондентов резюмировал: *«Первый – это тот, кто у власти и не хочет потерять то, что имеет. Вторые – это такие как я, которым просто нужна стабильность»*. То есть власть поддерживают те, кто так или иначе от нее зависит.

В оценках оппозиционеров респонденты не так единодушны. Сторонники власти высказывают несколько версий причин активизации оппозиции и ее сторонников. Одних, по их словам, толкает к протесту стремление что-то изменить для себя лично, глубокая личная неудовлетворенность материальным или социальным положением. В противоположность под-

держивающим власть, это те, *«кто не у дел, не у пирога»*. Другие, по мнению респондентов, протестуют исключительно ради протеста. Им не важно, за что или против чего выступать, в них говорит исключительно дух противоречия. Это своего рода юношеский максимализм, что коррелирует с представлениями об оппозиционерах как о молодых людях.

Несмотря на расхождения во мнениях, сторонники власти оценивают потенциал оппозиции как достаточно несерьезный. По их мнению, у этих людей слишком разные интересы, цели и ценности, и это будет мешать им сплотиться. Несмотря на то, что часть провластных респондентов выразила поддержку существования оппозиции и считает ее наличие в сфере политики нормальным и даже необходимым, большинство высказывают мнение, что оппозиции как таковой в России вообще нет.

Сторонники оппозиции воспринимаются как более открытые к коммуникации и активные, чем сторонники власти, сфера их интересов вырывается за пределы малой социальной группы. Однако результатов этой активности респонденты не видят и не ждут.

Представления контрольной группы о сторонниках власти на удивление созвучны тем, что были озвучены выше. В этом случае нашему вниманию предстают так же два собирательных портрета: обеспеченный человек, получивший доступ к экономическим благам, благодаря близости к власти, и пенсионер (реже работник бюджетной сферы), зависимый от государства. Первого характеризует главным образом обеспеченность, *«сытость»*. Эти люди представляют собой закрытую группу, в которую не так просто попасть. Им неинтересны проблемы людей, не принадлежащих к их кругу, они закрыты для коммуникации. Здесь ярко сквозит мотив закрытости власти и того, что она глуха к проблемам населения, что переносится на представления о ее сторонниках: *«Вся власть в наших руках и будем творить всё, что нам захочется, плевали мы на всё остальное»*.

Второй образ представляет, напротив, человека далекого от власти, от ее «кормушки», но зависимого от нее: *«это бюджетники, которых заставили идти на выборы»*. Чаще всего эти люди старшей возрастной группы. И тем, и другим, в равной мере свойственна пассивность. Для одних, потому что у них уже и так все есть, и к проблемам остальных людей, как было сказано выше, они равнодушны, для других – в силу возраста и потому что они не имеют возможности повлиять на ситуацию.

Итак, портрет сторонников власти получается достаточно четким и определенным, у респондентов почти нет разногласий относительно этого. Оппозиция же выглядит пестрой и неоднородной, с неясными целями и ценностями.

Представления сторонников системной оппозиции

Сторонники системной оппозиции строят свою идентичность на противопоставлении себя сторонникам власти. Не называя конкретных целей и ценностей, они часто говорят о том, что представляют собой *«противоположность правящей партии»*. Цели оппозиции респонденты обозначают весьма размыто,

проследить конкретные ценностные ориентиры по ним затруднительно: *«Этот человек хочет жить лучше»*. Респонденты считают оппозицию активной и открытой для коммуникации с народом: *«Открыты и доступны для народа, болеют душой за дело»*. Отсутствие же результатов оппозиционной деятельности они объясняют не пассивностью, а с ограниченностью ресурсов, имеющихся в распоряжении и с угнетенным положением оппозиции в нашей стране: *«Им не дают возможность проявить себя»*.

Респонденты считают, что оппозиция (в данном случае системная, к которой они относят себя) представляет интересы мелких государственных и муниципальных служащих, мелких и средних предпринимателей, работников бюджетной сферы, пенсионеров и студентов. Т. е., по их мнению, оппозиция ориентирована ровно на ту же целевую аудиторию, что и власть, по мнению сторонников власти. Власть же, в свою очередь, ратует за интересы высших государственных чиновников, владельцев крупного бизнеса, высших военных чинов и высшего управленческого звена частных корпораций.

Портрет сторонника власти очерчен куда более определенно. Респонденты единодушны в своих представлениях, что сторонника власти характеризует недостаток, пассивность и безразличие к любым проблемам, которые не касаются его напрямую: *«Они безынициативны, безразлично относятся к народу, заинтересованы только в собственном благополучии»*. Эта группа представляет собой закрытую и монолитную структуру, замкнутую на собственных интересах: *«Не хотят общаться с народом, занимаются только номенклатурой»*.

Итак, внутригрупповые взгляды сторонников системной довольно размыты, все их представления строятся единственно на противопоставлении власти, позитивные начала упоминаются крайне редко. Сторонники власти, напротив, охарактеризованы более четко, они представляют собой *«стройные ряды, очень похожие друг на друга»*.

Представления сторонников несистемной оппозиции

Представления о власти созвучны мнению системных оппозиционеров. Несистемная оппозиция приписывает ей заботу о тех же группах населения. Сторонников власти респонденты делят на те же две группы, что называли сами провластные граждане: тех, кто получил от власти *«теплое место»* и тех, кто зависит от нее, поскольку работает в бюджетной сфере: *«Бюджетники, которые боятся потерять свои рабочие места. Они на самом деле много чего боятся и главным образом боятся перемен. А те, кто действительно идейные сторонники власти, это те, кого власть обеспечила хлебными местами»*. Обеспеченность их, впрочем, чаще объясняется тем, что он «наваровал».

Часто упоминается мотив равнодушия к стране (*«безучастный», «ленивые, сытые, меркантильные, недоступные для общения»*), пассивность и отрицание перемен (*«Они на самом деле много чего боятся и главным образом боятся перемен»*).

Красной нитью через портрет сторонников оппозиции проходит мысль о том, что это разные по доходу, положению в обществе и возрасту люди (*«не надо мерять всех по одной мерке!»*). В этой группе очень сильны индивидуалистические ценности – респондентов иной раз возмущала постановка вопроса, предлагающая нарисовать словесный портрет оппозиционера. На их взгляд, это подразумевает обобщение, которое неприемлемо в отношении оппозиционеров. Однако мы все же попытаемся вывести некоторые общие моменты, исходя из их ответов.

Оппозиционерами, по их словам, движет стремление участвовать в принятии важных решений в жизни страны, они возмущены тем, что их мнение игнорируется.

По мнению респондентов, среди оппозиции больше молодых людей, поскольку у них шире возможности получать доступ по разным каналам информации – они пользуются интернетом и смотрят разные телевизионные каналы: *«подрастает поколение, воспитанное не на 1 и 2 канале, не на НТВ»*. Это позволяет получить доступ к более объективной информации, а сравнение информации из разных источников формирует критическое мышление.

Род занятия оппозиционеров, по их мнению, сильно различается – здесь представлены люди от студентов до успешных и обеспеченных предпринимателей. Несмотря на разницу в сфере занятости, их всех объединяет высокий уровень образования, критичность мышления – несистемная оппозиция претендует на то, чтобы представлять интеллигенцию. Вспомним хотя бы то, что они называют себя *«творческой интеллигенцией», «креативным классом»*, примеряя на себя достаточно новые социальные ярлыки, потому что в имеющемся спектре они для себя ничего не находят.

Контрольная группа дает весьма размытый портрет сторонников оппозиции. Главная характерная черта, которая обращает на себя внимание – сторонников парламентских партий оппозиционерами считает реже. Наличие доступа к власти позволяет респондентам считать их скорее сторонниками власти.

Главная черта несистемных оппозиционеров, которую респонденты обозначают, это недовольство существующей политической системой, своим положением. Оппозиционеров респонденты представляют людьми разного достатка, но непременно молодыми и образованными, активно пользующимися интернетом. Они способны больше на слова, чем на действия, и это вызывает разочарование: *«Много говорят, но нет последовательности в действии»*. Реальных действий, таким образом, от них уже и не ждут: *«Балаболы, как и власть»*.

Оппозиционерам часто приписываются западные идеалы и ценности, их даже подозревают в финансировании из-за рубежа: *«Сторонники оппозиции, мне кажется, смотрят в сторону прогресса и в той или иной мере связывают его с западной моделью функционирования общества. Это, безусловно, прозападные люди, либералы»*. Чаще всего среди идей, преследуемых оппозиционерами, вспоминаются всего две: борьба с коррупцией (деятельность А. Навального) и борьба за честные выборы, поскольку именно после

выборов в декабре 2011 года развернулись наиболее многочисленные и известные митинги.

Таким образом, портрет сторонника власти среди несистемных оппозиционеров идентичен тому, что описывали сами сторонники власти и системные оппозиционеры. Контрольная группа подтверждает эти представления. Несмотря на нежелание респондентов обобщать несистемную оппозицию до какого-либо одного портрета, из их ответов складывается достаточно четкая картина. По сравнению со всем населением страны эта группа предстает достаточно монолитной – высокообразованные, молодые и активные люди, выступающие за изменение дел в стране и за возможность принимать участие в принятии важных решений. Однако внутри этой группы мы встречаем самых разных людей по уровню дохода, статусу, социальному положению и интересам.

Выводы

В представлениях о сторонниках власти все исследованные группы удивительно единодушны. Они рисуют два собирательных образа сторонника власти: первый – это человек, зависимый от государства, будь то работник бюджетной сферы или пенсионер. При этом оппозиция делает акцент на вынужденности этих людей голосовать за власть. Второй – состоятельный человек средних лет, который добился своего при нынешней власти; успешный – в представлении сторонников власти, «наворовавшийся» – в представлении оппозиционеров. Оппозиционеры, кроме того, делают акцент на пассивности сторонников власти и их безразличии к окружающему миру и его проблемам.

Провластные граждане считают, что власть представляет интересы пенсионеров, работников бюджетной сферы, мелких государственных и муниципальных служащих, студентов, мелких и средних пред-

принимателей, то есть это те люди, к которым они относят себя. Также в сферу интересов власти попадают чиновники и высшие военные чины в силу того, что они представлены во власти сами. Мнение обеих оппозиционных групп прямо противоположно. По их мнению, помимо чиновников и «силовиков» власть представляет владельцев и высшее управляющее звено крупного бизнеса, криминальные группировки – то есть тех, кто по их словам, получил доступ к «хлебным местам».

Оппозиция имеет не такое определенное «лицо». Все сходится во мнении, что оппозиционеры молоды и активны. Достаточно часто звучат сомнения в том, что они способны на какие-то реальные действия, кроме «разглагольствований». В объяснении мотивов провластные граждане чаще склонны считать, что этот «протест ради протеста», за которым не стоит никаких серьезных ценностей и задач, оппозиционеры же говорят о протесте против игнорирования их мнения при принятии важных решений. Оппозиционеры, особенно системные, часто строят свою идентичность не на позитивных основаниях, а на противопоставлении себя власти; несистемная оппозиция добавляет к портрету образованность и критическое мышление.

Таким образом, если наличие группы сторонников власти ни у кого не вызывает сомнения и группа эта имеет вполне определенное «лицо», оппозиции часто отказывают в праве на существование (все, кроме самих оппозиционеров). Респонденты говорят о том, что серьезной политической оппозиции в стране нет, а те, кто носит это имя, не вполне ему соответствуют по причине отсутствия четких целей, задачи и программы. Оппозиция в современном состоянии не вполне отвечает запросам российских граждан, поскольку не отвечает их представлениям о том, какой должна быть политическая оппозиция.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2014.
2. Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива / под рук. С. В. Патрушева. М.: ИС РАН, 2013.
3. Карпенко Л. А., Петровский А. В., Ярошевский А. Г. Краткий психологический словарь. Ростов н/Д.: ФЕНИКС, 1998.
4. Ольшанский В. Б. Личность и социальные ценности // Социология в СССР. М.: Мысль, 1966. Т. 1.
5. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии: избранные труды. М.: Педагогика, 1984.
6. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: СО РАН, 2012.
7. Ulrich P. Integrative Economic Ethics. Foundations of a Civilized Market Economy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.

Информация об авторе:

Ахматнурова Светлана Фаатовна – аспирант факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Akhmatnurova@gmail.com.

Svetlana F. Akhmatnurova – post-graduate student at the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

(**Научный руководитель: Зверев Андрей Леонидович** – кандидат политических наук, доцент факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, zveandr@mail.ru).

Academic adviser: Andrey L. Zverev – Candidate of Political Science, Assistant Professor at the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ПРОЦЕССЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Е. В. Золотарева

PROCESSES OF CRIMINALIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A POLITICAL PROBLEM

E. V. Zolotareva

В статье рассматриваются проблемы, связанные с процессами криминализации российского общества и коррумпированностью государственного аппарата. Развитие социальных институтов гражданского общества, укрепление законности и правопорядка, принятие специальных мер в рамках государственной политики противодействия криминализации и коррупции, составляет первоочередную задачу региональных и федеральных властей РФ.

The paper highlights the problems associated with the processes of criminalization in the Russian society and corruption in the machinery of the government. The development of social institutions of the civil community, the strengthening of law and order, the adoption of special measures in public policy against criminalization and corruption is the priority task for the regional and Federal authorities of the Russian Federation.

Ключевые слова: криминализация, коррупция, преступность, общество, государство, декриминализация.

Keywords: criminalization, corruption, crime, society, state, decriminalization.

Кризисный, переломный характер общественного развития сохраняется в стране с конца XX в., являясь одной из угроз безопасности Российской Федерации. На протяжении последних двух десятилетий российское общество претерпевает множество изменений во всех сферах общественной жизни, ведется активная работа по реформированию государственного аппарата, которая не могла не привести к серьезным последствиям.

В XXI столетии происходит множество общественных трансформаций. Произошли массовые дезорганизационные изменения политических институтов, отношений собственности и власти, перестройки системы социальной стратификации, смена элит, маргинализация определенных слоев общества. Тотальные изменения во всех сферах общественной жизни не могли не отразиться на экономической, политической, социальной и духовной обстановке в стране. Проходящая трансформация параллельно сопровождалась ростом числа преступлений, изменением структуры преступности, формированием организованной преступности, терроризмом, бандитизмом, коррумпированностью государственного аппарата и безнаказанным положением данных операций [3, с. 4].

Традиции прошлых столетий получили воплощение в современной России, возникшей на обломках тоталитарного строя. Следует предположить, что у тоталитарного государства и криминального есть общие характеристики, указывающие на сходство между ними. Тоталитаризм предстает в виде политического режима, на основе которого выделяется особый тип тоталитарного государства, следовательно, криминальное государство представляет собой итог развития тоталитаризма. В криминальном государстве организация публичных институтов связана с нарушением прав человека, фальсификацией результатов демократических выборов, манипулированием общественным сознанием. Криминальное государство во-

площает в себе кастовые, групповые и частные интересы, которые в свою очередь отождествляются с политическими выгодами, что способствует концентрации власти и возникновении коррупции [5, с. 127 – 135].

В политических науках проблема криминализации в настоящее время остается дискуссионной и является предметом политических разногласий. Состояние криминализации России, размах и масштабы политической коррумпированности, развитие криминальных процессов приобретают уже не правовую, а политическую направленность, вызывая тревогу даже у тех, кто сам тем или иным образом причастен к созданию преступного механизма. Необходима инкорпорация различных общественных групп в процесс декриминализации России.

В современной России распространение криминальных практик, противоречащих коренным интересам и историческим традициям привело к эскалации разрушительных социальных процессов, тотальной социальной антагонизации общества. Это вызывает нарастание социальной напряженности, девальвацию ценностей, снижение уровня законопослушания, падение уровня материального благосостояния, характеризуется ослаблением государства, утратой им ряда важных функций, децентрализацией и перестройкой силовых структур, которые приводят к ослаблению контроля над криминальными процессами. Под влиянием этих факторов нелегальные структуры стремительно трансформируются в сторону легализации. Основными направлениями изменений стали: профессионализация членов нелегальных структур; усложнение их организационной структуры; усовершенствование вооружения; укрупнение криминальных групп; укоренение в обществе криминального образа жизни.

В социуме, помимо роста числа преступлений, проявлений коррумпированности должностных лиц

публичной власти, в том числе полицейского аппарата, изменились ценности и нормы самого общества (деидеологизация общества). Преступное поведение с конца XIX в. отмечено интеграцией преступных групп и полицейских властей. По свидетельству Д. И. Ростиславова, полицейские власти «принимали подарки от воров и разбойников, любили им покровительствовать, поэтому потихоньку давали им возможность убежать даже из острогов и не преследовали их надлежащим образом, а сами между тем уведомляли их о тех, кто на них доносит» [15, с. 50 – 58].

Появление преступного (криминального) поведения, которое раньше было «закрытым» и «тюремым», в настоящее время находится в «открытом» пространстве. Происходит криминализация государственного (полицейского и чиновно-бюрократического) аппарата, способствующая массовизации преступности.

Попытка сформулировать определение криминализации представлена во многих отраслях научного знания. Так, криминализация выражается в «увеличении преступности, обострении криминогенной обстановки где-либо; проникновении криминальных элементов куда-либо, подчинение кого-либо, чего-либо влиянию преступного мира» [8, с. 1001]; как вовлечение в сферу влияния преступного мира» [13, с. 349]. Чаще всего понятие «криминализация» трактуется в уголовно-криминологических источниках знания. В теории уголовного права под криминализацией понимается признание деяния преступным и закрепление его признаков в уголовном законе, установление за него уголовной ответственности [1]. Криминализация, по мнению теоретиков уголовного права, есть такое состояние общества, для которого характерны: общий рост «организованной преступности» и ее дальнейшая структуризация; широкое распространение практики «казачных убийств», обусловленное борьбой за раздел и передел сфер влияния; контроль преступных группировок над рынками, предприятиями, отраслями экономики; массовая коррупция; наркобизнес. Ч. Беккариа понимает криминализацию как «безнравственное зло, которое порождает состояние анархии в обществе» [9, с. 13 – 14].

С социологической точки зрения, под криминализацией общества понимается «делинквентный социокультурный акт, связанный с преступлениями в «кризисные, переломные моменты жизни... общества и человека»» [9, с. 13 – 14]. Согласно представлениям отечественных ученых А. В. Артюхова и В. В. Кривошеева, криминализация характеризуется падением нравственных устоев, ростом бездуховности и цинизма» [9, с. 14]. По взглядам Э. Дюркгейма, рост криминализации общества находится в непосредственной зависимости от состояния общества и активизируется в кризисные транзитивные моменты жизни общества и человека. Э. Дюркгейм также считал, что преступность в обществе необходима, так как она связана с основными условиями любой социальной среды и поэтому в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права [4, с. 42 – 43].

С социально-экономических позиций, криминализация – это переход за определенную меру негативных процессов в обществе. Криминализация – это социальное явление, которое рассматривается как проникновение преступных действий и деятельности в различные сферы общества.

По мнению В. В. Кривошеева, «наиболее глубоко, наглядно криминализация проявляется в социально-экономической составляющей жизни общества. Состояние, функционирование институтов, уровень содержания и взаимодействия социальных групп, индивидов, иных элементов общества в экономической сфере задают характеристики связей и контактов, оказывающих воздействие на массовое и индивидуальное сознание, ценностные ориентации, предпочтения и установки индивидов» [7, с. 93 – 97].

А. В. Грачев под криминализацией понимает социальный дезорганизационный циклический процесс, представляющий угрозу трансформирующемуся обществу, характеризуемый институционализацией и воспроизводством преступности в обществе и влекущий за собой изменения его институциональных основ и массового сознания общества [2, с. 29 – 32].

В современном словаре по политологии, криминальное государство предстает в виде особого типа государства, характеризующегося определяющим влиянием преступных кругов на политику, криминализацией общественной жизни, использованием преступных элементов в качестве социальной опоры власти» [12].

Таким образом, под «криминализацией» государственного аппарата следует понимать процесс нарушения законности и сознательное нарушение должностных обязанностей административным персоналом.

Криминализация российского государственного аппарата осуществляется в двух основных направлениях: путем участия представителей организованной преступности в выборах с последующим избранием в органы власти и путем назначения представителей криминалитета на ключевые должности коррумпированными чиновниками государственного и муниципального управления [6, с. 95 – 99].

Проблема криминализации государственного аппарата тесно связана с политической коррупцией. Под политической коррупцией (электоральной коррупцией) следует понимать стадию политического процесса, на которой осуществляется завоевание (удержание) публичной власти посредством выборов должностных лиц публичной власти, избираемых голосованием граждан. Политическая коррупция трактуется как использование лицом, занимающим публичную должность, доверенных ему властных полномочий и прав, служебного положения и статуса в системе государственной власти, статуса органа публичной власти, который он представляет, в целях противоправного извлечения личной или групповой политической выгоды [11, с. 4].

Рост числа должностных преступлений выражается, например, в развитии теневой экономики и коррупции, в сплочении государственной власти с организованной преступностью, в ослаблении государственной власти и девальвации ее целей. И. М. Клей-

мёнов называет признаки государства, для которого характерны системная коррупция, массовое хищение бюджетных средств, тотальное взяточничество, узурпация политической власти путем ее прямого захвата или фальсификации на демократических выборах, называя такое государство – криминальным [5, с. 127 – 135].

Напряженная борьба политических партий и группировок, неразработанность их политических программ, участие в выборах кандидатов с криминальным прошлым, утрата доверия электората к большинству политических институтов, распространение беззакония и коррупции обуславливают быструю смену субъектов политики и нестабильность политической системы в целом. Увеличение числа административных нарушений уже само по себе говорит об асоциальной адаптации некоторых государственных служащих, бесконтрольности должностных преступлений.

Криминализация и коррупция как социально-политический процесс предстает в виде применения делинквентных (преступных) практик в массовом публичном пространстве и вовлечения в них большинства населения страны, так и отдельных социальных групп. Таким образом, существует определенная политика псевдогосударства, которая предстает в виде «жизни по законам зоны», формируя тем самым «идеологию зоны».

Криминализация и коррупция представляют собой целостность и единство современной российской действительности. Политическая коррупция является неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства и по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международном уровне и рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации [15, с. 50 – 58].

С точки зрения возможного роста криминализации общества и состояния политической коррумпированности в России, проекция сегодняшних тенденций на ближайшую перспективу может выглядеть следующим образом:

- 1) будет наблюдаться увеличение общего числа преступлений;
- 2) усиление криминализации всех без исключения слоев населения;
- 3) рост преступности будет увеличиваться главным образом за счет лиц, не имеющих постоянного источника доходов, безработных, беженцев, лиц без гражданства;
- 4) увеличится доля женщин в общем числе преступников и преступлений;
- 5) возрастет молодежная преступность, в том числе детская, преступность «помолодеет»;
- 6) увеличится доля слоев, групп населения, для которых преступность является основным источником средств существования;

7) повысится уровень интеллектуализации преступной деятельности, возрастет коррумпированность за счет вовлечения в преступную деятельность врачей, деятелей культуры, научных сотрудников, учителей, офицеров, представителей правоохранительных органов и спецслужб;

8) численно возрастет количество нелегальных структур в социостратификационной структуре;

9) возрастет качество опыта, изощренность форм и методов, в том числе конспиративных, криминальной и коррумпированной деятельности, усилится ее организованность и целостность (самовоспроизводящаяся система);

10) активизируется профессиональная преступность;

11) будет совершенствоваться процесс разделения труда и его специализация в криминальной деятельности;

12) усилятся политизация организованной преступности, возрастет опасность криминального сценария развития России;

13) усилятся связи отечественной организованной преступности с международной (транснациональной) преступностью. (Европа, Северная Америка, Ближний Восток, Китай, Турция, Прибалтика);

14) будет продолжаться дальнейший криминальный территориальный передел как внутри страны, так и за рубежом [14].

В настоящее время для Российской Федерации важным моментом остается политика декриминализации страны, в том числе политика противодействия криминализации и политической коррупции. Под декриминализацией следует понимать деятельность государства и общества, направленные на устранение причин и последствий криминализации, обеспечение такого уровня общественной защищенности от процесса криминализации, его реальных и потенциальных угроз, который не препятствует развитию государства, общества и личности [10, с. 26 – 34].

Несмотря на то, что субъектами политики принимаются во внимание Федеральный закон 2008 года «О противодействии коррупции», а преодоление криминализации государственного аппарата было названо основной задачей еще в Указе Президента от 1992 г. «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», разработаны долгосрочные программы противодействия криминализации, создаются консультативные и организационные структуры, общественные комитеты и комиссии, криминализированность и коррумпированность государственного аппарата остается высокой. Необходимо создание законодательных мер по декриминализации аппарата, применение жестких антикоррупционных методов на практике, что является важнейшим приоритетной задачей внутренней политики государства. От того как будет преодолено данное социально-политическое явление, зависит будущее современной российской государственности.

Для противодействия криминализации и политической коррупции необходим широкий спектр мер, как воздействия на причины, ее порождающие, так и устранения или нейтрализации ее последствий. Однако действенность инструментов противодействия

криминализации обеспечивается не самим фактом их наличия, а правильной организацией и своевременно-стью использования каждого из них, что может быть обеспечено только наличием единого комплексного механизма [10, с. 26 – 34].

Проблемы, связанные с распространением в РФ криминализации и выработкой системы декриминализации политики государства, находятся на стыке наук политологии, криминологии, правоведения и социологии и др. Развитие социальных институтов гражданского общества по предотвращению крими-

нализации и коррупции, поддержка региональных и федеральных властей любых инициатив со стороны различных социальных групп, направленных на сохранение общественного порядка, должно стать первоочередной задачей.

Необходимо комплексное изучение данной проблемы и поиск политических путей ее решения. Полученные результаты будут способствовать углублению научных представлений о природе государственного аппарата и способах его декриминализации.

Литература

1. Гонтарь И. Я., Козлов А. П., Кузнецова Н. Ф. Энциклопедия уголовного права: понятие преступления / под ред. В. Б. Малинина. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2010. 522 с.
2. Грачев А. В. Цикличность криминализации социально-экономической сферы общества // Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 36. С. 29 – 32.
3. Дубовцев В. В. Декриминализация российского общества: политологический аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2000. 145 с.
4. Дюркгейм Э. Норма и патология. Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/Norm_Pat.php
5. Клеймёнов И. М. Криминальное государство: введение в проблему // Вестник Омского университета. (Серия: Право). 2013. № 4(37). С. 127 – 135.
6. Красинский В. В. преступные организации (сообщества) как элемент политической системы общества // Человеческий капитал. 2011. № 3. С. 95 – 99.
7. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93 – 97.
8. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
9. Кулешова С. Н. Криминализация молодежной среды российского общества: социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2009. 166 с.
10. Литвиненко А. Н. Механизм противодействия криминализации в системе обеспечения экономической безопасности страны // Экономические науки. 2010. № 9(70). С. 26 – 31.
11. Нисневич Ю. А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003 – 2012 годах. М.: Либеральная Миссия, 2014. 2004 с.
12. Политология: краткий словарь политологических терминов / сост. Т. Н. Духина, Т. П. Болотова. Ставрополь, 2010. Режим доступа: <http://www.politike.ru/dictionary/974.gosudarstvo-kriminalnoe>
13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологий: в 35 т. Т. 6. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. 736 с.
14. Романенко М. В. Криминализм – «светлое» будущее России?! // Документы, статьи, письма. М.: Альфа, 2004. Режим доступа: http://old.sukhomlin.ru/book/297_319.pdf
15. Тонков Е. Е. Коррупция как признак криминализации власти // Криминологический журнал ОГУЭП. 2011. № 3(17). С. 50 – 58.

Информация об авторе:

Золотарева Екатерина Владимировна – аспирант кафедры политических наук КемГУ, ведущий специалист научного отдела НФИ КемГУ, zolotareva_nkfi@mail.ru.

Ekaterina V. Zolotareva – post-graduate student at the Department of Political Science, Kemerovo State University, leading specialist at the Division for Science and Research, Novokuznetsk Branch of Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Омеличкин Олег Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук ФПНИС КемГУ, comel@kemsu.ru.

Academic advisor: Oleg V. Omelichkin – Doctor of Political Science, Professor at the Department of Political Science, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 17.09.2015 г.

УДК 316.77; 070; 10.01.00

**ДИВЕРСИФИКАЦИЯ МЕДИАКОНТЕНТА В РОССИЙСКИХ МЕДИАХОЛДИНГАХ
НА ПРИМЕРЕ «РБК», «ГАЗПРОМ-МЕДИА», «НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕДИА ГРУППЫ»***А. И. Карпова***DIVERSIFICATION OF MEDIA CONTENT IN RUSSIAN MEDIA COMPANIES:
THE EXAMPLE OF RBC HOLDING, GAZPROM-MEDIA AND NATIONAL MEDIA GROUP***A. I. Karpova*

Статья посвящена проблеме диверсификации контента в российских медиахолдингах и носит прикладной характер. С помощью кейс-метода на примере российских компаний «РБК», «Газпром-медиа» и «Национальной медиа группы» автор изучает, как новейшие цифровые технологии и переориентация медиахолдингов на digital заставляет медийные компании переупаковывать свой продукт и представлять его одновременно на разных площадках. Целью исследования является выявление степени диверсификации контента и взаимной интеграции СМИ, входящих в рассматриваемые холдинги. В результате исследования были выведены и описаны модели медиахолдингов с тремя степенями диверсификации контента. Данные модели могут быть использованы медиа-менеджерами при выстраивании модели диверсификации в медиакомпаниях.

The paper is devoted to the problem of content diversification in Russian media holdings and contains applied research. Through the case-method (the example of Russian companies “RBC”, “Gazprom-Media” and “National Media Group”) the author examines how the latest digital technology makes media companies repackage their product and submit it simultaneously in different media. The aim of the study is to identify the degree of diversification of content and mutual integration of the media within media holdings. As a result the author describes three models of diversification of content, which could be also used by the media managers in their work.

Ключевые слова: стратегия диверсификации, контент, диверсификация контента, взаимная интеграция, медиаглобализация, влияние глобализации, цифровые технологии.

Keywords: diversification strategy, content, diversification of content, mutual integration, media globalization, digital technologies.

Введение

В условиях развития Интернета и цифровых технологий, снижения тиражей печатных изданий и повышения интереса аудитории к мультимедийным продуктам, медиа-холдинги вынуждены менять стратегии доставки контента до конечного потребителя. Диверсифицированные компании, имеющие активы на различных сегментах медиа-рынка интегрируют свои активы друг с другом в поисках новых форм подачи информации.

Долгий и поступательный процесс становления и развития медиа-корпорации, прежде всего, направлен на завоевание рынка и позиций в каждой из сфер медийного бизнеса. Путем диверсификации корпорация создает инфраструктуру для распространения собственного продукта – медиа-контента. Бурное развитие технологий показало, что для СМИ это означает, прежде всего, не просто кратное увеличение потенциальной и реальной аудитории, но и улучшение качества самого медиа-продукта за счет объединения нескольких носителей информации и подачи разных видов контента на различных площадках.

Все эти изменения привели к тому, что в медиа возникла конвергентная форма подачи содержания, которая включает в себя текст, звук, видео.

Целью данной статьи описание моделей диверсификации контента и взаимной интеграции СМИ, входящих в холдинги на основе кейс-метода, а также выявление степени интеграции и диверсификации – использования «переупаковки» и кросс-платформенной интеграции контента на своих площадках.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи.

1. Проведение выборки медиахолдингов для анализа.
2. Изучение портфеля активов медиахолдинга на предмет наличия СМИ из разных сфер.
3. Выявление возможных парных комбинаций между входящими в медиахолдинг СМИ, а также степень их связанности и взаимной интеграции с точки зрения использования контента.
4. Описание процессов взаимного обмена контентом между СМИ, входящими в диверсифицированный медиахолдинг.

Проблему диверсификации и «переупаковки» содержания в последние годы подробно изучали российские и зарубежные исследователи Е. Л. Вартанова [2], Е. Ю. Зизин [3], Дж. Дойл [5], А. Албарран и Дж. Диммик [7], А. Айрис и Дж. Бюген [1] и др. Стоит отметить, что российские исследователи переняли и переосмыслили зарубежные концепции диверсификации медиа контента, применительно к российскому рынку.

Принято считать, что медиакомпания может достигать выгоды за счет «переупаковки» контента в новый продукт, который может попасть к конечной новой аудитории. Так, например, по мнению Е. Ю. Зизина в медиа-холдинге, куда входит газета, радиостанция и телеканал, интервью с актуальным ньюсмейкером может быть записано на видео, аудио, а затем превращено в текст и напечатано в газете [4, с. 9]. Эти три способа подачи информации не обязательно будут повторять друг друга, а могут успешно допол-

нять. Кроме того, в данном случае может существовать и четвертый – конвергентный вариант подачи медиапродукта – публикация текстового материала на интернет-ресурсе, сопровождающаяся видео, аудио, фото или инфографикой. При этом подобная переупаковка контента не влечет за собой дополнительных затрат ни для автора, ни для медиакорпорации, поскольку в рамках одного холдинга контент, как правило, передается бесплатно между входящими в него бизнес-единицами.

Британский исследователь медиаэкономики Дж. Дойл называет такую «переупаковку» контента экономией от разнообразия [5, с. 27]. Американские исследователи Албарран и Диммик дают другое определение этому процессу [7, с. 43]. Они называют подобную интеграцию «экономией от мультимедийности» (economies of multiformity). Исследователи выделяют несколько видов стратегий, которых может придерживаться медиакорпорация, чтобы получить эффект экономии от мультимедийности. Во-первых, это выход компании на те рынки, где она ранее не имела активов.

Второй вид стратегии – так называемое, «перепрофилирование» (repurposing). В рамках этой стратегии компания, как правило, переупаковывает контент благодаря новым цифровым технологиям. После такой «переупаковки» материал, созданный одним СМИ, входящим в данную медиакорпорацию, может использоваться другим – также входящим в эту медиакорпорацию. В результате этого процесса и возникает экономия от мультимедийности [7, с. 47].

Еще одна стратегия – это совместное использование всеми СМИ, входящими в медиахолдинг, уникального и выдающегося производителя контента в рамках одного контракта. Так, например, это может быть известный журналист, одновременно ведущий программы на радиостанции и телеканале, принадлежащим одному медиахолдингу.

Главной задачей менеджмента современных медиакорпораций становится пересмотр бизнес-модели, а вслед за ней и модели подачи контента для конечного потребителя. Медиакорпорации, чтобы быть конкурентоспособными, обязаны не просто уделять большое внимание потребителям информации, но зачастую и уделять технической составляющей не меньше внимания, чем контентной.

По мнению исследователя Е. Ю. Зизина, медиакорпорации начали переход от традиционных бизнес-моделей к современным мультимедийным для того чтобы диверсифицировать продуктовый ряд [4, с. 3]. Это, в свою очередь, требует от них реконфигурации и пересмотра ресурсов.

Сложность диверсификации контента современной медиакорпорацией объясняется двумя ее экономическими особенностями. Во-первых, экономией от мультимедийности, а во-вторых – спецификой медиапродукта – его дуальностью. Медиапродукт, как отмечает Е. Л. Вартанова в книге «Медиаэкономика зарубежных стран», действует одновременно на двух рынках – товаров и услуг [2]. На первом рынке в качестве продукта выступает содержание СМИ. На втором рынке СМИ предоставляет услугу рекламодателю – доступ к аудитории. Таким образом, диверсифици-

руя и переупаковывая контент, СМИ могут адресовать его различной аудитории не только потребителей, но и рекламодателей.

Международный опыт диверсификации контента в диверсифицированных холдингах

Развитие новых медиатехнологий, в частности Интернета, привело к распространению медиаглобализации. Модели, по которым строится медийный бизнес в России и за рубежом, становятся все более похожими и процессы глобализации и дигитализации играют в этом не последнюю роль. Крупнейшие международные медиакорпорации, работающие почти на всех рынках СМИ, создаются в ответ на экономическую глобализацию. Изучая диверсификацию в российских медиахолдингах, невозможно не обращаться к опыту зарубежных компаний.

Мировой опыт диверсификации контента за последнее десятилетие имеет несколько ярких примеров. Наиболее успешными зарубежными диверсифицированными компаниями являются WaltDisneyCo., TimeWarner, NewsCorporation, NBC Universal, CBS Corp. и Viacom.

С развитием цифровых медиа многие крупные игроки медиарынка стали приобретать активы в цифровых медиа, параллельно избавляясь от активов в традиционных сферах медийного бизнеса. Как отмечают исследователи А. Айрис и Ж. Бюген, среди европейских крупных компаний немногие смогли рано и успешно выйти в цифровой сегмент. Примером этому может служить немецкая компания Schibsted и Bertelsmann, которая приобрела 5 % акций AOL [1, с. 217]. Диверсификация в разных направлениях медиа-сегментов позволила компаниям получить в результате эффективный синергетический эффект от кросс-продаж контента конечным потребителям во всех сегментах, от обмена контентом или объединения рекламных площадей.

В начале 2000-х гг. крупные концерны существенно сократили объем вложений в интернет-проекты, поскольку лопнул интернет-пузырь. Однако к 2005 г. началась вторая волна инвестирования медиакорпораций в Интернет, в частности, в технологии веб 2.0.

По мнению исследователей, успешность стратегии диверсификации во многом определяется эффектом синергии, который достигается в результате диверсификации. Так, развитие кросс-секторальной синергии стало причиной заключения многих сделок по слиянию и поглощению между иностранными компаниями в 2000-х гг. Компании скупали активы в различных областях медиабизнеса, предполагая, что кросс-продажи и продвижение результатов деятельности одного подразделения компании силами другого (например, использование интервью, взятого для газеты, на телевидении или радио) будет приносить корпорации дополнительную прибыль и станет фактором экономической устойчивости.

Принято считать, что эта стратегия в американском и европейском бизнесе не оправдала себя по двум причинам [1, с. 300]. Во-первых, крупнейшие и сильнейшие подразделения медиакорпораций, приносившие наибольшую прибыль не хотели терять само-

стоятельности и становиться зависимыми. Во-вторых, медиакомпании скупали активы в совершенно разных и далеких друг от друга отраслях, что трудно было представить, что они могут где-то пересечься по сегменту целевой аудитории и потребностям.

Одним из наиболее успешных примеров диверсификации описывают в своем исследовании Айрис и Бюген – это диверсификация французского телеведущего RTL Group [1, с. 215]. Как и многие европейские вещатели она столкнулась с необходимостью изменения бизнес-модели и стратегии развития из-за стремительно развития интернета. Доля доходов от телевизионной рекламы в середине 2000-х составляла около 60 %, и компания стремилась снизить долю доходов от рекламы в структуре выручки. Входящая в RTL Group компания M6 успешно диверсифицировала свою деятельность, в результате чего снизила доходы от телевизионной рекламы. Компания приобрела активы в области электронной коммерции, журнальное издательство, компанию по организации мероприятий. Кроме того, им удалось диверсифицировать свою деятельность благодаря приобретениям и заключениям стратегических партнерств.

В отличие от международных компаний, российские медиахолдинги гораздо позже пережили цифровую революцию, падение тиражей печатных изданий и переход на digital.

Методология исследования

Для проведения исследования нами выбраны три российских медиахолдинга с наиболее диверсифицированным портфелем активов – «РБК», «Газпром-медиа» и «Национальная медиа группа». Главным критерием, обуславливающим интерес автора к рассматриваемым медиахолдингам, является наличие в их портфеле активов на всех ключевых для рынка нишах: телевидение, радио, пресса, Интернет, продакшн.

Кроме того, рассматриваемые медиахолдинги имеют различную структуру собственности и степень взаимной интеграции активов, что также представляет интерес для исследования с точки зрения выстраивания редакционной политики и принятия управленческих решений. Так, в частности, из трех выбранных холдингов – медиахолдинг «Газпром-медиа» принадлежит государственной монополии, «Национальная медиа группа» и «РБК» принадлежат российским частным организациям с различной степенью контроля со стороны владельца. Анализ моделей диверсификации этих медиахолдингов позволит нам получить достаточно полную картину рынка, а также понять, насколько различны модели диверсификации в компаниях с разными формами собственности, и влияет ли это на принятие решений о диверсификации контента и редакционную политику.

В качестве основного метода исследования используется кейс-метод. Таким образом, в статье рассматриваются отдельные кейсы выбранных медиахолдингов – «РБК», «Газпром-медиа» и «Национальная Медиа Группа». Выявляются взаимосвязи между СМИ, входящими в медиахолдинги, а также степень взаимной интеграции активов холдингов, наличие

кросс-платформенного продвижения и использования контента.

Диверсификация контента в российских медиахолдингах («РБК», «Газпром-медиа» и «Национальная Медиа Группа»)

С приходом нового менеджмента медиахолдинг РБК ввел иную сегментацию бизнеса, исходя из новой бизнес-стратегии группы. Самым широким сегментом в структуре РБК стала B2C информация и сервисы, основанные на рекламной модели. Большая часть B2C сервисов медиахолдинга предоставляют конечному потребителю деловую и бизнес-информацию. Среднемесячная аудитория деловых сервисов медиахолдинга, по данным годового отчета компании, выросла до 34 млн человек [5].

С 2014 г. медиахолдинг, на наш взгляд, активно использует стратегию «экономии от мультиформатности» или «перепрофилирования». С появлением объединенной редакции в медиахолдинге РБК не существует разделения между журналистами, создающими контент для основного делового сайта RBC.ru, газеты и журнала РБК. Большая часть материалов в переупакованном виде выходит не только в печатном варианте – газете или журнале, но и на сайте RBC.ru, сопровождаясь различными мультимедийными форматами. Кроме того, телеканал РБК также использует эксклюзивные материалы репортеров газеты и веб-сайта для создания новостных сюжетов и разговорных программ.

При этом интернет-ресурсы РБК имеют гораздо большую аудиторию по сравнению с остальными активами медиахолдинга. Поэтому они служат площадкой для продвижения журнала, газеты и телеканала. Кроме того, медиахолдинг часто использует свои интернет-ресурсы для анонсирования эксклюзивных материалов, опубликованных в газете или журнале. Хотя РБК и не использует концепцию платного доступа к контенту, но подобные анонсы (публикация лишь части материала на интернет-ресурсах с анонсом) отчасти могут служить так называемой стратегией paywall, которую в российском медиабизнесе использует, например, медиахолдинг «Дождь». При этом печатные СМИ РБК не несут каких-либо издержек из-за того, что отдают ту часть своего контента, которая как раз может заинтересовать аудиторию данным продуктом. Безусловно, интернет-ресурс от этого только выигрывает.

Таким образом, используя стратегию связанной диверсификации и экономии от разнообразия, медиахолдинг РБК имеет одни из самых высоких показателей по количеству аудитории среди российских медиахолдингов. Благодаря такой диверсификации контента, РБК удается поддерживать высокие показатели по аудитории, а соответственно и высокие продажи рекламы. Поскольку, как уже отмечалось выше, рынок медиа является одновременно рынком товаров (таковым в данном случае является контент) и рынком услуг (рекламодатели покупают аудиторию СМИ), РБК благодаря мультимедийности и конвергенции удастся реализовывать стратегию рекламной модели.

Вторым видом контента медиахолдинга РБК являются сервисы, предназначенные для B2B аудитории. В отличие от сервисов деловой B2C информации они работают на модели платного доступа и включают в себя исследования рынков, терминалы биржевых котировок и РБК конференции. Данная модель продажи контента основана на эксклюзивности и гораздо больших затратах медиакомпаний на производство этого контента.

Третьим видом контента, производимым медиахолдингом РБК, является развлекательный контент. Он не является профильным для медиахолдинга, но в результате скупки развлекательных активов в 2000-е гг., в портфеле компании оказалось большое количество медиаресурсов, генерирующих развлекательный контент. Таким образом, контент медиахолдинга РБК является широко диверсифицированным, мультимедийным и конвергентным. «Переупаковка» и перепрофилирование позволяет ресурсам холдинга снижать затраты на производство, оставаясь при этом конкурентоспособными.

Следующий рассматриваемый нами медиахолдинг – «Газпром-медиа». В отличие от медиахолдинга РБК, контент СМИ, входящих в ГМХ не столь интегрирован. Медиахолдинг представлен во всех ключевых сферах медиабизнеса – телевидении, радио, прессе, кинопроизводстве, рекламе, кинопрокате и интернете. Основная доля СМИ, входящих в «Газпром-медиа», работает в сфере аудиовизуальной информации (телевидение и радио). Стоит отметить, что «Газпром-медиа» производит в основном развлекательный контент как в сфере телевидения (телеканалы ТНТ, 2*2, Пятница, ТВ3 и др.), в сфере радио (Авторадио, Юмор ФМ, Энерджи и другие, пожалуй, за исключением разговорной радиостанции «Эхо Москвы»), так и в области прессы. «Газпром-медиа» выпускает журналы «Караван Историй», «7 дней», «Вокруг ТВ» и другие. Поскольку основной бизнес медиахолдинга сконцентрирован в сфере телевидения, это обуславливает наличие в структуре активов медиахолдинга издаваемых телегидов. Именно издание телегидов дает медиахолдингу возможность использовать телевизионный контент для создания журнального и достигать таким образом эффекта экономии от мультимедийности. Печатный контент издательства «Семь дней», входящего в медиахолдинг «Газпром-медиа» также интегрирован. Онлайн-версии трех журналов: «Семь дней», «Караван историй» и «Коллекция. Караван историй» объединены на одной интернет-площадке. Таким образом, журнальный контент, анонсируемый и выкладываемый на онлайн-ресурс, создает дополнительную ценность для его аудитории. С другой стороны, является своеобразной рекламой для читателей печатной версии журнала.

По данным официального сайта медиахолдинга «Газпром-медиа», главным направлением деятельности холдинга является «аккумуляция и развитие медийных активов, управление не контентом, а бизнесом» [9]. Это на наш взгляд, объясняет небольшую степень интеграции активов холдинга с точки зрения контента. Стоит отметить, что СМИ, входящие в медиахолдинг «Газпром-медиа» в меньшей степени интегрированы друг с другом. Несмотря на широко ди-

версифицированный портфель компании и представленность во всех основных сферах медиабизнеса, степень мультимедийности при подаче контента ниже, чем в медиахолдинге РБК.

Третьим медиа-холдингом, выбранным для анализа, является «Национальная медиа группа». Холдинг НМГ является широко диверсифицированным с точки зрения отраслей медиа. Владеет долями «Первого канала», петербургского «Пятого канала», а также телеканала «РенТВ». В сфере печати компания владеет долей в 78 % в газете «Известия», управляет газетой Metro-Петербург. Кроме того, медиахолдинг является 100 %-м владельцем радиостанции «Русская служба новостей», а также имеет долю в компании Арт ПикчерсВижн – производителя ТВ-фильмов и сериалов.

На наш взгляд, активы медиахолдинга «Национальная Медиа Группа» являются независимыми друг от друга с точки зрения контента. Медиахолдинг не использует модель обмена контентом между своими ресурсами и СМИ, входящие в медиахолдинг не выходят под единым брендом и с единой концепцией. Как нам кажется, это может объясняться тем, что медиахолдинг «Национальная Медиа Группа» формировался путем скупки активов и долей в различных сегментах российского медиарынка, а не путем развития нескольких СМИ под одним брендом, как в случае с РБК. Кроме того, холдинг владеет лишь долями практически во всех активах, за исключением радиостанции «Русская служба новостей».

Входящие в медиахолдинг СМИ не объединены единой тематикой, как в медиахолдинге РБК. Так, например, общественно-политическая газета «Известия», издателем которой является ООО «Айньос», делает акцент на освещении общественно-политических и экономических событий.

Подконтрольная медиахолдингу газета Metro-Петербург в отличие от «Известий» специализируется на освещении городской жизни Санкт-Петербурга, а также публикует короткие новостные заметки о происшествиях, социальных проблемах жителей Санкт-Петербурга и жизни звезд. Однако «Национальная Медиа Группа» продвигает свои ресурсы друг через друга, но в гораздо меньшей степени, чем другие рассматриваемые холдинги. Так, например, на сайте газеты «Известия» рекламируется радиостанция «Русская служба новостей».

Стоит отметить, что медиахолдинг «Национальная Медиа Группа», имея широко диверсифицированную структуру с точки зрения владения активами в ключевых сферах медиабизнеса – телевидение, радио, пресса, производство фильмов и телесериалов, тем не менее, является наименее конвергентным и мультимедийным с точки зрения контента. Входящие в медиахолдинг СМИ практически не связаны между собой с точки зрения процессов производства контента. Медиахолдинг практически не использует на своих площадках кроссплатформенное продвижение своего контента и формально является лишь акционером в активах, никак не интегрируя их между собой.

Подводя итог, сформулируем модели диверсификации контента на основе кейс-метода, использованного нами при анализе взаимной интеграции

СМИ рассматриваемых медиахолдингов. Проведенный анализ позволяет обозначить три модели диверсификации контента и интеграции СМИ внутри медиахолдингов.

Первая модель – медиахолдинги с высокой интеграцией и диверсификацией контента. К такому виду холдингов можно отнести РБК. На основе проведенного анализа с помощью кейс-метода можно делать выводы о высокой степени диверсификации в медиахолдинге. Несмотря на наличие активов на всех основных рынках медиабизнеса, СМИ медиахолдинга являются высоко интегрированными и работают под одним брендом. Контент для печатных и онлайн-СМИ производится объединенной редакцией журналистов. За счет развития деловых СМИ холдинга под единым брендом и концепцией между ними сильна взаимная интеграция и диверсификация контента, что позволяет медиахолдингу достигать экономии от мультиформатности.

Вторая модель – медиахолдинги со средней степенью интеграции и диверсификации. Примером подобных медиахолдингов является «Газпром-медиа».

Входящие в холдинг активы работают в различных нишах медиарынка и не так плотно взаимодействуют между собой как в случае с РБК. Однако портфель компании настолько велик, что в ней существуют группы, активов (преимущественно работающих на одном рынке), которые являются взаимоинтегрированными и диверсифицируют контент. Типичным примером можно считать журнальные активы холдинга, сконцентрированные на одной онлайн-площадке издательства 7days.ru.

Третья модель – медиахолдинги с низкой интеграцией и диверсификацией контента. К данной модели на основе проведенного исследования можно отнести медиахолдинг «Национальная Медиа Группа». Несмотря на широкую диверсификацию бизнес-портфеля и представленность в основных нишах медиабизнеса, контент медиахолдинга «Национальная Медиа Группа» является наименее диверсифицированным с точки зрения взаимной интеграции, поскольку холдинг по большей части выступает как управляющая компания для входящих в него активов.

Литература

1. Айрис А., Бюген Ж. Управление медиакомпаниями: реализация творческого потенциала. М.: ИД Университетская книга, 2010, 650 с.
2. Варганова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран. М.: Аспект Пресс, 2003. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text11/45.htm>
3. «Газпром-медиа». О Холдинге. Режим доступа: <http://www.gazprom-media.com/ru/about> (дата обращения: 27.07.2015).
4. Годовой отчет компании РБК за 2014 год. М., 2015. Режим доступа: http://pics.v2.rbcholding.ru/rbcholding_pics/media/files/5/61/87967565871081435589638532615.pdf (дата обращения: 27.07.2015).
5. Зизин Е. Ю. Интегрированные бизнес-модели в медиандустрии: закономерности формирования и направление развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2011.
6. Зизин Е. Ю. Медиахолдинги в «цифровом» мире: диверсификация в медиаиндустрии // Вестник Санкт-Петербургского университета. (Серия: Менеджмент). 2010. № 4.
7. Albarran A., Dimmick J. Concentration and Economies of Multifirmity in the Communication Industries // The Journal of Media Economics. 1996. Vol. 9. № 4. P. 41 – 50.
8. Chan-Olmsted S., Chang B. Diversification Strategy of Global Media Conglomerates: Examining Its Patterns and Determinants // Journal of Media Economics. 2003. Vol. 16. № 4. P. 213 – 233.
9. Doyle G. Media Ownership (2002). London: Thousand Oaks; California: New Delhi.

Информация об авторе:

Карпова Анастасия Игоревна – аспирант кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, karpova010@gmail.com.

Anastasiya I. Karpova – post-graduate student at the Department of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University.

(Научный руководитель: Вырковский Андрей Владимирович) – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, a.v.vyrkovsky@gmail.com.

Academic advisor: Andrei V. Virkovskii – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 31.08.2015 г.

**МЕТОДОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО СМЫСЛОВОГО
СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА***Л. И. Левкина***METHODOLOGY FOR CREATING
THE UNIFIED CONCEPTUAL SOCIO-COMMUNICATIVE SPACE***L. I. Levkina*

Представленное методологическое кросс-дисциплинарное исследование касается языкознания, философии, коммуникологии, однако его цель лежит в сфере социологии. Задача исследования базируется на идее антропометричности языка: переход от продуцированного языком знания к когнитивным механизмам означает, что когнитивные способности человека и усвоенные им модели познания находят выражение в языке. Следовательно, языковые структуры являются источником сведений о базовых ментальных представлениях. Мы репродуцировали идею нового знания в сферу социальной информации – пониманию семантического значения понятий и их использованию в научном обиходе, определили социально-коммуникативную значимость понятий посредством применения авторской методологии. Рассмотренные понятия: социальные капитал, потенциал, возможность, резерв, запас, труд как базовый социальный процесс – имеют общее поле, основанное на коммуникативном характере их содержания. В коммуникативном сообществе рассмотренные понятия имеют общую последовательность. Главенство обнаружено в отношении понятий возможность и социальный потенциал. Понятия соотнесены в результате экспертных оценок по характеристикам «настоящее – будущее», «часть – целое», «совместный – индивидуальный». Это дает возможность единого базового понимания представленных понятий, последовательности (иерархичности) их значения для обозначения характеристик социальных процессов. Описание методологии по этапам исследования: применение метода сравнений категорий и понятий, определение полей понятий, метод экспертных оценок (соотнесение понятий по характеристикам членами коммуникативного сообщества), метод математической статистики, всеобъемлющая характеристика понятий, коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена, определение последовательности и иерархичности понятий в коммуникативном сообществе, методология исследования социально-коммуникативной значимости понятий, создание единого смыслового социально-коммуникативного пространства.

Единство контекстов употребляемых понятий – залог установления прозрачного диалога и выстраивания общего социально-коммуникативного пространства, являющегося предпосылкой единства общества в целом. Разработанная и продемонстрированная методология позволяет приближаться к созданию единого смыслового социально-коммуникативного пространства в сообществах, а затем и в обществе в целом.

The methodological cross-disciplinary research presented here touches on linguistics, philosophy, and communicology, but its main focus lies in the sphere of sociology. The research is based on the idea of the anthropometrics of language. The transition from language-produced knowledge to the cognitive mechanisms means that the cognitive abilities of human beings and the models of knowledge learned by them are reflected in the language they use. Thus, according to this view, language structures become a source of knowledge about basic mental views. We have employed this idea to bring new knowledge to the sphere of social information – in order to apply an understanding of the semantic meaning of concepts and their use in scientific contexts, we identified the socio-communicative significance of concepts using the author's methodology. The considered concepts comprise: social possibility, stock, capital, potential, reserve, resource, labour, all of which have a common field based on the communicative character of their contents. In the communicative community researched, fields have an overall sequence. Primacy was found in relation to the concepts of opportunity and social potential. As a result of expert analysis, the concepts correlate as "present – future", "part – whole", "joint – individual". This allows a single basic understanding of both the concepts presented, and the sequence (hierarchy) of their values, in order to describe the characteristics of social processes. The methodologies and research stages are as follows: comparison of categories and concepts; definition of the fields of the concepts; application of the method of expert estimates (correlation of concepts according to the characteristics of the communicative community members); application of the method of mathematical statistics; production of an analysis of the comprehensive characteristics of the concepts; application of the Spearman rank correlation coefficient; application of the methodology of sequencing and hierarchy of concepts in the communicative community; application of the methodology for determining and researching the socio-communicative significance of concepts; and finally, the application of the methodology for the purpose of creating a unified meaningful socio-communicative space.

The unification of the contents of the concepts provides a base for the establishment of open dialog and a unified socio-communicative space. This development is a precondition for social cohesion. The methodology developed and presented here allows convergence towards a unified conceptual socio-communicative space in specific communities and in the society in general.

Ключевые слова: методология определения социально-коммуникативной значимости понятий, социальный капитал, социальный потенциал, коммуникативное сообщество, поля понятий, соотношение понятий, единое смысловое социально-коммуникативное пространство.

Keywords: methodology for determining the socio-communicative significance of concepts, social capital, social potential, communicative community, fields of concepts, correlation of concepts, unified conceptual socio-communicative space.

Введение

Актуальность нашей исследовательской работы связана с тем, что до настоящего времени механизм воздействия сообщений на индивида или общество в целом недостаточно изучен. Поэтому для теории социальной коммуникации особое значение приобретает предварительное исследование и выявление ее частных функций с учетом разнородности коммуникативных средств и способов коммуникации. Это важно в том числе для конкретных сообществ и их социальной коммуникации.

Теория любой науки содержит три аспекта – онтологический, гносеологический и методологический. Мы применяем многоаспектный подход, позволяющий всесторонне и предельно детально изучить предмет, исследовать причинно-следственные связи между его значимыми характеристиками.

Онтологический аспект, как мы понимаем его применительно к социологическим знаниям, обращен к исследованию реальности бытия общества, его частей и отдельных индивидов. Гносеологический аспект обращен к научной аргументации, подтверждающей гипотезу, критерии истинности выводов и наблюдений, что в результате позволяет обосновать предмет исследования и сформулировать проблематику научного поиска.

Предметом социологических исследований является, в том числе и социальная информация, значимость которой изучается в некотором общественно важном контексте. В отношении социальной коммуникации реально существующими и оказывающими влияние на жизнь общества представляются цель и назначение социальной информации, которая регулирует социальное взаимодействие в обществе. Методологический аспект исследования акцентирует внимание на выборе релевантных методов для оценки явления или отношения к чему-либо, имеющих место в обществе.

Для научного исследования применены: сравнительный метод, метод математической статистики, экспертных оценок, применен коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена в конкретной логической последовательности.

В данной работе мы поставили **цель** – продемонстрировать авторскую методологию определения и изучения социально-коммуникативной значимости понятий создания единого смыслового социально-коммуникативного пространства.

Предмет исследования: социально-коммуникативная значимость понятий: возможность, запас, капитал, потенциал, резерв, ресурс, труд; методология выявления.

Гипотеза: предлагаемая методология позволяет определять и изучать социально-коммуникативную значимость понятий, их соотношения, устанавливая

поля понятий, выстраивать их иерархию, а также создавать единое смысловое социально-коммуникативное пространство.

Задачи исследования:

- определить и изучить социально-коммуникативную значимость понятий;
- установить соотношения между рассматриваемыми понятиями, их полями;
- выявить последовательность и иерархию понятий, имеющих значение для сообщества, внутри которого основной проблемой на каком-то этапе времени является то или иное поле понятия;
- проследить значение понятий для обозначения характеристик социальных процессов;
- исследовать пути создания единого смыслового социально-коммуникативного пространства.

1. Социально-коммуникативная значимость изучаемых понятий

В современной науке социальной коммуникации накоплено много понятий, отражающих социальную составляющую в теоретической концепции общественной системы: «социальный ресурс», «социальный капитал», «социальный потенциал», «человеческий ресурс», «трудовой потенциал», «интеллектуальный капитал» и др. Их постепенное проникновение в понятийный аппарат свидетельствует о возрастании и роли социальной подсистемы жизнедеятельности и ее влияния, что связано в том числе с выделением социально-коммуникативной системы в отдельный предмет рассмотрения. Универсального подхода к определению каждого понятия не существует. Это объясняется не только их сложностью и динамичностью, но и тем, что гуманитарные науки, внося свой вклад в их исследование, расставляют различные акценты и придают свою специфику их определению.

Следовательно, возникает необходимость конкретизировать эти понятия и выявить взаимосвязи между ними, в частности, в современной стадии общественного развития. Для этой цели выбрана определенная методология исследования социально-коммуникативной значимости изучаемых понятий.

Понятие "*социальный капитал*" было введено в широкий научный оборот П. Бурдье в статье "Формы капитала" для обозначения социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения выгод. Согласно его представлениям, социальный капитал является продуктом общественного производства, материальных, и, следовательно, классовых практик, средством достижения групповой солидарности. Он является групповым ресурсом и не может быть измерен на индивидуальном уровне [2, с. 66].

В трактовке и применении указанного понятия отечественными и зарубежными учеными имеются существенные различия. Российский исследователь

С. В. Патрушев полагает, что социальный капитал – это способность людей ради реализации общей цели работать совместно, он образуется в результате взаимодействия ценностей и установок людей, их отношения друг к другу [18, с. 204].

Также социальный капитал рассматривается как основа либерального общества, а его экономическое значение заключается в уменьшении издержек на организацию совместной деятельности. Социальный капитал заменяет контракты, нормы и бюрократические процедуры отношениями доверия, принятыми работниками профессиональными стандартами и культурой коммуникаций. Подобно другим видам капитала, он приводит к появлению дивидендов, если активно выполняется. Для индивида есть личные выгоды: поддержание здоровья, обеспечение и воспитание детей, возможности поиска работы, удовлетворенность жизнью, получение бытовых услуг, понятность и когнитивная простота мира, связанная с общей картиной мира в сообществе. Организация получает такие преимущества, как снижение текучести кадров, преемственность персонала, неформальные возможности повышения квалификации, накопление профессиональной информации и воспроизведение общепринятого поведения. На самом высоком уровне рассмотрения улучшается социальный контроль и более эффективно перенимается опыт, появляется единение, а также происходит удешевление бюрократической машины [20, с. 34].

Рядом исследователей социальный капитал рассматривается в контексте социальной экспертизы [15, с. 173]; в контексте воспроизводства рабочей силы [5, с. 151]; также исследуются проблемы развития и оценки социального капитала с точки зрения повышения эффективности государственного управления [9, с. 6].

Социальный потенциал определяется как одна из частей национального человеческого потенциала и национального богатства, сюда входят общественные, политические, религиозные и иные институты, которые накапливают творческую энергию сообществ и организаций, а также обеспечивают общественную функцию нации. Развитие этих институтов определяет уровень развития общества и качество политической системы [19, с. 5]. Как мы видим, понятие «социальный потенциал» указывает на то, что возможности, связанные с наличием большого количества отдельных индивидов в стране, общности или популяции могут быть не востребованы и не оценены с точки зрения перспектив развития социума. Также здесь присутствует весьма высокий уровень анализа – на уровне страны или нации, то есть, видимо, значимость этого социального феномена или того, что подразумевается под ним, велика с точки зрения сохранения и воспроизводства больших групп.

В отношении понятия «*социальный ресурс*» мы также обнаружили разногласия ученых. Социологи, изучающие общество как большие группы, сообщества, трактуют это понятие как возможность изменения (повышения или понижения) социального статуса, ранга или места в социальной иерархии. Причем эти возможности определяются, как правило, экономическими возможностями, которые имеет отдельный ин-

дивид. Следовательно, достаток и есть экономический ресурс, обеспечивающий социальный статус. Социальные ресурсы также определяются должностью, престижем, образованием и т. д. [8, с. 12].

Другое восприятие понятия отражает его в некотором роде психологическое содержание: это запасы творческой энергии личности (социальные, познавательные, деятельностные), социальной организации и общества как содружества людей, организаций, институтов и социальных групп. Социальные ресурсы определяют то, как будут расходоваться и восполняться другие ресурсы нации, страны, организации или сообщества в зависимости от того, с чем имеет дело исследователь.

Социальные ресурсы имеют особенности: они неисчерпаемы и целиком возобновляемы. Важным свойством социальных ресурсов является их востребованность, влияющая на то, как они воспроизводятся. Нет однозначного критерия того, насколько социальные ресурсы могут быть оценены как достаточные или дефицитные [16, с. 127].

Систематизируя взгляды ученых на специфику данных категорий, можно выделить их особенности в зависимости от степени глубины исследования социальных явлений.

Новая философская энциклопедия [17, с. 422] дает следующее определение понятия «*возможность*» – это направление развития, присутствующее в каждом жизненном явлении. Как нам представляется, это лишь тенденция, которая может быть реализована или нет, и относится к будущему вероятно, а не как обязательная категория. Понятие «*социальные возможности*» коррелируется с понятием «социального государства»: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [12, с. 18].

Понятие «резерв» объясним, обратившись к Большому энциклопедическому словарю. Резерв определяется как: запас чего-либо на случай надобности; источник, откуда черпаются новые средства и силы. Также в Большом энциклопедическом словаре мы уточнили содержание понятия «запас». Это то, что запасено или указывается, что это синоним слова резерв. Мы можем заключить, что понятие резерв используется в общественных сферах, иногда для описания нематериальных накоплений. В таких сферах, как: экономика, политика, финансы, маркетинг и т. д. Понятие запас чаще используется в обыденном смысле или в отношении тех сфер, которые имеют отношение к материальным предметам и вещам. *Резервы социальные* это реальные неиспользованные возможности количественного и качественного развития общественного организма [13]. Предложим авторское определение социального запаса. *Социальный запас* – это заготовленная (накопленная) для будущего совокупность материальных, финансово-экономических ценностей, чьих-либо знаний, социальных и духовных сил, которые могут быть использованы при определенных условиях и необходимости для развития социума.

Все рассматриваемые нами категории имеют некое общее содержание. Они подразумевают уже совершившиеся или совершаемые или предполагаемые

к совершению процессы накопления, обогащения, хранения, прироста средств, имущества, финансов, общественных связей и отношений, творческой энергии сообществ и их членов. Казалось бы, категория «труд» имеет мало отношения к рассмотренным ранее. Однако обратимся подробнее к данному понятию.

Толковый словарь Д. Н. Ушакова предлагает такое определение понятия «труд»: это «целесообразная деятельность человека, работа, требующая умственного и физического напряжения», работа, требующая умственного и физического напряжения; занятия и заботы; результат труда или произведение. Как мы видим, здесь присутствует указание на осознанную деятельность, связанную с приложением сил [21].

Понятие «*социальный труд*» редко употребляется в научной терминологии в ряду рассматриваемых нами понятий. Однако сам труд формулируется как базовый социальный процесс, и естественная потребность для общества заключается не в самом действии, а «в потребительской ценности процесса труда как создателя общественного богатства и прогресса, способа удовлетворения общественных и личных потребностей, формирования и совершенствования каждой конкретной личности» [7].

Воспроизводство социальной жизни влечет за собой ее овеществление, преобразование цивилизации из потенциально возможной в уже существующую, которая являет собой конкретные объекты и явления. Овеществление социальной жизни реализуется благодаря человеческому труду. Социальное создается, совершенствуется, изменяется, разрушается и вновь создается трудом. К. Маркс определял труд как "всю человеческую деятельность". Поэтому овеществленное, созданное "предметное бытие" может рассматриваться как аккумуляция "человеческих сущностных сил" [10, с. 95].

Таким образом, мы дали определения понятиям, которые требуется соотнести и сравнить.

2. Методы исследования соотношения понятия и полей понятий

В таблице 2 представлены результаты соотнесения категорий или понятий, описанных выше. Все они означают «средство» и «возможность», которыми можно воспользоваться. Но есть ряд отличий: мы считаем, что капитал должен приносить прибыль. Социальный капитал также должен давать результат, измеряемый в количественных значениях, например, количество последователей, клиентов, непосредственно прибыль и т. д. Ресурс – это тоже средство, возможности, которыми можно воспользоваться. Например, социальный ресурс – запас нематериальных движущих сил развития, социальных связей, социальных институтов, обслуживающих функционирование экономики. Но ресурс может быть вызван, а может остаться в запасе. Мы обнаружили, что потенциал – это тоже совокупность средств, источников и возможностей не только существующих, но и скрытых. Можно обобщить рассмотренные понятия и сделать следующие выводы.

1. Капитал – это та часть запаса, резерва, ресурса или потенциала, которая используется, появляется и приносит прибыль.

2. Ресурс – более широкое понятие; он может использоваться либо не использоваться; может воспроизводиться или не воспроизводиться; может приносить либо не приносить прибыль.

3. Потенциал – наиболее широкое понятие; кроме запаса, резерва, ресурса, капитала в него включаются еще и скрытые возможности, в т. ч. трудовые.

Под «потенциалом» мы понимаем «совокупность всех имеющихся внутренних возможностей (в т. ч. источников) кого-либо / чего-либо в какой-либо области, которые могут быть использованы в случае необходимости с какой-либо целью; степень мощности возможного проявления какого-либо действия, какой-либо функции в каком-либо отношении» [14, с. 53]. Поэтому категория «потенциал» имеет более точный смысл при описании явления, содержащего в себе аспекты всех рассматриваемых нами понятий. В научных публикациях встречаются термины «социальный потенциал», «человеческий потенциал», «трудовой потенциал», «интеллектуальный потенциал» и др. Все вышеназванные понятия имеют общие части или пересекаются. Так, в состав человеческого потенциала входят: совокупность знаний, умений и мотиваций населения, накопленный запас здоровья, общекультурная и профессиональная компетентность, творческая, и гражданская ответственность [5]. Частями интеллектуального потенциала являются: знания, умения и творческие данные индивидов, их образовательно-квалификационный уровень [19, с. 107]. *Социальный потенциал* – наиболее широкое из этих понятий: совокупность многих общественных возможностей – демократичных, образовательных, профессиональных, социально инфраструктурных и других [5]. Понятие *социальный капитал* как полное понятие может использоваться для оценки и прогнозирования всех подсистем жизнедеятельности общества.

Мы представили общее, по нашему мнению, содержание исследуемых понятий: запас, возможность, капитал, резерв, ресурс, потенциал, труд. Разделили их по отношению к характеристикам, которые могут быть полями понятий: настоящее – будущее, целое – часть, совместный – индивидуальный.

В таблице 2 представлены итоги нашего исследования по результатам экспертных оценок, полученных в результате опроса 12 человек. Выборка однородна по социальному составу (преподаватели вузов) и возрасту (38 – 56 лет), все мужчины.

Данная таблица подлежит анализу с помощью методов математической статистики с целью выявления позиций респондентов в отношении связи исследуемых понятий по выделенным нами признакам. В рамках данной работы мы лишь отметим видимые тенденции. Можно заключить, что характеристики, по которым мы просили оценить понятия, дают самое общее представление о субъективном их восприятии. Можно разделить понятия по характеристике «настоящее – будущее». Так понятия «социальный капитал», «социальный ресурс» и «труд» большинством респондентов отмечены как имеющие отношение к настоящему. К будущему большинство респондентов отнесло понятия «возможность», «резерв» и «запас». Поровну ответов в нашей выборке получило понятие социальный потенциал.

Особенности определения категорий «потенциал», «капитал» и «ресурс» в социальной сфере

Характеристика понятия	Потенциал	Капитал	Ресурс
	1) совокупность всех имеющихся средств, возможностей, производительных сил и т. д., которые могут быть отнесены к какой-либо сфере; 2) скрытые способности, силы для какой-либо деятельности, могут проявиться при определенных условиях	1) все то, что используется для развития, но может не быть непосредственно задействованным; капитал состоит из ранее произведенного продукта; 2) совокупность средств, приносящих прибыль	1) количественная мера возможности выполнения какой-либо деятельности; условия, позволяющие с помощью определенных преобразований получить желаемый результат; 2) средство и возможность, которыми можно воспользоваться в случае необходимости
Социальный	Социальный потенциал – совокупность общественных воздействий: демографических, образовательных, НИП, профессиональных, социально-инфраструктурных и других, которые имеет страна или регион в будущем	Социальный капитал – комплекс общественных связей, создающихся на основе неформальных ценностей, норм и понятий, которые разделяют члены социальных групп, создают между ними определенную массу доверия, эффект социальной поддержки и сотрудничества	Социальный ресурс – характеристика некоторого запаса нематериальных сил развития, социальных связей, сформировавшихся в обществе, и социальных институтов, обслуживающих функционирование экономики
Человеческий	Социальный потенциал – характеристика некоторого запаса нематериальных сил развития, социальных связей, сформировавшихся в обществе, и социальных институтов, обслуживающих функционирование экономики	Человеческий капитал – имеющийся запас способностей и мотиваций, включая образованную часть населения, их знания, инструментарий интеллектуального и управленческого труда, место существования трудовой деятельности	Человеческие ресурсы – совокупность рабочих с высокой квалификацией для разработки или поддержки продукта или сервиса. Человеческие ресурсы: человек + человеческий потенциал (опыт, компетенции, интеллект, способность к развитию)
Трудовой	Трудовой потенциал – существующий сегодня, а также предполагаемые трудовые возможности, которые имеют численность, возрастные структурные, профессиональные, квалификационные и другие характеристики персонала предприятия	Трудовой капитал – способность работника приносить прибыль своим трудом, усовершенствовать процесс и технологию производства, участвовать в удешевлении себестоимости продукции и способствовать росту ее продаж	Трудовые ресурсы – часть населения по физическому развитию, приобретенному образованию, профессиональной квалификации способные заниматься общественно полезной деятельностью
Интеллектуальный	Интеллектуальный потенциал – совокупность знаний, умений и творческих способностей индивидов, их образовательный и квалификационный уровень, позволяющий усваивать и создавать новые знания	Интеллектуальный капитал – знания, навыки и опыт конкретных людей и нематериальные активы, включая патенты, базы данных, программное обеспечение, товарные знаки и др., которые продуктивно используются в целях максимизации прибыли и других экономических результатов	Интеллектуальные ресурсы – совокупность элементов интеллектуального потенциала, способных не только включаться в процесс производства, но и производить на него опосредованное действие через науку и технический прогресс

Результаты соотнесения понятий «социальный потенциал», «социальный капитал», «социальный ресурс», «возможность», «запас», «резерв», «труд» по результатам экспертных оценок

<i>Понятия</i>	<i>Оценка, количество ответов «настоящее/будущее»</i>		<i>Оценка, количество ответов «целое/часть»</i>		<i>Оценка, количество ответов «совместный/индивидуальный»</i>	
Социальный потенциал	настоящее будущее	6 6	целое часть	3 9	совместный индивидуальный	12 0
Социальный капитал	настоящее будущее	10 2	целое часть	10 2	совместный индивидуальный	11 1
Социальный ресурс	настоящее будущее	7 5	целое часть	9 3	совместный индивидуальный	11 1
Возможность	настоящее будущее	2 10	целое часть	10 2	совместный индивидуальный	3 9
Резерв	настоящее будущее	5 7	целое часть	9 3	совместный индивидуальный	10 2
Запас	настоящее будущее	5 7	целое часть	9 3	совместный индивидуальный	10 2
Труд	настоящее будущее	10 2	целое часть	8 4	совместный индивидуальный	9 3

По характеристикам «часть – целое» получены следующие результаты. К целому отнесены понятия «социальный капитал», «социальный ресурс», «возможность», «резерв», «запас», «труд». Частью некоей целой сущности, по мнению большинства, является социальный потенциал.

По характеристике «совместный – индивидуальный» получены следующие результаты. По характеристике «совместный» большинство ответов получено в отношении понятий «социальный потенциал», «социальный капитал», «социальный ресурс», «резерв», «запас», «труд». Понятие возможность большинством респондентов охарактеризовано как индивидуальное.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что понятия имеют общее поле, так как ответы, данные подавляющим большинством, свидетельствуют о

наличии общего понимания и содержания, которое вкладывали респонденты в одни и те же понятия.

Мы проследили последовательность «понятие – поле понятия – информация – коммуникация – сообщество», внутри которого основной проблемой на каком-то этапе времени является именно это поле понятия.

Для реализации этой задачи мы предложили испытуемым расположить слова по степени всеобъемлемости характеристики накопленного обществом багажа, который используется и может быть использован при определенных обстоятельствах для его развития. Мы сообщили им, что необходимо расставить эти понятия в динамике или в развитии. Результаты по всем респондентам представлены в таблице 3.

Таблица 3

Последовательность понятий «социальный потенциал», «социальный капитал», «социальный ресурс», «возможность», «резерв», «запас», «труд» в представлениях опрошенных

<i>Порядок понятий</i>						
1	2	3	4	5	6	7
Возможность	труд	социальный капитал	социальный ресурс	запас	резерв	социальный потенциал
Возможность	труд	социальный ресурс	запас	резерв	социальный потенциал	социальный капитал

Здесь требуется подтверждение того, что последовательность представлена нами достоверно. Поэтому мы подсчитали коэффициент ранговой корреляции, подтверждающий согласованность экспертов, или сочли за истину, что испытуемые расставляют понятия в общей последовательности. Критическое значение для коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена для выборки, состоящей из 12 человек, находится в пределах значений 0, 497 до 0,78; полученное нами значение равно 0,52. Следовательно, результат достоверный, последовательность, которая была выстроена, является согласованной у экспертов.

Заключение

В заключение следует отметить, что проведенное нами исследование носит кросс-дисциплинарный характер. Оно касается вопросов языкознания, философии, социологии, коммуникологии.

В настоящее время общепризнана идея антропометричности языка – для большинства языковых структур представление о человеке принято за естественную точку отсчета. Данная научная парадигма требует новых принципов при анализе языка и его построений. Сущность когнитивного подхода в данном аспекте заключается в том, что язык рассматри-

вается как система, составляющая суть природы человека... тесно связанная с мышлением и духовно-практической деятельностью человека, его личностью и знанием о мире [22, с. 98; 1, с. 18].

Смыслом этого направления являются «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации» [4, с. 21]. Возможность перехода от продуцированного языком знания к выводам, касающимся когнитивных механизмов, основано на тезисе когнитивной лингвистики, который сообщает, что когнитивные способности человека и усвоенные им модели познания находят выражение в языке; следовательно, языковые структуры являются важным источником сведений о базовых ментальных представлениях (Дж. Лангакер, Дж. Лакофф) [6, с. 4].

В нашей работе мы попытались, в т. ч. репродуцировать идею нового знания в применении к социальной информации – пониманию семантического значения ряда понятий и оправданному их использованию в научном обиходе, а также определить их социально-коммуникативную значимость посредством применения авторской методологии. Рассмотренные нами понятия «социальный капитал», «социальный потенциал», «социальная возможность», «социальный резерв», «социальный запас», «труд» как базовый социальный процесс имеют общее поле, основанное на коммуникативном характере их содержания. Коммуникативный характер познания – есть один из важнейших результатов философии XX века. «Место трансцендентального субъекта, конституирующего реальность посредством априорных форм, занимает научное сообщество, порождающее знание в процессе коммуникации» [3, с. 82]

Привлеченные нами к исследованию респонденты являются членами коммуникативного сообщества. В коммуникативном сообществе рассмотренные нами понятия имеют общую последовательность: возможность, труд, социальный капитал, социальный ресурс, запас, резерв, социальный потенциал. «Провала» понятий не выявлено. Главенство обнаружено в отношении понятия *возможность* (понятие стоит на первом месте) и *социальный потенциал* (понятие является конечным в ряду). Равенство понятий выявлено в отношении категорий *труд* и *возможность*, а также в отношении понятий *социальный ресурс* и *социальный капитал*. Это дает нам возможность единого базового понимания представленных понятий, последовательности (иерархичности) их значения для обозначения характеристик социальных процессов. То, что понятно определенным группам в обществе, должно быть одинаково истолковано другими. Наша работа отчасти явилась источником базовых ментальных представлений об интересующих нас понятиях.

В статье приведены определения рассмотренных категорий. Понятия соотнесены в результате экспертных оценок по характеристикам «настоящее – будущее» (социальный капитал, социальный ресурс, труд и возможность, резерв и запас соответственно; потенциал занял среднюю позицию); «часть – целое» (социальный капитал, социальный ресурс, возможность, резерв, запас, труд и социальный потенциал соответственно); «совместный – индивидуальный» (социальный потенциал, социальный капитал, социальный ресурс, резерв, запас, труд и возможность соответственно).

Полученные результаты могут быть положены в основу дальнейшего исследования общего поля (семантического пространства) и оценки ряда понятий, в частности, по признакам близости, силы и взаимосвязей понятий.

Рис. Методология определения и исследования социально-коммуникативной значимости понятий

Мы полагаем, что для понимания общего поля ряда понятий также может быть применен метод контент – анализа. Наиболее точным, на наш взгляд, является метод семантического дифференциала, который позволяет выделить структуру представлений о предмете, объекте или явлении. В перспективе мы предполагаем применять эти методы для оценки и понимания последовательности, общего поля понятий, их соотнесения и

установления иерархичности. В рамках данной работы мы применили авторскую методологию, которую можно схематично представить на рис.

Сообщества состоят из отдельных личностей, говорящих на понятном им языке, употребляющих определения в общем для них контексте. Единство контекстов употребляемых понятий является залогом установления прозрачного диалога и общего социаль-

но-коммуникативного пространства, которое является предпосылкой единства общества в целом. Разработанная нами и продемонстрированная методология с использованием кросс-дисциплинарного подхода позволяет приближаться к созданию единого смыслового социально-коммуникативного пространства в сообществах, а затем и в обществе в целом. Мы можем констатировать потребность современной науки, изу-

чающей социальные структуры и процессы, в современном применении знаний, методов, методик всех отраслей науки в целом. Это позволяет добиться не только глубинности и многоаспектности рассмотрения социальных структур и процессов, но и добиться общего устойчивого и бесконфликтного развития общества в целом.

Литература

1. Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15 – 26.
2. Бурдые П. Формы капитала / пер. с англ. М. С. Добряковой; Бурдые П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги); пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. 680 с.
3. Гутнер Г. Б. Коммуникативное сообщество и субъект коммуникативного действия // Философия науки. М.: ИФ РАН, 2005. № 11. С. 82 – 108.
4. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17 – 33.
5. Дискин И. Е. Социальный капитал в глобальной экономике // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 150 – 159.
6. Жежерова В. П. Когнитивное исследование лексико-семантического поля неуверенности в английском языке: на материале глаголов. Петропавловск-Камчатский, 2006. 227 с.
7. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991. 446 с.
8. Ильин В. В. Власть // Вестник МГУ. (Серия 12: Социально-политические исследования). 1992. № 3. С. 3 – 19.
9. Клищ Н. Н. Повышение результативности деятельности государственных служащих: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008.
10. Козлова О. Труд в социальной жизни // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 6. С. 95 – 115.
11. Конечкая В. П. Социология коммуникаций. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. 304 с.
12. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ» 26 января 2009. № 4. 445 с.
13. Кутта Ф. Резервы роста производительности труда. М.: Изд. ин. лит., 1962. 250 с.
14. Левкина Л. И. Коммуникативный потенциал – исследование понятийно-терминологического аппарата // Коммуникология. 2013. № 2. Т. 2. С. 51 – 64.
15. Луков В. А. Социальное проектирование. М.: Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии: Флинта, 2003. 240 с.
16. Мельников В. П., Холостова Е. И. История социальной работы в России. М.: Дашков и К, 2004. 344 с.
17. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль. Т. 1 / под ред. В. С. Стёпина. 2001. 640 с.
18. Патрушев С. В. Социальный капитал // Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах: опыт сравнительного исследования / под ред. Т. В. Павловой и С. В. Патрушева. М.: ИСПРАН, 2005. 226 с.
19. Подберезкин А. Человеческий капитал. Т. 1: Идеология опережающего развития человеческого потенциала. М.: Европа, 2007. 464 с.
20. Сивуха С. В. Капитал социальный // Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
21. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940. 860 с.
22. Язык и структуры представления знаний: сб. / отв. ред. Ф. М. Березин и Е. С. Кубрякова. М.: РАП, 1992. 163 с.

Информация об авторе:

Левкина Лилия Ивановна – кандидат педагогических наук, докторант, доцент кафедры общественных связей и медиаполитики факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИГСУ РАНХиГС), LevkinaLI@gmail.com.

Liliya I. Levkina – Candidate of Pedagogics, Doctoral Candidate, Associate Professor at the Department of Public Relations and Media Policy, Institute of State Service and Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Статья поступила в редколлегию 31.08.2015 г.

СВОБОДА ИНФОРМАЦИИ И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ В ЕВРОПЕ И РОССИИ В XVI – XIX ВВ.

Л. И. Левкина

THE FREEDOM OF INFORMATION AND THE DEMOCRACY DEVELOPMENT IN EUROPE AND RUSSIA IN THE 16TH – 19TH CENTURIES

L. I. Levkina

Одной из базовых основ демократии является право человека на информацию и свободное информационно-коммуникативное взаимодействие. Становление принятого сегодня международного и национальных законодательств в Европе и России длилось несколько столетий и было тесно взаимосвязано с геополитическими, военными, экономическими событиями, трансформациями государственного управления, изменениями социальных структур и общественных настроений, с демократическими преобразованиями или событиями, имевшими признаки демократии. Ретроспектива этого процесса кратко систематизирована в данной статье. Хронология рассмотрения основывается на принятии государствами важнейших по пути к демократическим изменениям законодательных актов, провозглашавших свободу слова, печати, информации.

One of the basic foundations of democracy is the Human right to information and free informative and communicative interaction. The formation of the international and national legislation adopted today in Europe and Russia lasted for several centuries and was closely linked to the geopolitical, military and economic events, to the transformation of public administration, changes in social structures and social attitudes, to the democratic reforms and developments. The chronology of this process is briefly summarized and systematized in this paper. It is based on the states' adoption of the most important legislative enactments on the way to democratic changes which declared the freedom of speech, press and information.

Ключевые слова: социология, информация, демократия, признаки демократии, право на информацию, свобода информации, свобода печати, свобода слова, страны Европы, Россия, цензура, история права на информацию, свободу слова, коммуникация, коммуникативный потенциал, свобода слова как личная свобода, кросс-дисциплинарное исследование.

Keywords: sociology, information, democracy, signs of democracy, right to information, freedom of information, freedom of the press, freedom of speech, European countries, Russia, censorship, history of the right to information and freedom of speech, communication, communicative potential, chronology of the formation of the right to information, history of the right to freedom of expression, freedom of speech as the freedom of the individual, communicative potential, cross-disciplinary research.

Демократические государства сегодняшнего дня отличаются бесспорно утвержденным правом человека на информацию. В этот же дискурс неоспоримо входит и необходимость утверждения права на свободу информационно-коммуникативного взаимодействия внутри разнообразных сообществ и между ними, социальных коммуникаций. Дискуссия разворачивается в плоскости необходимости/отсутствия необходимости и/или меры установления границ участия и вмешательства государства в реализацию этих прав непосредственно самим государством, средствами массовой информации, частными лицами. Вместе с тем история поднимаемого вопроса и ее современная трактовка неоднозначны.

О праве. Во-первых, право исторически сопровождало процесс разделения общества на «сильных» и «слабых», регулируя пределы допустимых действий всех сторон. Во-вторых, право стало потребностью для определения объема собственности, форм владения и степени эффективности распоряжения ею. В-третьих, с развитием производительных сил и общественных отношений право выступает серьезным фактором взаимоотношений между властью и населением не только как производственно-экономический фактор, но, что важнее, как психологический, определяющий порядок общественного устройства, состояния социума в целом и отдельных сообществ.

Естественной природной чертой человека априори является его свобода, проявляющаяся в течение всего исторического периода в разных странах, в разной степени и рамках, с разной степенью возможностей проявления. Важно, что этот феномен присущ человеку от рождения и навсегда. С самого появления на свет человек общается с окружающим миром – это его естественная потребность и среда бытия. Первый опыт общения с другим человеком, с сообществом также характеризуется полной свободой и наращиванием или же сужением коммуникативного потенциала. С дроблением социума на «сильных» и «слабых», на правящих и управляемых доступ к информации, которой обладают правящие, и возможности информационно-коммуникативного взаимодействия начали ограничиваться. Для установления равновесия в общественных отношениях на протяжении всей истории разных стран стали появляться как ограничивающие, так и разрешительные правовые акты.

Природная свобода человека характеризуется природной свободой коммуникаций, информационно-коммуникативная деятельность пронизывает все сферы человеческой деятельности, функционирование социальных структур, сообществ и общества в целом. Здесь уместно привести два определения. Первое: «коммуникативный – относящийся к общению, трансактной передаче информации в виде интеллектуаль-

ных сигналов, знаков, символов от человека к человеку». И второе: «коммуникативный потенциал – совокупность всех имеющихся внутренних возможностей личности (в т. ч. средств, источников) в области общения (трансактной передачи информации в виде интеллектуальных сигналов, знаков, символов от человека к человеку), которые могут быть использованы в случае необходимости с целью взаимодействия через общение; степень мощности возможного проявления коммуникационной функции личности потенциально (в будущем) в отношении других людей» [14, с. 53].

Важно, что коммуникативный опыт человека включен в процесс осознания и интраверсии свободы человека.

Любым изменениям в области права на информацию, усилению или ослаблению цензуры предшествовали или сопутствовали глобальные политические, социальные, экономические или военные события. В данной статье представлены результаты кросс-дисциплинарного исследования описанного выше вопроса. В него включены императивы таких отраслей научного знания, как: философия, социология, право, страноведение, политология, история, география. Все вышесказанное дает нам основание для выстраивания схемы, позволяющей подтвердить тот факт, что свобода человека является как истоком права на информацию и коммуникацию, так и ее устьем, результатом или причиной демократических изменений в стране в целом, а также основой накопления и реализации информационно-коммуникативного потенциала человека, сообществ, общества.

Период нашего исследования относится к XVI – XIX вв., географические границы представлены некоторыми странами Европы (Великобритания, Германия, Дания, Норвегия, Польша, Франция, Швеция) и Россией; рассматриваемый уровень принятия решений – государственный. Под сообществами мы здесь понимаем властные элиты и население государств. Названия государств в тексте статьи приводятся в соответствии с принятыми сегодня.

Польша

Вопросы свободы и социального равенства в Польше следует рассматривать особо. Уже в XVI в. здесь начала формироваться «шляхетская демократия», что в конечном итоге в XIX в. привело к оформлению гражданского общества.

В Польше в 1532 г. были проговорены постулаты актов о свободе прессы [5, с. 42 – 73]. Этому предшествовали следующие глобальные для государства события: Польско-тевтонская война 1519 – 1521 гг. (завершилась подписанием четырехлетнего перемирия, после окончания которого из владений Тевтонского ордена создано Герцогство Пруссия (1525 г.), что закреплено в «Краковском мире»; битва при Мохаче (битва с турками чешско-венгерского короля Людовика (Лайоша) Ягеллона, 1526 г.), после которой влияние династии Ягеллонов было утрачено, а территория к югу от Польши разделена между Турцией и Австрией; битва при Обертыне (1531 г.), в которой польские войска под командованием Сигизмунда

Старого победили войско Молдавии под знаменами князя Петра Рареша.

Наиболее исторически важными шагами Польши по развитию демократии в рассматриваемый период были следующие.

В начале XVI в. в Польше осуществился переход к фольварочно-барщинной системе (система ведения феодального хозяйства и земельных отношений, основанная на получении по феодальному праву владельцем крупного землевладения ренты с колонистов – держателей его земли), причиной чего явилось политическое укрепление среднепоместной и мелкой шляхты. В это же время на фоне столкновения шляхты, магнатов, церковных феодалов оформилась сословная монархия. В 1501 г. магнаты добились выхода Мельницкого *привилея*, в результате чего королевская власть попала в полную зависимость от сената. Высшие должностные лица и высшие духовные иерархи – представители интересов крупных феодалов, являли состав сената. Однако, в 1505 г. шляхта выработала Радомскоую конституцию, лозунгом которой было: «Никаких нововведений» (*Nihil novi*). Согласно конституции законы могли быть приняты только с согласия двух палат вального (общего) сейма, ставшего высшим законодательным органом, который именно в пользу феодалов мог ограничивать королевскую власть. Верхняя палата – сенат. Посольская изба – нижняя палата, представляла собой собрание шляхты (земских послов), которые избирались на шляхетских сеймиках (собрание шляхты одного воеводства). Посольская изба со временем укрепила свои позиции. Однако от участия в сейме были устранены и города, и крестьянство.

Заметим, что уже в XV в. в Польшу проникло гуситское учение. Но вскоре гуситскому движению был придан радикальный характер, в результате чего появились приверженцы анабаптистских идей. Стяжательство католического духовенства и методы его феодальной эксплуатации привели к реформации. Со второй половины 20-х гг. XVI в. в анабаптизме держали верховенство представители непротивленчества и мирного сектанства. В конце XV – начале XVI в. Бернат из Люблина, разоблачавший папскую церковь, направил свои учения против феодальной эксплуатации. Немецкая часть населения польских городов придерживалась лютеранства. В конце 30-х гг. XVI в. шляхта и часть влиятельных магнатов поддержала идеи реформации. Светские феодалы стремились к независимости от государственной власти, что привело их к кальвинизму. Радикальные общины кальвинистов взяли на вооружение лозунг о праве сословно-представительных учреждений не повиноваться королевской власти. Одновременно представители шляхетско-кальвинистской реформации не допускали изменений и новшеств в области феодального строя. Даже наиболее просвещенные умы того времени допускали умеренную феодальную эксплуатацию крестьян. В связи с этим ряд мещан и крестьян, придерживавшихся демократических идей, примкнувших сначала к кальвинизму, отошли от него и образовали новое направление реформации – арианство, или антитринитаризм (отрицание троичности божества). Последователи этого течения впоследствии называли

себя «польскими братьями». Итак, борьба магнатов, шляхты, церковной феодальной верхушки происходившая на фоне поисков демократических начал среди интеллигенции, народа и иных сословий средневековой Польши завершилась во второй половине XVI в. политическим компромиссом. Конституция Польского государства (1569 – 1573 гг.), укрепила политическую роль шляхты, однако могущество духовного и светского феодального верховенства подорваны не были.

Как видим, важнейшее для нашего исследования событие в Польше 1532 г. – Закон о свободе прессы, – было исторически обрешено поисками и первыми шагами государства по пути к демократии. Борьба магнатов, шляхты, церковной феодальной верхушки происходившая на фоне поисков демократических начал среди интеллигенции, народа и иных сословий средневековой Польши завершилась во второй половине XVI в. политическим компромиссом. Конституция Польского государства (1569 – 1573 гг.), укрепила политическую роль шляхты, однако могущество духовного и светского феодального верховенства подорваны не были.

События, происходившие в Польше в XVI в., повлекли за собой необходимость выработки новых правовых взаимоотношений для обмена информацией как внутри государства так и с внешними респондентами: австрийцами, венграми, молдаванами, турками и др. Демократические признаки сопровождалась возросшей ролью коммуникационных процессов.

По итогам 2014 г. Польша признана страной с полной демократией [3].

Швеция

Швеция, одна из немногих стран, в которой в последние годы Средневековья был отмечен высокий уровень национального самосознания. Дворянство и крестьяне являлись основными социальными сословиями монархии. Крестьянам принадлежала половина земли, крестьянские посланцы находились в составе шведского парламента – Риксдага на условиях отдельного сословия. Монархия защищала крестьянство от тяжелого бремени эксплуатации. Заигрывая с крестьянами, высшая власть обеспечивала себе поддержку. В такой обстановке в 1776 г. Швеция принимает первый в мире Закон о свободе прессы. Более демократичным правом являлся доступ граждан к информации, находившейся у государственных органов.

1718 – 1772 гг. в истории Швеции обозначается как «Эра свободы». В этот период с 1765 по 1769 гг. и в 1772 г. власть принадлежала правительству партии «младших колпаков». Партии, основанной в начале 60-х гг. удалось осуществить некоторые социально-экономические нововведения: установлено равенство сословий, при продвижении по службе, введена широкая свобода печати. В нашем прочтении именно эти изменения носили демократические признаки. Следующий период с 1772 по 1809 гг. носит название «Эпоха Густава»: «Впервые в мировой истории в законодательном порядке была отменена цензура, гарантирована свобода выражения мнений и предоставлена свобода доступа к источникам информации, прежде всего, к официальным документам» [15, с. 14].

Закон о свободе изданий в 1812 г. был преобразован в Закон о печати. Заметим, что Финляндия с 1150 по 1809 гг. являлась частью Шведского королевства и применяла шведский Закон 1766 г. о свободе прессы [7, с. 141, 1; 6, с. 160]. В следующем веке в Швеции воцарилась либеральная конституционная монархия. В стране началась индустриализация, строительство железных дорог, получило распространение школьное образование.

Демократические перемены отмечены реформой 1866 г., их содержанием явилась отмена представительной системы четырех сословий и введение двухпалатного законодательного органа, состоявшего из элиты и 20% мужского населения страны. В соответствии с реформой 1907 – 1909 гг. избирательными правами стали пользоваться все мужчины, являвшиеся налогоплательщиками. Тогда же был создан институт уполномоченных, контролировавших соблюдение законов и принимавший жалобы на чиновников.

Смена эпох, кардинально изменявшая политический вектор государства и максимально трансформировавшая настроения социума, предопределяла потребность в свободном обмене информацией и принятии Закона о свободе печати, который в течение всего рассматриваемого периода был в поле зрения шведского законодательства. Доступ граждан к документам государства – один из ярких шагов по направлению к демократии на европейской арене.

Сегодня в соответствии с индексом демократии журнала «Economist» в 2014 г. Швеция находится на втором месте в мире.

Дания и Норвегия

Дания является страной с развитыми демократическими принципами. Однако к демократическим элементам путь был крайне сложен. 1702 г. (при Фридрихе IV) ознаменован отменой крепостного права. Но уже в 1731 г., при Христиане VI, закон 1702 г. был истолкован таким образом, что за крестьянами, подлежащими воинской повинности, не сохранялось права перехода, переход рассматривался как дезертирство. В то же время помещикам предоставлялось право сдавать рабочих в солдаты. В 1733 г. действие закона 1702 г. было отменено полностью. Дворянам было дозволено в виде улучшения и расширения хозяйств сносить крестьянские дворы. Воцарился дух нетерпимости. В 1735 г. введены строжайшие предписания, касающиеся всех сфер жизни населения. Для наблюдения за предписаниями учреждена коллегия генеральной церковной инспекции, обладавшая инквизиционными правами, в том числе правом высшей цензуры над книгами. Фридрих V разделил общинные земли, прикрепил крестьян к оседлости. Оказывалось государственное покровительство торговым компаниям и монополиям. Король был недоступен для народа. При Христиане VII в 1770 – 1771 гг. реакция была приостановлена. Первые попытки демократизации общества были сделаны Министром Струензе, который включил в свою программу: провозглашение полной свободы печати, уничтожение цензуры, роспуск частного совета короля, отмену различия между сословиями при определении на должность, большую независимость суда, отмену пыток, упрощение делопроизводства.

производства и судопроизводства и т. д. Однако в 1771 г. Струэнзе был предан суду и казнен. Восстановился прежний порядок [2].

Вместе с тем в Дании проводились реформы (философия просвещения), которые преследовали своей целью модернизацию общества. В 1788 г. была отменена крепостная зависимость.

Лишь в середине XIX в. самая древняя в Европе монархия несколько трансформировалась: не будучи полностью упраздненной, она органично вплелась в политическую жизнь государства. Фредерик VII подписал первую в стране конституцию, а Кристиан IX утвердил парламентаризм. В 30 – 40-е гг. XIX в. отмечены признаки первых политических объединений. В конце столетия появился ряд «старых партий», т. е. установлена многопартийность. С конца XIX в. наблюдается традиция выбирать руководство Фолькетинга согласно составу действовавших партийных. Отметим также, что многопартийность не мешала находить справедливый консенсус, что берет свое начало в 1894 году, когда был основан т. н. компромисс (forlig).

Дания – одна из тех стран, где конституционная монархия уживается с демократическими принципами. Уже в 1770 – 1771 гг. здесь была полностью отменена цензура. Несмотря на фиаско преобразований Струэнзе, заложенные им демократические принципы нашли свое выражение спустя более, чем 100 лет в форме так называемого «компромисса», а сегодня Дания – на пятом месте в мире среди полностью демократических стран. Первое место отведено Норвегии.

С 1397 по 1814 г. существовала уния между Данией и Норвегией.

Дания управляла политикой. Норвежские крестьяне платили налоги королю, находящемуся в Копенгагене. Норвегия, как и Дания, испытала на себе недолгосрочный глоток свободы, выразившийся в реформах датского государственного деятеля И. Ф. Струэнзе.

1814 г. – важный год в норвежской истории. 17 мая этого года Норвегия получила свою собственную конституцию. В начале XIX в. одна из самых больших войн того времени велась между Англией и Францией. Дания – Норвегия выступила на стороне Франции, которая войну проиграла. Король Дании уступил Норвегию Швеции, выступавшей на стороне Англии. Союз со Швецией не помешал Норвегии сохранить свою конституцию, имевшую внутреннее самоуправление. Королем обеих стран был король Швеции. В XIX в. в Швеции происходило развитие городов и индустриализация. В 1905 г. уния со Швецией была прекращена. Вновь образованное государство Норвегия управлялось до 1957 г. датским принцем Хоконом. Уже в 1884 г. был установлен парламентаризм. А еще раньше в 1859 г. действовал законопроект, который разрешал членам правительства участвовать в заседаниях Стортинга с правом совещательного голоса. В этот же период сформировались две партии Венстре и Хёйре, которые имели своих представителей в парламенте. К 1898 г. избирательное право получили все мужчины страны. Женщины получали права поэтапно [4].

Франция

Развитие демократии во Франции, по мнению ученых, носит конфликтный характер. Конфликт создается в результате высокой дифференциации общества на фоне отсутствия развитых демократических практик.

Уже во второй половине XVI в. в период гугенотских войн, в ходе которых два лагеря феодальной знати – гугеноты и католики, ставившие своей целью ограничение королевской власти, появились первые элементы демократии. В соответствии с Сен-Жерменским миром (1570 г.) в итоге первых трех религиозных войн гугенотам достались четыре крепости, они могли занимать государственные должности, вождь гугенотов вошел в состав правительства. Антиабсолютистские настроения привели к формированию в юго-западных территориях Франции Гугенотской конфедерации городов, высшим органом которой стали Генеральные штаты, образованные съездом гугенотов в 1575 г. Итоги борьбы: свобода вероисповедания, организация отделений в судебных палатах провинций. Это вызвало новую волну войн, в результате которых была основана Католическая лига. В 1594 г. на французский трон возшел Генрих IV Бурбон, принявший католицизм. Войны были завершены Нантским эдиктом 1598 г. Гугенотские войны в исторической литературе принято называть гражданскими.

Развитие придворного общества, эволюция его институтов – значительная черта в истории французской абсолютной монархии. Борьба между королем и пребывавшей в волнениях знати явились основной характеристикой в государственных изменениях. Двор, реагируя на усиление королевской власти, значительно влиял на направление государственного развития Франции. С. Д. Сказкин писал, что «факты о [придворных] заговорах не заслуживают внимания» потому, что «ими полна вся история Франции XVI – XVII вв.» [17]. Однако отметим, что при Людовике XIII и Ришелье придворная борьба явилась главным расшатывающим фактором по пути к абсолютной монархии и сыграла гораздо большую роль, чем непродолжительные крестьянские восстания. Свидетельством тому – практически ежегодные заговоры против короля и кардинала, политическая эмиграция дворян, вооруженные мятежи, инициированные придворными, а также случаи вмешательства в политическую борьбу Франции иностранных держав. Дворянство считало возможным выдвигать политические требования к короне, будучи привилегированным сословием.

Ришелье стремился ограничить власть дворянства, лишив многих привилегий, введя крайне высокие налоги, в результате чего во Франции разразились бунты населения. В 1628 г. Ришелье осадил Ла-Рошель и сломил сопротивление протестантов. Позиции Франции укреплялись. Войны 1635 – 1648 гг. завершились полной победой Франции. Развивалась промышленность, военный и торговый флот страны. Самая абсолютная монархия в Европе была установлена Людовиком XIV – Королем-Солнцем. Он провел целый ряд успешных войн. В 1685 г. отменил Нантский эдикт, в результате чего вновь возникли конфликты на религиозной почве. После смерти Людови-

ка в 1715 г. Франция в результате войн практически обанкротилась.

В XVII в. во Франции сложилась система феодальных производственных отношений, характеризующаяся денежной реформой феодальной ренты. Крестьяне были юридически свободны, но фактически зависимы от сеньориальной юрисдикции – по земельно зависимыми держателями, на крестьянина возлагались отдельные повинности. Земля переходила по наследству, но все сделки ограничивались правами сеньора: земля не подлежала выкупу. Сеньору уплачивался ценз. Арендаторы также подвергались сеньориальному принуждению. Все повинности выражались в денежных платежах. Но все же крестьянское хозяйство обходилось без помощи рынка. Натуральное хозяйство оставалось основой его деятельности. Это привело к значительной узости внутреннего рынка, что препятствовало развитию промышленности. Дворяне продолжали эксплуатацию крестьян. На высокие церковные должности назначались представители знатных фамилий, выкачивавшие из своих должностей определенную выгоду. Дворянство и духовенство, таким образом, были тесно связаны. Церковные земли и т. н. десятины являлись их значительными доходами. Молодые представители знати устраивались в армию, получая значительное королевское жалование. Аристократическая знать покидала свои поместья и оседала в Париже также на условиях больших окладов, превращаясь в придворных короля. Средством для их содержания являлись различные формы феодальной повинности, в частности поборы с крестьянских хозяйств. Крестьяне, таким образом, кормили четыре класса феодалов: придворную аристократию, духовенство, сельских дворян и военных. Этот доход и составлял единую массу прибавочного продукта, неравномерно распределявшегося между четырьмя категориями, что являлось причиной серьезных раздоров между ними. Во второй половине XVII в. во Франции отмечается рост крупных предприятий – королевских мануфактур. Верхние слои городского общества стали называться буржуазией. Подмастерья объединялись в тайные союзы по профессиям. Частыми стали стачки против хозяев. Наблюдается рост классовых противоречий. Рабочий класс во Франции формируется из пауперизированного сельского населения. Начался медленный процесс первоначального накопления. В жизни приморских городов все большая роль стала отводиться крупному купечеству. Торговля и промышленность считались занятием неблагородных, ротюрье. Большая часть накоплений буржуа перенаправлялась в сферы, свободные для капитала от налогов и социальных нагрузок. Буржуазия приобретала дворянские домены и целые сеньории; покупала государственные и муниципальные должности; ссужала накопленные средства в долг, который возвращался с огромной прибылью. Возникло крестьянское сопротивление, которое в течение позднего средневековья нарастало. Плебейство было союзником крестьян. В этих условиях только воссоединение буржуазии и народных масс могли превратить стихийную борьбу антифеодальных сил в революцию. Препятствие этому объединению стало главной задачей абсолютизма. Это происходило на

фоне разгрома французской армии в ходе Семилетней войны (1756 – 1763 гг.) и потери военной мощи страны. Обладая экономическим могуществом, зажиточные буржуа мечтали о политической власти в стране. Привилегированные же сословия – духовенство и дворянство отвергали всякие реформы, утопая в роскоши. Предпринимательством занималась только небольшая часть дворян, и она готова была пойти на уступки для третьего сословия. Развитие рыночных отношений разрушало барьеры между сословиями, расшатывало политическую и социально-экономическую системы абсолютизма. Наблюдалось и дальнейшее развитие торговли. Рассеянная мануфактура заняла верхнюю позицию в промышленности непосредственно перед 1789 г. Отмечено значительное увеличение оборотов, рост оборотов внешней и внутренней торговли. Начала развиваться колониальная торговля. Но Франция продолжала оставаться аграрной страной. Более 75 % доходов в казну приносило сельское население. Однако поборы с крестьян еще более усилились в семидесятые-восемидесятые годы, когда дворяне подверглись разорению. Назревала революция. Её ход был приближен угрозой государственного банкротства, голодом, явившимся последствием ряда неурожайных лет, разразившимся торгово-промышленным кризисом. Монархия была вынуждена созвать нотаблей, а затем и Генеральные штаты, которые не собирались с 1614 г. Третье сословие взяло верх в период собрания и провозгласило Генеральные штаты Национальным собранием. Собрание было объявлено неприкосновенным. К третьему сословию примкнули дворяне либералы во главе с герцогом Орлеанским. Собрание трансформировалось в Учредительное и провозгласило право на новый политический конституционный строй. Это случилось 9 июля. К Парижу стали стягиваться королевские войска – инициативу взяли на себя парижане. 14 июля крепость Бастилия была взята. Абсолютизм пал. Утверждена конституционная монархия. Парижский муниципалитет возглавила крупная буржуазия, к которой присоединилось либеральное дворянство.

26 августа 1789 г. Учредительным собранием была принята Декларация прав человека и гражданина, предусматривавшая правовую свободу и равенство всего населения Франции. Ст. 11 Декларации: «Свободное сообщение другим мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; поэтому всякий гражданин может свободно высказываться, писать, печатать, неся ответственность за злоупотребление этой свободой в случаях, установленных законом» [10].

Попытка Конвента Франции установить государственное регулирование права на информацию в конце августа 1794 г. была кратковременной. После заседания 29 термидора Тальен произнес: «Не приняв и не осуществив полностью лозунг «Свобода печати или смерть», мы остаемся подлыми рабами капризов и тиранических замашек первого попавшегося из облеченных властью. Никакая свобода не может существовать в стране, в которой можно закрыть все уста, сломать все перья, заключить в оковы мысль... Если вас лишат этой свободы, все наши учреждения извратятся, тираны восторжествуют...» [21]. Ферон, в свою очередь, провозгласил, что «только при наличии сво-

боды печати сможет осуществиться во Франции подлинная демократия». «Свобода печати – продолжал Ферон, – существует на деле только тогда, когда она безгранична, всякое ограничение свободы равносильно ее уничтожению». Когда в конце августа конвент принял, по настоянию вождей термидорианцев – Тальена и Ферона – постановление о свободе печати, Якобинский клуб решительно высказался против этой меры, которая «загубит террористическое правительство» [8].

После взятия Бастилии во Франции широко развернулось движение «друзей конституции» или, другими словами, якобинского клуба. Затем появился Клуб кордельеров – «Общества друзей прав человека и гражданина». Париж наводнился «народными обществами» с участием представителей самых бедных слоев населения. Высокую популярность приобрела газета «Друг народа».

Революция во Франции закончилась в 1795 г. установлением режима Директории после государственного переворота восемнадцатого брюмера.

Франция была разделена на 83 департамента, которым были предоставлены возможности самоуправления. Руководство возлагалось на выборные исполнительные коллегии. При этом действовал принцип имущественного ценза. Новые законы способствовали развитию торговли и промышленности.

События, произошедшие во Франции, продемонстрировали революционную силу свободы печати, информации, свободного слова и ее прямую угрозу террористическому диктаторскому способу управления государством и обществом.

Великая французская революция в полной мере не воплотила в жизнь провозглашенные ценности демократического государства. Однако демократические принципы в течение всего XIX в. реализовывались в процессе революций. Но революционные преобразования сводились к политическим вопросам.

Сегодня Франция, являясь полупрезидентской республикой с двухпалатным парламентом, признана страной с несовершенной демократией и находится на 29 месте по индексу демократии.

Германия

Борьба за демократические начала прослеживается в Германии с раннего периода. В XIV в. в ряде городов состоялись "цеховые революции" – борьба ремесленников с патрициями. В некоторых городах, где победили ремесленники, произошли перемены в общественной жизни: ремесленники добились участия в советах.

Демократические элементы в политической истории Германии заключены и в «Каролине» (1532 г.) – Уголовном уложении Карла V. Курфюрсты добились того, что каждый император при избрании должен был принимать выработанные ими условия, ограничивающие его власть. Введены избирательные права, избирательные мандаты, прообразы сегодняшних наказов избирателей. Эти условия с XVI в. получили название "избирательных капитуляций" и сохранялись в практике выборов германских императоров до конца XVIII в. [20, с. 240 – 243]. Одним из элементов демократического устроения в рамках интере-

сующей нас темы был факт уничтожения в 1815 г. предварительной цензуры. Беспрецедентному решению предшествовали исторические события. Антинаполеоновское движение в Германии характеризовалось созданием тайных союзов, распространением политической литературы, партизанским движением. Целью организации Тугендбунд («Союз благоденствия») стало возрождение родины. Ее члены считали, что возрождение следует начинать с возрождения армии и военной мощи Пруссии и Германии. Реформа образования стала второй задачей и преследовала цель единения нации. Солидарность, самостоятельность, инициативность – вот лозунг реформы образования. Реформа 1808 – 1810 гг. была основана на гуманистических идеалах. В 1813 г. была создана коалиция, состоявшая из России, Пруссии, Англии, Швеции, Позже Австрии. Ее целью был разгром наполеоновских войск. К России и Пруссии присоединились Англия и Швеция, в августе 1813 г. Австрия. 16 – 19 октября 1813 г. под Лейпцигом «Битва народов» закончилась победой коалиции. Власть Наполеона над Германией была окончательно потеряна. После победы союзники собрались в Вене на конгресс, чтобы определить послевоенное устройство Европы. 8 июня 1815 г. был подписан акт о создании Германского Союза. В Союзном акте, дополненном заключительным актом Конгресса, в определенной мере были учтены права на свободу информации и печати. Однако союзное постановление 1819 г., принятое на основании решения Карлсбадской конференции, восстановило цензуру во всех государствах Германского союза. Революция 1848 г. вновь уничтожила цензуру. После австро-пруссской войны 1866 г., в которой Пруссия одержала победу и присоединила ряд немецких княжеств, Германский союз распался. Был создан Северогерманский союз – федеративное государство с формой правления в виде дуалистической монархии. Конституцией 1868 г. провозглашен Северогерманский Союз, учрежден Федеральный Совет (Бундесрат), формировавшийся главами земель, и Рейхстаг, избиравшийся народом, на основе всеобщего избирательного права, а также должность Государственного Президента, которым являлся Король Пруссии. Началось введение всеобщего избирательного права при выборах в ландтаги.

В 1870 г. провозглашена Германская империя. Конституция подчинила печать общеимперскому своду законов. Победоносная война с Францией (1870 – 1871 гг.) принесла Германии южногерманские государства, прусский король Вильгельм был провозглашен германским императором. Германия объединена "Железом и кровью". Возникли политические партии: Социалистическая рабочая партия Германии, либеральные Немецкая прогрессивная партия и Национально-либеральная партия, консервативные Немецкая партия центра и Немецкая консервативная партия.

В 1874 г. подписан имперский закон о печати, отменивший местные постановления, принятые ранее во всей германской империи (кроме Эльзас-Лотарингии), и указание о предварительном разрешении. «Законом о социалистах» 1878 г., действовавшем до 1890 г., были постулированы дополнительные ограничения свободы печати, преследовались социал-демократи-

ческая печать и собрания. Это вызвало подъем стачечного движения и трехкратный рост голосов за социалистов на выборах в Рейхстаг. Полицией было вменено запрещение произведений печати, направленных на ниспровержение государственного и общественного строя и угрожающих социальной стабильности. За годы действия закона было распущено 350 рабочих организаций, арестовано – 1500, выслано – 900 человек, что заставило правительство отменить закон [19]. В 1890 г. началась «тридцатилетняя война» между социал-демократами и консервативными партиями, что служило очагом нестабильности в Рейхстаге. Был отменен бисмарковский Вельфский фонд, созданный для подкупа прессы.

1888 – 1918 гг. – правление Вильгельма II, сторонника военной экспансии Германии. Его царствование было ознаменовано усилением роли Германии как мировой промышленной, военной и колониальной державы, и действиями, направленными на объединение Германии.

Он обладал дипломатическими способностями, благодаря которым: намечалось сближение власти с умеренными социал-демократами; кратковременно разряжена напряженность по колониальным вопросам; подготовлена почва для мирных отношений с Францией в области научных, социальных и художественных интересов; упрочены экономические связи (в 1891 г. заключены торговые договоры между Германией, Италией и Австро-Венгрией с привлечением Швейцарии и Бельгии). В Берлине состоялась международная конференция (участвовали: Германия, Англия, Франция, Италия, Швейцария), ознаменовавшая «начало новой социальной эры» (Жюль Симон), начавшейся с рассмотрения Рейхстагом закона об охране рабочих, реорганизации податной системы, уничтожения привилегии крупных землевладельцев, коренного преобразования школьного дела. Именно в это время германская промышленность получила наибольшее развитие.

В 1914 г. Германия вступила в Первую мировую войну.

Объединение государства, приращение новых земель, экономический и промышленный рост, укрепление международных отношений и дипломатических связей, усиление военной мощи Германии были бы невозможными на фоне нарастания и без того чрезмерной социальной напряженности внутри государства. Поэтому отношение к праву на информацию было неоднозначным: правительство то усиливало цензуру, то шло на уступки разных социальных структур в целях подавления становившегося открытым общественного бунта и сглаживания угрозы социальной нестабильности. Несмотря на сложнейшую политическую ситуацию в Германии XVI – XIX вв. в ее истории прослеживаются некоторые шаги по направлению к демократии, в том числе и по отношению к праву на информацию.

Федеративная парламентская республика, парламентская демократия, двухпалатный парламент – такова характеристика Германии, страны с полноценной демократией в современный период.

Россия

Обратимся к периоду коренной модернизации государства – правлению Петра I. Предпосылками этому являлись: закрепленное крепостное право (1649 г.), бунты стрельцов (1682, 1696 гг.), проигранная Битва при Нарве и др. Преобразования включали в себя: реорганизацию системы государственного управления и общественных отношений, реформирование армии, создание современного флота, развитие производств и торговли, основание образовательных и научных учреждений. Высшим совещательным органом при царе становился Сенат и Коллегия. Северная война открывает России восточное побережье Балтийского моря. Российская империя объявлена в 1721 г.

После 1725 г. (смерть Петра I) наступил период дворцовых переворотов и бироновщины; в реалии властвовал олигархический Верховный Тайный Совет.

Восхождение на престол Елизаветы принесло России временную политическую и социальную стабильность (особо отметим установление моратория на смертную казнь).

Вольность дворянству, веротерпимость, значительное приращение земель, успешные завоевательные войны, обоснование на Американском континенте принесла власть немки Екатерины II (1762 г.). Под началом Екатерины действовали такие великие государственные деятели, как Державин, Ломоносов, Суворов, Ушаков и др. Тем не менее в период ее правления состоялось Пугачёвское восстание.

Основными событиями XIX в. явились Отечественная война 1812 г. и Восстание декабристов. Россия инициировала возникновение Священного Союза (1815 г.). В ее состав вошли центральные польские территории, а также Варшава. Власть императора Александра распространилась на Финляндию (1809 г.), Бессарабию (1812 г.), Азербайджан (1813 г.). Создаются министерства, открываются лицеи. В 1803 – 1806 гг. совершено Первое русское кругосветное путешествие. 1820 г. – открытие Ф. Беллинсгаузеном Антарктиды.

Восстание декабристов 1825 г. прошло под лозунгом «Свобода, равенство и братство». После провала восстания император Николай I занял более консервативную позицию. В 1830 г. состоялось Польское восстание, после которого его стали величать «душитель свобод». Опорой трона становятся разночинцы. С переменным успехом ведутся военные действия с Турцией.

В это же время в России возводится первая Николаевская железная дорога. Во второй половине XIX в. в правление «умеренного реформатора» Александра II отменено крепостное право (1861 г.), введена всеобщая воинская повинность (1874 г.), расширено местное самоуправление, в состав России вошли Чечня и Дагестан (1864 г.), Узбекистан, Туркмения, происходит «замирение» Кавказа. В результате успешных войн против Турции на Балканах Сербия и Болгария становятся независимыми (1878 г.). Этот же период характеризуется революционным террором («Земля и воля», «Народная воля»).

Крупных военных действий в период правления Александра III – миротворца Россия не вела.

Впервые в 1897 г. законодательно введено нормирование рабочего дня.

В разрезе рассматриваемой нами темы подробнее мы остановимся на следующем. В 1804 г. Александр I утвердил первый в Российской империи устав о цензуре. Из этого документа, кроме рестрикций относительно изданий, мы узнаем, что цензура существует «не для стеснения свободы мыслить и писать, а единственно для принятия пристойных мер против злоупотребления оною», а спорные части необходимо осмысливать «выгоднейшим для сочинителя образом, нежели преследовать» [18]. Отсюда становится понятно, что Александр I, во многом мыслящий в традициях екатерининского Просвещения, в определенной мере допускал право человека на информацию.

«Устав 1826 г., прозванный «чугунным» (*изданный при Николае I – Л. Л.*), в 1828 г. был заменён новым, сравнительно более мягким, построенным на том принципе, что цензура не должна давать «какое-либо направление словесности и общему мнению; она долженствует только запрещать издание или продажу тех произведений словесности, наук и искусств, кои вредны в отношении к вере, престолу, добрым нравам и личной чести граждан» [12].

Между 1855 – 1861 гг. Александр II снял определенные ограничения на свободу печати. «Цензорам вменялось в обязанность трактовать в пользу сочинителя те места в тексте, которые будут сочтены ими «двойными по смыслу». Согласно уставу запрещению подлежали все сочинения, «противные православной религии и самодержавному строю». «Если же в цензуру прислана будет рукопись, – отмечалось в одном из параграфов Устава, – исполненная мыслей и выражений, явно отвергающих бытие Божие, вооружающая против веры и законов Отечества, оскорбляющая верховную власть или совершенно противная духу общественного устройства и тишины, то комитет немедленно объявляет о такой рукописи правительству для отыскания сочинителя и поступления с ним по закону». При цензурных конфликтах арбитром выступал Совет университета. Обжаловать решение университетской цензуры можно было в Главном правлении училищ, ставшем высшей инстанцией по делам цензуры» [9, с. 16].

Подробно останавливаясь на демократических страницах российской истории, считаем необходимым упомянуть о демонстрации исконного свободолюбия и способности русских самоуправляться, которую продемонстрировала вечевая демократия Новгорода и Пскова, а также многолюдные стихийные собрания в Белгороде Южном (997 г.), Москве (1382 г.), внегородской военный совет новгородцев (1228 г.), которые состоялись в противовес политике легитимных городских сходов, это также узкосословные собрания городского плебса в Новгородской республике в 1228, 1291, 1338, 1418 гг., в Нижегородском княжестве в 1305 г. К ним же относятся анархические «рыночные» собрания на Торгу в Киеве и западнославянских землях. В противовес общепризнанному мнению, что родиной европейской демократии является Англия, позволим себе иное предположение. Поскольку Россия захватывает часть Европы, часть Азии и Северный полюс, причислим себя к евроазиатскому

сообществу. В этой связи весьма важным является мнение академика В. Л. Янина о том, что «форму управления в виде „вечевого строя“ или „боярской республики“, ограничивавшие власть князя, можно датировать «моментом заключения прецедентного (принимаемого за образец) договора с князем Рюриком» (согласно летописи, 862 годом)» [22, с. 41]. В этой связи позволим себе претендовать на статус страны, качающей колыбель демократии.

Однако считается, что демократические традиции в России весьма слабы. Мы всегда жили в стране не с правовым строем, а со строем, в основе которого были, пожалуй, и есть отношения господства и подчинения.

Периоды российской истории, характеризующиеся возможной политической борьбой, влиявшие на принятие важнейших исторических решений являют собой российскую демократическую традицию. После феодальной раздробленности и до революции 1917 г. это следующие эпизоды:

- 1) Смутное время;
- 2) земские соборы, и отдельно Собор 1648 – 1649 гг.;
- 3) либеральные реформы Александра II;
- 4) революция 1905 – 1907 гг. и возникновение русского парламентаризма;
- 5) революция 1917 г. до разгона Учредительного собрания.

В этот перечень условно можно отнести также «затею верховников» 1730 г., проекты М. М. Сперанского, восстание декабристов. Однако поскольку эти эпизоды не вызвали массовых движений и не были их проявлениями, мы отнесем их к условно демократическим эпизодам российской истории.

Поистине судьбоносные события, происходившие в России в XVI – XIX вв., позволяют нам говорить о возникшей необходимости широкого информационно-коммуникационного поля и активной социальной коммуникации для их осуществления. Захватнические и оборонительные войны, череда дворцовых переворотов, приход к власти представителей не только других государств, но и другой веры, раскол внутри правящей элиты, бунты среди военных и гражданского населения, в т. ч. интеллигенции, и при этом периоды высоких темпов экономического и промышленного роста, расширение границ империи, границ торговли, географические открытия, повышение значимости образования и науки, освоение иноязычных земель, заметно нарастающий государственный потенциал – все это требовало навыков ведения международного и внутрироссийского диалога, диалога между правящими элитами, военными и представителями разных сословий как по вертикали, так и по горизонтали. Для этого требовался доступ к информации, повышение коммуникативной активности и навыков, умения одновременно работать с информацией, приходящей на различных языках, и адекватно на нее реагировать с учетом достижений культуры, традиций, социального статуса, особенностей устройства управления и уровня развития всех акторов информационно-коммуникативного взаимодействия. При этом интересующая нас тема права на информацию и вопросы цензуры в разные исторические периоды претерпевали из-

менения как в сторону усиления, так и в сторону ослабления.

Отметим, что названные выше «демократические» этапы российской истории относятся либо к начальному этапу развития абсолютной монархии (переход от вотчины к государству), либо к финальному этапу, охватывающему около 50 лет перед революцией. Между этими эпизодами имеет место расцвет самодержавия.

Сегодня Россия являет собой федеративную полупрезидентскую республику с двухпалатным парламентом и авторитарным режимом, находясь на 117 месте по индексу демократии [13].

Великобритания

В Великобритании и сегодня отсутствует системное изложение прав, свобод, обязанностей человека и гражданина, поскольку они регулируются разнообразными статутами, судебными прецедентами, правовыми обычаями, законами. Особое внимание при этом уделяется обеспечению эффективной судебной защиты прав и свобод. Вопрос правового статуса человека относит нас к Средневековью, когда родилось желание определить правила действий для монарха. Уже Великая хартия вольностей 1215 г. содержала статьи, которые ограничивали произвол королевских чиновников, требовали не назначать судей, шерифов и констеблей, не знающих законов и их не придерживающихся. Человек не мог подвергаться наказаниям без решения суда. Подати с феодалов взимались по решению общего совета Королевства. Введен институт гарантов хартии, состоявший из 25 выбранных баронов. Разногласия между королем и обществом привели к необходимости переговоров с властью об уплате налогов. Главное значение Великой хартии вольностей содержится в Магна Карте: «Нет никого (из живых существ, пусть даже и монархов-царей), кто был бы выше закона» [11].

Первой попыткой создать политическую организацию парламентского типа было собрание баронов и прелатов, которые потребовали учреждения в 1258 г. Совета пятнадцати. Совету приписывалось соблюдение контроля за деятельностью высших должностных лиц, Совет был выборным органом. Конституция 1258 г. не состоялась. Перед своей смертью в 1265 г. лидер оппозиции баронов Симон де Монфор от имени короля создал парламент, в котором участвовали выборные представители от общин. Следующие четверть столетия – это период борьбы парламентариев и королевской власти. Для нашего исследования важно, что с 1455 г. появляются требования обеспечения свободы слова в Палате общин. Однако окончательно свобода слова была провозглашена «Биллем о правах» (после революции 1688 г.).

Буржуазное государство и право отправляет нас к двум английским революциям XVII в. – «Великий мятеж» и «Славная революция», в ходе которых определились главные закономерности течения буржуазных революций Нового времени. Это позволило назвать их прообразом Великой французской буржуазной революции. Буржуазия боролась с феодальной монархией, феодальным дворянством, господствующей церковью в союзе с «новым дворянством». Пере-

ход большей части «обуржуазившегося» английского дворянства на сторону оппозиционеров привел недостаточно окрепшую английскую буржуазию к победе над абсолютизмом.

XVII век – начало капиталистической эры, время открытия новых стран и новых рынков. Появляется мануфактурное производство, развитие текстильной промышленности, огромны объемы экспорта, создание торгового флота, образование монополий для международной торговли.

Успешная война с Испанией завершается проникновением в испанские колонии.

В 1641 г. появился реестр требований Долгого парламента (Великая ремонстрация), в котором содержался список злоупотреблений королевской власти в период правления Карла I (1629 – 1640 гг.).

В соответствии с Бредской декларацией (1660 г.) Карл II предоставлял сохранение права собственности на имущество, политическую амнистию, свободу религии. Он подтвердил важные конституционные акты: «Великую хартию вольностей», «Петицию о праве» 1628 г., иначе называемую «второй хартией». В Петиции заключен главный политический вопрос, касающийся прав короля по отношению к жизни и имуществу подданных, и один из основных социальных вопросов – о неприкосновенности частной собственности. Следующим шагом обеспечения прав человека выступил Habeas Corpus Act (1679 г.), благодаря которому была принята «надлежащая процедура при аресте», установлены гарантии неприкосновенности личности, принцип презумпции невиновности и другие положения, направленные на защиту личности.

1688 – 1689 гг. – «Славная революция». Королем провозглашен Вильгельм III Оранский. Ограничения власти короля сформулированы в «Декларации прав» и «Билле о правах» – король не мог впредь приостанавливать действие закона. Была установлена свобода парламентских прений, подача петиций в парламент, должный созываться регулярно. Вводился принцип ответственности министров перед парламентом – устанавливалось практическое верховенство парламента в важнейших вопросах государственной политики. Право назначать и смещать судей также перешло к парламенту.

Представим всё сказанное в графическом виде.

«Билль о правах» 1689 г. стал документом, установившим конституционную монархию – компромисс между укрепляющейся буржуазией и верхушкой землевладельцев. Билль стал неопределимым документом в отношении вопросов развития прав человека, провозгласив свободу слова и дискуссий в парламенте, свободу парламентских выборов, право обращения граждан с петицией к королю. Таким образом, в стране стал действовать принцип: подданные имеют право делать все, что не противоречит правовым установлениям [11].

После революций XVII в. господствующие классы еще более усиливают грабеж колоний и насильственно захватывают все новые и новые территории, извлекая из них «добавочные капиталы».

Пояснения к графику.

1215 г. Великая хартия вольностей. Англия. Введен институт гарантов хартии, состоявший из 25 выб

1258 г. Несостоявшаяся Конституция Англии, в соответствии с которой должен создаваться Совет, ос

ляющий контроль за деятельностью высших должностных лиц. Совет предполагался быть выборным с

1501 – 1505 гг. «Мельничный привилей», Радомская Конституция и постулаты 1532 г. актов о свободе прессы. Польша.

1766 г. Акт о свободе печати. Отмена цензуры и введенные партией «младших колпаков» социально-экономические преобразования (1765 – 1769 гг.). Швеция.

1700 – 1702 гг. Реформы Струензе. Первые попытки демократизации общества. Дания – Норвегия.

1789 г. Декларация прав человека и гражданина и Великая Французская революция 1789 – 1792 гг.

1815 г. уничтожение предварительной цензуры и антинаполеоновское движение 1808 – 1813 гг. Германия.

1865 г. отмена предварительной цензуры для изданий более 10 печатных листов, освобождение от цензуры научных и правительственных изданий и реформы Александра II. Россия.

Система протекционизма, государственного долга, экспроприация лордами и джентльменами земель английского и ирландского крестьянства, растаскивание землевладельцами государственного имущества, захватническая, колониальная политика в Америке, Азии, Африке – наиболее весомые события, характерные для экономического развития первой половины XVIII в. – незадолго до начала промышленного переворота. Вторая половина XVIII в. ознаменована великим промышленным переворотом в ряде европейских стран и в первую очередь в Великобритании. Смена трех-пяти поколений ознаменовала переход от аграрного общества к индустриальному, что сопровождалось резкой урбанизацией, ростом промышленного производства, внедрением новых машин, поднятием уровня жизни. К этому времени созданная в начале VIII в. система переговоров в обществе устанавливает достаточно серьезный уровень доверия населения к правительству, что, в свою очередь, влияет и на финансовое состояние страны. Информационная свобода, установившаяся в стране коммуникационная практика, промышленная революция и финансовая предпримчивость руководства превращает Великобританию в одну из самых крупных мировых держав, занимающих 16 место по индексу демократии стран мира.

Выводы

Право личности на информацию, свобода печати и слова, свобода информационно-коммуникативного взаимодействия – важнейшие составляющие природного права человека на свободу – в течение всего рассматриваемого исторического периода реализовывались в разных странах по-разному и в различной степени. При этом выявлена закономерность: законодательные акты, провозглашающие свободу слова, печати, информации создавались не просто в период политических и социально-экономических возмущений, но происходили параллельно с демократическими изменениями или их признаками в обществе. Рассмотрев этапы развития законодательных аспектов данного вопроса в ряде европейских стран и в России в период до 1900 г., мы можем сказать также, что борьба личности и стремящегося к устойчивому демократическому развитию социума за свободу и право на информацию имеет давние корни. Для более стабильного развития государств требовалось повышение эффективности государственного управления, достижение максимального общегосударственного социального согласия. Развитые к настоящему времени государства начали приближаться к демократическим нормам уже к XVI в., а продолжаемое нами исследование вводит историю вопроса вглубь тысячелетий.

Изменение отношения государственных лидеров, каждого человека, сообществ и общества в целом к праву на информацию и к цензуре сопровождалось глобальными страновыми трансформациями (в их индивидуальной совокупности и степени проявления): распадом или объединением государств; приращением или утратой территорий; географическими открытиями; захватническими или оборонительными войнами; усилением или ослаблением военной мощи; резкой сменой этапов общественно-экономического развития; экономическим и промышленным спадом или ростом; расширением или сужением границ торговли; прогрессом или свертыванием экономики и промышленности.

Основными факторами социальных изменений являлись: революционные действия, изменения структуры и способов государственного управления, реформы и реакции, расколы внутри правящих элит, приводившие к переворотам, приходы к власти представителей других государств и другой веры, периоды чрезвычайной социальной напряженности и усталости, бунты среди военных и гражданского населения, в т. ч. интеллигенции, рост или падение уровня жизни, повышение значимости науки, образования, культуры и искусства.

Право на информацию, свобода слова и печати проявили себя настолько важными составляющими общественной жизни рассмотренных нами стран в XVI – XIX вв., что они незамедлительно требовали легитимности. Зачастую принимаемые законы демонстрировали неизбежность компромисса сначала между феодалами и крестьянством, затем между укрепляющейся буржуазией (или иными социально-классовыми категориями) и правящей верхушкой. Малейшие мотивы, заключенные в печати или высказываниях граждан, направленные на ниспровержение государственного и общественного строя, критику «капризов и тиранических замашек первого попавшегося из облеченных властью» [21] приводили к установлению или ожесточению цензуры.

Все вышеперечисленное повлекло необходимость установления стабильных международных отношений и дипломатических связей, наращивания навыка работы с мультязычной информацией: ее адекватного восприятия и рефлексии с учетом культуры, традиций, социального статуса, особенностей управления и уровня развития всех акторов информационно-коммуникативного взаимодействия; необходимость ведения внутригосударственного диалога и между правящими элитами, военными и представителями разных сословий и внутри них. При этом отношение к праву на информацию было неоднозначным: государ-

ственники то ужесточали цензуру, то ослабляли или вовсе запрещали ее.

Это и предопределяло острую потребность в разработке и в итоге принятии законодательных актов, утверждающих право на информацию, свободу слова и прессы для ухода от диктаторского террористиче-

ского способа управления государством и обществом, достижения социальной стабильности посредством создания условий для эффективных социальных коммуникаций, наращивания и полномасштабного использования информационно-коммуникативного потенциала.

Литература

1. 'The Freedom of the Press Act' ActSFS 1949:105.
2. Laursen J. Chr. David Hume and the Danish Debate about Freedom of the Press in the 1770s // Journal of the History of Ideas (University of Pennsylvania Press), 1998. Vol. 59. No. 1. P. 167 – 172.
3. Poland – Democracy index, 2014. Source: Economist intelligence Unit. Available at: <http://country.eiu.com/poland>
4. Sweden – Democracy index, 2014. Source: Economist intelligence Unit. Available at: <http://country.eiu.com/sweden>
5. Zamoyski A. The Polish Way, a Thousand-Year History of the Poles and Their Culture. New York, 1987.
6. Афанасьева О. В. Доступ к информации. Мировой тренд в реформировании государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С. 159 – 172.
7. Банисар Д. Свобода информации и доступ к правительственным документам. Обзор законодательства по доступу к информации в мире / пер. с англ.; под ред. С. Шевердяева. М., 2004.
8. Бердичевский Я. М., Осмоловский С. А. Всемирная история. Запорожье: Премьер, 2001. С. 111 – 128.
9. Великая хартия вольностей. Петрушевский Д. И. Памятники истории Англии XI – XIII веков. М., 1936. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/1200-1220/Magna_charta1215/text2.phtml?id=4789
10. Декларация прав человека и гражданина. Режим доступа: <http://www.fogrin.narod.ru/text/norma/dpg1789.htm>
11. Дмитриевский Н. П. Законодательство Английской революции 1640 – 1660 гг. М.-Л., 1946. С. 127 – 134.
12. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX – XX вв. М.: Аспект-Пресс, 2001. 367 с.
13. Индекс демократии. Страны постсоветского пространства. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1506078>
14. Левкина Л. И. Коммуникативный потенциал – исследование понятийно-терминологического аппарата // Коммуникология. 2013. № 2. Т. 2. С. 51 – 64.
15. Михайлов С. А. Журналистика стран Северной Европы. СПб., 2003. 366 с.
16. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры: (1700 – 1863 гг.). СПб., 1892.
17. Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М.: Наука, 1981. 295 с.
18. Устав о Цензуре 1804 г. // Русская журналистика в документах: история надзора / сост. О. Д. Минаева; под ред. Б. И. Есина и Я. Н. Засурского. М., 2003. Режим доступа: <http://site.mediascope.ru/?q=node/61>
19. Цензура в Германии. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D0%B7%D1%83%D1%80%D0%B0_%D0%B2_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8
20. Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена, Альфа, 1995. 839 с.
21. Щеголев П. П. После термидора. Очерки по истории термидорианской реакции. Л., 1930. Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/28023/post-thermidor_p-p-shchegolev_1930.pdf
22. Янин В. Л. Истоки новгородской государственности // Наука и жизнь. М., 2005. № 1. С. 40 – 43.

Информация об авторе:

Левкина Лилия Ивановна – кандидат педагогических наук, докторант, доцент кафедры общественных связей и медиаполитики факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИГСУ РАНХиГС), LevkinaLI@gmail.com.

Liliya I. Levkina – Candidate of Pedagogics, Doctoral Candidate, Associate Professor at the Department of Public Relations and Media Policy, Institute of State Service and Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Статья поступила в редколлегию 31.08.2015 г.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЁЖНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕЦЕПЦИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

A. A. Mitin

RESEARCHES OF THE YOUTH PERSPECTIVE IN MODERN RUSSIA: RECEPTION OF FOREIGN THEORETICAL-CONCEPTUAL APPROACHES

A. A. Mitin

Статья знакомит читателя с исследованиями российских и зарубежных авторов относительно положения и роли молодёжи в общественно-политической структуре. Каждая научная теория привносит свои методы сбора информации, раскрывая различные стороны проблемного поля, но наиболее перспективными для политологического измерения представляются рискологическая концепция, концепция культурной нормализации молодёжи и ювентологические исследования.

The paper acquaints the reader with the Russian and foreign authors' researches concerning the position and role of the youth in the political structure. Each scientific theory introduces the methods of collecting information, addressing different aspects of the problem field, but the most perspective for the political study are the concept of risk, the concept of cultural normalization of the youth and juvenological researches.

Ключевые слова: молодёжь, молодёжная политика, концепции молодёжи.

Keywords: youth, youth policy, concepts of youth.

Исследование молодежной проблематики в России имеет довольно длительную историю. Первые попытки осмысления проблем молодежи относятся к началу XX в. и имеют мультидисциплинарный характер, в числе которых труд Г. Стенли Холла «Молодежь» (1904), К. Грооса «К психологии молодежи переходного возраста» (1912), Ш. Бюлера «Душевная жизнь юных» (1922), Э. Шпрангера «Психология юношеского возраста» (1924) и др. [25].

Конец XX – начало XXI вв. отмечены новым научным интересом к теоретическому осмыслению молодежи. В числе работ этого периода следует отметить труды М. Горшкова, Ю. Зубок, И. Ильинского, А. Ковалевой, В. Лисовского, В. Лукова, Е. Омельченко, М. Руткевича, В. Чупрова, Ф. Шереги и других авторов [20]. Следует согласиться с мнением В. Лукова, что в «последние два десятилетия произошел качественный скачок в концептуализации молодежи. Некоторые работы представляют из себя суммирование уже ранее проведенных эмпирических исследований, другие же включают новые теоретические концепции, которые еще только предстоит осуществить в инструментарии эмпирических исследований» [9].

Однако по-прежнему в российской науке отсутствуют теоретические и эмпирические исследования, направленные на изучение включенности молодежи в политические процессы государства. Основное внимание, как и в советский период, занимают вопросы социологической и психологической тематики: социализация молодежи, девиантное поведение, проблемы наркотизации и алкоголизации молодежи, а также пути их решения в государственных докладах, стратегиях, программах политических партий и других политико-правовых документах.

Остановимся на характеристике западных подходов, оказавших непосредственное влияние на современные теоретические и эмпирические исследования в нашей стране.

Психоаналитическая ориентация. В её фундаменте лежит выводимая из психоанализа концепция жизненного пути личности. Она основывается на идеях ортодоксальных доктрин Зигмунда Фрейда, развитых его последователями и учениками, неофрейдисты – Р. Бенедикт, Л. Фойер, Л. Шелефф, Э. Эриксон и др. В частности, их напряжёнными стараниями получила дальнейшую жизнь теория «эдипова комплекса», в соответствии с которой описывается природа межпоколенческих конфликтов, источников агрессивности и протестов молодых людей против существующих норм и порядков и другие формы сублимации присущей ей энергии.

Среди отечественных исследователей молодежи, занимающихся изучением данной проблемы с учетом психоаналитической ориентации: К. Абульханова-Славская, Г. Андреева, Л. Архангельский, В. Бочарова, Л. Буюева, С. Голод, С. Иконникова, И. Кон, Б. Лисин, В. Лисовский, В. Ольшанский, А. Петровский, Е. Шорохова, В. Щердаков, Д. Эльконин. В рамках данного направления был представлен системный взгляд на проблему развития личности, в особенности в переходный период от детства к зрелости [18].

Накопленный опыт послужил основой к наметившемуся в 1970-е гг. в России комплексному исследованию всего пути социализации молодых людей, при этом четко были обозначены характеристики её социальных слоёв. Только вследствие психоаналитического метода удалось проникнуть в пласты молодежного сознания, раскрыть индивидуальность молодых людей и способствовать ее самоактуализации.

Структурно-функциональный подход. К числу исследователей, использующих данный подход при рассмотрении молодежных проблем, относится израильский социолог Шмуэль Айзенштадт и его работа «От поколения к поколению» 1956 г. [1]. Шмуэль Айзенштадт анализирует молодежную группу как систему структурных диспозиций, заполняемых индивидами.

ми, в результате приобретающими некий общественный статус и социальные роли.

Естественной заслугой последователей такого подхода являлось конструирование концепции межпоколенческого взаимодействия, согласно которой основная задача любой общественной системы – самовоспроизводство. Она достигается с помощью возрастного деления общества со строго отведёнными социальными функциями. Такой подход лег в основу некоторых социологических теорий – «сексуальной революции» (В. Райх, Г. Маркузе), «конфликта поколений» (Д. Белл, Э. Фромм, Р. Мертон) [13].

Среди российских ученых, обогативших структурно-функциональный подход в социологии молодежи, стали следующие авторы: В. Боровик, С. Быкова, В. Васильев, С. Григорьев, Г. Журавлев, А. Капто, Е. Катульский, А. Кулагин, Л. Коган, А. Колесников, Е. Леванов, В. Лисовский, В. Мансуров, М. Маршак, В. Мордкович, Б. Павлов, Л. Рубина, Н. Слепцов, В. Староверов, И. Слепенков, Ф. Филиппов, С. Фролов, В. Шубкин. Главным объектом данных исследований стали основные тенденции образования пополнения из молодежи пролетариата, колхозного крестьянства, интеллигенции, их социального положения, общественно-полезная и трудовая деятельность, а также расхождение квалификационной подготовки и профессионального статуса, уровня образования и финансового обеспечения, формальной включенности в управленческие структуры и действительное участия в принятии решений [2].

Из всего этого следует, что функциональный подход хотя и расширяет границы системного анализа, он мало применим при прояснении динамики общественных перемен в среде молодежи и прогнозирования тенденций её развития.

Культурологический подход. Для этого подхода свойственно исследование общественных явлений, в том числе и типично молодежных, с точки зрения феноменологической социологии. Последователи идей её основателей – П. Бергера, Т. Лукмана, А. Шюца – стремятся понять молодежную среду в её чисто человеческом бытии, в соответствии с реальными целями, представлениями и мотивами поведения конкретно действующих людей. Вышеназванные субъективные аспекты записываются и концептуализируются как результат объективных общественных процессов, зафиксированных в определенных типах культуры, воспринимаемой и как степень принятия социальных норм, и как сумма моральных ценностей, накопленные человеческой цивилизацией.

С помощью применения культурологического метода социология приобрела возможность системного анализа проблем молодого поколения во взаимосвязи с конкретными процессами, происходящими в социуме. Культурологическому методу обязаны своим появлением большое количество теорий среднего уровня в западной социологии – гедонизма (Цис), постиндустриального мышления (Д. Белл, Х. Вильямс, Р. Инглхарт), нарциссизма (Кмиеяко, Э. Ноэль-Нойманн), ювентизации (Ф. Малер, П. Митев).

В российской науке в данном направлении работают такие социологи, как В. Бакшуттов, В. Боровик, С. Григорьев, В. Добренков, В. Журавлев, С. Икон-

никова, И. Ильинский, Л. Коган, В. Криворученко, С. Кугель, В. Левичева, В. Лисовский, В. Луков, В. Немировский, Ю. Ожегов, Е. Слуцкий, В. Харчева, В. Чурбанов, А. Шендрик и др.

Стиль жизни молодых людей можно обозначить как субкультуру, специфическую форму организации социально-демографической группы. В научном сообществе на данном этапе доминирует традиция анализа этой субкультуры, связывающего её с мировоззренческой и ценностной дифференциацией в среде молодежи (М. Брейк, Ф. Коэн, С. Кугель, А. Шендрик), с различиями поведения демонстрируемой атрибутики, с характерными особенностями проведения свободного времени неформальными молодежными группами (Е. Леванов, В. Левичева, С. Фрит, Д. Хебдидж).

Одним из первых подходов, сформировавшихся в нашей стране, явилась **гуманистическая концепция молодежи** (И. Ильинский). В научных спорах о правомерности и необходимости разработки и принятия «закона о молодежи» (1986 – 1991 гг.) оформились основные позиции теоретической концепции молодежной политики и молодежи И. Ильинского, позднее эта концепция видоизменялась и дополнялась, но её базовые положения сохранялись [3]. Особенность его концепции заключается в том, что она реализуется не сама по себе как одна из теорий молодежи, а как доказательство заданной линии в сфере разработки и осуществления молодежной политики, обнаружение её стратегического элемента. Данная философия и основанная на ней концепция молодежи будет формироваться из системы общепринятых универсальных среди международных ювенологов научных истин о молодежи как особой специфической категории социума, которые являются достоянием всего человечества, а также знаний и идей о молодежи конкретных обществ» [14].

Исходя из этого, И. Ильинский формулирует свою концепцию молодежи. Центральное ее звено составляет идея субъектности молодежи. Здесь есть новый поворот этой идеи, которая в той или иной форме затрагивалась рядом других ученых. Это концептуальное переосмысление места молодежного движения и молодежи в современной культурной и социальной среде [6, с. 421].

Многолетний опыт работы И. Ильинского и его коллег по Московскому гуманитарному университету над концепцией молодежной политики и молодежи демонстрирует, что работа эта не может происходить лишь в чисто академической среде и быть оценена по нормам и правилам построения научных теорий. Лишь только во взаимосвязи с насущными целями самоактуализации человека в его самых лучших чертах и свойствах, только в соединении с осмысленными действиями социума по воспроизводству себя в следующих поколениях, восхождению через молодых людей к всё более высоким уровням общественной эволюции имеет резон конструировать базовые задачи молодежной политики и теорий молодежи.

Концепция социализирующей нормы (А. Ковалева)

Согласно А. Ковалевой, концепция социализирующей нормы – это «во-первых, достижение успешной социализации, позволяющей людям воспроизводить общественные связи, культурные ценности и социальные отношения конкретного общества и обеспечивать их дальнейшее существование и развитие; во-вторых, многообразный идеал социализированного человека с учетом его индивидуально-психологических и возрастных характеристик; в-третьих, как зафиксированную в социуме множественность правил порядка передачи общественных норм и ценностей культуры от одного поколения к другому. Социализационная норма выступает мерилем социализированности человека в соответствии с характеристиками социальности данного конкретного общества» [8, с. 8].

Обозначение социализационной нормы очень продуктивно для исследования молодежи и детей, потому что именно она строит каркас общественного статуса индивида в периоды детства и юности. Вероятней всего, социализационная норма влияет и на последующие возрастные периоды, но её роль там существенно ограничена, и ориентирующее значение и для человека, и для общества имеет преимущественно социальная норма.

Также продуктивной стала и концепция социализационной траектории, которую А. Ковалева выделяет как особую для конкретной личности. «Социализационная траектория в этом случае предстаёт интегральным показателем характера социализации. Траекторная модель социализации личности показывается А. Ковалевой в трёх плоскостях: влияние внешней среды; субъектность и диспозиция индивида в процессе социализации. Схема построения социализационной траектории базируется не на статических положениях, а на динамической стороне процесса социализации с учетом уже пройденного человеком этапа жизненного пути, при этом основные характеристики измеряются во временном континууме» [7, с. 277].

Концепция социального развития молодежи (В. Чупров)

Формирование концепции социального развития молодежи начинается под руководством В. Чупрова в рамках исследовательского проекта «Социальное развитие молодежи», проводившегося в Институте социально-политических исследований РАН в 1990 – 2002 гг.

Молодое поколение изучается как социально-демографическая группа, выполняющая три очень значимые социальные функции: воспроизводственную, трансляционную и инновационную [21]. «Особое социальное качество молодых людей связывается с тем специфическим положением, которое они занимают в процессе самовоспроизводства социальной системы, и определяется возможностью молодежи воспроизводить и наследовать имеющуюся на момент его становления систему общественных связей. Снова и снова воспроизводя имеющуюся систему общественных отношений, молодые люди воспринимают

социальный опыт предыдущих поколений и привносят новое в этот процесс, осуществляя свою инновационную функцию. Данный процесс составляет своего рода элемент смены поколений и преемственности; молодые люди, постепенно становясь старше, становятся источником общественного опыта для последующих поколений – именно так осуществляется трансляционная функция молодежи» [22, с. 9].

Концепция социального развития молодежи имеет огромный потенциал развития для проведения будущих эмпирических исследований. Её плюсы особенно видны в рамках социологии молодежи при складывании теории макросоциологического уровня. Дальнейшее развитие концепции В. Чупрова связано с его последовательницей и ученицей Ю. Зубок, автором рискологической концепции молодежи.

Рискологическая концепция молодежи (Ю. Зубок)

В своей концепции Ю. Зубок соединяет, с одной стороны, тематику социального развития молодежи (В. Чупров), с другой – тематику общества риска (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман, Д. Луптон, А. Д. Урсул, Н. Л. Смакотина и др.). На пересечении появляется совершенно новый концептуальный продукт, значение которого в теоретическом плане является очень ценным. Понятие риска в концепции Ю. Зубок приобретает характер методологического метода для осмысления и описания молодого поколения [5].

Сообразно концепции Ю. Зубок, «риск, будучи общественно обусловленным, появляется:

1 – в связи с переходным состоянием молодости как фазы жизненного пути и осуществляется в процессе инновационной активности молодого поколения;

2 – под воздействием нового этапа социокультурной эволюции изменений в процессе передачи общественного опыта между поколениями;

3 – в силу существенных изменений механизма общественного взросления как следствие повышения продолжительности социальной транзитии. При всём при этом риск признается отличительной характеристикой молодого поколения не только на индивидуально-личностном, но и на социально-групповом уровнях.

По данной логике риск может рассматриваться как мера антагонизма:

1 – в диспозиционной системе индивида;

2 – между субъективной и объективной формами реализации самого риска;

3 – между способами его рационализации» [4, с. 197 – 199].

В разносторонности развития молодых людей видно противоречие между субъективной и объективной формами риска, соответственно между деятельностью и средовой формами. Помимо всего прочего, это означает рассмотрение относительно к молодому поколению общественной девиации с вниманием не на отклонении от общепринятых в социуме норм, а на процессе общественного развития. В концепции Ю. Зубок «все разнообразие преград, появляющихся в процессе развития молодых людей и умножающих риски в её среде, сводится к связанным с:

- 1 – неравенством общественного статуса;
- 2 – характером отношений с институтами общества;
- 3 – культурными и общественными спецификами молодого поколения».

В трудах Ю. Зубок обозначены новые подходы к исследованию общественной интеграции молодых людей в социальную систему, вскрыты социально-регуляционные детерминанты риска в развитии молодого поколения. Поэтому рискологическая концепция молодежи демонстрирует большие перспективы осмысления новых общественных процессов и феноменов. Она также дает повод задуматься над стратегическими путями социологии молодежи в меняющихся социальных условиях.

Концепция культурной нормализации молодежи (Е. Омельченко)

Е. Омельченко обосновывает тезис о культурной нормализации как альтернативе ее проблематизации и юсизму (термин был введен Ф. Коэном для обозначения взгляда на молодежь как единую и гомогенную группу) [24]. Под культурной нормализацией ученый понимает «внедрение в описание вопроса молодежи морально и идеологически нейтральных заключений и понятий. Нейтральность в этом смысле – это свобода от взросло-властных стереотипов, ограничивающих молодежную субъективность, принципиальное непринятие модальных оборотов «долга поколений и ответственности» за будущее государства и нации, от абстрактно-обобщенной унификации молодых людей, вычёркивающей её из значимых для неё социально-культурных групп, с которыми у неё ничуть не меньше общего, чем со своими сверстниками» [16, с. 20]. В плане концептуализации молодежных исследований Е. Омельченко выделяет восемь ключевых идей:

1. «Отход от ресурсного взгляда на молодежь. Объективированный подход к молодым людям как ресурсу и направлению идеологических, политических и культурных вмешательств, с позиций Е. Омельченко, способствует развитию молодежной политики по модели ответа на моральные страхи.
2. Соединение и равное применение культурно-психологического и структурно-статусного подходов в изучении молодежи, из чего следует рассмотрение взаимовлияний досуговой и рабочей, свободной (самостоятельно аутентичной) и контролируемой (социальными институтами) молодежных активностей.
3. Перенос внимания с рассмотрения структурных преград объединения молодых людей в социум как целое на особенность складывания молодежных идентичностей внутри разных жизненных циклов, связанные с внедрением в разные институты общества.
4. Особый акцент к складыванию жизненных стилей молодежи внутри пространственно-временных локализаций (родительская семья, образование, рынок труда, своя группа и т. д.) и к таким формам общения, как любовь, дружба.
5. Восприимчивость к различиям классовых, статусных, стартовых, гендерных, стилевых и сексуальных измерений молодежных идентичностей (мягких, подвижных, стабильных, временных).

6. Акцент на алгоритме образования новых видов объединений молодых людей – реальных, воображаемых, виртуальных – в окружении глобально-локальных измерений их жизненных миров.

7. Исследование особенностей воздействия конструкторов молодого поколения на молодых людей и самой молодежи – на внедрение тех или иных конструкторов, например в современных медиа-проектах и политической сфере.

8. Отказ от единого термина «молодежь» и последующих за ней социологических теоретических методов, которые базируются только на больших замерах общественного мнения и сосредоточиваются на «проблемах молодёжи». Внимание к многоаспектности реальности молодёжи и интерпретациям её смыслов разнообразным категориям индивидов, которые относят себя к молодому поколению» [17].

Тезаурусная концепция молодежи (В. Луков) [11, с. 8 – 23]

Ее основные положения сводятся к следующему. «Молодое поколение в рамках данной концепции рассматривается как социальная группа, в которую входят: 1 – индивиды, присваивающие и осваивающие общественную субъектность, имеющие общественный статус молодых и являющиеся по самоотождествлению молодыми, а также 2 – широко используемые в данной общественной группе тезаурусы и, наконец, 3 – отражающий и выражающий их предметный и символический мир. Это сочетание элементов понятия, эта связь между ними, подразумеваемая как отражение реальности социума, кардинально изменяет само видение социологии молодежи, а безусловное в своей стереотипности положение «объект социологии молодежи – молодежь» становится явно дискуссионным».

Рассматриваемая концепция молодежи помогает выявить тенденции развития общественной субъектности молодых людей и выявлять её противоречивые черты как в опредмеченной деятельности, так и в фактах самоосознания, служащую необходимой функции регуляции.

Весь алгоритм конструирования общественной реальности содержит:

- 1 – приспособление к условиям среды: узнавание правил и частей среды; легитимация и понимание элементов среды через понятие «наше»; пробы и ошибки; перемена поведения сообразно с правилами;
- 2 – достраивание реальности: моделирование символического универсума; возмещение недоступного; обозначение через понятия идеального «добро» и «зло», активность по ограждению «своего мира», построение зоны независимости;
- 3 – переструктурирование условий среды: комбинирование и перемена пропорций в соответствии с тезаурусом; активность вне «своего мира» в согласии со своим символическим универсумом; отрицание неважного. Все эти позиции осуществляются как реальный результат жизнедеятельности и также как результат реализации проекта» [10, с. 14].

Моделирование реальности четко прослеживается в деятельности разнообразных групп молодёжи. Цель заключается в том, чтобы не ограничиваться на этих

отлично различимых символических, поведенческих и вещных комплексах, очень часто выделяемых сторонними наблюдателями с отрицательной оценочной позиции. Деятельность молодого поколения в общественном конструировании реальности образует очень важное условие для её социализации и в этом смысле имеет отношение не к единичным, а ко всем молодежным сообществам [15].

Расширение проблематики исследований молодого поколения, учреждение теоретических обобщений эмпирических материалов в контекст новейшей социологии дали толчок разработке *интегральной науки о молодежи, получившей название «ювентология»* (В. Павловский, С. Першуткин, Е. Слуцкий) [19].

Рассмотрение вопроса о ювентологии есть во многом выражение недовольства учёных недостаточным количеством исследований молодых людей и возникающие трудности обобщений в рамках данной проблематики. Так как без обобщенных оценок места молодого поколения нельзя построить большие общественные проекты и реализовывать управленческие задачи, которые затрагивают интересы и потребности молодых людей.

Субъектный компонент в сущностной характеристике молодого поколения и её места в социуме показательно продемонстрировано в концепциях К. Господинова и П.-Э. Митева, М. Карвата и В. Миляновского, П. Сака, исследованиях Е. Леванова, Б. Ручкина В. Мошняги и др.

Основание введения ювентологии Е. Слуцким и другими учеными связывается с внешними – экономическими, геополитическими, социальными – и внутренними, или внутринаучными, факторами. «К внешним факторам можно отнести подвижность и сложность современных перемен в социальной жизни, недалёкое грядущее которой во многом зависит от характеристик молодых людей, то есть «молодежным фактором». Нынешнее познание в третьем тысячелетии снова отличается процессами интеграции, возвратом к унитарному пониманию реальности, но теперь уже на современной научной парадигме – междисциплинарном и комплексном знании. Таким образом, рождение ювентологии предопределено объективно-

стью как итог процессов интеграции современного научного знания...» [23, с. 668].

Таким образом, можно констатировать, что междисциплинарность в применении к теориям молодежи всё же имеет конкретные рамки. Эти рамки определяются в основном теоретико-методологическим арсеналом социологии, культурологии, социальной психологии, социальной философии, биологии, антропологии. Другие науки в намного меньшей степени инкорпорированы в междисциплинарный комплекс наук о молодежи» [12, с. 73].

Исходя из рассмотренных научных подходов, можно говорить о том, что каждый из них привносит в исследование проблем молодежи свои методы сбора информации, способы ее обработки и интерпретации, раскрывает разные грани проблемного поля. Для изучения политического содержания современных молодежных движений и включенности их в политические процессы наиболее интересными представляются рискологическая концепция, концепция культурной нормализации молодежи и ювентологические исследования. При всей специфичности названных подходов все они, с одной стороны, стараются оптимизировать исследовательский поиск в сфере молодежной тематики с учетом современных общественно-политических процессов, с другой стороны, обращают внимание на несостоятельность существующих концепций в объяснении имеющихся проблем радикализации молодежи. К сожалению, ни один из рассмотренных подходов в отдельности и в комплексе не способен на сегодняшний день объяснить такие современные процессы, как популярность среди молодежных организаций экстремистских и других радикальных идей, в частности, все более целенаправленно пропагандируемых в социальных сетях. Подобная ситуация требует проведения междисциплинарных исследований с привлечением не только социологии и психологии, но и ряда других дисциплин (в особенности политологии, права, истории, экономики) по изучению молодежной тематики для учета концептуально-теоретических разработок в практической работе органов федеральной, региональной и муниципальной власти.

Литература

1. Айзенштадт Ш. От поколения к поколению // Электронная еврейская энциклопедия. Режим доступа: www.eleven.co.il/article/10105 (дата обращения: 8.02.2015).
2. Грищенко Ж. М., Поликарпов В. А. Самоопределение молодежи в условиях перестройки: опыт социальной типологии // Социс. 1990. № 7.
3. Закон о молодежи: документы и материалы по истории становления государственной молодежной политики в России: в 2 т. / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский; В. А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008.
4. Зубок Ю. А. Проблемы риска в социологии молодежи. М.: Моск. гуманит. социальная академия, 2003.
5. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.
6. Ильинский И. М. Прошлое в Настоящем: избранное. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.
7. Ковалева А. И., Луков Вал. А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М.: Социум, 1999.
8. Ковалева А. И. Социализационная норма в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 1997.
9. Луков В. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социс. 2012. № 9. Режим доступа: <http://www.isras.ru> (дата обращения: 20.01.2015).
10. Луков В. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социс. 2012. № 1.
11. Луков В. А. Тезаурологическая концепция молодежи // Социологический сборник. М., 1999. Вып. 5.
12. Луков В. А. Теории молодежи: пути развития // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3.

13. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
14. Молодежь России: тенденции, перспективы / под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шаронова. М.: Мол. гвардия, 1993.
15. Омельченко Е. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск, 2004; Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики / под ред. Е. Омельченко. Ульяновск, 2005.
16. Омельченко Е. Л. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск, 2004.
17. Омельченко Е. Л. Стилиевые профили трудовых стратегий молодых специалистов и специалистов в фокусе гендерных исследований // Социс. 2002. № 11. С. 36 – 47.
18. Орлов Ю. М., Бабин Б. А. Системный анализ потребности молодежи в общественно-политической деятельности // Социс. 1977. № 3.
19. Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодёжи. М.: Академический проект, 2001.
20. Руткевич М. Н. Социология образования и молодежи. Избранное (1965 – 2002). М., 2002.
21. Чупров В. И. Социальное развитие молодежи: теоретические и прикладные проблемы. М.: Социум, 1994.
22. Чупров В. И. Развитие молодежи: концептуализация понятия // Молодежь России: социальное развитие / отв. ред. В. И. Чупров. М.: Наука, 1992.
23. Ювентология и ювенальная политика в XXI веке: опыт комплексного междисциплинарного исследования / под ред. Е. Г. Слуцкого. СПб.: Знание: ИВЭСЭП, 2004.
24. Cohen Ph. Rethinking. The Youth Question Education, Labor and Cultural Studies. London: Macmillan, 1997.
25. Stanley Hall G. Adolescence: its psychology and its relation to psychology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education. N.Y., 1904.

Информация об авторе:

Митин Александр Александрович – ассистент кафедры политических наук КемГУ, james_cold@mail.ru.

Alexander A. Mitin – Assistant Lecturer at the Department of Political Science, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.05.2015 г.

УДК 316.77:323.23:004.738.5

ОПЫТ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В РЕГИОНЕ

Е. В. Шапкина

THE EXPERIENCE OF THE ELECTORAL PROCESS AND THE ELECTION CAMPAIGN IN THE REGION

E. V. Shapkina

В статье рассмотрен избирательный процесс в регионе, начиная с самого первого этапа – выдвижения кандидата политической партией для участия в выборах. Проанализированы этапы процесса: выдвижение кандидата на партийной конференции, подготовка документов в муниципальную избирательную комиссию для регистрации, сбор подписей в поддержку кандидата в депутаты на избирательном округе. Рассмотрена стратегия и тактика региональной избирательной кампании.

The paper describes the election process in the region, beginning with the first stage – nomination of a candidate by a political party to participate in elections. The author analyzes the steps of the process: the nomination of a candidate for the party conference, preparation of documents for the municipal election commission for registration, collection of signatures in support of a candidate for the constituency. The strategy and tactics of the regional election campaign are examined.

Ключевые слова: избирательный процесс, избирательная кампания, выдвижение кандидата, политическая партия, сбор подписей.

Key words: electoral process, election campaign, nomination of a candidate, political party, collecting signatures.

Повышенное внимание исследователей к избирательному процессу объясняется изменениями норм, регулирующих проведение выборов в РФ. Возросла роль политических партий в стране. Начиная с октября 2001 г. в России активно развернулось партийное строительство, основное содержание которого состояло в объединении многочисленных мелких квази-партий в крупные политические блоки.

Теорию и практику избирательного процесса, избирательных технологий изучали такие ученые, как

С. А. Авакьян, С. Н. Егоров, В. Я. Гельман, Ю. А. Веденеев, А. Г. Алехиичева, М. И. Кукушкин, Е. Н. Хрусталева, Г. Г. Почепцов, В. И. Наумов. Из зарубежных исследователей можно отметить С. Блэка, Д. Д. Ламберта, К. Боунда, Г. Майера, П. Лазерфельда, А. Кэмбелла, Г. Алмонд, Д. Линдона, Н. Смелзера.

Региональный политический процесс изучал Л. Н. Герасименко [3], им исследована специфика формирования регионального политического процесса в условиях современной России, электоральное

поведение. Особенности избирательного процесса в регионах современной России изучены Ю. Л. Ипатовой [5]. В своем диссертационном исследовании она формулирует теоретические и практические основания взаимодействия субъектов избирательного процесса для адаптации институтов власти к требованиям модернизации политической системы современной России в региональных условиях.

Процесс избирательной кампании, ее участников, стадию предвыборной агитации изучал А. С. Кучин [7]. Опыт и уроки региональной избирательной кампании изучены О. В. Ковальчук [6]. Социологический анализ избирательных кампаний представлен у А. В. Боярского.

Проблемы манипуляции общественным сознанием в избирательной кампании рассматриваются в работах С. Г. Кара-Мурзы, Г. Г. Почепцова и др. авторов.

Много работ посвящено проблемам избирательных технологий, отождествляемым с политическими технологиями. Реформа избирательной системы требует теоретического осмысления тех пробелов, которые остаются при изучении выборных процессов.

При проведении выборов в органы государственной власти претенденты вступают в конкурентную борьбу и на политической сцене региона разворачиваются разнообразные события: проходят митинги и пикеты, встречи кандидатов с избирателями, выступления кандидатов в СМИ, на улицах появляются рекламные плакаты, распространяются листовки. Все эти и многие другие события, связанные с выборами в органы государственной власти обозначают понятием «избирательный процесс».

Региональный избирательный процесс – это комплекс разворачивающихся в регионе политических событий, связанных с выборами, в ходе которого реализуются нормы электорального законодательства и индивиды (группы) пытаются привлечь на свою сторону потенциальных избирателей и реализовать тем самым свои потребности во власти, идеалы, принципы, установки.

Региональная избирательная кампания – это часть избирательного процесса, представляющая собой комплекс агитационных мероприятий, акций, принимаемых партиями, избирательными объединениями или кандидатами и их командами в регионе для достижения предвыборных целей.

Во время предвыборной кампании кандидат занимается самопрезентацией, представляет аудитории собственный имидж.

Рассмотрим избирательный процесс в регионе, начиная с самого первого этапа – **выдвижения кандидата**. Выдвигать кандидатов и/или список кандидатов для участия в любом виде выборов имеют право политические партии и/или избирательные объединения. На конкретном примере (дополнительных выборов в Кемеровской области в 2014 г.) последовательно рассмотрим выдвижение кандидата в депутаты от партии. Любая политическая партия обязана выдвигать кандидатов для участия в выборах, это условие ее успешного функционирования. В процессе выдвижения кандидатов, подготовке необходимых документов, партии опираются на ФЗ № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в

референдуме граждан Российской Федерации» и ФЗ № 95 «О политических партиях». Также нормативной базой для выдвижения политическими партиями своих кандидатов является «Закон о выборах в органы местного самоуправления в Кемеровской области» № 54-03.

В 2014 г. были назначены дополнительные выборы депутатов Кемеровского городского Совета народных депутатов пятого созыва по избирательным округам № 4, № 30, № 31, № 32, № 34 на 14 сентября 2014 г.

Региональные отделения политических партий, выдвинувших кандидатов на дополнительных выборах депутатов Кемеровского Городского Совета народных депутатов Пятого созыва по одномандатному избирательному округу № 4:

1) Кемеровское местное отделение Всероссийской политической партии "Единая Россия".

2) Региональное отделение в Кемеровской области Всероссийской политической партии "Партия Великое Отечество".

3) Кемеровское региональное отделение политической партии ЛДПР.

4) Региональное отделение Политической партии "Демократический выбор".

5) Кемеровское местное отделение политической партии "Коммунистическая партия Российской Федерации".

6) Кемеровское региональное отделение политической партии "Российская объединенная демократическая партия "Яблоко".

7) Региональное отделение политической партии "Справедливая Россия" в Кемеровской области.

Применяя сравнительно-исторический метод, мы можем отметить изменения в партийном спектре. Так, в 2012 г. в окружных избирательных комиссиях города Кемерово было зарегистрировано 125 кандидатов, в том числе 35 представителей партии «Единая Россия», 34 кандидата от ЛДПР, 22 – от КПРФ, 13 представителей партии «Справедливая Россия», 11 – партии «Патриоты России» и 10 самовыдвиженцев. По итогам выборов в состав Кемеровского городского Совета пятого созыва вошли: 31 представитель от партии «Единая Россия», два – от партии «Патриоты России», два – от партии «Справедливая Россия» [9].

Изменения в партийном законодательстве привели к тому, что в 2014 г. состав выдвинутых кандидатов изменился. В избирательном политическом процессе добавились новые акторы. В РФ возросло количество политических партий от 7 (к началу 2012 г.) до 76 (июнь 2015 г.).

Партия Великое Отечество была создана в 2013 г., т. е. это новая, молодая партия. Следует отметить, что участие в выборах для некоторых кандидатов не обязательно должно связываться с надеждами на победу. Целью может быть приобретение политического капитала, получения известности в собственной профессиональной среде, а также информирование о партии, от которой кандидат выдвинут. В случае, если кандидат имеет шансы на победу в выборах, требования к его имиджу ужесточаются.

Работа на данных дополнительных выборах Регионального отделения в Кемеровской области Всероссийской политической партии «Партия Великое

Отечество» началось с того, что Избирательная комиссия г. Кемерово была уведомлена о дате и месте проведения партийной конференции по выдвижению кандидатов в депутаты. На конференции присутствовал представитель Избирательной комиссии и фиксировал происходящее на видеокамеру. На конференции были выдвинуты кандидаты на довыборы. Таким образом, на партийных конференциях обычно происходит представление кандидатов в депутаты различных уровней власти своим коллегам и путем тайного голосования (если именно этот способ прописан в Уставе партии) кандидат поддерживается, либо не поддерживается однопартийцами.

После конференции необходимо подготовить документы для Избирательной комиссии (в данном примере – муниципальной). Перечень документов публикуется на сайте соответствующей избирательной комиссии [8]. Нужно отметить, что для самовыдвиженцев перечень документов короче, чем для кандидатур, выдвигаемых политической партией.

Среди документов особое место занимает биография, которая сдается в Избирательную комиссию города и в ОИК (Окружную избирательную комиссию). Биография будет затем отражена на плакате и на нее сможет ориентироваться избиратель на избирательном участке.

Биография – одна из основных частей имиджа кандидата, к ее составлению необходимо подойти тщательно. Необязательно использовать общую схему составления биографий, например, указывать место рождения, или происхождение, давать информацию о родителях, если это не позволит получить дополнительные баллы у электората. Придумывать, давать ложную информацию запрещено. Оптимально подумать над тем, как интересно преподнести факты собственной жизни, используя знаковые, вызывающие отклик аудитории моменты. Рассказать о себе, своей семье, своих взглядах и позициях не формально и сухо, а с человеческой теплотой. Например, говорить не просто «имею троих детей», а, почему решил на троих детей и как интересно их воспитывать, и как замечательно, когда у тебя большая семья.

Если биография предназначена для рассылки по квартирам избирателей, то ее можно оформить в виде буклета, а не листовки. В буклет включить полезную для избирателей информацию (расписание движения автобусов в данном районе, разъяснения юриста по новым законодательным актам и такое прочее). В таком случае получивший предвыборную листовку (буклет) вместе с полезной информацией, будет сохранять ее некоторое время. Соответственно, больше шансов, что личность кандидата запомнят.

После того, как необходимые документы предоставляются в Избирательную комиссию города, в ней принимается решение о заведении списка кандидатов по соответствующему округу, выдвинутому политической партией. После этого данное решение направляется в Окружную избирательную комиссию и размещается на интернет-сайте избирательной комиссии г. Кемерово. Таким образом, первый этап выдвижения завершается.

Далее следует работа кандидата с окружной комиссией и сбор подписей. Кандидат сдает необходимые документы комиссии, в течение 3-х дней доку-

менты рассматриваются, после чего окружная комиссия извещает о том, что документы рассмотрены и выдает Решение о разрешении открытия избирательного счета. После этого в банке, адрес которого выдает окружная избирательная комиссия, кандидат может открыть избирательный счет и приступить к печати подписных листов в аккредитованной полиграфической организации.

Необходимо постоянно мониторить сайты избирательных комиссий и следить за информацией, которая выкладывается в публичный доступ. Нередко возникают технические ошибки, когда информация о кандидате подается либо неполной, либо искаженной. Например, о кандидате, подавшем все необходимые документы о наличии образования и месте работы в разделе сайта «сведениях о кандидатах» могут написать – «без образования», «временно не работает». Конечно, такие недостоверные сведения вредят имиджу кандидата.

После сдачи документов в Муниципальную и Окружную избирательные комиссии, открытия избирательного счета и получения статуса выдвинутого кандидата, начинается *этап сбора подписей* в поддержку выдвижения кандидата в депутаты. Это этап непосредственной работы с людьми. На сайтах избирательных комиссий размещаются карта и адреса избирательного округа, по которому выдвигается кандидат. Собирать подписи нужно путем поквартирного обхода, либо обхода по частным домам, если они входят в избирательный округ. Если сравнивать процесс сбора подписей в коммунальных и частных домах, то в подъезды коммунальных домов сложнее попадать из-за домофонов. В частных домах существует опасность нападения собак. Но, с другой стороны, люди часто находятся у себя во дворах, или рядом с домом, и к ним легче обратиться и начать общение.

В подписной лист нужно вносить только избирателей, имеющих прописку в данном округе. Форма подписного листа берется в Законе КО 54_03 «О выборах в органы местного самоуправления в Кемеровской области».

С собой необходимо взять ручки одного цвета для всех, кто будет собирать подписи (сборщики подписей обязательно официально оформляются, и если есть такое требование, нотариально заверяются), блокнотики для записей наказов избирателей («разрушился фасад дома», «необходимо проложить асфальтовую дорогу рядом с домами», «нужно спилить тополя, провести свет на улице» и т. п.). Сборщику подписей и кандидату, собирающему подписи, нужно также взять документы, удостоверяющие личность.

Из практики работы можно отметить, что более молодое поколение легче идет на контакт и отдает свою подпись в поддержку кандидату, чем пожилые люди. Связано это с тем, что по закону в подписном листе необходимо указывать серию и номер паспорта, на что пожилые люди идут не охотно, боясь, что на них могут оформить кредиты. Нужно объяснять, что данные паспорта есть во многих службах, что для кредита этого недостаточно, т. к. необходима ксерокопия паспорта и подпись на договоре. Часто убеждения не срабатывают, но тем не менее время не потрачено впустую, работа с избирателем проведена, и на

выборах он, возможно, отдаст свой голос тому кандидату, с которым он уже познакомился лично.

Важно правильно вносить данные в подписной лист, т. к. незначительная поправка может повлиять на решение комиссии о признании подписи избирателя действительной. Дату и подпись избиратель вносит собственноручно, иначе подпись признают недостоверной. Остальные сведения (ФИО, адрес, номер и серия паспорта) может вносить избиратель, либо сборщик подписи. Подписные листы необходимо сброшюровать и сдать в ОИК вместе с Протоколом подписных листов. При проверке подписных листов ОИК делает запрос в УФМС на предмет соответствия ФИО, адреса и паспортных данных избирателей. Затем подписные листы передаются экспертно-почерковеду для определения того, есть ли совпадения в почерках избирателей. Т. е., сколько подписей избирателей подается, столько должно быть разных почерков в графах «дата внесения подписи» и «подпись». Случается, что эксперты допускают ошибки, но, к сожалению, Законом запрещается устанавливать достоверность подписи методом опроса избирателей. Т. е. избиратель, отдавший свою подпись за кандидата, не сможет прийти с паспортом в Избирательную комиссию и подтвердить свое действие в поддержку кандидата.

Также нужно верно определить необходимое число подписей. В ФЗ № 67 и в Законе КО № 54 указано, как определить число необходимых подписей. Так, на муниципальных выборах на избирательном округе № 4 в Кемерово это число было – 58 подписей (0,5 % от числа зарегистрированных на округе избирателей). Законом допускалось подать в окружную комиссию на 5 процентов больше подписей, чем необходимо, т. е. 61 подпись. Лучше подавать подписи с допустимым запасом (не 58, а 61), т. к. если среди поданных в окружную избирательную комиссию подписей будет подпись с неверными паспортными или другими данными, то будет использована подпись из трех других, и необходимое число подписей наберется.

Все эти нюансы указаны в Законе КО 54_03 «О выборах в органы местного самоуправления в Кемеровской области» в статье № 27, 72. Выдвиженцы от политических партий, члены которых представлены в Парламенте РФ, не собирают подписи избирателей на муниципальных выборах.

Из практики собрания подписей избирателей для выдвижения кандидата в депутаты в Кемеровский горсовет в июле 2014 г. стоит отметить, что значительная доля людей настроена изначально негативно к выборам депутатов. Во всех настоящих проблемах (неосвещенная улица, не проложенный асфальт, не спиленный тополь, плохой двор) они считают виноватыми действующего депутата. Но при разговоре выясняется, что к депутату они по этому вопросу не обращались, многие не знают, кто на округе депутат. Актуальной проблемой, о которой говорили многие жители избирательного округа № 4 г. Кемерово, является проблема наркомании.

Узнавая о кандидате при сборе подписей, избиратели также интересовались партией, от которой кандидат выдвигается. Многие люди заинтересовались новой Партией Великое Отечество, узнав о целях,

принципах партии, высказывались мнения, что цели правильные, и такая позиция им близка:

- принцип социальной справедливости и роста благосостояния граждан;
- восстановление полного Государственного (военного, дипломатического, экономического и культурного) суверенитета. Возвращение России в число ведущих и сильнейших держав мира;
- воссоединение единого экономического и политического пространства в рамках Таможенного Союза и Евразийского Союза;
- возвращение государству роли регулятора экономики;
- стабильный рост благосостояния российского народа, основанный на его свободном труде, в рамках самодостаточной производственной инновационной экономики. Сокращение разрыва в уровне доходов между богатыми и бедными;
- формирование и пропаганда идеологии, поддерживающей патриотизм, традиционные и нравственные ценности народов РФ, здоровый образ жизни. Запрет пропаганды разрушения семьи, нравственности и религиозности, пропаганды получения прибыли любой ценой.

Были также и избиратели, которые уже знали о Партии Великое Отечество. Некоторые высказывали намерения прийти на партийное собрание. Можно сделать вывод о том, что события последних месяцев (война на Украине, обострение политической ситуации вокруг и внутри РФ) привели к тому, что люди стали задумываться и о своей собственной роли в политике, своей политической позиции.

Если проверка подписных листов и всех поданных документов кандидата в избирательную комиссию прошла успешно, то кандидат считается зарегистрированным.

Избирательная кампания региональных выборов для кандидата, выдвинутого политической партией, зависит от суммы средств в избирательном фонде кандидата.

Проводя избирательную кампанию, необходимо прежде всего высказывать уважение к избирателю, а также действовать в соответствии с законодательством, иначе возможно снятие с выборов. Так, возможные действия кандидатов в агитационный период прописаны в ФЗ № 67 ст. 49-54 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

При построении избирательной стратегии необходимо опираться на предвыборные социологические исследования. Это информационно-аналитическое обеспечение избирательной кампании. Прежде всего, специалисты рекомендуют провести анализ ситуации в округе. В зависимости от масштаба кампании к анализу приступают за год до выборов, или за 3 месяца. Собирается информация о жителях круга (численность населения, его социальная и этническая структура; основные религиозные общины; структура промышленного и сельскохозяйственного производства; крупнейшие предприятия и финансовые учреждения; образовательные учреждения, средний и мелкий бизнес; интересы, ценностные ориентации, запросы, электоральные предпочтения, установки жителей и т. д.). Массив информации анализируется, и на его

основе предлагаются конкретные рекомендации по выработке стратегии избирательной кампании. Если эта задача решается своевременно и профессионально, то эффективность избирательной кампании резко возрастает, так как действия ее организаторов начинают строиться с учетом реальных ожиданий конкретных людей, а не на основе собственной интуиции.

Затем уже в ходе избирательной кампании необходима постоянная информационно-аналитическая поддержка. Должна быть создана устойчивая обратная связь между избирателями и организаторами избирательной кампании. Тогда субъект управления сможет координировать свои действия, вовремя замечать проблемы, адекватно реагировать на провокации соперников. Задача решается с помощью мониторинговых исследований, позволяющих отслеживать колебания общественного мнения и изменения отношения избирателей к кандидату. А также с помощью наблюдения за действиями конкурентов.

Необходимая информация об округе может быть получена различными способами: путем изучения статистических данных об экономическом развитии округа, о демографическом составе населения, об уровне жизни, об итогах выборов в предшествующие годы; благодаря опросам населения (анкетирование, интервью), позволяющим выявить субъективные предпочтения людей; за счет работы с фокус-группами, в которых обсуждаются варианты лозунгов, рекламных роликов, последствия возможных шагов кандидата, тексты его выступлений; путем отслеживания действий конкурентов при помощи наблюдений, а также с применением метода контент-анализа печатной продукции и выступлений лидеров [11].

Для кандидатов, собирающих на региональных выборах подписи избирателей для своего выдвижения, опрос жителей округа в ходе заполнения подписных листов может дать немало ценной информации. Также можно использовать метод наблюдения в ходе работы на территории, при сборе подписей, для обнаружения проблемных моментов. По результатам сбора подписей формируется база данных конкретных проблем округа и банк данных избирателей. Далее с ними ведется агитационная работа. В банке данных избирателей нужно разделить на готовых голосовать за кандидата (или по меньшей мере лояльных) и настроенных против него. Переубедить последних очень сложно, лучше на это не тратить материальные, людские и временные ресурсы. Лучше составить маршруты агитаторов, опираясь на группу «своих».

Получив и проанализировав информацию об избирателях, можно переходить к созданию избирательной стратегии. Это совокупность информационных тем, раскрытию содержания которых будет подчинена вся избирательная кампания. Выработка стратегии подразумевает определение таких ключевых тем. Верная стратегия позволяет повлиять на мотивацию людей и изменить их электоральное поведение в соответствии с целями субъекта управления. Стратегия реализуется в действиях, облике, биографии, программе кандидата и заставляет проникнуться к нему доверием.

Схематично стратегию можно обозначить как «ответ» кандидата на «запросы» избирателей.

Допустим, что в ходе предварительного анализа ситуации в избирательном округе выяснилось, что жителей округа волнует проблема наркомании, распространения точек продажи алкоголя, недостаточного количества детских садов, высокая преступность, а среди качеств депутата они ценят профессионализм, связь с народом и честность. Следовательно, в выстраивании стратегии избирательной кампании эти проблемы должны занять центральное место.

Стратегический замысел избирательной кампании может быть реализован в тактических технологиях, конкретных действиях кандидата и его команды. Стратегия избирательной кампании отвечает на вопрос **что** нужно делать для достижения поставленной цели, а тактика – **как** именно нужно действовать.

Тактика избирательной кампании представляет собой совокупность приемов и способов деятельности, определяемых развитием ситуации, она помогает проинформировать население. Тактические приемы избирательной кампании в регионе могут быть следующими.

1. Создание партийной газеты формата А3, основная верстка которой происходит в Центральном избирательном штабе, а затем добавляются местные колонки (для кандидата, выдвинутого партией). Тираж такой газеты оптимально делать по формуле: $N = \text{число избирателей} / 10$.

Так, если число избирателей округа 10 000 человек, то 1000 экземпляров газеты будет достаточно. Периодичность – каждые две недели, после регистрации кандидата.

2. Билборды (уличные щиты 3 x 6) можно арендовать до конца избирательной кампании. Количество берется из расчета 1 щит на 50000 человек. Таким образом, если выборы происходят в Горсовет, где обычно округа примерно по 10000 чел., то от них лучше отказаться. Их чаще используют в президентских, губернаторских, т. е. в масштабных избирательных кампаниях.

3. Выездные мероприятия, например, концерты. Здесь нужно учитывать накладные расходы, призы. Проводить лучше в выходные и как можно чаще.

4. Выступления кандидата в организациях и объединениях, живое общение с избирателями, доведение предвыборной программы. Во время таких встреч избирателям дарят сувениры, лучше с эмблемой партии.

5. Мелкая наружная реклама: в подъезде, лифте, доске объявлений. Форматы листовок должны быть не меньше А4. Расклеивается до конца избирательной кампании.

6. Ролики на ТВ и радио. Это дорогостоящая реклама кандидата, например, в Кемеровской области трансляция видеоролика на канале Россия-1 восемь раз в день в течение месяца будет стоить свыше 150 тыс. рублей.

7. Статьи о кандидате в СМИ тоже потребуют больших расходов. Например, печать в Комсомольской правде «Толстушка» на полосе еженедельника А3 (разворот газеты) в г. Кемерово будет стоить 40 тыс. 1 раз в неделю, А 6 – 11 тыс. рублей.

8. Интернет-площадки. Можно использовать социальные сети, где подавать тему партии, выдвинувшей кандидата не как рекламу, а как новостной повод.

Требуется координация тактических приемов в рамках одной избирательной кампании. Заранее составляется план-график работы кандидата и членов его команды, отвечающих за направления работы (политическая реклама, связь со СМИ, проведение мероприятий, сбор информации о действиях соперников и т. д.)

Итак, избирательные технологии — это способы организации и проведения избирательной кампании, включающие разнообразные направления действий кандидата и его команды, ориентированных на достижение определенных политических целей. Немаловажным фактором успеха этих действий является глубокий анализ ситуации в избирательном округе, и умение выстроить адекватную данной ситуации стратегию избирательной кампании. Оригинальность и творческий подход, отвечающий чаяниям и интересам избирателей также очень важны. Только не шаблонные действия и постоянный поиск нового приводят к успеху.

За предстоящие годы избиратели наслушались обещаний кандидатов. Большой успех на победу имеет тот кандидат, которые построит стратегию своей избирательной кампании на основе того, что уже сделано. Поэтому в выборах лучше участвовать, имея за плечами уже конкретный опыт помощи людям, либо профессию, которая это подразумевает. Это может быть защита прав увольняемых работников завода, или организация и поддержание общественной организации, которая занимается консультацией и помо-

щью в сфере ЖКХ, или в сфере помощи детям, молодым семьям, беженцам и т. п. Конечно, чтобы быть способным оказывать такую помощь, нужно иметь для этого ресурсы. В случае, если кандидат выдвигается политической партией, то важно, чтобы партия не только занималась борьбой за власть, но и принимала участие в общественном развитии, совершала деятельность во благо людей.

В PR-кампании и PR-деятельности в целом должно присутствовать творчество, честность и искренность. К сожалению, сейчас эти качества в дефиците. Происходящие перемены показывают, что запрос у общества на такие качества есть.

Возросшее количество политических партий в РФ, бум партийного строительства в стране может привести к реальной конкуренции в ходе избирательных кампаний. Ближайшие выборы в Государственную Думу РФ в 2016 г., возможно, это подтвердят. В настоящий момент можно отметить возрастание регулирующего влияния выборов на состояние и динамику общественной жизни. Тем не менее предстоит большая работа по изменению негативных установок людей к выборному процессу, в частности, к выборам муниципального уровня. Опыт описанной избирательной кампании показал, что пока еще сохраняется неверие людей в то, что депутаты городского совета действительно прислушаются к посылкам, наказам людей из округа, и будут способны решать их локальные насущные проблемы.

Литература

1. Алексеев И. А., Белявский Д. С., Свистунов А. А. Избирательное право и процесс в РФ: учебно-методическое пособие. М.: Проспект, 2014. 209 с. Режим доступа: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=54511
2. Гельман В. Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. 2008. № 5. С. 135.
3. Герасименко Л. Н. Специфика регионального политического процесса в современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. (Серия: История. Политология. Экономика. Информатика). 2008. Вып. № 2(42). Т. 6.
4. Егоров С. Н. Институционализация избирательного процесса в политической системе Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 51 с.
5. Ипатова Ю. Л. Избирательный процесс современной России в региональном измерении: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Архангельск. 2010.
6. Ковальчук О. В. Избирательная кампания в современном российском регионе (на примере Приморского края): автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Владивосток. 1999.
7. Кучин А. С. Избирательная кампания кандидата, избирательного объединения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск. 2006.
8. Сайт избирательной комиссии г. Кемерово. Режим доступа: <http://www.ik-kem.ru/page/3>
9. Кемеровский городской совет народных депутатов. Режим доступа: <http://www.kemgorsovet.ru/deputaty/itogi/>
10. Сайт Министерства Юстиции РФ. Режим доступа: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok>
11. Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. М., 2000. С. 372 – 373.
12. Центральная избирательная комиссия РФ. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru>

Информация об авторе:

Шапкина Елена Владимировна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологических наук КемГУ, shapkinaev@mail.ru.

Elena V. Shapkina – Candidate of Political Science, Senior Lecturer at the Department of Sociology, Kemerovo state University.

Статья поступила в редколлегию 05.08.2015 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.3

ПОНЯТИЕ ОБЪЕКТА У Г. ФРЕГЕ, Э. ГУССЕРЛЯ И Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

А. А. Аксенова

THE CONCEPT OF OBJECT IN THE WORKS OF G. FREGE, E. HUSSERL AND L. WITTGENSTEIN

А. А. Aksyonova

В данной работе мы обращаемся к рассмотрению понятия объекта в аналитической философии. Имеется в виду не сколько-нибудь полный обзор данного понятия в философии, а лишь прояснение разницы взгляда на данную проблему конкретно заявленных философов, определение и формулировка собственного понимания в данном вопросе. Работы Г. Фреге оказали значительное влияние на Э. Гуссерля (побудив его отказаться от психологизма в философии математики и в логике), на Б. Рассела и Л. Витгенштейна, на целые поколения ученых XX в., во многом определив облик современной логики. По мнению Г. Фреге, незнание логики естественного языка и структуры его смыслового содержания является одной из основных и первостепенных причин возникновения парадоксов и противоречий в философских рассуждениях. Теоретическая философия конца XIX – начала XX века оказала влияние на формирование современной философии языка, выступая против психологизма и спекулятивного идеализма.

The paper addresses the concept of object in analytic philosophy. It does not present a full review of this concept in philosophy, but only clarifies the difference the in views of some philosophers on this issue; the author defines and formulates their own understanding in this matter. The works of G. Frege had a significant influence on E. Husserl (prompting him to abandon the psychology in the philosophy of mathematics and logic), B. Russell, and L. Wittgenstein as well as on generations of scientists of the 20th century, largely determining the shape of modern logic. According to G. Frege, the ignorance of the logic of natural language and the structure of its semantic content is a major and primary cause of paradoxes and contradictions in philosophical arguments. Theoretical philosophy of the late 19th – early 20th centuries influenced the formation of the modern philosophy of language, speaking against psychology and speculative idealism.

Ключевые слова: логический объект, объективность, смысл как целое, Г. Фреге, Э. Гуссерль, Л. Витгенштейн.

Keywords: logical objects, objectivity, meaning as a whole, G. Frege, E. Husserl, L. Wittgenstein.

В данной работе мы обращаемся к рассмотрению понятия объекта в аналитической философии. Так широко сформулированная тема вынуждает сразу сделать оговорку. Имеется в виду не полный обзор данного понятия в философии, а лишь прояснение разницы взгляда на данную проблему конкретно заявленных философов, определение и формулировка собственного понимания в данном вопросе.

В аналитической философии Г. Фреге формулирует следующие взаимосвязанные вопросы:

Что такое логический объект?

Что такое логическая объективность?

Что такое закон логики?

Рассмотрение этих вопросов становится доказательством определения числа как объема равночисленных понятий. Свои размышления Г. Фреге начинает с утверждения, что не всякое знание является эмпирическим. Это вытекает из фундаментальных для теоретического и эмпирического знания существования априорных и аналитических истин арифметики. Без них невозможно апостериорное обоснование, связанное с индукцией. По мысли Г. Фреге, в каждой идее существует то, что связывает ее с порождающим субъектом, мысль делает идею субъективной, и свя-

зывает ее с другими субъектами и объектами, поэтому мысль – это и есть логический объект. Понятие объекта Г. Фреге определяет как формальное содержание суждения, то есть мысль, которая не зависит от внешнего мира и способности чувственного созерцания.

Чисто логический характер объектов Г. Фреге обусловлен отсутствием пространственно-временных характеристик мысли. «Однако быть может, на это возразят, что даже если Земля и на самом деле непредставима, она все-таки является внешней вещью, занимающей определенное место; но где находится число 4? Его нет ни вне нас, ни в нас. В пространственном смысле последнее понимается правильно. Определение местонахождения числа 4 не имеет смысла; но отсюда вытекает только то, что оно не является пространственным предметом, а не то, что его вообще нет» [4, с. 51].

Но стоит учитывать, что объективность мыслей лишь логическая, ибо не гарантирует реального существования мыслимых вещей. Г. Фреге пишет: «Экватор часто называют *мысленной* линией, но было бы ложным назвать его *выдуманной* линией; он не является результатом душевного процесса, возникшим

посредством мысли, но лишь познается, схватывается посредством мысли» [4, с. 32].

Если говорить о логической объективности мыслей, то следует различать мысль и вымысел. Интерсубъективность объективного исключает развитие (домысливание) исходного утверждения. Всё, что возникает помимо объективного факта – является уже продуктом творческой деятельности субъекта и потому выходит за пределы объективности. Можно ли назвать логику наукой о законах истины, если истина добывается только приложенным к ее поиску трудом субъекта? Область мыслимого и исчислимого включает все логические объекты. Логические законы распространяют свою истинность на все вещи универсума как строго универсальные утверждения, а значит, логика является наукой о законах истины.

Логические объекты задаются контекстом тех предложений, в которые входят утверждения с их собственными именами и не могут быть даны с помощью интуиции или созерцания. В этом фрагменте из «Основоположений арифметики» Г. Фреге вводит сам контекстный принцип значения: «Стало быть, непредставимость содержания слова не является основанием лишить его всякого значения или исключить из обихода. Противоположный взгляд, вероятно, возникает вследствие того, что мы рассматриваем слова изолированно, а потом спрашиваем об их значении, за которое затем принимаем представление. Таким образом, кажется, что слово, которому недостает соответствующего внутреннего образа, не имеет содержания. Необходимо, однако, всегда учитывать полное предложение. Только в нем слова обладают подлинным значением. Внутренний образ, который при этом как бы витает, не обязательно соответствует логически составной части суждения. Достаточно, если предложение имеет смысл как целое; благодаря этому свое содержание получают также и его части» [4, с. 51].

Данная мысль пересекается с наблюдениями Л. Витгенштейна. Он называет философию критикой языка в связи с ошибочным представлением людей о работе языка в попытках зафиксировать, выразить результаты исследования в теориях и предположениях. Всегда существует то, что не может быть высказано (проблема мистического ставится в «Трактате» как онтологическая проблема). Философское «Я» – это не человек, не человеческое тело, а метафизический субъект, являющийся не частью, а пределом мира.

Ранняя концепция («Логико-философский трактат» 1921) вдохновлена идеями формализованного логического анализа языка, которые представлены в трудах Г. Фреге и Б. Рассела. Поздняя концепция («Философские исследования» 1953) возникла в результате поиска приемов прояснения концептуальных проблем философии средствами естественного языка. Обе концепции связаны языковым подходом к философии. Философия предстает как «проникновение» в работу языка и преодоление постоянно порождаемых им «призраков».

В понимании Л. Витгенштейна целью философии является обретение ясного представления о мире, в том числе и через «критику языка», которая может

изменить и самого человека, а не просто повысить его уровень знаний. Этот путь изменения самого человека связан с приобщением к молчанию. То есть этическое обретает определенные границы между тем, что известно (и об этом высказывается предельно ясно) и о том, что не может быть сформулировано, обрасти формулой, найти свое выражение (и об этом следует умалчивать).

Мир, который располагается в логическом пространстве, разбивается на факты, структура этих фактов складывается структурами ситуаций. Ситуации – это ничто иное как комбинации объектов. Объект обладает свойством вхождения в ситуации, такое свойство это и есть форма объекта. Подлинную «субстанцию мира» представляют собой как раз простые объекты, которым соответствуют имена. А. Ф. Грязнов дает следующую характеристику витгенштейновских объектов: «Объект есть нечто абсолютно простое, а, следовательно, это не предмет или вещь, которые таковыми принципиально не могут быть, а понятие, служащее для обозначения формального аналога языковой единицы – имени» [1, с. 26].

С точки зрения Л. Витгенштейна, мысль – это логический образ факта, а предложение – чувственно воспринимаемое выражение мысли. В предложении сосредоточена комбинация имен объектов, которые представляют собой факт. Но имя несет в себе только значение, а не смысл.

Имя, выступая вместо именуемого объекта, играет роль именуемого объекта в предложении. Предложение не может считаться именем факта по той причине, что каждому факту соответствует, по крайней мере, два предложения – истинное и ложное. Мир и язык оказываются отражениями друг друга, причем это отражение происходит на двух уровнях:

- 1) на уровне имен и объектов отражение мира и языка является зеркальным;
- 2) на уровне предложений зеркальность нарушается, так как предложения могут быть образами возможных фактов.

Совокупность всех элементарных предложений является отображением всех ситуаций в мире. Язык – это образ мира.

Структура языковой системы соответствует структуре предложений, к структуре которых относится интерсубъективно передаваемый смысл. Коммуникация превращается в кодирование, передачу и декодирование сообщений о состоянии вещей в том виде, в котором они благодаря априорно идентичной для всех структуре языка могут быть представлены в предложениях.

«Итак, – пишет З. А. Сокулер, – оказывается, что Витгенштейн не строит в «Трактате» никаких концепций языка как образа реальности. Он сам предупреждает, что все эти утверждения бессмысленны. Почему Витгенштейн не разъяснил, что является простым объектом? Почему у него нет развернутого обоснования тезиса об образной природе языка? Потому что все рассуждения «Трактата» – это только ступеньки лестницы, ведущей к чему? Созерцанию мира как целого? Мистическому переживанию существования мира, которое снимает вопрос о смысле

жизни? О чем нельзя говорить, о том надлежит молчать. Сумевший понять должен, как утверждает Витгенштейн, отбросить все сказанное в его книге как ставшую уже ненужно лестницу» [3, с. 161].

Все объекты универсума отождествляются и различаются благодаря отношению равенства. Г. Фреге вводит критерий равенства для высказываний, содержащих числа: «Число, соответствующее понятию F, является тем же самым, как и число, соответствующее понятию G». [4, с. 43]. При этом Г. Фреге ссылается на Лейбница: «Тождественные [объекты] суть те, один из которых может быть поставлен вместо другого с сохранением истинности [всего отношения]» [2, с. 632]. Данное заимствование свидетельствует о том, что Г. Фреге не различал отношения равенства и тождества. Причина этого в том, что в каждое определение он рассматривал как равенство.

Сопоставление взглядов Г. Фреге и Э. Гуссерля позволяет нам прийти к выводу, что оба исследователя фиксируют мир в качестве имманентной данности (для Э. Гуссерля – в сознании, для Г. Фреге – в языке). В обоих случаях смысл является основным объектом исследования, которому приписывается статус идеального бытия, утверждается возможность непосредственного «схватывания» этого элемента в особом интеллектуальном опыте. На основе идеального статуса смысла Г. Фреге и Э. Гуссерль проводят четкое различие между представлением, которое сопутствует схватыванию смысла и "схватыванием" самого смысла. Так пишет Э. Гуссерль в "Логических исследованиях": "Принадлежащая к данной ситуации цепь ощущений и образов переживаема..., но это не может означать, что эта переживаемая цепь ощущений и есть предмет акта сознания в смысле восприятия, представления или суждения, направленного на этот предмет" [6]. Такая идея вполне соответствует размышлениям Г. Фреге: "Представление субъективно: представление одного человека не то же, что представление другого, ...у художника, наездника и зоолога с именем "Буцефал" будут связаны, вероятно, очень разные представления. Тем самым представление существенно отличается от смысла знака..." [3, с. 34 – 35.]

Взгляды Э. Гуссерля и Г. Фреге объединяет понимание отношения смысла к самостоятельной мировой предметности. Смысл определяет способ принятия предмета во внимание, иначе говоря: тематизирует обсуждаемый предмет. Здесь нужно заметить, что для Э. Гуссерля это очень важный момент: смысл – это не ярлык, который наклеивается на уже данные в ощущениях предметы, смысл всякий раз впервые структурирует вещи, формирует мир. Сам Г. Фреге не обращался к этим вопросам так пристально, как Э. Гуссерль, однако его последователи на основе теории смыслов языковых структур пришли к выводам, что в процессе словоупотребления общих терминов и имен собственных формируются принципы тематизации. В вопросе о реальном существовании или несуществовании предметов, сформированных смыслом, сам смысл остается индифферентен. По мнению Г. Фреге, смысл знакового комплекса – это нейтральная данность, которая не подлежит таким оценкам как

истинное/ложное. В этом вопросе аналогична позиция Э. Гуссерля: смысл усматривается вне зависимости от реальности существования предмета. Таким образом, можно еще раз убедиться в наличии общих точек соприкосновения трудов Г. Фреге и Э. Гуссерля.

Как утверждает Г. Фреге, незнание логики естественного языка и структуры его смыслового содержания является одной из основных и первостепенных причин возникновения парадоксов и противоречий в философских рассуждениях. В этом смысле именно Г. Фреге по праву можно считать, наряду с Б. Расселом и Л. Витгенштейном, одним из основоположников аналитической философии. Работы Г. Фреге оказали значительное влияние на Э. Гуссерля (побудив его отказаться от психологизма в философии математики и в логике), на Б. Рассела и Л. Витгенштейна, на целые поколения ученых XX в., во многом определив облик современной логики.

К общим чертам такой философии можно отнести:

- 1) строгость в использовании терминологического аппарата;
- 2) недоверие к спекулятивным рассуждениям;
- 3) важность процесса аргументации.

Теоретическая философия конца XIX – начала XX века оказала влияние на формирование современной философии языка, выступая против психологизма и спекулятивного идеализма.

Путь между психологизмом и абсолютным идеализмом попытались найти феноменология, герменевтика и аналитическая философия. Это привело к постановке проблемы смысла, который получает свое бытие в языке, а язык, в свою очередь, начинает трактоваться как способ самовыражения жизни.

Наиболее явными свидетельствами поиска новых путей в философии стали логическая редукция Б. Рассела и феноменологическая редукция Э. Гуссерля. Ученик Д. Буля С. Джевонс выдвинул идею о том, что первична именно логика, а не алгебра, которая на самом деле – лишь частный случай логики. Эта идея и стала ведущей в работе Г. Фреге.

Обобщая наши наблюдения можно ещё раз подчеркнуть, что, по мнению Г. Фреге, логическим объектом является мысль, которая осуществляет связь между идеей и субъектом. Мысль как логический объект воплощается в слове. Содержание данного логического объекта зависит от контекста (места, которое слово занимает в предложении и в тексте). Это является общей чертой философии Г. Фреге и Л. Витгенштейна. В решении концептуальных проблем философии, они обращались к самому языку, на котором эта философия излагается. Важным здесь является не только то, ЧТО говорится, но и то КАК. То, как человек использует язык дает характеристику его мышления, а значит и картины мира в сознании. Э. Гуссерль в отличие от Г. Фреге и Л. Витгенштейна пишет не столько о языке, сколько о сознании как имманентной данности, которая фиксирует мир. Но для Г. Фреге как и для Э. Гуссерля является важным тот момент, что смысл никогда не находится в готовом виде, а требует работы сознания.

Итак, по нашему мнению, в трактовке понятия «логический объект» (то есть мысль) важнейшим из его свойств является инкарнируемость смысла и его контекстуальность. При любых условиях смысл не

существует в готовом виде в качестве чего-то, что может быть вписано в жесткие границы. Подвижность этих границ обусловлена ассоциативной сущностью человеческого мышления.

Литература

1. Грязнов А. Ф. Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна. М., 1985. 172 с.
2. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с.
3. Сокулер З. А. Людвиг Витгенштейн в философии XX века. Долгопрудный, 1994. 169 с.
4. Фреге Г. Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа / пер. В. А. Суровцева. Томск: Водолей, 2000. 76 с.

Информация об авторе:

Аксенова Анастасия Александровна – магистрант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии ТГУ по специальности «Онтология и теория познания»; аспирант кафедры теории и истории литературы и фольклора КемГУ, AA9515890227@yandex.ru.

Anastasia A. Akse nova – Master's Degree student at the Department of Ontology, Epistemology and Social Philosophy, National research Tomsk State University; post-graduate student at the Department of Theory of Literature and History of Literature and Folklore, Kemerovo State University.

(**Научный руководитель:** **Сыров Василий Николаевич** – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета.

Academic advisor: Vasilii N. Syrov – Doctor of Philosophy, Professor at National research Tomsk State University).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 101/1

НООСФЕРНО-АНТРОПОКОСМИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕШЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

О. В. Володина

NOOSPHERIC AND ANTHROPOCOSMIC VECTOR OF SOLVING GLOBAL PROBLEMS

O. V. Volodina

В статье представлены базовые положения ноосферного мировоззрения в контексте решения глобальных проблем природы, человека и общества. Глобальные проблемы являются следствием утраты человеком высшего смысла жизни, ценностей и ориентиров. Ноосфера как сфера разума основывается на принципе антропокосмизма, провозглашающего связь и взаимодействие человека и космоса, ориентирующего на духовные ценности.

The paper presents the basic ideas of the noospheric outlook in the context of solving global problems of nature, the individual and the society. Global problems are the result of human loss of the principle meaning of life, values and targets. The noosphere as a sphere of the mind is based on anthropocosmism proclaiming unity and interaction of the man and the cosmos, aimed at spiritual values.

Ключевые слова: глобальные проблемы, природа и человек, ноосферное мировоззрение, антропокосмизм, духовные ценности.

Keywords: global problems, nature and man, noospheric outlook, anthropocosmism, spiritual values.

Состояние человечества в третьем тысячелетии вселяет не столько оптимизм и надежду на его дальнейшее существование и развитие, сколько неизбежность крайне мрачных перспектив, обусловленных нарастанием экологических, техногенных, ресурсных, демографических, социальных, финансовых и других проблем. Постепенное обострение проблем природы, человека и общества на протяжении многих лет в конечном итоге привели к тому, что на нынешнем этапе они настолько обширны и многообразны, взаимообусловлены и взаимосвязаны, что многие из них, непосредственно пагубно влияющие на условия существо-

вания человечества, угрожают его полным исчезновением.

Особо актуальной в настоящее время является проблема взаимоотношений общества и природы. Человечество изначально зародилось и развивается на основе общих закономерностей и установок неорганической и органической природы. Следовательно, нынешнее существование человечества и его значение в современном мироздании, а также перспективы дальнейшего бытия и развития обусловлены исходными закономерностями природы и их обоюдным взаимодействием. В настоящее время наблюдается

нарушение их гармонии в результате разрушительной потребительской деятельности человека. Человек, пользуясь огромной мощью технических средств, усиливает масштабное антропогенное воздействие на окружающую среду до крайних пределов, когда природа утрачивает способность к самоочищению и самовосстановлению. В конечном итоге такое влияние неминуемо приведет к невозможности существования человека на Земле. Несомненно, человечество понимает степень угрозы глобальной экологической катастрофы, однако продолжает деятельность по удовлетворению своих потребностей за счет природы. Предпринимаемые попытки по решению глобальных экологических проблем имеют разрозненный характер, не согласованы в масштабах мирового сообщества.

Первостепенным по грозящей опасности для человечества, находящегося в состоянии губительного процесса самоуничтожения, является не столько уровень его научно-технического, экономического, организационного и социального существования, сколько разрушение его нравственности и духовности. Многие социальные проблемы, такие как возрастание беззанятости населения, уход в «виртуальную реальность», наркомания, алкоголизм, гомосексуализм, гедонизм неизбежно ведут к деградации индивидов. Наблюдается непонимание человеком надличностного смысла бытия, утрата и искажение личностных смыслов, несформированность чувства индивидуальной ответственности. Общество переживает духовно-нравственную и психосоматическую патологию, характеризующуюся утратой человеком высокого смысла жизни, ценностей и ориентиров.

Для эффективного решения глобальных проблем необходимо объединение и согласование политических, экономических и научно-технических усилий на планетарном уровне. Однако самым значимым является понимание человеком смысла жизни и ответственность за выживание всего разнообразия жизни на Земле. В сложившейся ситуации глобальных кризисов сущностный анализ бытия и дальнейших установок развития человечества является как актуальной практической задачей, так и стимулом для самопознания. Решение глобальных проблем возможно только в результате глобальной «революции духа» и глобальной переоценки ценностей, основанной на мировоззрении, которое может дать необходимые духовные ориентиры обществу.

В настоящее время в методологической науке происходит переход от монотипного восприятия явлений действительности к полисущностному (многомерному) пониманию природы и общества. На смену антропоцентрическому толкованию человека и человечества приходит антропокосмическое, при котором человечество рассматривается в неразрывной связи с устройством и тенденциями развития Вселенной, с закономерностями бытия и развития всего мироздания. Антропокосмизм как мировоззренческая система соединяет в единое целое естественно-историческую, природную (в широком смысле – космическую) и социально-гуманитарную, человеческую тенденции развития научной мысли.

Антропокосмизм христианского мировоззрения состоит в богословском понимании единства божественно-вселенского и человеческого существования, провозглашающем христианский догмат «Бог есть Любовь». Грехопадение человека, деформация его природной сущности инициирует и активизирует стихийные бедствия. Бог создает условия, в которых человек должен предпочитать добро злу, но, сделав самостоятельный личностный выбор в пользу зла, человек приносит страдание не только другим, но, главное, самому себе. Это не наказание Бога за злодеяние человека, а свидетельство попушения нравственно-духовного состояния самого человека.

Антропокосмизм естественно-научного плана, несмотря на натуралистический подход к пониманию человека, утверждает необходимость взаимосвязи и взаимовлияния земного и внеземных космических пространств Вселенной. Основоположниками естественнонаучного понимания антропокосмизма являются: К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, Н. Г. Холодный и В. И. Вернадский, чьи концептуальные взгляды на антропокосмизм различаются индивидуальными идейными убеждениями.

К. Э. Циолковский говорил о воздействии космоса на человека в структурном и эволюционном аспекте; возможности преодоления человеком границ земной планеты и освоения в будущем внеземных пространств; предположении о существовании во Вселенной бесконечного количества разумных существ более развитых, чем человек, появившихся и развивающихся как в процессе космогенеза, так и распространения разумной жизни за пределы породившей ее планеты с помощью космических средств [6].

А. Л. Чижевский заявлял о глобальном соларном, теллурическом воздействии творческой динамики космоса и его эволюции на инертный земной материал, а также физико-химические и биологические процессы, подчеркивал космическое значение жизни, связь всех живых существ от человека до микроба с космическими лучами, потоками и полями. Данное положение стало основанием антропопринципа в космологии [7].

Н. Г. Холодный говорил о том, что место человека в природе и его связь с космосом следует рассматривать не только с позиций естественнонаучных знаний, но и философии диалектического материализма. Человек органически связан с природой, понимаемой в широком смысле как космос, действует не извне, а изнутри. Данное концептуальное понимание антропокосмизма близко положениям древних мыслителей о единстве человека и космоса. Мир человека и вся остальная Вселенная не противопоставляются друг другу. Человек – часть космоса и все, что создано человеком – это человеческий микрокосмос, а создано обществом – социальный космос. Человек органически связан с всеобъемлющим великим мировым целым и обязан ему своим существованием. Антропокосмизм понимается как единство и объединение человека и космоса в целое, а не как человек, земное существо, и находящийся вне планеты космос. Границ между миром человека и всей остальной Вселенной не существует. Такое толкование антропокосмизма

близко идеям древних античных мыслителей, которые полагали, что человек, существующий на Земле, есть микрокосмос. Провозглашается единство человека и космоса, микрокосмоса и макрокосма [5].

В. И. Вернадский полагал, что эволюция природного и геологического развития планеты направлена на переход биосферы в ноосферу (сферу разума) – особый высший целостный феномен в земной оболочке, который объединяет в высшем единстве биологическую жизнь (биосферу) и существование отдельных человеческих сознаний [1]. Ноосфера создается, регулируется и управляется разумом. Тейяр де Шарден определяет ноосферу как «покров сознания», охватывающий планету, «сверхжизнь», образующую «Дух Земли» [4]. Космическое расширение и развитие ноосферы безгранично. Человек способен выйти из биосферы в беспредельное космическое пространство. Естественнонаучный аспект понимания ноосферы указывает на её природный характер и информационно-энергетическую форму существования. Содержательно-мировоззренческий компонент описывает ее предназначение и идеалы, формирующие ноосферные ориентиры упорядочивания планетарной жизни. В. И. Вернадский придает понятию «ноосфера» информационно-энергетический смысл, констатируя факт появления сверхсистемы, охватывающей в высшем единстве природные и сверхприродные процессы планеты. Эта сверхсистема имеет объективную биогеохимическую основу и всеобщую организующую функцию. Основопологающим фактором формирования ноосферы является наука, характеризующаяся интернационально-планетарными, глобальными масштабами. Ноосфера создается научной мыслью и научным творчеством, геологически охватывающим её разумом.

П. А. Флоренский предложил заменить термин «ноосфера» термином «пневматосфера», отмечая, что не следует ограничивать понятие ноосферы лишь рационалистическим толкованием, потому что дух не сводится только к разуму. Культура не ограничивается научной сферой, а духовная жизнь – культурой, следовательно, в фундаменте организации ноосферы должна быть духовная жизнь в целом, «диалог» души и духа. Содержанием ноосферы выступает взаимодополняющее единство общества, личностей и природы, а содержанием духовной основы ноосферы – идеи развивающейся гармонии, направленные на достижение оптимальной коэволюции. Формирование ноосферы учитывает:

а) объединение и целостность природы, общества и личности при сохранении их самоценности, но не абсолютной, а в тех отношениях, которые исключают их несовместимость;

б) разум и душевную деятельность человека, основывающиеся на «глубинном общении» (Г. С. Батищев), духовных основах, в интересах планетарного и космического бытия в целом в их негэнтропийных тенденциях;

в) уникальность человеческой индивидуальности, но не в форме эгоцентрического самоутверждения и самовыражения, а в ее единстве с установками социосферы и природы;

г) имманентные потребности организации социальной жизни, но не в абсолютизированной форме «воли к власти» и стремлении к максимальной прибыли.

Ноосферное мировоззрение, отвечая на основной вопрос философии об отношении человека к миру, определяет человека как ответственного организатора бытия в целом. Такому подходу противостоят тоталитарное, либеральное и постмодернистское мировоззрения.

Тоталитарное мировоззрение выдвигает главенство мира по отношению к человеку или приоритет человека по отношению к миру. Согласно положениям религиозного тоталитарного мировоззрения человеку предназначено воплощать божественный замысел о мире, при этом он теряет самоценность в добровольном выборе в пользу замысла Бога. Светское тоталитарное мировоззрение представляет мир как жесткий естественноисторический процесс, подчиняющийся законам общественного развития, предписывающий человеку функцию общественных отношений, а природе – рационально-потребительских роль.

Либеральное мировоззрение ставит в центр отдельную личность, ориентируя человека на максимум самоутверждения («волю к власти») – максимум прибыли, потребления, престижа её права и свободы, а мир обеспечивает возможности и ресурсы для проявления свободной личности и ее самореализации. Сдерживающими рамками безответственного поведения и произвола отдельных личностей являются юридические законы.

Постмодернизм отвергает идеалы и мировоззрение как «идеологию», характеризуется неопределенностью и противоречивостью. Заявляя о «смерти» человека как субъекта и автора, постмодернизм представляет человека, находящегося в постоянном поиске новой реальности и новых наслаждений. Постмодернистское мировоззрение, ведущая характеристика которого □ «пир во время чумы», эклектически соединяет особенности тоталитарного и либерального вариантов.

Ноосферное мировоззрение провозглашает паритет человека, природы и общества, их взаимодополняемость, а не на противопоставление или эклектический постмодернистский синтез. Ноосферное мировоззрение опирается на ключевые ценности, представленные в категориях русской идеи – Соборность, воплощенная во Всеединстве и Софийности, которые целостно направлены на Общее дело – созидание Ноосферы.

Соборность понимается как:

а) взаимодополняемость и гармонизация ценностей Запада и Востока – свободы и единства;

б) стремление избежать любых крайностей: как Власти – главенства человека над миром, так и слияние с Абсолютом – приматом мира над человеком, при этом процесс гармонизации взаимодополняющих ценностей осуществляется на основе любви как изначально присущему человеку сердечного принятия Другого (Ты) и Целого (Мы), а не мотивируется рациональным решением («общественным договором»).

Всеединство как всечеловечность, открытость иному является состоянием мира и человека, воплощающем идеал соборности. Это гармоничное состояние единого и целого, в которой преодолены крайности тоталитаризма и индивидуализма.

Софийность подразумевает нацеленность на достижение всеединства через синхронную взаимодополнительность духовной основы человека («замысла Бога о мире») и его души при преодолении крайности забвения себя в мире (абсолютизации трансценденции) и навязывании миру своего понимания бытия (абсолютизация экзистенции).

Общее дело выступает целью организации человеческой деятельности по созданию Храма в мире, связывающего всех, участвующее в соборном и софийном единстве при преодолении крайностей как абсолютизации исключительно духовного отношения к жизни, так и только прагматической деловой активности, т. е. такая деятельность становится «внехрамовой литургией».

Ноосфера, выдвинутая как цель Общего Дела для современного человечества, подразумевает переход от идеологии максимализма (исключительно потребительского отношения общества к природе и личности к социуму) к идеологии оптимума – гармоническому совместному развитию и сотворчеству личности, общества и природы [3]. Ноосфера органически взаимодополняет культуру (как реализацию жизненных смыслов и высших ценностей человека) и цивилизация (как «технологии» воплощения), при ведущей роли культуры и ответственном отношении человека к окружающей среде в процессе развития индустриальной цивилизации.

Таким образом, решение глобальных проблем возможно без стремления к глубокому пониманию бытия и будущей судьбы человечества. Эффективная стратегия выживания и развития человечества основывается на целостном понимании строения и закономерностях, функционирования и совершенствовании мироздания. Ориентиром решения проблем может рассматриваться ноосферное мировоззрение, системообразующим принципом которого выступает антропокосмизм, провозглашающий целостность человека и космоса. Человек не является центром мира и не противопоставляет себя космосу, а выступает его органической частью и несет ответственность за ноосферу – мировое единство, в котором наблюдается совместное оптимальное взаимодействие всех уровней бытия при ответственной роли человеческой деятельности, его разума и сердца. В «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», утвержденному Указом Президента РФ от 01.04.1996 г., официально говорится, что «движение человечества к устойчивому развитию в конечном счете приведет к формированию предсказанной В. И. Вернадским сферы разума (ноосферы), когда мерилom национального и индивидуального богатства станут духовные ценности и знания Человека, живущего в гармонии с окружающей средой» [2]. Следовательно, императив выживания человечества – это переход к ноосферной цивилизации, характеризующейся ноосферной духовностью человека и общества, сформированной в результате управляемой социоприродной-ноосферной эволюции на основе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.

Литература

1. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.
2. О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440. Режим доступа: www.kremlin.ru/acts/bank/9120 (дата обращения: 15.09.2015).
3. Сагатовский В. Н. Философия Антропокосмизма: авторский словарь. СПб., 2013.
4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
5. Холодный Н. Г. Избранные труды. Киев, 1982.
6. Циолковский К. Э. Космическая философия. М., 2001.
7. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1973.

Информация об авторе:

Володина Ольга Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка института иностранных языков Петрозаводского государственного университета, volodina@petsru.ru.

Olga V. Volodina – Candidate of Pedagogics, Associate Professor at the Department of the English Language, Institute of Foreign Languages, Petrozavodsk State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

РЕЛИГИОЗНАЯ НОВАЦИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ И ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Е. О. Гаврилов

RELIGIOUS INNOVATION AS AN INDICATOR AND FACTOR OF SOCIAL DYNAMICS

E. O. Gavrilov

В статье ставится и решается задача поиска релевантной интерпретации религиозной новации как репрезентанта и фактора социальной новации. Отмечается, что принятое в среде специалистов противопоставление старых и новых религий как носителей реакционных и модернистских социальных тенденций не позволяет заметить и правильно истолковать многочисленные проявления современной религиозной активности, которые выпадают из этой стереотипной, наполненной идеологическими коннотациями, схемы. Делается вывод о том, что религиозная новация есть совокупный результат усилий субъектов по репродуцированию религиозных практик в изменяющихся исторических условиях. Только такое понимание религиозной новации позволяет понять потенциал и социальную значимость многочисленных проявлений религиозной жизни в современном обществе, осознать, что религиозные практики способны быть источником социального развития.

The paper searches for relevant interpretation of a religious innovation as an indicator and a factor of social innovation. It is noted that the opposition of old and new religions accepted among experts as carriers of reactionary and modernist social tendencies does not allow to notice and correctly interpret the numerous manifestations of modern religious activity which fall out of this stereotypic scheme filled with ideological connotations. The author concludes that the religious innovation is a cumulative result of the efforts to reproduce religious practices in the changing historical conditions. Only such understanding of a religious innovation allows apprehending the potential and the social importance of numerous manifestations of religious life in the modern society, realizing the religious practices as a source of social development.

Ключевые слова: религиозные практики, социальность, традиция, религиозная новация, социальная динамика, социальное конструирование.

Keywords: religious practices, sociality, tradition, religious innovation, social dynamics, social construction.

Изменения, происходящие в обществе, проявляют себя в трансформации всех его сегментов. На наш взгляд, современные социальные процессы находят свое выражение и в сфере религиозных отношений, что позволяет рассматривать ее в качестве репрезентанта значимых социальных тенденций. Но религиозная активность не только копирует некое социальное целое. Воспроизводя общее в процессе социогенеза, современная религиозность обладает выраженной спецификой, а, следовательно, оказывается не только индикатором, но и относительно самостоятельным фактором происходящих в настоящее время перемен. Именно поэтому говоря о религиозных новациях, исследователи нередко пытаются проследить их влияние на более широкие социальные тенденции и явления с религией прямо не связанные.

В качестве репрезентанта, а равно и фактора социальной динамики, религиозную новацию следует интерпретировать как носителя, проводника, генератора новой социальности. Проблема состоит в том, что сложившиеся представления о религиозной новации искажены рядом стереотипов, уводящих в область идеологического противостояния субъектов религиозной активности. Это порождает практику воспроизведения привычных мировоззренческих клише и смысловых оппозиций, порой имеющих мало общего действительностью, но создающих иллюзию понятности и предсказуемости происходящих явлений. Однако ряд громких событий последних лет, от терактов и военных конфликтов на религиоз-

ной почве до различного рода провокационных перформансов на религиозную тематику, говорит о неполноте осознания сути трансформаций сферы религиозных отношений и их влияния на современное общество. Поэтому основной задачей предпринимаемого исследования является определение понятия религиозной новации как репрезентанта и фактора социальной динамики.

Формирование социального порядка, его ниспровержение и конструирование на освободившемся месте нового порядка – постоянный процесс. Он является результатом человеческих усилий и, одновременно, объективных социальных изменений. Рассмотрим более подробно, какое выражение находят эти аспекты единого процесса. На наш взгляд, синтетическое их выражение заключают в себе социальные практики, составляющие содержание повседневной жизни людей и включающие в себя как ментальное (смысловое), так и деятельностное измерения социальности, позволяющие учитывать как активность самих субъектов, так и контекст, в рамках которого эта активность осуществляется. Область практик демонстрирует единство процессов репродуцирования, рекомбинации и диверсификации социальных структур [2, с. 185 – 191]. Поэтому и религиозные явления, рассмотренные сквозь призму социальных практик, ориентируют исследователя на поиск единства не одной, а нескольких составляющих религиозной жизни индивидов.

Так, социальные процессы, рассмотренные в аспекте творческой активности субъектов, показывают, что человек не столько приспосабливается к изменяющимся социальным условиям, сколько конструирует их. И первым шагом на этом пути оказывается процедура интерпретации, ведь для практического созидания любого материального объекта необходим его ментальный проект. Как справедливо заметил П. Бурдьё, конкуренция социальных практик – это конкуренция навязываемых индивидам вариантов понимания социальной действительности, которая обуславливает их повседневную жизнь [1, с. 78 – 79]. В нашем случае речь идет о религиозных доктринах, религиозном языке, символических репрезентациях религиозного, то есть о тех средствах, которые порождают у индивида осознание значимости тех или иных трактовок объекта религиозной веры и следующего из этого осознания стремления поступать определенным образом. Необходимость рассмотрения этих средств продиктована тем, что они служат не только маркерами социальных позиций, но и дают возможность проанализировать процессы воспроизводства и изменений в сфере религиозных отношений.

Социальное пространство – арена взаимодействия и конкуренции социальных практик, которые сохраняют или изменяют свою значимость, формируя комплексы символических отношений или, иными словами, дискурсивные практики. Последние продуцируют интерпретации и оценки социальных явлений, и, таким образом, не столько отражают, сколько конструируют реальность, создают собственную «текстовую» онтологию. Они формируют комплекс представлений, получающий в процессе его трансляции определенную меру социального признания, возможность определять содержание сознания и поступки человеческих масс. Утверждая систему ориентаций-координат, дискурсивные практики реализуют свою интегративную функцию. Происходит нормирование мышления и поведения людей в границах единой системы интерпретаций, осуществляемой посредством характерного языка, способного вырабатывать и удерживать присущий данной интерпретации смысл.

Любой комплекс социальных практик организует дискурс таким образом, чтобы он содержал указание на оптимальный для определенных общностей баланс стабильности и изменчивости. Выполнение этого требования достигается на пути обоснования факта сохранения некой исторической преемственности и, одновременно, готовности к проектированию чего-то нового. Условно говоря, эти стороны одного сообщения можно выразить концептами традиции (от лат. *traditio* – передача) и новации (от лат. *novatio* – обновление, перемена). Соотношение между ними нередко презюмируется как оппозиционное, что и порождает проблему, сформулированную в начале исследования. Мы представим это соотношение несколько иначе и тем самым откроем возможность для понимания религиозного процесса вне противопоставления конкретных религиозных течений.

Рассмотрим степень универсальности и однозначности оппозиции традиционных и новых религий. Традиционность ряда религиозных объединений зачастую трактуется и как онтологическая характеристика некоторых общественных процессов, и как определенное отношение к действительности. В первом случае этот феномен нередко ассоциируется со старым образом жизни, с исторической данностью, преемственностью. А во втором – традиционность может быть рассмотрена как обоснование значимости определенного комплекса социальных практик и в этом качестве выступать как консервативный вариант интерпретации, настроенность сознания на сохранение сложившегося образа жизни, социокультурной идентичности. Как отмечает К. Манхейм, «консервативное знание есть, прежде всего, господствующая, инстинктивная, а подчас и теоретически обоснованная ориентация на имманентные бытию факторы» [6]. Соответственно, новационность некоторых религиозных сообществ обычно понимают как нечто противоположное традиционным религиям, а в более широком смысле как нечто вторгающееся в привычный порядок вещей и его нарушающее. Новация здесь противопоставляется традиции как отжившему прошлому и воспринимается как фактор ее разрушения. В то же время новационность аналогично традиционности может быть понята и как интерпретация, способствующая утверждению определенного комплекса практик, и как стратегия обретения ими социального признания.

Однако религиозные традиционность и новационность, рассмотренные как интерпретации, теряют свою определенность в противопоставлении друг другу и превращаются в релятивные средства идеологической легитимации тех или иных практик в качестве доминантных или хотя бы принимающих вид исторической необходимости. Причем объективный критерий длительности существования конкретных религиозных практик здесь не играет решающей роли. Условность границы между ними видится уже в том, что однозначное применение в данном случае обозначений «старое» – «новое» и эквивалентных им дефиниций, основанных на пространственно-временном критерии, оказывается весьма затруднительным. Причина такого препятствия может состоять, например в том, что оппозиция некоторых «ортодоксальных» и «еретических» течений уходит корнями в такую глубокую древность, что с точки зрения формального критерия – длительности ее существования, и те и другие могут считаться традиционными. Так и традиционная для конкретной эпохи религия, утратившая однажды своих приверженцев, но заново возрожденная, может теперь вполне считаться новой. И, наоборот, новая религия для одного культурно-географического ареала может оказаться традиционной религией в другом регионе.

Однозначное противопоставление названных дискурсивных практик, включающих коннотации традиции и новации, оказывается затруднительным и в случае попытки применить к ним оценочный критерий в виде нормы и аномалии, в результате которой традиция рассматривается как норма, а новация как вариант

девиации. Вообще-то в некоторых случаях это противопоставление нормы и аномалии, и следовательно, традиции и новации как объективных характеристик явлений возможно. Так, в рамках теории научных революций Т. Куна аномалия означает те явления, которые не находят объяснения в рамках дисциплинарной матрицы – основы «нормальной науки». Как известно, вследствие увеличения количества таких аномалий наступает кризис парадигмы, заканчивающийся научной революцией и, наконец, возникновением новой парадигмы [5]. Насколько такой подход приложим к установлению отношения религиозной традиции и новации?

Легко заметить, что применительно к развитию научного знания модальность нормы и аномалии не несет оценочной коннотации. В этом аспекте они являются лишь относительными, взаимозаменяемыми обозначениями тех изменений, которые совершаются в содержании научного знания. Когда же мы обращаемся к религии, оценочная нагруженность дефиниций традиция/новация многократно возрастает, причем именно с акцентом на «хорошо» (норма) и «плохо» (аномалия). Апологетические интенции представителей конкретных религиозных течений обуславливают использование данной оппозиции в полемических целях. Здесь выбор критерия в определении нормы и аномалии демонстрирует субъективность представлений исследователя, а, следовательно, делает уязвимой его позицию для критики.

Но наличие оценочных обертонов «нормы» и «аномалии» – совсем не основание для полного отказа от признания их онтологической обусловленности. Последняя видится в том, что норма может рассматриваться как широко распространенный стандарт, подкрепляемый соответствующими санкциями, а аномалия как нечто противоположное. Другое дело, что любой стандарт, любая норма подвержены изменениям: потому и нет завершеного онтологического основания нормы и аномалии. То, что аномально в одной системе норм, может в другой системе занять положение нормы. В различных исторических условиях норма и аномалия принимают различные производные значения, в результате чего меняется содержание и характер дозволений, запретов и предписаний. Именно в этом смысле мы понимаем утверждение В. Н. Сырова, который говорит, что «нет сущности, «онтологически» присущей тем или иным движениям, а есть формы проявления черт, которые в современной культуре принято считать неприемлемыми» [10].

Иными словами, религиозные норма и аномалия раскрывают себя только в рамках социально-исторического контекста. Как социальные практики они с ним либо совпадают и тогда выступают в качестве нормы, либо, напротив, занимают в нем маргинальное положение и именно тогда приобретают вид аномалии или девиации. В этой трактовке легко угадывается процесс конкуренции социальных практик, в результате которого одни начинают играть доминантную роль, а другие локализируются в рамках периферии. При таком рассмотрении инновационность становится синонимом процессов перераспределения от-

ношения доминантных и периферийных практик. Следовательно, разграничить религиозную традицию и новацию однозначно не возможно.

Констатируя эту относительность, зададимся вопросом, какую роль в процессах социогенеза играют сами формы самопрезентации религиозных практик в качестве новационных или традиционных и как они соотносятся с объективными тенденциями исторического процесса? На наш взгляд, апелляция к традиционности и новационности есть процесс построения дискурса, в котором старое и новое выстраиваются в определенную смысловую схему исторического процесса. Воспроизводство этой схемы позволяет религиозным практикам занимать конкретное место в социальном пространстве, либо менять его, но одновременно устанавливать связь с различными нерелигиозными общественными явлениями, освящая их либо как наследие предков, либо как свидетельство прогресса. Фактически речь идет о процессе социального конструирования посредством самопозиционирования.

Так, обозначение себя в качестве традиции одновременно означает декларацию миссии, которая, в частности, состоит в сохранении исторической преемственности, в воспроизводстве определенного понимания исторической последовательности. В рамках конструируемой исторической тенденции, традиция формулирует претензию на привилегированное место в социальном пространстве и особую значимость тиражируемых ею правил. Она подает себя как некую историческую необходимость. Обоснование традицией своей роли в обеспечении исторической связи предполагает развертывание повествования таким образом, чтобы некую совокупность социальных практик втиснуть в определенную схему («прокрустово ложе») исторической телеологии и оценить как закономерный результат общественной эволюции. Для этого подходит и циклическое видение исторического развития, и линейное, и маятниковое, и спиралевидное. В любом случае реконструируемой ретроспективной связи между прошлым и настоящим придается вид непрерывности.

Но насколько действительно возможна преемственность в постоянно меняющихся исторических условиях? На этот счет высказываются полярные мнения. Так, по мнению Б. М. Кедрова, принцип повторяемости в развитии детерминирует содержание всех сторон человеческой деятельности. Беря за основу диалектико-материалистический подход, он доказывает, что явления, меняясь в ходе истории, обнаруживают преемственность с «зародышевыми» формами, являются прямыми их продолжениями и потому содержат их в себе [4, с. 132]. Автор говорит о единстве и постоянстве законов функционирования общества, благодаря чему фазы его исторического развития демонстрируют высокую степень повторяемости закономерных явлений при сохранении видимого разнообразия [4, с. 26 – 35]. В свою очередь Д. Смит, исследуя процесс социальной динамики с позиций современной протестантской телеологии, приходит к схожему выводу, согласно которому историческое время предстает в качестве «аре-

ны для раскрытия Духа и таким образом серьезно воспринимает плоды времени по мере их реализации в традиции. Это не означает сделать фетиш из традиции, а скорее осознать, что время – это средство для Божьего продолжающегося откровения» [9, с. 181]. Как видно из приведенных суждений, позиция, в которой факт существования преемственности и как следствие традиции в виде исторической данности, имеет своих сторонников. Рассмотрим противоположную точку зрения.

Ее представители обращают внимание на то, что при внимательном рассмотрении социальные институты, чья история насчитывает сотни или тысячи лет, демонстрируя видимую стабильность и неизменность своих форм, на поверку оказываются результатом глубоких и существенных трансформаций, меняющих их содержание. К примеру, если сопоставить поведенческие стандарты и детали культа в рамках одной религии на разных этапах ее развития, то можно увидеть их существенное различие. Примером может служить вовлечение современных технических средств в процесс проведения религиозного обряда, изменение состава участников религиозных церемоний или трактовки священных текстов и т. п. Так, известны случаи создания онлайн-церквей, где в виртуальном режиме можно принять участие в религиозном действе [7].

С определенной точки зрения бытие любых социальных явлений в аспекте их исторической ретроспективы и перспективы на самом деле дискретно, а кажущаяся стабильность есть лишь следствие интерпретации. Так, в рамках постмодернистского (Г. Башляр, М. Фуко) и постпозитивистского (Т. Кун, И. Лакатос) подходов подчеркивается уязвимость любых обоснований исторической преемственности, их искусственный характер, выдающий прагматические намерения тех, кто пытается соткать связующую нить времен. М. Фуко, критикуя саму идею непрерывности, считает традицию понятием, необоснованно позволяющим «придать особый (*singulier*) временной статус совокупности феноменов, которые являются одновременно последовательными и тождественными (или, по крайней мере, аналогичными); оно дает возможность переосмыслить рассеивание истории в форме того же самого; оно позволяет устранить различие, свойственное любому начинанию, чтобы непрерывно находиться в поисках бесконечного определения истока; благодаря этому понятию мы можем выделить новшества на фоне неизменности и приписать их оригинальности, гению, собственному решению индивидов» [11, с. 61 – 62].

Если принять эту критику и спроецировать ее на сферу религиозных отношений, то факт иллюзорности в ней традиции в принципе будет казаться весьма очевидным, а вывод о перманентной, тотальной инновационности сферы религиозных отношений независимо от того рассматриваем ли мы церковные организации или секты вполне логичным. Согласиться с этим мы не можем, поскольку при таком подходе любая кажущаяся константной форма сводится к комплексу спонтанных флуктуаций, а это не так: область религиозной активности вместе с динамизмом демон-

стрирует заметную степень устойчивости. Добавим к этому, что и сами представители постмодернистской и постпозитивистской методологии пытаются категоричность своего вывода относительно предельной степени дискретности социальных явлений частично скорректировать путем обращения к явлениям, демонстрирующим высокую степень стабильности: эпистема (М. Фуко), парадигма (Т. Кун). Тем не менее говорить о безусловном характере исторической преемственности, принимая во внимание приведенные выше точки зрения, оказывается затруднительно.

Все то, что было сказано выше, свидетельствует о том, что ни традиция, ни новация не могут восприниматься только как произвольные продукты человеческой субъективности или только как константные характеристики бытия. Их следует понимать и как конкурирующие идеологические продукты, и одновременно как варианты реагирования субъектов религиозных практик на изменяющиеся исторические условия. Учет последнего (объективного) аспекта способствует выработке иной, более адекватной, трактовки религиозной новации, позволяющей избежать противопоставления старых и новых религий как курсов, использующих категории традиционности и новационности, нормы и аномалии. Учет не только субъективных, но и объективных аспектов религиозности создает предпосылки для рассмотрения не только новых, но и традиционных религий как источники религиозной новации, как продуценты новой социальности и, наконец, как генераторы социального порядка. В чем же состоит эта инновационность?

Как было сказано ранее, любые религиозные практики представляют собой единство процессов творчества и воспроизводства в их различном соотношении. Дискурс традиции в основном позиционирует себя как средство репродуцирования того, что было создано ранее, а дискурс новации демонстрирует интенцию на формирование того, чего ранее не было. Их общей целью является достижение или сохранение доминантного положения конкретных практик. Результатом этого стремления нередко становится конкуренция нескольких альтернативных версий традиции или новации. Например, на роль традиции с большим успехом будут претендовать те практики, субъекты которых обладают ресурсами и властью, поддержкой закона и масс, исторической и культурной укорененностью, а на роль новации – те, которые носят маргинальный характер и лишены масштабного влияния на общество. С этой точки зрения, те проявления религиозности, которые принято называть традиционными – собственно сами традиционные религии, этому критерию соответствуют полностью, они обладают всем тем, что позволяет им доминировать в конкретном социальном пространстве.

А как дело обстоит с новыми религиозными явлениями? Значит ли, что говоря о религиозных новациях, мы а priori должны предполагать те образования, которые лишены не только официальной поддержки, но и широкого социального признания? Думается, что прямой зависимости здесь нет и те религиозные практики, которые не имеют поддержки в лице официального ресурса, вполне могут быть востребованными

представительной частью социума. Например, долгое время колдовство в Европе запрещалось и преследовалось церковью, официально занимая в обществе маргинальное положение. Но, несмотря на все усилия церкви, обращение к знахарям и гадалкам оставалось широко распространенным явлением. Следовательно, колдовство с точки зрения хронологии своего существования и масштабы оказывается явлением столь же традиционным как и священство, хотя и находящимся на периферии религиозной жизни. И даже последнее обстоятельство в значительной степени становится неочевидным с того момента, как устанавливается свобода вероисповеданий. Отныне мирянам предлагается широкий спектр услуг целителей, гадалок, колдунов и ведьм, активно апеллирующих к традициям предков. Другими словами, то, что сегодня рассматривается в сравнении с религиозной традицией в качестве экзотического новшества, имеет полное право также называться традицией.

Очевидно, что современность позволяет определить свой характер в качестве традиции или новации любым религиозным практикам. Какие угодно социальные общности, стремящиеся утвердить свой статус в качестве религиозного истеблишмента или просто работающие над улучшением своего положения, в зависимости от конъюнктуры используют для этого обращения либо к традиционности, либо к инновационности. Заметно, например, что представители традиционных религий стремятся продемонстрировать открытость некоторым новым тенденциям, соответствие своих доктрин интересам молодого поколения, собственно, даже соответствие языка религиозного диалога современным нормам [12].

Независимо от того апеллируют ли субъекты религиозных практик к традиции или говорят от имени инновационности важно понять, что они не только конкурируют друг с другом, но и формулируют «ответ» на вызовы времени, тем самым активно приспосабливаясь к социальным изменениям. Вот почему религиозную новацию следует понимать как совокупный результат усилий субъектов по репродуцированию религиозных практик в изменяющихся исторических условиях. Их задача не только адаптироваться к социальному контексту, но и в соответствии с задачей его преобразовать, сформировать таким образом, чтобы сохранить свое влияние и в дальнейшем. По сути, речь идет о перераспределении социальных позиций религиозных практик в меняющейся системе координат социального пространства, в результате которого закрываются одни и открываются другие ниши, происходит формирование новой конфигурации социальных порядков, осуществляется продуцирование новых форм социальности. Иными словами, для понимания внутренних закономерностей религиозного и его корреляции с социогенезом предметом изучения должны стать не столько отношения старых и новых религий, сколько изменения условий религиозной активности и перераспределение социальных позиций ее субъектов как следствие их усилий, направленных на формирование жизнеспособных и конкурентоспособных религиозных практик.

Традиционные религии, составляющие религиозный истеблишмент, и новые религии, находящиеся на периферии религиозной жизни реагируют на изменение этих условий по-разному. Если религиозное творчество первых имеет существенные ограничения, то вторые первоначально не скованы определенным канонами. Правда их место в обществе со временем может меняться. Главное то, что в ответ на исторические сдвиги в процессе религиозного происхождения трансформации содержания духовной жизни субъектов, вырабатываются новые формы деятельности и взаимодействия. В результате рождаются новые семантические конструкции, возникают новые организационные формы. Отметим, что понятие религиозной новации не исключает из рассмотрения традиционные религии, а наоборот дает возможность описать их как носителей творческой активности. Изучение новой религиозности переводит анализ процессов религиозного в иную плоскость, нежели противопоставление старых и новых религий. Конечно, оно существует, но повторимся, носителями инновационной религиозности в ходе социальной динамики становятся все участники сферы религиозных отношений.

Все дискуссии по поводу новаций объединяет общая проблема – возможность развития религиозных институтов в современном обществе и их способность сохранять связь с различными сферами жизни общества. Но устанавливая с ними контакт, религия демонстрирует свой потенциал к их изменению, трансформации их содержания. Действительно, новые религиозные образования нередко проявляют большую мобильность в освоении современного социального пространства, участвуя в разработках новых форм современного менеджмента, правил ведения эффективного бизнеса, построения межличностных отношений. Тем не менее говорить о том, что только они созвучны эпохе мы не можем.

Новаторству традиционных религий есть немало свидетельств. Как известно, в рамках иудейской, мусульманской, христианской конфессий в разных исторических условиях ставился и решался вопрос о допустимости и условиях корректировки некоторых привычных стандартов, скажем, в области осуществления кредитно-денежных операций, употребления новых продуктов питания, использования потенциала информационных технологий и т. п. Например, в современной России активно обсуждается вопрос о вероятности создания православного банкинга [3; 8].

Таким образом, продуктивным подходом к интерпретации религиозной новации является преодоление привычных когнитивных схем противопоставления старой и новой религиозности как оппозиции церкви и секты, традиционной и нетрадиционной религии, нормы и аномалии. Религиозная новация как репрезентант и генератор социальности раскрывает себя в реализации усилий по репродуцированию религиозных практик в изменяющихся исторических условиях как путем включения в социальный контекст, так и путем его преобразования. В результате зримым воплощением религиозной новации становится перераспределение социальных позиций в трансформирующейся системе координат социального простран-

ства, освоение различных сфер жизни людей и в конечном счете участие в формировании новых социальных порядков. В то же время репродуцирование религиозных практик в ходе исторического развития в большей или меньшей степени оказывает влияние на их форму и содержание, что позволяет религии выступать не только в качестве репрезентанта, но и в качестве фактора, а точнее продуцента становления новой социальности. Само репродуцирование религиозных практик результируется в двух стратегиях религиозного генезиса: стратегии реконструирования и стратегии трансформации религиозных оснований повседневной жизни. Эти стратегии проявляют себя не столько в рамках конкретных религий, сколько в масштабах всей совокупности социальных отношений безотносительно того, кем оказываются их субъекты, носителями каких религиозных представлений они

являются, насколько, наконец, они вовлечены в функционирование существующих религиозных сообществ.

Религиозная новация порождает рекурсивную сеть социальных практик, которые позволяют религии выстраивать и воспроизводить себя в качестве необходимой составляющей мышления и поведения индивидов, их взаимодействий, организованных форм коллективной деятельности, дают возможность смоделировать, а потом и сгенерировать своего рода мирской прототип полагаемого объекта веры. Религиозные практики в качестве репрезентанта и фактора социальности, совмещающего в себе объективный и субъективный компоненты, образуют то пространство, в рамках которого происходит разрушение прежних конструкций социального порядка, осуществляется подготовка к созиданию нового.

Литература

1. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 64 – 87.
2. Гаврилов Е. О. Проблема социальности в контексте классических и неклассических интерпретаций // Вестник КемГУ. 2014. № 1(57) Т. 2. С. 185 – 191.
3. Катасонов В. О православных банковских утопиях // Русская народная линия. 31.12.2014. Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2014/12/33/o_pravoslavnyh_bankovskih_utopiyah/ (дата обращения: 01.09.2015).
4. Кедров Б. М. О повторяемости в процессе развития. Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 152 с.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с. // Центр гуманитарных технологий. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3811> (дата обращения: 01.09.2015).
6. Мангейм К. Идеология и утопия // Электронная библиотека RoyalLib.com. Режим доступа: http://royallib.com/read/manngem_karl/ideologiya_i_utopiya.html#884825 (дата обращения: 01.09.2015).
7. Интернет-верующие: пасторы открывают онлайн-церкви // Благовест-инфо (05.11.2009). Режим доступа: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=30672> (дата обращения: 01.10.2014).
8. Писаревский В. Переход на нравственный бизнес – реально ли это? // Православие.Ru. 01.02.2011. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/44403.htm> (дата обращения: 01.09.2015).
9. Смит Д. Церковь и постмодернизм. Как найти место в церкви Лиотару, Фуко и Деррида? Черкассы: Коллоквиум, 2012. 214 с.
10. Сыров В. Н. Некоторые соображения о методологии определения нормы и девиации в религиозной жизни // Религиозная ситуация в российских регионах: тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 10 октября 2008 г.). Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2008. С. 15 – 19. Режим доступа: <http://www.любому.рф/index.php/stati/130-nekotorye-soobrazheniya-o-metodologii-opredeleniya-normy-i-deviatsii-v-religioznoj-zhizni> (дата обращения: 01.09.2015).
11. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. 416 с.
12. Эпштейн М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 416 с.

Информация об авторе:

Гаврилов Евгений Олегович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (г. Новокузнецк), Gavrilich@yandex.ru.

Evgeniy O. Gavrilov – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Russian Federal Penal Service (Novokuznetsk).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ «ВСЁ» И «НИЧТО»

Е. Ф. Казаков

MAN BETWEEN “ALL” AND “NOTHING”

E. F. Kazakov

В статье рассматриваются онтологический и эпистемологический потенциал использования категорий «всё» и «ничто» для описания модусов человеческого существования. Человек представлен стремящимся к сверхбытию и сверхпознанию, непрерывно преодолевающим себя и окружающую реальность. Человек – «середина» между Ничто (в котором потенциально содержится Всё) и Всё (как актуальности, всегда неполной в каком-либо отношении, то есть всегда содержащей в себе Ничто как актуальность). Человек определяется через понятие «душа», которое понимается как Всё человеческое. Человек «больше» мира, так как ему всегда «мало» мира. В статье рассматривается развитие процессов осмысления «всё» и «ничто» как модусов человеческого существования в античной, средневековой, ренессансной и современной мысли.

The paper discusses the ontological and epistemological potential of the use of the categories of “everything” and “nothing” to describe the modes of human existence. People are represented as seeking for superbeing and corpora, constantly transcending themselves and the surrounding reality. Man is “the middle” between Nothing (which contains potentially Everything) and Everything (like relevance, which is always incomplete in any respect, that is, always contains Nothing as relevance). Man is defined through the concept of “soul”, which is understood as Everything that is human. People are “bigger” than the world, as the world is always “too small” for them. The paper discusses the development of the processes of understanding “everything” and “nothing” as modes of human existence in the ancient, medieval, Renaissance and modern thought.

Ключевые слова: всё, ничто, бытие, человек, душа, модусы, онтологическое, эпистемологическое, актуальное, потенциальное, история, античность, средневековье, Ренессанс, Новое время, современность.

Keywords: everything, nothing, being, person, soul, modes, ontological, epistemological, current, potential, history, antiquity, middle ages, Renaissance, modernism, modernity.

Категории «Всё» и «Ничто» могут быть использованы для обозначения крайних «полюсов» человеческой жизни. Если категорией «Всё» можно обозначить полноту осуществлённости человека (когда в человеческой единичности находит выражение обще-всеобщее, родовое, вселенское, метафизическое); то категорией «Ничто» – его предельную неосуществлённость, «нульмерность» [13, с. 119] (когда человеческая единичность минимизируется, отделяется, закрывается от обще-всеобщего, родового, вселенского, метафизического, коллапсирует, «схлопывается»).

Категория «всё» используется в философии не часто, обычно замещаясь категорией «бытие», и обозначающей «всё сущее» (напр., Ж.-П. Сартр «Бытие и ничто»). Но парной категорией для «бытия» (начиная с Парменида) предстаёт «небытие»; парной категорией для «ничто» – «всё» [4, с. 5 – 6]. Человек не только хочет «всем быть», но и хочет «всё познать» всеми доступными ему средствами. Поэтому применительно к человеку категория «всё» включает в себя, наряду с онтическим, ещё и эпистемное содержание.

Человек – единственное существо, стремящееся *всё* познать и *всего* достичь, нередко независимо от целесообразности и продуктивности результата. Человек – неудержимый максималист во всём («или всё, или ничего», «или грудь в крестах, или голова в кустах»; «если жениться, то на королеве; если красть, то миллион»), «возвышение» его потребностей неостановимо. Человек стремится к абсолютному знанию, абсолютному счастью, абсолютной справедливости, абсолютной красоте, абсолютно идеальному обществу, то есть к абсолютному совершенству и абсолютной власти.

Всегда желая то того, то того, то того... человек латентно желает Всего.

В отличие от всех других существ, человек никогда не может быть полностью удовлетворён настоящим (А. Маслоу: «Человек – вечно хотящее животное, никогда не достигающее полного удовлетворения») [14, с. 72]. Человеку всегда мало того, что у него есть (и что он есть) в настоящий момент времени (см.: [25, с. 27]). Именно превращение человека в «машину» непрерывных желаний и обуславливает его перманентные страдания, рождающие состояние постоянной неизбывности, несчастности.

Тягу к избыточному (то есть к *сверхбытию* и *сверхпознанию*), не свойственную природному миру, можно пытаться объяснить «недоношенностью» человека, «эволюционным сбоем», влиянием «высших сил»... Стремление к абсолютному не может не быть стремлением к Абсолюту. Абсолютное (как потенцию и интенцию) в человека мог вложить только Абсолют (как актуальность). Таким образом, из человеческого «абсолютизма» выводимо существование Всесовершенного Творца (Б. Паскаль: «Стремление человека к совершенному счастью может удовлетворить только Совершенный Творец») [17, с. 121].

Но, «кто много хочет, тот мало получит». Достичь абсолютного можно только став Абсолютом. Движение к Абсолюту (в силу Его бесконечного совершенства) является для человека вечным становлением (обоживанием), никогда не достигающим конечной цели (раз и навсегда). В результате, человек обречён быть всегда частичным, а значит, не-с-частным, точнее, счастливо-несчастливым (так как достигая очередной

ступеньки на своём пути, он испытывает миг счастья, сменяющийся новым разочарованием-несчастьем, в связи с открывшейся впереди перспективой).

Прежде всего, «человек есть душа» (Сократ). Всё самое главное заключено именно в ней (Биант: «всё, что имею, ношу с собой»; точнее сказать: *в себе*). Душа, *в непосредственном виде (в «узком смысле»)*, есть вся внутренняя нематериальная жизнь человека; душа *в опосредованном (объективированном) виде (в «широком смысле»)* есть весь продуцированный человеком внешний нематериальный и материальный мир. *Душа есть внутренний и внешний мир человека, то есть душа есть ВСЁ человеческое* (именно при такой постановке вопроса особенно отчётливо видно, как душа отличается от психики, явно не «покрывающей» собой всю человеческую культуру).

Душа человека есть единство имманентного и трансцендентного, поэтому она – «больше» человека, другими словами, человек – «больше» себя самого. Непреходящая интенция человека – попытка превзойти, преодолеть себя (*«Если человек не становится больше, чем он есть, то становится меньше, чем он есть»* (Гиллель)). В человеке есть человеческое, очеловеченное, сверхчеловеческое, то есть Всё (в непрерывной, вечной, всегда незавершённой, актуализации). Человек есть всегда (в той или иной мере) потенциальное Всё и актуальное (в той или иной мере) Ничто. Всё и Ничто – не статичные «точки», а процессы, находящиеся во взаимосвязи и взаимопереходе. Человек есть непрерывное становление («челночное движение», «вечное возвращение»), восхождение Ничто во Всё, и нисхождение Всё в Ничто. *И в каждой «точке» своего исторического пути он есть одновременно Ничто (в его актуальности) и Всё (в его актуальности и потенциальности), и в то же время не Ничто и не Всё.* Всёшность-ничтошность – перманентная индивидуально-родовая характеристика человека. Непрерывная процессуальность, постоянная незавершённость виртуализируют природу человека, делая её трудноуловимой.

«Человек есть существо, в котором уникально раскрыт принцип существования *всего сущего*» [20, с. 126]. **Человек – единственное творение, в котором есть ВСЁ:** физическое и метафизическое, имманентное и трансцендентное, биологическое и социальное, обыденное и возвышенное, доброе и злое, устойчивое и изменчивое, конечное и беспредельное... В человеке заключено «больше», чем во всём вместе взятом тварном мире (лишь ему дарован ещё и «образ Божий»). И в ангеле, и в звере, и в материи, и в виртуальности – частичность. Человек – «узелок» мироздания, связывающий все его «нити» воедино. Исходя из того, *что есть человек*, можно предположить, *зачем он есть*. Для спасения вселенной от энтропии, возможно, и ценой самопожертвования (см.: [7, с. 418])... Человек – «ничтожная единичность», способная и должная вместить в себя Всё, спасти Всё, а значит, равнозначная Всё, ответственная за Всё. **Человек – Ничто, в котором Всё;** Ничто и Всё в человеке сходятся, *во мне сходятся...*

Я – меньше вселенной, себя... Хотя бы потому, что моё существование «опережает» мою сущность, до конца не актуализируемую в существовании никогда. Моя сущность – величина, близкая к Всё, моё сущест-

вование – величина, близкая к Ничто. *Я – равен вселенной, себе...* В тот миг, когда сущность «находит себя» в существовании. *Я – больше вселенной, себя...* Когда в моём существовании выражается не только моё Я, но и моё сверх-Я, моя-сверх-моя трансцендентность. Можно «свернуть» в формулу вселенную, но нельзя «свернуть» в формулу *моё Я. Человек больше мира, так как ему всегда мало мира*, мало себя, всегда мало того, что есть. **Внутренний мир человека (потенциально или актуально) больше внешнего мира.** Поэтому он периодически «раздувает шар» бытия, внутри которого сам и обретается. Я – «больше» вселенной, потому что Бог – больше вселенной, *Бог во мне...*

Человек – «Всёшнее» Бога, так как в нём есть то, чего нет в Боге – брэнность и несовершенство (способность нести зло, смерть, ложь, уродство...). И по этой же причине человек – «Ничтошнее» Бога (Который только совершенен). Человек «всёшнее» всех других творений за счёт своего «метафизического дыхания» и в то же время «ничтошнее» всех, так как в нём есть такие ущербы и пороки, которых более нет ни у кого. И в этом смысле травинка совершеннее человека... Человек, своей «всёшно-ничтошностью», одновременно и спасает и разрушает себя-мир, и приближает и отдаляет его от Бога. Поэтому «человек – слава и хлам вселенной» [17, с. 58].

«Всёшно-ничтошность» – неотделимый от человека модус его существования, осмысление которого происходит на протяжении всей истории мысли.

Ещё *в доисторический период* начинается «выковыривание» *Всего человеческого* из *Всего не/сверхчеловеческого*. Процесс самоидентификации *Всего человеческого* происходит через дифференциацию от зверя, от мёртвого, от вещи, от духов... Как оказывается, человек не сводим ни к одной из этих оппозиций и в то же время соотносим с каждой из них, неся в себе «крупницу» и того, и того, и того, то есть, «крупницу» *Всего*. Человек начинает представлять *микроуниверсумом*, единичностью, в которой (в «свёрнутом виде») сосредоточено Всё (см.: [11, с. 212 – 215]).

Для греков человек есть Всё (естественно – лишь свободный человек, однако свободными в Греции были не все; но в диалоге «Менон» Платон устами Сократа, доказывает, что даже душа раба может припомнить знания в настоящем ему неизвестные; то есть, в принципе, и в душе раба, а значит, в душе каждого человека есть Всё как потенция). Демокрит доказывал, что человек есть «микрокосм», то есть вселенная в миниатюре. Из этого же исходил Хилон: «познай себя, и ты познаешь вселенную и богов» [12, с. 75]. В человеке есть Всё, так как человек – дитя Всего, а дети не могут не быть подобны родителям. Только в том случае, если человек есть Всё, он и может быть «мерой всех вещей, как видимых, так и невидимых, как существующих, так и не существующих» [19, с. 152]. Однако человек – не Бог, поэтому полемизируя с Протагором, Платон утверждал: «Бог есть подлинная мера всех вещей» [18, с. 211]. Но, лишь в том случае, если Бог – совершенство, что к олимпийским Богам подходило далеко не в полной мере.

В античном Боге, в отличие от человека, Всё актуализировано гораздо больше. Но в политеизме Всё в полной мере не может быть актуализировано ни в од-

ном Боге, каждый из олимпийских Богов – частичен (Зевс – частичен в наименьшей степени). И Зевс не есть Всё, но Всё актуализировано в Нём гораздо больше, чем в людях, и отчасти больше, чем в других Богах. В Богах есть человеческое (из их ран течёт кровь), в человеке есть Божественное (по Аристотелю, например, это – бессмертный разум). Но Бог, имеющий телесное обличие, не может пребывать в человеческой душе. *Божественное в человеке есть, но Бога в человеке нет.* Поэтому «всё во всём», – говорил Анаксагор, – но тут же делал важное уточнение: «во всём есть часть всего» [3, с. 111].

Гораздо в меньшей степени развёрнуто у греков представление о том, что *человек есть Ничто*. Данное утверждение следует, например, из Сократовского «я знаю только то, что ничего не знаю». Если я «ничего не знаю», то я Ничто. Но, если я знаю об этом, то я не есть Ничто. Поэтому в человеке есть Ничто, но человек к Ничто (как нульмерности) не сводим. Человек есть непрекращающееся восхождение Ничто во Всё, и – нисхождение Всё в Ничто. *Человек не есть Всё, человек не есть Ничто, человек есть непрерывно (гетерохронно и разнонаправлено) становящееся Нечто.*

Для средних веков (в христианской традиции) Бог есть Всё, создающее из Ничто Всё («всё сотворил Бог из ничего») [6, с. 7, 28]. Бог есть абсолютная полнота актуализации Всё, так как Он – Един (монотеизм), Всесведущ, Всемогущ, Всеблаг, Вездесущ, одним словом, Всесовершенен. Человек сотворён из *всего* «праха земного», а в тело его вложен дух («образ Бога», несущий в себе совершенство Творца). Если Бог – беспрельно Совершенен, то человек относительно Него – всегда невоссовершенен. *Человек есть Ничто*, он мал, слаб и грешен, и без Бога – просто гибнет. Но в человеке есть образ Бога, то есть крупица-зерно Всего. *Человек есть Всё*. Образ Бога есть в душах *всех* людей. Утверждая, что у раба есть душа, а в ней – образ Бога, Христос совершает *духовную революцию*. После этого уже нельзя было не относиться к рабу, как к человеку равному любому другому. Рабство рухнуло. Важнейшим прорывом христианства было утверждение представления, что *Всё есть в каждом человеке*. Всё есть в Ничто, значит, Ничто – не самотождественно (в отличие от самотождественности Божественного Всё).

Цель человеческой жизни – движение от Ничто ко Всё, то есть от Всё потенциального ко Всё актуальному, возвращение в себе и мире Божественного «зерна», «стяжание духа святого». Неся образ Бога, представая сотворцом Бога, человек призван включиться в преобразование Ничто во Всё. Для этого в человеке есть необходимый *«божественный потенциал»: всё может Бог во мне, значит и я могу...* Но, и праведность, и святость не превращают человека во Всё (не случайно все святые называют себя грешниками), так как Бог – бесконечно Всесовершенен, относительно чего человек всегда будет невоссовершенен. Ничто приближается ко Всё, но никогда не становится Всё. Приближаясь к Богу, человек должен становится «больше», но он остаётся таким же младенцем, вечной потенцией Всё (относительно всегда недостижимого, всегда «отдаляющегося» в беспредельность, Божественного всесовершенства). Человек – перманентное Ничто, несмотря ни на что и вопреки всему, старающееся *овсёшиться* («Бог стал

человеком, чтобы человек стал богом» [2, с. 110]), но никогда не достигающее полной тождественности с Всё. Человек – *всегда становящееся Всё и никогда – ставшее...*

В эпоху Возрождения утверждается представление, что человек рождается как реальная возможность Всего, и именно на нём самом лежит ответственность за превращение её в действительность. Пико делла Мирандола («О достоинстве человека») утверждает, что Творец, ставя человека в центр мира, повелел: «...не даем мы тебе, Адам, ни определенного места, ни собственного лица, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанности ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Ты, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя представляю» [10, с. 510]. Допустимыми считались *все* потребности души и тела. Величие человека представлялось в свободном поиске возможностей своего *всестороннего* совершенствования, в «творении себя собою». Особенностью было утверждение, что *каждый* человек есть самостоятельное, свободное, индивидуальное, неповторимое «собрание букета» Всего, уникальная *единичность Всеобщая*.

В Новое время стремление к Всёшности продолжилось. Нарастает отдаление человека от Бога, в результате чего он (в своих собственных глазах) становится всё больше и больше. Если для утопистов Ренессанса Всёшность человека была принадлежностью будущего, то для «реалистов» Просвещения – это уже принадлежность настоящего. Выведя себя за рамки сравнения с Богом, человек предстал сам для себя мудрым, сильным и властным, способным Всё познать и Всё осуществить. Если убрать высшую (горнюю) планку ценностей, то величие человека безусловно и всецело; если убрать небо, останется одна земля, и над землёй – земля... Поэтому, «если бы Бога не было, то его следовало бы выдумать» (Вольтер). Начинается головокружение от Всёшности самого себя.

Б. Паскаль со всей определённоостью обозначает вселенско-метафизическое местопребывание человека: «Человек – середина между всё и ничто; всё по сравнению с ничто, и ничто по сравнению со всем» [17, с. 135]. Выпадение из «срединного гнезда» и обуславливает кризис самоидентификации, вызывая чувство потерянности, неуверенности, неопределённости. Сохраняется в Новое время и христианская трактовка соотношения Всё и Ничто, Бога и человека, выраженная, например, Г. Д. Державиным в оде «Бог»: «...Как капля, в море опущенна, / Вся твердь перед тобой сия. / Но что мной зримая вселенна? / И что перед тобою я? / В воздушном океане оном, / Миры умножа миллионом / Стократ других миров, – и то, / Когда дерзну сравнить с тобою, / Лишь будет точкою одною; / А я перед тобой – ничто. / Ничто! – Но ты во мне сияешь / Величеством твоих доброт; / Во мне себя изображаешь, / Как солнце в малой капле вод. / Ничто! – Но жизнь я ощущаю, Насытым некаким летаю / Всегда пареньем в высоты; / Тебя душа моя быть чаёт, / Вникает, мыслит, рассуждает: / Я есмь – конечно, есть и ты! / Ты есть! – природы чин вещает. / Гласит мое мне сердце то, / Меня мой разум уверяет, / Ты есть – и я уж не ничто! / Частица целой я вселенной, / Поставлен, мнится мне, в почтен-

ной / Средине естества я той, / Где кончил тварей ты телесных, / Где начал ты духов небесных / И цепь существ связал всех мной. / Я связь миров, повсюду существ, / Я крайняя степень вещества; / Я средоточие живущих, / Черта начальна божества; / Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь – я раб – я червь – я бог!...» [7, с. 115 – 116].

В XIX в., когда «умирание» Божественного Всё доходит до знаковой «точки» (ницшеанское «Бог умер»), человек дерзает сам превратиться во Всё (ницшеановский «сверхчеловек»), стать «святым без Бога», «богом без Бога». «Бог умер – человек свободен» [15, с. 56], свободен «во все стороны». Именно полнота свободы человека является условием его Всёшности. Человек «убивает Бога», чтобы самому стать Богом, в итоге: «человек человеку – бог» [21, с. 156].

«Маятник» отрицания Божественного Всё и вообще *Всего вне моего Я* достигает крайней точки в солипсизме, утверждающем действительность только *моего Я*, и сводящим к Ничто всё за его границами (фихтеанское «я есть всё», штирнеранское «я есмь всё»). Я – Ничто, создающее «из себя» Всё. «Я ничто не в смысле пустоты: я творческое ничто, то, из которого я сам как творец всё создам» [26, с. 121]. Превратив Бога в Ничто, человек превращает себя во Всё; достигается пиковая «точка» человеческой Всёшности, псевдо-Всёшности...

В русской философии в это время развивается *идея Всеединства*. Получает развитие представление, что Всё находится не в отдельных людях, а выходит за индивидуальные границы, интегрируясь в общечеловеческое соборное Всё. Все люди предстают единым соборным человеком. *Единичное Всё способно актуализироваться только в соборном Всё* (Н. Ф. Фёдоров: «спастись в одиночку нельзя, спастись можно только всем вместе со всеми»; Д. С. Мережковский: «Спасти половину человека нельзя, и спасти половину человечества нельзя»). Единичное (человеческое) понимается как акциденция всеобщего (человеческого), индивидуальная душа – как акциденция родовой души. Мировая история предстаёт как соби́рание рассыпавшегося на отдельные монады соборного человека (богочеловека), соборного человечества (богочеловечества). Носителем актуализированного Всё предстаёт только соборное богочеловечество. Подлинный человек – это богочеловек; человеческая всёшность может быть обретаема только через единение со Всёшностью Бога. Идея соборности неотделима от идеи мессианства: чтобы спасти себя, надо спасти всех. *В одном есть Всё, потому что в одном есть Все* (Ф. М. Достоевский: «все виноваты во всём»; Д. Донн: «Не спрашивай, по ком звонит колокол, он звонит по Тебе»). *Актуально (в полноте) существует только всечеловечество («богочеловечество»), подлинно существует только всечеловек («богочеловек»)*.

У *космистов* человек предстаёт продуктом эволюции не только Земли, но и *всего* Космоса. Человек есть то, что он знает; раздвижение знаний человека о мире есть раздвижение границ самого человека, человеческого. Сознание человека предстаёт не только родовым, планетарным, но и вселенским (современные исследования делают сознание человека кластерным и суперкластерным, расширяющим его до размеров Ла-

ниакеи). Всёшность человека делает его ответственным за судьбу не только всего земного, но и за сохранение Галактики (см.: [9, с. 429]).

В *нацистской идеологии* только высшая раса – Всё, низшие же расы – Ничто (настолько Ничто, что их покорение, подавление, и даже исчезновение, в том числе насильственное – благо). Если раньше в одном человеке (или во всём человечестве) искали Всё и Ничто, то теперь происходит *рефлексия во вне*: носителями Всё и Ничто предстают разные общности людей. Обособление и поляризация Всё и Ничто раскалывают не человека, а человечество.

В *коммунистической идеологии* Бога (как Абсолютного Всё) нет, его место призван занять человек (Э. Потье «Интернационал»: «кто был ничем, тот станет всем»). Коммунистическая идея постулирует Всёшность человека как перспективную актуальную возможность, реализуемую в «светлом будущем». В отличие от нацизма, здесь осуществляется попытка актуализировать Всё в каждом человеке, всём человечестве, а ни в одном народе (коммунизм как мировая мессианская «религия» без Бога). Всё – как возможность, становление Ничто во Всё – как действительность. Непреодолимый разрыв между абстрактной возможностью и конкретной действительностью превратил Всёшность человека в квазицель. Чем больше человек стремится ко Всему, тем ближе он оказывается к Ничто, обезличиваясь и мельчая (Б. Паскаль: «чем ближе к ангелу хочет быть человек, тем ближе он оказывается к зверю»; А. Галич: «кто был ничем, тот стал никем»).

Во второй половине XX в. человек достигает максимальной за всю историю степени «свободы от» (природы, деспотического государства, жёсткой экономической зависимости, Бога, прошлого), то есть внешней свободы [22, с. 43]. *Внешний человек* обретает раскрепощённость, позволяющую ему получить предельную *Внешнюю Всёшность*. Однако обретение «свободы от» не стало условием для обретения «свободы для». Внешняя свобода предстала как самоцель, самоценность, а не как условие для внутренней свободы. Стал нарастать контраст между *Внешней Всёшностью* и *Внутренней Ничтошностью*. Мечта утопистов и просветителей о том, что внешняя свобода будет бесценным и достаточным условием для внутреннего саморазвития человека, потерпела крах. Внешняя свобода стала использоваться для потребления (потребления ради потребления) и гедонистического развлечения.

В современной массовой культуре Ничто – это не отдельный человек или отдельный народ, а Масса, пришедшая к власти (см.: [16, с. 70 – 72]). Масса – коллективный обезличенный человек, коллективное (планетарное) обезличенное Ничто, в противовес тонкой прослойке, сохраняющей лицо и некоторую Всёшность, элиты.

Ничтошность Внутреннего человека почувствовал и выразил *постмодернизм*, засвидетельствовав «деконструкцию человека как субъекта». «Постмодернизм с предельной выразительностью высказался о том, что в обществах современного типа реализуется устойчивая социальная потребность к обезличиванию и аннигиляции человека» [1, с. 63]. Человек был осознан как обезличенная функция социально-экономических, по-

литических, культурно-идеологических (в том числе семантических) структур, не способная существенно повлиять на них. Наступает «теоретическая смерть человека» («смерть субъекта») [23, с. 74]. Автор умирает, остается лишь актер, скриптор, «несущий в себе не страсти и чувства, а только небьющий словарь... жизнь лишь подражает книге, а книга соткана из знаков» [5, с. 165].

Человек предстаёт нульмерностью, одномерностью, функцией, имеющей все внешние права и свободы. *Внутреннее Ничто* вступает в диссонанс с *Внешним Всё*. Но нельзя быть подлинным *Всё во вне* без подлинного *Всё внутри*. Разрыв между внешней Всешностью и внутренней Ничтошностью достигает критической величины. Отталкиваясь от «дна» Ничто, человек пытается начать движение ко Всё, условием чего служит свобода самовыражения, проявление себя «во

все стороны» (Ж. Делёз: «любовь – это когда двое становятся не одним, а сотнями тысяч»), чему препятствует зашкаливающий нарциссизм (см.: [8, с. 204 – 205]). Человек меряет мир собой, меряет другого по себе, утверждая своё «Я» как критерий истины, как «меру всех вещей», меру всех мер...

Вся мировая история – это вечный поиск человеком своей идентичности и вечная невозможность её найти, так как система координат «низа» и «верха» (Ничто и Всё) подвижны, а «верх» – тот и просто малоуловим. Человек – перманентное *Нечто*, бесконечное *восхождение Ничто во Всё и нисхождение Всё в Ничто*, вечный кризис идентичности. Человек – это «открытая возможность», призванная, в конце концов, взять на себя *ответственность за Всё, что происходит в мире* (см.: [25, с. 96]). Лишь отвечая за Всё, человек и становится Всем...

Литература

1. Алейник Р. М. Проблема человека в философской постмодернистской литературе // Вестник ТГУ. 2007. № 296 (март). С. 62 – 69.
2. Александрийский Афанасий. Творения: в 4-х т. Т. 1. М.: Сергиева Лавра, 1994. 523 с.
3. Анаксагор «О природе» // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических космогоний до возникновения атомистики. Изд. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. С. 86 – 128.
4. Андреева Е. Всё и Ничто: символические фигуры в искусстве второй половины XX века. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 359 с.
5. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. 418 с.
6. Вторая Книга Маккавейская / Ветхий Завет // Библия: Сибирская благовонница. 2015. 1488 с.
7. Державин Г. Д. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. 465 с.
8. Жукова О. И., Жуков В. Д. «Нарциссический» человек как символ современного социума // Вестник КемГУ. 2015. № 1(61). Т. 2. С. 203 – 207.
9. Ильенков Э. В. Космология духа // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 415 – 437.
10. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. Т. 1. М.: Искусство, 1962. 614 с.
11. Казаков Е. Ф. Проблема начала истории // Вестник КемГУ. 2015. № 1(61). Т. 2. С. 211 – 216.
12. Лэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 265 с.
13. Марсель Г. Человек, ставший проблемой // Трагическая мудрость философии. Избранные работы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. 216 с.
14. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 253 с.
15. Ницше Ф. Весёлая наука. Злая мудрость. М.: Эксмо, 2006. 236 с.
16. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008. 189 с.
17. Паскаль Б. Мысли. М.: Азбука-классика, 2004. 406 с.
18. Платон. Законы. М.: Мысль, 1999. 397 с.
19. Платон. Тезетт // Собр. соч.: в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 463 с.
20. Порошенков С. В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2002. 408 с.
21. Фейербах Л. Сущность религии // Избранные философские произведения. М.: Политиздат, 1955. 456 с.
22. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Изд-во АСТ, 2014. 288 с.
23. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997. 567 с.
24. Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. 448 с.
25. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: Изд-во АСТ, 2011. 216 с.
26. Штирнер М. Единственный и его собственность. СПб.: Азбука, 2001. 448 с.
27. Derrida J. Adieu a Emmanuel Levinas // Губман Б. Расставание перед ликом бесконечности: Ж. Деррида прощается с Э. Левинасом: Матер. XI-й ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Академическая серия. Вып. 16. М., 2004. С. 89 – 106.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Фёдорович – доктор культурологии, профессор кафедры философии КемГУ, kemcitykazakov@mail.ru.

Eugeniy F. Kazakov – Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 14.09.2015 г.

КОНЦЕПЦИЯ «ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО РАЗРЫВА» В РАБОТАХ Л. АЛЬТЮСЕРА

Э. Ю. Осина

THE CONCEPT OF “EPISTEMOLOGICAL BREAK” IN LOUIS ALTHUSSER’S WORKS

E. Yu. Osina

Луи Альтюсер – выдающийся французский философ-марксист XX века, творчество которого широко распространилось в мире и вызвало различные интерпретации, оказав сильнейшее влияние на последующих мыслителей. Данная статья посвящена понятию «эпистемологический разрыв», которое ввел в научный оборот Альтюсер для выяснения вклада Карла Маркса в теорию социального детерминизма. Альтюсер подчеркивал, что Маркс создал новую науку – исторический материализм, которая, по своей сути, должна была стать ориентиром для всех остальных общественных наук. В статье поэтапно рассмотрена идейная эволюция Альтюсера в отношении концепции исторического материализма К. Маркса, проведен анализ реакции французского философа на критику его позиций со стороны других марксистов, например англичанина Дж. Льюиса, а также присутствует попытка продемонстрировать основные выводы, к которым приходит Л. Альтюсер в конце своих исследований.

Louis Althusser is an eminent French Marxist philosopher of the twentieth century, whose work is widely spread in the world and has caused various interpretations, and has a strong influence on subsequent thinkers. This paper deals with the concept of “epistemological break”, which was introduced by Althusser to determine the contribution of Karl Marx’s theory of social determinism. Althusser emphasized that Marx founded a new science – historical materialism, which, in its essence, is the benchmark for all other social sciences. The paper examines the stages of Althusser’s ideological evolution regarding Marx’s concept of historical materialism; the author analyzes the French philosopher’s reaction to the criticism of his position by other Marxists, for example, John Lewis, as well as present an attempt to demonstrate the main conclusions of L. Althusser, to which he comes at the end of his research.

Ключевые слова: «эпистемологический разрыв», исторический материализм, идеология, диалектика, экономическое поле.

Keywords: “epistemological break”, historical materialism, ideology, dialectics, economic field.

В данной статье мы рассмотрим эпистемологический разрыв, который, по утверждению Альтюсера, совершил К. Маркс при открытии материалистического понимания истории. Альтюсер пытался очистить материалистическое понимание истории от ошибочных трактовок, вернувшись к теории и текстам самого Карла Маркса, в то время как все остальные, как писал сам философ, «...должны были выбирать между комментарием и безмолвием, просветленной и вынужденной убежденностью и смущенным молчанием» [2, с. 35].

В первую очередь необходимо заранее оговориться о том, как мы будем понимать понятие «эпистемологический разрыв». В научную терминологию это понятие ввел французский эпистемолог и историк науки Гастон Башляр. Он обратил внимание на то, что традиционное представление развития науки как непрерывного наращения знания не является правдивым. Башляр согласен с тем, что может увеличиваться количество эмпирических знаний, на основе которых ученые строят свои теории, но всегда есть те факты, которые сложно классифицировать и систематизировать, они могут не соответствовать господствующей теории и даже противоречить ей. Однако именно эти факты дают возможность развитию новых концепций и порой могут стать причиной переворота в науке. Критические моменты в истории науки являются необходимым составляющим для ее дальнейшего развития. Французский исследователь вводит понятие «эпистемологического профиля», который представляет собой систему взаимосвязей базовых понятий, способов и областей исследования, господствующий в тот или иной период времени. По мнению ученого, нет прямой преемственной связи между разными «эпистемологическими профилями», поэтому нет смысла искать предшественников и

обосновывать теорию в рамках общепризнанного контекста. Башляр указывает на важность преодоления эпистемологических препятствий на состояние, когда ученый может выйти за грань своего «эпистемологического профиля». Именно этот процесс выхода за рамки теоретической и практической области исследования Башляр называет «эпистемологическим разрывом».

Внимание к теме эпистемологического разрыва в творчестве К. Маркса возникает в период серьезных негативных всплесков в отношении марксистской теории. Появилось множество критиков этой теории, которые продуцировали вызов в отношении ее состоятельности. Л. Альтюсер был уверен, что ответы на возникающие вопросы можно найти у самого Маркса, что его нужно читать, а не выстраивать безосновательную критику.

Понимание эпистемологического разрыва у Альтюсера также претерпевало изменения в процессе развития его философской мысли. Мы постараемся последовательно проследить за этими изменениями.

В начале своих исследований Альтюсер обращает внимание на классическую проблему сциентизма/антисциентизма и ищет демаркационную линию между наукой и философией в работах Маркса. При проведении этого исследования французский философ обнаруживает догматизм в работах К. Маркса, причину которого видит в практической направленности его работ. Ни сам Карл Маркс создает догмы, а его последователи постоянно пытаются возвести его идеи в ранг неоспоримых призывов к действию. Нет сомнений в том, что философия Маркса является философией действия, но важно понимать ее не буквально как инструкцию к действию. Теория Маркса включает в себя две составляющие: философию и науку, но в их диа-

лектическом взаимодействии. Если упразднить в его концепции философию, то мы придем к вульгарному позитивизму, а исключив науку мы попадем в область субъективизма [11, с. 38 – 39].

Говоря о философии в данном случае мы подразумеваем ее идеологическую составляющую. Таким образом, перед Марксом стояла задача синтезировать такую область знания, в которой философия станет наукой. По мнению Л. Альтюсера, такой поворот происходит в творчестве Маркса уже в 1845 г. («Немецкая идеология», «Тезисы о Фейербахе»), где он уходит от философской антропологии к диалектическому материализму, хотя еще использует прежний терминологический аппарат: «Отчетливый «эпистемологический разрыв» в трудах Маркса действительно происходит в том пункте, на который указывает он сам в работе, оставшейся неопубликованной при его жизни и представлявшей собой критику его прежнего философского (идеологического) сознания – в «Немецкой идеологии». «Тезисы о Фейербахе» – это собрание нескольких фраз, отмечают собой крайнюю внешнюю границу этого разрыва, тот пункт, в котором в прежнем сознании и в прежнем языке, т. е. в формулировках и понятиях, по необходимости оставшихся неустойчивыми и двусмысленными, уже пробивает себе дорогу новое теоретическое сознание» [11, с. 50]. По мнению французского философа, этот процесс знаменует переход от донаучного знания к научному, от господствующих идеалистических концепций общества и истории к материалистическому пониманию истории, включающего в себя такие основные понятия, как «базис – надстройка», «общественные производительные силы» «производственные отношения», «способ производства», «общественная формация» и др. [9, с. 45 – 107]. Таким образом, эпистемологический переход Маркса можно оценить как революцию социальной науки, но лишь «Капитал» Л. Альтюсер причисляет к работам, в которых этот переворот проведен до конца.

Именно исторический материализм по праву можно назвать новой наукой, которая может действовать в рамках вопросов человеческого общества и его истории. Альтюсер причисляет исторический материализм к столпам научного знания – математике и физике, потому что у него есть свой собственный объект – социальные формации. Именно это открытие вызвало революцию в философии. Однако Альтюсер указывает на то, что эта революция затронула лишь класс пролетариата, в то время как слой буржуа, к которым в основном и относятся философы, не принимает этих изменений, предпочитая отрицать и критиковать их. Для сохранения этих идей он предлагает Коммунистическому движению отстаивать их и бороться с буржуазными проявлениями в философии (экономизм, моральный идеализм в форме гуманизма, неопозитивизм, феноменологическо-экзистенциалистский субъективизм и так называемая «структуралистская» идеология) [4, с. 25 – 26].

К заслугам Маркса также можно отнести то, что он указал на продуктивный и трансформативный характер познания, которое является интеллектуальной конструкцией, а не вместилищем впечатлений. Познание зависит от предшествующей социальной практики.

Альтюсер подчеркивает важность точного понимания слова как такового и требует, чтобы Маркса ин-

терпретировали так, как сам Маркс использовал тот или иной термин. В работе «Читать «Капитал» Альтюсер обращает внимание на необходимость учитывать, что объект всегда преломлен дважды: в самом тексте и в чтении этого текста. Философ считает, что мы должны проводить реконструкцию во время чтения, как это делал сам Маркс, разбирая работы предшествующих экономистов. В этом ракурсе устойчивое представление о том, что Маркс «перевернул» гегелевскую философию, может быть понято не буквально, как это делалось ранее, а метафорически.

Как мы уже отметили, Л. Альтюсер, обращая внимание на «эпистемологический разрыв» в творчестве К. Маркса, в первую очередь делает вызов своим теоретическим противникам – ортодоксальному марксизму.

По словам Альтюсера, Маркс поменял направление исследования и перешел к другой проблематике – от вопросов, касающихся философской антропологии, к диалектическому материализму. Этот переход можно проиллюстрировать на примере гегелевского диалектического метода, который претерпевает изменения в теории Маркса. Маркс извлекает диалектический метод Гегеля из идеалистической оболочки и помещает его в материальный мир. Но для Маркса это недостаточный шаг, потому что диалектика Гегеля, по его мнению, мистифицируема. Маркс видит «мистифицирующую сторону» и «мистифицированную форму». «Таким образом, для того, чтобы освободить ее, было бы недостаточно отделить ее от первого облачения (т. е. системы). Следовало освободить ее и от второй оболочки, которая срослась с ее телом, которая является (не побоюсь этого выражения) ее собственной кожей, неотделимой от нее самой, которая является гегельянкой вплоть до самых оснований» [2, с. 134]. Маркс не просто переворачивает диалектику, но меняет природу ее специфических структур. Таким образом, должны измениться фундаментальные определения диалектики: отрицание отрицания, переход количества в качество, «снятие», противоречие и т. д.

Многие идеи, выдвинутые Альтюсером, вызвали критическую оценку со стороны некоторых марксистов. Так, например, английский марксист Джон Льюис выдвинул три тезиса против Альтюсера:

Тезис первый: человек делает историю.

Тезис второй: человек делает историю, выходя за ее рамки.

Тезис третий: лишь человек знает, что он делает.

Но по мнению самого Альтюсера, нельзя рассматривать человека отдельно, поскольку это путь буржуазной философии. А в нашем случае мы должны основываться на марксистско-ленинских Тезисах. Во-первых, «историю делают массы», во-вторых, «классовая борьба – движущая сила истории». Эти тезисы доказывают возможность существования исторической науки, а также помогают порвать с предыдущей буржуазной политической экономией, выйдя на новый политико-идеологический уровень. Именно это и видит Альтюсер в научной теории позднего Маркса.

Но в своей работе «Ответ Джону Льюису» Альтюсер в некотором смысле соглашается с Льюисом в том, что гегельянские понятия не исчезли вовсе после эпистемологического поворота, и пишет: «В своих ранних работах я говорил, что после «эпистемологического

разрыва» 1845 г. ...философские категории отчуждения и отрицания отрицания...исчезают. Джон Льюис отвечает, что это не так. И он прав. Конечно, вы найдете эти понятия (прямо или непрямо) в «Немецкой идеологии», в «Grundrisse» (два текста, которые Маркс никогда не публиковал), а также, хоть и реже (отчуждения) или намного реже (отрицание отрицания: только единожды) в «Капитале» [11, с. 53]. Однако далее Альтюсер отмечает, что присутствие этих понятий в зрелых работах Маркса не доказывает их состоятельность и высокую степень влияние на всю теоретическую базу его поздних работ. Эти понятия, по мнению Альтюсера, – некоторый балласт, от которого не удалось до конца избавиться, и научная революция не дошла до завершения. Именно в этом видит Альтюсер свою задачу: очистить марксистскую диалектику от чуждых ей гегельянско-фeyerбахианских категорий: «В 1845 г. Маркс начал закладывать основы науки, которой до него не было: науки истории... в 1845 г. действительно началось нечто необратимое: «эпистемологический разрыв» – это невозвратная точка. Началось нечто такое, чему нет конца. «Длющийся разрыв», как я писал, начало длительного периода работы, как в любой другой науке... Можно сказать, что эта наука не возникает в уже готовом виде из головы Маркса. Она просто имеет начало в 1845 г. и еще не избавилась от прошлого – от всей идеологической и философской доистории, из которой возникает. Ничего удивительного в том, что какое-то время она продолжает содержать идеологические понятия или философские категории, от которых впоследствии избавиться...» [12, с. 67].

По мнению Альтюсера, «...марксистская наука истории не развивалась по простой прямой линии, согласно классической рационалистической схеме, без проблем или внутренних конфликтов, и под ее властью, с момента «невозвратной точки» – «эпистемологического разрыва». Конечно, есть «невозвратная точка», но для того, чтобы не поддаться насильственному отступлению, необходимо продвигаться вперед – и на этом пути столько сложностей и сражений!» [12, с. 72].

Французский философ обращает внимание на то, что борьба с этими категориями происходила как при жизни Маркса, так и после его смерти, что именно этот вопрос до сих пор является основанием для размежевания марксистов и создания двух оппозиционных лагерей в рамках одного направления.

Продолжая отвечать на контртезисы Дж. Льюиса, Альтюсер делает интересную оговорку, заявляя, что невозможно свести философскую революцию Маркса к эпистемологическому повороту. Это связано с тем, что эпистемологический разрыв касается научной революции, а философия не есть наука в полном смысле: «Философская революция Маркса предшествовала «эпистемологическому разрыву» Маркса. Она сделала

возможным разрыв ...в истории мысли Маркса научное достижение основано на философской революции, которая открывает свою форму: форму революционной науки» [12, с. 73].

Как мы уже отметили ранее, философия, по мнению Луи Альтюсера, не является наукой или наукой наук. В понятийном аппарате Альтюсера философия – это «классовая борьба в теории»: «...Философия борется за слова, [...поскольку] реальность классовой борьбы представлена «идеями», которые представлены «словами». В политической, идеологической и философской борьбе слова – оружие: взрывчатка, транквилизаторы и яды. Иногда вся классовая борьба может быть суммирована в борьбе за одно слово против другого слова. Некоторые слова могут бороться между собой как враги. Другие слова – место неопределенности: ставка в решающем, но нерешенном сражении» [10, с. 33]. Нельзя просто отмерить период творчества Маркса до и после эпистемологического разрыва, необходимо разобраться в истоках, целях и инструментах, которые определяли направление мысли немецкого философа. Хотя Альтюсер постоянно «жонглирует» гносеологической и политической составляющей данного вопроса, которые тесно переплетены между собой, ему все же удается реконструировать аутентичного Маркса, вернуться к его идеям «в чистом виде», без примесей марксизма.

В данной статье мы попытались отразить не только саму проблематику вопроса об эпистемологическом разрыве в творчестве Маркса, но и эволюцию идей Альтюсера, который имел возможность при жизни наблюдать претворение марксистской теории на практике: неправильную трактовку этой теории и, как следствие, непредвиденные результаты. Хотя его метод возврата к тексту и постепенная реконструкция текста были близки всем исследователям того времени, однако Луи Альтюсера нельзя обвинить в чрезмерном структурализме. Он действует в рамках самой теории Маркса, только с позиции внешнего наблюдателя.

Альтюсер подвергает переосмыслению саму интерпретацию эпистемологического разрыва, для него сам факт перелома бесспорен: «Я заметил существование «разрыва», но поскольку я мыслил его под покровом «заблуждения в идеологии», постольку, несмотря на все мои попытки «впрыснуть» историю и диалектику в эти категории, в конечном счете рационалистские, я не смог объяснить, что же обусловило этот разрыв, и хотя я все это смутно ощущал, я был не в состоянии выразить это в мысли» [12, с. 154].

Альтюсер приходит к выводу, что решить проблему «эпистемологического разрыва», основываясь на теории и отстраненных рассуждениях о науке и идеологии, невозможно. Этот разрыв преодолим лишь в борьбе теорий.

Литература

1. Автономова Н. С. Этапы идейной эволюции Л. Альтюсера // Современные зарубежные концепции диалектики. М., 1993. С. 18 – 235.
2. Альтюсер Л. За Маркса / пер. с франц. А. В. Денежкина. М.: Практика, 2006.
3. Башляр Г. Новый рационализм [пер. с фр.] / предисл. и общ. ред. А. Ф. Зотова. М.: Прогресс, 1987.
4. Гобозов И. А. Луи Альтюсер – выдающийся философ-марксист XX века: аутентичное прочтение Маркса. М.: ЛЕНАНД, 2015.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е. Т. 13.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е. Т. 37.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е. Т. 8.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 7 – 544.
9. Фурс В. Социально-критическая философия после «смерти субъекта»: соч.: в 2 т. Вильнюс: ЕГУ, 2012. Т. 1.
10. Altusser L. La philosophie comme arme de la révolution // La Pensée. 1968. № 138.
11. Altusser L. Positions. Paris. 1976.
12. Altusser L. Essays in Self-Criticism. London: NLB. 1976.
13. Lewis J. Altusser case // Australian left review. 1972.
14. Dawling W. Jameson, Althusser, Marx: An Introduction to the Political Unconscious. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1984.

Информация об авторе:

Осина Элина Юрьевна – аспирант кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Elina.osina@gmail.com.

Elina Yu. Osina – post-graduate student at the Department of Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

(Научный руководитель: Гобозов Иван Аришакевич – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Academic advisor: Ivan A. Gobofov – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 24.07.2015 г.

УДК 130.2

РУССКАЯ МУЗЫКА РУБЕЖА XIX – XX ВВ. КАК ВЫРАЖЕНИЕ ДУШИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Л. П. Типикина

**RUSSIAN MUSIC OF THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES
AS THE EXPRESSION THE SOUL OF THE RUSSIAN CULTURE**

L. P. Tipikina

В статье, на примере музыкального искусства, рассматривается своеобразие души русской культуры рубежа XIX – XX вв. Русская музыка являлась важной частью развёртывающегося в это время широкого синтеза искусств. Обмен идеями и образами между музыкой, поэзией, живописью, литературой и философией играл плодотворную роль для развития каждого из этих видов творчества. Душа русской культуры находит своё выражение во всех этих видах творчества, но музыка играет здесь особую роль. В творчестве композиторов С. И. Танеева, А. Н. Скрябина, И. Ф. Стравинского нашёл выражение ряд существенных особенностей души русской культуры рубежа XIX – XX вв.: соборность (проявившаяся в хоровом и симфоническом искусстве), возвышенность, иррациональность, «томление духа», устремлённость к Красоте, романтизм, взаимосвязь космического и земного, сакрального и мирского, «борьба» божественного и человеческого.

The paper addresses the example of the art of music to discuss the uniqueness of the soul of Russian culture of the 19th – 20th centuries. Russian music was an important part of the wide synthesis of arts at that time. The exchange of ideas and images between music, poetry, painting, literature and philosophy played a fruitful role in the development of each of these types of creativity. The soul of the Russian culture found its expression in all these forms of art, but music played a special role there. A number of essential characteristics of the soul of the Russian culture of the 19th – 20th centuries found their expression in the works of the composers S. I. Taneyev, A. N. Scriabin, I. F. Stravinsky: commonality (manifested in choral and symphonic arts), elevation, irrationality, “vexation of the spirit”, aspiration for Beauty, romanticism, correlation of cosmic and terrestrial, sacred and profane, “struggle” between the divine and the human.

Ключевые слова: русская музыка, русская культура, душа культуры, С. И. Танеев, С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин, Дух, душа, соборность, национальный дух, художественный синтез, синтез искусств, божественное, человеческое, космическое, земное.

Keywords: Russian music, Russian culture, soul of culture, S. I. Taneyev, S. V. Rakhmaninov, A. N. Scriabin, Spirit, soul, unity, national spirit, artistic synthesis, synthesis of arts, divine, human, space, earth.

«Русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способна из всех народов вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего, враждебного, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия» [3, с. 131]. «Серебряный век», «Культурный Ренессанс», «Третье славянское возрождение» – время перелома в понимании смысла культуры, жи-

ни, время духовного и ценностного кризиса, появления новых форм самореализации творческой личности. В 1880 – 90-х формируется творчество А. К. Глазунова, С. И. Танеева, М. М. Ипполитова-Иванова, А. Т. Гречанинова, С. М. Ляпунова. В начале XX в. новое мировоззрение и философские идеи отразились в творчестве А. Н. Скрябина, С. В. Рахманинова, И. Стравинского.

В это время широкое распространение получило понимание «русской идеи» В. Соловьева: «Идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [8, с. 334]. Осуществляется переход национального мышления в надбытийственную сферу. Русский религиозный философ И. А. Ильин говорил о необходимости примирить мышление и веру, науку и религию, настроить сердце на очищение и творческое созерцание.

«Русская культура построена на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы. Это они являются первичными силами и установками русской души, которая задает тон их могучему темпераменту. В качестве вторичных сил выступают воля, осознанная мысль, правовое сознание и организаторские функции» [9, с. 85].

Первоочередной задачей Н. А. Бердяев считал воспитание русского народа, рост культуры, духовное возрождение человеческих душ. Для Н. А. Бердяева смысл выявляется в мистическом слиянии со сверхъестественным состоянием вещей, внутренним их пониманием. Люди, обладающие божественным даром способны на истинное познание.

Художественное познание является наиболее адекватным и ценным в получении истины. Сакральное значение творца-теурга велико в русской культуре, где начинает действовать новый тип художника. «Искусство – это «душа, переданная чертами лица, движениями и действиями человека, тонами неба, линиями горизонта» [4, с. 48]. Образы искусства называют «телом» души культуры, они способны выражать как первозданные, так и отчужденные ее состояния. Искусство выражает внешнюю и внутреннюю стороны души культуры, раскрывая ее целостность. «Удвоение» действительности в образах способствует самообнаружению, самоидентификации души культуры. Создание произведения искусства есть переживание и изживание (через объектирование) определенного душевного опыта культуры...» [4, с. 134].

Русский композитор, мыслитель С. И. Танеев в 1879 г. писал: «Задача каждого русского музыканта заключается в том, чтобы способствовать созданию национальной музыки... действительность не то, что бывает, а то, что происходило в душе художника» [10, с. 91]. Современник С. И. Танеева С. Н. Булгаков писал: «Национальность опознается в интуитивном переживании действительности... Национальный дух не исчерпывается никакими своими обнаружениями» [2, с. 113]. Важнейшее для С. И. Танеева свойство русского национального характера – «высокие стремления человека», направленность к его внутренней душевной жизни.

Отличительным свойством русского мышления композитора является чуткое отношение к народному-музыкальному языку с его свободой мелодического развития, распеванием слова, широтой дыхания, неквадратной метрикой, отсутствием тематических контрастов. Как М. И. Глинка, так и С. И. Танеев призывал своих соотечественников применять «опыт древних контрапунктистов», но при этом сохранять в русском национальном искусстве почвенность. С. И. Танеев утверждает, что назначение искусства заключается в «увеличении духовного богатства, капитала людей» [10, с. 109] (близко к В. С. Соловьеву, утверждавшему,

что задача искусства – воплощать в «ощутительных образах» высший смысл жизни).

Танеев предлагает рассматривать образ музыкального искусства с точки зрения трех уровней оценки – содержание, выражение, и отношение автора и произведения. На уровне содержания С. И. Танеев «важное» отождествляет с любовью; это – «доброе, нравственное», «что соединяет людей не насилием, а любовью, что служит указанием на радость единения между собой или на страдание, происходящее от разъединения» [10, с. 89]. Речь идет о соборности – «хоровом начале». С. И. Танеев видит в содержании совершенного искусства особую духовную реальность; лишь проникая с любовью в онтологические глубины бытия, художник открывает всю его полноту и совершенство. На уровне выражения прекрасным произведением является произведение «ясное», обладающее «красотой формы и техники». Третий уровень оценки произведения искусства С. И. Танеев связывает с «внутренним разъяснением», когда впечатления прошли через душу. К истинному творению относится то, что выстрадано, рождено не столько разумом, но и душой. Вечные нравственные христианские идеалы абсолютны в русской музыке.

Идеи, созвучные русской богословской и религиозно-философской мысли, предопределили своеобразие танеевской трактовки оперы, хоровых и инструментальных жанров. Так, в хоровых опусах «Иоанн Дамаскин», «По прочтении псалма», С. И. Танеев реализует свой замысел православной кантаты. Оперный жанр в «Орестее» по Эсхилу интерпретируется им как хоровое мистериальное действо, главной идеей которого является духовное преображение путем покаяния. В эпистолярном наследии композитора есть осознание опасности влияния активно распространяющихся в культуре России нигилизма, безразличного к мировоззренческой истине позитивизма, представления о мире, базирующемся на европейском поклонении свободе воли индивидуума.

Одной из особенностей в культуре «Русского Ренессанса» был отказ от реализма и возвращение к романтизму (неоромантизм) с его темой разлада мечты и действительности, тягой к фантастике, сказочности, интерес к фольклору, отрицание обыденного и пафос личной воли. Творчество И. Ф. Стравинского рубежа XIX – XX вв. выражало настоящее, сиюминутно происходящее вокруг нас. Сказочность, фольклор, фантастика, детское восприятие мира, использование детских песен, частушек – все это обусловило обращение И. Ф. Стравинского к народной детской музыке («Жар-птица», «Петрушка», «Весна священная»).

Развитие философской направленности русской музыки на рубеже XIX – XX вв. связано с постановкой проблем смысла жизни и призвания человека, этического значения вековых традиций и пантеистической одухотворенности природы. На этой основе возникли кантаты «Звездоликий» И. Стравинского (1911 – 1912 гг., на текст К. Бальмонта), «Семеро их» С. Прокофьева (1917 г., на текст К. Бальмонта), лирико-драматическая кантата «Весна» С. Рахманинова (1902 г. на стихи Некрасова), кантата С. Танеева «По прочтении псалма» (1915 г.), поэма С. Рахманинова «Колокола» (1913 г.), музыка А. Глазунова к пьесе О. Уайльда «Царь Иудейский» (1914 г.).

В 1916 г. С. В. Рахманинов написал вокальный цикл «Шесть стихотворений для голоса с фортепиано», в котором использована поэзия современников: А. Блока, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, И. Северянина, А. Белого. В стихах композитор заметил общность образов, настроений, мотивов. Основной является тема одиночества, «томления духа». За исключением «Сна» Ф. Сологуба, главенствует женский романтический образ как недостижимый, но желанный идеал. Сквозным выступает мотив обращения к «далекой милой» – «таинственный зов», создающий атмосферу загадочности, недоговоренности: «К ней» А. Белого, «Ау!» К. Бальмонта, «Крысолов» В. Брюсова, «Маргаритки» И. Северянина. Мотив сна, также романтизированный, появляется в стихотворении К. Бальмонта («Он звал, как в сон зовет свирельный звон»). Недосказанность, неясность, «туманность» характерны для эстетики символизма в целом. Поэтика его – иррациональна, погружена в глубину души человека.

Все художники, жившие на переломе XIX – XX столетий, – «дети страшных лет России» – так или иначе чувствовали агрессивно-наступательное движение «железного века», несущего в жизнь дух вражды и разделения», и стремились противопоставить ему дух единения (нашедший свое выражение в идее синтеза искусств). Идеей синтеза вдохновлены и «мистерии» Вяч. Иванова, и «Предварительное действие» А. Скрябина, и мир-искуснический «новый балет», и «Симфонии» А. Белого, и «звучащая живопись» М. Чюрлениса, и скорбно-напевные «элегии» В. Борисова-Мусатова, и, конечно же, поэзия «серебряного века» с ее исключительной музыкальностью.

В сфере русской религиозно-философской мысли того же времени, идея художественного синтеза была созвучна концепции Всеединства Вл. Соловьева, основанной на православной философской идее соборности; «свободного единства членов церкви в их совместном стремлении к истине и спасению, достигаемому через любовь к Христу» (П. Флоренский). Главное в соборности – это антиномия свободы каждого и единства всех, которая разрешается только при наличии единственного, любимого всеми Центра, куда устремлено духовное движение каждого. Иначе говоря, соборность (в соловьевской терминологии – Всеединство) есть уникальная система связи, сочетающая в себе максимальную степень централизации и автономную диалогичность, составляющих ее элементов, не допускающую их отождествления, обезличивания. На принцип соборности и была ориентирована реализация идеи синтеза искусств.

Унаследовав от романтической эстетики преклонение перед музыкой – «царицей» искусств, художники рубежа веков все же мыслили в идеале построение «содружества муз» не на «монархической вертикали», а на принципе «свободного единения», предполагающего диалог «каждого со всеми». В партитуре «свободного искусства» каждый из «участников» имел свою собственную, неповторимую и незаменимую «партию». Согласие же достигалось в сослужении одной и той же ценности – Красоте. В сущности, этот идеал аналогичен народному творчеству – одновременно личному и соборному, где творческие индивидуальности не растворяются и не тонут, но органически срастаются с безымянным целым.

Соборный принцип «множества в единстве» – один из фундаментальных художественных принципов русского искусства конца XIX – начала XX вв. – нашел свое частное проявление в сфере камерной вокальной музыки, где на его основе и рождается оригинальный жанровый феномен. В стихотворении с музыкой воплотилась мечта русских космистов, провозглашенная поэтом: оно – «и музыка и слово, и потому всего живого ненарушаемая связь» (О. Мандельштам).

Особое место в творчестве С. Рахманинова занимают два сакральных произведения – «Литургия» и «Всенощная». В «Литургии Св. Иоанна Златоуста» (1910) находят применение стилистические черты русской церковной музыки нач. XX в. Образное содержание произведения трактуется композитором как вознесение душ к «горным высям». Характер музыки – строгий, сосредоточенный, возвышается над суетой жизни. Мы слышим отрешенность человеческого духа, склоняющегося перед вечностью. Возвышенное целомудрие становится ощутимым в моменты соборного действия, словно его осеняет «крест ангела». «Тебе поем» – в этой части создается иллюзия таинства, совершаемого в храме, раскрывается чистота и сакральная красота человеческих помыслов. Наряду с проповедью кротости и смирения звучат громкие молитвы о спасении, вызывая ассоциацию: храм русской жизни накануне нашествия нечестия.

«Всенощное бдение» (1915) – обращено к самым актуальным для нач. XX в. проблемам – кризису идеалов уходящего прошлого и наступающей новой действительности. Во многих частях «Всенощной» воплощены образы идеального, устремленность к надсуетному и надвременному. Человек смирил страсти и желания, слышится глас души людской, передающий раздумье-исповедь, думу-рассуждение, мысленное припадание к алтарю боготворящей матери. Взаимодействие сфер сакрального и мирского осуществляется во «всенощной» по линии постепенного оттеснения первого вторым.

Побеждает «черная земная кровь» (А. Блок), сочная и живая реальная плоть, предстающая как народнопочвенное, коренное, неприкрашенное, которое вырывается из-под отрешенности, смирения, духовности. Утверждается идеал жизненно активного, динамичного, материально насыщенного начала. Композитор отразил качественный сдвиг в мироощущении русского человека от религиозно-канонического к народножанровому. «Всенощная» – свидетель своего времени, отразившая духовный лик народной жизни России и ее движение к новой действительности. «Литургия» и «Всенощная» Рахманинова, написанные на канонические церковные тесты выражают не только идеалы разума, света, красоты, гармонии, но и суть человеческого в человеке.

Музыкальное творчество А. Н. Скрябина является новаторским для культуры начала XX в. и соотносено с определенной концепцией мироздания; с идеей духовного перерождения мира, в котором особая роль принадлежит художнику-творцу. Целью А. Н. Скрябина было изменение мира посредством творчества, достижение гармонии во всем, стремление синтезировать знания, умения, разные виды искусств. Мыслитель считал, что первоосновой бытия является Дух как творческий принцип. Он содержит в себе два противо-

положных начала: материальное и идеальное. Когда их разъединение достигает кульминации, образуется материальный мир. Далее происходит обратный процесс: объединение, завершающееся дематериализацией, коллапсом материи, повторным соединением материи и идеи в Духе.

Развитие мира у А. Н. Скрябина происходит циклично. Философ считал апокалипсис не концом всего, а одной из ступеней мирового процесса. За катаклизмом будет рождение новой жизни, прохождение нового цикла. Вселенная развивается от состояния внутренней раздвоенности Духа к идеальному состоянию, когда противоречие, лежащее в основе Духа, снимается, и материя исчезает полностью. Композитор считал, что творческий процесс является основной силой, которая побуждает Вселенную эволюционировать.

Мыслитель видел истоки творчества как в Боге, так и в человеке. Согласно воззрениям А. Н. Скрябина, Дух вечен; творчество господствует над материей и является атрибутом божественного Духа. Дух дарует человеку вдохновение, которое захватывает душу человека, призывая его к творчеству. «Божественная игра» является основой миротворчества и художественного творчества. Композитор утверждал, что «воля к творчеству» является истоком творчества человека. Он уравнивает человека-творца и Бога по могуществу. Источником вдохновения служат явления природы, реальные наблюдения, творчество другого человека. Целью творчества должно стать создание «идеального произведения искусства», настройка всего человечества на одну волну, создание условий для объединения человечества, чтобы общими усилиями творчества завершить цикл развития Вселенной («Мистерия»). Примером этого порыва является «Прометей» – поэма мироздания, сотворения мира. Синтез космического и земного, бесконечного и ограниченного, объединенных

в мощный смысловой импульс устремленности к свету, к звездам, к самосовершенствованию.

В творчестве А. Н. Скрябина важна идея экстаза – подъема от усилия к усилию, от переживания чего-нибудь (точка отправления) – через недовольство переживаемым (импульс к актуальности) – к достижению идеала и новому переживанию («Поэма экстаза»). Музыка А. Н. Скрябина полна любви, ласки, радости, счастья. Но часто в глубине стихии есть нервная напряженность, изломленность, капризность. В 9-й сонате происходит соприкосновение с образом Сатаны, настоящим злом. В «Сатанической поэме» – апофеоз неискренности, фальши, притворства. «Зло» у композитора – зло греховного, нарушающее равновесие, гармонию. В чертовщине А. Н. Скрябина есть мотивы бунтарства, богоборчества, что связано со стихией русской души. А. Н. Скрябин проникается вечной диалектикой Добра и Зла, Света и Тьмы.

Таким образом, русская музыка рубежа XIX – XX вв. являлась важной частью, развёртывающегося в это время, широкого синтеза искусств. Обмен идеями и образами между музыкой, поэзией, живописью, литературой и философией играл плодотворную роль для обогащения и развития каждого из этих видов творчества. Душа русской культуры находит своё выражение во всех этих видах творчества, но музыка играет здесь особую роль. В творчестве композиторов С. И. Танеева, А. Н. Скрябина, И. Ф. Стравинского нашёл выражение ряд существенных особенностей души русской культуры рубежа XIX – XX вв.: соборность (проявившаяся в хоровом и симфоническом искусстве), возвышенность, иррациональность, «томление духа», устремлённость к Красоте, романтизм, взаимосвязь космического и земного, сакрального и мирского, «борьба» божественного и человеческого.

Литература

1. Аминова Г. У. Национальное в хоровом и инструментальном творчестве С. И. Танеева // Вестник МГУКИ. 2008. № 5. С. 243 – 246.
2. Булгаков С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М.: Наука, 1991. 384 с.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. М.: Наука, 1984. 522 с.
4. Казаков Е. Ф. Душа: метафизика самоопределения. Кемерово, 2014. 249 с.
5. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М.: Советский писатель, 1990. 384 с.
6. Мастера искусства об искусстве: в 5 т. Т. 5. Кн. 1. М.: Искусство, 1969. 366 с.
7. Ручьевская Е. А. О соотношении слова и мелодии в русской камерно-вокальной музыке XX в. // Русская музыка на рубеже XX в. М.; Л.: Музыка, 1966. 421 с.
8. Соловьев В. С. Русская идея // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: хрестоматия. М., 2002. 396 с.
9. Сущность и своеобразие русской культуры. М., 1996. 280 с.
10. Танеев С. И. Разные выписки и заметки по философии. М.: Наука, 1994. 321 с.

Информация об авторе:

Типикина Лариса Петровна – аспирант кафедры философии КемГУ, преподаватель Кемеровского музыкального колледжа, carbinar@mail.ru.

Larisa P. Tipikina – post-graduate student at the Department of Philosophy, Kemerovo State University; teacher at Kemerovo Music College.

(Научный руководитель: Казаков Евгений Фёдорович – доктор культурологии, профессор кафедры философии КемГУ, kemcitykazakov@mail.ru.

Academic advisor: Evgeniy F. Kazakov – Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 342.7

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

Э. Ю. Балаян

PROBLEM FACETS OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS
OF AN INDIVIDUAL IN THE MODERN STATE

E. Yu. Balayan

В результате исследования автор приходит к следующим выводам: во-первых, несмотря на содержательные различия между терминами «человек», «личность» и «гражданин», конституционно-правовой статус личности в общем является обобщающим понятием и для статуса человека, и для статуса гражданина; во-вторых, правовой статус личности является основой и критерием для эффективного функционирования современного государства, важнейшей целью существования правового государства.

In the course of the research the author comes to the following conclusions: first, despite the semantic difference between such terms as “human being”, “individual” and “citizen” the constitutional and legal status of an individual on the whole is a superconcept for both the status of an individual and citizen status; secondly, the legal status of an individual serves as a basis and criterion for efficient working of the modern State, for the paramount aim of the legal State being.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус личности, права и свободы человека и гражданина, принцип ответственности государства перед гражданином, правовое государство.

Keywords: constitutional and legal status of an individual, human and citizen rights and freedoms, principle of State's liability to a citizen, constitutional state.

Для определения места и роли правового государства, его граждан и вообще человека, критерии его поведения в сложных взаимоотношениях государство-индивид, представляется важным исследование юридической категории «правовой статус личности». Поскольку правовой статус личности является стержневым понятием конституционной правовой науки, то не удивительно, что оно находится в центре внимания юристов, и как следствие – нет единого мнения в вопросе его определения и юридической конструкции [1; 2, с. 43 – 49; 3, 160; 5, с. 27 – 34; 6; 7, с. 63 – 65; 16, с. 65 – 71; 22, с. 8 – 10; 24, с. 92 – 96].

Статья 64 Конституции Российской Федерации закрепляет, что положения главы 2 составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации и не могут быть изменены иначе, как в порядке, установленном Конституцией России. Отметим, что основные законы многих государств не содержат нормы с аналогичным содержанием, однако это не ограничивает провозглашённые конституцией права, свободы и обязанности лиц, находящихся на территории соответствующей страны, поскольку их совокупность составляет конституционно-правовой статус человека и гражданина. Однако в юридической литературе выражается мнение о том, что иногда человек и гражданин не являются личностью (например, маленький или душевно больной ребёнок) [20, с. 66 – 79]. Вместе с тем интересно, что применяемые современными германскими юристами понятия «человек», «личность», «гражданин» соответст-

вуют идеям, выраженным о них великим философом И. Кантом. Согласно Канту, человек – это «существо, одарённое чувствами», личность «одарён разумом», «гражданин» – «гражданской самостоятельностью», «способностью проголосовать (*«избирать» – от автора*)» [12, с. 79, 235, 354].

В общем смысле, в наши дни под личностью подразумевается индивид, который участвует в многообразных общественных отношениях, осознаёт свои права и обязанности в обществе [21, с. 8]. Таким образом, несмотря на содержательные различия между терминами человек, личность и гражданин, конституционно-правовой статус личности, в целом, является обобщающим понятием и для статуса человека, и для статуса гражданина.

В результате анализа структуры правового статуса личности в юридической литературе выделяются различные элементы: субъективные права, свободы и обязанности, гражданство, общая правоспособность, гарантии [17, с. 21 – 26], законные интересы [5, с. 29], юридическая ответственность [18, с. 115], процессуальные права (одна группа авторов их относит к основным правам человека [9, с. 180], другая группа – к гарантиям обеспечения правового статуса личности [24, с. 93 – 94]) и т. п.

Права и свободы человека как элемент правового статуса личности, содержат не только закреплённые Конституцией, но и вытекающие из внутригосударственных и международных документов Российской Федерации все права и свободы личности, поскольку

согласно Конституции Российской Федерации «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ч. 4 ст. 15). В этой связи следует отметить, что в наши дни под воздействием норм, закреплённых в международных актах по правам человека, расширяется правовой статус личности. Более того, международное право постепенно становится универсальным, а его нормы и принципы – обязательными для всех государств международного сообщества [13, с. 33 – 35].

Кроме этого, Россия, становясь членом Совета Европы, подписывая Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (принята 4 ноября 1950 г.) и ратифицировав её вместе с Протоколами, предоставляет возможность отдельным лицам, группам граждан, неправительственным организациям обращаться в Европейский Суд по правам человека с индивидуальными жалобами о нарушенных правах и свободах, закреплённых Конвенцией.

Однако обязательным условием рассмотрения таких жалоб является исчерпание всех внутригосударственных средств правовой защиты. Кроме этого, Российская Федерация, присоединяясь к Факультативному протоколу Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 г., признала компетенцию Комитета по правам человека ООН. Это означает, что Комитет может принимать и рассматривать сообщения тех лиц, которые находятся под юрисдикцией России, утверждают, что они являются жертвами нарушения Российской Федерацией какого-либо из прав, изложенных в Пакте. После рассмотрения сообщений Комитет сообщает свои соображения соответствующему государству-участнику и лицу (п. 4 ст. 5). Однако эти соображения носят консультативный характер, как для судов, так и для правоохранительных органов.

Свобода человека очень сложное и многозначное понятие и, как таковое, связано со всеми сторонами жизнедеятельности человека и выражается в возможности выбора им самостоятельного поведения в пределах, предусмотренных конституцией и другими законами государства [11, с. 41 – 46; 25, с. 128 – 137]. Свобода человека обеспечивается и защищается, но не регламентируется государством. При пользовании свободой человек не должен злоупотреблять ею или наносить вред другим лицам, то есть государство, законодательно защищает правомерное поведение человека, но в то же время ограничивает выход за рамки допустимых границ свободы. А право человека – это предоставленная ему возможность по собственному усмотрению определять меру своего поведения. Можно сказать, что права человека в современном обществе – это комплекс существующих прав и свобод для характеристики правового статуса личности, а также средство приобретения основных материальных и духовных благ, реализации его способностей и талантов.

В юридической литературе в системе прав и свобод человека принято выделять их основные и дополнительные (производные) виды. Однако в юридической литературе нет единого мнения по проблеме характера и содержания основных прав человека [21, с. 8].

Некоторые специалисты под основными правами человека понимают права, закреплённые в конституции того или иного государства [10; 24, с. 133; 23, с. 34]. Такой подход получил широкое распространение в середине XIX века, когда в специальной литературе стало обычным рассматривать конституционные права как основные права. Это положение нашло своё выражение в Веймарской конституции, в дальнейшем – Основном Законе Федеративной Республики Германии, затем в ряде конституций европейских стран. По этому поводу немецкие авторы утверждают: «Какое бы обозначение ни выбиралось, речь, по существу, всегда идёт о тех правах, которые являются фундаментальными для обеспечения правового статуса человека и гражданина и которые поэтому получают гарантии в основных законах государства» [9, с. 167].

По нашему мнению, такой подход оправдан, но полностью не выражает соответствие прав и свобод человека современному уровню восприятия общечеловеческих ценностей и принятым в международном сообществе стандартам. Задача в том, что в современном мире, когда защита прав человека вышла за границы отдельных государств, возникла необходимость создания универсальных международно-правовых стандартов. Ряд международных правовых актов, таких как Всеобщая декларация прав человека, международные пакты о правах человека, Европейская Конвенция о защите прав и основных свобод человека, Европейская социальная хартия, предусмотрев универсальный перечень основных прав и свобод человека, гарантировали каждому условия свободного развития и достойной жизнедеятельности.

Из сказанного вытекает, что под основными правами человека необходимо понимать имеющие естественное происхождение, закреплённые основным законом государства или общепризнанными международными правовыми актами такие неотчуждаемые, жизненно необходимые и гарантируемые государством возможности, которые позволяют ему свободно и осознанно распоряжаться материальными и духовными благами.

При этом декларированные общепризнанными принципами и нормами международного права и другими международными правовыми актами основное право человека должно признаваться и защищаться со стороны каждого государства-участника, независимо от обстоятельства закрепления данного права в конституции государства.

Особая подчёркнутость основных прав не означает умаление остальных прав человека или отведение им второстепенной роли, или применение меньших усилий по их защите и обеспечению со стороны государства, так как производные права человека вытекают из основных прав, содержат потенциал для дополнительных действий и поступков и не являются менее важными для человека, общества и государства.

В отечественной юридической литературе к проблеме обязанностей уделяется недостаточное внимание, хотя в последние годы некоторые ее аспекты становилась объектом исследования ученых. Следует признать, что обязанности вытекают из факта социального бытия человека и в единстве с правами образуют универсальный принцип демократической организации общественной жизни [27, с. 144 – 168]. Об указанном свидетельствует и конституционная практика целого ряда современных государств (Армения, Болгария, Венгрия, Италия, Испания и др.). Основные обязанности играют ключевую роль в определении границ государственной власти в ее отношениях с человеком, поскольку, во-первых, гарантируют ее от произвола государства; и, во-вторых, служат важной гарантией принципа правового государства. Это является подтверждением того, что обязанности человека и гражданина детерминированы правами, а ответственность – свободой. Все эти структурные элементы правового статуса личности тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. При этом предполагается, что основные обязанности индивида связывают в первую очередь государство и гражданина данного государства.

Конституционное право с гражданством связывает ряд важнейших правовых последствий, главное из которых то, что физическое лицо, имея правовой статус гражданина данного государства, может стать субъектом государственно-правовых отношений, а также свободно выезжать за пределы страны и беспрепятственно возвращаться на Родину, независимо от места и времени нахождения пользоваться защитой и покровительством государства своей принадлежностью. Необходимо отметить, что гражданство кроме прав, порождает взаимные обязательства и ответственность между гражданином и государством.

В юридической литературе высказывается мнение, что в некоторых случаях основные права гражданина распространяются также на человека. Как отмечают Ю. И. Лейбо, Г. П. Толстомятников, К. А. Экштайн: «...В отдельных случаях обнаруживается, что зафиксированные в Конституции РФ основные гражданские права принадлежат всем людям, в том числе тем, которые не являются гражданами России (ч. 3 ст. 62, 63)» [19, с. 54]. Такой подход не оправдан, поскольку, говоря о статусе гражданина, подразумевают наличие его специфической связи с данным государством, что и составляет содержание института гражданства. Несомненно, понятие лица, имеющего гражданство конкретного государства, то есть – гражданина, иногда характеризуется определёнными особенностями. В частности, германское право и законодательство, включая Основной закон, говорят не о гражданах Федеративной Республики Германии, а о немцах (Согласно Основному закону: «Немцем... является...каждый, кто обладает германским гражданством или кто нашел убежище на территории Германской империи по состоянию её на 31 декабря 1937 г. в качестве беженца или перемещенного лица немецкого происхождения или его супруга либо потомка» (абзац 1 ст. 116 Конституции ФРГ 1949 г.) [14, с. 217], Конституция Испании – об испанцах [15, с. 67 – 68]. В

некоторых основных законах права граждан формулируются как права народа [14, с. 442].

Правовой статус личности иногда выделяется некоторыми особенностями, например, когда это обусловлено фактом двойного или множественного гражданства. В последнее время выросло число государств, которые законодательно закрепили возможность приобретения своими гражданами гражданства другой страны (стран) [4].

Сущность принципа ответственности государства перед гражданином не ограничивается только признанием прав человека и закреплением правового статуса личности. Охрана прав и свобод человека и гражданина, официально признанных государством, также является обязанностью правового государства. Для охраны прав и свобод человека и гражданина государство создаёт и развивает соответствующие условия и средства, то есть гарантии, а также предусматривает юридические механизмы их осуществления. Под гарантиями прав и свобод человека понимаются такие экономические, политические, идеологические и юридические средства, которые обеспечивают их практическое осуществление, а в некоторых случаях эффективную защиту от возможных нарушений [8, с. 193 – 196; 11, с. 50 – 52; 26, с. 63 – 65; 15, с. 81 – 84].

В юридической литературе принято различать (условно) следующие виды гарантий конституционных прав и свобод: внутригосударственные (судебные и несудебные) и международно-правовые; социально-экономические, политические и юридические гарантии; гарантии пользования правами и защиты прав; и другие. В общей системе гарантий конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации юридические гарантии выступают в качестве основных структурных образований. Некоторые авторы выделяют также общеправовые и частноправовые гарантии [26, с. 63 – 65].

Иной позиции придерживается профессор Л. Д. Воеводин, выделяющий три разновидности юридических гарантий, от действительности которых зависит степень реального осуществления прав и свобод граждан. К ним относит:

а) компетентность государственных органов, которая выражается, прежде всего, в решении тех вопросов, которые связаны с обладанием конституционным правом, особенно с его реализацией;

б) ответственность, как должностных лиц, так и граждан, за ненадлежащую реализацию прав и свобод, и, напротив, за допущенные при этом злоупотребления;

в) порядок процедурно-процессуальной защиты и восстановления ущемлённых и нарушенных прав граждан и другое. Данное мнение им было высказано в 1987 г. в работе «Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе».

Гарантии правомерного пользования правами человеком призваны создать соответствующие условия и такую социально-правовую сферу для каждого члена общества и для данного лица, которые способствуют осуществлению всех прав и свобод последнего. В данную группу можно включать правотворческую

деятельность государства, которая обуславливает юридическую силу, значение, объем, пределы, материальную основу пользования правами, процессуальные процедуры их осуществления, а также связанные с ними юридические факты.

Необходимость защиты прав и свобод лица, как правило, возникает в случаях их нарушения, скажем, когда создаются препятствия для их реализации, или одна из сторон правоотношения не выполняет свои юридические обязанности и так далее. Защита прав и свобод человека и гражданина предусматривает совершение действий по восстановлению нарушенных или ущемлённых прав и свобод человека и гражданина или по предотвращению аналогичных поступков судебными, административными и другими органами, а также создание соответствующих правовых гарантий.

Юридические гарантии защиты основных прав человека содержат закреплённые в нормах права следующие виды: право защиты права; средства восстановления нарушенных прав; средства возмещения причинённого вреда; меры ответственности; компетентные органы защиты основных прав; формы защиты прав [8, с. 194].

Объективная сущность основных прав человека и гражданина предполагает не только исключение неправомерных последствий действий государственных органов, но и их защиту от посягательств частного лица. Это вытекает из содержания закрепления раз-

личных гарантий основных прав: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» (ст. 22 Конституции Российской Федерации); «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» (ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации) и др.

Представляется, что государственное обеспечение гарантий прав и свобод человека и гражданина носит всеобщий и обязательный характер, то есть ключевой гарант этих прав – само государство, что и является основной обязанностью государства перед человеком.

Таким образом, права, свободы и обязанности человека и гражданина выступают в качестве необходимого и важнейшего признака современного правового государства. Рассматривая суть миссии правового государства с точки зрения этих общечеловеческих ценностей, можно предположить, что правовой статус личности здесь приобретает своеобразное и самостоятельное юридическое звучание и действие, то есть является основой и критерием для нормального функционирования современного государства. Иначе говоря, права и свободы человека и гражданина – основа и цель существования правового государства. С точки зрения защиты общечеловеческих ценностей правовое государство можно охарактеризовать как олицетворение государственной власти, основанной на вере и доверии граждан.

Литература

1. Авакьян С. А. Россия: Гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 643 с.
2. Айвазян В. Права человека. Ереван: Тигран Мец, 2002. 264 с. (на арм. яз.).
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М.: НОРМА, 2001. 800 с.
4. Белов А. В. Международно-правовые аспекты двойного гражданства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 23 с.
5. Витрук Н. В. Основы правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. 229 с.
6. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М.: МГУ, 1997. 304 с.
7. Габричидзе Б. Н., Елисеев Б. П., Чернявский А. Г. Конституционное право современной России. М.: Дело и Сервис, 2001. 416 с.
8. Гасанов К. К. Конституционный механизм защиты основных прав человека: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004. 431 с.
9. Государственное право Германии. М., 1994. Т. 2. 398 с.
10. Давид Рене Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / [пер. с фр.] В. А. Туманова. М.: Изд. Международные отношения, 1997. 399 с.
11. Ерицян А. Г. Права и свободы человека и гражданина в демократическом государстве: система, институты, юридический механизм реализации и защиты: монография. М., 1998. 360 с.
12. Кант И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
13. Карташкин В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М.: ИГПРАН, 1995. 136 с.
14. Конституции зарубежных государств: Европейский союз, США, Великобритания, Германия, Испания, Япония, Швейцария, Бразилия, Италия / сост. В. В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2002. 592 с.
15. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4-х т. Т. 1. / отв. ред. Б. А. Страшун. М.: БЕК, 1993. 246 с.
16. Конституционное законодательство России / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. А. Тихомирова. М.: Городец, 1999. 382 с.
17. Конституционный статус личности в СССР / ред. кол.: Н. В. Витрук, В. А. Масленников, Б. Н. Топорнин. М.: Изд. Юридическая литература, 1980. 256 с.
18. Кучинский В. А. Личность, свобода, право. М.: Изд. Юридическая литература, 1978. 207 с.
19. Лейбо Ю. И., Толстомятников Г. П., Экштайн К. А. Права и свободы человека и гражданина. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации. М.: ЭКОМ, 2000. 448 с.

20. Матузов Н. И. Личность, права, демократия: теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. 292 с.
21. Невинский В. В. Гражданин и основополагающие принципы Конституции Федеративной Республики Германии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 36 с.
22. Невинский В. В. К дискуссии о юридической конструкции правового статуса личности // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина: сб. ст. по итогам Международной научно-практической конференции. Тюмень, 17 – 19 ноября 2005 г.: в 5 ч. Ч. 1. / под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень: Издательство. Тюменского государственного университета, 2006. С. 8 – 10.
23. Нуркаева Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 254 с.
24. Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: НОРМА, 2003. 573 с.
25. Раймон Арон. Эссе о свободах: «Универсальной и единственной формулы не существует» // Политические исследования. 1996. № 1(31). С. 128 – 137.
26. Сальников В. П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства / под ред. д-ра юрид. наук. В. Н. Лопатина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 63 – 65.
27. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. 384 с.

Информация об авторе:

Балаян Эллада Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права КемГУ, elladalaw@rambler.ru.

Ellada Yu. Balayan – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 347.73:336.2

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЛОГОВ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Р. В. Бобринев

ON THE ORIGIN OF TAXES AND TAXATION

R. V. Bobrinev

В статье рассматриваются вопросы, связанные с происхождением налогов и налогообложения, их эволюционированием. Несмотря на неопределенность в вопросе о периоде возникновения налогов и налогообложения, высказывается точка зрения, согласно которой налоги в той или иной форме существовали практически со времен возникновения самого общества и государства. В тот же период начала формироваться определенная процедура исчисления и уплаты налога – механизм налогообложения. В совокупности, налоги и налогообложение способствовали появлению особого рода общественно значимой деятельности, называемой «налоговая деятельность» или «фискальная деятельность».

Изучение категорий «налоги» и «налогообложение» показало не идентичность этих тесно взаимосвязанных феноменов. Основное отличие состоит в том, что налогообложение, в отличие от налогов, реально способствует такому изменению налогового отношения, при котором потенциальная возможность уплаты налога, как правило, трансформируется в конкретную налоговую обязанность лица по отчуждению принадлежащих ему денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований.

В связи с новыми внешними вызовами, с которыми столкнулась Россия, высказывается предположение о необходимости переосмысления и корректировки национальной налоговой системы и налогообложения. При этом делается акцент на сохранении выработанных наукой налогового права принципов налогообложения, опосредующих пять важнейших свойств «хорошей» налоговой системы с приемлемым для населения и организаций и достаточным для государства уровнем налогообложения.

The paper analyzes the issues relating to the origin of taxes and taxation and their evolution. Despite the uncertainty regarding the period of the emergence of taxes and taxation, the author expresses the view according to which taxes in one form or another have existed almost since the origin of the society and the state. At the same period the taxation mechanism – a specific procedure for the calculation and payment of tax – began forming. Together, taxes and taxation have contributed to the emergence of a special kind of public activity called «fiscal activity» or «fiscal policy».

Studying the taxes and taxation showed the essential difference between these interrelated phenomena. The main difference is that taxation, unlike taxes, actually contributes to the sort of change in the tax attitude, when the potential pay-

ment of tax, as a rule, is transformed into a specific person's tax duty to alienate his own funds to provide financial support for the activities of the state and (or) municipalities.

Due to the new external challenges faced by Russia, the author makes an assumption about the necessity of rethinking and adjustment of the national tax system and taxation with the emphasis on keeping the existing principles of taxation, mediating five most important properties of a «good» tax system with the taxation level, acceptable to the public and organizations and sufficient for the state.

Ключевые слова: налоги, налогоплательщики, налогообложение, налоговая система, налоговые доходы.

Keywords: tax, taxpayer, taxation, tax system, tax revenues.

Появление налогообложения связано с переходом от присваивающей к производящей экономике, разложением родоплеменных сообществ, переходом к соседской общине, зарождением протогосударств и главное, постепенной индивидуализацией труда и потребления, приводящее к становлению частной собственности [3, с. 14].

Обособление частных интересов от интересов общества тем не менее сохранило общие для всех его участников нужды и потребности (охрана территории, собственности, жизни и др.), удовлетворение которых было возможно лишь совместными усилиями. Для этого потребовалось, чтобы члены сообщества периодически отдавали часть своих доходов (сначала в натуральной, а потом в денежной форме) в специальный совместный (общий) фонд. Такие расходы для них стали носить публичный (общественный) характер, поскольку формируемый при этом фонд служил интересам всех индивидуумов.

Как отмечает по этому поводу А. В. Демин, отделение функций публичного управления от материального производства обуславливает необходимость изъятия части собственности отдельных семей для содержания появившейся бюрократии, прежде всего военных дружин. Затраты на государственный аппарат, отсутствовавший в первобытном мире, – одна главных причин появления налогообложения [3, с. 14].

Так когда же все-таки появились налоги и налогообложение? Ученые дают на этот вопрос весьма неопределенные ответы. Например, К. Хойзер считает, что поскольку налоги пришли к нам из далекого прошлого, значит, они были всегда, по крайней мере, в исторически обозримом времени [14, с. 43]. По мнению А. В. Демина, отдельные налоговые нормы можно найти уже в законах Ману, законнике Хаммурапи, законах XII таблиц, Салической Правде и других древнейших источниках права [3, с. 113]. Е. Ю. Грачева увязывает появление налогов с возникновением государства, основным источником средств которого они являются [9, с. 3].

Как видно, более или менее определенно (конкретный год или быть может век) установить период, в котором появились налоги и налогообложение, ученым все еще не удастся. Безусловно, на это есть свои объективные причины. Однако можно с большой степенью уверенности утверждать, что налоги как обязательная, индивидуально безвозмездная, периодическая передача индивидуумом части своего имущества на общественные (государственные, публичные) нужды в той или иной форме существуют практически со времен возникновения самого общества и государства. Очевидно, что в тот же период начала формироваться определенная процедура исчисления и уплаты налога или говоря современным языком «механизм налогообложения». В

совокупности, налоги и налогообложение способствовали появлению особого рода общественно значимой деятельности, современное название которой, как представляется, соответствует таким понятиям как «налоговая деятельность» или «фискальная деятельность».

Изначально налоги составляли незначительную часть общественных фондов, поскольку публичные затраты в основном покрывались за счет добровольных пожертвований, военной добычи, дани с покоренных народов, доходов от общинной собственности. В структуре налогообложения того времени преобладали косвенные налоги в виде различного рода торговых пошлин.

В средние века (V – XV вв.) налоговая система представляла собой совокупность случайных и бессистемных платежей и повинностей, нередко уплачиваемых на основе обычаев, религиозно-этических и договорных норм. Господство натурального хозяйства обусловило уплату налогов в натуральной форме и в виде личных повинностей (военных, служебных и др.). Как следствие, налоги по-прежнему не являлись преобладающим источником государственных доходов того времени. И лишь в период позднего Средневековья, увеличивающиеся потребности властей в финансовых ресурсах, стали причиной появления множества новых налогов. В ответ на возрастающее налоговое бремя, население с целью обуздать неограниченную власть и произвол монархов в сфере налогообложения, вступает во многие социальные конфликты и потрясения.

В результате подобных противостояний, постепенно на смену разрозненным, временным и подчас необоснованным платежам и повинностям приходят рационально сформированные налоговые системы, с преобладанием в них косвенных платежей. Вытеснение же натуральных отношений товарно-денежными, приводит к денежной форме уплаты налогов, а сами они превращаются в основной источник доходов государств.

Период нового и новейшего времени (XVI – XX вв.) отличается меньшим количеством налогов и их большим разнообразием: формы налогов становятся более определенными, правила налогового администрирования – более выработанными и при выборе оказывается предпочтение таким податным источникам, которые обещают более крупный доход [13, с. 198].

Также усиливается регулятивная функция налогов, складываются правовые конструкции многих современных налогов и сборов, происходит научное теоретическое обоснование налогообложения, меняющееся под воздействием экономического развития общества.

Между тем, важнейшей чертой всех прошлых налогово-правовых парадигм была и продолжает оставаться идея о налоге как эволюционирующем во вре-

мени компромиссе, начиная с определенного этапа человеческой истории, конституционно-налоговом компромиссе общества и государства. Этот компромисс гарантирует естественное объединение, казалось бы, несовместимых между собой основополагающих начал общества и государства – частного интереса, частной собственности, с одной стороны, и публичного интереса, публичной собственности – с другой. Именно поэтому налогово-правовой компромисс регламентируется нормативными актами наивысшей юридической силы – конституциями [1]. Так, Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. закрепляет в ст. 57 обязанность каждого уплачивать законно установленные налоги, воплощая в ней публичный интерес всех членов общества.

После Первой мировой войны большинство европейских государств переходит к организации налоговых систем на научной основе. В настоящее время в Европе начинается складываться международное налоговое право Европейского сообщества [3, с. 18].

В отличие от большинства европейских государств, история налогообложения в России насчитывает немногим более тысячелетия. Финансовое устройство Древней Руси начало складываться во время объединения Древнерусского государства, начавшегося с конца IX века.

Для древнерусской системы налогообложения было характерно взимание дани, которая поступала в княжескую казну двумя способами: 1) «повозом» (дань привозилась подвластными племенами князю в Киев) и 2) «полюдьем» (сбор дани осуществлялся напрямую князем или княжеской дружиной). Вплоть до XVIII в. налоги именовались податями. Их уплата происходила в натуральной форме – медом, мехами, сельскохозяйственной продукцией, а также выполнением различных государственных повинностей (гужевых, строительных, военных и иных обязательных работ).

В период монголо-татарского завоевания Руси основной податью являлась дань (носящая характер контрибуции), уплачиваемая в пользу монголо-татарских ханов. Освобождение от монголо-татарского ига, становление централизованного Московского государства (XV в.) знаменуют важную веху в развитии налогообложения. Производится перепись платежеспособного населения, появляются целевые налоги для финансирования отдельных публичных функций: ямской налог, полоняничный налог, стрелецкая подать, пищальные деньги, сборы на городское и засечное дело и др.

В XVII в. формируется система фискальных приказов: Приказ большого прихода, занимающийся сбором прямых налогов России; Приказ большой казны, собирающий налоги с городских промыслов; Приказ большого дворца, ведающий сбором налогом с царских земель и др. В 1655 г. был создан Счетный приказ – прообраз современного Министерства финансов, отвечающий за формирование доходов государства. Становление национальной денежной системы на основе серебряных монет обуславливает постепенный переход от натуральных повинностей к денежной форме уплаты налогов.

С приходом к власти Петра I существенные изменения претерпела вся система финансового управления, в том числе сфера налогообложения (податная

система). Как отмечает Д. Г. Черник, ранее существовавшая финансовая система Руси ориентировалась на увеличение налогов по мере возникновения и возрастания потребностей казны без учета реального экономического положения государства. Петр I предпринял усилия для подъема производительных сил, видя в этом необходимые условия укрепления финансового положения [16, с. 21 – 22]. Для этого им, в том числе, увеличивались ставки уже существующих налогов, а также вводились различные новые налоги, прежде всего косвенные. Конечно, это не всегда нравилось народу, который предпринимал определенные действия, направленные на снижение налогового гнета. Так, например, основной единицей прямого налогообложения в тот период выступал двор, определяемый по числу ворот. В. Ю. Ключевский писал: «Крестьяне начали сгущать дворы, скучивая в них возможно больше людей, или стораживали по три, по пяти, даже по десяти крестьянских дворов в один, оставляя для прохода одни ворота, а прочие забирали воротами. Сельское хозяйство не улучшалось, а казенные доходы убавлялись» [6, с. 97]. Ответом на такую «оптимизацию налога» стала замена подворного налогообложения подушной податью, взимаемой с каждого трудоспособного мужчины.

В 1802 г. согласно Манифесту «Об учреждении министерств» было создано Министерство финансов, занявшее ведущее место в системе центральных органов финансового управления. В его компетенцию входили исключительно вопросы финансов, включая государственные доходы и систему налогообложения. В связи с выполнением этой функции Министерство финансов устанавливало суммы поступлений для различных налогов, разрешало все спорные вопросы по налогообложению.

Что касается собственно взимания налогов, то как отмечает И. И. Кучеров, долгое время в Российской империи эту работу осуществляла Казенная палата и ее губернские управления, учрежденные еще в 1775 г. Однако податная деятельность этого ведомства в основном ограничивалась учетом налогов, поступающих с мест, и носила исключительно канцелярский характер. Податного аппарата как такового не было, и сбором налогов приходилось заниматься полиции [8, с. 17].

В XIX в. подушная подать, размер которой был одинаков по всей стране, исчерпала свой финансовый ресурс. На смену ей пришел налог с недвижимого имущества. В 1875 г. появляется государственный поземельный налог. Его ставки дифференцируются в зависимости от качественных характеристик земли и лесных угодий. С 1882 г. возникает обложение наследств и дарений, а с 1885 г. взимается налог на доходы с денежных капиталов. Важную роль в системе государственных доходов играли акцизы (на соль, дрожжи, керосин, табак, сахар и др.). В целом на протяжении столетий косвенное налогообложение доминирует над прямым, поступления от косвенных налогов более чем в два раза превышают поступления от прямых налогов. Наибольшая часть косвенных налогов в это время собирается за счет питейного и соляного сборов [11, с. 8].

Преобладание косвенного налогообложения в системе доходов обуславливало неэластичность и несо-

вершенство всей налоговой системы Российской Империи. Первый показатель характеризовал отсутствие возможности значительного увеличения налоговых поступлений без негативных последствий для трудящихся слоев населения, несущих основное налоговое бремя в виде косвенного налогообложения. Несвершенство системы налогов связывалось с тем, что она была ориентирована на получение доходов от налогов с продуктов потребления, обладающих наиболее простым механизмом взимания. Вместе с тем «разумная» экономическая политика и справедливость предполагают доминирующее налогообложение собственности, торгово-промышленных капиталов, имущества переходящего безвозмездным путем.

С переходом в XIX в. на новую налоговую систему, ориентированную на обложение доходов обнаружилась несостоятельность Казенной палаты как фискального органа. Исходя из необходимости осуществления постоянного податного надзора на местах, в 1885 г. был учрежден институт податных инспекторов при Казенной палате в количестве 500 человек, на которых и был возложен контроль за своевременным и полным поступлением налоговых платежей на всей территории России [8, с. 17].

Следует отметить, что усилия полиции и податной службы по взысканию казенных платежей были довольно успешными: общий итог недоимок составлял в 1897 г. немногим более 99 млн руб., или около 5 % всех поступлений. По фактам выявленных нарушений по России было составлено 45578 актов (из них 5499 в Санкт-Петербурге), на основании которых взыскано штрафов на сумму 725184 рубля [2, с. 18].

В начале XX века структуру основных налоговых доходов бюджетов составляли: прямые налоги – земельный налог, домовый, или квартирный налог, промысловый налог, подоходный налог, пошлины, гербовые сборы и патенты; косвенные налоги – различные виды акцизов (табачный, сахарный, соляной, нефтяной, спичечный налоги и др.). Существующая в этот период налоговая система отличалась многочисленностью налогов и сборов и не имела определенного принципа формирования [10, с. 9].

После Октябрьской революции 1917 г. число обязательных платежей сократилось за счет упразднения некоторых так называемых «царских» налогов. Так, вследствие ликвидации частной собственности на землю был отменен поземельный налог. Национализация промышленности привела к упразднению промыслового налога. Городская недвижимость перестала облагаться налогами с городских недвижимых имуществ. Основным же доходным источником стали выступать эмиссия и прямые изъятия классового характера – конфискации, контрибуции, продразверстка. Также широкое распространение получила трудовая повинность, представлявшая собою, как полагает И. И. Кучеров, своеобразный трудовой налог [7, с. 17]. Подобная натурализация хозяйственных отношений при одновременном сокращении товарооборота и обесценении денег существенно снизила финансовую эффективность налогов, взимаемых в денежной форме [14, с. 200].

В начале 20-х гг. прошлого столетия образуется новая налоговая система государства. Это было связано с переходом к новой экономической политике

(НЭП). Продразверстка была отменена, а вместо нее введен продовольственный налог. Среди прямых налоговых изъятий основными являлись промысловый налог, которым облагались торговые и промышленные предприятия, а также подоходно-поимущественный налог прогрессивного характера и сельскохозяйственный налог [3, с. 28]. Получает развитие и косвенное налогообложение. В 1921 – 1923 гг. были вновь введены акцизы на спирт, табачные изделия, керосин и ряд других товаров.

Последовавшее в начале 30-х гг. XX в. упразднение НЭПа сопровождалось очередной крупномасштабной налоговой реформой, в результате которой основными налогами в стране стали взимаемые с государственных предприятий – налог с оборота, консолидировавший 53 вида взимаемых ранее налогов и платежей, существенное значение среди которых имели промысловый налог и 12 акцизов, и отчисления от прибыли, консолидировавшие 6 налогов и платежей. Монополия государственной собственности на средства производства предоставляла также возможность прямого административного изъятия прибыли государственных предприятий и организаций.

В качестве самостоятельных сохранились лишь 27 сборов и платежей, обеспечивающих поступление около 20 % доходов бюджета. Таким образом, в условиях плано-распределительной экономики роль налогов в системе доходных источников государства была необоснованно принижена, а прямые налоги с населения, администрируемые налоговыми инспекциями районных и городских финансовых отделов, не играли существенной роли в формировании бюджета.

Во время Великой Отечественной войны, дополнительные потребности бюджета обусловили расширение перечня обязательных платежей за счет новых налогов и сборов с населения. Налоговую нагрузку на физических лиц усилили: военный налог, налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, сбор с владельцев скота и др.

Послевоенный период характеризовался снижением размеров обязательных платежей населения, в результате чего удельный вес налогов в доходной части государственного бюджета в 1946 – 1950-х гг. уменьшился в два раза и составлял 7,7 % доходов бюджета советского государства [12, с. 47].

В 1960-х гг. в СССР осуществляются преобразования хозяйственной сферы, направленные на повышение эффективности и прибыльности работы государственных предприятий. В области налогообложения, при сохранении налога с оборота, вместо платежа в форме отчислений от прибыли государственных предприятий, было установлено три самостоятельных платежа: плата за производственные основные и нормируемые оборотные средства, целью которой было усиление эффективности использования этих фондов; фиксированные (рентные) платежи, направленные на изъятие излишних накоплений по сравнению со среднеотраслевым уровнем; взнос свободного остатка прибыли в бюджет.

В 1970 – 1980-е гг. 91 % общих доходов государственного бюджета СССР составляли платежи от социалистического хозяйства – налог с оборота, платежи из прибыли и другие отчисления государственных предприятий. Налоги с населения составляли 8 – 9 % всех доходов государственного бюджета [10, с. 13].

В конце концов, декларируемый в СССР курс на безналоговое общество через прямое изъятие прибыли государственных предприятий и организаций потерпел экономический крах, поскольку не предполагал заинтересованности хозяйствующих субъектов в результатах своей деятельности. При убыточности их дотировали, а в случае прибыльности государство изымало большую часть прибыли.

В 1991 г. в связи с переходом от советской планово-распределительной системы к рыночной, началось формирование новой самостоятельной налоговой системы Российской Федерации. Опыт западноевропейских стран свидетельствовал о том, что кредитно-денежное регулирование в сочетании с налоговым, является одной из наиболее эффективных форм управления экономикой в рыночных условиях. В этой связи были приняты законы о налоге на добавленную стоимость, о налоге на прибыль предприятий и организаций, о подоходном налоге с физических лиц. Обобщающим законодательным актом являлся принятый 27 декабря 1991 г. Закон Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [10, с. 13].

Однако налоговая система 90-х гг. XX в. обладала существенными недостатками, среди которых: многочисленность нормативных правовых актов, регулирующих налоговые отношения, и связанное с этим частое несоответствие законов и подзаконных актов; нестабильность налогового законодательства; многочисленность налогов и сборов федерального, регионального и местного уровней и др. Это отчасти было связано с тем, что налоговое законодательство было разработано еще в условиях тоталитарной, административно-командной системы и соответствовало принципам централизованной экономики, основанной на государственной форме собственности.

В целях совершенствования налоговых отношений с середины 90-х гг. в Российской Федерации проводятся преобразования налоговой системы. Значительным шагом в совершенствовании налогового законодательства являлась его кодификация – разработка и принятие Налогового кодекса РФ. В процессе кодификации разрозненное, несистематизированное и во многом противоречивое налоговое законодательство подверглось коренной переработке как по форме, так и по содержанию.

Принятие Налогового Кодекса позволило существенным образом систематизировать действующие нормы и положения, регулирующие процесс налогообложения, свести их в единую, логически цельную и согласованную систему. В частности, устранены такие недостатки существовавшей до принятия Налогового кодекса налоговой системы, как отсутствие единой законодательной и нормативной базы налогообложения, многочисленность и противоречивость нормативных документов, отсутствие достаточных правовых гарантий для участников налоговых отношений [5, с. 39].

Несмотря на это, кривая налоговых правонарушений и преступлений, совершаемых юридическими и физическими лицами на фоне ежегодно увеличивающихся (по данным налоговых органов) поступлений налоговых платежей, не свидетельствует об устойчивой тенденции улучшения ситуации с законопослуш-

ностью обязанных уплачивать налоги лиц. И это явление не является исключительно российским, оно интернациональное. Например в Германии, уклонение от уплаты налогов считается чуть ли не национальным видом спорта. Следовательно, нельзя утверждать, что в современных социально-экономических, правовых и политических условиях, идея конституционно-налогового компромисса общества и государства разделяется всеми без исключения налогоплательщиками. Очевидно, что это далеко не так и на вряд ли такое возможно в принципе. Как отмечает Р. А. Шепенко: «Граждане вообще не могут быть довольны тем, что у них кто-то что-то забирает, какими бы благими целями это действие ни оправдывалось, особенно если предоставляемые взамен блага весьма аморфны (что имеет место)» [17, с. 23].

На протяжении всего существования налогов и налогообложения, носители налога предпринимают множество усилий по снижению размера обязательных, индивидуально безвозмездных денежных выплат государству. Многие коллективные и индивидуальные субъекты предпринимательской деятельности, а также «рядовые» налогоплательщики, наблюдая различные злоупотребления и откровенные расхищения бюджетных (т. е. народных) средств, рассматривают налоги не иначе как «потери» для бизнеса и/или семьи. Государство стремится со своей стороны подействовать на своих граждан внушениями о том, что налоги – это плата за цивилизованное общество, а полученные таким образом денежные средства позволяют бороться с провалами рынка, финансируют капиталовложения в те сферы, куда частный бизнес не устремляется из-за длительного периода окупаемости проекта, и оплачивают создание общественных благ.

Вышесказанное подтверждает точку зрения И. В. Горского по поводу того, что налогообложение относится к той сфере общественной жизни, которая непосредственно касается интересов всех и каждого. В налогах преломляются важнейшие экономические, социальные, политические проблемы жизни общества и человека. Каждая из них многими гранями выходит на налоги, ставя перед обществом вопросы производства, этики, психологии и многие другие [2, с. 3]. По этой причине проблема справедливости налогов и оптимальности налогообложения занимает ученых и по сегодняшний день.

Завершая рассмотрение вопроса, можно отметить неоднозначность освещения проблемы происхождения налогов и налогообложения в доктрине налогового права. Тем не менее налоги небезосновательно считаются одним из признаков общества и государства, поскольку нормальное существование последнего без стабильных налоговых поступлений маловероятно или вовсе невозможно. Само же поступление налогов в распоряжение публично-правовых образований является результатом сложного процесса налогообложения.

Таким образом, налоги и налогообложение при всей их, на первый взгляд, схожести, не являются разными определениями одного явления. Налоги представляют собой, прежде всего, законодательно установленные и потенциально возможные к получению бюджетами в налоговых отношениях от организаций и физических лиц денежные платежи. Налогообложение следует рассматривать как законодательно регламен-

тированный процесс исчисления и уплаты (исчисления, удержания и перечисления – для налоговых агентов) организациями и физическими лицами налогов в бюджетную систему РФ. Другими словами, налогообложение, в отличие от налогов, реально способствует такому изменению налогового отношения, при котором потенциальная возможность уплаты налога, как правило, трансформируется в конкретную налоговую обязанность лица по отчуждению принадлежащих ему денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований.

Отчуждение доли собственности в форме налога производится, как отмечает Н. М. Казанцев, в обмен на компенсацию признания и защиты государством права граждан, иных лиц быть субъектами права как такового, а также их объективного права собственности в целом и их права быть субъектами субъективного права владения конкретным имуществом и иным достоянием [4, с. 71]. В этом заключается сущность налогообложения.

Поскольку сегодня Россия столкнулась с новыми внешними вызовами (санкции западных государств, падение цен на нефть, ослабление рубля и т. д. это потребует переосмысления и корректировки существующего процесса развития национальной налоговой системы и действующего механизма налогообложения. В связи с этим важно, чтобы на этом пути не были нару-

шены, выработанные наукой налогового права принципы налогообложения (принцип хозяйственной независимости налогоплательщика; принцип справедливости; принцип определенности; принцип удобства; принцип экономии (издержки по взиманию налогов должны быть ниже, чем налоговые поступления); принцип соразмерности). Именно на их основе специалистами определены следующие пять свойств «хорошей» налоговой системы с приемлемым для населения и организаций и достаточным для государства уровнем налогообложения:

1) экономически эффективная налоговая система не должна входить в противоречие с эффективным распределением ресурсов;

2) административная простота: административная система должна быть простой и относительно недорогой в применении;

3) гибкость: налоговая система должна быть в состоянии быстро реагировать на изменяющиеся экономические условия;

4) политическая ответственность: налоговая система должна быть построена для убеждения людей в том, что они платят для того, чтобы политическая система была в состоянии более точно отражать их предпочтения;

5) справедливость: налоговая система должна быть справедливой по отношению к различным индивидуумам.

Литература

1. Гаврилюк Р. А. Трансформация философии налогового права в посткризисном обществе: постсолидаризм и постэгалитаризм // Финансовое право. 2010. № 4.
2. Горский И. В. Налоги в рыночной экономике. М.: Анкил, 1992. 95 с.
3. Демин А. В. Налоговое право России: учебное пособие. М.: РИОР, 2008. 382 с.
4. Казанцев Н. М. Смысл понятия налогового права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2004 года. М.: Волтерс Клувер, 2006. 300 с.
5. Ключович З. А. Налоги и налогообложение. Ростов н/Д.: Феникс, 2009. 316 с.
6. Ключевский В. О. Курс русской истории: соч.: в 9 т. М., 1989. Т. 4. 400 с.
7. Кучеров И. И. Налоговое право России: курс лекций. М., 2001. 374 с.
8. Кучеров И. И. Налоговые преступления: учебное пособие. М.: ЮрИнфоР, 1997. 224 с.
9. Налоговое право: учебник / под ред. Е. Ю. Грачевой, О. В. Болтиновой. М.: Проспект, 2013. 384 с.
10. Налоговое право России: учебник; отв. ред. Ю. А. Крохина. М.: Норма, 2008.
11. Налоговое право России: учебник для вузов; отв. ред. Ю. А. Крохина. М.: Норма, 2003. 656 с.
12. Налоговый Кодекс Российской Федерации, часть первая: постатейный комментарий / под ред. В. И. Слома. М.: Статут, 1998.
13. Пушкарева В. История финансовой мысли и политики налогов: учебное пособие. М., 2001. 255 с.
14. Толкушкин А. В. История налогов в России. М., 2001. 432 с.
15. Хойзер К. Жертва и налог. От античности до современности // Все начиналось с десятины: этот многоликий налоговый мир. М.: Прогресс, 1992. 408 с.
16. Черник Д. Г. Налоги в рыночной экономике. М., 1997. 382 с.
17. Шепенко Р. А. Налоговое право: конституционные нормы. М.: Статут, 2006. 303 с.

Информация об авторе:

Бобринев Руслан Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Кемеровского института (филиала) Российского Экономического университета им. Г. В. Плеханова, bobrinev.ruslan@mail.ru.

Ruslan V. Bobrinev – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Business Law, Kemerovo Institute (branch) of G. V. Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 14.09.2015 г.

**ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ***А. С. Вернов***THE PROBLEM OF ORGANIZATION AND FUNCTIONING OF THE SOVIET PROSECUTOR'S OFFICE
IN THE RUSSIAN HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE***A. S. Vernov*

В статье рассматриваются проблемы научного осмысления деятельности органов прокурорского надзора в советский период отечественной истории государства и права. Определяются основные этапы историографии проблемы. Анализируется вклад в изучение системы советской прокуратуры представителей юридической науки, историков права, гражданской истории. На основе историографического анализа определяются слабо изученные аспекты проблемы и перспективы дальнейших историко-правовых исследований в данной области.

The paper addresses the problems of scientific understanding of the activity of the bodies of Prosecutor's supervision in the Soviet period of Russian history of State and Law. The author identifies the key stages in the historiography of the problem. The contribution of legal scholars, historians of law, civil historians to the study of the Soviet system of Prosecutor's Office is analyzed. On the basis of historiographical analysis the poorly understood aspects of the problem and prospects of further historical and legal research in this area are defined.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, законодательство о прокуратуре, судебная система, исполнительные комитеты, ВКП(б).

Keywords: Prosecutor's Office, Public Prosecutor's supervision, law on Prosecutor's supervision, courts, Executive Committee, All-Union Communist Party of the Bolsheviks.

Первые исследования организационного построения и основных направлений практической деятельности советской прокуратуры появились еще в 1920-е гг. В основном литература этого периода представлена брошюрами и статьями прикладного и публицистического характера, в них освещались текущий опыт и практика работы органов прокурорского надзора. Произведения тех лет крайне идеологизированы, что обусловлено не только их целевой направленностью: продемонстрировать преимущества новой модели прокуратуры над прежней, дореволюционной, но и тем, что авторами работ выступали, как правило, теоретики социалистической законности. Идеологическая заданность предопределила содержание данных работ: значительное место в них занимает характеристика классовых принципов, положенных в основу организационного построения и деятельности прокуратуры, анализ политической составляющей последней.

Особенностью некоторых публикаций 1920-х гг. является их прикладной характер. Ввиду того, что в большинстве из них освещается единичный опыт отдельных учреждений прокуратуры, авторский анализ крайне поверхностен: их авторами являлись сами активные участники формирующейся системы прокурорского надзора, они, стараясь поделиться опытом своей работы, не ставили своей целью написание обобщающих научных трудов по вопросам истории прокуратуры. Тем не менее уже этот первый этап изучения проявил узловые аспекты анализируемой проблемы, явился важным плацдармом для дальнейшего исследования истории прокурорского надзора.

На рубеже 1920 – 1930-х гг. характер исследований, посвященных изучению опыта деятельности органов прокурорского надзора, меняется. В целом про-

исходит резкое сокращение количества публикаций подобного рода, полностью исчезают работы полемической направленности. В течение 15 лет о деятельности органов прокурорского надзора свидетельствуют лишь отдельные главы исследований отечественных юристов, посвященных системе советского судопроизводства и законодательства. Работы историко-правовой направленности, посвященные первым годам развития советской прокуратуры, отсутствуют, в работах же, характеризующих новую, установленную в годы конституционной реформы систему судопроизводства, к «прокурорским сюжетам» обращаются лишь в контексте ее участия в репрессивной политике.

Следует отметить также значительное количество изданий, посвященных юбилейным датам в истории советской прокуратуры. Посвященные в основном характеристике изменений в законодательстве о прокурорском надзоре, эти работы, однако содержат некоторые сведения об эволюции структуры системы прокурорских учреждений, позволяющие оценить изменения в практической направленности их деятельности и реальном месте в системе советских правоохранительных органов.

Некоторое оживление процесса научных исследований в первые годы послевоенной истории в лучшую сторону отразилось на изученности феномена советской прокуратуры. Увидели свет первые историко-правовые исследования в данной области. Здесь необходимо, на наш взгляд, отметить труды двух авторов: Константина Андреевича Мокичева [17], занимавшего во 2-й пол. 1940-х гг. пост зам. Генерального Прокурора СССР и Михаила Васильевича Кожевникова [7; 8], профессора юридического факультета МГУ.

В работе первого исследователя предпринимается успешная попытка осмысления основных этапов формирования и развития советской прокуратуры, начиная с Принятия Положения 1922 г. Отмечая несомненную информационную насыщенность данной работы, укажем тем не менее, что большую ее часть составляют тексты нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность прокуратуры, некоторые из которых составителем даже не комментируются.

Монография М. В. Кожевникова, составленная на основе докторской диссертации, защита которой состоялась в 1945 г., и ряд статей данного автора в большей степени отвечают современным представлениям о самостоятельных научных исследованиях. В работах автора прослеживается детальный анализ законодательства о прокуратуре, приводятся любопытные статистические данные, характеризующие деятельность органов прокурорского надзора. В то же время исследование М. В. Кожевникова отмечено, с нашей точки зрения, весьма существенным недостатком: как и в работе К. А. Мокичева, за точку отсчета истории советской прокуратуры принимается Положение 1922 г.; характеристика попыток большевистского руководства страны реализовать функции упраздненной дореволюционной прокуратуры за счет учреждений юстиции в годы Гражданской войны в данных работах отсутствует.

Частичная либерализация советского режима в период «хрущевской оттепели» обусловили активизации научного интереса к изучению системы прокуратуры профессиональных ученых-юристов и юристов-практиков. В трудах В. Г. Лебединского [14] и В. С. Тадевосяна [19] анализировались теоретические аспекты прокурорского надзора, основные направления прокурорской практики. В работе С. Г. Березовской [2] впервые рассматривались правозащитные аспекты деятельности прокуратуры.

В 1970 – 1980-е гг. выходит значительное число работ о советской прокуратуре обобщающего характера. Важную роль в изучение теории прокурорского надзора внесли труды Б. С. Тетерина [20] и Б. М. Спиридонова [18], в том числе отражающие и проблематику начального периода деятельности советской прокуратуры.

Увидели свет и исследования, посвященные прокурорскому надзору, принадлежащие перу историков права. В трудах В. М. Курицына [12; 13] история становления института прокуратуры рассматривается в общем контексте судебной реформы 1922 г.

В хорошо фундированной работе Т. П. Коржихиной [9; 10] анализируются проблемы взаимодействия учреждений прокуратуры и судебных институтов с органами государственной власти, включительно и на местном уровне.

На данном этапе историографии появляются работы, посвященные истории сибирской прокуратуры. Впервые данная тема была затронута в небольшой по объему статье К. Алгазина [1]. Статья носит не аналитический, а информационный характер. В ней перечислены основные законодательные акты, регули-

рующие деятельность сибирской прокуратуры в 1920-е гг.

В диссертационном исследовании И. Х. Мариной [15] рассматриваются проблемы организационного становления прокурорского надзора в Сибири. К сожалению, характеристика практической деятельности прокуратуры здесь практически полностью отсутствует: хронологические рамки исследования ограничиваются периодом 1922 – 1925 гг., когда прокурорские учреждения на уровне края (округов) только лишь формировались.

Таким образом, за 1920 – 1980-е гг. в изучении истории советской прокуратуры в период НЭПа были достигнуты определенные результаты. На данном этапе историографии было обстоятельно изучено законодательство, регулирующее деятельность прокуратуры, в научный оборот введен значительный объем архивных документов и материалов периодической печати. Были созданы обобщающие труды по истории прокуратуры, в которых рассмотрены помимо прочего и годы НЭПа.

Однако абсолютное большинство исторических исследований 1960 – 1980 гг. содержит такие серьезные недостатки, которые не позволили их авторам дать полный объективный анализ деятельности местных Советов, определить их функции в системе органов государственного управления, составить развернутую картину взаимоотношений партии и Советов. Большинство работ отличает тяжелый «лозунговый стиль», малая информативность.

К наиболее типичным недостаткам в изучении исторического прошлого органов прокурорского надзора советского периода, в том числе и интересующего нас периода, по мнению автора, следует отнести:

1. Игнорирование тенденции бюрократизации системы прокурорского надзора;
2. Узость анализа деятельности учреждений прокуратуры, выполненного лишь на основе характеристики двух, пусть даже самых значимых, функций – общего надзора и судебного надзора; недостаточное внимание к проблеме надзора над органами следствия и дознания, а также к участию прокуратуры в реализации задач социально-экономической реконструкции в части правового обеспечения этой кампании;
3. Полное игнорирование субъективного фактора, «обезличивание» исторического процесса, отсутствие анализа прокурорского корпуса, его образовательного и профессионального уровня, накладывавшего определенный отпечаток на деятельность института;
4. Односторонний, иногда крайне тенденциозный анализ проблемы партийного руководства правоохранительными органами.

Главным недостатком историко-правовых исследований, посвященных первым годам прокурорского надзора, был односторонний анализ практической деятельности прокуратуры. Отсутствие детального освещения многих проблем прокурорской практики было обусловлено не только отмеченной выше чрезмерной идеологизированностью историко-правовой науки и наличием закрытых для исследования тем, но и нехваткой необходимостью фактического материала. В связи с этим подчеркнем, что мы абсолютно

солидарны с мнением И. А. Гридуновой: «гораздо чаще вопросы прокурорского надзора в СССР затрагивались в трудах юристов, не претендовавших на общеисторическое осмысление явлений в названной сфере» [3]. Обозначенные обстоятельства повлияли на характер работ советского периода.

Активные процессы демократического обновления на этапе становления самостоятельной российской государственности, переосмысления исторического прошлого Российской державы способствовали началу принципиально нового периода в исследовании института советской прокуратуры. Этот период, продолжающийся до настоящего времени характеризуется многообразием методологических подходов, демонстрируемых исследователями, открытием доступа к ранее недоступным архивным материалам, преодолением обезличенности исторического процесса, исчезновением ранее существовавших запретов на изучение тех или иных сторон советской действительности.

Интерес к изучению заявленной нами темы во многом был усилен поисками средств эффективности прокурорского надзора в рамках осуществления правовой реформы.

Отметим, что значительный вклад в изучение системы прокурорского надзора внесли представители исторической науки. В работах, посвященных, главным образом, характеристике советской репрессивной политики, затрагивались проблемы отношений прокурорских учреждений и иных карательных институтов, раскрывались проблемы взаимодействия советских и партийных органов и прокуратуры. Большинство исследователей пришли к вполне обоснованному выводу о том, что зависимое положение прокуратуры от местных органов власти, вносило серьезные коррективы в ее работу, осложняя реализацию надзорной функции.

Различные сюжеты истории прокуратуры стали предметом изучения представителей юридической науки.

Б. С. Тетерин и Е. З. Трошкин [21] обращались к проблеме участия органов прокуратуры в уголовном процессе. В работе Н. В. Мельникова [16] освещалось участие прокуратуры в обеспечении конституционных прав граждан.

Рассматриваемый период характеризуется значительным увеличением количества историко-правовых работ в данной области. Содержание некоторых исследований характеризует резкая критическая направленность: прокуратуры расценивается лишь как одно из средств реализации репрессивной политики.

Другие работы, логика рассуждения авторов которых нам гораздо более близка, демонстрируют системный подход в изучении отечественной прокуратуры: она рассматривается как часть государственной системы, исполняющая именно те функции, которые возлагались на нее этой системой в разные периоды ее существования. Так, Л. А. Фофанова утверждала, что на всем протяжении 1920-х гг., карательные функции прокуратуры находились на втором плане [22].

Исследователи, как и в предыдущий период историографии, обращались к изучению законодательства, регулирующего деятельность прокуратуры. Наиболее обстоятельно, применительно ко всем ключевым функциям прокуратуры, этот вопрос рассмотрен авторами коллективного сборника «Советская прокуратура. Очерки истории», изданном в 1994 г. Авторами предложен новый взгляд на законодательство, регулирующее деятельность прокуратуры, что в итоге приводит их к переосмыслению сложившейся системы мнений о советской прокуратуре, в частности, к мнению о том, что прежние выводы об отсутствии ее преемственности с дореволюционной прокуратурой не вполне корректны.

Детальной разработкой проблем прокурорской практики характеризуется исследование В. Кудрявцева и А. Трусова [11]. По их мнению, роль прокуратуры в системе политической юстиции нельзя оценивать однозначно: с одной стороны, ее обязанностью было осуществление надзора за соблюдением законности при проведении следствия и рассмотрения дел, а с другой стороны, прокуроры сами выступали обвинителями по сфабрикованным делам.

Работа А. Г. Звягинцева и Ю. Г. Орлова [4] способствовали преодолению обезличенности исторического процесса: рассмотрение процесса создания и развития прокуратуры осуществляется на основе характеристики деятельности советских прокуроров.

Наконец, проблемы истории правоохранительных органов советского правосудия рассматриваются в трудах зарубежных исследователей, опубликованных в России в этот период.

В контексте историографии деятельности региональной прокуратуры отметим работы, имеющие отношение к сибирскому региону.

Так, необходимо выделить работы В. И. Исаева и А. П. Угроватова [5]. В их совместном труде исследуется модернизация деятельности правоохранительных органов, в том числе и прокуратуры, их деятельности в условиях изменения политического курса. В диссертации Н. А. Какоуровой [6] проведен комплексный анализ становления судебно-прокурорской системы Иркутской губернии 1920 – 1930-х гг.; аналогичные процессы применительно к территории Алтая детально прорабатываются в диссертационном исследовании И. А. Гридуновой [3].

Таким образом, историко-правовой наукой накоплен достаточно обширный материал для обобщения опыта советской прокуратуры. В то же время следует отметить, что в истории последней имеется немало пробелов, одним из которых являются процессы формирования и развития института прокуратуры в Западной Сибири.

Другим недостатком историко-правовых исследований в данной области является малая информативность, фактическое отсутствие в исследованиях архивных материалов, сохраняющаяся высокая степень обезличенности исторического процесса.

Литература

1. Алгазин К. Становление прокуратуры Сибири // Социалистическая законность. 1967. № 8.
2. Березовская С. Г. Охрана прав граждан советской прокуратурой. М., 1964.
3. Гридунова И. А. Прокуратура Алтая в годы новой экономической политики: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 19.
4. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Распятие революцией российские и советские прокуроры. XX век. 1922 – 1936. М., 1998.
5. Исаев В. И., Угроватов А. П. Правоохранительные органы в Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.). Новосибирск, 2006.
6. Какоурова Н. А. История органов суда и прокуратуры Иркутской области в 1920 – 1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006.
7. Кожевников М. В. История советской прокуратуры. М., 1948;
8. Кожевников М. В. Учреждение советской прокуратуры, ее организация и деятельность в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921 – 1925 гг.) // Ученые записки. Труды юридического университета. Вып. 145: 1. Сн. 4. М., 1949.
9. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения. М., 1987.
10. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. 2-е изд. М., 1995.
11. Кудрявцев В., Трусков А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000.
12. Курицын В. М. Переход к нэпу и революционная законность. М., 1972.
13. Курицын В. М. Становление революционной законности. М., 1983.
14. Лебединский В. Г. Организация работы советской прокуратуры в первые годы ее учреждения // Социалистическая законность. 1967. № 7. С. 19 – 21.
15. Марина И. Х. Прокуратура Сибири в период восстановления народного хозяйства СССР (1922 – 1925 годы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974.
16. Мельников Н. В. Прокуратура России и ее роль в обеспечении конституционных прав и свобод граждан: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2001.
17. Мокичев К. А. История советской прокуратуры в важнейших документах. М., 1952.
18. Спиридонов Б. М. Понятие отрасли прокурорского надзора // Совершенствование прокурорского надзора в СССР: сб. статей. М., 1973. С. 83 – 91.
19. Тадевосян В. С. Прокурорский надзор в СССР. М., 1968.
20. Тетерин Б. С. Организация советской прокуратуры. М., 1978.
21. Тетерин Б. С., Трошкин Е. З. Возбуждение и расследование уголовных дел. М., 1997.
22. Фофанова Л. А. Социальный портрет сотрудника НКВД середины 20-х гг. (по материалам Урала) // Урал в XX в.: региональный банк данных. Екатеринбург, 1993.

Информация об авторе:

Вернов Андрей Сергеевич – соискатель кафедры теории и истории государства и права КемГУ, gavrosh66@mail.ru.

Andrey S. Vernov – post-graduate student at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Гаврилов Станислав Олегович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права КемГУ, gavrosh66@mail.ru.

Academic advisor: Stanislav O. Gavrilov – Doctor of History, Professor the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

**ПРОКУРАТУРА И ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОБЩЕГО НАДЗОРА**

А. С. Вернов

**PROSECUTOR AND PARTY-STATE SYSTEM OF WESTERN SIBERIA:
THE PROBLEM OF POLITICAL COOPERATION AND GENERAL SUPERVISION**

A. S. Vernov

В статье рассматриваются процессы формирования и развития региональной прокуратуры в Западной Сибири в 1920-е гг. Анализируются проблемы взаимоотношений прокуратуры и местных органов власти. Исследуются, подвергаются факторы, оказывающие влияние на прокурорский надзор. Изучается механизм взаимодействия прокурорских работников с общественными организациями и движениями, участвующими в реализации правоохранительной политики.

The paper deals with the processes of formation and development of the regional Prosecutor's Office in West Siberia in the 1920s. The problems of relations between prosecutors and the local authorities are discussed. The factors influencing the Public Prosecutors supervision, the mechanism of interaction between prosecutors and social organizations and movements involved in the implementation of the law-enforcement policy are analyzed.

Ключевые слова: Сибирский край, Кузнецкий округ, прокуратура, прокурорский надзор, законодательство о прокуратуре, исполнительные комитеты, ВКП(б).

Keywords: Siberian Region, Kuznetsk district, Prosecutor's Office, Public Prosecutor's supervision, law on the Prosecutor's Office, Executive Committees, All-Union Communist Party of the Bolsheviks.

Практика прокурорской деятельности 1920-х гг. включала в себя общественно-политическую, пропагандистскую работу, являвшуюся абсолютной новеллой в функционировании данного института, отличавшую новую, «рабоче-крестьянскую» прокуратуру, не только от дореволюционной российской, но и от какой-либо другой модели ее организации. Лица прокурорского надзора при выполнении своих функций в области осуществления надзора за состоянием законности, неизбежно сталкиваясь в процессе своей деятельности «с широкими рабочими и крестьянскими массами», наряду с выполнением основной работы по рассмотрению жалоб, заявлений и пресечения правонарушений, обязаны были вести общественно-политическую и агитационно-пропагандистскую работу, путем выступления с докладами на различного рода собраниях граждан, на различных заседаниях, совещаниях партийных, советских и профсоюзных организаций – райземкомиссий, рабоче-крестьянских инспекции, избирательных комиссий.

При этом по требованию Краевого прокурора, представители Окружной и участковых прокуратур должны были участвовать в их деятельности не просто в качестве членов комиссий, а именно как прокуроры, представители «ока государева», контролируя законность их деятельности. Случаи же пассивного их участия краевым начальством пресекались [8, л. 109].

План прокурорских мероприятий в этой области согласовывался с территориальными партийными комитетами. Представители Прокуратуры обязаны были участвовать в заседаниях райкомов и горкомов ВКП(б). Примеры их активного участия в заседаниях (г. Ленинск) всячески пропагандировались, в то время как игнорирование участия (Краснинский и Топкинский районы, в заседаниях партийных комитетов которых представители прокуратуры в 1926 г. участво-

вали лишь по одному разу), подвергались резкой критике с применением оргвыводов [8, л. 108 об.].

Как одной из основных задач этой работы рассматривалась популяризация советского законодательства. По утверждению Краевого прокурора: «В зависимости от того, насколько широко и своевременно рабочие и крестьянские массы будут осведомлены о советском законодательстве, – имеет огромное значение, как в области политической, а также и экономической жизни страны».

С этой точки зрения, далеко не случайным выглядит создание в 1928 г. в Новосибирске специального Бюро по руководству этой работой в составе представителей Агитпропа Крайкома ВКП(б), Краевого суда, в состав которого вошли и представители Краевой прокуратуры.

Статистические данные, отложившиеся в архивных документах, свидетельствуют о росте пропагандистской работы должностных лиц прокуратуры. Особо наглядно это проявляется в период т. н. «великого перелома» в деревне, в период постепенного отказа от парадигмы «обогащайтесь», постепенного поворота к коллективизации и, следовательно, изменений в гражданском и земельном законодательстве.

Так, если в первом полугодии 1926 г. работники прокуратуры сделали 952 доклада, то во втором полугодии – 1107, а в 1-м полугодии 1927 г. вообще 1523.

На территории Кузнецкого округа работники прокуратуры во 2 половине 1920-х гг. пытались придать данной работе по популяризации и ознакомлению населения с советским законодательством плановый характер, проводя ее совместно с органами суда, следствия и дознания, используя при этом массовые организации – избы-читальни, юридические кружки, институт общественных обвинителей и народных заседателей.

Справедливости ради отметим, что данная работа зачастую имела лишь формальный характер. При выездах в деревню с докладами в целях популяризации права, прокурорские работники, как правило, выступали по двум ключевым, с их точки зрения, темам, разъясняя содержание т. н. ревзаконности и пропагандируя меры по борьбе с хулиганством [4, л. 32].

Несколько лучше обстояло дело с пропагандой права в периодической и стенной печати, хотя и здесь имелись свои недостатки. Так, прокурором 2-го участка Кузнецкого округа во 2-й половине 1926 г. – 1-й половине 1927 г. была опубликована всего одна статья, вторая, хоть и была написана – не публиковалась, еще одна статья распространена через стенгазеты [2, л. 48].

Оставляла желать лучшего и работа созданных при участии прокуратуры общественных организаций. Созданное в конце 1926 г. в г. Ленинск Юридическое бюро пыталось организовать свою деятельность без участия абсолютно игнорировавшего его работу прокурора Васильева, но сделать этого не смогло. После гневного оклика со стороны Окружной прокуратуры бюро попыталось оживить свою работу, было проведено одно заседание, но на этом все и закончилось.

Достаточно сложной формой организации деятельности прокуратуры, находящейся на стыке их общественной и профессиональной деятельности являлась работа по руководству так называемыми «общественными обвинителями». Данные лица, не являясь кадровыми работниками прокуратуры, как, впрочем, и профессиональными юристами, в принципе, являлись представителями рабочего и крестьянского актива, способствовавшими прокуратуре в ее борьбе за укрепление ревзаконности. По мнению одного из руководителей советской прокуратуры Н. Крыленко: «На эту отрасль работы прокурорского надзора должно быть обращено особое внимание; укрепление института общественных обвинителей, должно привести к воспитанию в широких массах сознания публично-правовой обязанности защищать нарушенный закон, а не только права жаловаться на его нарушителей».

История формирования института общественных обвинителей восходит к первым годам существования большевистского режима. Как известно, в период его создания руководителями советского государства всячески пропагандировалась идея привлечения трудящихся к повседневной деятельности по управлению государством, в том числе к работе правоохранительных структур.

В Наказе по вопросам хозяйственной работы, адресованном IX Всероссийским съездом Советов (декабрь 1921 г.), Наркомату Юстиции РСФСР содержалось требование усилить активность в воспитании широких масс рабочих и крестьян, обеспечив «самостоятельное, быстрое, деловое участие их в надзоре за соблюдением законности» [13, с. 337].

В свою очередь, Народный комиссариат Юстиции, считая недопустимым возможную бюрократизацию прокурорского надзора, в Циркуляре от 9 ноября 1923 г. заявил «...только при самой тесной связи каждого лица прокурорского надзора с рабочими организациями данной местности и не менее тесной связи с

трудовыми массами, вообще, могут быть достигнуты полностью цели и задачи, возложенные на прокуратуру» [15, с. 102].

В соответствии с данными установками в 1920-е гг. в РСФСР создавались различные общественные организации, призванные оказывать практическую помощь органам прокуратуры, обеспечивая при этом классовую направленность ее работы.

Сама советская прокуратура, подверженная тенденциям демократического обновления, в первые годы своего существования также посчитала необходимым организацию общественного обвинения в суде. Поскольку ее желание с общей направленностью государственной политики абсолютно совпадало, необходимая нормативно-правовая база под это была подведена практически мгновенно. Уже в УПК, принятом в 1922 г. было предусмотрено, что в качестве обвинителя помимо работников прокуратуры, потерпевшего и представителей всевозможных инспекций (РКИ, продовольственной и т. д.) могут выступать уполномоченные профессиональных союзов, т. е. сами трудящиеся. Последние имели право выступать на суде без специального прокурорского нарушения, являясь общественными обвинителями [16, с. 203].

В специальном циркуляре Наркомюста РСФСР 1923 г. «О задачах прокуратуры и правилах допущения общественных обвинителей к выступлениям на суде», подчеркивалось: «Если закон каждому гражданину РСФСР предоставляет право сообщить лицам прокурорского надзора о всяком нарушении установленных Советской властью законов, то задача прокуратуры развить из этого права все вытекающие отсюда последствия и при помощи его, как логический вывод из первого шага, втянуть самого заявителя в работу по охране нарушенного закона в качестве обвинителя в суде» [10, с. 192].

Анализируя развитие института общественных обвинителей в 1920-е гг. следует отметить две тенденции, четко прослеживающиеся в его развитии.

Во-первых, это тенденция количественного роста и активизации деятельности общественников. Если в 1923 г. состоялось 2420 выступлений общественных обвинителей, то в 1924 г. – уже 8680, а годом позже их число удвоилось – 15612 выступлений [12, с. 14].

Во-вторых, речь идет о тенденции этатизации, постепенной утраты статуса самостоятельной организации. Зачастую на представителей общественности возлагались функции, связанные с осуществлением профессиональной прокурорской деятельности, которые не могли быть реально исполнены.

Дать однозначную оценку этому институту и его роли в развитии системы советского судопроизводства чрезвычайно сложно. С одной стороны, перед нами явная попытка власти сформировать актив сельского пролетариата, способный впоследствии стать надежной социальной опорой территориальных комитетов ВКП(б) и сельсоветов в проведении коллективизационных преобразований.

С другой стороны, существование подобного института способствовало формированию нового типа прокурорского надзора, т. н. рабоче-крестьянской прокуратуры, плоть от плоти народной, прокуратуры, стоящей на страже ревзаконности.

Наконец, деятельность общественных обвинителей в какой-то степени способствовало преодолению отмеченного выше кадрового дефицита профессиональных прокурорских работников.

На территории Кузнецкого округа, где институт общественных обвинителей начал свою работу в 1-й пол. 1926 г., в 1927 г. работали 382 обвинителя. Показатели эффективности их деятельности свидетельствуют о постепенно возрастающей их самостоятельности. Во-первых, в сравнении с 1926 г. сокращается количество инструктивных совещаний с ними, проводимых сотрудниками прокуратуры. Так, на 2-м прокурорском участке, за весь 1927 г. состоялось лишь одно такое совещание, причем в условиях, максимально удобных для прокурора, но никак не самих обвинителей, по месту пребывания прокурорской камеры в г. Ленинск [8, л. 113].

Во-вторых, увеличивается количество их самостоятельных выступлений на судебных заседаниях (без участия прокуроров) – 42,3 – в 1926 г., 81 % – в 1927 г.

Эффективность работы общественных обвинителей оценить достаточно сложно. Архивные материалы свидетельствуют об их достаточно активной работе в Ленинске, Топках, Усть-Сосновском и с. Красное [3, л. 13]. В то же время на 3-м прокурорском участке, на котором в 1926 – 1927 гг. работали в качестве обвинителей 41 человек (40 из них – рабочие), никакого учета их выступлений не велось.

Одновременно характеризовать данный институт и его деятельность на территории западносибирского региона однозначно положительно нельзя. Здесь, как и в целом по РСФСР, имелись случаи, когда местные профорганизации выдвигали кандидатов в общественные обвинители без учета их образовательного уровня, заинтересованности, загруженности на основной работе. В результате нередко были случаи, когда избранные общественные обвинители просили освободить их по разным причинам, т. е. ставя под сомнение факт добровольности их прежнего решения.

Так или иначе, данный институт рассматривался прокуратурой в качестве явления временного. Не случайно, определяя будущее общественных обвинителей, Краевой прокурор П. Г. Алимов, повторяя, что основной задачей в дальнейшей работе с корпусом должно являться вовлечение в его состав большего числа крестьян, крестьянок и рабочих, допустил, с нашей точки зрения, далеко не случайную оговорку: «в случае упразднения их можно влить в юридические кружки, как проводников ревзаконности» [9, л. 227].

Тем не менее деятельность общественных обвинителей продолжалась еще в течение нескольких лет. Лишь к 1935 г., по мнению исследователя Н. Лаговьера, институт постепенно сворачивает свою деятельность. Мы вполне солидарны с мнением исследователя о том, что «условия времени, характеризующиеся обострением классовой борьбы, требовали укрепления прокуратуры как боевой организации обвинения» [14, с. 40]. В этой системе места общественным обвинителям уже не находилось.

Деятельность прокуратуры в середине 1920-х гг., несомненно, способствовала укреплению законности

в нормотворчестве местных органов государственной власти. Речь идет о деятельности исполнительных комитетов Советов, которые, согласно Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. являлись законодательными органами, имеющими право издавать обязательные постановления и налагать взыскания в виде денежного штрафа, а также общественно-принудительных работ. В то же время в местных органах Советской власти были еще сильны традиции периода «военного коммунизма», когда они в собственном нормотворчестве, де-факто, не были связаны; обязательные постановления, принимаемые ими зачастую противоречили основным положениям законодательства РСФСР. В конце 1920-х гг. усилиями прокурорского корпуса эти традиции «съездовской демократии» были изжиты, достигнуто единообразие центрального и местного законодательства, обеспечено единство правовой политики. Принимаемые исполнительными Комитетами Советов обязательные постановления предварительно согласовывались с органами прокурорского надзора и «период массового местного законодательства и налоготворчества остался далеко позади» [8, л. 313].

Наиболее активно борьба со своего рода правовым нигилизмом местных органов власти велась Краевой и Окружными прокуратурами в 1926 – 1927 гг. Прокурорам приносились протесты на обычные и обязательные постановления исполкомов Советов. В 1926 г. было опротестовано 2764 постановления Крайисполкома Сибири, Окружных и районных исполкомов, сельсоветов и общих собраний; только за 1-е полугодие 1927 г. таких протестов было привнесено уже 1679.

На уровне прокурорских участков Кузнецкого округа эта работа осуществлялась посредством получения протоколов и всех копий обязательных постановлений райисполкомов и опротестования незаконных решений. Решения в этом случае принимались самим участковым прокурором, роль же Окружной прокуратуры была минимальна и состояла в даче указаний и разъяснений.

Статистические данные свидетельствуют о несомненной результативности прокурорских протестов. Они, безусловно, рассматривались теми учреждениями, которые приняли незаконные решения. Так, из упоминавшихся 1679 протестов за первое полугодие 1927 г. до начала июля было рассмотрено 1364 (81 %); удовлетворено было из них 1307 (79 %).

По Прокуратуре Кузнецкого округа же протест удовлетворенных протестов составил 92 %, что было самым высоким показателем по Сибири.

Другим направлением деятельности Краевой и Окружных прокуратур в рамках реализации ими функций общего надзора являлась работа с поступившими жалобами. Количество таковых по Сибирскому краю было достаточно значительным, составляя около 40 тыс. в год, причем их количество практически не изменялось из года в год. В статье Н. А. Какоуровой, посвященной характеристике деятельности прокуратуре Приангарья в рассматриваемый период приводятся данные, согласно которым только в Иркутскую городскую прокуратуру ежедневно поступало от 80 до 100 жалоб [11, с. 82]. По

Кузнецкому округу во 2-й пол. 1920-х гг. ситуация выглядела несколько иначе: количество жалоб, составляя в 1925 г. около 7000, постепенно сокращалось, составляя к 1929 г. лишь 3864 [7, л. 64]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствовало о том, что деятельность Кузнецкой окружной прокуратуры в этом направлении была более действенна.

Впрочем, для некоторых участков Кузнецкого округа, в частности, для 2-го участка в бытность участковым прокурором В. Васильева, подобное утверждение было не вполне корректно. В течение 1926 – 1-й половине 1927 гг. некоторые жалобы оставались без рассмотрения в течение 9 месяцев. Имели место и случаи, когда жалобы, адресованные прокурору переадресовывались им в следственные органы, где просто терялись [8, л. 119].

Рассматривая содержание жалоб по существу, отметим, что ни с точки зрения субъектов, их составлявших, ни с точки зрения их содержания, ни с точки зрения характеристики принятых мер, – во 2-й половине 1920-х гг. никаких принципиальных изменений не происходило. Как таковая отсутствовала и специфика работы в этом направлении и у Кузнецкой окружной прокуратуры. Данное обстоятельство, во-первых, дает нам основание утверждать, что в деятельности прокурорских органов в области прокурорского надзора прослеживается та же тенденция унификации, которая была свойственна развитию советского общества и политического режима, начиная с середины 1920-х гг. [1, с. 94]. Во-вторых, данная ситуация позволяет нам охарактеризовать работу прокурорских органов в этом направлении на примере одной Краевой прокуратуры, определив в качестве реперного 1-е полугодие 1927 г.

На протяжении этого периода в Краевую прокуратуру поступило 27762 жалобы. В течение полугодия по 23103 жалобам (83 %) расследование было завершено, 3223 жалобы были переданы в нижестоящие прокурорские органы, рассмотрение 1436 жалоб не было закончено.

По содержанию среди жалоб преобладали обращения по поводу незаконного назначения административных взысканий (их количество постепенно сокращалось), ошибочного налогообложения, земельным и лесным делам, нарушений Кодекса законов о труде.

Отдельно остановимся на результативности рассмотрения жалоб. Из 23103 жалоб, рассмотрение которых Краевой прокуратурой было завершено, удовлетворены были 17862 жалобы (77,3 %), остальные были оставлены без последствий. 89 решений было направлено для вынесения административных взысканий по 3018 делам были возбуждены уголовные преследования, по 170 – преследования дисциплинарные, по 523 жалобам были составлены гражданские иски.

Пожалуй, самым слабым звеном в реализации функции общего надзора на протяжении рассматриваемого периода оставались прокурорские ревизии райисполкомов и сельсоветов. Особенно остро эта проблема ощущалась на уровне участковых прокуратур, что в первую очередь было связано с упоминавшимся дефицитом кадров, чрезмерной загруженно-

стью прокуроров текущими делам, не позволявшим им выполнить большинство запланированных выездов в деревню: из 9 намеченных на 1-ю половину 1927 г. по 3-му прокурорскому участку состоялось лишь 4. Процент выполнения намеченных обследований деятельности РИКов колебался от 14 до 37 [5, л. 23].

Практически ничем не отличалась ситуация и на 2-м участке. В 1926 г. прокурор совершил лишь 6 выездов в деревню, общий срок командировок туда составил 39 дней (прокурор явно предпочитал оставаться в Ленинске), что для района сельского совершенно неприемлемо. За весь год прокурором было проведено обследование лишь 2-х райисполкомов (Ленинского и Топкинского), причем сами обследования заключались лишь в просмотрах протоколов Пленумов и обязательных постановлений, которые и так пересылаются прокурору. Обследования сельсоветов проходили примерно по такой же схеме. Правда, в данном случае прокурором было обжаловано 3 постановления Советов из 6-ти принятых, что, помимо прочего, свидетельствует о качестве их нормотворчества.

В принципе, пробелы, допущенные в ходе прокурорских обследований, по крайней мере, на районном уровне, можно было бы компенсировать с помощью участия прокуроров в заседаниях райисполкомов, однако, количество таких заседаний было крайне невелико и по всем участкам Кузнецкого округа в 1926 – 1927 гг. составило лишь 24. Прокуроры на этих заседаниях вели себя крайне пассивно и лишь дважды инициировали рассмотрение на заседаниях интересующих их вопросов (по организации камер и принудительных работ) [6, л. 17].

Одним из направлений деятельности региональной сибирской прокуратуры в реализации ей функции общего надзора за соблюдением законности являлась в рассматриваемый период работа с рабселькорами. Прокуратура как орган, проводящим надзор от имени государства за соблюдением законности всеми органами власти, кооперативно-общественными организациями и частными лицами, вела борьбу с бесхозяйственностью, растратами, халатностью и другими преступлениями, карающимися в уголовном и дисциплинарном порядке. В условиях своеобразного «кадрового голода», о котором шла речь выше, к своей работе по выявлению нарушений действующего законодательства региональная прокуратура привлекала представителей рабочего и крестьянского актива, объединенных в разного рода общественные организации, движения и пр. Одной из самых заметных групп подобного рода и являлись рабочие и сельские корреспонденты (рабселькоры), непрофессиональные журналисты, которые путем помещения заметок в прессе вскрывали факты бюрократизма, халатности, нарушений законности.

По мнению Краевого Прокурора П. Г. Алимова: «Благодаря работе рабселькоров прокуратура имеет возможность в более широком объеме осуществлять надзор за законностью вообще и за лицами, совершающими в той или иной форме нарушения законов и тем самым укреплять политические, административно-экономические устои и революционно-правовые нормы советской власти» [8, л. 310].

Организуя работу рабселькоров Краевая и Окружные прокуратуры, начиная с 1927 г. выступали с докладами на совещании последних; только в течение 1-го полугодия на территории Кузнецкого округа состоялись 12 подобных мероприятий. Рабселькоры осуществляли свою деятельность, фактически, под охраной прокуратуры: в 1926 г. Краевой прокуратурой было возбуждено 37 уголовных дел против нарушителей прав рабселькоров.

Что же касается результатов их совместной деятельности, отметим, что всего по Сибирскому Краю Прокуратурой по газетным заметкам первом полугодии 1926 г. было возбуждено 2973 дела, во втором полугодии – 3816 дел и в первом полугодии 1927 г. 5175 дел.

С нашей точки зрения, к подобной статистике, в отличие от прокурорского руководства Сибири в 1920-е гг., нужно отнестись с достаточной степенью осторожности. С одной стороны, постоянный рост количественных показателей свидетельствует как о результативности деятельности рабселькоров, так и их совместной работе с прокуратурой. С другой стороны, принимая во внимание специфику социально-экономической и политической ситуации в СССР (свертывание НЭПа, начало форсированных модернизационных преобразований в экономике, сложности с реализацией 1-го пятилетнего плана, списываемые на классовое вредительство) подобная статистика может свидетельствовать об усилении репрессивных характеристик политического режима и, соответственно карательных функций прокуратуры. Не случайно, по признанию самих должностных лиц Окружной Кузнецкой прокуратуры лишь 57 % заметок рабселькоров в 1927 г. находили свое подтверждение. Рабселькоры, т. о., были ответственны за ложную информацию, клевету. Прокуратура, однако, брала их под свою защиту: в том же 1927 г. случаев возбуждения преследования против рабселькоров за ложные сообщения было лишь 16 по всему Сибирскому региону, по Куз-

нецкому округу – 2. Отмечая недопустимость подобной ситуации в дальнейшем, руководство Краевой прокуратуры лишь отмечало, что прокурорам необходимо укреплять живую связь с рабселькорами путем докладов, переписки, инструктирования, тем самым, добиваясь увеличения процента подтверждаемости, главным образом, изживая ложные заметки, «...которые приносят большой вред, нервируют работников и действуют разлагающе на советский аппарат».

Следует отметить еще одно упущение в работе с рабселькорами. Зачастую внимание прокурора привлекали внимание заметки, содержание которых этого вовсе не заслуживало. Так, только после окрика Окружного прокурора, в 1927 г. было остановлено прокурорское разбирательство, вызванное заметкой о «неблагонадежном» поведении населения дер. Топки, «которое вышло на тушение пожара и хихикало» и попустительстве этому поведению со стороны топкинского сельсовета.

Подводя итог сказанному, отметим, что на всем протяжении 1920-х гг. проблема кадрового состава прокурорских учреждений Сибири являлось одним из главных внутренних препятствий на пути укрепления института и оптимизации его деятельности. Не в силах решить проблему, руководители прокурорских учреждений пытались компенсировать дефицит кадров за счет привлечения к осуществлению надзорной функции представителей актива – общественных обвинителей и рабселькоров; стабилизация кадровой ситуации к началу 1930-х гг. способствовала отказу от этих решений.

Другим препятствием на пути оптимизации прокурорской деятельности являлось обременение института несвойственными ему полномочиями – пропагандистскими, политико-воспитательными и пр. Участие прокурорских работников в массовых политических кампаниях отвлекала их от осуществления собственно надзорных полномочий.

Литература

1. Гаврилов С. О. Местные Советы Российской Федерации в предвоенный период. Новосибирск, 2003.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.Р-40. Оп. 1. Д. 11.
3. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 2. Д. 42.
4. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 1. Д. 22.
5. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 1. Д. 14.
6. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 2. Д. 6.
7. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 3. Д. 21.
8. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 1. Д. 3.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р-20. Оп. 1. Д. 32.
10. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917 – 1954 гг.: сб. док. М., 1955.
11. Какоурова Н. А. Деятельность суда и прокуратуры Приангарья в 30-е гг. XX века // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3.
12. Лаговьер Н. Деятельность прокуратуры по организации общественных обвинителей за 1925 г. // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 10.
13. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.
14. Общественный обвинитель в советском уголовном процессе. М., 1935.
15. Сборник Циркулярлов Наркомата Юстиции РСФСР за 1922 – 1925 гг. М., 1926.
16. Чельцов-Бебутов М. А. Уголовный процесс. М., 1948.

Информация об авторе:

Вернов Андрей Сергеевич – соискатель кафедры теории и истории государства и права КемГУ, gavrosh66@mail.ru.

Andrey S. Vernov – post-graduate student at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Гаврилов Станислав Олегович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права КемГУ, gavrosh66@mail.ru.

Academic advisor: Stanislav O. Gavrilov – Doctor of History, Professor the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 342:94(470)

ЗАРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА РЕГИОНАЛЬНЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ (1994 – 2004 ГГ.)

Н. А. Волков, Д. Н. Волков

THE EMERGENCE OF THE INSTITUTE OF REGIONAL COMMISSIONERS FOR HUMAN RIGHTS IN THE RECENT HISTORY OF RUSSIA (1994 – 2004 BIENNium)

N. A. Volkov, D. N. Volkov

В статье рассматривается процесс зарождения в нашей стране института уполномоченных по правам человека как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов России. Основными методами исследования являются диалектический метод рассмотрения и анализа явлений в их взаимосвязи и развитии, а также исторический метод. Результаты исследования на основе значительного фактического материала свидетельствуют о том, что за первые десять лет существования нового для новейшей истории России государственного правозащитного механизма – института уполномоченных по правам человека, с 1994 по 2004 год, он возник в 29 субъектах Российской Федерации. Областью применения полученных результатов является как теоретическое обобщение, так и практическая реализация процесса дальнейшего становления и развития данного института. По результатам исследования можно сделать вывод о значительной востребованности института региональных уполномоченных по правам человека в политической и правовой системе современного российского общества и необратимости демократических преобразований в России.

The paper discusses the process of emergence of the institute for Human Rights Commissioners in Russia at both the federal level and at the level of the subjects of the Russian Federation. The main methods of research are the dialectical method of review and analysis of the phenomena in their interconnection and development, as well as the historical method. The results of the study of substantial factual evidence revealed that during the first ten years (1994 – 2004) of the existence of the state mechanism for human rights – the institution of Commissioners for Human Rights, which was new to the modern Russian history – it appeared in 29 subjects of the Russian Federation. The field of application of the results is the theoretical generalization and practical implementation of the further process of formation and development of this institution. Basing on the study results, the author comes to conclusions about the considerable demand for the Institute of Commissioners for Human Rights in the political and legal system of a modern Russian society and the irreversibility of democratic reforms in Russia.

Ключевые слова: уполномоченный по правам человека, закон, президент республики, губернатор, законодательное собрание, Государственная Дума.

Keywords: Human Rights Commissioner, law, president of the republic, governor, legislature, State Duma.

Несмотря на отсутствие закона об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, Государственная Дума первого созыва в самом начале своей работы, используя положение о прямом действии норм Конституции, 17 января 1994 г. в рамках «пакетного соглашения» о разделении постов между фракциями назначила первого Уполномоченного по правам человека в РФ – им стал С. А. Ковалев (фракция «Выбор России»), одновременно продолжавший возглавлять Комиссию по правам человека при Президенте РФ (с сентября 1993 г. до января 1996 г.). 4 августа 1994 г. был издан президентский указ № 1587 «О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека». Этим доку-

ментом устанавливалось, что «до принятия соответствующего федерального конституционного закона реализация конституционных функций Уполномоченного по правам человека обеспечивается путем осуществления им полномочий, предоставленных председателю Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» [4]. Указом также устанавливались гарантии деятельности Уполномоченного и определялись обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также их должностных лиц в 2-недельный срок: представлять по запросам Уполномоченного информацию, необходимую для осуществления его полномочий; давать ответы на его обращения в связи с нарушениями прав конкретных

физических лиц; направлять ему все принимаемые ими акты, содержащие нормы, относящиеся к сфере прав и свобод человека и гражданина.

10 марта 1995 г., в день очередной попытки принятия закона об Уполномоченном по правам человека в РФ во втором чтении, Дума отменила свое решение от 17 января 1994 г. о назначении Ковалева.

Федеральный Конституционный Закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» был принят Государственной Думой 25 декабря 1996 г., одобрен Советом Федерации 12 февраля 1997 г. и подписан Президентом 26 февраля. В соответствии с Законом Дума должна была назначить Уполномоченного не позднее чем через тридцать дней после вступления закона в силу. Однако две попытки выборов, состоявшиеся 4 апреля и 17 сентября 1997 г., ни к чему не привели: ни один из кандидатов не набрал необходимого по закону конституционного большинства голосов.

Избрать Уполномоченного удалось лишь путем заключения нового коалиционного соглашения между фракциями. Весной 1998 г. председатель комитета по обороне Лев Рохлин перешел в оппозицию к правительству. Коммунисты дали согласие на его переизбрание, а проправительственная партия «Наш дом – Россия» согласилась поддержать кандидата от КПРФ на пост Уполномоченного по правам человека. В результате 20 мая 1998 г. Олег Орестович Миронов, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, по итогам рейтингового голосования получил 340 голосов и 22 мая тайным голосованием был назначен на должность Уполномоченного и принес присягу [3, с. 126 – 131].

22 мая 2003 г. полномочия Олега Миронова на должности Уполномоченного истекли и в соответствии с законом Госдума должна была в течение месяца избрать Уполномоченного на следующий срок. Однако по итогам голосования по кандидатурам для включения в список для тайного голосования ни один из восьми кандидатов не смог преодолеть необходимый рубеж в 300 голосов, поэтому Олег Миронов продолжал исполнять свои обязанности до февраля 2004 г.

13 февраля 2004 г. по предложению Президента России В. В. Путина Государственная Дума РФ назначила Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации Владимира Петровича Лукина, доктора исторических наук, профессора, депутата Государственной Думы РФ (фракция «Яблоко») [2, с. 5].

Наряду с появлением Уполномоченного по правам человека в России на федеральном уровне, большую роль в становлении государственной защиты прав человека, вообще в правозащитном движении стали играть появившиеся в ряде субъектов РФ региональные уполномоченные по правам человека.

На 1 января 2015 г. в России действовали уполномоченные по правам человека уже в 81 субъекте из 85.

Первым субъектом Российской Федерации, с которого началось становление института уполномоченных по правам человека в российских регионах, стала Республика Башкортостан. Закон «Об уполномоченном по правам человека в Республике Башкортостан» был подписан президентом Республики 29 апреля 1996 г. Первым уполномоченным по правам человека из всех субъектов РФ 27 декабря 1996 г. стал Чингиз Бареевич

Газизов, работавший до этого первым заместителем прокурора Республики. В этот день он был назначен Государственным Собранием Республики на должность уполномоченного Республики Башкортостан по правам человека, принял присягу и вступил в должность. 26 декабря 2000 г. он был переизбран на второй четырехлетний срок.

Вторым по времени появления региональным омбудсманом в Российской Федерации стал уполномоченный по правам человека в Свердловской области Виталий Владимирович Машков, избранный 1 ноября 1997 г. (Закон «Об уполномоченном по правам человека Свердловской области» был подписан губернатором еще 14 июня 1996 г.). В связи с досрочным прекращением полномочий, связанным с его смертью в начале 2001 г., 24 мая 2001 г. Палатой Представителей Законодательного собрания Свердловской области по предложению губернатора области Э. Э. Росселя была избрана новый омбудсман – Татьяна Георгиевна Мерзлякова, советник Председателя Правительства области по социальным вопросам, известный в Свердловской области журналист.

В третьем субъекте – в Смоленской области закон «Об уполномоченном по правам человека в Смоленской области» был принят Смоленской областной Думой 3 марта 1998 г. и подписан губернатором 10 апреля того же года. Первым областным уполномоченным стал Вячеслав Николаевич Осин, избранный Смоленской областной Думой 10 декабря 1998 г., юрист, первый заместитель председателя комитета по социальной защите населения администрации области. 27 ноября 2003 г. постановлением областного законодательного органа В. Н. Осин переизбран на должность уполномоченного по правам человека в Смоленской области на второй срок.

В Саратовской области закон «Об уполномоченном по правам человека в Саратовской области» был подписан губернатором 12 октября 1998 г. Постановлением Саратовской областной Думы 19 января 1999 г. первым уполномоченным был назначен Александр Соломонович Ландо, председатель областной комиссии по правам человека. В связи с окончанием срока его полномочий 28 января 2004 г. областная Дума избрала уполномоченным по правам человека в Саратовской области Нину Федоровну Лукашову, бывшего начальника отдела по надзору за исполнением налогового законодательства областной прокуратуры.

В Астраханской области первым исполняющим обязанности уполномоченного по правам человека стал Феликс Дмитриевич Голиков. 22 апреля 1997 г. он был назначен на эту должность постановлением главы администрации Астраханской области до принятия соответствующего закона. 20 мая 1997 г. также постановлением главы администрации было утверждено Временное положение об уполномоченном по правам человека в Астраханской области. 29 декабря 1998 г. областным Представительным собранием принят закон «Об уполномоченном по правам человека в Астраханской области», который 22 января 1999 г. был подписан губернатором. Однако в связи со смертью Ф. Д. Голикова в сентябре 1999 г. он так и не был назначен уполномоченным. 25 ноября 1999 г. состоялись выборы уполномоченного по правам человека в Астраханской области. В результате двух туров тайного го-

лосования постановлением Астраханского областного Представительного собрания на должность уполномоченного по правам человека в Астраханской области назначен Владислав Владимирович Виноградов, бывший депутат Государственной Думы Федерального Собрания России. В связи с окончанием первого срока полномочий 23 октября 2003 г. он был переизбран на второй срок.

В Волгоградской области закон об уполномоченном по правам человека в первом чтении был принят Волгоградской областной Думой 27 января 2000 г. 23 марта того же года этот закон принимается в целом и 31 марта подписывается главой Администрации области Н. Максюттой. Первым региональным омбудсманом в Волгоградской области 13 апреля 2000 г. был избран Михаил Александрович Таранцов, депутат Государственной Думы Российской Федерации от КПРФ.

В Республике Татарстан Законопроект «Об уполномоченном по правам человека» принят Государственным Советом республики в третьем, окончательном чтении 16 ноября 1999 г. Однако он был отклонен Президентом Республики Татарстан. 3 марта 2000 г. Президентом Республики подписан закон «Об уполномоченном по правам человека в Республике Татарстан», принятый Госсоветом с учетом поправок Президента. 29 июня 2000 г. на заседании Государственного совета Республики Татарстан по предложению президента республики уполномоченным по правам человека в республике Татарстан избран Рашид Гаязович Вагизов, народный депутат Республики Татарстан, заслуженный юрист Республики Татарстан и Российской Федерации.

В Республике Калмыкия 9 ноября 2000 г. Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия принимает закон «Об уполномоченном по правам человека в Республике Калмыкия». 17 января 2001 г. Народный Хурал избирает председателя Комиссии по правам человека в РК Владислава Алексеевича Сависько уполномоченным по правам человека в Республике Калмыкия.

В Амурской области 18 января 2001 г. областной Совет народных депутатов избирает уполномоченным по правам человека Василия Петровича Глотова, председателя комиссии по социальной политике и правам человека Совета, бывшего ректора Благовещенского технологического института.

Первым уполномоченным по правам человека в Красноярском крае стал Иннокентий Егорович Жмаков, избранный Законодательным собранием 8 февраля 2001 г. бывший заместитель главы администрации Октябрьского района г. Красноярска. 22 октября 2003 г. на заседании Думы был принят и отправлен на подпись губернатору закон «Об уполномоченном по правам человека в Таймырском автономном округе. 1 июня 2004 г. на заседании окружной Думы уполномоченным по правам человека в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе был назначен Владимир Иванович Лузгин, депутат окружной Думы, председатель комиссии по бюджету и налогам.

В Калининградской области в январе 2000 г. губернатор наложил вето на первый вариант закона об уполномоченном по правам человека, принятый депутатами Калининградской областной Думы. 13 апреля того же года областная Дума приняла закон «Об уполномоченном по правам человека в Калининградской

области» с поправками, предложенными губернатором области, который губернатор подписал 19 мая. 20 июня 2000 г. Калининградская областная Дума предприняла первую попытку избрать уполномоченного по правам человека в Калининградской области. На рассмотрение депутатов было предложено 9 кандидатур, три из которых являлись депутатами Думы и шесть представителей различных общественных организаций. В числе кандидатов на этот пост был и председатель комитета областной Думы по правопорядку и безопасности В. В. Багалин, поддержанный рядом правозащитных организаций. Однако в связи с тем, что ни один из кандидатов не получил необходимых для избрания региональным уполномоченным по правам человека 17 голосов, выборы были перенесены на осень 2000 г. Выборы первого уполномоченного по правам человека в Калининградской области состоялись 22 февраля 2001 г. На сессии областной Думы региональным омбудсманом была избрана Ирина Федоровна Вершинина, заместитель председателя городского совета г. Калининград.

В Пермской области 10 августа 2000 г. областное Законодательное Собрание приняло в первом чтении закон «Об уполномоченном по правам человека в Пермской области». Проект закона был разработан Законодательным Собранием совместно с региональным правозащитным центром. 24 ноября этот закон принимается Законодательным собранием в окончательном чтении и 9 декабря подписывается губернатором Пермской области Г. В. Игумновым. Первым уполномоченным по правам человека в Пермской области стал Сергей Николаевич Матвеев, адвокат Пермской областной коллегии адвокатов. Он был назначен 22 марта 2001 г. Постановлением Законодательного собрания Пермской области по представлению губернатора области Ю. Трутнева и Пермской городской думы. 5 ноября 2004 г. С. Н. Матвеев подал заявление о досрочном сложении с себя полномочий уполномоченного по правам человека в связи с назначением его руководителем управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по г. Москве. 18 ноября 2004 г. Постановлением Законодательного собрания Пермской области полномочия С. Н. Матвеева были досрочно прекращены.

В Московской области закон «Об уполномоченном по правам человека в Московской области» был принят Московской областной думой 27 декабря 2000 г. и подписан губернатором Московской области Б. В. Громовым 12 января 2001 а. Первым уполномоченным по правам человека в области стал Сергей Борисович Крыжов, председатель Сергиево-Посадского районного отделения объединения «Яблоко», назначенный 26 апреля 2001 г. Московской областной Думой по представлению губернатора области.

В Кемеровской области закон «Об уполномоченном по правам человека в Кемеровской области» был принят областным Советом народных депутатов 29 ноября 2000 г. и подписан губернатором области 28 декабря. Первым уполномоченным по правам человека в области по представлению губернатора А. Г. Тулеева 27 июня 2001 г. назначен Николай Алексеевич Волков, депутат областного Совета народных депутатов, председатель комитета по вопросам государственного устройства, местного самоуправления и

правоохранительной деятельности, председатель Политсовета Кемеровской региональной организации партии «Едиство».

В Самарской области 24 ноября 2000 г. губернатор области К. А. Титов подписал закон «Об уполномоченном по правам человека в Самарской области». 25 сентября 2001 г. на пленарном заседании Самарской губернской думы на должность уполномоченного по правам человека в Самарской области избран Владимир Николаевич Баландин, бывший начальник Управления юстиции Самарской области. 25 мая 2004 г. он ушел в отставку по собственному желанию, в связи с чем 2 июля 2004 г. на эту должность назначена Ирина Анатольевна Скупова, председатель Самарского регионального отделения партии «Яблоко», руководитель Самарской школы публичной политики.

Первым уполномоченным по правам человека в Липецкой области стал 25 декабря 2001 г. Владимир Алексеевич Бородин, депутат облсовета, заместитель председателя комитета по науке, образованию, культуре, спорту, делам семьи и молодежи.

27 февраля 2002 г. уполномоченным по правам человека в Республике Коми на заседании Государственного Совета Республики был избран Леонид Михайлович Вокуев, заведующий отделом писем и приема граждан аппарата Совета.

В Архангельской области закон «Об уполномоченном по правам человека в Архангельской области» был подписан губернатором 15 июля 1997 г. 2 октября 1997 г. был назначен уполномоченный по правам человека в Архангельской области. Им стал бывший заместитель главы администрации Архангельской области Олег Владимирович Петров. Однако возбужденное уголовное дело по факту изменения текста закона при его опубликовании привело к решению считать О. В. Петрова исполняющим обязанности уполномоченного. В июле 1998 г. депутаты Областного собрания вернулись к вопросу о выборах уполномоченного. Однако ни один из пяти кандидатов, включая и и. о. уполномоченного О. В. Петрова, не смог набрать более половины голосов. Поэтому сессия решила: должность и аппарат уполномоченного по правам человека ликвидировать, действие закона временно приостановить. 28 ноября 2001 г. на сессии Архангельского областного Собрания депутатов состоялась очередная попытка выборов уполномоченного по правам человека в Архангельской области. На эту должность было выдвинуто два кандидата, однако в связи с обнаружением в урне для голосования лишнего бюллетеня результаты голосования были аннулированы и голосование признано несостоявшимся. 3 декабря 2001 г. произошла еще одна попытка избрать уполномоченного по правам человека на сессии Архангельского областного Собрания депутатов. Однако и эти выборы не состоялись вследствие недостаточного количества голосов, необходимых для избрания регионального омбудсмена. И только 28 мая 2002 г. Архангельское областное Собрание депутатов наконец-то назначило уполномоченным по правам человека в Архангельской области Надежду Павловну Ахраменко, полковника милиции в отставке, начальника подразделения по делам несовершеннолетних Управления внутренних дел Архангельской области, бывшего депутата Архангельского городского совета, председателя постоянной депутатской комиссии по

образованию, кандидатуру которой внес на рассмотрение глава администрации области Анатолий Ефремов.

29 мая 2002 г. Законодательным собранием Краснодарского края уполномоченным по правам человека назначен Александр Григорьевич Козицкий, глава Кореновского района. Его кандидатуру внес губернатор Краснодарского края А. Н. Ткачев.

3 декабря 2001 г. в Ставропольской краевой Государственной думе обсуждался вопрос о возможности и необходимости принятия закона об уполномоченном по правам человека. 8 мая 2002 г. Губернатор Ставропольского края А. Черноголов подписал закон «Об уполномоченном по правам человека в Ставропольском крае». 25 июля 2002 г. на заседании Государственной думы края на эту должность единогласно был избран Алексей Иванович Селюков, ранее работавший прокурором Ставропольского края. А. И. Селюков стал двадцатым региональным уполномоченным по правам человека в Российской Федерации.

В Алтайском крае работа над законом о краевом уполномоченном по правам человека началась в 2002 г. 16 октября состоялись общественные слушания по законопроекту «Об уполномоченном по правам человека в Алтайском крае». Слушания были организованы комитетом по правовой политике краевого Совета народных депутатов и Алтайской краевой общественной организацией «Школа реальной политики». В слушаниях приняли участие представители 12 общественных организаций. 31 октября того же года на 29-й сессии Алтайского краевого Совета народных депутатов этот закон был принят. 27 февраля 2003 г. уполномоченным по правам человека по предложению главы администрации Алтайского края Александра Сурикова назначен Юрий Александрович Вислогузов, бывший заместитель главы администрации края, курировавший вопросы социальной политики.

В Республике Саха (Якутия) 17 октября 2002 г. Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики приняло закон «Об уполномоченном по правам человека в Республике Саха (Якутия)», который должен был вступить в силу с 1 января 2003 г. Это было второе принятие закона о региональном уполномоченном, так как первый закон по представлению бывшего Президента республики Михаила Николаева 7 февраля 2000 г. Конституционным судом республики был признан не соответствующим республиканской Конституции на том основании, что данная должность Конституцией Республики не предусмотрена. 4 марта 2003 г. уполномоченным по правам человека в Республике Саха (Якутия) назначена Федора Николаевна Захарова, работавшая ранее руководителем государственно-правового управления администрации Президента республики.

В Республике Ингушетия 24 апреля 2003 г. постановлением Народного Собрания (Парламента) республики уполномоченным по правам человека назначен Карим-Султан Абдул-Каримович Кокурхаев, кандидат юридических наук, работавший с 2002 г. председателем республиканской комиссии по вопросам помилования. Официально вступил в должность 8 мая 2003 г.

В Калужской области 18 сентября 2003 г. уполномоченным назначен Юрий Иванович Зельников, бывший депутат областного Законодательного собрания, доцент кафедры философии Всероссийского финансо-

во-экономического института (Калужский филиал). 11 октября он принес присягу и приступил к исполнению обязанностей.

В Приморском крае 26 ноября 2003 г. на должность уполномоченного по правам человека назначен советник губернатора Сергей Викторович Жеков.

В Карачаево-Черкесской Республике закон о республиканском уполномоченном по правам человека был принят Народным Собранием (Парламентом) республики в первом чтении 15 ноября 2002 г. 15 октября 2003 г. закон был принят окончательно и 5 декабря 2003 г. уполномоченным по правам человека в Карачаево-Черкесской Республике был избран Владимир Васильевич Титаренко, председатель комитета парламента по законодательству, законности и местному самоуправлению. В феврале 2004 г. на сессии Народного Собрания он принял присягу и вступил в должность.

В Брянской области закон об уполномоченном по правам человека был принят 1 декабря 2003 г. 25 декабря 2003 г. на заседании областной Думы на должность уполномоченного по правам человека назначен первый вице-губернатор Борис Моисеевич Копырнов.

В Нижегородской области 18 ноября 2004 г. уполномоченным по правам человека назначен Василий Васильевич Ольнев, начальник правового управления областного Законодательного собрания.

Таким образом, за первые десять лет существования нового для новейшей истории России государственного правозащитного механизма – института уполномоченных по правам человека, с 1994 по 2004 гг., он возник в 29 субъектах Российской Федерации. При этом ситуация с зарождением региональных уполномоченных по правам человека выглядит следующим образом: в 1996 г. – в 1 субъекте (Республика Башкортостан), в 1997 г. – в 1 субъекте (Свердловская область). Кроме того, в Астраханской области в 1997 г. был на-

значен исполняющий обязанности уполномоченного по правам человека, однако в результате политической борьбы легитимный уполномоченный появился в области только в 1999 г. В Архангельской области тоже в 1997 г. был назначен исполняющий обязанности уполномоченного по правам человека, в 1998 г. эта должность была ликвидирована и легитимный региональный уполномоченный был назначен только в 2002 г.), в 1998 г. – в 1 субъекте (Смоленская область), в 1999 г. – в 2 субъектах (Саратовская и Астраханская области), в 2000 г. – в 2 субъектах (Волгоградская область и Республика Татарстан), в 2001 г. – в 9 субъектах (Республика Калмыкия, Амурская область, Красноярский край, Калининградская, Пермская, Московская, Кемеровская, Самарская и Липецкая области), в 2002 г. – в 4 субъектах (Республика Коми, Архангельская область, Краснодарский край и Ставропольский край), в 2003 г. – в 7 субъектах (Алтайский край, Республика Саха (Якутия), Республика Ингушетия, Калужская область, Приморский край, Брянская область, Карачаево-Черкесская Республика. При этом уполномоченный по правам человека в КЧР был избран в декабре 2003 г., а принял присягу и вступил в должность в феврале 2004 г.), в 2004 г. – в 2 субъектах (Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ, впоследствии упраздненный и вошедший в состав Красноярского края и Нижегородская область).

Это свидетельствует о значительной востребованности данного института в политической и правовой системе современного российского общества и необратимости демократических преобразований в России. Поэтому «в настоящее время развитие института омбудсмана является актуальной задачей и требует дальнейшей теоретической разработки, научных исследований и практической реализации в новейшей истории России» [1, с. 114].

Литература

1. Волков Д. Н. Сравнительный анализ моделей института омбудсмана в мире // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7. № 2. С. 111 – 114.
2. Волков Н. А. Деятельность Уполномоченного по правам человека в Кемеровской области по восстановлению нарушенных прав граждан и развитию гражданского общества в Кузбассе (2006 – 2011 гг.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. 383 с.
3. Сунгуров А. Ю. Институт Омбудсмана: эволюция традиций и современная практика (опыт сравнительного анализа). СПб.: Норма, 2005. 384 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 4 августа 1994 года № 1587 «О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека». Собрание законодательства Российской Федерации. 8 августа 1994. № 15. Ст. 1713.

Информация об авторах:

Волков Николай Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права КемГУ, уполномоченный по правам человека в Кемеровской области, ombudsman@mail.ru.

Nikolay A. Volkov – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University, Commissioner for Human Rights in Kemerovo region.

Волков Дмитрий Николаевич – доцент кафедры государственного и муниципального управления Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, kemrus@yandex.ru.

Dmitry N. Volkov – Assistant Professor at the Department of Public Administration and Municipal Management, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСПОЗИЦИИ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

И. А. Гааз

SOME PROBLEMS OF THE DISPOSITION OF TESTIMONIAL COMPULSION

I. A. Gaag

Настоящая статья посвящена изучению уголовно-правовой нормы о принуждении к даче показаний. Исследование обоснованности и целесообразности указания в уголовном законе исчерпывающего перечня лиц, могущих быть потерпевшими от этого преступления, и круга лиц, являющихся его субъектами, позволили сделать вывод о необходимости изменения диспозиции принуждения к даче показаний.

The paper is devoted to the study of the criminal law of testimonial compulsion. The author studied the feasibility and appropriateness of an exhaustive list of persons who may be the victims of this crime, and a number of persons who are its subjects according to the criminal law. The author makes the conclusion about the need to change the disposition of testimonial compulsion.

Ключевые слова: показания, принуждение, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, эксперт, специалист.

Keywords: testimony, compulsion, plaintiff, suspect, defendant, witness, expert, adviser-consultant.

Усилившееся в последние годы внимание к проблеме неправомерных действий сотрудников правоохранительных органов не снимает остроту проблемы, поскольку количество таких преступлений не уменьшается, а их латентность остается достаточно высокой. При этом законодательная формулировка преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ (принуждение к даче показаний) несовершенна, вызывает различные дискуссии среди ученых и затруднения у правоприменителей.

Особенностью объекта анализируемого преступления является процессуальный характер охраняемых правоотношений. Как и в любом другом правоотношении, их участники определяют особенности этих правоотношений. Применительно к ст. 302 УК РФ следует рассматривать участников правоотношений, которые могут быть потерпевшими по такой категории уголовных дел, и участников правоотношений, которые становятся субъектами названного преступления. Определение круга возможных потерпевших от преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, и круга субъектов преступления взаимосвязано.

Уголовный закон называет исчерпывающий перечень лиц, которые могут, по мнению законодателя, подвергнуться принуждению к даче показаний, и относит к таковым подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста. Признаки каждого из названных участников уголовного судопроизводства определены уголовно-процессуальным законом. Ст. 74 УПК РФ, приводя перечень доказательств по уголовному делу, называет лиц, которые, по мнению законодателя, могут давать показания. Этот перечень полностью совпадает с названными в ст. 302 УК РФ лицами, которые могут подвергнуться принуждению. На первый взгляд оба закона не вступают в противоречие и напрашивается вывод об обоснованности перечня лиц, указанных в ст. 302 УК РФ, которые могут подвергнуться принуждению. Вместе с тем системный анализ уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод, что по

уголовному делу могут быть допрошены и другие участники уголовного судопроизводства: частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, а также представитель потерпевшего. Показания названных участников уголовного судопроизводства имеют значение (иногда существенное) для рассмотрения уголовного дела по существу и принятия по нему решения. При этом указанные участники уголовного судопроизводства не являются свидетелями, поскольку имеют личный интерес в разрешении уголовного дела.

Такое положение вызывает несколько вопросов: почему показания этих лиц не нашли своего закрепления в ст. 74 УПК РФ, а также почему охрана законных интересов частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, представителя потерпевшего при даче показаний не осуществляется уголовным законом? Ответ на первый вопрос относится исключительно к процессуальным вопросам и требует дальнейших исследований специалистами в области уголовно-процессуального права. Тогда как ответ на второй вопрос является предметом уголовно-правовых исследований и поможет усовершенствовать законодательную формулировку исследуемой нормы.

Поиск ответа предполагает определение исчерпывающего перечня признаков каждого из участников уголовного судопроизводства, их процессуальное положение, в частности, право и обязанность давать показания по уголовному делу.

В числе лиц, принуждение к даче показаний которых уголовно-наказуемо, законодатель называет потерпевшего. Потерпевшим, согласно ст. 42 УПК РФ, может быть физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред, или юридическое лицо, которому причинен имущественный вред или вред его деловой репутации. Отнесение к потерпевшему юридического лица, позволяет сделать вывод, что показания такого потерпевшего невозможны в принципе. Все необходимые

сведения (как о совершенном преступлении во всем его многообразии, так и о юридическом лице как потерпевшем) могут быть предоставлены представителем потерпевшего. Следовательно, показания представителя потерпевшего имеют такое же доказательственное значение, что и показания потерпевшего физического лица. Представитель потерпевшего, также как и потерпевший, может подвергаться принуждению к даче показаний, и также нуждается в защите от противоправного поведения лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Поэтому представитель потерпевшего (наряду с потерпевшим) должен быть указан в ст. 302 УПК РФ в качестве лица, к которому может быть применено принуждение к даче показаний.

Лицо, обладающее статусом подозреваемого и обвиняемого, также названо в числе потерпевших от преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ. Полагаю, включение и подозреваемого, и обвиняемого в число потерпевших обоснованно, поскольку уголовный закон не только определяет их по разному, у них различное процессуальное положение, к тому же не каждому подозреваемому предъявляется обвинение, и он становится обвиняемым.

Подозреваемым в ст. 46 УПК РФ названо лицо, обладающее хотя бы одним из названных признаков:

- 1) в отношении этого физического лица вынесено постановление о возбуждении уголовного дела;
- 2) лицо подверглось уголовно-процессуальному задержанию;
- 3) к лицу применена до предъявления обвинения мера пресечения;
- 4) лицо уведомлено о подозрении в совершении преступления.

Подозреваемый имеет право давать показания. От обязанности давать показания подозреваемый освобожден. Может сложиться впечатление, что интересы подозреваемого защищены уголовно-процессуальным законом, и в дополнительной защите со стороны уголовного закона нет необходимости. Но для реализации права давать показания и для реализации его законного интереса не подвергаться принуждению к даче показаний указание на подозреваемого в ст. 302 УК РФ обоснованно, т. к. его интересы при даче показаний нуждаются в защите, в том числе и в защите от любых способов принуждения.

В соответствии со ст. 47 УПК РФ обвиняемым является лицо в отношении которого вынесен один из процессуальных документов: постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт или обвинительное постановление. Обвиняемый наделен правом давать показания и возможностью реализовать это право или отказаться от его реализации. Показания обвиняемого могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Поэтому уголовно-правовая защита и обеспечение соблюдения интересов обвиняемого при даче показаний необходима. Соответственно, включение обвиняемого в число возможных потерпевших применительно к ст. 302 УК РФ целесообразно.

Нельзя согласиться с позицией И. Ю. Буневой [1], А. М. Васильева и Н. А. Васильевой [2] полагающих,

что в числе потерпевших в ст. 302 УК РФ должен быть указан подсудимый. Если обратиться к тексту ч. 2 ст. 47 УПК РФ, то неизбежен вывод, что и подсудимый, и осужденный, и оправданный – это различные наименования обвиняемого на различных стадиях уголовного процесса. Несомненно, подсудимый наделен правом давать показания в суде первой инстанции, а осужденный и оправданный – на стадиях апелляционного и кассационного производства, и их показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Несмотря на то, что дача показаний в суде носит публичный характер, исключить принуждение к даче показаний невозможно, поскольку угрозы, шантаж и другие способы принуждения могут применяться публично. Кроме того, способы принуждения могут применяться до дачи показаний подсудимым в судебном заседании, не носить публичный характер, но оказать влияние на решение подсудимого давать показания. Следовательно, право подсудимого, оправданного или осужденного давать показания, а также их интересы при даче показаний должны быть защищены и мерами уголовно-правового характера. Вместе с тем нет необходимости расширять перечень потерпевших, указанных в ст. 302 УК РФ, путем указания на подсудимого, осужденного и оправданного, поскольку, как было указано ранее со ссылкой на ч. 2 ст. 47 УПК РФ, это различные наименования обвиняемого, а обвиняемый указан в ст. 302 УК РФ.

Еще одним потерпевшим в ст. 302 УК РФ назван свидетель, т. е. лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. Это наименее заинтересованный в исходе дела участник уголовного судопроизводства. Неслучайно законодатель поместил этого участника уголовного судопроизводства наряду с экспертом и специалистом в гл. 8 УПК РФ и не отнес свидетеля ни к участникам со стороны обвинения, ни к участникам со стороны защиты. Свидетель обязан давать показания (кроме случаев, указанных в п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), его показания в значительной мере влияют на разрешение уголовного дела по существу (поскольку у этого участника судопроизводства, как правило, отсутствует заинтересованность в исходе дела), поэтому не вызывает и не может вызывать возражения уголовно-правовая защита обязанности свидетеля давать показания.

В соответствии с положениями ст. 57 УПК РФ эксперт признается лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное для производства экспертизы и дачи заключения. Специалистом в силу положений ст. 58 УПК РФ является лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое к участию в процессуальных действиях. В качестве доказательств по уголовному делу законодатель называет как заключения эксперта и специалиста, так и их показания. Представляется логичной позиция законодателя ввести запрет на принуждение как в отношении заключений эксперта и специалиста, так и в отношении их показаний.

Частным обвинителем уголовно-процессуальный кодекс признает лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения (ст. 43 УПК РФ).

В свою очередь, право на подачу такого заявления имеет потерпевший либо его законный представитель (ст. 318 УПК РФ). Анализ процессуального положения частного обвинителя позволяет сделать вывод о том, что частный обвинитель имеет право давать показания, и его показания могут быть использованы в качестве доказательств по делу частного обвинения. Поскольку понятия потерпевшего, его законного представителя и частного обвинителя уголовно-процессуальный закон не признает тождественными, то неизбежен вывод о целесообразности внесения частного обвинителя в число лиц, чьи интересы охраняются уголовным законом от принуждения к даче показаний.

Правом давать показания (и не только в части гражданского иска) наделены в соответствии со ст. 44, 45, 54, 55 УПК РФ гражданский истец и гражданский ответчик, а также их представители. Их показания могут быть доказательствами по уголовному делу. Полагаю, что их права и законные интересы наряду с интересами других лиц, которые имеют право или обязаны давать показания, нуждаются в уголовно-правовой защите, а гражданский истец, гражданский ответчик и их представители должны быть указаны в качестве потерпевших в ст. 302 УК РФ.

Таким образом, изложенный в ст. 302 УК РФ исчерпывающий перечень лиц, могущих быть потерпевшими от этого преступления должен быть расширен путем включения в него частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика, а также представителя потерпевшего и представителей частного обвинителя, гражданского истца и гражданского ответчика.

В ст. 302 УК РФ кроме исчерпывающего перечня лиц, которые могут быть потерпевшими от этого преступления содержится исчерпывающий перечень субъектов этого преступления, который нуждается в исследовании. Уголовный закон называет в качестве субъекта этого преступления следователя и лицо, производящее дознание, а также приводит признаки иных лиц, могущих быть субъектами этого преступления: иные лица, принуждающие к даче показаний с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание.

Такая законодательная формулировка субъекта преступления вызывает обоснованные, на наш взгляд, возражения. Эти возражения можно условно разделить. Во-первых, насколько обоснованно отнесение к субъектам этого преступления лиц, не обладающих правомочиями ни на проведение следственных действий, ни на производство дознания. Во-вторых, непонятен подход законодателя к обозначению специального субъекта этого преступления.

Указывая в качестве субъекта преступления следователя, законодатель называет участника уголовного судопроизводства, наделенного полномочиями проводить предварительное расследование по уголовному делу. Тогда как вторым специальным субъектом обозначен не дознаватель как лицо, наделенное полномочиями по производству дознания, а лицо, производящее дознание. То есть законодатель использует два разных подхода для определения специального

субъекта. Для первого специального субъекта (следователя) используется обозначение лица как участника уголовного судопроизводства. А для второго субъекта используется обозначение полномочий должностного лица. Чтобы определить достоинства и недостатки каждого подхода следует соотнести понятия следователь и лицо, производящее предварительное расследование, дознаватель и лицо, производящее дознание.

Понятия лица, производящего дознание, уголовно-процессуальный закон не содержит. Но системный анализ положений УПК РФ о производстве дознания и лицах, наделенных правом его производить, позволяет сделать вывод, что лицом, производящим дознание по уголовному делу, может быть любое должностное лицо органов дознания, при наличии надлежащего оформления его полномочий. Использовать для определения специального субъекта исследуемого преступления термина дознаватель не следует, поскольку понятие лица производящего дознание шире и точно соответствует целям криминализации принуждения к даче показаний.

Исследование положений уголовно-процессуального закона позволяет утверждать, что лицом, производящим предварительное расследование по уголовному делу является следователь, принявший данное уголовное дело к производству. Следователь наделен совокупностью полномочий, среди которых указано право давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о производстве отдельных следственных действий. Одним из следственных действий назван допрос, в ходе которого могут быть получены показания, а лицо, дающее показания, может быть подвергнуто принуждению. Допрос может производиться в отношении всех лиц, которые, по нашему мнению, должны быть указаны в качестве потерпевших в ст. 302 УК РФ. В качестве процессуальных действий, относящихся к производству предварительного расследования, названы в числе других назначение и производство экспертизы, а также исследование специалиста. При производстве этих процессуальных действий эксперт и специалист могут быть подвергнуты принуждению к даче заключения.

Правом на производство процессуальных действий в ходе предварительного расследования наделен только следователь, в производстве которого находится уголовное дело. А производить следственные действия в рамках предварительного расследования может как следователь, так и орган дознания по поручению следователя. К органу дознания ст. 40 УПК РФ относит: органы внутренних дел органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, органы федеральной службы судебных приставов, начальники органов военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов, органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы. Таким образом, принуждать к даче показаний при производстве предварительного расследования могут не

только следователи, а и многие другие должностные лица органов дознания, если им дано следователем поручение о производстве допроса. Поэтому представляется некорректным и противоречащим УПК РФ указывать в качестве специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, следователя. Полагаем, что специальный субъект принуждения к даче показаний должен быть определен в уголовном законе через полномочия по производству предварительного следствия и дознания и обозначен как лицо, производящее дознание и предварительное расследование.

Включение лица, производящего предварительное следствие и лица, производящего дознание, в число субъектов исследуемого преступления не вызывает возражения у автора. Тогда как включение в качестве субъекта другого лица, принуждающего к даче показаний с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание, не только нецелесообразно, но и вступает в противоречие с положениями общей части уголовного закона. Во-первых, осуществлять любые действия по принуждению к даче показаний либо заключений, по мнению законодателя, можно только с согласия или ведома специального субъекта, т. е. привлечь к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 302 УК РФ иное лицо можно только если со стороны лица, производящего дознание или предварительное следствие, имеется молчаливое согласие или он осведомлен о факте принуждения. Во-вторых, отсутствует единое толкова-

ние понятия "молчаливое согласие", а указание на осведомленность скорее характерно для прикосновенности к преступлению, а не для соучастия, о котором идет речь в ст. 302 УК РФ. В-третьих, институт соучастия иных лиц, не обладающих признаками специального субъекта, если их действия были согласованы со специальным субъектом, позволяет привлечь к уголовной ответственности по ст. 302 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ, т. е. как соучастника лица, производящего дознание или предварительное следствие, в принуждении к даче показаний или даче заключения. Таким образом, целесообразно ограничить круг субъектов преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, только двумя видами должностных лиц, а именно: лицом, производящим предварительное следствие, и лицом, производящим дознание.

Подводя итог, следует отметить необходимость в совершенствовании законодательной формулировки диспозиции ст. 302 УК РФ путем: во-первых, указания расширенного перечня лиц, могущих быть признанными потерпевшими от этого преступления, отнесен к возможным потерпевшим частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, а также представителя потерпевшего; во-вторых, сужения круга лиц, являющихся субъектами этого преступления, ограничившись только специальными субъектами, изменив при этом формулировку субъекта, осуществляющего предварительное расследование.

Литература

1. Бунева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 17.
2. Васильев А. М., Васильева Н. А. Признание вины под принуждением // Администратор суда. 2012. № 2.

Информация об авторе:

Гаг Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, irinagaag1@mail.ru.

Irina A. Gaag – Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

ПРАВОСУДИЕ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

И. А. Гааг, Е. Н. Куприянова

JUSTICE AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

I. A. Gaag, E. N. Kupriyanova

Настоящая статья посвящена определению понятия и признаков правосудия как объекта уголовно-правовой охраны. Исследование целесообразности отнесения к правосудию деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры, а также деятельности защитников и органов, исполняющих решения и приговоры судов позволили сделать вывод об отнесении такой деятельности к правосудию и о необходимости внесения изменений в название главы 31 УК РФ.

The paper focuses on the definition and attributes of justice as an object of criminal law protection. The paper studies the feasibility of referring the activities of inquiry, investigation, prosecution bodies, and the activities of defense agencies enforcing court decisions and sentences to justice. The results allow classifying such activities as justice; the authors conclude that the title of Chapter 31 of the Criminal Code needs to be changed.

Ключевые слова: правосудие, объект, признаки, цели, задачи, суд деятельность, дознание.

Keywords: justice, object, attributes, goals, objectives, court activities, investigative bodies, prosecutors.

Наиболее ярко сущность преступлений, объединенных общим объектом, проявляется именно в характеристике этого объекта. Преступления против правосудия объединены в главу 31 Уголовного Кодекса Российской Федерации, поскольку причиняют вред или создают угрозу причинения вреда тем или иным интересам правосудия. Понятие правосудия, определение его признаков, целей и задач интересует нас, прежде всего, с точки зрения характеристики объекта этих преступлений.

В законодательстве Российской Федерации отсутствует дефиниция правосудия. Не имеется единого понимания данного понятия и в правовой науке. Поскольку правосудие носит общетраслевой характер, то исследованию этого понятия посвящали свои труды ученые в области конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, арбитражно-процессуального и гражданско-процессуального права.

В конституционном праве сложился единый подход к формированию признаков правосудия. Первым признаком правосудия называют осуществление правосудия исключительно специальным государственным органом – судом. В связи с этим ошибочным следует считать утверждение Е. Ю. Хлопцовой о признании правосудием деятельности некоторых других государственных органов по рассмотрению дел об административных правонарушениях [13]. Второй признак правосудия – отнесение его к социальной функции судебной власти. В качестве третьего признака указывают реализацию правосудия в соответствующих процессуальных формах. И последним, четвертым признаком, называют характеристику правосудия, которая состоит в рассмотрении и разрешении по существу подведомственных суду правовых споров [11]. Ни один из предлагаемых признаков не вызывает у нас возражений, и все они будут нами использованы при формулировании понятия правосудия как уголовно-правовой категории.

Исследованию понятия правосудия в гражданско-процессуальном и арбитражно-процессуальном праве, на наш взгляд, не уделяется должного внимания. Можно отметить отсутствие интереса ученых в этих отраслях права к исследованию понятия и признаков право-

судия. Специалисты в области гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального права дублируют признаки правосудия, сформулированные в конституционном праве.

В уголовно-процессуальном праве правосудие изучается с позиции уголовно-процессуальной функции. И. Л. Петрухин указывает, что правосудие – это правоприменительная деятельность суда, представляющая собой форму социального контроля, а также деятельность по реализации особой функции государства, отделенной и от законодательной и от исполнительной функций [9]. К. Ф. Гуценко правосудием предлагает считать «осуществляемую судом правоохранительную деятельность по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел при неуклонном соблюдении требований закона и установленного им порядка, обеспечивающих законность, обоснованность, справедливость и общеобязательность судебных решений» [10]. Оба автора ограничивают сферу правосудия лишь указанными формами судопроизводства и относят правосудие к правоохранительной деятельности, с чем вряд ли можно согласиться, учитывая сущность судебной власти, одной из функций которой оно является. Кроме того, следует иметь в виду, что правосудие рассматривается как синоним правоохранительной функции, связанной с выявлением и устранением правонарушений. Предложенный подход можно объяснить тем, что и И. Л. Петрухин, и К. Ф. Гуценко определяли правосудие на основании предыдущей Конституции РСФСР.

В период действия Конституции Российской Федерации 1993 г. во многих трудах ученых допускается та же ошибка. Н. Г. Иванов под правосудием предлагает понимать вид государственной деятельности, направленной на правильное разрешение уголовного дела и применение справедливой меры ответственности [3]. Таким образом, всю деятельность суда по отправлению правосудия автор сводит лишь к уголовному судопроизводству. Чем-либо мотивировать такую позицию, на наш взгляд, невозможно.

По смыслу указанных выше формулировок выходит, что конституционное и административное судопроизводство правосудия не охватывается, что вряд ли приемлемо, т. к. противоречит ст. 118 Кон-

ституции Российской Федерации. По нашему мнению, нет серьезных оснований конституционное и административное судопроизводство не рассматривать в качестве правосудия, т. к. Конституционный суд Российской Федерации рассматривает заявления и жалобы граждан о нарушении их конституционных прав и свобод, по которым его решения являются окончательными. Такая деятельность суда осуществляется в установленной процессуальной форме. Все это дает основания считать, что Конституционный суд Российской Федерации является не только органом конституционного контроля, но и органом, осуществляющим конституционное правосудие. Относительно административного судопроизводства, мы полагаем, что оно является осуществлением правосудия в той части, в которой административные правонарушения рассматриваются федеральными судьями судов общей юрисдикции, судьями арбитражных судов, а также мировыми судьями, а не органами административной юрисдикции.

В литературе высказано мнение о наличии такой спорной формы правосудия как правосудие по дисциплинарным делам [8, с. 135]. По нашему мнению, производство по делам о дисциплинарных правонарушениях рассматривать как форму осуществления правосудия оснований не имеется, т. к. по ныне действующему трудовому законодательству России дела о дисциплинарных правонарушениях суды не рассматривают.

Вместе с тем представляется, что сущность правосудия нельзя сводить только к процессуальной деятельности, как это делают ученые процессуалисты. Необходимо, прежде всего, обратить внимание на содержательную сторону этой деятельности, т. к. не любая деятельность суда имеет отношение к осуществлению правосудия.

Самое большое внимание исследованию правосудия с позиции определения его содержательной стороны уделялось и уделяется учеными в области уголовного права. Но и в уголовно-правовой науке отсутствует единый подход к определению правосудия. Все существующие позиции можно условно разделить на пять.

Первый так называемый традиционный подход основан на конституционном утверждении, что правосудие в Российской Федерации отправляется только судом "посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства" [4, с. 23]. Некоторые авторы этого подхода рассматривают правосудие как самостоятельный институт уголовного процесса [2]. Слабость этой позиции, прежде всего, в том, что она по сути своей не имеет ничего общего с дефиницией, к тому же не отражает многих существенных признаков правосудия.

Второй подход, наиболее распространенный, основан на анализе гл. 31 Уголовного Кодекса Российской Федерации, придает с одной стороны более узкое толкование правосудию, а с другой стороны – более широкое. Во-первых, правосудие рассматривается как деятельность суда по разрешению гражданских и уголовных дел. При этом не подпадает под объект уголовно-правовой охраны деятельность конституционного суда и деятельность мировых судов и судов общей юрисдикции, рассматривающих дела в рамках административного производства. Во-вторых, правосудие

представлено не только как деятельность суда. К правосудию относят также деятельность органов предварительного расследования и органов или лиц, исполняющих приговоры и решения суда [5], что противоречит Конституции Российской Федерации. Поэтому, а еще и потому, что правосудие следует сводить только к деятельности суда, такая позиция уязвима.

Третий подход сформировался «критиками» уголовного закона, полагающими, что деятельность органов предварительного следствия и исполнения судебных актов не может относиться к правосудию, поскольку осуществляется не судом [7]. Этот подход не нашел широкого распространения в уголовном праве, но на наш взгляд, является небезынтересным, т. к. точно соответствует конституционным признакам правосудия, хотя и не отображает правосудие во всем его многообразии.

Автор четвертого подхода Л. В. Лобанова определяет правосудие в качестве объекта уголовно-правовой охраны как «совокупность общественных отношений, призванных обеспечить предпосылки, нормальное осуществление, а также претворение в жизнь результатов охранительной, познавательно-применительной, процессуально – упорядоченной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц» [6].

Позиция Л. В. Лобановой, представляющая несколько иной подход к определению правосудия, имеет право на существование, но представляется нам спорной, т. к. не рассматривает правосудие во всем его многообразии, что, на наш взгляд, необходимо. Кроме того, она противоречит конституционным признакам правосудия.

Пятый подход предложил С. А. Денисов, рассматривая правосудие как социальное явление. С. А. Денисов определяет правосудие через «систему политико-правовых отношений, норм, идей, взглядов и понятий, реализуемых в процессуальных формах деятельности его субъектов по расследованию преступлений, разрешению конституционных, гражданских, административных и уголовных дел, исполнению наказания с целью достижения социальной справедливости, охраны законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства, обеспечения законности, борьбы с преступностью, ее устранения» [1]. В предложенном Денисовым понятии неоправданно, на наш взгляд, большое внимание уделяется политической составляющей правосудия, что не только затрудняет восприятие сущности этого понятия, но и делает невозможным использование предложенного им понятия правосудия в уголовно-правовой науке при характеристике преступлений против правосудия.

Несмотря на отмеченные недостатки, каждый из названных подходов имеет право на существование потому, что в них либо отражаются отдельные стороны правосудия, либо правосудие рассматривается как многогранное социальное явление.

Необходимость дальнейших исследований понятия и признаков правосудия вызвана следующими причинами:

- во-первых, не безупречностью существующих определений правосудия;
- во-вторых, необходимостью выделения из всего многообразия предложенных признаков необходимых и достаточных, которые и составляют сущность право-

судия, т. к. только такие признаки могут быть использованы при характеристике правосудия как объекта уголовно-правовой охраны;

– в третьих, изменением позиции государства по отношению к судебной власти;

– в четвертых, необходимостью совершенствования структуры и содержания уголовного закона в части закрепления преступлений против правосудия.

Анализ существующих позиций по понятию правосудия позволяет выделить признаки, которые называются либо всеми авторами, либо большинством. К таковым относятся:

1) проявляется в деятельности суда;

2) эта деятельность облечена в процессуальную форму;

3) эта деятельность направлена на достижение целей и задач, поставленных государством и обществом.

Цели правосудия были сформулированы в Законе РСФСР «О судостроительстве РСФСР», который утратил свою силу. В ныне действующих федеральных и федеральных конституционных законах, регулирующих деятельность судов, цели правосудия не нашли своего закрепления. Цели правосудия хоть и являются собой представленный результат, на достижение которого направлены действия, но, во-первых, обращены не в будущее, а в настоящее, т. к. содержат в своей основе требования, которые суды должны соблюдать каждый раз, осуществляя свою процессуальную деятельность, во-вторых, носят общий (не конкретизированный) характер. В качестве целей правосудия выделяют: укрепление законности и правопорядка, предупреждение преступлений и иных правонарушений, а также охрана от всяких посягательств общественного строя, его политической и экономической систем, законных социально-экономических, политических и личных прав и свобод граждан, предприятий, учреждений и организаций. Названные цели не просто связаны с функцией правосудия, но и направляют, и определенным образом регулируют его осуществление.

Отправление правосудия осуществляет специальный орган – суд. Ст. 4 ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" называет исчерпывающий перечень судов, призванных осуществлять правосудие в РФ. Функция правосудия имеет много общего с функцией надзора, характерной, пожалуй, для исполнительной деятельности. Вместе с тем правосудие не есть надзор, т. к. суд сам разрешает споры, сам принимает решение об устранении нарушений закона, восстанавливает нарушенное право и наказывает виновных. Суд, осуществляя правосудие, проявляет себя и как законодательная власть, и как исполнительная власть, но эта деятельность не характерна для суда и является, на наш взгляд, временной. Ввиду несовершенства законодательства суд вынужден не только толковать закон, но и восполнять пробелы в праве, которых в настоящее время достаточно много. Но это не свойственный суду вид деятельности. Это – деятельность, от которой суду следует избавляться. Из-за недостаточной правовой культуры в нашем обществе и государстве суд вынужден частично выполнять элементы исполнительной деятельности. Но очевидно, что государство принимает меры к выведению исполнительной деятельности из функции правосудия. Об этом свидетельствует введение и развитие института судебных приставов, а также

совершенствование уголовно-исполнительной системы. Поэтому если в понятие правосудия вкладывать конституционный смысл, то следует констатировать, что суд – это единственный орган, осуществляющий функцию правосудия. Функцию правосудия не следует смешивать с другими видами деятельности суда как государственного учреждения. Например, суд как учреждение, обобщает и анализирует судебную практику, изучает причины, динамику и структуру преступности, принимает граждан, ведет статистику, учет дел и т. д. Очевидно, что для осуществления целей правосудия основная функция суда (правосудие) «обросла» многими другими функциями, носящими вспомогательный характер, т. к. они нужны и существуют в связи с необходимостью реализации функции правосудия.

Правосудие от других функций суда отличается не только целями и задачами, а, прежде всего, сущностью и процессуальной формой. Анализ ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" позволяет сделать вывод, что правосудие в Российской Федерации состоит: во-первых, в рассмотрении и разрешении по существу гражданских дел по спорам, затрагивающим права и интересы граждан, предприятий и организаций, во-вторых, в рассмотрении уголовных дел и применении установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдании невиновных. Несмотря на развитие федерального законодательства, характеризующего правосудие, необходимые, на наш взгляд, изменения, определяющие понятие правосудия, его цели и задачи, не нашли своего отражения в законах, регулирующих деятельность судебной системы Российской Федерации. Такая позиция законодателя провоцирует различные подходы к определению пределов правосудия. В частности, спор об отнесении административного и конституционного производства к правосудию. Действующее законодательство позволяет сделать вывод об отнесении и административного, и конституционного производства к правосудию, но с определенными оговорками, также как позволяет к правосудию отнести деятельность арбитражного суда.

В соответствии с ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» правосудие осуществляется также путем разрешения экономических споров арбитражными судами. В ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», и в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации утверждается об осуществлении правосудия по делам об административных правонарушениях, следовательно, рассмотрение судом дел об административных правонарушениях представляет собой ни что иное, как правосудие, несмотря на неопределенность процессуальной формы их рассмотрения. Деятельность Конституционного суда по субъекту ее осуществления, безусловно, должна относиться к правосудию. Вместе с тем некоторая деятельность конституционного суда даже с учетом того, что для этого тоже предусмотрена определенная процедура, не может быть отнесена к осуществлению правосудия, т. к. относится к вспомогательной с точки зрения целей правосудия деятельности. Это – толкование Конституции Российской Федерации и проверка федеральных законов и других нормативно-правовых актов на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации. Но кроме этой деятельности Кон-

ституционный суд Российской Федерации рассматривает заявления и жалобы граждан о нарушении их конституционных прав и свобод, и эта деятельность конституционного суда относится к функции правосудия.

Таким образом, правосудие – это рассмотрение и разрешение гражданских дел по спорам, затрагивающим права и интересы граждан, предприятий и организаций (в том числе и по экономическим спорам); рассмотрение уголовных дел и применение мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдание невиновных; рассмотрение судом дел об административных правонарушениях и рассмотрение жалоб и заявлений граждан о нарушении их конституционных прав и свобод.

Все перечисленные виды деятельности облечены в определенную процессуальную форму. Процессуальная форма осуществления правосудия не является единой и имеет свою специфику в зависимости от вида суда и категории рассматриваемого дела и предусмотрена соответствующими процессуальными законами, а также ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации». Нельзя не отметить недостаточное законодательное регулирование процессуальной формы рассмотрения дел об административных правонарушениях, особенно у мировых судей, но это не препятствует, как уже было отмечено нами, отнесению рассмотрения дел об административных правонарушениях к функции правосудия, а ставит перед законодателем задачу либо внесения изменений в существующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, либо, создание единого для всех судов административно-процессуального закона.

Глава 31 УК РФ, на наш взгляд, объединяет три взаимосвязанных группы преступлений, каждая из которых обладает определенной самостоятельностью:

- во-первых, преступления, непосредственно посягающие на деятельность суда по разрешению дел;
- во-вторых, преступления, опосредованно посягающие на деятельность суда по разрешению дел;
- в-третьих, преступления, которые в зависимости от личности потерпевшего, особенностей объективной и субъективной стороны деяния могут выступать в одних случаях как преступления, непосредственно посягающие на деятельность суда по разрешению дел, а в других случаях как преступления, влияющие на эту деятельность опосредованно.

При этом к преступлениям, непосредственно посягающим на деятельность суда, следует отнести, безусловно, преступления, предусмотренные ст. 297, 303, 305, 307, 308, 309 УК РФ.

Вторая группа преступлений оказывает влияние на деятельность органов, осуществляющих дознание и предварительное расследование, а также органов, осуществляющих исполнение приговоров или иных судебных решений. Это преступления, предусмотренные ст. 299, 300, ч. 1 ст. 301, 302, 306, 310, 313, 314, 314-1, 315, 316.

К третьей группе преступлений относятся преступления, предусмотренные ст. 294, 295, 296, 298-1, ч. 2 ст. 301, 304, 311, 312 УК РФ. Как уже было отмечено, в зависимости от конкретной ситуации каждое из перечисленных преступлений можно отнести как к первой, так и ко второй группе.

Применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 295, 296, 298-1 и 311 УК РФ, имеет значение в отношении кого были совершены эти преступления; если в отношении судьи, присяжного заседателя, а также в отношении участников судебного разбирательства (государственный обвинитель и защитник), то такие преступления оказывают непосредственное влияние на деятельность суда; если эти преступления были совершены в отношении других, перечислены в статьях УК РФ лиц (например, судебный исполнитель или следователь), то они могут оказывать только опосредованное влияние на деятельность суда.

Анализ состава преступления предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ, позволяет утверждать, что вывод о непосредственном или опосредованном влиянии на деятельность суда по разрешению дел, можно сделать в зависимости от того деяния, которое образует объективную сторону этого преступления. Если речь идет о заключении под стражу, то это деяние непосредственно относится к деятельности суда; если о содержании под стражей, то это деяние носит опосредованный характер по отношению к деятельности суда.

Преступление, предусмотренное ст. 304 УК РФ, можно отнести к первой или второй группе в зависимости от цели деяния; при наличии цели искусственного создания доказательств это преступление будет оказывать непосредственное влияние на деятельность суда, а в случае цели шантажа – только опосредованное влияние.

Преступления, отнесенные нами ко второй и третьей группе, помещены в гл. 31 УК РФ, прежде всего потому, что эти деяния, хотя и не всегда влияют на деятельность суда, относящуюся к правосудию, но при любых условиях причиняют вред интересам правосудия.

Всё отмеченное позволяет сделать вывод, что видовым объектом преступлений против правосудия выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления правосудия. Для того чтобы раскрыть содержание видового объекта, необходимо определить о каких отношениях в сфере осуществления правосудия идет речь.

В юридической литературе отсутствует единый подход к определению видового объекта преступлений против правосудия. Все существующие позиции условно можно разделить на две группы. Сторонники первого подхода исходили из того, что правосудие осуществляется только судом, и не включили в объект рассматриваемых преступлений отношения, складывающиеся в сфере деятельности органов предварительного расследования и органов, отвечающих за исполнения приговоров и решений суда [12, с. 160]. Основным недостатком представленной позиции является то, что в таком случае видовой объект оказывается намного уже, чем отношения, представленные в гл. 31 УК РФ.

Сторонники второго подхода относили к видовому объекту преступлений против правосудия общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование системы правосудия, а также органов, исполняющих судебные решения и приговоры. При этом, по мнению авторов, система правосудия включает не только деятельность судов, но и органов предварительного расследования [13].

Не соглашаясь с отнесением к системе правосудия деятельности каких-либо других органов, кроме суда, полагаем, что общественные отношения, складывающиеся при реализации и достижении целей и задач правосудия, нельзя ограничивать только отношениями, складывающимися между участниками судопроизводства по разрешению по существу уголовных, гражданских, «административных» и «конституционных» дел.

Деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и органов, исполняющих решения и приговоры суда является подчинённой деятельностью по отношению к деятельности суда, и призвана содействовать суду в достижении целей и задач правосудия.

Следует согласиться с Л. В. Лобановой, рассматривающей видовой объект преступлений против правосудия в виде сложной системы общественных отношений, состоящей из двух подсистем, складывающихся:

- а) в сфере деятельности суда по реализации судебной власти;
- б) в сфере деятельности органов, содействующих в отправлении правосудия [6].

При определении видового объекта преступлений против правосудия необходимо исходить из нескольких существенных моментов:

– во-первых, как уже было отмечено, в гл. 31 УК РФ содержатся две группы норм, обеспечивающих:

- 1) охрану общественных отношений при осуществлении судом деятельности по реализации целей и задач правосудия;

2) охрану общественных отношений при осуществлении деятельности органов предварительного следствия, прокуратуры и исполнения решений и приговоров, направленной на содействие суду в достижении целей и задач правосудия;

– во-вторых, дефиниция должна отражать сущность правосудия.

Учитывая особенности правосудия, содержание его целей и задач, можно сделать вывод, что видовым объектом преступлений против правосудия следует признать общественные отношения, складывающиеся при осуществлении судом деятельности, направленной на реализацию целей и задач правосудия, а также общественные отношения, складывающиеся при осуществлении органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры, и органов, ведающих исполнением решений и приговоров суда деятельности, направленной на создание необходимых условий для реализации целей и задач правосудия.

Для устранения путаницы и приведения названия гл. 31 УК РФ в соответствие с содержащимися в ней преступлениями необходимо внести изменения в формулировку гл. 31 УК РФ, изложив название главы в следующем виде: «Преступления против интересов правосудия». Такая формулировка точнее будет передавать содержание уголовно-правовых норм, объединённых в этой главе.

Литература

1. Денисов С. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2002. 315 с.
2. Зиновьев А. С. Закон, совесть и справедливое судопроизводство // Российский судья. 2013. № 10.
3. Иванов Н. Г. Уголовное право России. М., 2003. 823 с.
4. Конституция Российской Федерации: офиц. текст. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2013.
5. Кулишов Ю. И. Проблемы оптимизации уголовной политики в сфере борьбы с преступлениями против правосудия // Юридический мир. 2014. № 8.
6. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. 280 с.
7. Москвитина Т. А. Некоторые предложения по совершенствованию проекта Уголовного кодекса Российской Федерации // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации. Ярославль, 1994. 242 с.
8. Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977.
9. Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. 189 с.
10. Правоохранительные органы в СССР. М., 1991. 164 с.
11. Ржевский В. А., Чепурнов Н. М. Судебная власть в Российской Федерации, конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. 148 с.
12. Хабибуллин М. Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Казань, 1975.
13. Хлопцева Е. Ю. Уголовно-правовая охрана правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 210 с.

Информация об авторах:

Гааг Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, irinagaag1@mail.ru.

Irina A. Gaag – Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Куприянова Евгения Николаевна – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Кемеровского института (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, kupriyanova78@mail.ru.

Evgenia N. Kupriyanova – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 340.15

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ
С АДМИНИСТРАТИВНЫМИ И СУДЕБНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ТОБОЛЬСКОЙ И ИРКУТСКОЙ
ГУБЕРНИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАДЗОРНОЙ ФУНКЦИИ (конец XVIII – начало XIX вв.)**

А. В. Гаврилова

**THE INTERACTION OF THE OFFICIALS OF THE REGIONAL PROSECUTOR'S OFFICE
WITH ADMINISTRATIVE AND JUDICIAL INSTITUTIONS OF TOBOLSK AND IRKUTSK PROVINCES IN
THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE OVERSIGHT FUNCTION**

(late 18th – early 19th centuries)

A. V. Gavrilova

В статье обобщен опыт взаимодействия должностных лиц региональной прокуратуры с административными и судебными учреждениями Тобольской и Иркутской губерний в контексте реализации надзорной функции (конец XVIII – начало XIX вв.). Анализируются проблемы правоприменительной практики судов и иных присутственных мест в период действия двух крупнейших законов «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. и «Учреждения для управления Сибирских губерний» от 22 июля 1822 г. Фактический материал, используемый автором, включает в себя сведения, почерпнутые в документах, отложившихся в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Кемеровской области и Государственного архива в г. Тобольск. В рамках исследования обосновываются выводы о качественной работе прокуроров по регулированию вопросов подсудности и подведомственности, а также толкования нормативно-правовых актов. Отмечается ограничение в самостоятельном принятии решений губернской прокуратурой на основании «Учреждения для управления сибирскими губерниями», обусловленное подчинением прокурора губернским властям.

The paper summarizes the experience of the interaction of the regional Prosecutor's Office officials with administrative and judicial institutions of Tobolsk and Irkutsk provinces in the context of the oversight function (late 18th – early 19th centuries). The author analyzes the problems of law enforcement in courts and other official places in the period of the two major laws: “Institutions for the management of the Russian Empire provinces” of November 7, 1775 and “Institutions for the management of the Siberian provinces” of July 22, 1822. The actual material used by the author, includes the information from the documents deposited in the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Kemerovo Region and the State Archive in Tobolsk. The author makes conclusions about the quality of prosecutors' work on jurisdiction questions regulation and legal acts interpretation. The author notes some limitations to the independent regulation of some questions by the provincial Prosecutor's Office according to the law on “Institutions for the management of the Siberian provinces”, due to the subordination of the Provincial Prosecutors to the authorities.

Ключевые слова: Губернский прокурор, губернские стряпчие, судебный надзор, общий надзор, надзор за соблюдением законности, контроль за соблюдением принципа подведомственности, губернский суд.

Keywords: Provincial Prosecutor, provincial solicitors, judicial supervision, general supervision, supervision of compliance with the law, enforcement of the principle of jurisdiction, provincial court.

Правовой основой деятельности института прокуратуры в последней четверти XVIII – начале XIX столетий являлось «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», вступившее в силу 7 ноября 1775 г. В соответствии с данным законом прокурор и стряпчие призывались к исполнению надзора за соблюдением законности «...в производстве и отправлении дел». Законодатель возлагал на них обязанность гаранта целостности власти, «...установлений и интересов Императорского Величества». На них же возлагались и фискальные полномочия, такие как контроль за незаконными сборами, борьба со взяточничеством и т. д.

Отметим, что одной из важнейших функций при этом оставалось толкование законодательства. Исполняя свои полномочия, губернский прокурор при поступлении нового нормативно-правового акта, будь то закон, учреждение или указ, в наместничество обязан был дать свое заключение по нему, либо его толкование, определив сферу его действия, суть изменений или дополнений в действующем законодательстве в связи с его принятием, разъяснив при этом местным

чиновникам – какие действия необходимо предпринимать в связи с реализацией нового узаконения.

Увы, практика деятельности сибирской прокуратуры свидетельствовала о том, что далеко не всегда ее должностные лица могли дать ясное и точное разъяснение, в силу ли некомпетентности, либо же противоречивости законодательства, судите сами.

Приведем в качестве примера дело, рассматривавшееся Тобольской палатой гражданского суда на протяжении девяти лет (1790 – 1799 гг.), и так и оставшееся неразрешенным. С нашей точки зрения, причинами столь плачевного итога стали разногласия среди губернских стряпчих и прокурора, и отсутствие должных разъяснений со стороны генерал-прокурора.

Суть дела сводилась к утверждению купчих крепостных на дворовых людях, приобретенными секретарскими чинами и определении законности подобных сделок [2, л. 476 – 479 об.]. В основу разбирательства были положены претензии и прошения ряда челобитчиков.

1. Прошение городского секретаря Тобольской казенной палаты Петра Захарова от 14.06.1790 г. об узаконении купчей крепости дворового человека Василия

Александрова, доставшегося ему по от тобольского дворянина Гаврилы Хворова вследствие невыполнения обязательства в обозначенный срок.

2. Доношение Ачинской нижней расправы 9 апреля 1794 г. о совершении купчей крепости на проданного находящимся там, в Ачинске, отставным прапорщиком Щепотевым отставному городовому секретарю Степану Ильчееву дворового человека Григория Васильева.

3. Словесная просьба судьи Тобольского совестного суда, коллежского советника Я. Я. Павлуцкого и секретаря верхней расправы П. Чернавского от 17.05.1794 г. об оформлении купчей крепости на проданную первым второму дворовой девки Анны Константиновой.

4. Просьба городского секретаря Лавринова от 06.11.1799 г. о совершении на купленную им у безымянного «господина секунд-майора» безымянной же «дворовой девки».

Разногласия возникли относительно законной силы купчих о переходе права собственности на дворовых людей к чиновникам, получившим по службе лишь обер-офицерские чины.

Разрешение данного вопроса было поручено губернскому прокурору коллежскому асессору Бахтину еще в 1791 г., который, в свою очередь, полагаясь на компетентность своих подчиненных, поручил разрешение этого вопроса губернским стряпчим, так, в итоге, и не предоставившим должного пояснения, ссылаясь на отсутствие точного закона, разрешающего данную ситуацию.

Разочаровавшись в помощниках, Бахтин решил действовать самостоятельно – направил запрос действительному тайному советнику, генерал-прокурору Сената, князю Александру Алексеевичу Вяземскому. Ответ на запрос целых ждали два года. Ушел в отставку Вяземский, но и от его сменщика, «генерал-поручика, действительного камергера и разных орден кавалера» Александра Николаевича Самойлова, вплоть до 1799 г. также не поступило никакого разъяснения о возможности личному дворянству приобретать дворовых людей.

Еще большую парадоксальность ситуации добавлял и тот факт, что за это время, в связи с отбытием губернского прокурора Бахтина его обязанности временно стал исполнять губернский стряпчий казенных дел Еремеев, который не получив должного разъяснения ни от генерал-прокуроров, ни от своего предшественника, своей резолюцией заключил: «в связи с отсутствием разрешения совершить и утверждать подобные партикулярные сделки, данные прошения будут оставаться в нерешении... Покупка дворовых людей осуществляться может, но без совершения купчих, а соответственно в казну пошлины поступать не будут, что, однако, может привести к наложению штрафов на продавцов и покупателей».

Подобное заключение по образцу «тащить и не пущать», в свою очередь, не устроило Тобольскую палату гражданского суда, направившую очередной запрос вновь прибывшему губернскому прокурору Замощикову с требованием дать четкое суждение по данной ситуации. Результат был тем же.

Налицо явная некомпетентность как судей, так и губернского прокурора с его подчиненными стряпчими. Четко прослеживаются системные недостатки су-

допроизводства, проявившиеся в рассогласованности действий судебно-прокурорских чинов – либо в отсутствии как такого своевременного запроса на имя генерал-прокурора, либо игнорирование этого запроса самими господами генерал-прокурорами [7, с. 146]. Наконец, данный казус доказывает противоречивость правовых оснований самой системы крепостничества.

Действительно, положения законодательства XVIII столетия позволяют как узаконить просьбу авторов указанных выше прошений, так и отвергнуть эти петиции.

С одной стороны, все прошения были сделаны от имени секретарей, находящихся в гражданском чине XII класса. Согласно правилам «Табели о рангах» от 24 января 1722 г., все недворяне, имеющие по гражданской службе чины ниже 8-го класса, принадлежали к личному дворянству, и в соответствии с Жалованной грамотой на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г., они не должны были вноситься в дворянскую родословную книгу, иметь крепостных людей и населенные земли. Кроме того, право владеть крестьянами и крепостными людьми, каковыми являлись и дворовые люди, после указа 1746 г. постепенно ограничивалось и изымалось у всех сословий, кроме потомственных дворян [9, с. 472], к каковым авторы прошений не относились.

С другой стороны, в соответствии с целым рядом указов (1730, 1740, 1758 гг.) и Межевой инструкцией 1754 г. служилые люди, не дослужившиеся до обер-офицерского чина и впоследствии получившие звание личных дворян, должны быть лишены права приобретать населенные земли и крепостных без земли, а земли, уже приобретенные, обязаны были продать в назначенный срок. Мы же имеем дело с секретарями, получившими по статской службе обер-офицерские чины [2, л. 476], а следовательно, такие купчие могли быть осуществлены и право владения утверждено.

Согласимся с В. О. Ключевским «...законодательство не выработало твердых норм по этому предмету – то хотело видеть в крепостном праве фискальное средство, то сословную привилегию. Накоплялись разноречивые указы, а Сенат еще более запутывал дело произвольными их толкованиями и неумелыми применениями. Так, одни указы позволяли посадским владеть дворовыми, другие запрещали» [4].

Впрочем, в данной ситуации нельзя винить лишь прокурорские чины: на наш взгляд, и Тобольская палата гражданского суда, учитывая ее статус в иерархии судов, не имела права оставлять в течение такого длительного времени указанные дела без разрешения и, проявляя собственную некомпетентность, указывать подобную формулировку в определении суда.

Другой важной функцией губернского прокурора и прокуроров верхних судов был надзор за состоянием законности – они должны были следить за точным исполнением требований действующего законодательства, и, в случае обнаружения нарушения или злоупотребления правом, сообщать в наместническое правление. Так, прокурор обязан был доносить о неточном исполнении закона и иных нормативно-правовых актов в судах различных уровней, о непослушании, сопротивлении и медлительности в исполнении законных повелений, о недолжном исполнении служебных полномочий, о проволочках в судебном и исполнительном про-

изводе, о нарушениях правил благочиния (административных правонарушений), любых противоправных проступках и преступлениях, нарушениях правил торговли, причинении ущерба казенному имуществу и общественным интересам.

Кроме того, на губернского прокурора и прокуроров верхних судов возлагалась обязанность контроля за соблюдением принципа подведомственности в деятельности присутственных мест. Данная функция тесно переплеталась с уже отмеченной нами деятельностью прокуроров в сфере толкования права.

Так, в 1789 г. прокурору пришлось наводить порядок в деятельности Тобольского верхнего надворного суда: чиновники первого и второго департамента устроили затяжную переписку с Тобольским наместничьим правлением, препираясь относительно целесообразности помощи в отправлении правосудия первому департаменту ввиду его сильной загруженности [3, л. 5 – 10 об.].

Изначально сам первый департамент верхнего надворного суда обратился во второй департамент с просьбой разделить труд в рассмотрении трех дел. Однако второй департамент, ссылаясь на Учреждение для управления губерниями, ответил отказом, обосновывая это тем, что по силе закона созданы два департамента для раздельного рассмотрения гражданских и уголовных дел, и в целях недопустимости вмешательства в деятельность каждого из департаментов, такая передача дел нежелательна. Кроме того, второй департамент указал, что подобное вспомоществование возможно лишь с личного приказа его превосходительства господина генерала Пермской и Тобольской губерний.

Губернский прокурор в целях предотвращения бумажной переписки и волокиты, а также своевременно разбирательства нерешенных дел, указал второму департаменту, что в силу ст. 447 главы 30 Учреждения для управления губерниями, такое «вспомоществование» возможно, в случаях перегруженности одного из департаментов в целях скорейшего отправления правосудия и недопущения затягивания судопроизводства.

Несмотря на это, не желая себя обременять, второй департамент отказал первому департаменту в помощи, ссылаясь на статьи 444 и 445 о разделении на палаты и объясняя отказ тем, что, во-первых, при оказании подобной помощи возникнут проблемы при ревизии и апелляции дел, рассмотренных не по принадлежности другим департаментом, во-вторых, для оказания подобной помощи необходимо получить согласие от наместничьего правления, при этом тактично умалчивая о содержании ст. 447, указывающей, что «будет случиться уголовных дел много оба департамента разделяют труд в прошении гражданского департамента...» [3, л. 9]. Следует сказать, что членам второго департамента, виновным в данной переписке, затянувшей процесс отправления правосудия, было поставлено на вид, губерньскому прокурору же было поручено уведомить все присутственные места о том, что впредь подобные переписки и излишние просьбы в адрес наместничьего правления будут наказываться штрафами.

Новый этап реформирования административно-судебного устройства Сибири, в том числе института прокуратуры, был связан с именем М. М. Сперанского и принятием «Учреждения для управления Сибирских губерний» от 22 июля 1822 г.

Согласно «Сибирскому учреждению» весь регион подразделялся на Западную и Восточную части. Создаваемая в ходе реформы Сперанского модель региональной власти включала в себя четыре ступени, именуемые Управлениями: главное, губернское, окружное и волостное и инородческое.

Главным управлениям (Западно-сибирским, в Тобольске и Восточно-сибирским, в Иркутске) принадлежало право надзора за делопроизводством всех нижестоящих административных инстанций. Надзорные функции реализовывались посредством рассмотрения результатов частных инспекций и ревизий, наложением взысканий, включавших в себя устранение, удаление, отрешение от служебных обязанностей и предание суду. Именно главные управления рассматривали замечания губернских прокуроров и губернских стряпчих по неправильному и нерасторопному производству дел в губернских местах, наряду с частными жалобами на отказ в правосудии, а губернский совет анализировал их замечания на действия областных и окружных инстанций [8].

Новую систему взаимоотношений прокуратуры и административных властей отличал принцип жесткой субординации, значительно ограничивавший полномочия прокуратуры в сфере судебного надзора. Так, в отличие от Учреждения для управления губерниями, Сибирское учреждение 1822 г. (§ 557 – 558) предусматривало, что губернский прокурор при пересмотре уголовных приговоров может также сделать свои замечания на существо решения, но эти замечания он представляет уже не суду, а губернатору, который, в свою очередь, имеет право предложить суду свои заключения, если найдет, что решение суда действительно незаконно. Отметим, что на самостоятельности суда новые правила никак не отразились: сам суд «совершенно свободен согласиться с ним и переменить решение, или удерживать оное в прежней его силе».

В сфере общего надзора к функциям губернского прокурора, а в его отсутствие губернского стряпчего, входило представление Главному управлению отчетов о делопроизводстве в губернских учреждениях.

Поскольку Губернский совет отныне определялся как орган общего надзора для всех управлений, то губернский прокурор и губернские стряпчие, по сути, становились его местными исполнителями. Соответственно, все представления, замечания, сведения и ведомости по делам надзора во всех местах как губернских, так и областных, и окружных представлялись прокуратурой в Губернский Совет, на который, в свою очередь, возлагалась обязанность предпринять необходимые меры.

Проиллюстрируем это утверждение конкретным эпизодом, связанным с замечанием губернского прокурора в адрес Совета Главного управления Западной Сибири в отношении канцелярского чиновника, допустившего при составлении служебной бумаги, либо в силу невнимательности, либо в силу неграмотности, непристойное высказывание против власти, которое по каким-то причинам ускользнуло из бдительности председательствующего [1, л. 117 – 119].

В своем замечании, датированном 1825 г., губернский прокурор отмечал, что обнаружил документ, составленный канцелярским чиновником Дмитрием Лохтиным, в которой сказано: «...в заключении всего я

прилагаю для вашего сведения список с дел циркулярного предписания земским исправником относительно удаления от должности управляющего Тобольской округой Романова и Вас, Милостивый Государь мой, прошу доставить экземпляр объявления, когда оно будет напечатано...». Отмечая, что подобная «описка», «отправившая в отставку» губернатора может дать повод к пересудам и эта, одна неверно поставленная запятая придавала совершенно иное значение документу, пропитывая его «дерзким смыслом и неуважением к власти», прокурор просил Совет уволить безграмотного «смутьяна». Совет внял мнению прокурора, Лохтин был удален из канцелярии, а всем присутственным местам предписано не допускать подобные случаи.

Т. о., Главное управление, Губернский совет и губернский прокурор по Учреждению для управления Сибирских губерний (§ 554) определялась как надзорные органы за правильностью производства и охранения установленных законами порядков, охватывающие все части губернского, областного и окружного управления, без права «переменить состоявшегося в судебных местах определения о существе дела».

Формулировка § 555 Учреждения «Посему пересмотр губернским прокурором и стряпчими решительных определений и подпись их не столько означают согласие их в правильности решения, сколько свидетельство их, что дело произведено в порядке, законами установленном» – позволяет сделать вывод о том, что на прокуратуре по-прежнему лежала серьезная ответственность за состояние надзора над соблюдением законности.

Как мы уже отмечали, Учреждением для управления Сибирских губерний была установлена четкая субординация между четырьмя ступенями региональной власти. Однако не все присутственные места Сибирских губерний четко уяснили эту новеллу, в связи с чем возникали многочисленные конфликтные ситуации, в которые вовлекались прокурорские чины.

Так, при рассмотрении дела о владении дворовыми людьми, азиатского происхождения, произошел спор относительно того, к кому следует обращаться в случае обнаружения противоречия в законодательстве.

Дело в том, что в распоряжении Тобольского губернского суда оказались два указа Правительствующего Сената, явно противоречащих друг другу: один, датированный 3 января 1824 г., устанавливал порядок, в соответствии с которым калмыки, приобретенные до Указа от 13 февраля 1819 г. подлежали освобождению, в то время как другой, от 19 января 1824 г., предписывал калмыков и других «выменянных азиатцев», приобретенных до указа от 13 февраля 1819 г. оставлять в пожизненное владение приобретателя [1, л. 118 – 119 об.].

По прежним правилам, установленным указами от 3 сентября 1795 г. и 16 августа 1802 г., «при обнаружении противоречий в указах обязаны во всех случаях прибегать к толкованиям Сената до исполнения подобных противоречивых узаконений». Тобольский губернский суд так и поступил, составив заключение о необходимости толкования Правительствующему Сенату, какой указ следует применять в подобных ситуациях.

Пришлось вмешиваться губернскому прокурору, который, «...обозрев журнал губернского суда», поставил суду на вид, указав на то, что в настоящее время

подобные запросы осуществляются на основании § 585 – 587 Учреждения об управлении Сибирских губерний: «Каждое место испрашивает разрешений у того, кому оно непосредственно подчинено»; «Но о всех предметах, требующих разрешения, они относятся не иначе как по порядку начальства (§ 275 Министерского учреждения). Гражданские губернаторы в Главное управление, а прочие места и лица в Общее Губернское управление».

Примечательно, что Тобольский губернский суд продолжал настаивать на отправлении данного запроса в Правительствующий Сенат непосредственно, видимо ссылаясь на уже упоминавшийся выше § 558 Учреждения для управления Сибирских губерний.

Ситуация осложнялась тем, что Совет Общего Губернского управления, приняв аргументацию губернского суда, изначально утвердили решение выйти с представлением в Правительствующий Сенат. Губернский прокурор однако тоже проявил характер, продолжая настаивать на новом порядке, ссылаясь на отсутствие в Учреждении об управлении Сибирских губерний нормы, предусматривавшей возможность использования в подобных случаях прежних узаконений.

Настойчивость губернского прокурора способствовала передаче Советом Общего Губернского управления 30 апреля 1824 г. данного спора на разрешение Главного управления Западной Сибири, которое солидаризируясь с мнением губернского прокурора заключило: «...все губернские частные общие управления в силу § 584 и 585 учреждения доставляют только Правительствующему Сенату и Министерствам требуемые ими дела и сведения, но о всех предметах, требующих разрешения, они относятся не иначе как по порядку начальства: гражданские губернаторы в Главное управление, а прочие места в Общее Губернское управление».

Данная ситуация не была частным эпизодом. Подобный конфликт возник и в Тобольской казенной палате, которая, замученная нехваткой финансовых средств для завершения ревизии счетов винокуренных заводов, вошла в мае 1824 г. с представлением о назначении шести тысяч рублей ежегодно к министру финансов и генерал-губернатору Западной Сибири [1, л. 120 – 120 об.].

Губернский прокурор, имея опыт в определении подведомственности подобных обращений, ссылаясь на Учреждение для управления сибирскими губерниями, по которому подобные обращения допустимы лишь в Совет Общего Губернского управления указал на это казенной палате. Та, в свою очередь, ссылаясь на наставления казенным палатам (1783 г.), отвергла мнение прокурора, доказывая правильность принятого ею порядка тем, что ассигнование сумм зависит от министра финансов, равно как и «утверждение росписи доходов и расходов», следовательно, по ее мнению, и разрешение отпуска денег ...зависит от министра.

Настойчивость и компетентность губернского прокурора победили. Совет Общего Губернского управления, приняв во внимание 7 пункт (по хозяйственному управлению) § 34 Учреждения о Сибирских губерниях и § 302 того же учреждения, постановил: «Первое, что требование сумм на действии разных частей принадлежит ему. Второе, что казенная палата неправильно основала свое представление на § 302 Учреждения о

Сибирских губерниях, так как в конце того же параграфа порядок производства ею дел ограничен» [1, л. 120 об.]. В этой связи Совет признавал, что палата, представив министру финансов и генерал губернатору непосредственно об ассигновании суммы на действия Комиссии, учрежденной по заводским счетам, не собила тем самым законного порядка.

Оба эпизода свидетельствуют о том, что сибирская прокуратура, в какой-то степени лишенная самостоятельности, вынужденная практически по каждому делу, замечанию или вопросу обращаться в вышестоящие органы, сохранила при этом свои надзорные функции.

Этот вывод подтверждает еще один эпизод. В 1825 г. губернский прокурор обратился с запросом в Губернское правление о необходимости упрощения уголовного судопроизводства. Дело в том, что земские окружные суды при рассмотрении уголовных дел каждый раз были вынуждены запрашивать сведения о возрасте подсудимых у Тобольской духовной консистории. Подобный порядок был прописан указом Правительствующего Сената от 28 декабря 1823 г., согласно которому по исковым делам судебными местами запрашивались выписки и свидетельства из метрических книг от духовных консисторий о рождении, вступлении в брак и об умерших. Подобный порядок был автоматически распространен и на обвиняемых в уголовных преступлениях. По мнению кузнецкого стряпчего, по обращению которого прокурор и составил свое отношение, каждый такой запрос сведений «...является напрасной тратой времени и только изнуряет подсудимых содержанием под стражей, с невозвратными от казны на их содержание убытками», и в данном случае вполне достаточно справок из ревизских сказок. Увы, сам губернский прокурор согласно Сибирскому Учреждению был лишен права самостоятельного принятия подобных решений, и мог лишь обратиться с подобным запросом, что он и сделал.

Данная ситуация разрешилась так, как и предлагал прокурор: губернское правление, найдя мнение губернского прокурора правильным, «...в целях прекращения подобных запросов определило дать всем присутственным местам разъяснения не сей счет» [1, л. 121 – 121 об.]. Данный бюрократический препон был преодолен, однако подобные ситуации, обусловленные несамостоятельностью прокурорских чинов, повторялись еще не раз, в том числе и в сфере судебного надзора.

Наглядным примером подобной ситуации являлось уголовное дело «О растлении якобы отставным унтер-офицером Пшеничным племянницы своей, крестьянской дочери Ирины Пшеничных» [5, л. 9 об. – 12], рассмотренное Иркутским губернским судом в 1823 г.

Из материалов дела ясно следовало, что Ирина Пшеничных отнюдь не была изнасилована, а лишь имела любовную связь со своим дядей, по собственной воле. Действительно, зрелая женщина, находившаяся в состоянии легкого подпития, будучи вполне в состоянии дать отпор, она не только не сделала этого, но и скрыла этот эпизод до рождения младенца. Сама жалоба об изнасиловании поступила спустя десять месяцев от ее отца, и то после ссоры и драки между братьями.

Губернский суд однако не принял во внимание явные «нестыковки» в деле, не принял во внимание долговременную безупречную службу унтер-офицера,

имевшего к тому же награды допустил серьезные процессуальные нарушения, к числу которых относятся игнорирование свидетельских показаний. В итоге Пшеничных был приговорен как насильник к наказанию кнутом, ссылке на каторжную работу и церковному покаянию.

Обо всех существенных нарушениях губернским прокурором, как полагалось при пересмотре уголовных приговоров, были сделаны замечания по существу, представленные губернатору.

Отдадим должное гражданскому губернатору, который не только утвердил данное решение, но и поставил на вид губернскому суду за несообразную жестокость наказания.

Тем не менее суд и не думал сдаваться: используя свое право, регламентированное § 557 Учреждения для управления Сибирских губерний, он упорствовал в своем решении, и, не соглашаясь на его изменение, потребовал от Гражданского Губернатора, чтобы тот лично, своим ходатайством, испросил Пшеничному освобождения.

В конце концов, дело было рассмотрено в Совете Главного управления: поступок Пшеничного был представлен на рассмотрение духовной власти, а «...за пьянство и буйство назначено содержание по стражей в совокупности со строгим предостережением, чтобы воздерживался от такого на будущее время». Губернскому суду за то, что он, не имея доказательств насилия, приговорил Пшеничных к тяжкому, несообразному с законами наказанию, было сделано замечание.

Отметим, что подобное противостояние между губернским прокурором, гражданским губернатором и Иркутским губернским судом далеко не последнее. Подобная ситуация повторилась через два года при рассмотрении дела «О ссыльном Сафронии Шибикове, оскпившем себя» весьма странного не только по своему содержанию, но и характеру судебного вердикта, не свойственного для светского судопроизводства.

Дело в том, что за проступки такого рода, в соответствии с Указами 1810 и 1817 гг., предусматривались либо военная служба в Сибири, либо ссылка на поселение в Иркутскую губернию. Иркутский губернский суд однако вынес решение о наложении на виновного епитимьи, что уже являлось сферой деятельности духовной консистории, а не гражданского суда. Кроме того, для внушения скопцу Шибикову и подобным скопцам губернский гражданский суд составил странное наставление со Священного Писания и даже волеялся в истолкование Евангелия:

«...Всемогущий бог сотворил все творения свои, как равно и человека, все члены его с удивительною премудростью, которые человеку необходимы для спокойной его жизни, в том числе и тайных удовольствий, посредством коего делаются испражнения, дабы в последнем случае, согласно природы, волею Божьей вдохновенной, раститься, размножать род человеческий и наполнять землю; следовательно, скопцы грешат и оскорбляют в том намерении Всемогущего Бога, мня вопреки исполнению той роли на умножение рода человеческого, самопроизвольным отнятием членов для чего создан.... Такие действия направлены на поругание человечества невежеством, обманом и развращением, которые должны быть искоренены, прекра-

щены, подвергнуты наказанию, и будущему возмездию правосудного Бога» [5, л. 2 – 7 об.].

Данное дело по протесту губернского прокурора было передано на утверждение гражданского губернатора, который заключил, что поскольку рассуждения губернского суда относятся, по сути, к юрисдикции духовной власти, а итоговое решение противозаконно, приговор подлежит пересмотру.

Несгибаемые служители иркутской Фемиды вновь проявили упорство, доказывая, что на основании § 557 Учреждения для управления Сибирских губерний, приговор, ими учиненный, пересмотру не подлежит. Кроме того, Иркутский губернский суд в очередной раз допустил непристойные высказывания, только теперь не в адрес губернатора, а по отношению к губернскому прокурору: «в данном случае губернский прокурор проявляет не побуждение на предохранение законного правосудия, а обнаруживает стремление к протестам против губернского суда» [5, л. 7].

В результате гражданским губернатором и прокурором с утверждения Совета Главного управления и генерал-губернатора, был вынесен приговор согласно Указам 1810 и 1817 гг., а судьям губернского суда «...за несправедливое и противозаконное суждение и, в особенности, неприличные и оскорбительные выражения по отношению к лицам, участвовавшим в деле», было поставлено на вид, «со строгим на будущее время замечанием».

Обратим внимание, что прокурорские чины, иницируя применение санкций по отношению к судебным чиновникам, сами работали под строгим контролем губернских властей. Так, на основании § 609 – 613 Учреждения для управления сибирских губерний губернский прокурор нес ответственность перед Советом главного управления и в случае серьезных нарушений, в виде злоупотребления властью, сопровождающимся ущербом, причиненным государству, подлежал суду Правительствующего Сената, а областные и окружные стряпчие отвечали перед Советом губернным и судились, соответственно, губерньским судом.

Литература

1. Государственный архив Кемеровской области (ГКУ КО «ГАКО»). Ф. 28. Оп. 2. Д. 6.
2. Государственный архив в г. Тобольск (ГБУТО). Ф. 361. Оп. 1. Д. 920.
3. Государственный архив в г. Тобольск (ГБУТО). Ф. 363. Оп. 1. Д. 8.
4. Ключевский В. О. Полный курс истории: сочинение в 9 т. М., 1988.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 118.
6. Российское законодательство X – XX вв. Т. 5 / под ред. О. И. Чистякова. М., 1987.
7. Серафимович А. Е., Гаврилов С. О. Система прокурорского надзора в дореформенной Сибири XIX в. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы X Международной научно-практической конференции. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. 2012. Ч. 2. С. 145 – 147.
8. Учреждение для управления Сибирских Губерний от 22 июля 1822 г. Петергоф, 1822.
9. Яблочков М. История дворянского сословия в России. Смоленск: Русич, 2003.

Информация об авторе:

Гаврилова Анжелика Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права КемГУ, Angelika@kemsu.ru.

Anzhelika V. Gavrilova – Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

К примеру, в 1820-е гг. губернский совет возбудил дело в отношении Чарышского окружного стряпчего Некрасова [1, л. 36], который, не поставив в известность начальство, отлучился из города в деревню Тугозвонovo и на обратном пути, в пьяном виде, спустившись близ города к реке Чарыш, чуть не утонул (был спасен крестьянином Семеновым). По показаниям Чарышского городничего и земского управителя Тугозвонского Некрасов «вышел из питейного дома безмерно пьяным без рубашки в расстегнутом сюртуке и вообще в самом развратном виде», о чем чиновник и доложил гражданскому губернатору. В итоге, по предложению последнего, Губернский совет приказал отстранить Некрасова, проинформировав об этом Томского губернского прокурора.

Таким образом, институт прокуратуры как по Учреждению для управления губерниями 1775 г., так и по Учреждению для управления Сибирскими губерниями 1822 г. являлся надзорным органом, главной целью которого было надзор за соблюдением законности в производстве и отправлении дел. В целом прокуроры и стряпчие сибирских губерний отвечали всем требованиям, установленным законодательством, за редкими исключениями, которые не позволяют судить о существенной специфике кадрового состава сибирской региональной прокуратуры.

Проанализированные нами архивные дела свидетельствуют о качественной работе прокуроров в сфере надзора за соблюдением законности. К числу негативных особенностей состояния данного института в рассматриваемый период следует отнести серьезное ограничение организационной самостоятельности прокурорских учреждений в связи с принятием Учреждений для управления сибирскими губерниями. Впрочем, пагубное воздействие данного обстоятельства на практическую деятельность прокуратуры не следует преувеличивать: прочие надзорные инстанции, к которым прокуроры обращались со своими суждениями, предложениями и отношениями, чаще всего солидаризировались с мнением прокурорских чиновников.

Статья поступила в редколлегию 09.09.2015 г.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

М. А. Гнедина

STAGES OF SELF-GOVERNMENT DEVELOPMENT IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

M. A. Gnedina

Вопросы организации и эффективности деятельности органов местного самоуправления являются одной из наиболее дискуссионных тем современных исследований в области муниципального права. Однако состояние местного самоуправления в XXI веке есть результат его длительного поступательного многовекового развития, без осмысления которого невозможно прогнозировать эффективность современного законодательного регулирования. Изучение основных этапов развития самоуправления демонстрирует неоднозначность и сложность этого столь долговечного по времени политико-правового процесса, показывает необходимость организации местного самоуправления основываясь на принципе историзма, прежде всего принимая во внимание специфику возникновения и развития русского города.

Issues of organization and efficiency of local governments is one of the most controversial topics of current research in the field of municipal law. However, the state of local government in the 21st century is the result of its centuries-old sustained development, without realizing which it is impossible to predict the effectiveness of modern legal regulation. Study of the main stages of self-government development demonstrates the ambiguity and complexity of such a long-lasting political and legal process, shows the need for basing local self-government organization on the principle of historicism, especially taking into account the specifics of the Russian city development.

Ключевые слова: местное самоуправление, становление, развитие, государственный строй, территориальная единица, город.

Keywords: local self-government, formation, development, political system, territorial unit, city.

Особое место на пути становления «самоуправления» на Руси принадлежит Великому Новгороду. Еще в VIII – начале IX в. освоение Восточной Прибалтики было начато племенами кривичей, словен, дреговичей и половчан, ассимилировавших впоследствии такие карело-финские племена, как весь, меря, чудь. «Экономическая обособленность Великого Новгорода и его удаленность от Киева, являвшегося в то время центром Руси, способствовали развитию патриархальных демократических традиций, а также проявлению сепаратизма» [6, с. 17].

Примечательна территориальная организация новгородских территорий по степени пользования правом на самостоятельное внутреннее управление: административные единицы главного города, обладавшие значительной автономией, пригороды и близлежащие к Новгороду волости с ограниченным «самоуправлением» и отдаленные завоеванные земли, полностью лишенные «права голоса» в общегосударственных делах и управляемые присылаемыми из центра должностными лицами. Главный город делился на части, называвшимися концами – исторически сложившимися общинами, крепко спаянными местными интересами, которых в эпоху расцвета Новгородской республики было пять (пятинное деление) [3, с. 140].

«Великий Новгород, – пишет В. В. Еремян, – как наиболее характерный образец древнерусского города-государства, представляющий собой некий «политический симбиоз» княжеской и вечевой власти, не был ни республикой, ни монархией в точном значении этих терминов, принятых в позднейшей историко-правовой науке» [5, с. 200].

В средневековой Руси базовой единицей административно-территориального деления становятся крупные уезды, делившиеся на волости и станы. Именно с политико-правовым положением уезда связана практика «местного самоуправления» в средние века.

Управлялись территории наместниками из бояр и волостелями, а сам период XV – первой половины XVII вв. получил название периода «кормлений» благодаря специфике осуществления хозяйственно-административной деятельности на местах. Не получая жалованье от великого князя, волостели и наместники главную цель управления видели в максимальном извлечении доходов из управляемой территории путем сбора кормов, которые вносились в местный бюджет купеческими гильдиями, ремесленными и промысловыми артелями, и пошлин, уплачиваемых гражданами за осуществление отдельных действий или получение документов. Деятельность наместников и волостелей регулировалась уставными грамотами.

Преобразование местного управления и системы «кормлений» проходило в несколько этапов путем проведения губной, а затем земской реформ.

Губа – административный и уголовно-полицейский округ – управлялась выборными из дворян губными старостами, к полномочиям которых было отнесено разрешение важных уголовных дел, ранее находившихся в ведении наместников и волостелей. Учрежденные земские власти, избираемые всеми земскими сословиями, кроме служилого, осуществляли полномочия в денежных, хозяйственных и судебных делах.

Таким образом, в результате реформ «система кормлений» была заменена выборными губными учреждениями («губными избами») как сословно-представительными органами дворянства и земскими органами («земские избы»), выбираемыми в основном из зажиточных горожан.

Как отмечает Н. А. Омельченко, «реформы намечали магистральную линию развития российской государственности на принципах сословного представительства, предполагающего формирование выборных сословно представительных учреждений как на ниж-

них, так и на верхних уровнях власти и управления (земские соборы, земские и губные избы» [7, с. 129].

После смерти Ивана IV (Грозного) происходит решительный поворот от земского к приказно-воеводскому управлению, которое представляло собой систему управления на государя и на государевом жалованье. Воевода назначался государем по согласованию с думой («боярским приговором») сроком на 1 – 2 г.

«Местное самоуправление», как оно понимается современной юридической наукой, не характеризует в полной мере процессы формирования территориальных единиц в средние века и управления ими. В этой связи по отношению к периоду централизации государства целесообразно говорить только о системе «местного управления», в ходе которого происходила перестройка этой системы на началах сословного представительства и выборности.

Кризис сословной модели государственного управления конца XVII века потребовал значительной модернизации государственного аппарата, предполагавшей абсолютно новые принципы его построения.

Наряду с преобразованием системы высших и центральных органов государственного управления, Петром I проведены реформы в области местного управления, цель которых – усиление централизации местного государственного аппарата в интересах укрепления абсолютной власти монарха. В 1702 г. было ликвидировано губное управление и его функции возложены на воевод, назначаемых из центра. При этом царизм исходил из того, что эта форма самоуправления оказалась слабой в предшествующие периоды в таких вопросах как подавление крестьянских движений (крестьянская война под предводительством Ивана Болотникова), отражение военной интервенции и т. д. Царский указ от 18 декабря 1708 г. «Об учреждении губерний и о росписи к ним городов» положил начало одной из самых крупных административных реформ Петра I – губернской реформы и введению нового административного деления на губернии, которых на тот момент было создано восемь, а также нового трехуровневого управления на местах (губернии – провинции – уезды).

Во главе губерний стояли назначаемые царем губернаторы. В их ведении было гражданское управление губернией, командование войсками, полицейские и некоторые судебные функции. С 1713 г. в губерниях были созданы выбираемые местными дворянами ландраты, составлявшие своего рода совет при губернаторе и просуществовавшие до 1719 г. Провинции и уезды управлялись воеводами.

«Система местного управления при Петре I сочетала в себе три основных начала – бюрократическое (губернатор и губернское правление), сословное (выборные дворянские органы) и земское» [7, с. 184].

В упрощенном варианте такая система (губернаторы и воеводы с соответствующим канцелярским аппаратом) просуществовала до царствования Екатерины II.

Политика «просвещенного абсолютизма» и деятельность Екатерины II также ознаменовалась не только масштабной реорганизацией высшего и центрального управления, но и очередной реформой управления на местах.

Губернскую (или областную) реформу по праву принято считать одной из самых крупных реформ Екатерины II, начало которой было положено указом 1775 г. Основной целью реформы стала реструктури-

зация местного управления на началах централизации и унификации всех местных учреждений в целях повышения эффективности и оперативности их деятельности, в связи с чем границы губерний были пересмотрены, их размеры значительно уменьшились, а количество достигло 50.

Своего рода системность местного управления была достигнута за счет разделения местных органов на административные, финансово-экономические и судебные. Отказ от наделения губернаторов судебными и финансовыми функциями в связи с созданием новых самостоятельных учреждений стал первым концептуальным прототипом современного принципа разделения властей.

Еще одной значительной вехой на пути становлении органов власти на местах стала «Жалованная грамота на права и выгоды городам Российской империи» Екатерины II 1785 г., согласно которой города получили статус самостоятельных административных единиц, юридически закрепленное общественное городское управление, а за выборными городскими органами признавалось право на самостоятельную сферу деятельности. Городское население было разделено на шесть разрядов (состояний), в основе дифференциации на которые лежало либо происхождение, либо размер капитала. Все разряды имели право участвовать в городском самоуправлении («градское общество»).

Период царствования Александра I известен в истории российских политических учреждений как эпоха реформ центральной администрации. Структура городского общественного управления формально продолжала основываться на Жалованной грамоте, однако в течение первой половины XIX в. она претерпела некоторые изменения.

С введением в Петербурге в 1846 г. нового Городового положения (позднее в Москве, Одессе и Тифлисе), городское общественное управление подразделялось на общее (для всего городского общества) и частное (по сословиям). Органами общего управления являлись городской глава, общая городская дума и распорядительная городская дума (исполнительный орган). Для решения частных дел городских сословий создавались управы (купеческая, мещанская, ремесленная и др.).

«Городовое положение 1870 г. заменило сословно-бюрократические органы управления всесословными, основанными на буржуазном принципе имущественного ценза. Систему органов городского общественного управления составили городское избирательное собрание (для избрания гласных через каждые 4 года), городская дума (распорядительный орган) и городская управа (исполнительный орган). Все избиратели делились на три разряда, каждый из которых избирал равное число гласных. Право голоса в избрании гласных имели все городские обыватели, достигшие 25 лет, являющиеся русскими подданными и уплачивающие прямой городской налог с недвижимости, торгов или промыслов» [3, с. 287].

В ходе контрреформы 1892 г. установленная трехклассная система была заменена одним избирательным собранием всех городских избирателей.

17 октября 1905 г. «Высочайшим манифестом» Николая II на правительство была возложена задача «установить, как неизбежное правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспече-

на была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей» [4, с. 262].

Во II Государственную думу были внесены правительственный проект «Положения о поселковом и волостном управлении» и проект конституционно-демократической партии «О выборах земских гласных», принятый в последствии лишь третьей Государственной думой.

После Февральской революции 1917 г. одним из первых решений Временного правительства стало создание Особого совещания по реформе местного управления и самоуправления. Фактически в этот период в стране устанавливается режим «двоевластия» – с одной стороны действовало Временное правительство, представлявшее класс буржуазии и капиталистических помещиков, с другой стороны – Советы рабочих и солдатских депутатов, образование которых бурно шло по всей стране.

Советский период истории самоуправления характеризует строгая иерархичность структуры местных самоуправляющихся единиц (корпораций), обуславлившая установку на вертикальную подчиненность институтов. Поэтому к осени 1917 г. Советы начали процесс объединения с выработкой соответствующих принципов функционирования по вертикали (волость – уезд – губерния – область – государство). На развитие Советов, их трансформацию из органов самоуправления в местные органы государственной власти и управления огромное влияние оказали исторические условия России. Решающими предпосылками, принципиально изменившими политико-правовые основы функционирования и деятельности местных Советов, стали отказ от выборов и переход к системе назначения вышестоящими Советами, и, наконец, включение Советов в единую вертикально-интегрированную систему государственной власти – Республику Советов [5, с. 514].

Первым практическим шагом на пути становления современного местного самоуправления стало принятие Закона СССР от 09.04.1990 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», который ввел понятие «местное самоуправление» в широкий политико-правовой и юридический оборот и во многом стал концептуальным предшественником действующего Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Местное самоуправление – это сложное многоплановое явление, неотделимо связанное с волеизъявлением отдельного гражданина и объединенного территории населения в целом. Историко-правовой анализ основных этапов развития органов власти на местах показывает, что самоуправление с теми основополагающими принципами, которые составляют его сущность в настоящий момент, не было характерно для России вплоть до середины XVIII столетия. Возникновение русского города как такового и многовековая история управления в городах во многом объясняет функциональные и концептуальные сложности, с которыми сталкивается, в том числе современное городское самоуправление.

Исторически город не искоренил привычку к «патернализму и покровительству государства» [6, с. 6]. Это во многом обуславливает недостаточную мотивацию к самоорганизации у большинства населения, недоверие к власти на местах и зачастую неготовность в полной мере к самостоятельному решению определенных Конституцией России и федеральным законодателем вопросов. Эффективное самоуправление не может быть объявлено или определенно установлено нормативным актом. В этой связи основной задачей законодательства о местном самоуправлении должно являться в первую очередь создание условий, необходимых для активной самоорганизации народа.

Литература

1. Васильев В. И. Местное самоуправление: история и современная практика // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 5 – 11.
2. Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): словарь-справочник. Кн. 1 (А-Г). М.: Наука, 1996. 330 с.
3. Графский В. Г., Ефремова Н. Н., Карпец В. И. Институты самоуправления: историко-правовое исследование / отв. ред. Л. С. Мамут. М.: Наука, 1995. 301 с.
4. Емельянов Н. А. Местное самоуправление: проблемы, поиски, решения: монография. М.; Тула: ТИГИМУС, 1997. 296 с.
5. Еремян В. В. Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века): учебное пособие для высшей школы. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
6. Исаев И. А. История государства и права России: учебное пособие для вузов. М.: Юрист, 1999. 608 с.
7. Омельченко Н. А. История государственного управления в России: учебник. М.: Проспект, 2014. 464 с.

Информация об авторе:

Гнедина Мария Александровна – аспирант кафедры государственного и административного права юридического факультета КемГУ, заведующий отделом правового обеспечения публичных слушаний управления архитектуры и градостроительства администрации города Кемерово, gnedina@mgis42.ru.

Maria A. Gnedina – post-graduate student at the Department of State and Administrative Law, Kemerovo State University, Head of Public Hearings Legal Support Division, the Department of Architecture and Urban Planning of Kemerovo City Administration.

(Научный руководитель: Ким Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и административного права юридического факультета КемГУ, Yu_kim@mail.ru.

Academic advisor: Yury V. Kim – Doctor of Law, Professor at the Department of State and Administrative Law, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО И РЕПУТАЦИЯ КАК ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Н. Б. Гулиева

HONOUR, DIGNITY AND REPUTATION AS OBJECTS OF CRIMINAL LAW PROTECTION

N. B. Guliyeva

Правовая защита интересов личности составляет одно из приоритетных направлений деятельности государства. Честь, достоинство, репутация образуют неотъемлемую морально-этическую составляющую в структуре личности. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и репутации осуществляется посредством криминализации опасных для таких объектов деяний. Уголовный закон охраняет нематериальные блага обычных граждан и специальных субъектов. Необходимость в существовании и разграничении таких законодательных конструкций социально обусловлена.

В настоящей статье раскрываются понятия чести, достоинства; анализируются имеющиеся в юридической и иной литературе дефиниции исследуемых категорий, высказывается авторское суждение по данным вопросам. Методы исследования: анализ, синтез, метод сравнительного правоведения. Настоящее исследование может быть использовано в правоприменительной и научной деятельности, в учебном процессе.

Legal protection of interests of the individual is one of the priority directions of activity of the state. Honour, dignity and reputation form an inherent ethical component of the personality structure. Criminal law protection of honour, dignity and reputation is performed by criminalizing the acts that are dangerous for such objects. Criminal law protects intangible benefits of ordinary citizens and special subjects. The need for the existence and delineation of such legislative constructions is socially determined.

In this paper the concepts of honour and dignity are defined; the existing legal and other scientific definitions of the studied categories are analyzed, the author's own judgment is suggested. The author used the research methods of analysis, synthesis, method of comparative law. The present study can be used in law enforcement and research activities in the educational process.

Ключевые слова: честь, достоинство, репутация, деловая репутация, оскорбление, клевета.

Keywords: honour, dignity, reputation, business reputation, insult, slander.

Современная концепция уголовно-правовой охраны нематериальных благ предусматривает ряд запретов посягать на честь, достоинство, репутацию и деловую репутацию граждан. В большинстве случаев законодатель обуславливает необходимость введения таких запретов специальным статусом потерпевшего. Так, единственной в Уголовном кодексе Российской Федерации нормой, предусматривающей уголовную ответственность за преступление против чести, достоинства и репутации безотносительно специального статуса потерпевшего, является норма о клевете. В остальном ответственность наступает за частные случаи клеветы и оскорбления. Речь идет о таких преступлениях, как оскорбление представителя власти, неуважение к суду, оскорбление военнослужащего и клевета в отношении судьи. Такие нормы содержат полиобъектные составы преступлений и призваны охранять, в первую очередь, другие объекты – интересы правосудия, порядок управления, интересы воинской службы. Честь, достоинство, репутация, будучи дополнительными обязательными объектами в таких составах, охраняются уголовным законом наряду основными. Данное обстоятельство не умаляет значимости таких нематериальных благ, как честь, достоинство и репутация. На наш взгляд, смысловая нагрузка указанных морально-этических категорий не может разниться в зависимости от того, кто является носителем таких благ.

В этой связи вызывает возражение позиция некоторых авторов, разграничивающих понятие чести и достоинства обычных граждан с понятием чести и достоинства отдельных субъектов. Так, анализируя конструктивные признаки специальных составов клеветы и оскорбления, ряд ученых указывают на отличительные

признаки чести, достоинства и репутации потерпевших, обусловленные спецификой их профессиональной деятельности. Например, И. Г. Бублик выделяет профессиональную честь и достоинство сотрудника полиции [1, с. 80]. Автор следующим образом раскрывает понятие чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел: честь сотрудника органов внутренних дел – это сопровождающееся положительной оценкой отражение его качеств в общественном сознании. Достоинство сотрудника органов внутренних дел – это осознание им собственной ценности как человека в общем (человеческое достоинство), как конкретной личности (личное достоинство), как представителя власти (профессиональное достоинство). Деловая репутация сотрудника органов внутренних дел – это отражение служебных качеств лица в общественном сознании [1, с. 81].

С. С. Киселев полагает что, честь и достоинство сотрудников органов внутренних дел обладают спецификой в силу особого положения органов внутренних дел в государственном механизме. Так, честь сотрудника органов внутренних дел С. С. Киселев определяет как положительную социальную оценку нравственных качеств, проявляющихся в признании авторитета сотрудника и органов внутренних дел в целом при выполнении служебного долга представителем государственной власти. Достоинство, по его мнению, это самостоятельная положительная оценка сотрудником своих нравственных качеств в виду осознания профессиональной принадлежности, значимости статуса представителя власти и авторитета органов внутренних дел [4, с. 26].

Полагаем, что интерпретация понятия чести, достоинства и репутации человека должна быть единой, независимо от профессионального статуса потерпевшего. Бесспорно, что в специальных составах клеветы или оскорбления специфика деятельности потерпевшего, его должность (статус) предопределяют направленность умысла причинить вред конкретному лицу – обладателю профессионального и иного статуса. Данное обстоятельство объясняет наличие в уголовном законе специальных норм, охраняющих в первую очередь другие объекты, а именно: интересы правосудия, порядок управления или интересы воинской службы. Именно поэтому честь, достоинство и репутация человека (выделено нами – Н. Б. Гулиева) в таких составах преступлений являются дополнительными объектами. Однако разграничивать «природу» таких морально-этических категорий как честь, достоинство, репутация личности по признакам профессиональной или иной принадлежности человека, нельзя. В этой связи высказанные в юридической литературе мнения о том, что честь, достоинство и репутация специальных субъектов обладают спецификой, отличной от чести и достоинства обычных людей, на наш взгляд, не убедительны. Сторонники такой позиции переносят в какой-то степени содержание основного объекта на дополнительный обязательный.

Целесообразно в этой связи обратиться к понятию чести, достоинства и репутации. Указанные категории могут быть охарактеризованы с точки зрения философской, этимологической, социологической и этической. Рассмотрим некоторые из них.

С точки зрения философского понимания честь – это «понятие морального сознания и категория этики, тесно связанная и во многом сходная с категорией достоинства. Понятие чести раскрывает отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества. Однако в отличие от достоинства моральная ценность личности в понятии чести связывается с конкретным общественным положением человека, родом его деятельности и признаваемыми за ним моральными заслугами. Исторически понятие чести возникло в моральном сознании общества в виде представления о родовой и сословной чести (моральное требование, предписывающее человеку образ жизни и действий, не унижающий достоинства определенного сословия или рода). ...Понятие чести зависит от общественного положения человека. Поэтому в условиях классового и социального отчуждения оно сохраняет социально-дифференцированное содержание, связано с иерархическими отношениями, теми или иными формами неравноправия. Честь поэтому, с одной стороны, может вырождаться в высокомерие, чванство, тщеславие, ложное самолюбие, а с другой стороны, у тех, кто лишен общественных привилегий, порождает чувство оскорбленной гордости, а иногда унижительное стремление утвердить свой престиж рабским подражанием «вышним» сословиям, лесть и заискивание перед властью имущими. Честь – важный стимул общественного поведения» [15, с. 659 – 660]... В представлениях о чести находит отражение общественное положение как самого человека, так и социальной группы к которой он принадлежит. «Объективно честь есть мнение других о нашей ценности, а субъективно – наша боязнь перед этим мнением» (А. Шопенгауэр) [12, с. 799].

Достоинство с философской точки зрения – это характеристика человека с точки зрения его внутренней ценности, соответствия собственному предназначению. ...Достоинство как моральное понятие («общечеловеческое достоинство» по И. Канту) характеризует индивида как личность: достоинство человека определяется не его происхождением, богатством, образованием или социальным положением, а присущей ему как индивидуальной личности и гражданину свободой. По И. Канту, достоинство, выступающее основанием волнения, противостоит любым иным практическим побуждениям, в частности, своекорыстным. Самоценность достоинства удостоверяется тем, что оно, в отличие от цены, не имеет эквивалента; как «внутренняя ценность» оно имеет отношение не к склонности и потребности, а соответствует вкусу [9, с. 761].

С этимологической точки зрения слово «честь» происходит от той же основы, что и чтить, почитать. Поэтому честь буквально означает «почитание», «почет», «уважение» [16, с. 364]. Достоинство же производно от прилагательного «достойный», т. е. такой, какой следует, каким должен быть» [16, с. 76].

В социологии честь раскрывается как категория объективно-субъективного порядка. Объективную сторону чести составляют те реальные качества личности, через которые проявляются действительные качества человека, субъективную – их оценка, через которую раскрывается ценность человека в общественном мнении или самооценке [13, с. 760]. Русский философ П. Кропоткин трактовал понятие чести в виде синтеза моральных ценностей самой личности, ее духовного богатства и достоинства [13, с. 761].

Достоинство социологами определяется как этическая категория, характеризующая индивида как нравственную личность... Достоинство можно понимать как главное мотивационное основание индивидуального поведения, определяющее характер взаимодействия индивидов друг с другом, с природой и обществом [13, с. 295].

Репутация раскрывается как сформировавшееся общественное мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-либо [14, с. 302]. Аналогичным образом понятие репутации раскрывается в толковом словаре русского языка [2, с. 1118].

В юридической литературе понятие чести, достоинства, репутации раскрывается по-разному. Так, Е. О. Рыбина отмечает, что честь и достоинство в большей степени отражают духовные качества человека, а понятие репутации связывается с представлениями общества о поведении, поступках конкретного индивида, на основании которых делается вывод о его моральных качествах и ценностных установках [11].

Т. Ю. Вавилычева раскрывает достоинство как отраженную в сознании положительную самооценку лица как обладателя определенного набора качеств, принятых в среде его общения, а также как осознание социумом обязанности уважительного отношения к конкретному индивиду, признание его неотъемлемых личных прав. Категории «честь» и «достоинство» вытекают одна из другой, различия в их содержании зависят от степени развития индивида, воспитания, формирования правосознания, выработки определенной жизненной позиции, личностного самоутверждения [3, с. 16, 24]. Понятие репутации, по её мнению, очень

близко к понятию чести, однако не включает апелляции к самой личности и касается лишь ее оценки в общественном сознании или общественном мнении [3, с. 16, 25].

М. М. Королева наиболее обоснованной считает точку зрения, согласно которой под честью понимается положительная оценка человека со стороны общества, под достоинством – самооценка лицом своего положения в обществе и требование уважения к себе как к личности со стороны окружающих. Репутацию человека, по мнению автора, следует трактовать в широком смысле и не отождествлять с понятием деловой репутации [8, с. 14].

Анализируя позиции ученых относительно понятия чести, достоинства и репутации, следует отметить, что каждая из них заслуживает внимания и одобрения. Полагая, что особая природа таких морально-этических категорий создает определенные сложности в четком определении их понятий. Этим обусловлено обращение и заимствование философских, социальных, этических и этимологических начал в процессе формулирования дефиниции чести, достоинства и репутации. На наш взгляд, честь представляет собой особую категорию, отражающую общественную оценку личностных качеств человека с нравственной, моральной, этической и социальной точек зрения. Характеристика личностных качеств человека с позиций его моральной ответственности, честности, порядочности, справедливости, доброты, благородства и т. д. охватывается категорией чести. Некоторые формы общественно-опасных посягательств на честь проявляются в профессиональной среде, например, во время или в связи с исполнением лицом своих профессиональных обязанностей. Однако вряд ли можно говорить о профессиональной чести человека. Честь человека не может зависеть от его профессии, в то время как посягательства на честь человека могут быть обусловлены его профессией. О наличии так называемой профессиональной чести встречаются суждения не только в юридической литературе. Так, некоторые социологи отмечают, что честь как стимул выполнения общественного долга выступает обычно в форме профессиональной чести. ...Сознание профессиональной чести требует от личности добросовестного и ответственного отношения к себе, своим делам и поступкам [13, с. 761].

Ранее нами уже высказывались критические суждения по приведенной выше позиции. Полагая, что речь идет о чести и достоинстве человека, обязанного ответственно и добросовестно относиться к своей профессии. Поэтому речь можно вести о чести профессионального сообщества (профессии), о профессиональ-

ном долге, о долге службы и т. д. В кодексах профессиональной этики используются такие понятия, как честь и достоинство *профессии* (выделена нами – Н. Б. Гулиева) нотариуса [10], честь медицинского сообщества [6], честь и достоинство, присущие *профессии* (выделена нами – Н. Б. Гулиева) адвоката, честь адвоката [5]. Буквальное толкование положений кодексов профессиональной этики подтверждает нашу позицию о чести человека, не привязанной к его профессии. В Кодексе судейской этики указано, что правосудие предполагает соблюдение каждым судьей правил профессиональной этики, честное и добросовестное исполнение своих обязанностей, проявление должной заботы о сохранении как своих *личных* (выделено нами – Н. Б. Гулиева) чести и достоинства, так и достоинства и авторитета судебной власти. Согласно ст. 6 Кодекса судейской этики судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять *личное* (выделено нами – Н. Б. Гулиева) достоинство, дорожить *своей честью* (выделено нами – Н. Б. Гулиева), избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи [7].

Бесспорно честь судьи, равно как и честь адвоката или нотариуса существует, поскольку именно обладатели профессионального статуса – судьи, сотрудники полиции, адвокаты и т. д. являются носителями личностных качеств. Правосудие, адвокатская или нотариальная или иная деятельность осуществляется посредством деятельности – действий конкретных людей, а не сообщества (судейского, адвокатского) в целом.

Аналогичным образом, на наш взгляд, следует раскрывать понятие достоинства. Достоинство человека независимо от его профессионального статуса представляет собой оценку лицом (самооценку) своих личностных качеств с точки зрения морали, нравственности, этики, социальной точки зрения. Самооценка своих профессиональных качеств также охватывается собирательным термином «достоинство» (хотя ранее мы цитировали мнения ученых о тесной взаимосвязи и переплетении понятий чести и достоинства). Репутация также может включать в себя оценку профессиональных качеств человека, мнения, отзывы о его деятельных способностях, квалификации, компетентных достоинствах и недостатках со стороны окружающих. В таком истолковании речь следует вести о деловой репутации. В целом же репутация раскрывается как сложившееся о лице общественное мнение: о его качествах, способностях, заслугах, достоинствах или недостатках, значимости для окружающих, авторитете.

Литература

1. Бублик И. Г. О подходах к определению чести, достоинства и деловой репутации сотрудника органов внутренних дел // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 12-2. С. 79 – 82.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
3. Вавилычева Т. Ю. Современные проблемы защиты чести и достоинства личности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
4. Киселев С. С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: дис. канд. юрид. наук. Омск, 2013.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката, принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (ред. от 22.04.2015) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

6. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации, принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 05.10.2012 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Кодекс судейской этики утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
8. Королева М. М. Преступления против чести и достоинства по уголовному праву Российской Федерации и стран АТР: Японии, Республики Корея и Китайской Народной Республики (сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
9. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2010. Т. 1.
10. Профессиональный кодекс нотариусов Российской Федерации, принят Собранием представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации 18.04.2001 (с изм. от 31.03.2006) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
11. Рыбина Е. О. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и репутации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
12. Современный философский словарь / под общей ред. д-ра филол. наук, проф. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
13. Социологическая энциклопедия: в 2-х т. М.: Мысль, 2003. Т. 2.
14. Социологический энциклопедический словарь. М.: ИНФРА М – НОРМА, 1998.
15. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Изд. 7, перераб. и доп. М. 2001.
16. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994.

Информация об авторе:

Гулиева Натаван Байрам кызы – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, natavan-1212@mail.ru.

Natavan Bairam kuzu Guliyeva – Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 67.404.2

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВ ВЗАИМНОГО СТРАХОВАНИЯ

Е. М. Гунин, Р. Д. Бахышов

ABOUT THE PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS AND ACTIVITIES OF MUTUAL INSURANCE SOCIETIES

E. M. Gunin, R. D. Bahyshov

В статье показаны и проанализированы основные особенности правового статуса и деятельности обществ взаимного страхования как особой разновидности страховщиков. Общество взаимного страхования – это одна из организационно-правовых форм страховой организации (юридического лица), которая осуществляет платное страхование за счет своих собственных средств, страхуя имущественные интересы членов общества.

The paper shows and analyzes the main peculiarities of the legal status and activities of mutual insurance societies as a special variety of insurers. The mutual insurance society is one of the legal forms of insurance companies (legal entities) which provides paid insurance at their own expense, insuring the property interests of the members of the society.

Ключевые слова: страхование, страховой случай, общество взаимного страхования, страховщик, страхователь, некоммерческая организация.

Keywords: insurance, insurable event, mutual insurance society, the insurer, the insured, non-profit organization.

Общество взаимного страхования (далее – ОВС) – это страховая организация, созданная гражданами и юридическими лицами на взаимной основе путем объединения необходимых для этого средств для страхования своего имущества и иных имущественных интересов (п. 1 ст. 968 ГК РФ) [1]. По своей правовой сущности общество взаимного страхования является потребительским кооперативом [1].

Согласно п. 1 ст. 968 ГК РФ, граждане и юридические лица могут страховать свое имущество и иные имущественные интересы, указанные в п. 2 ст. 929 ГК

РФ, на взаимной основе путем объединения в обществах взаимного страхования необходимых для этого средств. Особенности правового положения обществ взаимного страхования и условия их деятельности установлены в ФЗ «О взаимном страховании» от 29.11.2007 г. № 286-ФЗ [3]. Взаимное страхование является специфической некоммерческой формой организации страховых операций, при которой страховой фонд создается страхователями на бесприбыльной основе. Общества взаимного страхования

осуществляют взаимный обмен рисками, при котором не преследуется цель извлечения прибыли.

Правовой статус общества взаимного страхования определяется, с одной стороны, характером его деятельности, а с другой – формой организации осуществляемой страховой деятельности.

Сфера деятельности общества взаимного страхования – страхование имущественных интересов своих членов. Система страхования, построенная на взаимном участии, обеспечивает страхование возможных рисков участников общества.

Общая правоспособность для некоммерческих организаций установлена ст. 50 ГК РФ [1] и уточнена ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ [4].

Несмотря на то, что общество взаимного страхования является некоммерческой организацией, основанной на членстве, на нее не распространяются положения п. 3, 5, 7, 10 и 14 ст. 32 ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ, регламентирующие порядок осуществления контроля за деятельностью некоммерческих организаций [4].

Объектами взаимного страхования являются объекты имущественного страхования, т. е. имущественные интересы членов общества, связанные, в частности, с:

- владением, пользованием и распоряжением имуществом (страхование имущества);
- риском наступления ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, а в случаях, предусмотренных законом, риском ответственности за нарушение договора (страхование гражданской ответственности);
- осуществлением предпринимательской деятельности (страхование предпринимательских рисков).

Деятельность общества взаимного страхования является лицензируемой. Согласно ст. 5 ФЗ «О взаимном страховании» общество имеет право на осуществление взаимного страхования с момента получения лицензии на осуществление взаимного страхования [3].

Следует отметить, что в настоящее время понятие «взаимное страхование», т. е., понятие, основанное на принципе взаимопомощи, без использования услуг профессионального страховщика, имеет место, объединяя лиц, имеющих сходный характер деятельности и связанных корпоративными интересами, прежде всего распространяясь на риски, присущие именно этой сфере деятельности.

Например, в настоящее время в мире существуют клубы взаимного страхования судовладельцев, созданные с целью совместного возмещения убытков, которые не покрываются обычными договорами морского страхования (например, объединения судовладельцев, страхующие на принципах взаимного страхования морские риски [2]. Эти взаимные страховые организации известны как Клубы взаимного страхования (Protection and Indemnity Clubs (P&I Clubs) [2].

Необходимо отметить, что данное «страхование» не является собственно страхованием и существует в дополнение к понятию «страхование» в собственном значении этого слова, поскольку в собственно страховании выступает профессиональная страховая органи-

зация, заключающая с судовладельцами обычные договоры морского страхования, являясь страховщиком. В рамках клуба за счет взносов его членов создается специальный денежный фонд, предназначенный для оплаты претензий к членам клуба и возмещения их иных убытков, вызванных событиями (*в литературе их ошибочно именуют страховыми случаями – прим. автора*), перечень которых предусмотрен уставом данного клуба. Исходя из сказанного, на примере страховых клубов (клубов взаимного страхования) наблюдается некое «самострахование», когда участники сами формируют резервный фонд без передачи рисков страховщику.

От такого «взаимного страхования» и следует различать взаимное страхование, как страхование в рамках общества взаимного страхования, где само общество является специализированной страховой организацией, формирующей находящийся в ее собственности страховой фонд.

Основные особенности и отличия ОВС от иных категорий страховщиков заключаются в следующем:

- во-первых, в рамках ОВС его члены не выступают по отношению друг к другу одновременно и страхователями, и страховщиками, поскольку страховщиком выступает само ОВС. При этом в организационно-правовом плане общество не является совокупностью его членов. Это самостоятельное юридическое лицо, являющееся субъектом права и выступающее персонифицированным носителем страхового обязательства. Страхование в рамках ОВС опосредовано отношением, субъектами которого являются члены общества, выступающие в качестве страхователя, с одной стороны, и само общество, выступающее в качестве страховщика, с другой стороны, т. е. страховым отношением;

– во-вторых, имущество ОВС, включая уставный фонд и фонд страховых резервов, принадлежит не членам общества, которые являются «совладельцами» этого имущества, а самому обществу как юридическому лицу. Отмечаем, что и уставной, и резервный фонды принадлежат ОВС на праве собственности. Такая оценка правового статуса имущества ОВС сохраняется и тогда, когда организационно-правовой формой этого общества является производственный кооператив, т. е., и в этом случае имущество ОВС является тем имуществом, которое принадлежит ему на праве собственности как юридическому лицу, только лишь с той разницей, что оно делится на паи его членов;

– в-третьих, при страховании в рамках ОВС, как и при любом другом страховании, носителем как риска, так и убытка является сам субъект, выступающий в качестве страхователя, с той разницей, что в этом случае он является членом ОВС. Однако страховщиком, т. е. носителем страховой защиты, выступает ОВС, являющееся юридическим лицом. Страховая выплата, за счет которой члену ОВС происходит компенсация убытков, причиненных страховым случаем, производится за счет средств страховщика – ОВС как юридического лица, а не за счет средств других членов ОВС. В связи с этим представляется ошибочной точка зрения, согласно которой члены ОВС несут со-

лидарную ответственность по страховым обязательствам этого общества;

– в-четвертых, членство в ОВС не оформляется каким-либо страховым документом, например, договором страхования или страховым полисом, поскольку страховые отношения, возникающие между ОВС, выступающим в качестве страховщика, его членом, выступающим в качестве страхователя, и отношения членства в обществе – это разные виды общественных отношений. Несмотря на то, что страхование может осуществляться непосредственно на основании членства в ОВС, это не превращает отношения членства в ОВС в страховые отношения.

Отметим, что в отношении ОВС не существует положения осуществлять страхование только своих членов. Если это предусмотрено учредительными документами ОВС, возможно страхование посторонних лиц, не являющихся членами ОВС (страхователей), поэтому оформление договора страхования с таким лицом отнюдь не делает такого страхователя членом ОВС.

Итак, особенности страхования в рамках ОВС заключаются в следующем:

– ОВС создаются в первую очередь для страхового обслуживания своих членов. В этом смысле ОВС является страховой организацией, предназначенной для страхования своих участников, являясь в этом случае, некоммерческой организацией [9]. Не исключено, что ОВС, если это предусмотрено его учредительными документами, может осуществлять страхование не только своих членов, но и других лиц. Однако в этом случае оно должно быть образовано в форме коммерческой организации (а не потребительского кооператива) и действовать по отношению к лицам, не являющимся членами общества, в режиме обычной страховой организации;

– наличие возможного положения, согласно которому ОВС, как некоммерческая организация, страхует лишь своих участников, позволяет говорить о замкнутом характере страхования, осуществляемого в рамках данного общества. В этом случае в качестве страхователей выступают только его участники (члены);

– взаимность страхования в рамках общества заключается в том, что, во-первых, страховой фонд ОВС, который оно должно сформировать, как и любая другая страховая организация, создается путем объединения средств членов (участников) этого общества. Порядок формирования страховых резервов общества определяется его учредительными документами или установленными им правилами страхования, если иное не предусмотрено законом о взаимном страховании [8]. Во-вторых, страховые резервы общества используются на страховые выплаты этим же членам [10].

С учетом сказанного особый интерес представляют учреждение и деятельность Общества взаимного страхования гражданской ответственности застройщиков (далее – ОВС застройщиков), учрежденного в октябре 2013 г. и начавшего свою работу 1 января 2014 г.

В настоящее время общество объединяет 157 застройщиков [9]. Общество образовано крупнейшими

российскими застройщиками и приступило к страховой деятельности в соответствии с новыми требованиями ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» от 30.12. 2004 № 214-ФЗ [7]. В настоящее время общества взаимного страхования осуществляют свою деятельность на основании Правил страхования ОВС застройщиков (утвержденных Внеочередным Общим собранием членов Некоммерческой организации «Общество взаимного страхования гражданской ответственности застройщиков», протокол № 1/13 от 15.11.2013 г.) [9].

Страхование застройщиком своей ответственности не является обязательным (как это de facto предполагалось в первоначальном проекте) и может быть заменено банковской гарантией.

Если же застройщик выбирает именно страховой механизм финансового обеспечения своей ответственности, у него есть и дальнейший выбор – между обращением к «коммерческому» страховщику или вступлением в ОВС застройщиков.

С точки зрения защиты прав дольщиков (напомним, что именно эта цель заявлялась разработчиками анализируемых поправок в законодательство) недостатком является длительная и затратная процедура, предвещающая возникновение у выгодоприобретателя права обратиться за страховой выплатой. Согласно ст. 14 ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» с момента неисполнения застройщиком его обязанности по передаче объекта должно пройти как минимум шесть месяцев [7].

Только после этого может быть обращено взыскание на предмет залога, обеспечивающего исполнение обязательств застройщика. В свою очередь, получение судебного акта об обращении взыскания на предмет залога либо судебного акта о признании застройщика банкротом является необходимым условием для обращения выгодоприобретателя с требованием о выплате страхового возмещения в соответствии с п. 11.2 Правил страхования ОВС застройщиков [9].

Выскажем мнение, что формула, предусмотренная п. 1 ст. 968 ГК РФ, где говорится о страховании имущественных интересов «на взаимной основе путем объединения в обществах взаимного страхования необходимых для этого средств», не раскрывает сущности страхования, осуществляемого в рамках общества взаимного страхования. Вызывает нарекание и название ст. 968 ГК РФ – «Взаимное страхование». Это название дает основание предполагать, что члены общества взаимного страхования действительно страхуют друг друга. Поэтому правильнее было бы назвать эту статью «Общество взаимного страхования» (именно так, кстати, именуется ст. 7 Закона РФ № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации») [6].

Страхование в рамках ОВС осуществляется с участием посредника – самого общества, являющегося юридическим лицом и выступающего в роли страховщика. При этом страховая выплата производится не за счет фонда, созданного, как утверждается, «страхователями путем объединения в обществах взаимного страхования необходимых для этого

средств», а за счет страхового фонда самого общества. Хотя источником формирования этого фонда и выступают взносы членов общества, но этот фонд является собственностью самого общества (и как юридического лица, и как страховой организации), а не общей (коллективной) собственностью членов (участников) данного общества. Производимые членами общества взносы средств, якобы «объединяемых» для целей «взаимного страхования», следует рассматривать в качестве взноса, объединяющего в себе и внесение своей доли в уставный капитал общества (как юридического лица), и плату за страхование в виде страховой премии. За эту плату общество, выступающее в роли страховщика, будет оказывать

страховую защиту своим членам, выступающим в роли страхователя. При этом ОВС может являться членом страховых и перестраховочных пулов [2].

Подводя итог, можно говорить, что общество взаимного страхования – это не способ страхования, где члены общества «взаимно страхуют» друг друга, выступая одновременно в роли страховщика и в роли страхователя, «объединяя» для этой цели свои средства. Общество взаимного страхования – это одна из организационно-правовых форм страховой организации (юридического лица), которая осуществляет платное страхование за счет своих собственных средств.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ, 25.12. 2006 г., № 52 (часть I), ст. 5496.
2. Гунин Е. М. Правовое регулирование деятельности перестраховочных пулов в страховании гражданской ответственности // Социогуманитарный вестник. 2013. № 3(12). С. 64 – 69.
3. О взаимном страховании: Федеральный закон от 29.11.2007 № 286-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 03 декабря 2007. № 49. Ст. 6047.
4. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 15 января 1996. № 3. Ст. 145.
5. О признании утратившими силу некоторых приказов Министерства финансов Российской Федерации: Приказ Министерства финансов РФ от 12.05.2015 № 78н. Зарегистрировано в Минюсте России 26.05.2015 № 37387 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 29 мая 2015.
6. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 29.06.2015) // Российская газета. 12 января 1993. № 6.
7. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12. 2004 № 214-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 3 января 2005. № 1. Ч. I. Ст. 40.
8. Об утверждении Порядка согласования положения о формировании страховых резервов и правил страхования по дополнительным видам страхования: Приказ Министерства финансов РФ от 29.10. 2009 № 109н (ред. от 08.02.2012). Зарегистрировано в Минюсте РФ 28.01.2010 № 16119) // Российская газета. 5 марта 2010. № 46 (утратило силу).
9. Официальный сайт Общества взаимного страхования гражданской ответственности застройщиков. Режим доступа: <http://www.ovsz.ru/>
10. Турбина К. Е., Дадьков В. Н. Взаимное страхование. М.: Анкил, 2007. 344 с.

Информация об авторах:

Гунин Евгений Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права КемГУ, ORF.08@mail.ru.

Evgeniy M. Gunin – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Civil Law, Kemerovo State University.

Бахышов Рауф Джафарович – доцент кафедры организации и экономики предприятий пищевой промышленности Кемеровского технологического института пищевой промышленности (КемТИПП), hsea65@mail.ru.

Rauf D. Bahyshov – Assistant Professor at the Department of Organisation and Economics of Food Enterprises, Kemerovo Institute of Food Science and Technology.

Статья поступила в редколлегию 17.09.2015 г.

**ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
И ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО УБИЙСТВАМ,
ГДЕ ОГОНЬ ВЫСТУПАЕТ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ) СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**
Р. Г. Дранезо, Н. А. Юркевич

**THE PROBLEM OF VERIFICATION ACTIVITIES AND CRIMINAL PROSECUTION FOR MURDER
WHERE THE FIRE ACTS AS A MEANS (METHOD) OF CONCEALING THE CRIME**
R. G. Drapezo, N. A. Yurkevich

Авторы, изучив оперативно-следственную практику по уголовным делам об убийствах, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, пришли к выводу, что следователь и оперативный работник на этапе доследственной проверки всегда сталкиваются с неочевидностью и максимальной неопределенностью. Вычленив особенности доследственной проверки, авторы предлагают обобщенный алгоритм проведения проверочных мероприятий, имеющий рекомендательный характер.

The authors examined the investigative practice in criminal cases of homicide where the fire acts as a means (method) of concealing the crime and came to the conclusion that the investigator and the operative at the stage of pre-investigation checks always face the obviousness and maximum uncertainty. After identifying the features of preliminary investigation, the authors propose a generalized algorithm for verification activities, which has recommendatory character.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, проверочные мероприятия, доследственная проверка, убийства сопряженные с огнем.

Keywords: check the report of a crime, verification activities, preliminary examination, murders involving fire.

В оперативно-следственной практике нередко встречаются ситуации обнаружения обгоревшего трупа со следами насилия – наличием телесных повреждений, указывающих на признаки преступления, либо трупа без видимых телесных повреждений. Как правило, многие происшествия, связанные с огнем и гибелью людей, происходят в условиях неочевидности, отсутствием достаточной свидетельской базы и значительным изменением следовой обстановки. При обнаружении обгоревшего трупа с признаками насилия у большинства следователей не вызывает сомнения факт события убийства, где огонь может выступать в качестве орудия либо средства его сокрытия и другое дело, когда на обгоревшем трупе нет явных признаков насильственной смерти.

Согласно эмпирической базе (материалы 322-х уголовных дел), в 97,9 % случаев имеется необходимость в проведении доследственной проверки. И только по 2,1 % случаев, доследственная проверка не требовалась, так как в материалах оперативно-розыскной деятельности в рамках оперативной разработки, предоставляемые следователю, содержали необходимый объем информации, достаточный для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Во всех случаях оперативная разработка велась в отношении преступных групп, а в документированных материалах содержалась информация о способах их преступной деятельности, составе участников, распределении ролей и т. п.

Как правило, об убийствах, сопряженных с огнем, становится известно из заявлений родственников, знакомых соседей потерпевшего (60,6 % случаев), родственников, знакомых, соседей лица совершившего преступления с его слов (19,5 % случаев), о явке с повинной (13,4 % случаев). Кроме того, в 6,5 % случаев имело место быть сообщение конфиденентов о лицах совершивших преступление. Однако, исходя из эмпирической базы исследования, такие сообщения

документально никак не оформлялись. Это позволяет нам предложить оптимальный способ работы с конфидентами в качестве оперативного источника информации. Тем самым расширяться возможности использования конфидентов при решении задач выявления и предупреждения убийств изучаемой категории.

Сама по себе информация, полученная из оперативных источников, подлежит проверке и оценке до того, как она будет документально отражена. При поступлении конфиденциальной информации о лицах совершивших преступление по убийствам изучаемой категории, оперативная разработка может вестись по трем направлениям:

1) конфидент по заданию оперативного сотрудника сообщает заподозренным в убийстве лицам дезинформацию о том, что правоохрнительным органам известно, кто совершил преступление и побуждает последних к сотрудничеству со следствием в виде оформления явки с повинной. Оперативный сотрудник такой способ выбирает в том случае, если конфидент хорошо знаком с заподозренными лицами и ему не составят сложности войти с ними в контакт;

2) использование оперативным сотрудником гласных либо не гласных методов работы. Оперативник может применить гласный опрос к заподозренным лицам в том случае, если последние не состоят в преступной группе, а имеется только группа лиц. Цель опроса убедить заподозренных лиц к оформлению явки с повинной и сотрудничеству со следствием. Дело в том, что лиц, которые не входят в преступную группу легче убедить в добровольности оформления явки с повинной [7, с. 114]. Кроме того, повышается вероятность привлечения всех участников преступления к ответственности. Приведем следующий пример. В уголовном деле № 902994 [2] один из осведомителей оперуполномоченного РОВД г. Новокузнецк Х. сообщил, что к смерти потерпевшего Г. причастен некто М. В ходе доверительной беседы с

заподозренным М., оперативник узнает, что убийство с последующим сожжением трупа потерпевшего совершено совместно с Т. После беседы оперативного сотрудника с Т., оба заподозренных оформили явку с повинной.

Если заподозренные лица входят в состав преступной группы, орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, может принять решение о плане внедрения. Цель внедрения – создание условий для привлечения к конфиденциальному сотрудничеству лиц, совершивших преступления. Другими словами, сформировать у лиц, вовлеченных в преступную деятельность, убеждения целесообразности явки с повинной и сообщения о сотрудничестве с последующим деятельным раскаянием. Либо после внедрения осуществить вербовку агента внутри преступной среды (формирования) с целью получения информации о причастности тех или иных лиц к убийству. При этом вербовка агентов по делам изучаемой категории, осуществляется на:

- 1) основе совпадения интересов оперативного подразделения и вербуемого агента;
- 2) возмездной основе, то есть конфиденциальное сотрудничество за материальное или иное вознаграждение;
- 3) зависимой основе.

В последнем случае основа вербовки возникает, когда органы оперативно-розыскного подразделения имеют компрометирующие материалы на вербуемого агента, реализация которых может привлечь его к уголовной ответственности или иным способом скомпрометировать его.

Если у органа осуществляющего оперативно-розыскную деятельность есть сведения о риске расконспирации внедряемого агента, оперативные сотрудники могут избрать третье направление оперативной разработки в отношении заподозренных лиц;

4) проведение ОРМ наблюдение и прослушивание телефонных переговоров. Так или иначе, для проведения обозначенных ОРМ, создается благоприятная оперативная обстановка, когда до заподозренных лиц доводится информация, стимулирующая последних к совершению положительных для оперативников действий, а именно к телефонным или иным формам переговоров со своими знакомыми, родственниками, членами преступной группы. Собранные информация о причастности заподозренных лиц к совершенному преступлению, может быть направлена оперативниками на стимуляцию последних к явке с повинной, деятельному раскаянию, заключению досудебного соглашения и т. п.

В любом случае, с учетом комплекса исходной информации при выезде на место происшествия следователи и оперативные работники при проверке сообщения о преступлении, сталкиваются с двумя исходными ситуациями. Так, в 9,3 % случаев, согласно изученной эмпирической базе, возникали исходные ситуации, связанные с обнаружением обгоревшего трупа с явными признаками насильственной смерти (первая ситуация). Вторая ситуация, которая в подавляющих случаях имела место быть (90,7 % случаев), при первичном (визуальном) осмотре обгоревшего трупа характеризовалась отсутствием явных призна-

ков насильственной смерти. При этом первая ситуация может быть представлена двумя подситуациями:

- 1) ситуация, в которой обнаруженный труп со следами насильственной смерти, не характерные для огня;
- 2) ситуация, в которой обнаруженный труп со следами насильственной смерти остающиеся от действия огня.

Дело в том, что по степени и локализации ожогов на теле потерпевшего, несоответствию позы трупа относительного расположению термических ожогов на теле, опалений волос и одежды, наличию ожогов и копоти в полости рта, следам «зажмуривания» врач судмедэксперт, при необходимой квалификации, может высказать версии: подвергался ли последний пыткам открытым пламенем; перемещали ли тело потерпевшего на место сожжения и т. п. [17, с. 263]. В связи с чем рекомендуем во всех случаях при выезде включать опытного врача судебно-медицинского эксперта, с достаточно большим стажем работы и глубоким познанием в области воздействия экстремальных температур на тело человека.

Сказанное не противоречит ряду принятых организационно-распорядительных документов. Так, приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 2 «Об организации расследования тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в условиях неочевидности» на руководителей следственных отделов возложена обязанность лично выезжать на места происшествия и организовывать работу следственно-оперативных групп по осмотру места происшествия, привлекать и организовывать работу врача судмедэксперта, выполнению неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Во исполнение вышеуказанного приказа руководителем следственного управления по Кемеровской области был издан приказ от 02.09.2014 № 69 «Об организации расследования тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в условиях неочевидности».

Кроме того, принят совместный приказ прокуратуры Кемеровской области, ГУ МВД России по Кемеровской области, следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кемеровской области от 11.06.2013 № 32/359/23 «О совершенствовании деятельности при регистрации и рассмотрении сообщений о смерти и об обнаружении трупов». Указанные организационно-распорядительные документы определяют комплекс мер, направленных на обеспечение выезда на место происшествия руководителя следственного отдела, следователя, качественного производства осмотра, установление всех обстоятельств происшествия, привлечения следователей-криминалистов, специалистов-криминалистов, врачей судмедэкспертов и применения научно-технических средств.

Наибольших трудностей вызывает вторая ситуация, когда следователь, оперативные сотрудники при выезде на место обнаружения обгоревшего трупа сталкиваются с высокой неопределенностью, когда необходимо ответить, какое событие произошло: несчастный случай (например, неосторожное обращение с огнем, короткое замыкание и т. п.), убийство, самоубийство, инсценировка самоубийства, несчастного

случая и выдвинуть типовые версии. Огонь уничтожает следы преступления как возле трупа, так и на трупе. Однако уничтожая одни следы, огонь неизбежно оставляет свои специфические следы, прямо или косвенно указывающие на убийство. Например, в уголовном деле № 450155 [2] подозреваемый, с целью хищения чужого имущества незаконно проник в помещение киоска, совершил разбой, завладел денежными средствами и зажигалкой поджег помещение киоска для сокрытия следов разбоя и убийства продавца. На месте происшествия следователем обнаружена неплохо сохранившаяся зажигалка. На зажигалке, под действием высоких температур и золы, произошла естественная фиксация потожирового следа предполагаемого преступника. Феномен естественной фиксации потожирового следа была описана в криминалистической литературе в 60 – 70-х гг. прошлого столетия [10, с. 316].

Важно отметить, что обобщенная эмпирическая база исследования показала высокую степень повторяемости описанных выше двух исходных ситуаций по данной категории дел в практике оперативных подразделений и следственных органов. В связи с чем уместней будет говорить о типичных исходных ситуациях, складывающиеся в первую очередь на этапе проверочных мероприятий при наличии незначительного объема информации. Это, в свою очередь предполагает знание типичной следовой картины, выдвижение типовых версий и типичной программы их разрешения.

В рамках оптимального проведения проверочных мероприятий и дальнейшего законного вынесения того или иного процессуального решения, следовательно, оперативный сотрудник выезжающие на место обнаружения обгоревшего трупа, должны иметь представление о физическом действии огня и о том какие следы он оставляет. Так, исходя из специфики действия огня, мы поделили типичные следы на четыре группы, что более обоснованно позволяет выдвигать типовые версии. Для группы 1 (следы, которые уничтожаются под действием огня) выдвигаются следующие типовые версии:

1) о личности лица совершившего преступление: а) версии о форме вины. Например, если в качестве горючего материала преступник использовал высокотоксичные изделия с целью повышения надежности удушения потерпевшего, выдвигается версия о прямом умысле на совершение убийства. Как показывает наше исследование, при такой ситуации, в подавляющем большинстве случаев преступник и потерпевший были хорошо знакомы друг с другом.

Или, поджог частного дома или квартиры с деревянными панелями в целях убийства, можно рассматривать как умысел преступника на совершение убийства общеопасным способом, при условии, что огонь распространяется на другие жилые помещения и подвергает реальной угрозе живущих в них людей.

Для группы 2 (следы, которые трансформируются под действием огня) выдвигаются следующие типовые версии:

1) установление личности лица совершившего преступление по естественной фиксации потожирового следа, например, на рукояти ножа, зажигалки из пластмассы и т. п.;

2) о событии происшествия: а) разграничение убийства от инсценировки несчастного случая, например, в ситуациях обнаружения на месте происшествия следов от сухой воспламеняющейся смеси (запах, цвет и т. п.).

Для группы 3 (следы от непосредственного воздействия огня) выдвигаются следующие типовые версии:

1) о причинах возгорания: а) неосторожное обращение с огнем; б) техническая причина (замыкание в электропроводке, неисправность в электроприборах и т. п.); в) поджог;

2) о способе попадания потерпевшего в огонь: а) в огонь попал труп потерпевшего; б) потерпевший был еще живой. Установление первой версии может косвенно способствовать выдвижению версии о личности преступника и о его мотиве. Если преступник использует огонь как орудие убийства, то есть воздействует огнем на живого человека, то преступник, как правило, очень хорошо знаком с потерпевшим. Если преступник пытается сжечь уже труп потерпевшего через поджог помещения, где находится труп, то мотивом может быть сокрытие следов более тяжкого преступления. Если воздействию огня подвергается живой человек, то вероятным мотивом оказывается месть, что опять приводит нас к тому, что преступник и потерпевший хорошо знали друг друга.

Для группы 4 (сопутствующие следы) выдвигаются следующие типовые версии:

1) о личности лица совершившего преступление: а) версии о форме вины. Например, если при осмотре будут обнаружены явные следы присутствия «пиромана» (наличие красной материи, следы спермы на ней), то можно говорить о причинении смерти по неосторожности; б) о связи (отношениях) между преступником и потерпевшим. Например, если на месте происшествия будет обнаружена емкость с горючей жидкостью, это указывает, как следует из эмпирической базы исследования, на относительно тесные связи между преступником и потерпевшим;

2) о способе совершения убийства: а) разграничение убийства от инсценировки несчастного случая, например, в ситуациях обнаружения на месте происшествия предметов, имитирующих самовозгорание или в результате оценки следователем, оперативным работником благоприятных условий для самовозгорания каких-либо веществ и материалов.

Также могут быть выдвинуты и частные версии. Например, если при первичном осмотре трупа врач судебно-медицинский эксперт обратит внимание следователя на различную неравномерную выраженность окоченения, в особенности конечностей, то можно выдвинуть ряд последовательных версий: 1) труп потерпевшего подвергался перемещению после гибели в течение 6 – 24-х и более часов [6, с. 79]; 2) преступник возвращался на место преступления [14, с. 29]; 3) возможно между преступником и потерпевшим были тесные отношения (так как преступник имеет цель достоверно убедиться в гибели жертвы, а так поступают преимущественно те преступники, которые имеют тесную связь с жертвой); 4) если предыдущая версия не находит своего подтверждения, то выдвигается альтернативная версия, труп потерпевшего подвергли перемещению в целях сокрытия следов убийства и соответственно потерпевшему причи-

нена смерть в другом месте либо труп пытались сжечь после убийства, что напоминает действие наемных «факелов» [3, с. 105].

Для обоснованного выдвижения версий и вывода о наличии признаков преступления необходимо учитывать совокупность данных, логически связанных между собой (обстоятельств). Оперативно-следственная практика показывает, что чаще всего могут выявляться следующие группы обстоятельств при проверке сообщения об обнаружении обгоревшего трупа:

1) обстоятельства, указывающие на убийство со стороны следов, остающиеся от действия огня:

- наличие двух и более очагов возгорания, их локализация и степень прогорания. Равномерное прогорание очагов пожара косвенно указывает на версию о количестве преступников более одного. Если преступники действуют согласованно, совершаемые ими поджоги будут синхронизированы во времени и значит, прогары в очагах возгорания должны быть равномерными. Если преступник один, то он будет затрачивать время на совершение поджогов в разных местах, значит, прогары окажутся неравномерными;

- запах горючих веществ от пожарища и от трупа. Однако запах может и не остаться в силу прошедшего времени или погодных условий. Тем не менее можно порекомендовать экспресс-тест. Возле предполагаемого очага и под трупом собрать уголья, золу и поместить в теплую воду. На поверхности воды, в случае использования преступником нефтепродуктов, образуются маслянистые пятна, что указывает на версию о поджоге [4, с. 14];

- были подожжены в основном высокотоксичные материалы, в особенности в тех местах, где пламя от огня будет распространяться быстрее и оно не потухнет от недостатка воздуха. Это характеризует преступников как знакомых с механизмом распространения огня и токсичными материалами. Отсюда выдвигаются версии: 1) это неслучайные преступники, заранее готовили преступление, а значит, хорошо знакомы с потерпевшим; 2) причастные к делу лица обладают специальными познаниями в области механизма горения и материаловедения;

- создание условий для быстрого распространения огня и/или дыма (угарного газа) и затрудняющих своевременное обнаружение пожара и борьбу с ним. Поясним это на примере. В уголовном деле № 09490109 [2] в 2009 году в г. Тяжин после пожара в сильно задымленном внутри доме был обнаружен труп пожилого человека (собственника дома). Опрос соседей показал, что потерпевший незадолго до пожара топил печь и жаловался на сильное задымление. При детальном осмотре места происшествия, следователи и оперативные сотрудники обнаружили, что дымоход от печи был закрыт половиком и придавлен кирпичом, в результате чего дым не выходил наружу, а распространялся внутри жилья. Первоначальная версия о неосторожном обращении с огнем была изменена на убийство. Обнаруженное обстоятельство привело к возбуждению уголовного дела по признакам ч. 1 ст. 105 УК РФ;

- травмы от воздействия огня. В зависимости от степени и локализации ожогов на теле потерпевшего, опалений волос и одежды врач судмедэксперт может выдвигать версии о прижизненности ожогов, переме-

щении тела потерпевшего, а также о том, подвергался ли последний пыткам открытым пламенем;

2) обстоятельства, указывающие на убийство со стороны иных материальных следов:

- наличие колюще-режущих, огнестрельных ранений, следы, указывающие на механическую асфиксию (strangуляционная борозда и иные следы на шее и шейных органах, предметы напоминающие удавку и т. п.);

- черепно-мозговая травма, следы биологического происхождения (кровь и т. п.);

- расчлененные части трупа, подвергшиеся обгоранию;

3) обстоятельства, указывающие на несчастный случай/самоубийство:

- установление одного очага возгорания;

- показания соседей, родственников о злоупотреблении потерпевшим спиртными напитками, табачными изделиями;

- проверка возможных сигналов о неоднократных возгораниях в жилище потерпевшего от электроприборов, непотушенной сигареты;

- проверка возможных сигналов о неоднократных сердечных приступах, иных заболеваний, могущих привести к внезапной остановке сердца или потери сознания потерпевшего;

- наличие предсмертной записки;

- наличие емкости с горючей жидкостью, на которой имеются только потожировые следы потерпевшего и, нет следов, указывающих на признаки затирания потожировых следов третьих лиц и нет следов от перчаток из искусственного или натурального материала;

- наличие источника огня (спички, зажигалка, самодельный факел и т. п.) рядом с трупом;

4) обстоятельства, указывающие на инсценировку несчастного случая/самоубийства:

- следы присутствия иных кроме потерпевшего лиц на месте происшествия (следы борьбы с преступником, следы обуви, протекторов и т. п.);

- следы перемещения (волочения) трупа потерпевшего;

- несоответствие позы трупа относительного расположению термических ожогов на теле, трупным пятнам, их цвету и выраженностью оковенения в различных частях тела;

- причиной пожара признается неисправность в электроприборах, перегрев элементов в силу их длительной без контроля работы, однако ощущаются незначительные запахи горючих веществ;

- обнаружение при осмотре предметов/приборов простых и сложных конструкций, которые имитируют самовозгорание, замыкают электропроводку в сети;

- обнаружение в топке печи, материалов, способные быстро загореться (бумага, хворост и т. п.), но которые остались не тронутыми огнем (то есть не подожженными). Дело в том, что преступники в целях имитации неосторожного обращения с огнем, часто закрывали дверцу топки печи, забывая поджечь содержимое;

- относительное расположение одежды на трупе и степень ее оковенности;

- «гусиные лапки» вокруг кожи глаз и рта;

- наличие и содержимое ожоговых пузырей;

- опаление и изменение цвета волос, их порывание.

Также, в затруднительных ситуациях, разоблачить инсценировку несчастного случая и самоубийства, удастся, прибегнув к детальному судебно-медицинскому [8, с. 24] и посмертному судебно-психологическому исследованию потерпевшего [9, с. 15].

В соответствии с приказом Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» в случае поступления заявления или сообщения об обнаружении обгоревшего трупа без признаков насильственной смерти в целях выяснения обстоятельств гибели, сбора необходимых сведений органом дознания согласно ст. 176 и 178 УПК РФ, проводится осмотр места происшествия и трупа и составляется протокол согласно ст. 180 УПК РФ. В соответствии со ст. 178 УПК РФ осмотр трупа производит следователь с участием судебно-медицинского эксперта. В рамках ст. 193 УПК РФ необходимо произвести опознание трупа с целью отождествления личности. Также в рамках ст. 144 УПК РФ следователь или руководитель следственного органа может давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий для установления личности потерпевшего.

Если не получены в результате судебно-медицинского исследования трупа данные о причине смерти потерпевшего, либо данные, указывающие на совершение в отношении потерпевшего преступления, сотрудник оперативного подразделения органа внутренних дел заводит оперативно-поисковое дело в сроки, установленные ведомственными нормативными актами, о чем уведомляет прокурора.

В методических рекомендациях Следственного комитета Российской Федерации [12, с. 14] говорится, что когда сообщение регистрируется как заявление о преступлении, органами дознания МВД России нередко принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления. Оперативно-следственная практика показала, что данный вывод Следственного комитета в полной мере подходит и для случаев обнаружения обгоревшего трупа без следов насилия. Нередко в таких постановлениях не указывается даже событие, какого именно преступления отсутствует. Раскрыть преступление по «горячим следам» при таком подходе весьма затруднительно. А. Л. Протопопов [16, с. 246], Л. Н. Богданова [5, с. 114], а также ряд других авторов [1, с. 10; 13, с. 21] пишут, что событие преступления нередко вообще не устанавливается или делается это формально, поэтому реальные убийства переходят в разряд самоубийств и несчастных случаев.

Приведем пример из следственной практики (№ дела 07180172). 03 декабря 2006 г. в дневное время в доме после тушения пожара были обнаружены трупы трех взрослых людей без признаков насильственной смерти. В акте о пожаре была указана причина неосторожного обращения с огнем. В возбуждении уголовного дела было отказано дважды. Однако после судебно-медицинского вскрытия трупов были обнаружены переломы сводов черепа и теменной кости потерпевших. Уголовное дело возбуждено спустя 3 месяца после совершенного преступления.

В соответствии с ч. 3 ст. 144 УПК РФ руководитель следственного органа вправе продлить срок проверки сообщения о преступлении до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления. К таким обстоятельствам можно отнести:

- ситуации, связанные с обнаружением обгоревших трупов без видимых признаков насильственной смерти, под которыми могут скрываться неочевидные убийства;

- разнообразная следовая картина, остающаяся как от огня, так и от убийства;

- проведение многочисленных судебных экспертиз (судебно-медицинские, судебно-химические, пожарно-технические и т. п.), длительность их проведения;

- проведение поисково-розыскных мероприятий в отношении лица/лиц причастных к убийству, если на это будет достаточно указаний со стороны обнаруженных следов и результатов экспертиз. Также, сложность таких ситуаций, накладывает обязательное проведение ОРМ на этапе проверки сообщения о преступлении, на что также требуется время.

Органу дознания в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ дается письменное поручение о проведении ОРМ с целью установления обстоятельств совершенного преступления и задержания преступника по «горячим следам». Ответ представляется в порядке, предусмотренной Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [15].

Рекомендуем проводить проверочные мероприятия в следующей последовательности. При поступлении сообщения об обнаружении обгоревшего трупа с признаками либо без признаков насильственной смерти, в соответствии с межведомственными приказами регионального уровня (например, совместный приказ прокуратуры Кемеровской области, ГУ МВД России по Кемеровской области, следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кемеровской области от 11.06.2013 № 32/359/23 «О совершенствовании деятельности при регистрации и рассмотрении сообщений о смерти и об обнаружении трупов», а также приказ следственного управления по Кемеровской области от 02.09.2014 № 69 «Об организации расследования тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в условиях неочевидности»), руководителю следственного органа необходимо незамедлительно организовать выезд территориальной следственно-оперативной группы на место происшествия. Руководитель следственного органа обязан лично присутствовать на месте происшествия. Желательно в состав группы включить следователя-криминалиста, оперативных сотрудников и судебно-медицинского эксперта.

По прибытии на место желательно организовать и произвести следующие мероприятия:

- на месте обнаружения трупа оценить в совокупности с изъятыми носителями информации обстановку места происшествия и по мере возможности установить, имевшее быть событие (убийство, самоубийство, несчастный случай, инсценировка несчастного случая/самоубийства, естественная смерть);

– установить и задержать лицо, причастное к совершению преступления с возможным использованием служебно-розыскной собаки;

– при установлении лица, возможно причастное к совершению преступления, провести обследование помещения, где проживает это лицо (дворовые постройки, погреб, жилье), на предмет возможного обнаружения похищенных у потерпевшего предметов, одежды со следами крови, емкости с горючим веществом, а также организация поисковых мероприятий в местах возможного сбыта похищенного имущества;

– обследование близлежащих мест (чердаки, подвалы, наркопритоны, парки, заброшенные шахтные выработки и т. п.) возможного укрытия преступников и следов преступления;

– направить ориентировки в соседние органы внутренних дел о факте убийства и приметах убитого;

– направление запросов в систему оперативного и криминалистического учетов о лицах, которые совершали аналогичные преступления, местах их совершения и возможного пребывания;

– если при осмотре трупа будет обнаружена странгуляционная борозда, ссадины, раны, порезы в области шейных органов (при условии, что они не уничтожены огнем) и/или предметы напоминающие удавку, необходимо проверить по криминалистическим учетам лиц с криминальным опытом, которые недавно освободились из мест лишения свободы и проживающие вблизи территории, где обнаружен труп потерпевшего. Дело в том, что нами обнаружена зависимость между действиями виновных лиц, которые перед сожжением трупа или бесчувственного тела используют удавку как основное орудие убийства, либо механически (ножом, отверткой, «розочкой» из стеклянных бутылок и т. п.) повреждают область горла и шейных органов и прошлой судимостью (за тяжкие и особо тяжкие преступления) последних;

– опрос судебного медика и пожарных работников на предмет подтверждения или опровержения версии об убийстве. У судебных медиков желательно выяснить: вероятную причину смерти, была ли инсценировка несчастного случая, самоубийства, перемещали ли тело, менялась ли поза трупа, исходя из форм и локализации ожогов, могли ли перед смертью пытаться потерпевшего и т. п. Взаимодействие оперативного работника с судебным медиком на предмет получения оперативной медико-криминалистической информации для осуществления поисковых мероприятий и участия в составлении психологического портрета преступников [11];

– выявление очевидцев, располагающих сведениями об обстоятельствах совершенного преступления и о преступнике. Проведение ОРМ отождествления личности с помощью фото- и видеочетов с обязательным привлечением очевидцев (и потерпевших);

– установление личности потерпевшего. Составление и размещение фоторобота разыскиваемого лица, а в случае необходимости и неопознанного трупа потерпевшего (после проведения туалета) в общественных местах и СМИ;

– опрос родственников, знакомых, соседей потерпевшего с выяснением его круга знакомых, порядка их взаимоотношений, обстоятельства последних дней, были ли конфликты, не делился ли потерпевший о

своих неприятных разговорах, угрозах, наличие ранних фактов угроз;

– опрос родственников, знакомых, соседей разыскиваемого лица на предмет совершенного преступления;

– установление последних контактов потерпевшего (в ситуациях установления его личности) в сети «Интернет», и IP-адресов компьютеров, с которых отправлялась электронная почта, был выход в социальные сети и т. п. Желательно вскрыть почтовый ящик потерпевшего, так как в последнем могут находиться угрозы в его адрес;

– опрос провизора аптеки, которая находится неподалеку от места обнаружения трупа. У провизора можно уточнить такие моменты, как: приобретались ли в последнее время сильнодействующие снотворные и психотропные препараты, лекарства с содержанием наркотических веществ, препаратов, которые могут привести к самовозгоранию или поддерживать горение; приобретались ли они известными вам или неизвестными гражданами, сможете ли их опознать на фотографии;

– опрос продавцов точек по отпуску нефтепродуктов, которые находятся неподалеку от места обнаружения трупа. У продавцов можно уточнить: приобретались ли в последнее время известными или неизвестными вам гражданами нефтепродукты в емкостях (канистрах и т. п.), сможете ли их опознать на фотографии;

– опрос риелторов тех риэлтерских контор, в которые обращался потерпевший и/или которые обслуживают территорию, где был обнаружен труп. У риелторов желательно уточнить: ходят ли слухи в их кругах о риелторах, которые занимаются мошенничеством, появлялись ли в их кругах подозрительные риелторы, имеются ли риелторы, которые занимаются исключительно одиночными пенсионерами, асоциальными лицами (алкоголиками, наркоманами и т. п.);

– внеочередные встречи с негласными сотрудниками, определение заданий по добычанию информации о лицах, причастных к преступлению с предоставлением им возможных психофизиологических и физиогномических примет разыскиваемого лица;

– информирование следователя данными по делу, собранными в результате проведенных ОРМ.

Обобщая изложенное исследование, скажем, что:

1) почти в 98 % случаев по делам изучаемой категории имеется необходимость в проведении доследственной проверки;

2) следователь и оперативные работники при проверке сообщений о преступлениях по убийствам, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, практически всегда сталкиваются с максимальной степенью неопределенности, когда не понятно, какое событие имело место быть: несчастный случай, убийство, самоубийство, инсценировка самоубийства, несчастного случая и неочевидностью, когда неизвестно лицо (лица), совершившее убийство;

3) по изучаемой категории уголовных дел, в качестве источника сообщения о преступлении, могут быть конфиденты. Оперативная разработка в отношении заподозренных лиц, при получении информации из подобных источников, может вестись по трем направлениям;

4) при проверке сообщений о преступлении, следователь и оперативные работники сталкиваются с двумя исходными ситуациями: а) обнаруженный на месте происшествия обгоревший труп с явными признаками насильственной смерти; б) обгоревший труп с отсутствием явных признаков насильственной смерти;

5) оперативно-следственная практика показала существование как минимум четырех групп обстоятельств для обоснованного выдвижения версий и выводов о наличии признаков преступления на этапе

проверки сообщения об обнаружении обгоревшего трупа;

6) сформулированы конкретные фактические обстоятельства, позволяющие, на основании ч. 3 ст. 144 УПК РФ, руководителю следственного органа продлить срок проверки сообщения о преступлении по изучаемым категориям уголовных дел до 30 суток;

7) по преступлениям изучаемой категории предложен обобщенный алгоритм проведения проверочных мероприятий, имеющий рекомендательный характер.

Литература

1. Акопов В. И. Криминальная смертность: искажения и ошибки статистики // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 1. С. 10.
2. Архив уголовных дел Кемеровского областного суда за период с 1989 по 2014 год.
3. Ахмедшин Р. Л. Психолого-криминалистическая характеристика социально-дезадаптированной личности преступника: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 105.
4. Безуглов М. В. Расследование поджогов и преступных нарушений правил пожарной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. 18 с.
5. Богданова Л. Н. Выявление латентных убийств в ходе прокурорских проверок // Уголовное право. 2011. № 5. С. 114.
6. Бутовский Д. И. Оптимизация действия врача при осмотре трупа на месте его обнаружения в условиях мегаполиса: дис. ... канд. мед. наук. М., 2014. С. 115.
7. Быхолец Н. И. Явка с повинной и ее реализация в оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 163 с.
8. Драпезо Р. Г. Применение информационных технологий и математики в судебно-медицинской и оперативно-розыскной работе по делам об убийствах, сопряженных с огнем как орудием (способом) сокрытия преступления // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 1. С. 24.
9. Китаев Н. Судебно-психологическая экспертиза при разоблачении инсценировок несчастных случаев и самоубийств // Законность. 1995. № 12. С. 15.
10. Медведев С. И., Сергеев П. Г. О возможности трасологического исследования некоторых объектов, подвергшихся действию высокой температуры // Труды Горьковского государственного медицинского института им. С. М. Кирова. Горький, 1968. Вып. 27. С. 316.
11. Об организации медико-криминалистического обеспечения установления личности неопознанных трупов: приказ МВД РФ от 21 июля 1993 г. № 349 // Бюллетень текущего законодательства / МВД РФ. М., 1993. Вып. 5. Ч. 2.
12. Организация проверки сообщений о преступлении и расследования уголовных дел, связанных с безвестным исчезновением граждан. М., 2014. С. 14.
13. Поздеев А. Р., Жиделев Г. В., Капустина В. Е. Проблемы взаимодействия следователей с судебно-медицинскими экспертами // Проблемы экспертизы в медицине. 2013. № 2. С. 21.
14. Практикум по судебной медицине. Осмотр трупа на месте его обнаружения. Судебно-медицинская экспертиза (исследование) трупа: учебное пособие. М.: Светлица, 2012. С. 29.
15. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».
16. Протопопов А. Л. Расследование серийных убийств. СПб.: Дом СПбГУ, 2006. С. 246.
17. Ципковский В. П. Осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения. Киев, 1960. 320 с.

Информация об авторах:

Драпезо Роман Григорьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, Uri_nit@kemsu.ru.

Roman G. Drapeto – Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Юркевич Николай Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, nak-urkevich@yandex.ru.

Nikolay A. Yurkevich – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 15.09.2015 г.

**ПЕРЕВОД В БОЛЕЕ СТРОГИЕ УСЛОВИЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ПРАВОВОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ ПРИЗНАНИЯ ОСУЖДЕННОГО
ЗЛОСТНЫМ НАРУШИТЕЛЕМ**

Е. А. Каданева

**TRANSFER INTO MORE SEVERE CONDITIONS OF SERVING THE PENALTY
OF DEPRIVATION OF LIBERTY AS A CONSEQUENCE OF LEGAL RECOGNITION
OF THE CONVICT AS A REPEAT INFRINGER**

Е. А. Kadanewa

Предметом исследования являются нормы уголовно-исполнительного права, регламентирующие порядок признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания и содержащие правовые последствия данного юридического факта. В статье рассматриваются проблемные моменты реализации правового последствия признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания в виде перевода осужденного в более строгие условия отбывания наказания. Также автор выявляет соотношение мер взыскания в виде водворения в штрафной изолятор, перевода в помещение камерного типа, одиночную камеру, единое помещение камерного типа и перевода осужденного в строгие условия отбывания наказания. В качестве методологической основы исследования выступает общенаучный (диалектический) метод познания, а также применялись формально-логический, системный, сравнительно-правовой и другие методы научного познания. Научная новизна представленной работы определяется тем, что автор выявляет некоторые проблемы реализации правового последствия признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания в виде перевода в более строгие условия в практической деятельности исправительного учреждения и предлагает пути их решения на законодательном и правоприменительном уровне.

The subject of the study are the norms of penitentiary law governing the recognition of the convict as a repeat infringer of the established service order and the legal consequences of this legal fact. The paper discusses the implementation of the problematic aspects of the legal consequences of recognizing the convict as a repeat infringer of the established service order in the form of the transferring the convict into stricter conditions of service. The author also reveals the correlation of such penalties as placement in a punishment cell, transfer to a cell-type room, separate cell, single cell-type room and the transfer of the convict into strict conditions of serving the punishment. In addition to legal consequences, on the basis of legal practice, the author considers the following consequences: non-use of parole, non-use of amnesty, the ban to perform prison work without supervision etc. The methodology of the research bases on the general scientific (dialectical) method of knowledge and the formal-logical, systematic, comparative legal and other methods of scientific knowledge. Scientific novelty of the work is presented by the fact that the author identifies some problems of implementation of the legal consequences of transferring the convict recognized as a repeat infringer of the established service order to more stringent conditions in the practice of correctional institutions, and suggests ways of solving them at the legislative and enforcement levels.

Ключевые слова: злостный нарушитель, отбывание наказания, лишение свободы, штрафной изолятор, помещение камерного типа, одиночная камера, строгие условия отбывания наказания.

Keywords: repeat infringer, service of punishment, deprivation of liberty, punishment cells, cell-type room, separate cell, strict conditions of serving the punishment.

В соответствии с нормами уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации факт признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка исполнения наказания возможен в двух случаях – совершения им злостного нарушения, указанного в ч. 1 ст. 116 УИК РФ, и назначения ему взыскания в виде водворения в штрафной изолятор (далее – ШИЗО), перевода в помещение камерного типа (далее – ПКТ), одиночную камеру (далее – ОК), единое помещение камерного типа (далее – ЕПКТ) и в случае совершения осужденным в течение одного года повторного нарушения установленного порядка исполнения наказания, если он за каждое из этих нарушений был подвергнут взысканию в виде водворения в ШИЗО (ч. 2 ст. 116 УИК РФ). Основными правовыми последствиями придания осужденному статуса злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания являются наложение дисциплинарного взыскания в виде водворения в ШИЗО, ПКТ,

ОК, ЕПКТ, изменение условий содержания либо изменение вида исправительного учреждения в сторону ухудшения правового статуса осужденного.

При назначении мер взысканий к осужденному во внимание принимается обстоятельства совершения нарушения, характеристика осужденного, его предшествующее поведение, отношение к учебе, труду и т. п., к тому же это условие закреплено законодательно в ч. 1 ст. 117 УИК РФ.

Однако следует согласиться с тем, что если осужденный оказал неповиновение представителям администрации либо совершил иное злостное нарушение и ему за это объявлен выговор, то такое решение, принятое начальником исправительного учреждения, не соответствует принципиальным положениям российского уголовно-исполнительного права.

Не зря в уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации конкретизированы виды злостных нарушений установленного порядка отбывания нака-

зания, поскольку само по себе злостное правонарушение посягает на нормальную деятельность исправительных учреждений, в какой-то степени конкурирует с преступлением. Неадекватное реагирование на подобные нарушения формирует у остальной части осужденных чувство безнаказанности и вседозволенности, а также может свидетельствовать о неспособности администрации исправительных учреждений следовать требованиям уголовно-исполнительного законодательства.

При этом уголовно-исполнительный кодекс РФ четко не ограничивает перечень взысканий, которые возможно применить к осужденному, совершившему злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания и совершившему иной дисциплинарный проступок.

Применение мер дисциплинарной ответственности является карательной мерой при проведении воспитательной работы, которая является одним из основных средств исправления осужденного. Для достижения поставленной перед уголовно-исполнительным законодательством цели необходимо эффективное применение мер взыскания.

Основной задачей применения дисциплинарных взысканий состоит в том, чтобы осужденный осознал вину в совершенном правонарушении. Но осознание собственной вины возникает при назначении справедливого наказания. Правильно подобранный вид дисциплинарного взыскания, соответствующего совершенному дисциплинарному проступку и личности правонарушителя означает справедливое наказание осужденного-нарушителя.

Однако анализ дисциплинарной практики в исправительных учреждениях показывает, что во многих случаях фактические обстоятельства нарушения не устанавливаются (проверка не проводится, либо проводится не в полном объеме).

В связи с чем, если законодатель закрепил перечень правонарушений установленного порядка отбывания наказания являющихся злостными, то представляется логичным закрепление перечня возможных к применению мер взыскания за данные нарушения.

Следует признать целесообразным нормативное закрепление положения, которое устанавливало бы, что за совершение злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденный должен быть либо водворен в ШИЗО, либо переведен в ПКТ, ОК, ЕПКТ, а не привлечен к иному, более мягкому дисциплинарному взысканию.

В то же время это не ущемит прав осужденных и не ухудшит их положение, поскольку за иное нарушение установленного порядка исполнения наказания возможно водворение в ШИЗО.

Исходя из вышеизложенного, следует, что при совершении любого правонарушения, начальник исправительного учреждения имеет право выбора дисциплинарного взыскания. Однако при совершении осужденным злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания и назначения ему одного из таких видов взысканий, как водворение в ШИЗО, ПКТ, ОК, ЕПКТ у администрации исправительного учреждения нет альтернативы по изменению условий содержания осужденного в сторону ухудшения его правового положения.

При признании нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденным к лишению свободы злостным, согласно ч. 1 ст. 116 УИК РФ, учитывается общественная опасность совершенного деяния. При определении осужденного злостным нарушителем отбывания наказания, согласно ч. 2 и ч. 3 ст. 116 УИК РФ, учитывается также вид дисциплинарного взыскания, назначенного осужденному, совершившему злостное нарушение. При соблюдении данных законодательных условий, осужденный автоматически переводится в более строгие условия отбывания наказания в виде лишения свободы (ч. 3 и 4 ст. 120, ч. 3 и 4 ст. 122 УИК РФ).

Таким образом, перемещение в более строгие условия при совершении злостного нарушения установленного порядка исполнения наказания не позволяет дифференцировать ответственность правонарушителя в зависимости от характеристики осужденного, от его предыдущего поведения, наличия дисциплинарных взысканий и поощрений и от его правового положения при содержании на определенном виде условий исполнения наказания.

Проводя аналогию с российским уголовным правом, общие начала назначения наказания за совершенное преступление заключаются не только в учете степени и характера общественной опасности совершенного деяния, но и личности виновного, влиянии назначенного наказания на его исправление.

При вышеуказанных обстоятельствах нарушение постулатов прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы видится в том, что изменение условий отбывания наказания в сторону ухудшения правового положения осужденного не зависит от личности правонарушителя.

В предоставлении осужденному возможности заслужить примерным поведением и добросовестным отношением к труду право на улучшение условий есть сущность современной прогрессивной системы отбывания и исполнения наказания в виде лишения свободы [1, с. 52].

В связи с этим целесообразнее было бы закрепить в нормах российского уголовно-исполнительного закона перевод в более строгие условия отбывания наказания в случае признания осужденного злостным нарушителем не в качестве обязанности администрации исправительных учреждений, а в качестве права с обязательным учетом личности осужденного-правонарушителя и влиянии данных мер на процесс его исправления.

При этом нельзя не отметить, что по действующему российскому уголовно-исполнительному законодательству один юридический факт в виде совершения осужденным деяния, признаваемого злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания, согласно ч. 1 ст. 116 УИК РФ, фактически влечет два правовых последствия – назначение дисциплинарного взыскания в виде водворения в штрафной изолятор, перевод в помещение камерного типа, одиночную камеру, единое помещение камерного типа и перевод осужденного на более строгие условия отбывания наказания, а именно с обычных условий – в строгие (ч. 3 ст. 120, ч. 3 ст. 122 УИК РФ), с облегченных – в обычные или строгие (ч. 4 ст. 120, ч. 4 ст. 122 УИК РФ).

При этом в срок нахождения осужденного в строгих условиях время отбывания дисциплинарного взыскания в ШИЗО, ПКТ, ОК, ЕПКТ не засчитывается.

Данные обстоятельства фактически означают двойную ответственность за одно и то же противоправное деяние, что нарушает общетеоретический постулат принципа справедливости, заключающийся в запрете нести ответственность дважды за одно и то же правонарушение.

В этой связи положительным следует рассматривать зарубежный опыт. В ст. 112 УИК Белоруссии и в ч. 3 ст. 101 УИК Украины признание осужденного злостным нарушителем режимных требований может повлечь за собой или применение дисциплинарного взыскания или изменение условий отбывания наказания такого осужденного. По уголовно-исполнительному кодексу РФ возможно их одновременное применение, что недопустимо.

Выход из сложившейся ситуации представляется в двух возможных вариантах. Первое предложение заключается в признании перевода в более строгие условия содержания осужденного, признанного злостным нарушителем условий отбывания наказания, одной из мер дисциплинарного взыскания, наряду с водворением в ШИЗО, ПКТ, ОК, ЕПКТ. Противником данного положения является Ю. М. Ткачевский: «Водворение в помещения камерного типа, одиночные камеры и единые помещения камерного типа не является элементом прогрессивной системы. Порядок применения этих мер дисциплинарного воздействия иной, нежели порядок применения элементов прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний. В связи с тем, что перевод осужденного за злостное нарушение режима на более строгие условия исполнения наказания не является дисциплинарным взысканием» [3, с. 45].

Второй вариант решения вышеуказанной проблемы В. А. Уткин видит в том, что содержание осужденных к лишению свободы в помещениях камерного типа и единых помещениях камерного типа необходимо сделать условиями содержания с определенными правоограничениями и тем самым, возможно, приблизить «тюремные начала» в современной уголовно-исполнительной системе [4, с. 20]. Данное предложение представляется целесообразным, поскольку позволит альтернативно за злостное нарушение установленного порядка исполнения наказания назначать либо помещение в ШИЗО, ПКТ, ОК, ЕПКТ, либо перевод в более строгие условия содержания, что позволит исключить двойную ответственность.

Однако в отличие от дисциплинарных взысканий, назначаемых нарушителям режима на определенный срок (кроме выговора и дисциплинарного штрафа), изменение условий отбывания наказания осужденных бессрочно. Последующие изменения условий содержания осужденных в местах лишения свободы в сторону улучшения или ухудшения их правового положения предопределяются вне зависимости от каких-либо заранее определенных сроков, а только их положительным или отрицательным поведением [3, с. 58].

Прямая зависимость правового положения осужденного на определенных условиях отбывания наказания от поведения самого осужденного, а не от назначенных сроков соответствует постулатам прогрес-

сивной системы исполнения наказания. В связи с чем, рассматривая содержание осужденных к лишению свободы в штрафных изоляторах, единых помещениях камерного типа, помещениях камерного типа и одиночных камерах в качестве условий содержания осужденного, а не дисциплинарных взысканий, целесообразно не назначать данные меры на определенный срок, а учитывать личность осужденного, степень его исправления и осознания собственной вины, а также его поведения после совершения правонарушения.

Таким образом, рассмотрение содержания осужденных к наказанию в виде лишения свободы в ШИЗО, ПКТ, ОК, ЕПКТ в качестве условий отбывания наказания позволит в расширенной форме реализовывать положения прогрессивной системы исполнения уголовного наказания.

При рассмотрении содержания в ШИЗО, ПКТ, ОК, ЕПКТ в качестве условий содержания осужденных необходимо выявить, в чем отличия между этими мерами, а также соотнести данные меры со строгими условиями содержания осужденных.

Из анализа ст. 118 УИК РФ следует, что условия содержания осужденного в ПКТ, ОК, ЕПКТ не имеют различий, данные меры отличаются друг от друга лишь сроками нахождения в них осужденных: в исправительных колониях общего и строгого режимов перевод осужденных в ПКТ, в исправительных колониях особого режима – в одиночные камеры на срок до шести месяцев (п. «г» ч. 1 ст. 115 УИК РФ), осужденных женщин – до трех месяцев (п. «е» ч. 1 ст. 115 УИК РФ), в единые помещения камерного типа на срок до одного года (п. «д» ч. 1 ст. 115 УИК РФ). Условия содержания в штрафном изоляторе строже, однако не имеют принципиальных различий с условиями содержания в помещениях камерного типа, одиночных камерах и единых помещениях камерного типа, основным различием также является срок нахождения в нем – до 15 суток (п. «в» ч. 1 ст. 115 УИК РФ).

Определение срока содержания осужденного при отбывании данных мер не является сущностным основанием для их разграничения. Вследствие этого предлагается объединить данные меры, рассматривая их в качестве условий отбывания наказания и установить минимальный срок нахождения в них, а для последующего изменения этих условий учитывать исключительно поведение самого осужденного.

Если сравнивать меры в виде водворения в ШИЗО, перевод в ПКТ, ЕПКТ, ОК и строгие условия отбывания наказания, которые различаются в зависимости от вида исправительного учреждения, то в большей части они схожи, различия в количестве посылок, передач, бандеролей, свиданий и продолжительности прогулки незначительны. В исправительных колониях общего и строгого режима, находясь в строгих условиях содержания, осужденные содержатся в запираемых помещениях, в колониях особого режима – в помещениях камерного типа.

Из доклада о результатах и основных направлениях деятельности на 2015 – 2017 гг. Федеральной службы исполнения наказания: «С целью дифференциации условий содержания осужденных повысилась эффективность работы по изоляции злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания от всех остальных осужденных, из 25,2 тыс. осужденных,

признанных злостными нарушителями, изолированно содержалось 94,2 %. В 45 территориальных органах злостные нарушители на 100 % изолированы» [2].

Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о том, что такие меры взысканий, как водворение в ШИЗО, перевод в ПКТ, ЕПКТ, ОК постепенно теряют свою исключительность и актуальность применения. Их слияние со строгими условиями содержания осу-

жденных позволят исключить двойную ответственность осужденных, признанных злостными нарушителями исполнения наказания, и в полной мере реализовывать положения прогрессивной системы исполнения наказания, основным из которых является возможность изменения условий в зависимости от поведения самого осужденного.

Литература

1. Горбань Д. В. Изменение условий отбывания наказания в идее лишения свободы (прогрессивная система) в годы Великой отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2015. № 2. С. 52 – 56.
2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015 – 2017 годы Федеральной службы исполнения наказаний // Федеральная служба исполнения наказаний. Режим доступа: <http://fsin.su/structure/-inspector/iao/Doklad/> (дата обращения: 10.09.2015).
3. Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М: МГУ им. Ломоносова, 1993. 70 с.
4. Уткин В. А. Роль «тюремных начал» в современной пенитенциарной системе России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 3. С. 19 – 25.

Информация об авторе:

Кадашева Елена Александровна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, капитан внутренней службы, kadaneva_elena@mail.ru.

Elena A. Kadaneva – Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Penitentiary Law and Criminology, Kuzbass Institute of the Russian Federal Penal Service, Captain of Internal Service.

Статья поступила в редколлегию 16.09.2015 г.

УДК 340.134

ФОРМЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е. Л. Комиссарова

THE FORMS OF CITIZENS' PARTICIPATION IN THE LAW-MAKING IN MODERN RUSSIA

E. L. Komissarova

В данной статье рассматриваются институты прямой демократии: референдум, народные (общественные) обсуждения, народные (гражданские) правотворческие инициативы как формы непосредственного участия граждан в процессе создания законов и иных нормативных правовых актов. Целью работы является раскрытие характерных особенностей указанных форм, анализ проблем их правового регулирования и практической реализации на федеральном, региональном и местном уровнях правотворчества современной России.

The paper addresses the institutions of direct democracy: referendum, national and public discussions, civil and public initiatives in the law-making as the forms of direct participation of citizens in the process of creating laws and other regulatory legal acts. The aim of the research is revealing the characteristics of these forms, analysis of problems of legal regulation and practical implementation at the Federal, regional and local levels of law-making in modern Russia.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, уровни правотворчества, формы участия граждан в правотворчестве, прямая демократия, референдум, народное обсуждение, общественное обсуждение, гражданская правотворческая инициатива, народная законодательная инициатива.

Keywords: law-making activities, levels of law-making, forms of citizens' participation in law-making, direct democracy, referendum, national discussion, public discussion, civil initiative in law-making, people's legislative initiative.

Принцип демократизма, наряду с другими основополагающими началами правотворчества, предполагает выявление и выражение в нормах права воли и интересов народа, определяет степень участия граждан и их объединений в процессе создания актов правотворчества.

Соответственно, в современном демократическом государстве, наряду с государственным правотворчеством, безусловно являющимся основным видом и способом формирования правовых норм, достаточно важ-

ное место отводится правотворческой деятельности самого общества – народа как первоисточника власти. Организующими началами этого вида правотворчества выступают: самостоятельность субъектов непосредственного правотворчества; прямое участие граждан в разработке, обсуждении, принятии правовых актов (в зависимости от формы участия); коллективность и гласность осуществляемой деятельности [4, с. 85].

Участие граждан в правотворческом процессе может проходить в различных формах, отражающих ос-

новые начала народовластия. Непосредственное правотворчество народа, прежде всего, выражается в форме референдума, являющегося императивной формой прямого волеизъявления граждан. В качестве консультативных и регулятивных форм участия граждан в правотворчестве выступают народное (общественное) обсуждение и народная (гражданская) правотворческая инициатива. Рассмотрим каждую из названных форм.

Согласно части 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации, референдум наряду со свободными выборами является высшим непосредственным выражением власти народа [3]. Данный институт народовластия представляет собой одновременно и форму выражения общественного мнения, и способ принятия важных нормативных правовых актов и социально значимых решений.

Правовые основы и порядок реализации гражданами Российской Федерации конституционного права на участие в референдуме регулируются, помимо норм Конституции РФ, Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации», Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», другими федеральными законами, а также основными и специальными законами субъектов Российской Федерации о порядке проведения региональных и местных референдумов, уставами и иными правовыми актами муниципальных образований.

Референдум характеризуется следующими особенностями: проводится по инициативе групп граждан государства, субъекта федерации, населения муниципалитета (определенной численности, установленной законодательством); в нем участвуют избиратели, чья совокупная воля является прямым и единственным правообразующим источником закона, другого нормативного правового акта или иного решения; итоги референдума являются окончательными, не подлежат какому-либо утверждению и, как правило, обладают наивысшей юридической силой; подготовка и проведение референдума возлагаются на государственные и муниципальные органы, комиссии референдума [6, с. 264]; принятое на референдуме решение (в т. ч. нормативный правовой акт, если он является предметом референдума) вступает в силу со дня официального опубликования результатов референдума; данное решение является общеобязательным, действует на всей территории референдума и может быть отменено или изменено не иначе как путем принятия решения на новом референдуме, если в самом решении не указан иной порядок отмены или изменения такого решения [13].

Как самостоятельный вид правотворческого процесса референдум предполагает основные стадии, включающие подготовку текста проекта закона или иного нормативного правового акта инициативной группой граждан; сбор определенного числа подписей в поддержку правотворческой инициативы; проверку соблюдения установленных процедур и принятие решения о проведении референдума; непосредственное рассмотрение и принятие гражданами нормативного правового акта в форме голосования, по результатам

которого обретает юридическую силу и вступает в действие иницилируемый акт.

Российским законодательством в зависимости от уровня правотворчества предусмотрено проведение референдума Российской Федерации (общегосударственный уровень), референдума субъекта Российской Федерации (региональный уровень) и местного референдума (муниципальный уровень) по инициативе граждан РФ определенной численности.

Инициатива проведения референдума на общегосударственном уровне принадлежит не менее чем двум миллионам граждан Российской Федерации, имеющих право на участие в референдуме (п. 1 ч. 1 ст. 14 ФКЗ «О референдуме Российской Федерации») [13].

Для проведения референдума субъекта РФ необходима поддержка граждан, число которых устанавливается законом субъекта РФ и не может превышать 2 % от числа участников референдума, зарегистрированных на территории проведения референдума (п. 1 ст. 37 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации») [14]. В большинстве субъектов Российской Федерации установлена предельная граница в 2 % от числа участников референдума, зарегистрированных на территории соответствующего субъекта (например, в г. Москва, Краснодарском крае, Томской, Тюменской, Кемеровской областях и др.). В отдельных субъектах указанная граница снижена. Например, в Новосибирской области, Красноярском крае количество подписей, которое необходимо собрать в поддержку инициативы проведения референдума, составляет 1 % от числа участников, зарегистрированных на территории данных субъектов.

В соответствии с ч. 4 ст. 22 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» инициатива проведения местного референдума принадлежит гражданам, число которых не может превышать 5 % от числа участников референдума, зарегистрированных на территории муниципального образования [15].

Анализ регионального законодательства о местном самоуправлении показывает, что в большинстве субъектов РФ количество подписей в поддержку проведения местного референдума определяется на уровне 5 % от количества участников референдума, зарегистрированных на территории муниципального образования (например, г. Москва, Приморский край, Новосибирская, Омская, Свердловская, Кемеровская области и др.). В отдельных регионах установлен меньший показатель. В частности, в Пермском крае – 4 %, в г. Санкт-Петербург – 2 %, в Красноярском крае – 1 % [5, с. 97 – 99].

Таким образом, законодательное закрепление процедуры проведения референдума как формы прямого волеизъявления граждан Российской Федерации по наиболее важным вопросам государственного и местного значения дает возможность населению принимать активное участие в создании законов и иных нормативных правовых актов. Однако, как показывает общероссийская практика, такая форма принятия правотворческого решения используется достаточно редко. Это связано, прежде всего, с особенностями юридической природы и механизмом реализации данного института народовластия. Хотя сама по себе процедура

референдума демократична, но не позволяет гражданам выразить свое отношение к каждому положению закона. Участник референдума может проголосовать только «за» или против» предложенного текста, тем самым определив свое отношение к нормативному акту в целом, а не к отдельным его частям и положениям, с которыми в одном случае он может быть согласен, а в другом – нет. Также не надо забывать, что проведение референдума требует достаточных финансовых затрат из государственного, регионального либо местного бюджетов, что может являться сдерживающим фактором в организации такого массового мероприятия.

На референдум могут выноситься основные законы (конституции общегосударственная либо субъектов федерации), может быть нормативно предусмотрена процедура внесения конституционных (уставных) изменений и дополнений путем референдума либо пересмотр и принятие новой конституции, проект которой выносится на референдум (всенародное голосование). В современной России на общегосударственном уровне в порядке всенародного голосования был принят только один нормативный правовой акт – Конституция РФ 12 декабря 1993 г. В отдельных субъектах (республиках) Российской Федерации на референдумах были одобрены Конституции Республики Ингушетии (27.02.1994 г.), Республики Тыва (06.05.2001 г.), Чеченской Республики (23.03.2003 г.). На региональном уровне проводились референдумы по принятию иных нормативных актов. Так, на референдум в Чечне были вынесены, помимо проекта республиканской Конституции, также проекты законов «О выборах Президента Чеченской Республики» и «О выборах в Парламент Чеченской Республики». До внесения изменения в федеральное законодательство об общих принципах организации местного самоуправления в РФ уставы муниципальных образований также принимались на местном референдуме. В современных условиях действующим законодательством РФ предусмотрена процедура принятия уставов муниципальных образований представительными органами местного самоуправления, однако не исключающая использования, как и ранее, процедуры прямого народного голосования. Во всех перечисленных выше примерах инициатива проведения референдума исходила не от граждан, а от различных властных структур.

Следующей формой народовластия, влияющей на процесс правотворчества, является народное (общественное) обсуждение проектов наиболее важных законов, иных нормативных актов общегосударственного либо регионального значения, а также общественное обсуждение населением муниципальных образований проектов правовых актов органов местного самоуправления.

Данной форме непосредственной демократии присущи следующие особенности: выступает способом непосредственного участия граждан в осуществлении государственной власти и местного самоуправления [2, с. 553]; выявляет общественное мнение и позволяет наилучшим образом учесть волю народа в нормативном регулировании наиболее важных сторон общественной жизни; является формой контроля народа за разработкой проектов законов, иных нормативных актов и организацией такой деятельности [1, с. 15]; выражает определенную степень власти и коллеги-

альности при принятии решений; проводится по инициативе заинтересованных государственных и муниципальных органов, в т. ч. и граждан определенной численности, установленной нормативно; осуществляется с помощью различных методов и приемов, включая использование средств массовой информации, проведение публичных слушаний, социологических опросов, общественных экспертиз т. д.

В отличие от референдума, выступающего императивной формой непосредственной демократии, народное (общественное) обсуждение является консультативной формой, носящей рекомендательный характер для субъектов, принимающих окончательное решение. Данная форма применяется чаще всего на подготовительном этапе правотворческого процесса, предшествующем принятию закона или иного нормативного правового акта. Не исключено также проведение обсуждений для внесения изменений либо отмены уже действующего нормативного акта.

Также можно отметить значение применения народных (общественных) обсуждений в комплексе с референдумами, проводимыми по одному и тому же вопросу, например, по проектам наиболее важных законов. В этом случае такая форма обсуждения, предшествующая референдуму, позволяет учесть выдвигаемые гражданами замечания и предложения, направленные на совершенствование рассматриваемого законопроекта. На этом этапе законодательный орган, опубликовавший проект закона, консультируется с народом, проверяя общественным обсуждением содержание этого акта [8, с. 128].

Практика проведения всенародных и народных обсуждений существовала в советский период нашего государства и давала свои положительные результаты. На широкое обсуждение народа выносилось значительное количество проектов законов общегосударственного и республиканского значения. Данный правовой институт имел конституционное и законодательное закрепление в специальных актах о всенародном и народном обсуждении важных вопросов государственной жизни. Однако к 1990 г. всенародные обсуждения стали носить все более формальный характер, а затем и вовсе прекратили свое существование.

Сегодня можно говорить о возрождении этой формы народовластия уже в обновленном качестве. Современные условия развития общества диктуют новые формы и методы проведения народных (общественных) обсуждений по проектам социально значимых законов и иных нормативных правовых актов страны, в т. ч. с использованием информационно-телекоммуникационных технологий организации опроса и учета общественного мнения. Свидетельством тому являются проведенные в 2010 – 2011 гг. на специальном интернет-сайте www.zakonoproekt2010.ru обсуждения проектов Федеральных законов «О полиции» и «Об образовании в Российской Федерации», вызвавшие широкий резонанс в обществе. За отведенный для обсуждения указанных законопроектов период от граждан поступило несколько десятков тысяч замечаний, предложений и комментариев, часть из которых была учтена законодателем при подготовке окончательного варианта законов [7].

Особенностью этих обсуждений явилось отсутствие специальной нормативной регламентации, уста-

навливающей процедуру проведения такого рода обсуждений в сети «Интернет», а также отсутствие возможности ознакомления с текстом законопроектов и внесения предложений и замечаний для большинства населения страны, помимо пользователей Интернета [19, с. 49]. Данное обстоятельство не позволило придать данным обсуждениям статуса всенародных обсуждений, характерных для советского периода.

Действующей Конституцией Российской Федерации 1993 г. институт народных обсуждений прямо не предусмотрен, можно говорить только об опосредованном правовом регулировании данной формы через анализ конституционных положений, закрепляющих народный суверенитет и право народа осуществлять свою власть непосредственно (ч. 1 ст. 3). Специального федерального закона, определяющего порядок проведения народных обсуждений, на общегосударственном уровне нет. Хотя возможность принятия решения о всенародном обсуждении законопроектов, принятых в первом чтении, предусмотрена Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания РФ (п. 6 ст. 119), при этом конкретные процедуры его проведения этим актом не установлены. С 2012 г. Совет Федерации ФС по итогам рассмотрения законодательной инициативы на своем заседании также может принять решение о ее вынесении на общественное обсуждение с размещением на официальном сайте палаты в сети «Интернет» (ст. 143.1 Регламента СФ ФС РФ введена Постановлением от 27.06.2012 № 194-СФ). Поэтому одной из актуальных задач в урегулировании данной формы народовластия является устранение в федеральном законодательстве существующего пробела и принятие соответствующего закона. На сегодняшний день на законодательном уровне можно говорить лишь об основах общественного обсуждения, заложенных ст. 18, 24 Федерального закона 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [18], требующих дальнейшего развития. Принятию этого закона предшествовала целая серия президентских и правительственных актов, направленных на привлечение общественности к процессу обсуждения нормативных решений.

Учитывая положительный опыт прошедших в сети «Интернет» законопроектных обсуждений, в целях совершенствования законотворческой деятельности и обеспечения учета общественного мнения при подготовке законов, Президентом РФ был издан Указ от 9.02.2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» [10]. Заинтересованность государственной власти в привлечении граждан к общественной экспертизе социально значимых проектов путем вынесения их на публичное обсуждение нашла развитие в последующих президентских указах и правительственных постановлениях, например, Указе Президента от 7.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», Постановлении Правительства РФ от 25.08.2012 № 851 (ред. от 28.10.2014) «Об утверждении Правил раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» [11] и др. Согласно данным актам, федеральные органы исполнительной власти обя-

заны размещать с 15.04.2013 г. на официальном сайте regulation.gov.ru информацию о подготовке проектов нормативных правовых актов, сроках и результатах их общественного обсуждения.

Определенное нормативное регулирование институт общественных обсуждений получил на региональном и местном уровне. В ряде субъектов РФ возможность проведения народных (общественных) обсуждений определена региональными конституциями, уставами и более конкретно установлена специальными законами. Например, порядок вынесения на общественное обсуждение проектов, затрагивающих основные направления социально-экономического развития того или иного региона, регулируется законами: «Об общественном обсуждении проектов законов Республики Башкортостан», «Об общественном обсуждении проектов нормативных правовых актов Архангельской области», «О народном обсуждении нормативных правовых актов Калужской области и важных вопросов государственной и общественной жизни Калужской области» и иными региональными актами. На муниципальном уровне уставами и правовыми актами представительных органов местного самоуправления предусмотрено проведение общественных обсуждений населением проектов правовых актов и вопросов местного значения, которые нередко проходят в форме публичных слушаний и собраний граждан.

Третьей формой непосредственного участия граждан в правотворчестве, отражающей волю и интересы населения (социальных групп), является народная законодательная (или гражданская правотворческая) инициатива, под которой понимается право установленного законом определенного числа граждан вносить законопроекты либо проекты иных нормативных правовых актов в органы государственной или муниципальной власти.

Народные (гражданские) инициативы оказывают воздействие на правотворческие решения различных органов власти. Данная форма относится, по мнению В. В. Комаровой, к регулятивным формам народовластия, поскольку выполняет функцию «участия народа в системе социального управления, сконструированного на принципах представительного правления и народного суверенитета» [2, с. 20, 23].

Снова Конституция РФ 1993 г. на общегосударственном уровне прямо не предусматривает участие граждан в правотворчестве в порядке народной правотворческой инициативы. Ст. 33 Конституции лишь закрепляет право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, предполагающее возможность внесения гражданами различных предложений, петиций (коллективных обращений), в том числе и нормотворческого характера в органы власти, однако не являющихся императивными формами народовластия, как референдум или выборы, и следовательно, не вызывающих прямой обязанности государственного или муниципального органа в строго установленном порядке учитывать их в своей правотворческой деятельности.

Данный институт не нашел должного закрепления и в иных федеральных законах, регламентирующих вопросы проведения референдума, порядка рассмотрения обращений граждан, положения которых только косвенно предполагают реализацию права народной

(гражданской) правотворческой инициативы. Так, Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» предусматривает такую форму обращения граждан, как предложение, представляющее собой, в частности, рекомендацию гражданина по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов [16].

В федеральном законодательстве можно говорить лишь о закреплении права реализации правотворческой инициативы граждан на региональном (субъектов РФ) и местном (муниципальном) уровнях. Согласно п. 1 ст. 6 ФЗ от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», право законодательной инициативы в представительном органе государственной власти субъекта РФ, наряду с обязательным перечнем основных субъектов, может принадлежать также гражданам, проживающим на территории данного субъекта РФ, в соответствии с их конституцией (уставом) [17]. Следовательно, такое право дается федеральным законодателем на усмотрение конкретного субъекта Федерации.

В настоящее время институт народной (гражданской) законодательной инициативы (инициативы внесения законопроекта либо законодательного предложения в представительный законодательный орган) предусмотрен конституциями (уставами) около тридцати субъектов РФ. Основными законами этих регионов данное право может быть реализовано гражданами, собравшими в поддержку инициативы необходимое количество подписей. Например, Конституцией Республики Хакасия (ст. 86) право законодательной инициативы в Верховном Совете республики принадлежит гражданам при наличии не менее пяти процентов подписей граждан, обладающих избирательным правом. В Республике Тыва законодательная инициатива может быть заявлена группой численностью не менее одной тысячи человек (ст. 108 Конституции). Уставом Красноярского края закреплено осуществление краевой народной инициативы путем внесения проектов правовых актов в органы законодательной и исполнительной власти, получивших поддержку не менее 5 тысяч граждан. Право народной (гражданской) законодательной инициативы предусмотрено уставами Астраханской области (не менее одной тысячи граждан, обладающих избирательным правом), Брянской области (не менее трех тысяч граждан), Свердловской области (не менее десяти тысяч проживающих в области граждан), Ханты-Мансийского автономного округа (не менее двадцати тысяч граждан), Краснодарского края (не менее ста тысяч избирателей края). Уставами Томской области, Алтайского края предусматривается не менее 1 % числа граждан, обладающих избирательным правом и т. д.

В ряде субъектов РФ (более пятнадцати) приняты специальные законы, регламентирующие общий порядок и механизм осуществления народной (гражданской) правотворческой инициативы. Например, законы: Иркутской области «О народной правотворческой инициативе», Красноярского края «О краевой народной инициативе», Республики Башкортостан «О гражданской законодательной инициативе в Республике Башкортостан», Томской области «О гражданской законодательной инициативе в Томской области», Ниже-

городской области «О законодательной инициативе граждан в Законодательном Собрании Нижегородской области» и др.

Данными законами предусмотрены следующие основные стадии реализации правотворческой (в основном, законодательной) инициативы граждан: 1) решение о выдвижении инициативы и разработка текста проекта закона (иного нормативного правового акта); 2) сбор подписей в поддержку инициативы; 3) внесение законопроекта (проекта нормативного правового акта) в законодательный орган (главе, высший исполнительный орган) соответствующего субъекта РФ; 4) проверка, регистрация, принятие решения о рассмотрении инициатируемого нормативного акта; 5) рассмотрение проекта закона (нормативного правового акта) соответствующим органом государственной власти субъекта РФ.

На уровне местного самоуправления правотворческая инициатива населения муниципальных образований предусмотрена статьей 26 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», закрепляющей право группы граждан выступать с правотворческой инициативой в порядке, установленном нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования. Минимальная численность такой инициативной группы не должна превышать 3 процента от числа жителей муниципального образования, обладающих избирательным правом. Законом также установлена обязанность органа или должностного лица местного самоуправления рассмотреть проект муниципального правового акта, внесенного в порядке реализации правотворческой инициативы в течение трех месяцев со дня его внесения [15]. Данное положение служит основой для реализации данного права гражданами большинства муниципальных образований, нормативно утвердивших порядок осуществления правотворческой инициативы граждан в соответствующем муниципальном образовании.

Анализируя законодательство субъектов Российской Федерации, следует отметить, что рассматриваемый институт народной демократии еще не нашел широкого применения. Даже там, где он предусмотрен основным законом субъекта Федерации, по существу он только декларируется, а в действительности практически не осуществляется. Также не многочисленны примеры реализации правотворческой инициативы граждан на местном уровне. Данный факт объясняется не столько правотворческой пассивностью населения либо нежеланием органов публичной власти прислушиваться к мнению общества, сколько отсутствием должной регламентации, в первую очередь федеральным законодательством данного института.

Определенные меры в решении данной проблемы в последнее время предпринимаются. Примером тому является создание в интернет-сети сайта «Российская общественная инициатива» [9] с целью размещения гражданами различных общественных инициатив – предложений по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления, в т. ч. имеющих правотворческий характер. В соответствии с Указом Президента от 04.03.2013 г., поддержанной гражданами считается та инициатива, которая в течение года после ее

размещения на интернет-ресурсе получила не менее 100 тысяч голосов – в поддержку инициативы федерального уровня, не менее 5 % голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта РФ, – в поддержку инициативы регионального уровня, не менее 5 процентов голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования, – в поддержку инициативы муниципального уровня [12]. Тем не менее на сегодняшний день требуется более детальная проработка вопроса о необходимости законодательного закрепления института правотворческой инициативы граждан.

Таким образом, рассмотрев основные формы непосредственного участия граждан в правотворческом процессе, можно констатировать, что данные институты народовластия не получили широкого практического применения в современном правотворческом про-

цессе России. Одной из возможных причин, по нашему мнению, является их недостаточная нормативная регламентация российским законодательством в первую очередь на федеральном уровне. Соответственно, для развития и дальнейшего совершенствования указанных форм требуется принятие ряда федеральных законов, а также иных актов, устанавливающих четкий механизм реализации конституционного права граждан на непосредственное участие в процессе создания правовых норм, выражающих их волю, интересы и потребности.

Необходимость существования и развития форм прямого участия граждан в правотворчестве очевидна, поскольку способствует повышению правовой активности населения, росту уровня правосознания и правовой культуры граждан в целом, ведет к установлению необходимого диалога между властью и обществом, являющегося основой формирования правового демократического государства.

Литература

1. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: Научно-практическое пособие / отв. ред. Р. Ф. Васильев. М.: Юриспруденция, 2000. 320 с.
2. Комарова В. В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры). М.: Формула права, 2006. 560 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (в ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
4. Мурашин А. Г. Прямое правотворчество. Особенности принятия актов прямого народовластия // Государство и право. 2001. № 2. С. 85 – 93.
5. Нестеренко И. А. Правотворчество в Российской Федерации: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 271 с.
6. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3-х т., изд. 2-е, перераб. и доп. / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2001. Т. 2. 528 с.
7. Общественное обсуждение законопроектов. Режим доступа: <http://zakonoproekt2012.ru/>
8. Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. 145 с.
9. Российская общественная инициатива. Режим доступа: <https://www.roi.ru/>
10. СЗ РФ. 14 февраля 2011. № 7. Ст. 939.
11. СЗ РФ. 7 мая 2012. № 19. Ст. 2338; СЗ РФ. 3 сентября 2012. № 36. Ст. 4902.
12. Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направляемых гражданами РФ с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (ред. от 23.06.2014) // СЗ РФ. 11 марта 2013. № 10. Ст. 1019.
13. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (ред. от 06.04.2015) // СЗ РФ. 5 июля 2004. № 27. Ст. 2710.
14. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 06.04.2015) // СЗ РФ. 17 июня 2002. № 24. Ст. 2253.
15. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 06.04.2015) // СЗ РФ. 6 октября 2003. № 40. Ст. 3822.
16. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 24.11.2014) // Росс. газ. 5 мая 2006. № 95.
17. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. от 06.04.2015) // СЗ РФ. 18 октября 1999. № 42. Ст. 5005.
18. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации Режим размещения: <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения: 22.07.2014).
19. Хохлова Е. А. Общественное обсуждение законопроектов и важных вопросов государственной и/или общественной жизни: конституционно-правовое регулирование и практика применения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 47 – 59.

Информация об авторе:

Комиссарова Елена Леонидовна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права КемГУ, komissarova_elena@mail.ru.

Elena L. Komissarova – Senior Lecturer at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ГОРОДАХ

Н. Л. Лисина

CURRENT STATUS AND PROBLEMS OF THE URBAN ENVIRONMENT

N. L. Lisina

В статье проведен анализ состояния окружающей среды в городах, выявлены их главные экологические проблемы, требующие решения. Автор приходит к выводу о том, что состояние окружающей среды в городах продолжает оставаться неудовлетворительным; отсутствует государственная политика экологического развития городов, базовые функции государственного управления не приспособлены к обеспечению качества окружающей среды городов. Автор считает, что необходимы неукоснительное соблюдение экологических требований в градостроительстве, специальная нормативная проработка мер охраны окружающей среды в городах, учитывающих специфику населенных пунктов и городской среды и спектр негативных воздействий.

The paper analyzes the state of the environment in urban areas and identifies their main environmental problems to be solved. The author concludes that the state of the environment in urban areas continues to be unsatisfactory; there is no state policy of environmental development of cities, the basic functions of government are not designed to ensure the quality of the urban environment. The author believes that there is a need for strict compliance with environmental requirements in urban planning, a special study of the regulatory measures for the protection of the urban environment, taking into account the specifics of settlements and the urban environment and a range of negative impacts.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, городская среда, государственная экологическая политика, качество городской среды.

Keywords: environment, urban environment, state environmental policy, quality of the urban environment.

Город является сложным явлением окружающей нас действительности, представляет собой не только место проживания населения, но и место скопления созданных человеком объектов социально-культурного, бытового, производственного и т. п. назначения, обслуживающих интересы населения в различных сферах, существующих во взаимодействии с компонентами природной среды. Именно поэтому качество окружающей среды городов определяется различными факторами, обусловленными как воздействием человека, так и естественными процессами, которые за последние годы подвержены значительным негативным изменениям, трансформациям, обострениям.

Территориальное расползание мест расселения людей, процессы урбанизации, происходящие за последние годы в нашей стране, не приводят к гармоничным отношениям населения и окружающей их природной среды. Загрязнение атмосферного воздуха, почв, водных объектов и других компонентов природной среды, отделение населения от естественной природы, возрастающая численность населения является следствием роста городов и, по мнению некоторых ученых, недостатками больших городов [13].

По данным ООН, численность мирового населения в 2014 г. достигла 7,2 млрд чел. и возрастет на более чем 2 млрд чел. к 2050 г. В предстоящие десятилетия существенно увеличится численность населения Африки и Азии. Более половины населения Земли проживает в городах, растет количество городских агломераций. По прогнозам ООН, численность городских жителей будет ежедневно увеличиваться в среднем на 200 тыс. человек, к середине XXI в. каждый седьмой из десяти человек будет проживать в городских районах [17].

Уровень и характер взаимодействия населения со средой его обитания отражают экологическую ситуацию в городах, показатели состояния компонентов природной среды. Стремительный рост городов осложняет экологически безопасное существование населения и природных составляющих городской среды, взаимодействие жителей со средой их обитания. Так, только по официальным данным в 2013 г. объем выбросов загрязняющих веществ от стационарных и автомобильных источников на человека в год составил 222 тонны. В 57 % городов Российской Федерации степень загрязнения атмосферного воздуха характеризуется как очень высокая и высокая и только в 22 % – низкая. 52 % городского населения страны проживает в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения, в 81 % городов (где проживает 66,6 млн чел.) средняя концентрация одного или нескольких загрязняющих веществ превышает предельно допустимые концентрации [5]. Причем эти показатели являются относительно стабильными за последние годы, что свидетельствует об устойчивом неблагоприятном состоянии окружающей среды многих городов нашей страны. В то же время отмечается ряд факторов, оказывающих позитивное влияние на качество атмосферного воздуха, к примеру, рост доли использования воздушного, железнодорожного и трубопроводного транспорта.

Актуальной остается проблема качества поверхностных вод. Отсутствие необходимых очистных сооружений на многих предприятиях, сброс неочищенных ливневых стоков с территорий крупных городов, накопление загрязняющих веществ в донных отложениях и т. п. – все это явления, характеризующие продолжающуюся антропогенную нагрузку на водные

объекты и недостаточность принимаемых мер на восстановление качества состояния поверхностных водных объектов. Антропогенные факторы особенно ощутимо сказываются на экологическом состоянии малых рек: Кольского полуострова, в бассейнах Оби и Енисея, экологическое состояние которых крайне неудовлетворительно; большинство из них характеризуются как «грязные», «очень грязные», отдельные как «экстремально грязные» [5]. Отсюда и качество питьевой воды для населения по большинству показателей (санитарно-химическим, микробиологическим и др.) можно оценить как негативное. В 2013 г. доброкачественной питьевой водой было обеспечено 62,1 % населения Российской Федерации.

Не менее значимой проблемой в настоящее время остается деградация естественного ландшафта, загрязнение почв из-за размещения транспортных сетей городов, промышленных объектов, полигонов размещения отходов, отвода земель под застройку различных объектов. По данным Росреестра, изъятие земель из продуктивного оборота по всем категориям землеотвода составило в 2013 г. 401405,0 тыс. га, что на 42,9 тыс. га больше, чем было в 2012 г. [5].

По показателям загрязнения почв твердыми металлами к опасной категории относится 2,6% обследованных в период за 2004 – 2013 гг. населенных пунктов, к умеренно опасной – 7,7 %. Сложная ситуация обстоит с загрязнениями почв нефтепродуктами, бенз(а)пиреном, нитратами и сульфатами.

Под воздействием хозяйственной и иной деятельности в городах неизбежно меняется природный ландшафт, деградирует, загрязняется, а это требует принятия восстановительных природоохранных мер. Одной из причин экологического неблагополучия городской среды является отсутствие ландшафтной политики, объектом правового регулирования должны выступать как природные ландшафты, не подвергшиеся антропогенному воздействию, так и природно-антропогенные ландшафты. В условиях активного формирования и роста городских агломераций учет разных ландшафтов необходим [3], поскольку их разрушение приводит в конечном итоге к ухудшению условий жизни городского населения.

Важным инструментом в деле охраны природных и природно-антропогенных ландшафтов должно послужить ландшафтное планирование [6]. Кроме того, актуальной является проблема охраны зеленых насаждений в городах, являющихся составной частью ландшафта города, всегда играющих исторически важную роль в жизни городов, так как именно они обслуживают различные потребности населения городов (коммунально-бытовые, рекреационные, средозащитные, санитарные, урбанистические и т. д.).

Одной из острых проблем городской среды является шумовое воздействие. Причем шумовое воздействие в городах имеет характер комплексного воздействия на объекты (природные, природно-антропогенные, население), поскольку источниками такого воздействия являются любые достижения научно-технического прогресса (автомобильный, рельсовый, воздушный транспорт, хозяйственная, строительная и производственная деятельность людей и т. п.) и все

могут воздействовать одновременно. При этом воспроизведение шума из каждого источника может осуществляться в пределах установленных нормативов, а в своей совокупности шумовое воздействие может оказывать негативное воздействие на состояние здоровья человека (вызвать раздражение, агрессию, повышение артериального давления, потерю слуха) и компоненты окружающей среды (например, объекты животного мира при громком звуке теряют ориентацию в пространстве, сами издают громкие звуки). Этим осложняется решение проблемы шумового воздействия на городскую среду и здоровье человека. Для обеспечения так называемого «акустического» благополучия в городах проводится ряд мер, и технических (технологических), и градостроительных, и санитарно-эпидемиологических. Но это задача еще и организационно-правовая – определение проблемы шумового воздействия в качестве одной из приоритетных в рамках реализации государственной экологической политики городов, что особенно актуально в условиях существующих намерений государства по созданию мегаполисов.

Следует отметить, что почти для 73 % населения Российской Федерации показатели загрязнения атмосферного воздуха, воды, почвы, продуктов питания являются определяющими факторами их среды обитания, оказывающими воздействие на здоровье человека. Поэтому напряженная ситуация с состоянием указанных компонентов природной среды крайне негативно отражается на состоянии здоровья человека. На протяжении последних десятилетий ученые медицинских и биологических наук активно и открыто исследуют причины возникновения и распространения экологически обусловленных заболеваний. Установлено, что заболеваемость населения в крупных городах до 40 % связана с загрязнением окружающей среды. Только 15 % горожан живут на территориях без превышения тех или иных нормативов [4]. Так, по данным Роспотребнадзора, наиболее напряженная ситуация складывается в субъектах Российской Федерации, расположенных в Сибирском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах, где на уровне загрязнения атмосферного воздуха оказывают влияние природно-климатические факторы, препятствующие рассеиванию техногенных выбросов. В наибольшей степени негативному воздействию атмосферных загрязнений подвержено население, проживающее в зонах влияния стационарных выбросов промышленных предприятий и вблизи автомагистралей. Кроме того, более 30 административных территорий 13 субъектов Российской Федерации относятся к территориям с высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха, где превышение предельно допустимых концентраций вредных веществ составляет 5 и более раз [9]. Практически более 10 % территории Российской Федерации заслуживает статуса экологически неблагоприятных зон [1].

Спецификой загрязнения определяются демографические потери. С загрязнением атмосферного воздуха связаны онкологические заболевания и болезни органов дыхания. Действительно, смертность населения от новообразований ассоциирована с загрязнени-

ем атмосферного воздуха бенз(а)пиреном, формальдегидом и рядом тяжёлых металлов (прежде всего кадмия, свинца и его неорганических соединений) в 25 субъектах Российской Федерации, а заболеваемость всего населения болезнями органов дыхания ассоциирована с загрязнением атмосферного воздуха в 27 субъектах Российской Федерации [9].

Загрязнение питьевой воды и наличие в ней хрома, мышьяка, бора, молибдена, марганца, железа, стронция, нитритов, нитратов, хлороформа может вызвать развитие неблагоприятных эффектов со стороны желудочно-кишечного тракта, почек, сердечно-сосудистой, гормональной, иммунной систем, центральной и периферической нервных систем.

Состояние почв в селитебных зонах продолжает оставаться на неблагоприятном уровне. Установлено, что микробное и паразитарное загрязнение почв селитебных территорий может формировать дополнительные случаи заболеваний некоторыми инфекционными и паразитарными болезнями. В среднем по Российской Федерации доля ассоциированных с загрязнением почвы заболеваний населения некоторыми инфекционными и паразитарными заболеваниями составляет порядка 998,0 случаев на 100 тыс. детского населения или около 11,5 % болезней по указанным причинам [9].

Таким образом, мы наблюдаем выраженную взаимосвязь состояния окружающей среды и здоровья населения городов. То, что десятилетиями озвучивалось медиками, сегодня подтверждается органами государственной власти. Однако придание огласке показателей негативного воздействия факторов окружающей среды на здоровье человека явно недостаточно. Необходимо принимать меры, направленные на сбалансированную охрану природных объектов и природных ресурсов в городах, так как именно их благоприятное состояние является определяющим фактором воздействия на здоровье человека наряду с другими (факторами образа жизни, социальные и т. п.). Ключевая роль, безусловно, всегда отводилась и должна отводиться праву, как регулятору общественных отношений, т. к. оно является наиболее эффективным инструментом управления поведением людей, имеет способность адаптировать экологические требования и выражать их в виде общеобязательных правил поведения [7]. Однако за последние годы, государство, признавая важность охраны окружающей среды и обеспечения благоприятной среды обитания человека, строит правовое регулирование в обозначенной сфере строит неоднозначно, с дефектами, рассчитывая на идеальные общественные экологические отношения, неукоснительное соблюдение экологических требований в градостроительстве, делая акцент на социально-экономическое планирование и прогнозирование, без учета экологических и градообразующих факторов в полной мере.

В Российской Федерации на уровень государственного управления перешло возрастающее значение крупных городов, являющихся центрами социально-экономического развития, притягивающие прилегающие поселения, образующие вместе единую систему с социальными, культурными, экономическими,

рекреационными и т. п. связями. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г., разработанный Минэкономразвития России [14], признает, что базовой тенденцией пространственного развития России является, наряду с прочими социально-экономическими факторами, формирование 20 агломераций с численностью населения более 1 млн человек. Данные агломерации, по мнению Минэкономразвития России, будут способны выполнять специализированные интернациональные функции в мировом разделении труда, стать локомотивами роста, развивая новые инновационные кластеры. Однако возникает вопрос, какое значение для сохранения и поддержания качества окружающей среды, в том числе среды обитания человека, имеет подобное укрупнение городов, ставятся ли государством такие задачи или преследуются только экономические и социальные цели? Какое воздействие состояние окружающей среды мегаполисов окажет на здоровье человека? Ведь решение одновременно и социально-экономических, и экологических вопросов крайне сложно, занимает уже не один десяток лет и это несмотря на то, что «экономические, и экологические интересы едины по своей социальной направленности, поскольку они призваны обеспечить качество жизни человека, такого рода противоречия возникают в силу постоянного воздействия на природную среду вследствие ее потребления и использования. Подобное воздействие вносит отрицательные элементы в содержание экологической функции, выполняемой природой, путем ее загрязнения, истощения, разрушения» [11], «удовлетворение экономических интересов, связанное с использованием и потреблением природных ресурсов для производства материальных благ, неизбежно вносит негативные изменения в естественную среду, которые отражаются на качестве выполнения природой ее биологической функции» [12].

В современных условиях государство «формально» (т. е. его воля выражена в нормативных документах) ориентировано на решение социально-экономических задач, обеспечивающих сохранение благоприятной окружающей среды. Об этом свидетельствуют принятые за последние годы в нашей стране программные документы. В частности, Экологическая доктрина Российской Федерации [15], Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. [10], предусматривают озабоченность государства сложившейся неблагоприятной экологической ситуацией и ставящие стратегической целью государственной политики в области экологического развития решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности [10]. Для достижения указанной цели государство традиционно

ставит определенные задачи и предусматривает определенные механизмы реализации государственной политики в области экологического развития (нормативно-правовые, организационные, экономические, природоохранные, информационно-аналитические, идеологические), определяет направления государственной политики в обозначенной сфере, начиная от формирования эффективной системы государственного управления в области и охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности и заканчивая формированием экологической культуры, развитие экологического воспитания и образования. Прогнозируется, что переход на рельсы «зеленого роста» будет достигнут за счет реализации комплекса законодательных и институциональных мер, обеспечивающих рост энергоэффективности и развития возобновляемых источников энергии, внедрения мер экономического стимулирования сокращения выбросов, сбросов, образования и утилизации отходов [14].

Отметим, что для нашего государства подобные мероприятия не являются новыми (исключением можно считать лишь «зеленые» стандарты). За последние 15 лет была «осуществлена экологизация отдельных сфер хозяйственной деятельности, созданы организационные и правовые предпосылки для перехода к устойчивому развитию» [2], но применительно к охране окружающей среды в городах многие вопросы являются спорными, нерешенными, требующими специальной нормативной правовой проработки. Сложность правового регулирования в этой сфере заключается в том, что право, с одной стороны, должно повернуть сложившуюся модель поведения участников экологических отношений в благоприятное для населения городов русло, а, с другой стороны, решить социально-экономические задачи, обозначенные в прогнозных документах. Тогда, возможно, как указывается в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации, к 2030 г. количество городов с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха сократится со 126 в 2013 г. до 50 к 2020 г. и до 34 городов к 2030 г.

Необходима взвешенная единая политика государства, направленная на планирование, предупреждение, поддержание и восстановление качества окружающей среды в городах. Обеспечение качества окружающей среды в городах должно стать одним из основополагающих направлений в решении вопросов качества жизни человека. Последнее, как известно, по словам Президента Российской Федерации В. В. Путина, является одним из приоритетов науки в Российской Федерации [8], а, следовательно, должно стать приоритетным в развитии научно-обоснованной государственной экологической политики и экологического законодательства.

Стратегические мероприятия в деле охраны окружающей городской среды строятся без учета «специальных» инструментов, появившихся в законодательстве за последние годы, которые направлены, в том числе на охрану окружающей городской среды (например, в их числе территориальное планирование и градостроительное зонирование). На федеральном уровне в настоящее время отсутствует должное пра-

вовое обеспечение государственной экологической политики городов, учитывающие типологию населенных пунктов, специфику городской среды, спектр негативного воздействия и проч.

Безусловно, для обеспечения благоприятной среды в городах особое значение имеют: экологическое нормирование, экологическая экспертиза, государственный экологический надзор и экологический контроль, которые должны занять достойное место среди мероприятий по охране и улучшения состояния окружающей среды в городах. Однако решение актуальных вопросов для городов должно решаться и с учетом (даже «посредством») современных способов воздействия на общественные отношения на основании уровня «загрязненности» городов. Ведь на протяжении нескольких лет мы наблюдаем попытку дифференцирования городов, в том числе с учетом их экологической составляющей (так называемый «экологический рейтинг» городов, ежегодно составляемый под эгидой Минприроды России). За 2013 г. была собрана информация о состоянии городов 87 субъектов Российской Федерации и по словам заместителя Министра природных ресурсов Р. Гизатулина «почти во всех городах сложилась достаточно благополучная ситуация с состоянием атмосферного воздуха и водопользованием, а также с транспортом, использованием городских территорий и энергопотреблением» [16]. Однако главная проблема этой, казалось бы, полезной для управленческой деятельности «инициативы» кроется в полноте и достоверности переданной и полученной информации. Отсюда – искажение данных о состоянии окружающей среды и ее компонентов и иных условий жизнедеятельности человека (известно, что для рейтинга информация собирается по семи ключевым категориям: воздушная среда, водопотребление и качество воды, обращение с отходами, использование территорий, транспорт, энергопотребление, управление воздействием на окружающую среду).

Скажем, а может быть на федеральном уровне все не должны заботиться о специфике городов, их классифицировать и типизировать? Возможно, но тогда ситуация не изменится – на федеральном уровне так и будут определяться общие существующие проблемы, предлагаться общие пути выхода из экологического кризиса без их дифференциации по сферам хозяйственной и иной деятельности, по степени их аккумуляции в пределах определенной территории (например, в пределах городской территории), а рейтинг составляться для самих же городов.

Таким образом, состояние окружающей среды городов продолжает оставаться крайне нежелательным для природной среды и населения. Важно помнить, что степень активности урбанизации, освоенности территории, вмешательства человека в естественные природные процессы являются главными факторами, определяющими качество окружающей среды, и, наоборот, состояние здоровья населения является отражением экологической ситуации городской среды. Главными экологическими проблемами городов, требующих своего решения, остаются: загрязнение атмосферного воздуха, вод, почв, шумовое воздействие,

сокращение площадей «зеленых» массивов городов и на прилегающих территориях; отсутствие государственной политики экологического развития городов; ориентация на укрупнение городов посредством создания мегаполисов является серьезным «давлением» на окружающую среду и человека (следовательно, укрупнение городов в социально-экономическом аспекте должно осуществляться одновременно с реше-

нием вопросов обеспечения качества окружающей городской среды, в т.ч. природной среды и среды обитания человека); неприспособленность (неадаптированность) базовых (основных) функций государственного управления к обеспечению качества окружающей среды городов; отсутствие четкой «экологизации» таких сфер управления, как территориальное планирование и градостроительное зонирование.

Литература

1. Боголюбов С. А. Экологизация отраслей российского законодательства // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 149.
2. Вершило Н. Д. Охрана окружающей среды, устойчивое развитие: проблемы и пути решения // Материалы круглого стола «Правовое обеспечение экологической безопасности в субъектах Российской Федерации». М.: Юрлитинформ, 2010. С. 75.
3. Выпханова Г. В. Ландшафтное развитие городских и других территорий: информационно-правовые проблемы // Аграрное и земельное право. 2008. № 6. С. 105.
4. Гичев Ю. П. Здоровье человека и окружающая среда: SOS! М.: Реклайн, 2007. С. 18.
5. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2013 году» Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.ecogosdoklad.ru/default.aspx> (дата обращения: 16.07.2015).
6. Евдокимова Т. В. Правовая охрана эстетических свойств ландшафтов: монография / отв. ред. М. М. Бринчук. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 104.
7. Колбасов О. С. Концепция экологического права // Право окружающей среды в СССР и Великобритании. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1988. С. 3.
8. «Новые вызовы и приоритеты развития науки и технологий в Российской Федерации». Заседание Совета при Президенте России по науке и образованию 24 июня 2015 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/councils/49755> (дата обращения: 30.07.2015).
9. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2013 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2014. С. 10.
10. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Президентом Российской Федерации 30.04.2012 // СПС «Консультант Плюс».
11. Петров В. В. Концепция взаимодействия общества и природы – научная основа экологического права // Методологические проблемы правоведа. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. С. 133.
12. Петров В. В. Научно-технический прогресс, природа и право. В кн.: Научно-технический прогресс и правовая охрана природы / под ред. В. В. Петрова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15.
13. Перцик Е. Н. Города мира. География мировой урбанизации. М.: Международные отношения, 1999. С. 23.
14. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России). Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 16.07.2015).
15. Экологическая доктрина Российской Федерации, одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.08.2002 № 1225-р // СЗ РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.
16. Экологический рейтинг городов Российской Федерации / Официальный сайт Минприроды России / Главная / Новости. Режим доступа: http://mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=136716&sphrase_id=620525 (дата обращения: 16.07.2015).
17. State of world's cities 2012/2013. Prosperity of Cities. United Nations Human Settlements Programme, 2012. P. 25.

Информация об авторе:

Лисина Наталья Леонидовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса КемГУ, lisina_nl@mail.ru

Natalia L. Lisina – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Labour and Environmental Law and Civil Process, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

КРИМИНАЛЬНЫЕ БАНКРОТСТВА: ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА

Е. Н. Разыграева

CRIMINAL BANKRUPTCY: ISSUES SUBJECT MATTER DETERMINATION

E. N. Razygraeva

Настоящая статья посвящена вопросам определения субъектного состава криминальных банкротств, то есть преступлений, предусмотренных статьями 195, 196 и 197 УК РФ. Исследование проведено на основании результатов расследования уголовных дел следователями следственных органов по Кемеровской области в период с 1997 г. по настоящее время. Цель настоящего исследования – выработать основные критерии определения субъектного состава криминальных банкротств для совершенствования борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере применения института несостоятельности (банкротства). Методы исследования: исторический, формально-логический, методы статистического анализа и изучения документов. Настоящее исследование может быть использовано в правоприменительной и научной деятельности, в учебном процессе. По результатам исследования автор формулирует критерии разграничения криминальных банкротств.

The paper is devoted to the issues of determining the subject matter of criminal bankruptcies, i.e. the crimes stipulated in Articles 195, 196 and 197 of the Criminal Code. The study was conducted based on the results of criminal investigations by investigative bodies in Kemerovo region in the period from 1997 up to the present. The purpose of this research was to develop basic criteria for determining the subject composition of criminal bankruptcy to improve the struggle against crime committed in the scope of the institution of insolvency (bankruptcy). The author used historical, and formal logic research methods and the methods of statistical analysis and study of documents. The present study can be used in law enforcement and scientific activities in the learning process. According to the study the author formulates the criteria for distinguishing criminal bankruptcy.

Ключевые слова: субъекты правонарушений при банкротстве, преднамеренного банкротства, фиктивного банкротства.

Keywords: subjects of misconduct in bankruptcy, deliberate bankruptcy, fictitious bankruptcy.

С переходом России на рыночную экономику в стране появились новые общественные отношения в сфере экономической деятельности, в том числе и в области применения института несостоятельности (банкротства). Механизмы финансового оздоровления и банкротства неплатежеспособных предприятий играют важную роль в экономических отношениях хозяйствующих субъектов, так как позволяют восстанавливать те предприятия, которые могут производить конкурентоспособную продукцию и приносить прибыль, а также выводить с рынка ряд нежизнеспособных организаций, которые ставят под угрозу интересы своих деловых партнеров и порождают лавину неплатежей в масштабах всей страны. Основным нормативным правовым актом, регламентирующим процедуру признания должника несостоятельным (банкротом), является Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5] (далее – Закон о несостоятельности 2002 г.), принятый взамен ранее действовавшего одноименного Закона от 8 января 1998 г. Принятие уже третьего, начиная с 1992 г., закона о банкротстве направлено на устранение пробелов, допущенных законодателем при регламентации проведения процедуры банкротства, следствием которых явился значительный рост числа нарушений и злоупотреблений в этой сфере.

Как показывает правоприменительная практика, для некоторых лиц институт банкротства нередко служит орудием для реализации своих противоправных интересов. Это, в частности, возможность уйти от исполнения принятых такими лицами гражданско-правовых обязательств, так как особенность института банкротства состоит в том, что после завершения процедуры банкротства неудовлетворенные по при-

чине недостаточности имущества должника требования считаются погашенными. Криминальные элементы используют это положение для того, чтобы уклониться от уплаты долгов законным способом, имитируя для этого банкротство. Кроме того, нередко в процессе банкротства преднамеренно разваливаются предприятия, вполне имеющие возможность для своего рентабельного существования и развития на рынке. В этом случае институт банкротства используется в качестве инструмента для получения преступной сверхприбыли, дальнейшего передела собственности и сфер преступного влияния на экономику страны. При указанной ситуации процедура банкротства требует не только эффективного гражданско-правового регулирования, но и надлежащей уголовно-правовой охраны. Злоупотребления в этой сфере преследуются уголовным законом с 1 января 1997 г. Ст. 195, 196, 197 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство, которые входят в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности».

Однако, как показывает анализ следственной и судебной практики, при возбуждении и расследовании уголовных дел о криминальных банкротствах возникают определенные проблемы квалификации, обусловленные, наличием противоречий между содержанием признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 195 – 197 УК России, и норм гражданского законодательства, регулирующих отношения в области применения института несостоятельности (банкротства). Проблемы квалификации обусловлены и тем, что легальное толкование определений, терминов и понятий, используемых законодателем в диспозициях статей, отсутствует. Позиции же, выра-

ботанные в науке уголовного права при рассмотрении признаков криминальных банкротств, противоречивы. Кроме того, применение анализируемых норм усложняет и отсутствие единообразной судебной практики по криминальным банкротствам и, соответственно, руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по указанной категории дел. Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ [4] были внесены изменения в ст. 195 – 197 УК России, но и они не устранили имеющиеся противоречия.

Проведенный анализ уже сложившейся практики применения указанных норм, установление основных проблем квалификации и толкования отдельных признаков составов преступлений правоприменителями, позволил мне провести сопоставление норм в новой и прежней редакции, выделить достоинства и недостатки всех внесенных законодателем изменений и дополнений в ст. 195 – 197 УК России на основании Федерального закона от 19 декабря 2005 г., которые, хотя и устранили часть имевших место ранее проблем при применении указанных норм, но некоторые из них остались нерешенными. В связи с чем мною были сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм, которые должны устранить имеющиеся противоречия, сложившиеся еще до внесения соответствующих изменений в ст. 195 – 197 УК России.

В частности, мною сделан вывод о необходимости расширения перечня субъектов криминальных банкротств. Для обоснования подобного вывода мною был проведен анализ всех учтенных законодателем и неучтенных субъектов, которые обладают распорядительными полномочиями и имеют возможность совершать анализируемые преступления, который подтвержден материалами судебной и следственной практики.

Так, УК России в редакции Федерального закона от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ выделяет три разновидности субъектов криминальных банкротств, которые относятся к категории специальных: руководитель юридического лица (ч. 2 ст. 195, ст. 196 и 197 УК); учредитель (участник) юридического лица (ч. 2 ст. 195, ст. 196 и 197 УК); индивидуальный предприниматель (ч. 2 ст. 195, ст. 196 и 197 УК). Диспозиции ч. 1 и 3 ст. 195 УК не содержат указаний на субъектов преступлений.

Правоприменители считают оптимальным описание признаков субъекта преступления в диспозиции статей, поскольку этим самым законодатель снимает проблему его установления. Вместе с тем у законодательного варианта описания субъекта есть и минусы. Как показывает практика, совершать противоправные действия, ответственность за которые по УК несут только руководители, последние предлагают подчиненным им лицам или представителям. В частности, руководители по доверенности уполномочивают иных лиц заключать заведомо невыгодный договор в целях доведения коммерческой организации до банкротства. Несмотря на то, что руководитель передает свою функцию – заключать договоры иному лицу, тот руководителем не становится (так как в соответствии со ст. 2 Закона о несостоятельности 2002 г. руководителем признаются лица, осуществляющие деятельность от имени юридического лица без доверенности). Так,

директор ЗАО «Фабрика ремонта и пошива обуви» (ЗАО «ФРПО») Х. с целью ликвидации ЗАО «ФРПО» и создания на его базе ООО «Прокопьевская обувная фабрика» (ООО «ПОФ») оформил на бывшего директора ЗАО «ФРПО» Т. доверенность, по которой она передала все имущество ЗАО «ФРПО» в собственность Х. После передачи имущества Х. сложил свои полномочия, а директором ЗАО «ФРПО» вновь стала Т. В дальнейшем конкурсным управляющим был составлен иск о признании сделок по отчуждению имущества Х. недействительными, который был удовлетворен арбитражным судом [1].

Учитывая, что криминальные банкротства совершают воистину предприимчивые лица, имеющие, как правило, высшее образование (*Примеч. автора: Изучение уголовных дел анализируемой категории с 1997 г. по настоящее время по Кемеровской области показало, что все они (100 %) совершены лицами с высшим образованием*) и возможность получить квалифицированную юридическую помощь. Можно прогнозировать увеличение аналогичных или подобных ситуаций.

Кроме того, в процессе исследования мною было установлено, что помимо учтенных специальных субъектов криминальных банкротств реальную возможность совершения рассматриваемых преступлений имеют арбитражные управляющие (временные, административные, внешние, конкурсные), руководители временной администрации кредитной организации. К потенциальным субъектам рассматриваемых преступлений можно отнести и руководителей ликвидационных комиссий (ликвидаторов), а также бухгалтеров.

Действующее законодательство о несостоятельности наделяет арбитражного управляющего чрезвычайно широкими полномочиями в отношении должника, в том числе полномочиями распорядительного характера, что предполагает возможность совершения недобросовестными представителями этой группы запрещенных уголовным законом действий с имуществом, имущественными обязательствами и бухгалтерской документацией должников. Злоупотребления арбитражных управляющих реально причиняют вред как законным интересам кредиторов, так и интересам самого должника, руководитель которого лишается распорядительных полномочий и возможности влиять на управляющего. Поэтому вполне закономерно возникает вопрос о привлечении арбитражных управляющих к уголовной ответственности за совершенные злоупотребления. Однако арбитражные управляющие не названы законодателем в качестве специальных субъектов криминальных банкротств. В связи с этим в юридической литературе делались попытки отождествления арбитражного управляющего с предусмотренными законодателем субъектами криминальных банкротств, в частности с руководителем организации-должника как вариант разрешения обозначенной проблемы.

Действительно, в соответствии с п. 4 ст. 20 Закона о несостоятельности 2002 г. руководящей признается работа в качестве руководителя юридического лица или его заместителя, а также деятельность в качестве арбитражного управляющего при условии исполнения обязанностей руководителя должника. В пункте 5 ст. 20 Закона о несостоятельности 2002 г. закреплено положение, согласно которому, если в соответствии с

Законом на арбитражного управляющего возлагаются полномочия руководителя должника, на него распространяются все требования и по отношению к нему применяются все меры ответственности, установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ для руководителя такого должника.

Кроме того, в ч. 3 ст. 195 УК законодатель предусматривает в качестве обстановки совершения преступления период, когда на арбитражного управляющего или руководителя временной администрации кредитной организации возложены функции руководителя юридического лица либо кредитной организации соответственно.

Таким образом, можно сделать вывод, что на арбитражных управляющих действие анализируемых норм (за исключением ч. 3 ст. 195, ст. 197 УК) может распространяться в той же мере, как и на руководителей организаций, когда имеется прямое указание закона о возложении на управляющих полномочий последних. В Законе о несостоятельности 2002 г. такое указание встречается применительно к процедуре внешнего управления (абз. 2, 4 п. 1 ст. 94) и конкурсного производства (п. 1 ст. 129).

Между тем, как следует из анализа законодательства, правилом п. 5 ст. 20 Закона о несостоятельности 2002 г. не охватываются действия иных категорий арбитражных управляющих. Речь идет о временных и административных управляющих, которые действуют при введении процедур наблюдения и финансового оздоровления наряду с руководителями организаций-должников. Конечно, их можно привлечь к уголовной ответственности в качестве соучастников анализируемых преступлений: организаторов, пособников или подстрекателей. Однако как быть в ситуации, когда именно арбитражными управляющими фактически совершаются действия, закрепленные в диспозициях рассматриваемых статей?

Шаги в указанном направлении предпринимались авторами Проекта изменений в УК России, которые предусмотрели в качестве субъекта преступления, указанного в ст. 195 УК, «лицо, выполняющее управленческие функции в организации-должнике». Определение последнего давалось в примечании к данной статье, где под таковым признавалось лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные и/или административно-хозяйственные функции в организации-должнике, в том числе арбитражный управляющий [3]. Тем не менее в Федеральном законе «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ упоминание о таком субъекте криминальных банкротств уже отсутствует.

К категории неучтенных субъектов можно отнести и упомянутого выше руководителя временной администрации кредитной организации, который обладая распорядительными функциями после отстранения от должности руководителя кредитной организации, имеет реальную возможность совершить преступные действия, ущемляющие интересы как кредиторов, так и самой кредитной организации. Однако, исходя из формального содержания ст. 195, 196 УК в

новой редакции, противоправные действия указанной категории лиц не подпадают под признаки криминальных банкротств, и в этой части нормы требуют законодательной корректировки, как и применительно к временным и административным управляющим.

В литературе справедливо обращается внимание на то, что к потенциальным субъектам рассматриваемых преступлений можно отнести руководителей ликвидационных комиссий (ликвидаторов) и бухгалтеров [2, с. 26]. Статьи 195, 196 УК России не могут быть инкриминированы указанным лицам, совершающим неправомерные действия при банкротстве либо преднамеренное банкротство все по той же причине – отсутствие их в исчерпывающем перечне специальных субъектов. Указанная ситуация также требует вмешательства законодателя.

Перечень неучтенных законодателем субъектов криминальных банкротств может быть продолжен в связи с многообразием охраняемых институтом несостоятельности интересов и многочисленным кругом участников конкурсного процесса. В связи с чем мною обосновывается необходимость включения законодателем в диспозиции ст. 195 – 197 УК общей формулировки, характеризующей субъектов криминальных банкротств, позволяющей расширить их перечень. Это «лица, которые имеют право давать обязательные для должника указания или имеют возможность иным образом определять его действия». В примечании к норме необходимо изложить общие положения о том, кого относить к данной категории субъектов, включая лиц, совершающих юридически значимые действия по поручению руководителя организации.

Предлагаемые изменения, во-первых, предоставили бы большую «маневренность» правоприменителю в противодействии «находчивым» руководителям, а, во-вторых, позволили расширить круг субъектов за счет лиц, неучтенных законодателем, но также имеющих возможность определять деятельность организаций и давать обязательные для должника указания.

Считаю, что именно с этой позиции законодатель не упоминает в диспозициях ч. 1 и 3 ст. 195 УК о субъектах преступлений. Однако непоследовательность действий законодателя состоит в том, что в ч. 2 ст. 195, в ст. 196 и 197 УК вновь содержится исчерпывающий перечень субъектов, который расширительному толкованию не подлежит. Разъяснения же относительно того, кого относить к субъектам ч. 1 и 3 ст. 195 УК, отсутствуют, что позволяет правоприменителю необоснованно расширять их круг.

Это лишь одна из проблем, которая имеет место в настоящее время в правоприменительной практике при квалификации и расследовании криминальных банкротств. Но ее разрешение на законодательном уровне позволит добиться значительных успехов в борьбе с анализируемым общественно-опасным деянием. Не стоит забывать, что в последнее время законодатель стал все меньше реагировать на предложения ученых-правоведов по совершенствованию действующего законодательства. Поэтому мы должны общими усилиями добиваться внимания законодателя к решению проблем уголовного законодательства.

Литература

1. Архив СО при Рудничном РОВД г. Прокопьевска Кемеровской области за 2003 г. Уголовное дело № 51-893.
2. Кудрявцев А. Г. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, связанные с банкротством, на современном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
3. Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части уточнения положений о преднамеренном и фиктивных банкротствах, неправомерных действий при банкротстве)». Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/MertRuntimeWeb/CommandsServlet?>>.
4. Российская газета. 2005. 22 декабря.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

Информация об авторе:

Разыграева Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры общепрофессиональных дисциплин филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета в городе Кемерово, juravleva68@mail.ru.

Elena N. Razygraeva – Candidate of Law, Associate Professor, Assisatnt Professor at the Department of General Professional Disciplines, Kemerovo Branch of Russian State Vocational Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 17.09.2015 г.

УДК 343.235.2

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В. А. Терентьева

MORAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF A JUVENILE OFFENDER'S PERSONALITY AS THE BASE FOR APPLICATION OF THE EXEMPTION FROM PUNISHMENT

V. A. Terentieva

Статья посвящена такой криминологической характеристике несовершеннолетних, освобождаемых от наказания, как нравственно-психологическая. Она является одной из основных криминологических характеристик личности преступника вообще и несовершеннолетнего преступника в частности. Именно нравственно-психологические особенности личности несовершеннолетнего, наряду с другими, выступают критерием применения к нему освобождения от уголовного наказания.

The paper is devoted to the basic criminological characteristics of a juvenile – the moral and psychological characteristics, which is a key one for recognizing the personality of a juvenile offender. This specific characteristic is the base for the application of the exemption from punishment.

Ключевые слова: освобождение от наказания, личность несовершеннолетнего.

Keywords: exemption from punishment, personality of the juvenile.

Нравственно-психологическая характеристика выражает отношение преступника к обществу, его ценностям и устоям, а также к социально положительным ролям, на что могут существенно повлиять психовозрастные особенности несовершеннолетних. Однако сами по себе такие особенности не являются детерминантами преступности. Выделяемые большинством исследователей негативные личностные качества, характерные для несовершеннолетних (например, упрямство, эмоциональная неуравновешенность, нечувствительность к страданиям других, тщеславие, агрессия) как наиболее распространенные характерологические черты ювенальных преступников, чаще всего основываются не только на возрастных особенностях, но и являются следствием влияния среды. Так, относительно формируемых негативных индивидуальных личностных качеств, полученных в психотравмирующей ситуации, высказывалась Н. И. Крюкова [5, с. 102]. В данном случае автор имеет в виду кримиогенные де-

формации в морально-психологической сфере, характерные для несовершеннолетних, совершивших преступления, а не возрастные особенности, присущие основной массе подростков.

В подтверждение этого факта следует указать, что одобрение субкультурных слоев и частая демонстрация по телевизору побудили несовершеннолетних, содержащихся в спецПТУ, совершить насильственное преступление в 2009 г. в 23,1 % случаев, а в 2014 г. – в 20,6 %. При этом совершали корыстное преступление в 2009 г. в 7,7 % случаев, а в 2014 г. – в 10,2 % по таким же мотивам. А 15,4 % воспитанников спецПТУ в качестве мотива указывают влияние родителей. Кроме того, круг источников получения информации у несовершеннолетних очень ограничен. Исходя из данных опроса воспитанников спецПТУ № 1, основное место среди источников получения информации занимало телевидение, причем предпочтение отдавалось триллерам, фильмам криминального и эротического содержа-

ния. Большинство несовершеннолетних никогда не интересовались жизнью страны.

Сочетание повышенной эмоциональной возбудимости и различных провоцирующих ситуаций обуславливает импульсивное поведение несовершеннолетних и способствует совершению ими преступлений. Иллюстрируя это утверждение, можно проанализировать зависимость мотивации от психовозрастных особенностей личности. Подростки обладают склонностью к подражанию, высокой подверженностью посторонним влияниям (придается особая значимость мнению окружающих, особенно сверстников о себе). Таким образом, при опросе о мотивах преступлений против собственности (в частности кражи) чаще всего несовершеннолетними указывались мотивы самоутверждения и подражания.

Можно утверждать, что особенности личности влияют на мотивы поведения (в том числе и преступного) несовершеннолетних. Именно мотив, по мнению большинства ученых [4, с. 17 – 19], является главной детерминантой уголовно наказуемого деяния, выражающей потребности личности, ее интересы, поскольку именно мотив стимулирует преступное поведение. Мотивационная сфера составляет ядро нравственно-психологической характеристики личности несовершеннолетнего. Под мотивацией понимается совокупность внешних или внутренних условий, которая побуждает к деятельности и определяет ее направленность [1, с. 75].

Однако по исследованиям А. О. Долматова «судьи... не правильно определяют мотивы несовершеннолетних, совершивших преступления», поскольку в 30 % приговоров относительно краж, грабежей, разбоев указывались только корыстные мотивы [3, с. 113].

Проведя исследования мотивационной сферы среди воспитанников спецПТУ было установлено, что у данной категории отсутствует глубокая осознанность мотивов, совершаемых ими преступлений. Извращенная трактовка чувств, приоритета своих интересов и убеждений, а также интересов своих друзей являются преобладающими в уголовно-правовой характеристике контингента данных учреждений. Около 18 % освобожденных несовершеннолетних, помещенных в спецПТУ, указывали, что совершили преступление из-за страха потерять свой авторитет среди сверстников. При этом почти 50 % опрошенных высказались, что мотивом насильственного преступления было желание внушать страх.

Еще одним существенным мотивом, на наш взгляд, может выступать наркотическая или алкогольная зависимость. В спецПТУ удельный вес лиц, употреблявших наркотики или другие психоактивные вещества в 2009 г. составил 40 %, а в 2014 г. более 50 % от всего количества воспитанников. Е. Цымбал и Л. Емельянова также находят связь алкоголизма с уголовными деяниями, утверждая, что 80 % особо тяжких преступлений против жизни и здоровья совершаются в состоянии алкогольного или наркотического опьянения [10, с. 113]. Среди общей массы освобожденных в 2013 г. лиц 7,8 % совершили свои преступления в таком состоянии. В 2014 г. удельный вес таких лиц увеличился и составил 10,6 %, а в общем среди ювенальных преступников в 2014 г. такой показатель составил – 15,2 %. К сожалению, не удовлетворяет научного инте-

реса официальная статистика, которая приводит только численность лиц, совершивших деяния в состоянии опьянения любого генеза. Л. И. Романова утверждает, что 40,0 % от всех лиц, употребляющих наркотики в РФ, составляет категория от 15 до 23 лет [7, с. 33].

Дополняют нравственно-психологическую характеристику личности интеллектуальные, эмоциональные и волевые свойства несовершеннолетних. К интеллектуальным свойствам можно отнести: объем знаний, широту или узость взглядов, содержание и разнообразие интересов и стремлений, жизненный опыт и т. д. Эта характеристика у несовершеннолетних, совершивших преступление, значительно отличается от подобной же у сверстников.

Под эмоциональными процессами принято понимать их уравновешенность или подвижность, а также динамичность чувств, степень эмоциональной возбудимости, характер реагирования на внешние раздражители. Среди несовершеннолетних, совершивших преступление, отмечается повышенная возбудимость, подверженность негативным влияниям (общается только с негативно характеризующимися подростками).

Подобное эмоциональное строение зачастую приводит к неустойчивости мотивации к учебе и другим полезным видам деятельности, приоритету негативных потребностей над социально одобряемыми. Осложняется ситуация еще и тем, что у подростков наблюдается неразвитость навыков конструктивного общения. Это проявляется в силовом разрешении всех конфликтов со сверстниками, постоянном страхе утратить первенство и превосходство. В случае, если отношения строятся в замкнутом пространстве (например, несовершеннолетний помещается в колонию), это приводит к неизбежному постоянному контакту подростков между собой. Поскольку изучаемые лица характеризуется как высоко внушаемые, то несовершеннолетние, отличающиеся конфликтностью, и занявшие лидерство, способны угнетать более слабых. Такая ситуация наблюдалась, например, при применении освобождения с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Педагоги спецПТУ не отрицают наличия у несовершеннолетних в группах строгой иерархии, связанной с тенденцией большей значимости общения со сверстниками, поскольку в один класс в соответствии с уровнем образования помещались несовершеннолетние разных возрастов.

Повышенный уровень конфликтности подростков, попавших в сферу воздействия уголовного права, является, пожалуй, одной из главных отличительных черт, препятствующих их исправлению. Именно этот показатель отражает большую асоциальность поведения у подростков, препятствует их правильному развитию. Неспособность адекватно разрешать конфликты, строится в первую очередь на отсутствии жизненного опыта, нерешительности и неспособности отстаивать свою точку зрения. Это приводит к тому, что большинство не имеет другого способа общения, а значит и разрешения конфликтов, кроме силового.

Чаще всего именно асоциальность в совокупности с извращенной самооценкой несовершеннолетних (либо излишне завышенной, что порождает нескритичность к себе и своим действиям, либо заниженной, воспроизводящей самоедство и самокритичность, в высокой степени ориентированность на других) провоцируют

конфликтные ситуации [9, с. 331]. Исследования показывают, что требовательными к себе являются 25 % несовершеннолетних воспитанников спецПТУ № 1, а слишком самокритичными – 12,5 %, не обладают самокритичностью или проявляют ее только в редких случаях – 87,5 %. Отсутствие самокритичности часто приводит несовершеннолетних к переименованию негативноокрашенных качеств в позитивные: например, наглость воспринимается ими как правдолюбие и смелость. Из опроса педагогов специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа следует, что примерно 37 % несовершеннолетних характеризуются завышенной самооценкой. Относительно указанных проблем у подростков с отклоняющимся поведением высказываются и Е. Г. Дозорцева, Е. И. Морозова, А. В. Новоселова [2].

Лица более старшего возраста (16 – 17 лет) характеризуются следующими чертами: только 8,9 % лиц положительно относятся к сверстникам, а 16,5 % – выражают негативно-пренебрежительное отношение, остальные же, несмотря на отсутствие явной отрицательной оценки, периодически конфликтуют со сверстниками. При этом лояльностью в отношении взрослых отличаются 80,9 % несовершеннолетних, и всего 8,8 % относятся отрицательно, остальные затрудняются ответить.

В то время как для лиц более младшего возраста (14 – 15 лет) характерны иные черты, обеспечивающие высокую восприимчивость положительных примеров в отношениях: контактность (проявляется у 31,2 % воспитанников, тогда скрытность и неконтактность только у 11,5 %), отзывчивость (более трети несовершеннолетних – 35,2 %).

Эти черты позволяют с помощью установления мотивации к отказу от агрессии, достичь исправления без реального отбывания наказания. В качестве способа достижения указанной цели можно выделить приведение примеров реальных семейных, коллективных и иных отношений, использующих вербальные способы разрешения конфликтов, психологическую помощь, мониторинг ближайшего окружения. Первые два способа активно используются в спецПТУ № 1. Примерно 34 % воспитанников, по данным анкетирования, приобрели навыки положительного общения в результате уроков психологии. Единственным негативом, отмеченным несовершеннолетними, при применении на практике полученных навыков была микросреда спецучреждения, отсутствие позитивного опыта, а также уверенность в том, что агрессия – это единственный способ выживания в среде, куда им предстоит вернуться.

Учет данных об отношениях, эмоциональных связях несовершеннолетнего и педагогов в образовательном учреждении, в котором он обучается.

Еще одной характеристикой в нравственно-психологическом блоке являются волевые свойства лица. Эта характеристика личности несовершеннолетних включает в себя: способность принимать и осуществлять принятые решения, умение регулировать свою деятельность и направленность поступков, обладание выдержкой, стойкостью, твердостью, настойчивостью и другими чертами. Все несовершеннолетние в той или иной степени характеризуются как имеющие слабую волю и не умеющие регулировать свои поступки.

Исходя из анализа данной характеристики, у лиц освобожденных с помещением в спецПТУ, было установлено, что 21,2 % несовершеннолетних характеризуются педагогами как слабovolные, примерно столько же (18,6 %) обладают сильно выраженной волей, а у 60,3 % подростков уровень решимости был охарактеризован как средний. Этот показатель, на наш взгляд, напрямую связан с удельным весом лиц, нарушающих правила поведения в учебно-воспитательном учреждении закрытого типа – так 8,3 % воспитанников их не выполняют, а 30,2 % выполняют правила поведения не всегда. При этом по данным психологической службы спецПТУ № 1 у 27 % подростков наблюдается неадекватная реакция на замечания, а около 1/5 (18,4 %) воспитанников используют в своей речи нецензурные выражения.

Недостаточно осознанная регуляция поведения проявляется чаще всего в пассивности или высокой внушаемости у несовершеннолетних, одновременно данное качество может порождать и резкое отрицательное отношение, вызванное непосредственной реализацией внутренних импульсов у других. При изучении категории освобожденных от наказания (на примере воспитанников спецПТУ) было выявлено, что не вполне достаточное регулирование поведения приводит к резкому расслоению воспитанников на не поддающихся убеждению и напротив высоко внушаемых. Именно незрелость волевой сферы несовершеннолетнего приводит к неразвитости самооценки и искаженности представлений о себе.

Всего лишь около трети несовершеннолетних, находящихся в спецПТУ № 1, характеризуются как обладающие чувством собственного достоинства. Удельный вес несовершеннолетних, отличающихся принципиальностью, составил 32,5 %, при этом 12,5 % были охарактеризованы как не обладающие таким качеством. Относительно выдержки, как качества, необходимого для плодотворного общения, есть данные, что только 19,8 % несовершеннолетних ею отличаются, а 80,2 % напротив, отличаются несдержанностью. Почти половина несовершеннолетних (44,5 %) отличаются инфантильностью и несамостоятельностью, и только 12,4 % подростков проявляют лидерские качества.

Подводя итог рассмотрению феномена личности несовершеннолетнего преступника можно сделать следующие выводы: направленность личности ювенального преступника является основой построения деятельности по предупреждению рецидивной преступности. Исходя из особенностей личности, обусловленных возрастом (например, недостатка социального опыта, повышенной эмоциональной возбудимости, противоречивости в поведении и склонности к подражанию, тревожности, несформированности мировоззрения и моральных принципов, большей пластичности характера), несовершеннолетнему следует выбирать вид освобождения от уголовного наказания.

Потребность к познанию, общению, творчеству, а также исключение негативного влияния среды на несовершеннолетнего должны реализовываться в обязанностях и запретах, устанавливаемых судом или вытекающих из вида освобождения. Категория несовершеннолетних, помещаемых в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, нуждается в изъятии из неблагоприятной среды, образовании и

воспитании, а также в контроле за подкреплением и применением положительных навыков. Стимулирование положительного личностного потенциала несовершеннолетнего определяет эффективность процесса его исправления. В спецПТУ этому в большей степени способствуют контроль за поведением и распорядок дня.

Кроме собственно вида освобождения от уголовного наказания особенности личности несовершеннолетнего влияют на поведение после окончания уголовно-правового воздействия. Так, в социально-психологической службе СпецПТУ имеются данные, что 60 % выпускников этого специального учебно-воспитательного учреждения нуждаются в постоянном воспитательном воздействии, а 83,9 % нуждаются в систематическом контроле. Вместе с тем почти 30 % подростков нуждаются в медицинском сопровождении для предотвращения алкоголизма. Пугает, что по результатам анкетирования подавляющее большинство несовершеннолетних (78 %) готовы вернуться к прежнему образу жизни. Такое положение говорит об осознании несовершеннолетним безвыходности своего положения, о необходимости ему вернуться в ту же среду.

О. А. Долматов также считает, что ключевым для назначения уголовного наказания несовершеннолетнему, исходя из возможности достижения исправления подростка и предупреждения новых преступлений, является возможность изменения условий, в которых он пребывал до совершения преступления. Решение проблемы с криминогенной средой, не подлежащей изменению, автор видит в назначении принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ, либо даже в лишении свободы. Такое решение воспринимается им как более целесообразное и гуманное, чем оставление несовершеннолетнего в

той же среде, поскольку это спровоцирует совершение им новых преступлений, дальнейшую десоциализацию подростка и уменьшение вероятности его исправления [3, с. 150 – 151].

Нельзя утверждать, что зависимость выбора вида наказания или освобождения от него от среды, в которой находится несовершеннолетний – это повышенная ответственность за условия, в которых он проживает. Пекинские правила предписывают соотносить интересы общества и интересы несовершеннолетних, что обязывает суд исходить из будущего поведения (степени общественной опасности) при назначении уголовного наказания. Решить указанную проблему призвано применение комплексной системы психолого-социального сопровождения несовершеннолетних.

Индивидуализация уголовной ответственности несовершеннолетних является сложным, многоступенчатым процессом. При этом не существует определенной системы, по которой суд мог бы назначить меру наказания автоматически, выбирая между минимальным и максимальным пределом санкций [8, с. 136]. Не может служить такой шкалой и личность несовершеннолетнего в отрыве от социальных условий ее формирования.

Учет как самой личности, ее особенностей, так и условий ее формирования при освобождении от уголовного наказания несовершеннолетних, позволит установить степень вероятности совершения новых преступлений, а, следовательно, более точно спрогнозировать дальнейший процесс исправления. Именно от ожидаемого поведения несовершеннолетних, как считают Н. В. Ольховик и К. Н. Тараленко, будет зависеть интенсивность и объем мер, применяемых в отношении подростка для контроля и исправительного воздействия [6, с. 160].

Литература

1. Богомолова С. Н. О внутриличностных детерминантах криминальной агрессии // Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование: сб. научных трудов. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1989.
2. Дозорцева Е. Г., Морозова Е. И., Новоселова А. В. Групповая психокоррекционная работа с девочками с девиантным поведением в условиях спецучилища. Режим доступа: http://www.psychosfera.ru/book/book6/book6_56.html
3. Долматов А. О. Специальные обстоятельства, подлежащие особому учету при назначении уголовного наказания несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2014.
4. Зелинский А. Ф. Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности. Киев, 1990.
5. Крюкова Н. И. Преступность несовершеннолетних в России, ее причины и преодоление: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.
6. Ольховик Н. В., Тараленко К. Н. Деятельность уголовно-исполнительных инспекций: учебно-методический комплекс. Ч. 1. М., 2005.
7. Романова Л. И. Региональные особенности проявления наркотизма // Сибирский криминологический журнал. 2006. № 1.
8. Тащилин М. Т. Назначение наказания в уголовном праве РФ. Пятигорск, 2002.
9. Чуфаровский Ю. Ф. Юридическая психология. М., 1999.
10. Цымбал Е., Емельянова Л. Состояние преступности несовершеннолетних в Российской Федерации (1997 – 2004 гг.) // Уголовное право. 2005. № 5.

Информация об авторе:

Терентьева Валерия Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, terent@list.ru.

Valeria A. Terentieva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 17.09.2015 г.

**ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ***В. А. Терентьева, И. В. Масалитина***AGE CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF JUVENILES AS
THE GROUNDS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL PUNISHMENT***V. A. Terentieva, I. V. Masalitina*

Статья посвящена одному из актуальных вопросов освобождения от уголовного наказания – возрастным особенностям личности несовершеннолетнего. Авторы анализируют возрастные особенности исходя из методов их исследования, а также из учета влияния на вид меры уголовно-правового характера. Проанализировав возрастные особенности несовершеннолетних, следует отметить, что определяющими для совершения противоправных поступков являются такие возрастные особенности подростков, как: склонность к подражанию, подверженность посторонним влияниям, противоречивость взглядов и неустойчивость поведения, повышенная эмоциональная возбудимость.

The paper is devoted to one of the topical issues of exemption from criminal penalties – the age peculiarities of the personality of juveniles. The authors analyzed the age-specific features based on the methods of investigation, as well as taking into account the influence of the measures of criminal law. Analyzing the age features of juveniles, it should be noted that commitment of wrongful acts is determined by such age peculiarities of teenagers as the tendency to imitate, exposure to outside influences, contradictory views and erratic behavior, increased emotional excitability.

Ключевые слова: несовершеннолетние, возрастные особенности, освобождение от уголовного наказания.

Keywords: juveniles, age characteristics, exemption from criminal punishment.

Проблема определения предела изучения и учета личностных особенностей (в том числе и для несовершеннолетних) при назначении уголовного наказания или освобождения от него, является весьма актуальной. Определяя в качестве предмета изучения личность несовершеннолетнего, неизбежно возникают проблемы: необходимости, по возможности наиболее всесторонней осведомленности о личности с одной стороны, и жесткость специфических условий, в которых осуществляется судопроизводство, регламентирующую краткость временного отрезка на изучение – с другой. О подобной дилемме высказывается и Н. Т. Ведерников [4, с. 80].

Подходы к изучению личности несовершеннолетнего разнятся в зависимости от отрасли науки, разнятся они также и в зависимости от периода. Советский период криминологии, например, оперирует математическим подходом к изучению личности несовершеннолетних. Данный подход строится на математическом анализе таких признаков, как: нравственные и правовые взгляды, ценностные ориентации и установки лица. При этом данные полученные путем опросов сопоставляются с данными о реальном поведении несовершеннолетних. Такой способ изучения личности, в частности, был предложен А. И. Долговой [6, с. 5]. В этом случае утрачивается какое бы то ни было самостоятельное значение как качеств личности, так и ее возрастных особенностей. В качестве критики данного метода при освобождении от уголовного наказания, следует указать на то, что не берется в расчет индивидуальность каждой личности, неповторимость ее качеств и особенностей, подлежащих исследованию и оценке. Математический подход также нарушает принцип индивидуализации уголовной ответственности и принцип целесообразности.

Несмотря на неприемлемость указанного выше метода изучения особенностей личности, сложно утверждать, что они не участвуют в процессе выбора меры государственного принуждения. И. И. Карпец и М. М. Бабаев утверждают, что исследование особенностей личности несовершеннолетних является основанием для назначения им уголовных наказаний (на наш взгляд, это справедливо и для освобождения от уголовного наказания). Учет особенностей (начала личности несовершеннолетнего, на которые правоприменитель опирается в ходе перевоспитания – по высказыванию М. М. Бабаева), по мнению авторов, способствует выбору такой меры уголовно-правового воздействия, которая имела бы исправительно-воспитательный потенциал. В этой связи автор видит необходимым выявление [2, с. 19; 8, с. 132].

В общем виде законодатель указывает на необходимость учета таких особенностей в ст. 89 УК РФ, где говорится о необходимости учета «иных особенностей личности». В юридической литературе, однако, не существует единого мнения по этому поводу и указывается на необходимость конкретизации данного положения при назначении несовершеннолетним наказания или освобождения от него.

Так, в этой связи примечательно мнение Е. В. Благова, который, признавая со значимость законодательного регламентирования положений ст. 89 УК РФ, указывает, что закрепление необходимости учета «иных особенностей личности» можно трактовать излишне широко. Следовательно, автор предлагает сузить данное определение и определить их как «позицию несовершеннолетнего по отношению к обществу и его ценностям, способность и готовность к социальной адаптации, в том числе к позитивному поведению в сложных и конфликтных ситуациях, про-

тивостоянию негативного влияния микросреды», и «детскую мотивацию» (озорство, побуждение завладеть престижной в среде подростков вещью для самодтверждения и т. п.). Для объективного подтверждения ее наличия существенное значение имеет степень проявления некоторых возрастных особенностей психики (внушаемость, склонность к подражанию, к фантазированию, импульсивность и т. п.)» [9, с. 191].

Таким образом, автор склоняется к мысли о необходимости корректировки законодательной формулировки «иные особенности личности» на «возрастные особенности личности». Данное положение, по его мнению, позволит избежать двойного учета одних и тех же особенностей, а также необоснованного увеличения наказания или его уменьшения [3, с. 132].

В целом соглашаясь с тем, что формулировка, закрепленная законодателем в ст. 89 УК РФ является несколько расплывчатой, нельзя ее сводить только к возрастным особенностям личности, поскольку их изучение невозможно в отрыве от личности несовершеннолетнего преступника.

Возрастные особенности несовершеннолетних обуславливают целесообразность освобождения данной категории лиц от уголовного наказания, поскольку именно они зачастую служат основой их преступного поведения. На необходимость изучения особенностей личности несовершеннолетнего, и возрастных прежде всего, обращали внимание многие отечественные криминологи. М. М. Бабаев тесно связывал соотношение средств исправления с особенностями личности несовершеннолетнего как с теми, которые следует устранить, так и с теми которые следует развить. Процесс индивидуализации уголовной ответственности (как при назначении наказания, так и при освобождении от него), главным образом основывается на всестороннем учете данных о личности. И именно общевозрастные особенности являются основой для понимания, а значит и учета, индивидуально-психологических свойств личности несовершеннолетнего [2, с. 11 – 13].

Нельзя не согласиться с таким мнением, поскольку актуальной, на наш взгляд, представляется теория, согласно которой средства и методы исправления изначально подбираются не только исходя из качеств, желательных для подростка, но и из уже имеющихся возрастных особенностей, подлежащих корректировке и развитию.

Особое внимание возрастным особенностям несовершеннолетних было уделено и в работах Л. М. Прокументова. Автор, при анализе психолого-возрастных и социальных особенностей личности несовершеннолетнего, указывал, что несовершеннолетнему возрасту в большей степени характерна недостаточность социального опыта, склонность к подражанию, а также повышенная эмоциональная возбудимость, противоречия во взглядах и в поведении; подверженность влияниям со стороны [11, с. 8].

В юридической литературе принято разделять возрастные особенности личности несовершеннолетнего на особенности, относящиеся к интеллектуальной сфере – недостаточная зрелость мышления и от-

носящиеся к эмоционально волевой сфере – невысокий уровень волевого развития, неуравновешенность и повышенная возбудимость. Недостаточная зрелость мышления, выделяемая широким кругом авторов, является первой чертой, на которую следует обратить внимание при исследовании возрастных особенностей несовершеннолетнего. Учет данного обстоятельства необходим как при квалификации содеянного, так и при назначении меры уголовного принуждения подростку, поскольку последняя должна быть осознана виновным и правильно им воспринята. Не достаточная зрелость мышления, однако, при изучении должна быть конкретизирована, поскольку она может проявиться в различных качествах несовершеннолетнего.

З. С. Астемировым анализировалась вменяемость (как крайняя форма незрелости мышления) несовершеннолетних в процессе назначения наказания. Автор утверждает, что ее рассмотрение как свойства личности, приобретаемого на определенной стадии развития, невозможно вне связи с возрастом. Таким образом, вменяемость как свойство личности, формируемое на определенном возрастном этапе, может учитываться только в связи с возрастными особенностями несовершеннолетнего [1, с. 25].

Возрастными особенностям личности несовершеннолетнего в волевой сфере в первую очередь относится не высокий уровень волевого развития. К данной категории можно также отнести эмоциональные качества личности несовершеннолетних. Например, неуравновешенность, повышенная возбудимость, перепады настроения.

Данные черты имеют различную степень выраженности у каждого конкретного лица, этому в большей степени способствуют такие факторы, как: школа, семья, малые социальные группы, имеющие объективный характер, а также жизненный опыт, позиция и возраст, представляющие собой факторы субъективного характера. Кроме того, как считает М. М. Бабаев, такие различия в степени выраженности особенностей подростков напрямую зависят и от разных возрастных групп [2, с. 16].

В литературе принято разделять несовершеннолетний возраст на 2-е большие группы – это лица 14 – 15 лет (подростковый возраст) и лица 16 – 17 лет (ранний юношеский возраст).

При этом в педагогике и психологии принято делить подростковый возраст на старший и младший. Отмеченные нами выше недостаточность социального опыта, склонность к подражанию, а также повышенная эмоциональная возбудимость, противоречия во взглядах и в поведении; подверженность влияниям со стороны, как правило, более свойственны периоду младшего подросткового возраста. Личность несовершеннолетнего в данный период можно охарактеризовать такими качествами как: преобладание процессов возбуждения, склонность к аффектированным реакциям, слабая взаимосвязь между реально существующей жизненной ситуацией и реакцией на нее несовершеннолетнего, эти качества необходимо рассматривать еще и в сочетании преобладания эмоций над сознанием.

Также данная возрастная группа больше подвержена отрицанию авторитета старших лиц, упрямству, стремлению к свободе и самостоятельности наряду с острой потребностью в признании. Подобные особенности подросткового возраста выделял и М. Раттер [12, с. 125 – 126].

И. С. Кон выделял такие характерные особенности старшего подросткового возраста, как: ярко выраженная потребность в общении, стремление к объединению в группы сверстников для удовлетворения указанной потребности. При этом направленность малых неформальных групп может быть самой разной [10, с. 197 – 199].

У подростков в этот период остро встает необходимость осмысления глобальных жизненных проблем, оценки окружающих и себя (не лишенной, однако, субъективности), это, в свою очередь, стимулирует развитие абстрактного мышления. Субъективизм в самооценке порождает с неизбежностью чувство самолюбия, которое может быть скомпенсировано их отзывчивостью, готовностью помочь и чувством собственного достоинства.

Конечно, такие реакции и качества могут быть присущи и лицам 16 – 17 лет, но указанные особенности у последних проявляются гораздо реже. Однако в качестве преобладающих черт все же стоит отметить: формирование критического отношения к окружающим, сознательное подчинение нормам и правилам социальной группы, стремление к самостоятельности. Такого же мнения о характерных чертах, раннего юношеского возраста придерживается и В. Я. Рыбальская [13, с. 16 – 20].

Дополнить характеристику возраста 16 – 17 лет следует большей зрелостью жизненных суждений несовершеннолетних, поскольку они оставляя социальную роль школьников, становятся студентами вузов и учащимися ПТУ, а также работают – такое изменение социальных ролей, приводит к изменению особенностей личности.

Неизменной по отношению к подростковому возрасту остается потребность в общении и самоутверждении. Эти потребности часто доминируют среди остальных. Негативный опыт самоутверждения, а также трудности общения непременно приведут несовершеннолетнего к необходимости поиска той среды, в которой ему можно будет самоутвердиться. При этом самоутверждение и компенсация нехватки общения будут строиться не на социально полезных качествах личности, а на тех личностных качествах и средствах, которые одобряет и принимает данная среда. Такие проблемы, по мнению Л. М. Прокументова, свидетельствуют о деформации развития несовершеннолетнего наряду с отсутствием позитивных связей со сверстниками [11, с. 12].

Также востребованной для раннего юношеского возраста остается эмоциональность. Она может выражаться как в эмоционально окрашенных отношениях со сверстниками, так и в способности к сопереживанию, а также в значительном уровне эмоциональной восприимчивости.

Возрастные особенности старшего подросткового и раннего юношеского возраста влияют на выбор меры уголовно-правового воздействия. Так, А. О. Долматов например полагает, что именно возрастные особенности несовершеннолетних, присущие старшему подростковому возрасту обуславливает сведение наказания в виде лишения свободы в отношении данной категории к минимуму. Это объясняется, по мнению автора, такими качествами, как: «ведомость, пониженный волевой порог, склонность к подражанию, способность оказываться под влиянием лиц, имеющих выраженную антиобщественную направленность, в особенности, старших по возрасту», которые могут препятствовать его исправлению в воспитательной колонии [7, с. 56 – 57].

Несомненным остается факт того, что в большей степени подвергаются исследованию и анализу именно те особенности несовершеннолетних, которые способствуют совершению преступления. На наш взгляд, к таким качествам следует отнести основные личностные черты несовершеннолетнего, препятствующие их социализации, негативно повлиявшие на поведение подростков.

Так, Н. И. Ветров делил все качества несовершеннолетних на положительные и отрицательные, к последним он относил эмоциональную неустойчивость, отсутствие самокритики, эгоизм, подражание, упрямство, тщеславие и агрессивность. Данные качества являются проявлением с одной стороны возрастных особенностей – поскольку нивелируются с течением процесса взросления, а с другой стороны свидетельствуют о влиянии сферы асоциальных поступков на деградацию личности.

Также отрицательными, по мнению автора, являются: быстро меняющееся настроение, неустойчивость чувств, излишняя возбудимость, неразвитость воли, стремление к признанию и, следовательно, объединение в группы [5, с. 143].

Представляется, что личность несовершеннолетнего преступника следует рассматривать в единстве положительных и отрицательных качеств, поскольку они участвуют в формировании поведения совместно. Кроме того, значение имеет чем являются данные особенности либо проявлением психолого-возрастных особенностей или же, напротив, антиобщественной направленности личности, выражающейся в деформации личностных качеств подростка. Часто при совершении преступления несовершеннолетними за проявление антиобщественной направленности принимаются такие возрастные особенности, как: излишняя возбудимость, склонность к аффекту, неадекватность реакций на жизненную ситуацию.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: несмотря на признание в криминалогии и уголовном праве необходимости учета при освобождении от уголовного наказания или при его назначении возрастных особенностей личности несовершеннолетнего, единства мнений по данному вопросу не существует. Нет единой точки зрения касательно особенностей, характеризующих личность несовершеннолетних, а также того, какие из них под-

лежат учету при применении уголовно-правовых мер, а, следовательно, и имеют уголовно-правовое значение.

Анализируя возрастные особенности несовершеннолетних, следует отметить, что определяющими для совершения противоправных поступков являются такие возрастные особенности подростков, как: склонность к подражанию, подверженность посторонним влияниям, противоречивость взглядов и неустойчивость поведения, повышенная эмоциональная возбудимость.

Именно в связи с необходимостью и целесообразностью применения освобождения от уголовного наказания вместо реального его отбывания, если преступное поведение несовершеннолетних обусловлено возрастными особенностями, связано такое пристальное внимание к данному вопросу. Возрастные особенности как условие совершения преступлений подростками в значительной мере влияют на посткриминальное поведение, поскольку с возрастом они исчезают, что снизит вероятность новых преступлений. Исчезновение возрастных особенностей, приведших к

совершению преступления, дает положительный прогноз поведения несовершеннолетнего в будущем. Исправление и предупреждение в отношении таких лиц могут быть достигнуты и без реального отбывания наказания, вызывающего озлобленность и оказывающего негативное воздействие.

Именно этот факт лег в основу законодательной конструкции системы наказаний для несовершеннолетних, более щадящей по сравнению с применяемыми ко взрослым уголовно-правовыми мерами. В законе сформулирован сокращенный перечень видов наказаний по сравнению со взрослыми (для несовершеннолетних предусмотрено всего 6 видов, а для взрослых 13). Кроме того, законодатель сократил размеры наказаний, сроки давности привлечения к уголовной ответственности, погашения судимости при применении их к несовершеннолетним. Еще одной особенностью является применение к ним видов освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания, предусматривающих применение принудительных мер воспитательного воздействия.

Литература

1. Астемиров З. С. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970.
2. Бабаев М. М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М., 1968.
3. Благов Е. В. Назначение наказания. Ярославль, 2002.
4. Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978.
5. Ветров Н. И. Профилактика правонарушений среди молодежи. М., 1980.
6. Долгова А. И. Проблемы разработки стратегии в борьбе с преступностью // Преступность: стратегия борьбы. М.: Криминологическая Ассоциация, 1997.
7. Долматов А. О. Специальные обстоятельства, подлежащие особому учету при назначении уголовного наказания несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2014.
8. Карпец И. И. Индивидуализация наказания. М., 1961.
9. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1998.
10. Кон И. С. Психология старшеклассника. М., 1980.
11. Прокументов Л. М. Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. Томск, 1999.
12. Раттер М. Помощь трудным детям. М., 1987.
13. Рыбальская В. Я. Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних. Иркутск, 1994.

Информация об авторах:

Терентьева Валерия Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, terent@list.ru.

Valeria A. Terentieva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Масалитина Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, судья заводского районного суда г. Кемерово.

Irina V. Masalitina – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University, Judge at Zavodskiy District Court of Kemerovo.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

ПОКУШЕНИЕ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ФАКТИЧЕСКАЯ ОШИБКА

О. С. Хорошилова

THE ATTEMPT AT CRIME AND THE FACTUAL ERROR

O. S. Khoroshilova

В статье рассматривается проблема соотношения таких понятий, как «покушение на преступление» и «фактическая ошибка». Подробно анализируя понятия «покушение на преступление» и «фактическая ошибка», автор приходит к выводу, что данные понятия соотносятся как причина и следствие и не исчерпываются друг другом.

The paper deals with problems of correlation of attempts at crime and factual errors. The author analyzes the concept of attempt and the concept of factual error and comes to the conclusion that an attempt and an error are related like cause and effect and are not the same.

Ключевые слова: покушение на преступление, неоконченное преступление, фактическая ошибка, обстоятельства недоведения преступления до конца.

Keywords: attempt, uncompleted crime, factual error, cause of uncompleted crime.

Общее правило квалификации при наличии фактической ошибки гласит: действия лица должны оцениваться по направленности умысла как покушение на задуманное лицом преступление, что приводит нас к необходимости выяснения соотношения понятий «фактическая ошибка лица» и «покушение на преступление». Сначала определимся с содержанием указанных понятий, а потом проанализируем их взаимодействие.

В ч. 3 ст. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации покушение на преступление определяется как умышленные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Данное определение не раз подвергалось критике в научной литературе (см., напр.: [5, с. 264 – 265; 8, с. 128 и др.]).

Основным доводом против законодательно закреплённого понятия покушения выдвигалась расплывчатость формулировки «действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления». Обычно под непосредственным совершением преступления понимается выполнение объективной стороны (см., напр.: [12, с. 78]), но некоторые авторы расширяют его за счет включения и создания условий, непосредственно предшествовавших действиям (бездействиям), направленным на исполнение преступления [8, с. 128, 141]. Последняя позиция вызывает возражения, поскольку приводит к смешению приготовления и покушения.

А. П. Козлов полностью отвергает формулировку закона, поскольку в ней процесс совершения преступления отождествляется только со стадией исполнения преступления [5, с. 264 – 265], что, безусловно, неверно, так как процесс совершения преступления включает в себя и стадию создания условий.

В то же время, несмотря на критику законодательного определения покушения, предлагаемые рассматриваемыми авторами собственные формулировки покушений имеют ряд недостатков. Основной недос-

таток нетрадиционных определений в том, что они не отражают процесса совершения преступления на стадии исполнения, а лишь указывают на отдельные моменты покушения. Так, А. И. Ситникова считает покушением на преступление «начало исполнения умышленных действий (бездействий), не доведенных до конца по либо не достигших преступного результата по обстоятельствам, не зависящим от лица, совершившего преступное деяние» [9, с. 148]. Получается, что оконченное покушение в традиционном понимании не входит в понятие покушения, сформулированное вышеприведенным образом, что, безусловно, нельзя признать верным. При этом указанный автор все же выделяет и анализирует в рамках общего понятия покушения такую его разновидность, как оконченное покушение [9, с. 117 – 119]. А. П. Козлов признает покушением «пресеченное виновное исполнение преступления от его начала до частичного наступления результата включительно» [5, с. 279]. При такой трактовке покушения, к ним не будут относиться уже неоконченные покушения в общепотребительном смысле, поскольку при неоконченном покушении несмотря на выполнение деяния, входящего в объективную сторону, последствия, предусмотренные составом преступления не наступают. Примечательно, что автор все же выделяет неоконченное покушение и анализирует его в своей работе [5, с. 285 – 286].

Как нам представляется, уход в определении покушения от такой категории, как объективная сторона преступления, не будет продуктивным. Это связано с тем, что объективная сторона, как внешняя сторона состава преступления представляет собой одно, чаще несколько взаимосвязанных явлений окружающего мира и может непосредственно наблюдаться, что позволяет достаточно точно определить время, в течение которого совершается деяние, и время наступления последствий. Установление начального момента совершения деяния позволит четко отграничить покушение от приготовления. Приготовление всегда лишь создание условий для успешного совершения преступления, до начала выполнения деяния, входя-

щего в объективную сторону состава преступления. Очевидно, что начальным моментом выполнения объективной стороны конкретного состава преступления, будет начало выполнения деяния, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом необходимо помнить, что в некоторых случаях способ совершения преступления расширяет временные границы объективной стороны состава преступления. Например, незаконное проникновение в жилище при краже позволяет говорить о начале выполнения объективной стороны именно в момент открытия двери, а не в момент начала изъятия чужого имущества, т. е. в момент начала выполнения го действия, составляющего деяние, входящего в объективную сторону простой кражи. Такое возможно, если способ совершения преступления представляет собой не просто совокупность приемов и методов совершения преступления, а показывает то, каким именно образом совершается конкретное преступление. Данное понимание способа совершения преступления более характерно для криминалистики, где он выступает одной из центральных категорий для изучения. Но и для уголовного права осознание того факта, что способ преступления, наряду, например, с мотивом и целью преступления присутствуют во всех без исключения преступлениях, также важно, поскольку установление конкретного способа совершения преступления позволит в некоторых случаях правильно определить начало деяния, входящего в объективную сторону состава преступления, и отграничить приготовление от покушения. Сказанное не означает отнесение способа преступления к обязательным признакам состава преступления, так как наличие того или иного способа совершения преступления не всегда влияет на квалификацию деяния в целом.

Считаем целесообразным выделить следующих признаков покушения на преступление.

1. Покушение на преступление – выполнение объективной стороны преступления (данный признак позволяет задать временные рамки покушения, отразить необходимость учета не только времени совершения деяния как центрального признака объективной стороны, но и учета способа совершения преступления).

2. Деяние не доводится до конца либо задуманные последствия не наступают в полном объеме по причинам от воли лица независимым (этот признак поможет отграничить покушение от добровольного отказа от доведения преступления до конца).

3. Покушение на преступление всегда связано с умышленной формой вины (при неосторожном деянии до наступления, предусмотренных законом последствий, о преступлении речь не идет, лицо, с точки зрения уголовного права в целом действует правомерно; умысел лица направлен на наступление желаемых для него последствий).

Суммируя все признаки покушения, формулируем следующее определение: покушением на преступление признается умышленное выполнение объективной стороны состава преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса Российской

Федерации, если умысел лица не реализуется в полном объеме по независящим от лица обстоятельствам.

Совершая преступление, лицо может заблуждаться в некоторых обстоятельствах объективной действительности, что будет влечь за собой не полную реализацию намерений лица, вследствие чего задуманный преступный результат в полном объеме достигаться не будет. Речь идет о фактических ошибках.

В теории уголовного права традиционно фактическая ошибка рассматривается как заблуждение лица [13, с. 35; 9, с. 8], неверное знание, полученное под влиянием заблуждения [11, с. 5], неадекватное отражение в психике объективной действительности [6, с. 11] либо неверное (неправильное) представление лица [4, с. 16; 3, с. 8 – 9]. На наш взгляд, данные термины являются синонимами и могут употребляться одновременно [7, с. 770].

Однако существует иной подход к определению ошибки. Так, З. Г. Алиев отождествляет ошибку с самим психическим отношением лица в своем поведении и его последствиям, имеющим а интеллектуальном и (или) волевом моменте порок, обусловленный заблуждением лица о некоторых обстоятельствах [1, с. 7, 10]. По сути, автор родовым понятием для ошибки считает понятие вины, что не совсем верно. Действительно, ошибка связана с психическими процессами, протекающими в сознании лица, однако ими не является, поскольку неверное представление или заблуждение – это продукт психических процессов, протекающих в сознании лица.

Несмотря на практически единодушное понимание ошибки в уголовном праве, по-разному описывается объем тех обстоятельств, по поводу которых заблуждается лицо. Касается данное утверждение в первую очередь фактической ошибки.

Например, В. Ф. Кириченко наряду с традиционно выделяемыми фактическими ошибками в признаках состава преступления выделяет ошибки в общественной опасности деяния, говоря в том числе и об ошибках в правомерности действий при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния [4, с. 31 – 32, 80 – 90]. Сходную позицию занимает и З. Г. Алиев, но ошибки в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, выделяются наряду с юридическими и фактическими ошибками [1, с. 5 – 6]. Также В. Ф. Кириченко говорит о фактических ошибках при совершении неосторожного преступления и при невиновном причинении вреда [4, с. 74 – 80]. На наш взгляд, такое расширение понятия фактической ошибки приводит к размыванию его границ, к невозможности вычленения признаков рассматриваемого явления, поскольку в рамках одного понятия соседствуют качественно разные явления: преступление и правомерное причинение вреда.

Обратная ситуация, когда понятие фактической ошибки чрезмерно сужено, представлена в работе Т. И. Безруковой. Автор полагает, что под фактической ошибкой следует понимать только неверное представление лица о завершенности охватываемого умыслом общественно опасного деяния, при причинении вреда объекту, охраняемому другой уголовно-правовой нормой, и при отсутствии признаков неоконченного преступления [2, с. 9, 13 – 15]. Можно

сделать вывод, что автор в качестве фактической ошибки предлагает рассматривать результативное покушение (т. е. покушение в результате совершения которого либо частично наступают задуманные последствия либо, это как раз рассматриваемый нами случай, наступают последствия, не охватываемые умыслом лица). Таким образом, полностью обособить неоконченное преступление от фактической ошибки все же не удалось. Нежелание применять при наличии фактических ошибок правила квалификации покушений на преступление обосновывается Т. И. Безруковой следующим: покушение как неоконченное преступление должно обладать обязательным признаком – недоведение преступления до конца по независящим от лица обстоятельствам, тогда как фактическая ошибка как раз обстоятельство, которое от лица зависит, поскольку допускается сознанием лица [2, с. 17]. Считаем, что данное утверждение спорно. То, что ошибка образуется при протекании психических процессов в сознании лица, бесспорно, однако от самого лица не зависит. Лицо ошибаться не намерено, оно стремится достигнуть преступного результата, а не прерваться на пути к нему, иначе зачем вообще действовать? Поэтому полагаем, что заблуждения, неверные представления лица можно считать обстоятельствами недоведения преступления до конца, которые от самого лица не зависят [3, с. 69]. Но для устранения подобных вопросов в будущем необходимо внести изменения в формулировку закона и уточнить, что причины недоведения преступления до конца не просто от лица не зависят, а не зависят от воли лица. Тем более что данный признак позволяет покушение на преступление отграничивать от добровольного отказа, одним из признаков которого выступает добровольность. При покушении на преступление воля лица направлена не на прекращение посягательства, а на его продолжение.

Вызывает возражение предложение Т. И. Безруковой при наличии фактической ошибки квалифицировать деяния как оконченные преступления по направленности умысла [2, с. 9 – 10, 20 – 23], то есть задуманные последствия в полном объеме не наступают, тем не менее содеянное должно квалифицироваться как оконченное преступление. На наш взгляд, такая квалификация недопустима, поскольку осуществляется «с запасом», нельзя считать оконченным преступлением такое деяние, объективная сторона которого не соответствует в полном объеме объективной стороне состава преступления, описанного в диспозиции уголовно-правовой нормы. Предложенная квалификация противоречит предписаниям ч. 1 ст. 29, ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, что влечет за собой утрату основания уголовной ответственности. Один умысел без деяния ничего не стоит, иначе уголовно наказуемыми следует признавать и обнаружение, и формирование умысла.

Считаем целесообразным придерживаться определения фактической ошибки как неверного представления лица о существенных обстоятельствах, относящихся к числу признаков состава преступления (объекту и объективной стороне) [12, с. 68].

Общим правилом квалификации при фактической ошибке выступает квалификация по направленности умысла, то есть как покушения, поскольку у лица есть умысел на совершение деяния и наступление определенных последствий, но из-за заблуждения лица указанные последствия не наступают. В предложенной ситуации налицо все три признака покушения, выделенные нами ранее: выполнение объективной стороны преступления не в полном объеме по причинам от воли лица не зависящим и наличие умысла лица на доведение преступления до конца. Наступление последствий не в полном объеме либо тех, которые не охватывались умыслом лица, также охватывается понятием покушения (результативным покушением). Однако нельзя все деяния, совершаемые лицами вследствие фактической ошибки расценивать как покушение на преступление, поскольку в некоторых, пусть и немногочисленных случаях, заблуждение лица будет влечь иную квалификацию. Так, фактическая ошибка может: 1) изменить форму вины (например, ошибка в средствах, когда лицо использует средство, сила действия которого кажется лицу намного меньше, чем на самом деле); 2) явиться обстоятельством, исключающим уголовную ответственность лица за совершенное деяние (например, ошибка в средствах, когда лицо использует абсолютно непригодное средство, с помощью которого невозможно причинить вред: заклинания, порча и др.); 3) служить основанием исключающим квалификацию содеянного с учетом отягчающих наказание обстоятельств (например, по ошибке причиняется смерть работнику правоохранительных органов при наличии умысла на лишение жизни обычного гражданина) [12, с. 68, 71, 76].

В науке уголовного права выделяют несколько видов ошибок, наличие которых всегда влечет квалификацию совершаемого деяния как покушения: это ошибка в средствах, когда для совершения преступления лицо использует негодное средство (покушение с негодными средствами), и ошибка в объекте, когда действия виновного объективно не могут причинить вред объекту (покушение на негодный (отсутствующий) объект) [12, с. 82].

В заключение отметим, что фактическая ошибка является одним из случаев недоведения преступления до конца по не зависящим от воли лица обстоятельствам, причем наиболее редко встречающимся, если сравнивать с пресечением преступления со стороны правоохранительных органов, либо самих потерпевших. В то же время квалификация деяния при наличии фактической ошибки как покушения на преступление не является единственно возможной (хотя и будет самой распространенной). Поэтому можно констатировать, что понятия «фактическая ошибка» и «покушение на преступление», во-первых, соотносятся друг с другом как причина (неверное представление, заблуждение) и следствие (нереализация умысла виновного в полном объеме, хотя лицо и приступает к выполнению объективной стороны преступления), во-вторых, пересекаются лишь частично (существуют покушения и без фактических ошибок, как существуют и другие варианты квалификации деяний при фактических ошибках, не связанные с покушением).

Литература

1. Алиев З. Г. Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.
2. Безрукова Т. И. Фактическая ошибка: вопросы классификации и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 26 с.
3. Благов Е. В. Назначение наказания: Теория и практика. Ярославль, 2002. 176 с.
4. Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 96 с.
5. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 353 с.
6. Кочетков А. А. Фактическая ошибка и квалификация преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 19 с.
7. Рарог А. И. Субъективная сторона преступления. Гл. 5 / Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления. Издание профессора Малинина. СПб., 2005. 796 с.
8. Редин М. П. Преступления по степени их завершенности: монография. М.: Юрлитинформ, 2006. 200 с.
9. Ситникова А. И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление: монография. М.: Ось-89, 2006. 160 с.
10. Спиридонова Л. Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки при квалификации преступлений против жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 33 с.
11. Фактулина М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 21 с.
12. Черненко Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2012. 188 с.
13. Якушин В. А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. 128 с.

Информация об авторе:

Хорошилова Ольга Сергеевна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, ur010911@mail.ru.

Olga S. Khoroshilova – post-graduate student at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: *Черненко Тамара Геннадиевна* – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии КемГУ).

Academic advisor: *Tamara G. Chernenko* – Doctor of Law, Full Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

УДК 343.34

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ В СТАТЬЯХ 143, 216 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т. Г. Черненко, А. А. Наумов

CAUSALITY IN THE OFFENCES UNDER ARTICLES 143 AND 216 OF THE CRIMINAL CODE

T. G. Chernenko, A. A. Naumov

Настоящая статья посвящена анализу причинной связи в преступлениях, составы которых предусмотрены в статьях 143 (нарушение требований охраны труда) и 216 УК РФ (нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных и иных работ). Целью исследования является выявление особенностей причинной связи в указанных преступлениях. В статье освещены проблемные моменты констатации причинной связи при нарушении правил безопасности при ведении горных, строительных и иных работ. Методы исследования: логический; нормативно-аналитический; системного анализа. Настоящее исследование может быть использовано в правоприменительной и научной деятельности.

The paper focuses on analysis of causality in violations of labour protection requirements (Art. 143 of the Criminal Code) and criminal violations of safety regulations during mining, construction and other works (Art. 216 of the Criminal Code). The aim of this study is to determine the characteristics of causation in these crimes. The paper highlights the problem points ascertaining causation in violation of safety regulations during mining, construction and other works. The methods applied include logical methods, and analysis of law acts and system analysis. The study can be used in law enforcement and research.

Ключевые слова: причинная связь, бездействие, вина потерпевшего, нарушение правил охраны труда, правила техники безопасности.

Keywords: causality, inaction, guilt of victim, violation of safety rules, safety regulations.

Уголовная ответственность за определенные вредные последствия, предусмотренные уголовно-правовой нормой, возможна только при наличии причинной связи между деянием лица и наступившими последствиями. Причинная связь является неотъемлемым признаком объективной стороны преступлений с материальным составом, к числу которых относятся и составы, предусмотренные в статьях 143 («Нарушение требований охраны труда») и 216 Уголовного кодекса Российской Федерации («Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных и иных работ»). Как известно, причинная связь — это такое соотношение между явлениями, при котором одно или несколько взаимодействующих явлений (причина) порождают другое явление (следствие) [7, с. 207].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях при ведении горных, строительных и иных работ» (в редакции от 03.03.2015 г.) обращается внимание судов на то, что «при рассмотрении каждого дела о нарушении правил и норм охраны труда особое значение приобретает тщательное и всестороннее исследование причинной связи между этими нарушениями и наступившими вредными последствиями либо наличием реальной опасности наступления таких последствий, что и должно быть обосновано в приговоре» [9].

Причинная связь в составах преступлений, предусмотренных статьями 143 и 216 УК РФ, обладает общими свойствами, различаются же эти составы по другим конструктивным признакам.

В научной литературе, посвященной анализу нарушений специальных правил безопасности, выделяются отличительные признаки причинной связи в указанных составах преступлений.

Так, А. А. Великий в своем диссертационном исследовании выделяет два отличительных признака причинной связи в нарушении правил охраны труда. Одним из таких признаков, по его мнению, является то, что «последствия рассматриваемого преступления могут являться результатом ряда взаимодействующих в конкретно сложившейся обстановке условий, вызванных действиями лиц, ответственных за соблюдение правил охраны, или иных участников трудовой деятельности...» [2, с. 67].

В качестве еще одного признака А. А. Великий называет отдаленность действий виновного от общественно опасных последствий: «нарушение правил не всегда сразу непосредственно приводит к наступлению общественно опасного последствия, а вызывает его через какое-то время...» [2, с. 68].

Соглашаясь с тем, что многофакторность взаимодействующих условий и временной разрыв между нарушением правил и наступлением общественно опасных последствий определенным образом характеризуют причинную связь при нарушении правил охраны труда, отметим, что признак временного разрыва между деянием и его последствиями не всегда присущ причинной связи в составах рассматриваемых преступлений.

А. А. Евдокимов обоснованно выделяет также признак опосредованного причинения вреда: «В этом

случае, как правило, нет прямого контакта между виновным и потерпевшим, непосредственного воздействия первым на организм второго» [6, с. 68].

Этот признак означает, что деяние виновного лица не находится в прямой причинной связи с наступившими последствиями, поскольку деяние виновного лица влечет за собой нарушение в обстановке работы потерпевшего, что, в свою очередь, и приводит к причинению общественно опасных последствий.

А. А. Тер-Акопов отметил следующие особенности причинной связи при нарушении специальных правил поведения:

а) причинная связь в преступлениях, связанных с нарушением установленного порядка поведения, определяется между наступившими вредными последствиями и допущенными нарушениями правил;

б) причинная связь устанавливается между такими нарушениями правил и последствиями, которые произошли в одной и той же сфере общественных отношений;

в) лицо способно причинить общественно опасные последствия в пределах установленных правил (прав и обязанностей), поскольку оно вступает во взаимодействие с объектом только на основе этих правил, путем реализации своих обязанностей и использования предоставленных прав [10, с. 115 – 116].

На наш взгляд, особенности причинной связи, выделяемые А. А. Тер-Акоповым, применительно к составам преступлений, предусмотренных статьями 143 и 216 УК РФ, можно свести к единственной особенности — развитие причинной связи происходит исключительно в пределах, которые урегулированы правовыми и техническими нормами; причинная связь не может существовать в рамках фактических общественных отношений, не урегулированных техническими и правовыми нормами.

Таким образом, *причинная связь в нарушении требований охраны труда и нарушении правил безопасности при ведении горных, строительных и иных работ — это многофакторная объективно существующая опосредованная связь между нарушением правил охраны труда или безопасности ведения работ и общественно опасными последствиями, характеризующаяся, как правило, вмешательством внешних сил и временным разрывом между нарушением правил, и последствием, и развивающаяся в пределах, урегулированными правовыми и техническими нормами.*

Одним из проблемных вопросов, касающихся установления причинной связи в преступлениях, заключающихся в нарушении правил безопасности при ведении горных, строительных и иных работ, является вопрос о причинной связи при нарушении требований охраны труда или правил безопасности ведения работ в форме бездействия.

Проблема причинности при бездействии является одной из наиболее сложных в теории уголовного права. Наличие причинной связи между бездействием и общественно опасным последствием признается не всеми учеными. Так, например, в советский период М. Д. Шаргородский писал: «При бездействии причинная связь отсутствует вообще. И вопрос, который нужно решать в данном случае — не о том, когда без-

действие является причиной наступившего результата, а только о том, когда субъект отвечает за бездействие» [14, с. 47], «при исследовании причинной связи мы не исследуем ничего иного, кроме физических, химических ... и т. п. закономерностей объективного мира, которые в конкретном случае приведены в движении внешним движением человека» [13, с. 42].

В. Б. Малинин, также отрицая наличие причинной связи в преступлениях, совершаемых путем бездействия, отмечает: «Бездействие, причиняя вред общественным отношениям, объекту преступления, не причиняет и не может причинить материального вреда (в физическом смысле бездействие ничто)» [8, с. 214], «...причинная связь при бездействии отсутствует, а ответственность наступает за само бездействие, за неисполнение обязанности как за таковое, но не за причинение» [8, с. 219].

По мнению В. Б. Малинина, ответственность должна наступать только за бездействие вне зависимости от того, формальный ли состав или материальный.

Однако в доктрине уголовного права преобладающей обоснованно является позиция, в соответствии с которой признается наличие причинной связи между общественно опасным деянием и его последствиями в преступлениях, совершаемых путем бездействия. Так, Б. С. Волков обращал внимание на то, что «не признавая за бездействием причиняющего характера, мы тем самым лишаем себя возможности обосновать ответственность за него» [3, с. 20].

И. М. Тяжкова пишет: «Бездействие, являясь определенным фактом действительности, способным приводить к определенным последствиям, в принципе не отличается от действия, хотя и имеет свою специфику» [11, с. 80].

По мнению А. А. Евдокимова, «невыполнение обязанности действовать... находится, хоть и не в прямой, но все же в зависимости с вредом, причиняемым преступлением... При нормальной работе этой системы, выполнении всех необходимых действий... указанные последствия могут и не наступить... причинно-следственная связь между деянием и последствиями... носит опосредованный характер... Угроза в названных деяниях всегда исходит: от источника повышенной опасности, а детерминирует опасное состояние... неправильное обращение с данным объектом...» [6, с. 74 – 75].

В пользу своей позиции А. А. Евдокимов приводит аргумент, что именно такое понимание лучше всего объясняет построение соответствующих составов преступлений как материальных.

Однако приведенная выше позиция не учитывает того, что бездействие в уголовном праве подразделяется на «бездействие-причинение» и «бездействие, заключающееся в невыполнении обязанностей». Хотя в обоих видах речь идет о невыполнении определенной обязанности, однако для второго типа имеет значение только сам факт невыполнения обязанности (состав преступления формальный). Для первого типа («бездействие-причинение») требуется наступление вредных последствий, и потому имеют значение именно общественно-опасные последствия. Однако деяния, предусмотренные и статьей 143 УК РФ, и

статьей 216 УК РФ, относятся к «бездействию-причинению», поэтому для целей настоящего исследования можно принять положение о том, что «составы преступлений, которые совершаются в форме бездействия, почти все сконструированы как материальные». Именно концепция «бездействия-причинения» приводит исследователей к мысли о неравноценности действия и бездействия. Однако отметим, что в составах преступлений, предусмотренных статьями 143 и 216 УК РФ, действие тоже имеет значение лишь в связи с наступившими последствиями.

Как верно заметил А. А. Тер-Акопов, «в основе причинной связи при бездействии... лежит системное начало – изменение поведения субъекта как элемента системы отношений...» [10, с. 108 – 109].

Действительно, в рассматриваемых нами составах преступлений все элементы являются частью системы, и за ее пределами преступление становится невозможным, поскольку субъект, обстановка, средства совершения преступления и нарушаемые правила возможны только в рамках системы-организации. То есть само по себе бездействие в рассматриваемых преступлениях не влечет ответственности. Однако внутри системы бездействие имеет такое же значение, какое имеет действие. Кроме того, причинная связь в рассматриваемых преступлениях имеет опосредованный характер вне зависимости от формы деяния.

Таким образом, в рассматриваемых нами составах преступлений и действие, и бездействие юридически равны. И действие, и бездействие могут порождать предусмотренные в статьях 143 и 216 УК РФ общественно опасные последствия, находиться с ними в причинной связи.

Причинная связь может осложняться вмешательством потерпевшего.

В доктрине уголовного права высказан ряд предложений относительно учета вмешательства потерпевшего в развитие причинной связи между деянием соответствующего лица и наступившими общественно опасными последствиями.

Одна из позиций заключается в предложении ввести в УК РФ понятие обоюдной вины, которое будет охватывать ситуации умышленного или неосторожного вмешательства потерпевшего в развитие причинной связи [4, с. 17].

Думается, что в этом случае имеет место смешение категорий субъективной стороны и причинной связи, поскольку вмешательство потерпевшего в развитие причинной связи для виновного лица является объективным фактором, т. е. не зависящим от воли самого виновного лица. Следовательно, вмешательство потерпевшего в развитие причинной связи не может влиять на психическое отношение виновного лица к совершаемому им преступлению.

Высказано также предложение о внесении в Общую часть УК РФ положений о вине потерпевшего, но без изменения общих положений о субъективной стороне преступления [15, с. 41].

Вряд ли целесообразно вносить такие изменения в УК РФ, поскольку п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ указывает в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, противоправное или аморальное поведение потер-

певшего [12, с. 10], которым охватывается и виновное поведение потерпевшего.

В научной литературе имеется предложение дифференцировать психическое отношение к совершенному общественно опасному деянию на три категории:

а) полностью правомерное;

б) неправомерное (неосторожность, сочетающаяся с серьезными нарушениями упомянутых правил со стороны ответственных за их соблюдение лиц);

в) грубая неосторожность [12, с. 10].

Учет такой градации психического отношения потерпевшего к своему поведению важен при решении вопроса об ответственности лица, отвечающего за соблюдение правил охраны труда, правил безопасности. Однако изложенная позиция вводит в употребление оценочный термин «грубая неосторожность», который истолковывается неоднозначно, что может привести к совершенно различным оценкам одних и тех же типичных ситуаций нарушения специальных правил, повлекших причинение вреда.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что в связи с исследованием причинной связи между нарушениями правил и норм охраны труда и наступившими вредными последствиями «суду следует выяснять также роль потерпевшего в происшествии. Если при этом будет установлено, что несчастный случай на производстве произошел вследствие небрежности потерпевшего, суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого, а в случае признания его виновным – учитывать при назначении наказания факт небрежности, допущенной самим потерпевшим» [9].

Таким образом, Верховный суд обращает внимание нижестоящих судов на то, что при наличии опре-

деленных обстоятельств небрежность потерпевшего вполне может исключить уголовную ответственность подсудимого даже при нарушении им специальных правил. В данном случае необходимо установить, чьи именно действия стали причиной наступления общественно опасных последствий: лица, ответственного за соблюдение специальных правил и нарушившего их, или потерпевшего, допустившего небрежность.

Используя метод «от противного» можно установить наличие или отсутствие причинной связи между допущенным служебным нарушением специальных правил и наступившими последствиями. Для проверки характера связи можно использовать метод экспертной оценки, который даст ответ на вопрос: наступило бы данное общественно опасное последствие в случае, если бы субъект выполнил требуемое предписание? [1].

Если общественно опасные последствия, наступившие в результате небрежных действий потерпевшего, наступили бы независимо от соблюдения или несоблюдения специальных правил ответственным лицом, именно действия потерпевшего будут считаться причиной их наступления, а уголовная ответственность лица, нарушившего специальные правила, не наступит. Если же общественно опасные последствия не наступили бы (даже при наличии небрежности со стороны потерпевшего) при соблюдении ответственным лицом специальных правил, причиной последствий будет считаться неисполнение обязанности специальным лицом по соблюдению возложенных на него правил. Ответственное лицо в этом случае должно быть привлечено к уголовной ответственности [5], поскольку оно должно было сделать все, от него зависящее в силу служебных обязанностей, чтобы избежать причинения вреда другим лицам и в случае их неправомерного поведения.

Литература

1. Андреева Л. С. Установление причинной связи при нарушении специальных правил и бездействии // Российский следователь. 2012. № 13.
2. Великий А. А. Нарушение правил охраны труда: уголовно-правовые и криминологические аспекты (на материалах Уральского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
3. Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. М., 1965.
4. Гаджиева А. Отрицательное поведение потерпевшего и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. 2004. № 1.
5. Горбатович Д. А. Квалификация преступных нарушений правил безопасности: установление причинной связи // Уголовное право. 2015. № 2.
6. Евдокимов А. А. Нарушение специальных правил безопасности в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
7. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.
8. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс. 2000.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.1991 № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях при ведении горных, строительных и иных работ» // Справочная правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 18.09.2015).
10. Тер-Акопов А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М.: Юридическая литература, 1995.
11. Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002.
12. Шалумов М. Оценка поведения потерпевшего по делам о нарушениях правил охраны труда // Советская юстиция. 1989. № 20.
13. Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. 1956. № 7.

14. Шаргородский М. Д. Рецензия на учебник «Уголовное право. Общая часть». М., 1943 // Социалистическая законность. 1945. № 3.

15. Шевченко А. В. Уголовно-правовая ответственность за нарушение трудовых прав, правил охраны труда и безопасности производства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.

Информация об авторах:

Черненко Тамара Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии КемГУ, chernenkotg@mail.ru.

Tamara G. Chernenko – Doctor of Law, Full Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Наумов Александр Андреевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, aanaumoff@rambler.ru, uusers1022@mail.ru.

Alexander A. Naumov – post-graduate student at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – Т. Г. Черненко) (Academic advisor – T. G. Chernenko).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований. Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются по установленному графику:

- в № 1 (март) – до 1 февраля текущего года;
- в № 2 (июнь) – до 1 мая текущего года;
- в № 3 (сентябрь) – до 1 августа текущего года;
- в № 4 (декабрь) – до 1 ноября текущего года.

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи обучающихся принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала, при этом **статьи обучающихся печатаются в журнале бесплатно.**

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

¹ Форма экспертного заключения в формате *.pdf* представлена на [сайте издания](#)

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2)i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2)j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2}k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках.

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с [ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»](#). Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по [ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила»](#). Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 5.10.2015 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 16.11.2015 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 33. Уч.- изд. л. – 32,97.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 16.т